This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07855323 1

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ,

7697

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1856.

ТОМЪ III.

№ 9.

МОСКВА.
Въ типографіи Л. Степановой.
1856.

19

*GCA
MOSKVITYANIN

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770970A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Ноября 29 дня, 1856 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

Digitized by Google

ДѢЙСТВИТЕЛЬНО-ЛИ ШЕИНЪ ИЗМѢНИЛЪ

ПОДЪ СМОЛЕНСКОМЪ, ВЪ 1634 ГОДУ?

Въ политическихъ сношеніяхъ Россіи съ Польшею, городъ Смоленскъ долго былъ пунктомъ спорнымъ. Смоленскъ былъ дорогъ для Россіи, какъ древнее наслѣдіе предковъ, какъ неоспоримая, законная ея собственность и какъ твердая защита царства московскаго со стороны Литвы и Польши. Съ другой стороны, мѣстное положеніе Смоленска, стоявшаго на рубежѣ двухъ государствъ, укрѣпленнаго каменною стѣною и защищеннаго самою природою, представляло постоянную цѣль также и видамъ властолюбивой Польши, которая въ обладаніи Смоленскомъ, видѣла для себя первый шагъ къ покоренію всей Руси. Въ слѣдствіе такихъ расчетовъ, Смоленскъ — много уже разъ бывалъ въ рукахъ Ляховъ, — много разъ и возвращаемъ былъ къ владѣніямъ родной для него Россіи.

Въ эпоху нами описываемую, Смоленскъ принадлежалъ къ Польшѣ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, по вступленіи своемъ на престолъ, видѣлъ необходимость, прежде всего, заняться внутреннимъ благоустройствомъ крайне—истощенной въ смутные годы междуцарствія Россіи; а потому, вступая

PERL JAN 21 1935

Digitized by Google

въ мирныя связи съ сосѣдними державами, поспѣшилъ заключить и съ безпокойною Польшею перемиріе (Деулинское), въ силу котораго, между прочимъ, Смоленскъ остался за Поляками. Но,—еще не прошелъ срокъ перемирія (14 л. и 6 м.), какъ враждебныя отношенія между Россіею и Польшею — снова возгорѣлись,— и, — 1632 года, въ Москвѣ объявленъ былъ походъ подъ Смоленскъ.

Историки иностранные, а съ ними нѣкоторые и изъ отечественныхъ (1), полагаютъ, что поводомъ къ этому походу было желаніе Царя – воспользоваться временемъ междуцарствія въ Польшѣ по смерти Сигизмунда и отнять Смоленскъ; но, по свѣденіямъ объ этомъ предметѣ, заимствованнымъ изъ многихъ грамотъ и царскихъ наказовъ этого времени, поводомъ къ войнѣ съ Польшею прямо полагается нарушеніе со стороны этой послѣдней перемирія 1618 года (2). Какъ бы то ни было, впрочемъ, только Смоленскій походъ имѣлъ для Россіи значеніе весьма важное: нужно было окончательно заставить Владислава отречься отъ притязаній на тронъ московскій, нужно было положить конецъ притѣсненіямъ и всѣмъ неправдамъ Поляковъ въ Русскихъ предѣлахъ (3), нужно было возвратить къ Россіи Смоленскъ, владѣть которымъ Польша могла только во время срока перемирія и то впрочемъ, при точномъ исполненіи его условій, словомъ: походъ этотъ долженъ былъ рѣшить два великіе для тогдашней Россіи вопроса — о неприкосновенности московской короны и о цѣлости и безопасности владѣній Царства Московскаго. — Царь и бояре очень хорошо понимали важность предпринимаемаго похода и употребляли всѣ возможныя мѣры, чтобы средства, нужныя для достиженія цѣли, со-

(1) Жизнеописатель Кор. Влад. Квятковскій, Бергъ, составитель исторіи Смоленска, Соловьевъ и др.

(2) Цар. Нак. о походѣ подъ Смол., стр. 2 и мн. др. грам.

(3) Цар. нак. о пох. подъ См., стр. 2.... Поляки въ Путивлѣ и въ Брянску и въ Рыльску и въ Торопцѣ и на Лупаѣ и въ Вязьмѣ и проч. многіе неправды и задоры учинили....

Digitized by Google

ответствовали великости этой послѣдней. Немедленно разосланы были гонцы къ воеводамъ всѣхъ почти городовъ съ наказомъ собирать полки къ походу (1), дѣлали воззванія ко всѣмъ государственнымъ сословіямъ о добровольныхъ пожертвованіяхъ для увеличенія военной казны (2), отправлены были люди также и въ иностранныя державы для наема рати (3), наконецъ, главное начальство надъ арміею въ этомъ походѣ, поручено было боярину Шеину, воеводѣ мужественному и уже успѣвшему соединить имя свое съ исторіею знаменитаго Смоленска (4).

Полки Русскіе, въ соединеніи съ наемными иностранцами, составляли 100,000 хорошо вооруженнаго, имѣющаго 300 орудій и всѣми запасами снабженнаго, войска. Уже одно такое цвѣтущее состояніе Русскихъ полковъ, дѣлало успѣхъ похода болѣе, нежели вѣроятнымъ. — Но, судьба арміи ввѣрена была Шеину,—и потому сомнѣваться въ успѣхахъ было почти смѣшно. Смѣшно, говоримъ: потому-что, если армія была и велика и хороша, — то, чего также недоставало и Шеину—какъ военачальнику?... Требовалась ли личная храбрость полководца, которая, одна, такъ часто бываетъ способна воодушевить цѣлыя сотни тысячъ; — но, въ комъ же ея было больше и кто обнаружилъ ее больше, какъ не Шеинъ? — Нужна ли была опытность, вѣрное и отчетливое знаніе мѣстнаго положенія Смоленска и его окрестностей?... Шеинъ долго былъ начальникомъ этого города, и, во время незабвенной защиты Смоленска при Сигизмундѣ,—пріобрѣлъ всѣ свѣденія, въ настоящемъ случаѣ столько необходимыя, и, такъ мало, чтобы не сказать болѣе, другимъ боярамъ

(1) Цар. нак. о пох. подъ См., стр. 3 и 4.

(2) Акт. Археогр., N 242.

(3) Цар. нак., стр. 4. Въ Русской войнѣ, кромѣ Французовъ и Нѣмцевъ, были Англичане, Волохи, Сербы, Греки и Татары.

(4) Воеводами назначены были сперва Д. М. Черкасскій и Б. М. Лыковъ; уже послѣ отказа ихъ, назн. былъ Шеинъ. Изъ этого однако-жъ можно заключить, что Царь считалъ *кого-нибудь* выше и заслуженнѣе Ш. Уважая лѣта, прежнія доблести и труды *долговременнаго плѣна*, Царь, вѣрно думалъ сперва оставить его на этотъ разъ въ покоѣ.

Digitized by Google

знакомыя. Царь видѣлъ все это, высоко цѣнилъ личныя достоинства Шеина, и, главное начальство его надъ войскомъ въ этомъ походѣ считалъ столько необходимымъ, что, несмотря на всю рѣзкость и оскорбительность тона, съ какимъ воевода велъ послѣднюю свою съ нимъ бесѣду *на отпускѣ* (1), удержалъ гнѣвъ свой, скрылъ негодованіе и напутствовалъ его изъявленіями однихъ лишь милостей своихъ и благожеланій.

Но, надежды Царя и Россіи—не сбылись! Походъ, слѣдствія котораго долженствовали быть такъ важны для царства московскаго, и въ успѣхѣ котораго никто и не думалъ сомнѣваться, — кончился самымъ печальнымъ и вмѣстѣ самымъ постыднымъ для Русскихъ образомъ:—Шеинъ не взялъ Смоленска, погубилъ множество людей, и 1634 года, явился въ Москву съ ничтожнымъ остаткомъ изнуреннаго, обезоруженнаго и опозореннаго войска (2)!... Чѣмъ объяснить такую внезапную, и, смотря по превосходнымъ приготовленіямъ къ походу, — невѣроятную неудачу?... Мнѣніе современниковъ о талантахъ Шеина, какъ военачальника, было слишкомъ высоко и твердо, чтобы производить эту неудачу отъ неискусства воеводы, и слава доблестнаго защитника Смоленска при Сигизмундѣ,—омрачена поноснымъ титломъ измѣнника!... Въ лѣтописяхъ нашихъ, прямо говорится, что Шеинъ и Измайловъ умысленно измѣнили царю подъ Смоленскомъ, за что по возвращеніи въ Москву и были казнены (3). Несмотря однако жъ на это, несмотря и на свидѣтельство современника этихъ происшествій, Олеарія (4), который, также подозрѣваетъ воеводу въ измѣнѣ, и который, по безпристрастію сторонняго человѣка, можетъ имѣть нѣкоторое право на вѣроятіе, — дѣло о Шеинѣ до сихъ поръ остается еще нерѣ-

(1) Отр. изъ раз. дѣла о Шеинѣ; Акт. Арх., т. III, с. 385.

(2) Изъ догов. Ш. съ Пол., гдѣ перечислено по частямъ все войско, видно что съ Ш. отпр. изъ-подъ См. 8311 ч.; впрочемъ итогъ въ догов. подведенъ невѣрно (8056 ч.).

(3) См лѣтоп. о моск. мятежахъ стр. 345.

(4) См. Рус. Ист. Левека на фран. яз., изд. 1800 г., т. III, с. 123.

Digitized by Google

шеннымъ. Историки позднѣйшіе въ сужденіяхъ своихъ объ этомъ предметѣ не говорятъ ничего опредѣленнаго. Не отвергая вполнѣ подозрѣній современниковъ, они, въ тоже время, и не стараются совершенно оправдать Шеина,—а, ссылаясь на недостатокъ историческихъ матеріаловъ, предоставляютъ одному времени явить это дѣло въ болѣе ясномъ и болѣе опредѣленномъ свѣтѣ.—Но, кажется, пора уже почтить память несчастнаго героя болѣе справедливымъ и болѣе рѣшительнымъ судомъ. Исторія этой войны съ Польшею дѣйствительно во многихъ мѣстахъ темна и неопредѣленна; но для того, чтобы рѣшить вопросъ о намѣреніяхъ Шеина подъ Смоленскомъ, достаточно и дошедшихъ до насъ историческихъ матеріаловъ. У насъ есть отрывокъ изъ Розыскнаго дѣла о Шеинѣ, въ которомъ собраны всѣ обвинительные пункты; и изъ него-то, при помощи другихъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ источниковъ, можно нетолько оправдать Шеина отъ упрековъ въ гнусной измѣнѣ, но еще и открыть тѣ причины и обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ Шеинъ былъ обвиненъ и казненъ какъ измѣнникъ.

Мы разсмотримъ сперва слѣдственное дѣло о Шеинѣ по частямъ и повѣримъ справедливость каждаго обвинительнаго пункта историческими дѣями.

А). Въ смертномъ приговорѣ, читанномъ Шеину предъ совершеніемъ казни, говорится, что онъ и Артемій Измайловъ начали измѣну свою тотчасъ по выступленіи изъ Москвы. «А какъ вы Михайло и Артемій пошли съ Москвы въ Можайскъ, стояли въ Можайску долгое время. И къ тебѣ Михайло и Артемій писано.... чтобъ изъ Можайска шли въ Вязьму немѣшкая, и вы Михайло и Артемій изстоявъ въ Можайску долгое время и спустя лутчую пору, какъ были вѣдренные дни и изморя и изтомя ратныхъ людей и дождався ненастныхъ дней и грязей пошли изъ Можайска къ Вязьмѣ на великую силу, съ большимъ ослушаніемъ, и до Вязьмы жъ мѣшкательно жъ гораздо, а въ Вязьму пришедъ потомужъ стояли и не шли къ Дорогобужу долгое время и мѣшкали невѣдомо зачѣмъ, а Государева и патріаршаго указу

Digitized by Google

не слушали.... И какъ Божіею милостію и Государскимъ счастіемъ передовые люди Дорогобужъ взяли, и вы Михайло и Артемій и послѣ того Дорогобужскаго взятія къ Смоленску не шли долгое-жъ время, и стояли въ Дорогобужѣ въ одномъ мѣстѣ 9 недѣль, а подъ Смоленскъ непошли; а въ тѣ поры были въ Смоленску и сидѣли самые малые люди и крѣпостьми никакими неукрѣпилися ничѣмъ.... и о походѣ подъ Смоленскъ, писано вамъ съ великимъ запрещеніемъ и съ клятвою.... и вы, Михайло и Артемій, изъ Дорогобужа пошли подъ Смоленскъ по великой неволѣ, испустя лутчее время и промыслъ, и тѣмъ своимъ мѣшкотнымъ походомъ Государевыхъ ратныхъ людей идучи дорогою и до Смоленска еще всѣхъ поморили» (1). И такъ, Шеину, во-первыхъ, вмѣняется въ вину намѣренная медленность въ походѣ подъ Смоленскъ съ тою будто цѣлію, дабы дать время Смоленскому гарнизону извѣститься о движеніи на него сильной рати изъ Москвы и приготовиться къ крѣпкой оборонѣ. — Но, вѣрно ли это обвиненіе въ самомъ дѣлѣ? Что Шеинъ медлилъ походомъ подъ Смоленскимъ, и что войско его долгое время простояло въ Можайскѣ и другихъ мѣстахъ собственно по приказанію Шеина,—это дѣйствительно справедливо. Только, цѣль медленности была совсѣмъ не та, какая навязывается ему въ приведенномъ нами обвинительномъ пунктѣ. — Шеинъ, какъ извѣстно, выступилъ изъ Москвы не со всѣми силами военными, какимъ предписано было участвовать въ походѣ: съ нимъ было войска можетъ быть неболѣе, какъ одна третья часть той великой арміи, которая должна была впослѣдствіи съ нимъ соединиться, т.-е. съ нимъ вѣроятно были только полки самыхъ ближайшихъ къ Москвѣ городовъ. Полки же остальные должны были выступать съ разныхъ сторонъ, собираться изъ городовъ—большею частію отдаленныхъ (2), и, слѣд., съ какою бы поспѣшностію полки ни выступали изъ своихъ городовъ, сборъ ихъ въ Можайскѣ никакимъ

(1) Акт. Арх., т. III; Отр. изъ Раз. дѣла о Ш.
(2) Цар. наказ. о пох. подъ См., стр. 3 и 4.

Digitized by Google

образомъ не могъ быть одновременъ. Если теперь возьмемъ во вниманіе письменный царскій наказъ Шеину — двинуться подъ Смоленскъ изъ Можайска неиначе, какъ всѣми силами (1), если вспомнимъ также и то, что царскіе наказы нѣкоторымъ воеводамъ о сборѣ полковъ къ походу (какъ напр. воеводамъ Ржевскимъ), были посланы уже по выступленіи Шеина изъ Москвы, — то, кажется, нетрудно понять, отъ чьихъ болѣе распоряженій произошла медленность въ началѣ похода, отъ *Шеиновыхъ-ли*, которыя въ точности основывались на царскомъ наказѣ, или отъ распоряженій московскаго правительства, которое предписавъ Шеину ожидать всѣхъ полковъ въ Можайскѣ, само, между тѣмъ, не торопилось заблаговременно извѣстить воеводъ о походѣ. Ожидая, такимъ образомъ, по наказу царскому, полнаго сбора войскъ въ Можайскѣ, Шеинъ по неволѣ, долженъ былъ *лутчую пору, какъ были вѣдренные дни* — провести въ бездѣйствіи. — Собрались полки, — нужно было сдѣлать имъ (по наказу) *роспись*, нужно было подробнѣе вникнуть въ состояніе и разныя потребности арміи, и, въ этихъ-то военныхъ распоряженіяхъ, долженствовавшихъ быть также многосложными и многоразличными, какъ многосоженъ и многоразличенъ былъ составъ самой арміи (2), Шеинъ — незамѣтно встрѣтилъ осень, отъ трудностей и невыгодъ которой, а равно какъ и отъ старанія, по волѣ царской, *уберечь людей* (3), собственно и зависѣлъ мѣшкотный походъ къ Вязьмѣ. Что же касается до остановки въ Вязьмѣ, о которой въ приговорѣ сказано, что *мѣшкали здѣсь невѣдомо зачѣмъ*, — то она очень просто объясняется изъ военныхъ плановъ Шеина. Ему былъ наказъ — изъ Вязьмы идти къ Дорогобужу и взять его; въ случаѣ же неудачи, оставить здѣсь добрый отрядъ, а остальнымъ стремиться къ Смоленску (4). Шеинъ съ успѣхомъ выполнилъ этотъ наказъ — только по своему. Онъ зналъ, что Дорого-

(1) Ibidem, стр. 5.
(2) О составѣ арміи, см. цар. нак., стр. 4, также обз. Цар. Мих. Ѳед.; *Соловьева*.
(3) Цар. нак., стр. 8.
(4) Ibidem, стр. 7.

Digitized by Google

бужъ не стбитъ всѣхъ силъ его арміи, зналъ, что, двинувшись со всѣмъ войскомъ, онъ, хотя и *безъ особеннаго труда возметъ* его, но армія все-таки *изнурится* — какъ скорымъ походомъ, такъ равно и *дѣломъ военнымъ*, какъ оно ни было маловажно. И такъ, онъ послалъ къ Дорогобужу легкій передовой отрядъ для занятія этого города, а самъ, съ остальными полками, двинулся маршемъ медленнымъ, нисколько неутомительнымъ для войска. Расчетъ его былъ вѣренъ: *передовые люди* дѣйствительно взяли Дорогобужъ и безъ его содѣйствія (1). Теперь—вопросъ: зачѣмъ Шеинъ *и послѣ того Дорогобужскаго взятія* не пошелъ подъ Смоленскъ, а простоялъ подъ Дорогобужемъ 9 недѣль? Не справедливо-ли, въ этомъ случаѣ, то обвиненіе, что Шеинъ своимъ *мѣшкательствомъ* подъ Дорогобужемъ *испустилъ лутчее время и промыслъ*? Нѣтъ;—въ долгой медленности подъ Дорогобужемъ, онъ обнаружилъ ту же черту своего характера, какую явилъ и въ *измѣненіи* царскихъ распоряженій о взятіи этого города. Онъ, какъ видно, немного надѣялся на теоретическіе военные планы, присылаемые ему изъ Москвы, и, болѣе уважая свою практику, составлялъ планы военныхъ дѣйствій по своему собственному усмотрѣнію. По этому-то собственному *усмотрѣнію*, разумности котораго, впрочемъ, и самъ Царь весьма часто, въ наказахъ своихъ, поручаетъ полновластное распоряженіе ходомъ дѣлъ военныхъ (2), Шеинъ составилъ планъ, въ силу котораго,—должно было первоначально очистить отъ шаекъ Поляковъ всѣ окрестные города, а уже послѣ этого, сосредоточить силы арміи своей къ Смоленску. Такъ дѣйствительно и было. Въ то время, какъ лагерь Шеина стоялъ 9 недѣль подъ Дорогобужемъ, отдѣльные отряды его арміи завоевали Бѣлую, Ревель, Рославль, Серпѣйскъ, Новгородъ Сѣверскій, Гочекъ, Трубчевскъ, Себежъ и др. города (3). Какое же здѣсь *мѣшкательство*, какая это

(1) Двор. зан. т. I, стр. 29.

(2) Подъ Смол., Шеину велѣно распор.: «какъ его Богъ вразумитъ и смотря по тамошнему дѣлу». Цар. нак., стр. 8; Ак. Ар., N 229.

(3) См. Повс. Дворц. вр. Госуд. цар. и Велик. Кн. Михаила Ѳед. и Алексія Михайловича; записки при моск. универ. 1769 г. т. I, 29, 30, 31, 32, 35.

Digitized by Google

трата *лутчаго времени и промысла?*... Въ обвиненіи говорится, что Шеинъ долговременнымъ пребываніемъ своимъ подъ Дорогобужемъ далъ время Смоленску узнать объ угрожающей ему опасности и запастись какъ людьми, такъ и укрѣпленіями. Но, противъ этого должно замѣтить, что 1) Поляки никакъ не могли не знать и прежде появленія Русскихъ подъ Дорогобужемъ объ ихъ походѣ на Смоленскъ; съ другой стороны, если бы они и въ самомъ дѣлѣ воспользовались пребываніемъ Шеина подъ Дорогобужемъ для приготовленія Смоленска въ оборонительное положеніе,—то, все-таки, Шеинъ, выгнавъ Поляковъ изъ окрестныхъ смоленскихъ областей, имѣя на своей сторонѣ расположенность жителей ихъ, и, слѣд., всѣ ихъ услуги, не боялся уже ни бодрствующихъ защитниковъ города, ни сильной помощи, которую велъ имъ король. И въ этомъ случаѣ, планъ Шеина былъ разуменъ и расчетъ его истинно вѣренъ. Почему онъ неудался? это вопросъ другой, на который мы отвѣтимъ въ свое время.

Б) Второе обвиненіе Шеину состоитъ въ томъ, будто онъ пропустилъ помощь къ Смоленскому гарнизону. «Дорогъ отъ приходу съ Литовскіе стороны, читаемъ въ приговорѣ, откуды было чаять въ городъ приходныхъ людей — не заступили, и Литовскіе люди, видя къ Смоленску путь свободенъ, — проходили и при васъ въ городъ въ осаду съ пушечными и съ иными запасы..., и тѣмъ своимъ приходомъ городскихъ осадныхъ сидѣльцевъ впередъ обнадежили; а вы, Михайло съ товарищы, надъ тѣми проходцы надъ Литовскими людьми промыслу никотораго неучинили и ихъ въ городъ пропустили безъ бою» (1). Въ этомъ пунктѣ, кромѣ той мысли, что въ Смоленекъ дѣйствительно прорвалось нѣсколько войска польскаго, — нѣтъ ни одного слова вѣрнаго, не только по отношенію къ обвиняемому въ измѣнѣ Шеину, но даже относительно исторической вѣрности самыхъ событій. Говорится: *дорогъ съ Литовскіе стороны.... не заступили*....

(1) Акт. Археогр. т. III, стр. 395.

Digitized by Google

Обвиненіе ложное; потому-что, какъ отечественныя свѣденія наши объ этой войнѣ съ Поляками (1), такъ и историческіе матеріалы писателей иностранныхъ объ этомъ предметѣ (2), совершенно согласно утверждаютъ, что всѣ пути къ крѣпости были совершенно заняты Россіянами, что все пространство кругомъ города обведено было циркумваллаціонною линіею и цѣпью часовыхъ, и что король не могъ имѣть никакого сношенія съ осажденными. Что же касается до того, какимъ образомъ осадные сидѣльцы, при такой выгодной позиціи Русскихъ, были обнадёжены, и какъ Литовскіе люди прошли въ городъ, — то, первое было дѣломъ необыкновенной хитрости одного изъ польскихъ воиновъ, успѣвшаго подъ видомъ кустарника избѣгнуть вниманія Русскихъ часовыхъ (3), а второе совершенно зависѣло отъ искусной военной тактики Короля Владислава. Подать помощь Смоленскому гарнизону совершенно невозможно было иначе, какъ только, отвлекши вниманіе осаждающихъ отъ осажденнаго города. Владиславъ дѣйствительно такъ и поступилъ: онъ велѣлъ полковнику Розенову стѣснить Шеина, стоявшаго на лѣвомъ берегу Днѣпра, послалъ Казановскаго напасть на Князя Прозоровскаго, укрѣпившагося на противоположной сторонѣ города, а самъ, съ значительными силами, двинулся къ стану Матиссона, занимавшаго проходъ къ Смоленскому мосту съ правой стороны Днѣпра. Въ это же время, по приказанію короля, Воеводскій сдѣлалъ изъ города вылазку, устремился на редуты стана Матиссонова, овладѣлъ ими, успѣхомъ этимъ повлёкъ за собою прочія королевскія войска и, такимъ образомъ, поставилъ Матиссона между двухъ огней. Матиссонъ, — защищаясь съ необыкновеннымъ мужествомъ, продлилъ сраженіе до поздней ночи. Но, этого только и нужно было Владиславу: продолжая сраженіе, онъ незамѣтно продолжалъ отдалять Русскихъ отъ

(1) См. Двор. зап., т. I, стр. 41.

(2) См. Journal des sciences militaires, т. III. Пол. лѣтоп. составл. самовидц. также, жизнеописаніе кор. Владислава IV сост. г. Кватковскимъ.

(3) Свѣден. изъ иностр. мат., привед. у Берха, стр. 192.

Digitized by Google

главнаго городскаго моста, а наступившая ночь дала между тѣмъ полковнику Денгофу возможность пройдти мимо редутовъ, переправиться черезъ ручей, и, достигнувъ моста, присоединить отрядъ свой къ гарнизону Смоленскому (1). Впрочемъ, помощь, поданная Королемъ Смоленску, была такъ ничтожна, что едва ли покрывала потерю воиновъ, понесенную Поляками при исполненіи этихъ искусныхъ маневръ: Воеводскій потерялъ на вылазкѣ 300 человѣкъ (2); запальчивость Казановскаго, при нападеніи на князя Прозоровскаго, лишила его 300 рейторовъ и многихъ офицеровъ (3); въ дѣлѣ же съ Матиссономъ, по признанію самихъ Поляковъ, потерпѣла уронъ и кавалерія, но всего болѣе — пѣхота (4). Если же такъ, то, — гдѣ основаніе для того обвиненія, будто Шеинъ съ товарищы «надъ Литовскими проходцы никотораго промыслу не учинили и ихъ въ городъ пропустили безъ бою»? Шеинъ и сподвижники его, мы видѣли, употребили все отъ нихъ зависящее для пресѣченія всякаго сношенія съ осажденнымъ городомъ. Если же Поляки перехитрили ихъ,— то ужели неудача эта должна быть уже приписана измѣнѣ?...

В) Въ приговорѣ, читаемъ далѣе то обвиненіе Шеину, что онъ не воспользовался для успѣха своей арміи присланными изъ Москвы по просьбѣ его пушками. «А писалъ ты, что безъ большаго пушечнаго наряду промыслу учинити не мочно.... прислали.... а подъ Смоленскомъ, потомужъ, ни котораго промыслу неучинили» (5). Что большой пушечный нарядъ подъ Смоленскомъ дѣйствительно былъ необходимъ,— этому можно и должно повѣрить. Смоленскія стѣны были высоки и широки (вышиною въ 45 фут. и шир. въ 18) и вообще, городскія укрѣпленія были такъ тверды, что по словамъ самихъ польскихъ историковъ, они одни только и поддерживали Смоленскій польскій гарнизонъ, по своей ма-

(1) Свѣд. изъ Ин. мат., у Берга, стр. 192, 193 и 194.
(2) Ibidem, стр. 193.
(3) Ibidem, стр. 194.
(4) Ibidem.
(5) Акт. Арх., т. III, стр. 385.

Digitized by Google

лочисленности (2,400 ч.), по изнуренію безпрерывными трудами и по недостатку пищи, готовый уже сдаться Шеину (1). Но, разсудительно ли ставить этому послѣднему въ вину то, что, присланное ему пособіе пушками, не помогло успѣхамъ осаждающихъ?... Не говоримъ уже объ томъ, что тогдашнія пушки Русскія, по общему свидѣтельству историковъ, были весьма плохи. Но, должно замѣтить еще, что и самыя отличныя пушки не много принесутъ пользы, если на сторонѣ сражающихся не будетъ искусства и выгодныхъ обстоятельствъ. Въ арміи же Шеина, искусства и всегда было не много, особенно въ Русскихъ полкахъ, а мѣстныя выгоды, вслѣдствіе многихъ причинъ, большею частію даже не отъ него зависящихъ, въ скоромъ времени послѣ оказаннаго Поляками пособія Смоленскому, были на сторонѣ арміи Владислава. Пока Шеинъ, съ своими военачальниками, занимали подъ Смоленскомъ выгодныя позиціи, — пушки ихъ, какъ извѣстно, и безъ пособія изъ Москвы, дѣлали свое дѣло, губили непріятелей и даже проломили въ одномъ мѣстѣ толстую стѣну городскую (2). Какъ главнокомандующій, такъ и начальники другихъ отрядовъ Русской арміи твердо стояли на своихъ постахъ, мужественно выдерживали стремительные натиски враговъ, нерѣдко были сдвигаемы, но, дорого продавали каждый шагъ отступленія (3), снова укрѣплялись на потерянныхъ пунктахъ, и, поддерживая сообщеніе между своими отрядами, разрушали всѣ намѣренія короля, съ уономъ отбивали всѣ его нападенія (4). Когда же Казановскому, посланному противъ Шеина, послѣ многихъ неудачъ, удалось занять пунктъ съ задней стороны города, когда, такимъобразомъ, между Шеиномъ и лагеремъ Прозоровскаго пресѣчено было всякое сообщеніе (5), когда, наконецъ, и храбрый

(1) Свѣдѣн. изъ иност. мат. собр. у Берга, стр. 192.
(2) «Непріятель успѣлъ сдѣлать въ стѣнѣ брешь»... Слова Пол. историка; см. у Берга, стр. 192.
(3) Ibidem, стр. 195 и 196.
(4) Ин. мат. у Берга, стр. 195 и сл.
(5) Ibidem, стр. 195.

Digitized by Google

Матиссонъ съ двухъ сторонъ атакованъ былъ королевскими войсками, словомъ, когда положеніе русскихъ было крайне стѣснительно,—тогда и вдвое сильнѣйшій пушечный нарядъ не доставилъ бы имъ доброй помощи. Пушки, въ подобныхъ случаяхъ, скорѣе замедляютъ и удаляютъ, нежели ускоряютъ безопасную ретираду, и ихъ, обыкновенно, въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, военачальники стараются бросать, какъ лишнюю и даже опасную тяжесть. Такъ дѣйствительно и поступили Матиссонъ и Прозоровскій: предвидя неизбѣжную гибель своихъ отрядовъ, они бросили свои посты и лишнія пушки, и поспѣшно удалились для соединенія съ Шеиномъ (1). И такъ, Шеинъ и сотоварищи его, пользовались пушками какъ слѣдуетъ, даже съ успѣхомъ, пока могли. Что же касается до присланнаго изъ Москвы пушечнаго наряда, — то, составители приговора Шеину — бояре, слишкомъ недальновидны были, когда, посылая подъ Смоленскъ этотъ нарядъ, на немъ исключительно основывали свои надежды на успѣхъ, и показали себя слишкомъ неопытными, когда стали упрекать Шеина, что онъ потерпѣлъ неудачу, несмотря даже на присланный ему пушечный нарядъ.

Г) Какъ знакъ измѣны—обвинители Шеина выставляютъ еще на видъ неудачный приступъ (Шеина) его къ Смоленску, и, будто бы, намѣренное погубленіе людей. «И вы.... приступили къ городу не во время, въ дневную пору, и промыслъ свой осаднымъ сидѣльцемъ явно объявили, и надъ городомъ никакого промыслу непоказали.... Еще на тѣхъ же приступахъ... тыжъ Михайло своимъ воровствомъ и измѣною велѣлъ по государевыхъ людей стрѣлять изъ наряду и побили многихъ людей; а которые Государевы жъ ратные люди, головы и дворяне, честные иноземцы, нѣмецкіе полковники и вымышленники.... тебѣ отъ промыслу говаривали, и ты ихъ въ томъ неслушалъ и гордостію своею и упрямствомъ самъ Государевымъ дѣломъ не промышлялъ и лю-

(1) См. Цар. Мих. Фед. Берга, стр. 196 и 198.

Digitized by Google

демъ промышлять недавалъ (1). Изъ всѣхъ обвинительныхъ пунктовъ «Приговора», сейчасъ приведенный нами есть, можно сказать, единственный пунктъ, который имѣетъ, въ основаніи своемъ, дѣйствительное событіе. Дѣйствительно, Шеинъ сдѣлалъ приступъ къ Смоленску днемъ; дѣйствительно, приступъ кончился большимъ, для арміи русской, урономъ; есть вѣрныя свѣденія также и о томъ, что много русскихъ побито изъ русскихъ же орудій. При всемъ томъ, однако же, причины этихъ несчастныхъ произшествій никакъ нельзя приписывать измѣнническимъ цѣлямъ воеводы. Характеръ Шеина и свѣденія объ обстоятельствахъ, среди которыхъ онъ былъ тогда поставленъ, объясняютъ дѣло довольно удовлетворительно. Шеинъ былъ храбръ, мужественъ; какъ въ намѣреніяхъ, такъ и въ дѣлахъ—твердъ, пылокъ, стремителенъ: это онъ доказалъ уже не разъ во время своей государственной дѣятельности. Но, въ тоже время, неоднократно онъ обнаруживалъ также и другую, несовсѣмъ похвальную черту въ своемъ характерѣ—необыкновенную гордость и упрямство. Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно вспомнить прощаніе его съ царемъ (2) предъ походомъ, и, самовольныя, противныя царскимъ наказамъ, военныя распоряженія подъ Дорогобужемъ (3).

Водимый мужествомъ и отвагою,—онъ, какъ только прибылъ подъ Смоленскъ, рѣшился тотчасъ и приступить къ нему. Но, такъ какъ съ нимъ были и другіе военачальники и русскіе и иностранные, и, такъ какъ дѣло было общее, то оно и не могло быть рѣшено безъ общаго совѣщанія. Собрался совѣтъ; но, военачальники неодобрили намѣренія главнокомандующаго, представляя ему, что не слѣдуетъ рѣшаться на приступъ, неподумавши предварительно объ отвращеніи соединенныхъ съ нимъ опасностей. Гордому Шеину

(1) Акт. Арх., т. III, отр. изъ раз. дѣла о Шеинѣ.

(2) Акт. Арх., стр. 385.

(3) См. Цар. нак., стр. 8; слич. Двор. зап., т. I, стр. 29.

Digitized by Google

слишкомъ больно было покориться чужой разсудительности; съ другой стороны, успѣхъ многихъ предшествовавшихъ побѣдъ далеко увлекъ и сильно воспламенилъ его: онъ презрѣлъ совѣты иностранцевъ и повелъ на приступъ однихъ русскихъ. Вѣрность послѣдняго предположенія, т.-е., что иностранные войска не участвовали въ этомъ дѣлѣ, оправдывается именно тѣмъ обстоятельствомъ, что на приступѣ, вмѣсто враговъ, стрѣляли въ своихъ. Русскіе солдаты, какъ видно, лучше дѣйствовали въ то время мелкимъ оружіемъ,—и артиллерія, по свидѣтельству историковъ, была иностранная, или русская, только въ рукахъ иностранцевъ (1). А потому, когда Шеинъ разсорясь съ иностранными военачальниками (2), ввѣрилъ артиллерію русскимъ солдатамъ, то, естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что голландскія пушки въ рукахъ неискусныхъ, надѣлали много вреда нестолько Смоленску и его гарнизону, сколько войску Шеина (3). Какъ ни много, впрочемъ, виноватъ Шеинъ въ потерѣ, понесенной русскими на этомъ приступѣ, — однакожъ, онъ былъ слишкомъ далекъ даже отъ мысли — измѣнить царю своему. Забота о пользахъ и славѣ отечества, за которое онъ пролилъ уже не одну каплю крови своей, съ другой стороны, быть можетъ также воспоминаніе при видѣ стѣнъ Смоленска, его собственныхъ протекшихъ бѣдъ, воспламенили его. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ сразиться; между тѣмъ, холодное неодобреніе, а можетъ быть и оскорбительныя выходки другихъ военачальниковъ противъ предложенія его— сдѣлать немедленно приступъ, сильно затронули его природную гордость. Презирая опасности, равно какъ и толковавшихъ ему объ нихъ, онъ — наперекоръ всѣмъ, хотѣлъ сдѣлать блистательный штурмъ; но, — неискусство артиллеристовъ русскихъ, сообщило дѣлу самый гибельный исходъ, и навлекло на воеводу обвиненіе въ измѣнѣ. Впро-

(1) Свѣден. изъ иностр. мат. у Берга, стр. 192 и 199.
(2) Ист. мят. о взятіи Смол., составл. самов., 200.
(3) См. Допол. къ дѣяніямъ Петра В. (Голикова); свѣд. заимствован. изъ одной русской лѣтописи.

Digitized by Google

чемъ, и между современниками, не всѣ приписывали неудачу эту—измѣнѣ Шеина. Въ одной русской лѣтописи, сказано: «глаголютъ же о семъ, яко измѣною сице сотворилъ воевода и велѣлъ по своимъ стрѣлять; а иніи говорятъ, что съ торопливости то воевода учинилъ, неосмотря своихъ» (1).

Д) Обвинители Шеина, между другими упреками ему, указываютъ на то, что воевода подъ Смоленскомъ не посылалъ отрядовъ своихъ на Поляковъ, оставляя окрестности Пол. Королю. «И ратныхъ людей всѣхъ отъ бою и отъ промыслу отводили великою неволею и пристрастіемъ и въ войну въ Литовскіе порубежные мѣста для промыслу и языковъ и для своихъ и конскихъ кормовъ никого государевыхъ ратныхъ людей непосылали.... хотя добра во всемъ Лит. королю и Лит. порубежные мѣста проча королю—учинили цѣлы (2). Но, одного поверхностнаго взгляда на исторію Смоленскаго похода достаточно, чтобы признать это обвиненіе или слѣдствіемъ совершеннаго незнанія дѣла, или плодомъ черной, не знающей границъ злобы и гнусной, безстыдной клеветы. Измѣна Шеина представлена здѣсь въ такихъ невѣроятно огромныхъ размѣрахъ, въ какихъ она никакъ не могла обнаружиться, даже и при дѣйствительныхъ намѣреніяхъ Шеина измѣнить. «Ратныхъ людей всѣхъ, говорится въ приговорѣ, отъ бою и отъ промыслу отводили великою неволею и пристрастіемъ». Словъ этихъ нельзя, кажется, объяснять и понимать въ другомъ какомъ-нибудь смыслѣ, кромѣ буквальнаго. Но, кто же согласится повѣрить, чтобы какое-нибудь войско устремлялось когда-нибудь на бой безъ приказаній и предварительныхъ распоряженій главнокомандующаго; съ другой стороны, кто повѣритъ, чтобы Шеинъ, *предпринявъ* пагубныя для Россіи *цѣли*, рѣшился такъ явно и дерзко ихъ обнаруживать; наконецъ, кто повѣритъ, чтобы русской народъ, проникнувъ въ намѣренія воеводы (а непроникнуть онъ не могъ, при такомъ открытомъ его поведеніи), съ обыч-

(1) См. Дополн. къ двян. Петра Великаго (Голикова), стр. 467.
(2) Акт. Арх., т. III. Отр. изъ раз. дѣла о Шеинѣ, стр. 386.

Digitized by Google

ною своею покорностію сносилъ звѣрское съ нимъ обхожденіе Шеина?... Далѣе читаемъ: «и въ войну, въ Литовскіе порубежные мѣста для промыслу и проч. никого государевыхъ ратныхъ людей не посылали».... Напротивъ;—если что, то окрестныя города, Смоленскія порубежныя мѣста, въ этомъ походѣ прежде всего обратили на себя вниманіе воеводы. Составляя планъ дѣйствій похода, Шеинъ, вопреки даже Царскимъ наказамъ, поставилъ ихъ на первомъ мѣстѣ, прежде самаго Смоленска, и,—мы уже имѣли случай удостовѣриться, что, прежде прибытія подъ Смоленскъ, русскіе отряды дѣйствительно завоевали и очистили отъ Поляковъ болѣе 20-ти окрестныхъ городовъ (1). Обвинители Шеина были на столько наглы и вмѣстѣ до такой степени необдуманны, что, недовольствуясь представленіемъ мнимой измѣны Шеина въ общихъ чертахъ и словахъ, они рѣшились пуститься въ изъясненіе самыхъ подробныхъ доказательствъ его злонамѣренности. Такъ, упрекая воеводу въ намѣренномъ пренебреженіи порубежными окрестными мѣстами Смоленска, съ цѣлію будто-бы сохранить ихъ въ цѣлости для Короля, они говорили: «Литовскіе люди стояли въ селѣ въ Красномъ.... и ты Михайло къ рубежу и въ село въ Красное для промыслу на тѣхъ Литовскихъ людей никого не посылалъ, и надъ ними не промышлялъ, и давалъ имъ сбираться съ людьми и запасы» (2). Между тѣмъ, мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что собственно при этомъ селѣ у Русскихъ съ Поляками было нѣсколько жаркихъ стычекъ, что въ Москвѣ изъ донесенія Шеина знали о двухъ побѣдахъ Русскихъ отрядовъ надъ Литовцами подъ Краснымъ сперва весной (3), а потомъ лѣтомъ 1633 г. (4) и что царь былъ такъ доволенъ этими первыми успѣхами Русской арміи, что послалъ всѣмъ начальникамъ ея золотыя монеты съ милостивымъ спросомъ о здо-

(1) См. Дворц. зап., т. I, 29. 30. 31. 32. 35.

(2) Отр. изъ раз. Д. о Ш; Акт. Арх., т. III., стр. 387.

(3) Поносдн. Дворц. зап., т. I, 48.

(4) Ibidem, стр. 52.

Digitized by Google

ровъ (1). Судьи Шеина, какъ видно изъ приговора, старались доказать ложность донесеній его о происходившемъ въ арміи: «а что вашимъ небреженіемъ въ Государствѣ дѣлъ упадокъ какой учинится, говорили они, и вы къ Государю о томъ не писывали; а про что и писывали и то коротко и не правдою» (2). Но, не говоря уже объ успѣхахъ Русскихъ въ этомъ походѣ, о которыхъ извѣстія Шеина, сохраненныя въ Дворцовыхъ запискахъ,—совершенно согласны съ повѣствованіями иностранныхъ писателей (3),—должно сказать къ чести Шеина, что онъ, какъ успѣховъ своихъ непреувеличивалъ, такъ и о неудачахъ доносилъ царю всегда вѣрно и безъ утайки (4).

Е) Шеина обвиняли также и въ корысти: «Всѣ жилыя мѣста, сказано въ приговорѣ, росписали и раздѣлили во владѣніе себѣ и дѣтемъ своимъ, и оставя Государевъ промыслъ, ходили за корыстью и себя богатили» (5). По недостатку историческихъ свѣденій, нѣтъ возможности сказать что нибудь опредѣленное о томъ, въ самомъ ли дѣлѣ Шеинъ былъ подверженъ корыстолюбію; впрочемъ, нѣтъ нужды и отрицать въ немъ дѣйствительно присутствія этой слабости, какъ потому, съ одной стороны, что она не представляетъ въ людяхъ ничего необыкновеннаго, такъ и потому, въ особенности, что она нисколько не доказываетъ мнимой измѣны Шеина. Воевода могъ быть корыстолюбивъ, могъ удовлетворять своей личной страсти какъ ему было угодно, — и при всемъ томъ, могъ исполнить возложенное на него царемъ дѣло,—могъ взять Смоленскъ. Что же касается до корыстолюбія, соединеннаго съ ущербомъ существенныхъ пользъ Государства, въ которомъ укоряли Шеина, корыстолюбія,

---

(1) См. Двор. зап, т. I, 29.
(2) Отр. изъ раз. д. о Ш., стр. 396.
(3) Слич. Theatr. Europ., III, 15, Journ. des Siences Mil., III, 72, также стр матер. собр., у Берга,
(4) См. Акт. Арх., т. III., N 230. 245, и мн. др. мѣста.
(5) Акт. Арх., т. III., отр. изъ р. д. о. Ш., стр. 386.

Digitized by Google

вслѣдствіе котораго будто бы онъ и единомышленники его росписали и раздѣлили себѣ всѣ жилыя мѣста, и,—заботясь исключительно о своихъ выгодахъ, оставляли Государевъ промыслъ, ходя за корыстью и богатя только себя,—то, на основаніи многихъ данныхъ, обвиненіе это не можетъ быть приложено къ Шеину.—Всѣ жилыя мѣста росписали и раздѣлили себѣ. .. Владѣніе землею, какъ бы малъ и ничтоженъ ни былъ участокъ ея—въ Россіи, во всѣ времена основывалось единственно на царскомъ *жалованьѣ*. Вся земля Русская—была земля Государева; и потому, не только Шеинъ и бояре, но всякій простой Русской подданный, знали, что самовольное завладѣніе участкомъ земли этой, хотя бы на самое краткое время,—есть преступленіе уголовное. Нужно ли говорить теперь, какъ безмѣрно увеличивалось бы подобное преступленіе въ лицѣ Шеина и его сообщниковъ, если бы они самовольно, ради собственныхъ выгодъ, раздѣлили себѣ тѣ земли, присоединеніе которыхъ къ Россіи составляло цѣль похода, изъ за которыхъ пролито было столько Русской крови, истрачено было столько Государственной казны?! Если кто,—то Шеинъ, не могъ не понять и не взвѣсить всей важности этого дѣла Притомъ же, еслибъ Шеинъ и единомышленники его, какъ измѣнники,—и рѣшились на это преступленіе, — то, вѣдь не вся же армія раздѣляла съ ними преступные ихъ замыслы, и объ этомъ, безъ сомнѣнія, тотчасъ же было бы донесено царю. Между тѣмъ, до самаго возвращенія Шеина въ Москву и, слѣд., до составленія разбираемаго нами приговора, царь—ни слова не упоминалъ объ этомъ ни въ наказахъ своихъ Шеину, ни даже въ наказахъ воеводамъ, посланнымъ на смѣну Шеина. Изъ царскаго наказа Полковнику Самойлу Шарлю, отправлявшемуся на помощь Русскимъ подъ Смоленскъ, можно вывести основаніе для той мысли, что деревни и волости на время войны распредѣляемы были по полкамъ. Такъ, въ наказѣ этомъ царь пишетъ Шарлю, что по прибытіи его подъ Смоленскъ, ему и полку его, назначена будетъ на живность и для конскихъ кормовъ волость, а какая именно, — это будетъ зависѣть отъ распоряженій

Digitized by Google

Шеина, которому по дѣлу этому и будетъ данъ указъ (1). Не изъ этого ли и выведена обвинителями Шеина та укоризна ему, что онъ съ своими единомышленниками, водимыя корыстолюбіемъ, росписали и раздѣлили себѣ всѣ жилыя мѣста? Кажется, не ошибемся, если отвѣтимъ увердительно. Судьи Шеина, какъ мы уже не разъ обнаружили, для обвиненія его въ измѣнѣ, не столько пользовались всѣми, самыми ничтожными случаями, дѣлая, по пословицѣ, изъ мухи—слона, но даже—въ самыхъ чисто-патріотическихъ его намѣреніяхъ старались показать злонамѣренность, и самое точное исполненіе царской воли выставляли какъ явный знакъ измѣны. Вспомнимъ, какъ объясняли они медленность его подъ Дорогобужемъ (2), неудачный приступъ подъ Смоленскъ (3), или, напр., отступленіе Матиссона и Прозоровскаго съ ихъ постовъ (4). Эти послѣдніе, стѣсненные непріятелемъ, отступили для соединенія съ Главнокомандующимъ собственно по наказу царскому (5), за что, впослѣдствіи, и получили отъ него благодарность (6). А составители приговора ставятъ, этотъ поступокъ военачальниковъ въ вину Шеину, увѣряя, что онъ «радѣя Королю, Государевыхъ людей, которые были по разнымъ острожкамъ, велѣлъ всѣхъ свести въ одинъ свой таборъ (7). Ходили, говорится далѣе, за корыстью и себя богатили....» Кудажъ они ходили за корыстью? Разумѣется въ Смоленскіе окрестные города или деревни. Но, въ такомъ случаѣ, здѣсь выходитъ странное и ни чѣмъ не согласимое противорѣчіе съ обвинительнымъ пунктомъ, разобраннымъ нами выше. Тамъ сказано, что Шеинъ Литовскіе порубежные мѣста, проча Королю учинилъ цѣлы (8), т. е. чуждыми не только отъ разрушенія, но и разграбленія,—и здѣсь — что онъ ходилъ туда для корысти т. е. для грабежа.

(1) Акт. Арх., т. III., N 224.
(2) Отр. изъ д. о Ш., стр 385.
(3) Ibidem, стр. 386.
(4) Ibidem, стр 387.
(5) Цар. грам Шеину отъ 19 го Сент.; Акт. Арх., N 229.
(6) Акт. Арх. N 230.
(7) Отр. изъ раз. дѣл. о Ш., стр. 387.
(8) Ibidem, стр. 386.

Digitized by Google

Ж) Постыдный для Россіи миръ, заключенный Шеинымъ съ Поляками 1634 г. и довершившій всѣ неудачи Смоленскаго похода,—приписывается въ приговорѣ также измѣнѣ воеводы. Шеинъ извѣщалъ царя о предложенномъ Поляками перемиріи; царь позволилъ ему вступить въ переговоры, приказавъ, впрочемъ, въ случаѣ унизительныхъ для Россіи условій—отказать Королю впрямь (1) «И вы, Михайло съ товарищы, сказано въ приговорѣ, мимо того всего Государева указу, измѣною своею и самовольствомъ, забывъ Государево крестное цѣлованіе, съ Польскимъ Королемъ договоръ учинили, и королю крестъ цѣловали, и нарядъ большой весь и пушечные всякіе запасы.... и всякую ратную сбрую отдали Литовскому Королю; только вы говорили отпровадити въ Государеву сторону 12 пушекъ, да и тѣ пушки ты Михайло измѣною своею отдалъ Литовскому Королю совсѣмъ (2).»

И такъ, Шеинъ нарушилъ царскій наказъ и опозорилъ себя и отечество свое подписаніемъ постыднаго условія о снятіи осады Смоленска. Но, измѣною ли своею сдѣлалъ онъ это? И могъ ли онъ поступить иначе?... Посмотримъ на ходъ самаго дѣла. Еще до прибытія Короля подъ Смоленскъ, въ арміи Шеина стало обнаруживаться постепенное разстройство. Появилась цынготная болѣзнь (3); «люди изпурялись и гибли. Частію это обстоятельство, а также и страхъ приближающагося Короля, заставили военачальниковъ просить у царя помощи, которая дѣйствительно и была послана изъ Москвы подъ начальствомъ Черкасскаго и Пожарскаго (4). Но, Король прежде ихъ прибылъ подъ Смоленскъ «и войско Шеина осадилъ и ратныхъ всѣхъ Государевыхъ людей нача одолѣвати (5).» Въ то же время, узнавъ, что къ Русскимъ приближается помощь и что Пожарскій съ 4000 стоитъ уже у Можайска, Король послалъ противъ него 14000-й

(1) Отр. изъ раз. д. о Ш., стр. 387.
(2) Ibidem.
(3) Дополн. къ дѣян. Петра В., стр. 468.
(4) Акт. Арх., т. III., N 239.
(5) Свѣд. изъ Рус. Лѣт., см. у Голикова, стр. 467.

Digitized by Google

отрядъ (1), а самъ, желая воспользоваться изнеможеніемъ Русской арміи, предложилъ Шеину перемиріе 4-го Генваря 1634 г. (2) Не смотря на всю тѣсноту своего положенія (31-го Декабря Князь Радзивиллъ вовлекъ Русскихъ въ совершенную засаду), Шеинъ не рѣшился на миръ, и даже не сталъ отвѣчать на предложеніе Короля, въ полной увѣренности, что прибытіе свѣжаго, здороваго войска дастъ дѣлу поворотъ болѣе благопріятный. Но, когда получилъ извѣстіе о разбитіи корпуса, шедшаго къ нему на помощь (3), тогда, поневолѣ долженъ былъ подумать о своемъ опасномъ положеніи. Матиссонъ, Прозоровскій, Леслій и другіе военачальники, оставивъ свои посты Королю, привели этимъ всю Русскую армію въ осадное положеніе. И Шеинъ, окруженный со всѣхъ сторонъ Поляками, терпя недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, слыша ропотъ своихъ и иностранныхъ войскъ, видя, наконецъ, у себя, ежедневную убыль людей, рѣшился приступить къ переговорамъ. Онъ предложилъ размѣнъ плѣнныхъ, давая вмѣстѣ съ тѣмъ знать, что готовъ воспользоваться свободнымъ отступленіемъ (4). Но, условія, предложенныя Королемъ. были слишкомъ тяжки и унизительны для Русской арміи, и потому, военачальники этой послѣдней, никакъ не согласились принять ихъ. Шеинъ въ послѣдній разъ хотѣлъ испытать счастія: продолжая переговоры, онъ, 11-го (а по другимъ 21-го) Февраля, внезапно напалъ на Польское войско, но,—былъ отраженъ съ большимъ урономъ. Теперь—раздраженный этимъ поступкомъ, Король велѣлъ рѣшительно объявить Шеину, что онъ не уступитъ ему ни одного изъ своихъ требованій.—Что же оставалось предпринять Шеину?—Одно изъ двухъ:—или биться до послѣдней капли крови, сохраняя честь арміи, или снять осаду города на условіяхъ Короля. — Шеинъ былъ

(1) См. Иностр. мат., собр. у Берга.
(2) Акт Арх., т. III, стр. 387.
(3) Иностр. мат., собр. у Берга.
(4) Ист. мат. о вз. См., 201. 205

Digitized by Google

храбръ, гордъ въ высшей степени, и,—конечно, незадумался бы снова вступить въ бой, чтобы совершенною гибелью избѣжать срама.... Но, ослабленное духомъ и силами, войско приступило къ командирамъ своимъ, требовало, чтобы за изнеможеніемъ ихъ и болѣзнями немедленно отступить отъ Смоленска,— и — они отступили, обезоруженные, опозоренные!... Гдѣ же тутъ измѣна?.... Это простое стеченіе несчастныхъ обстоятельствъ, которыя случалось испытывать и въ которыхъ приходилось поступать, подобно Шеину, не одному Полководцу.

Что же касается до тѣхъ 12-ти пушекъ, которыя, по договору, Шеину слѣдовало отвести съ собой въ Москву и которыя, будто бы, онъ измѣною своею отдалъ Литовскому Королю совсѣмъ,—то, — при совершенно разстроенномъ положеніи войска и при истраченныхъ военныхъ снарядахъ, не удивительно, если Шеинъ долженъ былъ ихъ оставить. И дѣйствительно, по свидѣтельству историковъ,—ему не начѣмъ было везти этихъ пушекъ.

1) Въ довершеніе всѣхъ случаевъ, доказывающихъ измѣну Шеина, обвинители этого послѣдняго объявили, наконецъ, что настоящая измѣна его—есть уже не первая. «Да тыжъ Михайло, какъ прежде сего былъ въ Литвѣ, — прежнему Литовскому Королю Жигимонту и сыну его, королевичу Владиславу, цѣловалъ крестъ на всей его волѣ. А какъ ты пріѣхалъ изъ Польши къ Государю къ Москвѣ, и тому ужъ 15 лѣтъ, и того не объявилъ и по се время..... и нынѣ будучи подъ Смоленскомъ..., Королю исполнял прежнее свое крестное цѣлованіе, во всемъ ему радѣлъ и добра хотѣлъ, а Государю измѣнялъ. .... и во всемъ Государеву и земскому дѣлу и рати всей учинилъ разлуку великую;... и въ томъ, во всемъ, въ распросѣ, во всемъ запирался, а послѣ того, сами жъ въ томъ предъ Государемъ винились (1).» Изъ извѣстныхъ досель историческихъ источниковъ, относительно послѣднихъ двухъ войнъ (1615 и 1634) Россіи съ Польшею, нельзя

(1) Акт. Арх., т. III., стр. 388.

Digitized by Google

найти ни одного мѣста, на основаніи котораго, можно было бы прямо опровергнуть приведенный обвинительный пунктъ. Но, точно также нѣтъ нигдѣ въ исторіи и малѣйшаго свидѣтельства на то, чтобы подтвердить хотя тѣнь достовѣрности этого обвиненія. Кому хотѣлось бы доказывать эту первую измѣну Шеина при Сигизмундѣ, тому, въ историческихъ изслѣдованіяхъ его объ этомъ предметѣ, пришлось бы ограничиться свѣденіями, заимствуемыми единственно только изъ боярскаго приговора, читаннаго Шеину предъ казнію. Но, этотъ приговоръ, какъ мы уже не разъ должны были убѣдиться, не имѣетъ никакого права на вѣроятіе. Да и возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, чтобы измѣнническія намѣренія Шеина, замышленныя имъ противъ Россіи еще во время плѣна его въ Польшѣ, и скрѣпленныя, какъ сказано, крестнымъ цѣлованіемъ Польскому Королю, могли такъ долго избѣгать проницательныхъ взоровъ Правительства? Труды плѣна Польскаго, какъ извѣстно, раздѣлялъ съ Шеиномъ доблестный Митрополитъ Ростовскій, Филаретъ, поборникъ Православія и истинный сынъ Отечества. Могъ ли онъ, слѣдовательно, не знать преступныхъ замысловъ Шеина, если бы они дѣйствительно были, и могъ ли онъ не открыть ихъ потомъ своему Царственному сыну, котораго руководилъ на трудномъ поприщѣ правленія, и съ которымъ вмѣстѣ ревностно заботился объ истребленіи крамолы и вѣроломства въ Россіи вообще и между окружавшими престолъ Царя, въ особенности?... И отъ чего, при жизни Патріарха Филарета, никому не вздумалось обличить измѣнника?.... Отъ того, что тайна злая тогда еще не обнаружилась?.... Но, почему же она 15 лѣтъ не обнаружилась, и теперь — вдругъ стала извѣстна боярамъ, и именно въ то самое время, когда клевета, истощавшаяся въ гнустныхъ вымыслахъ, все еще чувствовала сама слабость своихъ обвиненій, все еще искала, на чемъ бы сильнѣе укрѣпить ихъ, чѣмъ бы окончательно усугубить мнимую вину подсудимаго?!.. Въ приговорѣ сказано, что, при допросѣ, Шеинъ сперва запирался, а потомъ повинился самъ... Но, зная характеръ его и обсудивъ его тог-

Digitized by Google

дашнее положеніе,—не трудно понять, какого рода было это его признаніе.... Онъ былъ на столько проникнутъ сознаніемъ своего достоинства и своей правоты, что счелъ униженіемъ повторять и распространять свои оправданія предъ тѣми, кого онъ ставилъ безконечно ниже себя. Съ другой стороны, онъ хорошо понималъ истинныя отношенія бояръ къ себѣ, ясно видѣлъ, что всѣ они вооружены противъ него, что его рѣшились погубить во что бы-то ни стало.... Къ чему же, значитъ, послужили бы всѣ его оправданія, несмотря на всю ихъ справедливость? Что могъ онъ сдѣлать одинъ, противъ цѣлой толпы враговъ—злобныхъ и ожесточенныхъ?... Самое благоразуміе требовало отъ него въ этомъ случаѣ молчанія... и,—гордый духъ его покорился неизбѣжной своей участи!...

Вотъ всѣ обвинительные пункты противъ Шеина, изложенные въ смертномъ приговорѣ, какъ совершенно уже доказанные. Повѣряя ихъ историческими событіями, мы не могли не видѣть, что справедливость ихъ очень сомнительна, что ни одно обвиненіе не можетъ быть приложено къ Шеину во всей его силѣ, и что всѣ эти обвиненія вообще и каждое въ частности, прямо обнаруживаютъ въ себѣ какую-то тайную и сильную злобу, которая руководила судьями Шеина въ ихъ судебныхъ опредѣленіяхъ. Въ приговорѣ, на каждомъ шагу встрѣчаемъ ясные признаки ненависти и злобы бояръ къ Шеину: они подъискиваются противъ него всѣми возможными средствами, говорятъ правду и неправду въ преувеличенномъ и извращенномъ видѣ, лгутъ и клевещутъ самымъ безчестнымъ образомъ, и, безъ всякой совѣсти и стыда, вмѣняютъ ему въ вину даже то, что самъ царь вмѣнялъ ему въ истинную заслугу.—Какъ ни много, впрочемъ, говорятъ дѣла въ защиту Шеина, и какъ ни ясно видна во всемъ чистота его намѣреній,—однакожъ, — неудачи Шеина подъ Смоленскомъ такъ велики, и, судя по первоначальному состоянію арміи его, такъ неожиданны,—что невольно изумляешься той, почти совершенной гибели, какую потерпѣлъ онъ съ 100,000 войска и 300 орудій!... Страшно, въ самомъ

Digitized by Google

дѣлѣ;.... но, были причины и обстоятельства, которыя сильно содѣйствовали несчастіемъ похода Смоленскаго и которыя навлекли на Шеина безчестіе и казнь измѣнника. Изложимъ ихъ теперь въ связи, на основаніи историческихъ данныхъ.

А) Неоднократно мы уже говорили о гордости Шеина. Эта страсть принимала въ немъ такіе размѣры, что онъ не въ силахъ былъ даже приличнымъ образомъ скрывать ее отъ другихъ. Внѣшнее поведеніе его, сколько можно судить о немъ по историческимъ свѣденіямъ о двухъ Смоленскихъ походахъ, въ коихъ онъ участвовалъ, весьма часто показывало въ немъ человѣка надменнаго, съ высокой точки смотрѣвшаго на свои достоинства, на свои поступки. Но, онъ былъ въ самомъ дѣлѣ человѣкъ съ достоинствами, и потому гордость его, пока безобидна была для другихъ, не мѣшала ему пользоваться милостями царя и уваженіемъ бояръ. Наконецъ, она вышла изъ границъ и погубила его!

1632 года, собираясь въ Смоленскій походъ, Шеинъ былъ на отпускѣ у царя.... Важность похода, всѣми сознаваемая, надежды и довѣренность Царя, съ которыми этотъ послѣдній ввѣрялъ ему судьбу похода и огромной арміи,— дали пищу его высокомѣрію, и, его гордость, въ этомъ случаѣ, на столько воздѣйствовала въ немъ, что, выставляя предъ Царемъ свои огромныя заслуги, онъ рѣшился въ тоже время для увеличенія ихъ, унижать всѣхъ другихъ бояръ. «И ты Михайло Шеинъ, читаемъ въ приговорѣ, изъ Москвы еще на Государеву службу не поѣдешь, какъ было у Государя на отпускѣ у руки, и вычиталъ Государю прежнія свои службы съ большою гордостію, а говорилъ, будто твои Михайловы и прежнія иногія службы были къ нему Государю передо всею твоею братьею бояры, а твоя де братья бояры будто въ то время, какъ ты служилъ, многіе по запечью сидѣли, и сыскать ихъ было немочно, и поносилъ всю свою братью предъ Государемъ съ большою укоризною, и службою и отечествомъ никого себѣ сверстникомъ не поставилъ» (1). Имѣя

(1) Акт. Арх., т. III; Отр. изъ рос. д., 385.

Digitized by Google

въ виду высокіе интересы Государства, добрый Царь не счелъ нужнымъ, на этотъ разъ, удовлетворять обиженному самолюбію бояръ, дабы этимъ частнымъ дѣломъ не отвлечь общаго вниманія отъ важныхъ цѣлей похода. «Тѣ (бояре) сказано въ приговорѣ, для Государскія къ тебѣ милости, нехотя его Государя тѣмъ разкручинити, потому жъ тебѣ Михайлу за то умолчали (1). Но, злоба и жажда мщенія были положительнымъ отвѣтомъ въ душахъ бояръ на эту дерзкую и оскорбительную противъ нихъ выходку Шеина. Они отправились съ нимъ подъ Смоленскъ; но, общею цѣлію ихъ, былъ уже не успѣхъ похода, а гибель воеводы. Мы не можемъ опредѣленно сказать, на сколько и какимъ образомъ бояре содѣйствовали неудачамъ Шеина; однакожъ, судя по духу времени и по общему тогдашнему характеру вельможъ Русскихъ,—должно думать, что въ походѣ они недремали. И, если расположенность и довѣріе войска къ Шеину постепенно охлаждались, если высокое мнѣніе о немъ и въ арміи и въ Москвѣ быстро упадало, если его планы и распоряженія разстраивались и разрушались незамѣтною рукою, если слава его болѣе и болѣе тускнѣла, пока наконецъ совсѣмъ неомрачилась обвиненіемъ въ измѣнѣ, — то, всему этому основаніемъ и главною, хотя и тайною, причиною служило не иное что, какъ безмѣрная ненависть и злоба униженныхъ бояръ, порожденныхъ въ никъ гордостію и дерзкою, оскорбительною надменностію товарища ихъ Шеина. Уже одно то, что въ ряду обвиненій—гордость его и оскорбленіи бояръ на отпускѣ выставлены на первомъ планѣ приговора, ясно даетъ разумѣть, какъ рады были бояре видѣть Шеина своимъ подсудимымъ, и какъ имъ хотѣлось прежде всего дать почувствовать ему, что ихъ общая сила низвергла гордаго вельможу, что ихъ собственная обида породила всѣ его несчастія.

Б). Второю причиною неудачъ Смоленскаго похода, сколько можно судить по событіямъ,—было несогласіе полковыхъ начальниковъ между собою.

(1) Акт. Арх., III т., стр. 385.

Digitized by Google

Духъ мѣстничества изстари господствовалъ въ Россіи и составлялъ отличительную черту Русскаго дворянства. На уваженіе и честь—давали право боярамъ не внутреннія ихъ личныя достоинства, а знатность происхожденія, древность рода и заслуги предковъ. И, если присоединимъ къ этому, личныя убѣжденія каждаго, что права именно его рода выше и сильнѣе другихъ, — то, безпорядки, несогласія, а слѣд. и большой вредъ пользамъ Государственнымъ, всегда были неизбѣжны. — Въ 1620 г., Царь Михаилъ Ѳедоровичъ издалъ строгій указъ противъ мѣстничества, (1) но, эти благоразумныя мѣры, страхомъ наказанія сдерживая, по возможности, внѣшнее поведеніе бояръ, не въ силахъ были мгновенно измѣнить ихъ внутренняго расположенія духа. При всякомъ удобномъ случаѣ—смѣсь и пустое тщеславіе ихъ тотчасъ возбуждались, въ высшей степени, не страшась уже ни закона, ни слѣдствій его нарушенія.

Такое направленіе умовъ царствовало и между военноначальниками арміи Шеина! Русскіе, постоянно ссорясь другъ съ другомъ, за личныя права и достоинства, въ тоже время не внимали благоразумнымъ военнымъ совѣтамъ иностранныхъ полковниковъ; эти послѣдніе, видя и давая знать боярамъ ихъ неискусство и недальновидность въ военной тактикѣ, старались приводить въ исполненіе только свои планы и свои распоряженія; бояре, разумѣется, считали низкимъ уступать; завязывались несогласія, споры, ссоры и, такимъ образомъ, безпорядкамъ не было конца (2).

При такомъ положеніи дѣлъ, какого труда стоило главнокомандующему утвердить въ военномъ совѣтѣ единомысліе, заставить всѣхъ начальниковъ слѣдовать одному плану, выполнять одни предначертанія, и слѣдовательно, какъ дорого въ этомъ отношеніи доставались Русскимъ ихъ побѣды, и наоборотъ, какъ много надеждъ и успѣховъ должно было представлять врагу это отсутствіе въ Русской арміи необходимаго единодушія!... Шеинъ, вѣроятно, доносилъ объ

(1) См. Царств. Мих. Ѳед. (Берга).
(2) Ист. мат. о взят. Смол., сост. самов., 201.

Digitized by Google

этомъ Царю и просилъ, для блага арміи его, сильнаго участія въ этомъ дѣлѣ; потому что, благодаря восводу и его товарищей за взятіе городовъ Серпѣйска и Дорогобужа, Царь въ тоже время, строго приказывалъ, чтобы покамѣсть служба минется съ королемъ Литовскимъ, быть у Государевыхъ дѣлъ всѣмъ *безъ мѣстъ*, кто съ кѣмъ ни будетъ (1).

В). Неболѣе порядка и, слѣд., не менѣе поводовъ къ неудачамъ, было и въ самой арміи Шеина.

Если примѣры показываютъ намъ, что недостатокъ субординаціи, своевольство и даже нерѣдко ослушаніе противъ начальства,—существуютъ и въ регулярныхъ, хорошо устроенныхъ и однимъ духомъ народности проникнутыхъ, войскахъ,—то, чего можно было ожидать въ арміи Шеина, наполненной разнохарактерными отрядами Англичанъ, Нѣмцевъ, Французовъ, Сербовъ, Грековъ, Волоховъ и Татаръ (2). Не говоримъ уже о той ненависти къ иностранцамъ, которая проистекала у Русскихъ изъ ихъ религіозныхъ убѣжденій, и по которой они смотрѣли на всякаго не Русскаго какъ на басурмана, какъ на нехристь.... Не говоримъ о разности языка, обычаевъ и т. п., что все въ сложности своей полагало между всѣми ими преграду слишкомъ рѣзкую.... Но, выключая все это, при воспріимчивости Русскаго народа, какой примѣръ могли видѣть наши воины въ иностранцахъ собственно по отношенію къ военной жизни, къ военнымъ порядкамъ?.. Наемники Русскаго Царя,—они всегда и были, всегда и обнаруживали себя предъ другими не болѣе какъ наемниками.... Жалованье царское, какъ бы ни было достаточно, и какъ бы ни обезпечивало воиновъ въ отношеніи потребностей жизни, не могло заглушить въ нихъ корыстолюбія, не могло, слѣд., удалить ихъ отъ грабежа.... Они пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ—удовлетворять своимъ выгодамъ въ чужой землѣ, и потому не щадили не только завоеванныхъ городовъ, но даже, проходя деревни и села, грабили мирныхъ ихъ жителей и вездѣ оставляли слѣды сво-

(1) См. Двор. зап., т. I., стр. 29.
(2) См. Цар. Нак., стр. 3 и 4.

Digitized by Google

его присутствія.... Что духъ буйства и своеволія дѣйствительно господствовалъ въ полкахъ иностранныхъ, и что пагубные примѣры этихъ послѣднихъ не оставались безъ подражанія въ полкахъ Русскихъ, можно видѣть изъ Царскаго наказа полковнику Самойлѣ Шарлю, назначенному вести вспомогательные отряды подъ Смоленскъ. Въ этомъ наказѣ иностранному военачальнику, не только изложены наставленія сдерживать войско отъ грабежа, не только со всею подробностію предписаны правила: какъ и чѣмъ пользоваться въ мѣстахъ на пути къ Смоленску, но даже опредѣлены разнаго рода наказанія солдатамъ Русскимъ, велѣно также наказывать и воиновъ иностранныхъ по ихъ государственнымъ законамъ (1).

Шеинъ былъ строгъ въ высшей степени, и подобные безпорядки въ войскѣ не могли не обращать на себя его дѣятельнаго вниманія. Онъ наказывалъ виновныхъ.... но, строгія мѣры его, не принося много пользы дѣлу Государскому, только ускоряли его неудачи, увеличивали его собственныя несчастія. .. Воины, болѣе и болѣе вооружались противъ него, обремененные корыстію—оставляли армію и,—снабженные инструкціею озлобленныхъ противъ Шеина бояръ, распускали слухи, что Шеинъ и единомышленники его, «хотя добра во всемъ Королю, великою неволею и пристрастіемъ унимали и отводили отъ бою и промыслу всѣхъ ратныхъ людей (2).»

Г). Весьма важную, наконецъ, причину неудачъ Смоленскаго похода составляло, отъ разныхъ причинъ зависѣвшее уменьшеніе арміи Шеина. Въ наказѣ воеводамъ Пожарскому и Черкасскому, Царь прямо говорилъ, что армія ослаблена удаленіемъ отъ бояръ и воеводъ многихъ ратныхъ людей (3). И дѣйствительно;—не говоря уже о тѣхъ важныхъ потеряхъ, которыя такъ часто терпѣли Русскіе въ сраженіяхъ своихъ съ Польскими Королевскими войсками, ряды полковъ ихъ ежедневно рѣдѣли и безъ дѣйствія меча. Армія Шеина, какъ мы уже замѣчали, по прибытіи своемъ подъ Смоленскъ, получила значительное подкрѣпленіе отрядами волонтеровъ изъ окрестныхъ городовъ и селъ Смоленскихъ. Но, эти волонтеры, въ самое непродолжительное время, одинъ за другимъ оставили армію.—Въ статейномъ спискѣ о соборномъ опре-

(1) Акт. Арх., N 244., стр. 331.
(2) Отр. изъ род. д., стр. 386.
(3) Акт. Арх, т. III., N 239.

Digitized by Google

дѣленіи касательно пожертвованія всѣми Государственными сословіями денегъ на жалованье Царской рати по случаю стѣсненія ея подъ Смоленскомъ Поляками, говорится, что «польскій король видя Государевыхъ боярина и воеводъ и государевыхъ ратныхъ людей крѣпкое стояніе и подъ Смоленскомъ большую тѣсноту и на своихъ людей побѣду, накупилъ на московское государство Крымскаго Царя... чтобъ имъ идти въ войну на московское государство.... И крымскій Царь по его ссылкѣ и по накупкѣ, прислалъ въ войну сына своего Нарадьина Царевича Мурадъ-Гирея со многими ратными людьми и украйные городы многіе повоевали и пожгли и въ полонъ многихъ людей поимали, и тою Татарскою войною Литовскій Король подъ Смоленскомъ Государеву дѣлу поруку учинилъ многую; и дворяне и дѣти боярскіе Украйныхъ городовъ, видя Татарскую войну, что у многихъ помѣстья и вотчины повоеваны, и матери и жены и дѣти въ полонъ поиманы, изъ подъ Смоленска разъѣхались, а остались подъ Смоленскомъ съ бояриномъ и воеводою немногіе люди» (1). Кромѣ этого важнаго обстоятельства, большая убыль въ войскѣ происходила и отъ болѣзней. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, жизнь въ землянкахъ и появившаяся вслѣдствіе этого цынготная болѣзнь—изнуряли и губили множество людей, такъ что Шеинъ, въ скоромъ времени послѣ прибытія своего къ Смоленску, уже просилъ у Царя помощи (2). Гибели народа и ослабленію армій не мало также способствовали продолжавшіеся въ то время морозы. И, если по признанію польскихъ историковъ, въ станѣ Владислава замерзало въ теченіе сутокъ 21 и болѣе человѣкъ (3) то, по всей вѣроятности, подобныя явленія были нерѣдки и въ Русскихъ лагеряхъ Неимѣло недостатка войско Шеина и въ измѣнникахъ (4). И, хотя, конечно, число ихъ не такъ было велико, чтобы сдѣлать отсутствіе свое слишкомъ ощутительнымъ для силъ арміи,—но, все таки, переходя на сторону враговъ и открывая имъ военные планы и распоряженія начальниковъ,—они много вредили пользамъ своихъ соотечественниковъ. — Принимая въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, не трудно объяснить тотъ планъ дѣйствій Шеина, по которому, онъ

(1) Акт. Арх., т. III., N 242
(2) Свед. изъ рус. лѣт. (у Голикова), стр. 468.
(3) Иностр. ист. мат. собр. у Берга.
(4) Акт. Арх., т. III., N 246.

Digitized by Google

разстраивалъ войско непріятеля только партизанскою войною, планъ, такъ многихъ историковъ приводящій въ недоумѣніе. Съ силами весьма уменьшенными, съ людьми такъ много изнуренными, могъ ли онъ надѣяться выиграть генеральное сраженіе?... Онъ не медлилъ, а дѣйствовалъ, соображаясь съ обстоятельствами, перемѣнить которыя онъ думалъ дождавшись просимой у Царя, и обѣщанной ему помощи.

Разобравъ слѣдственное дѣло, повѣривъ справедливость его историческими дѣями и обозрѣвъ обстоятельства, среди которыхъ Шеинъ былъ поставленъ въ этомъ походѣ, — мы выводимъ на предложенный вопросъ: дѣйствительно ли Шеинъ измѣнилъ подъ Смоленскомъ,—отвѣтъ отрицательный. Самое безпристрастное воззрѣніе на исторію похода и образъ дѣйствованія Шеина, не откроетъ никакихъ доказательствъ его злонамѣренности. Онъ потерпѣлъ здѣсь большія неудачи... Но и самые великіе полководцы, послѣ блестящихъ и часто изумительныхъ своихъ успѣховъ,—не разъ должны были испытать тоже, что Шеинъ;—и однакожъ и современники и потомство не клеймили ихъ позоромъ измѣнничества. Шеинъ много виноватъ, что походъ получилъ такой печальный конецъ: его гордость безграничная раздражила бояръ — вотъ основаніе несчастій, положенное имъ самимъ, остальное довершили ненависть и злоба бояръ.—Его личныя намѣренія чисты, его дѣла, касающіяся пользъ отечества безукоризненны.

Мы уже замѣчали, что не всѣ современники смотрѣли на Шеина, какъ на измѣнника (1). Въ заключеніе прибавимъ, что и самъ Царь былъ къ нему справедливѣе бояръ. По мнѣнію Голикова, онъ вовсе не считалъ Шеина измѣнникомъ; и, если казнилъ его какъ измѣнника, то, сдѣлалъ это единственно въ удовольствіе раздраженнаго народа (2). Это очень вѣроятно. Бояре были сильны въ своей злобѣ противъ Шеина; народъ былъ послушенъ ихъ убѣжденіямъ въ своемъ легковѣріи, вѣрилъ всѣмъ клеветамъ, и, съ дерзостію, требовалъ смерти мнимаго измѣнника. Противиться буйной черни—было невозможно, не навлекши новыхъ внутреннихъ бѣдъ на Россію.... Но.... ей суждено было теперь отдыхать.... а, ея спокойствіе, на этотъ разъ было, куплено кровію несчастнаго Шеина!...

Н. Южновскій.

---

(1) Свѣд. изъ рус. лѣт., см. у Голик., стр. 476.
(2) Дополн. къ Двян. П. В., стр. 470.

Digitized by Google

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ:

ГОДЪ ТРАУРА.

I.

ДЕМОНЪ.

Случалось ли вамъ когда нибудь прослѣдить, наблюдательнымъ окомъ, программу жизни человѣка глубоко-мыслящаго и чувствующаго? Вглядывались ли вы въ душу совершенно посторонняго вамъ, стараясь узнать не только характеръ его, но и причины и обстоятельства, выработавшія его и наложившія свой отпечатокъ на человѣка? Знаете ль, сколько любопытнаго и вмѣстѣ ѣдко-горькаго въ этихъ психологическихъ открытіяхъ, и замѣтили-ль вы какъ иногда бываетъ высокъ въ своей слабости и трогателенъ въ своемъ паденіи человѣкъ?

Изученіе сердца человѣческаго есть великое наслажденіе въ мірѣ. Съ осторожностью и искуствомъ, прикасаясь къ каждой струнѣ его, вы правите имъ произвольно какъ искусный настройщикъ, умѣющій всегда доискиваться причины разстройства своего инструмента, усмотрѣть возможность его исправленія и по своему произволу исторгать изъ раздражительнаго органа желанные звуки. Отъ чего это, скажите мнѣ, встрѣчаешь часто людей очень не глупыхъ, жизнь которыхъ не была запятнана ни однимъ худымъ поступкомъ, сужденія дѣльны, рѣчь ласкова и правила основательны; и отъ которыхъ не смотря на все это такъ холодомъ на васъ и вѣетъ и чувствуете вы какую-то антипатію, сами не зная даже какъ дать себѣ отчетъ въ ней. И кажется вамъ, что и рѣчью ласковой и вѣрными правилами и безупречною жизнью, одолженъ онъ однимъ обстоятельствамъ, да счастливой обстановкѣ жизни своей. И нѣтъ пятна на его жизни потому, что и

Digitized by Google

страсти и чувства никогда глубоко не волновали души его, а скользили легко, какъ вода по стеклу, и отъ того не было случаю къ паденію. Дивиться-ль тому, что перо не тонетъ въ водѣ и что цвѣтокъ дожилъ до своего полнаго разцвѣта, не тронутый земляным червякомъ или незнакомый съ ненастнымъ вѣтромъ бури?..

Часто же, напротивъ, встрѣчаешь человѣка, въ которомъ видишь много большихъ и бросающихся въ глаза недостатковъ, слышишь отъ него лишь желчную или ѣдкую насмѣшку и на словахъ онъ такъ и отталкиваетъ всякое чувство, клеймя его самой ѣдкой насмѣшкой, выказывая самое холодное сердце и самыя вольныя правила. А душа такъ и ластится къ нему, сердце чуетъ подъ этой холодной личиной горячее сердце и въ словахъ и во взглядѣ, не смотря на ихъ грубую оболочку, Богъ вѣсть отъ чего подозрѣваешь, что въ этой душѣ затаена могучая сила, и что эта грязная оболочка не что иное какъ рубище человѣка, гиганта душой, пробовавшаго свою силу въ борьбѣ съ судьбой, и павшаго съ горькимъ, но гордымъ сознаніемъ своего паденія. Я знала холоднаго скептика, безжалостнаго эгоиста, я знала человѣка, для котораго не было ни преступленія, ни добродѣтели, я знала еще юношу въ цвѣтѣ лѣтъ, дошедшаго до холоднаго презрѣнія ко всему на свѣтѣ. Въ обществѣ и вездѣ, всѣ звали его демономъ, и это прозвище такъ срослось съ нимъ, что многіе только и знали его подъ этимъ именемъ, не зная фамиліи. Мужчины звали его демономъ, потому-что онъ пилъ шампанское бутылками, и никогда не былъ пьянъ, никогда не проговаривался, никогда даже не былъ веселъ. Только лице его покрывалось еще большею блѣдностью и, казалось, становился онъ еще осторожнѣе и скрытнѣе. Не знаю плутовалъ ли онъ? Но въ картахъ везло ему наглое счастье; онъ велъ игру азартную, но всегда хладнокровный, вѣчно одинаковый и въ выигрышѣ и въ проигрышѣ, онъ своей холодной насмѣшливой улыбкой пускалъ на стѣну своего партенера, видѣвшаго какъ собственное его золото, послѣдніе червонцы, добытые быть можетъ кровавымъ потомъ, переходили

Digitized by Google

въ карманъ безжалостнаго счастливца. Въ пирушкахъ, среди товарищей, онъ иногда заставлялъ цѣлое общество смѣяться до слезъ, а у самого даже улыбка не мелькнетъ на устахъ, а въ шуткахъ его слышалась всегда такая горечь, такая злоба, что послѣ смѣха, возбужденнаго его удачными и острыми словами, становилось какъ-то неловко и больно. Деньги давалъ онъ часто тому, кто просилъ его, никогда и не спрашивая долга, зная что не-чѣмъ отдать его, но одолжаться имъ было тяжеле самой тяжелой нужды; онъ и не откажетъ и не упрекнетъ, и подастъ вамъ съ учтивымъ поклономъ, но, чувствуешь Богъ знаетъ отъ чего, что бросаетъ онъ вамъ эту милостыню какъ кость чужой собакѣ, не мѣряя, не разобьетъ ли онъ бросая неосторожно этой костью голову голодному животному. Участія никто не видалъ отъ него. Старушки звали его демономъ по его репутаціи безбожнаго и безнравственнаго человѣка. Молодыя женщины, хоть и заглядывались на змѣя искусителя, да боясь потерять черезъ него рай—бѣжали прочь обольщенья. Но странно, не смотря на всѣ его пороки, не смотря на его слишкомъ заслуженную худую славу, что то невольно влекло меня къ нему. Въ характерѣ его было что-то гордое, таинственное, неуловимое: сегодня, казалось, понялъ его, а завтра, смотришь, онъ снова покажется вамъ въ новомъ свѣтѣ и подъ другой личиной. При томъ же, онъ былъ такъ искренень въ своихъ заблужденіяхъ, что зло казалось въ немъ если и не привлекательнымъ, то болѣе извинительныхъ чѣмъ въ другихъ. Всматриваясь глубже въ характеръ и душу этого человѣка, наблюдатель могъ бы легко увидѣть, что не всегда онъ былъ тѣмъ, чѣмъ казался теперь и что было время, когда все прекрасное и доброе было доступно этому сердцу.

Я помню его исповѣдь и никогда не забуду, потому что вырвавшаяся въ минуту человѣческой слабости, она пронзила мнѣ сердце своею искренностью и горькою правдою. Отъ чего это, въ натурѣ человѣка, есть какая-то жажда сообщительности? Отъ чего не спокоенъ онъ, пока не выскажетъ, хоть кому-нибудь, всю подноготную души своей? Зачѣмъ

Digitized by Google

нужно ему чужое участіе, чужое ласковое слово, и зачѣмъ, презирая иногда мнѣніе сотни людей, онъ ищетъ оправданія передъ однимъ, совершенно постороннимъ ему и иногда даже равнодушнымъ? Въ одну изъ такихъ минутъ, герой моего разсказа, на одно изъ моихъ замѣчаній о счастьѣ, о любви, и о вѣрѣ во все прекрасное, отвѣтилъ мнѣ очень желчною выходкою, которая еще больше заставила меня вздохнуть отъ глубины души надъ многими и многими, созданными Богомъ съ прекрасной душой, съ характеромъ, въ которомъ не было недостатка ни въ энергіи, ни въ хорошихъ побужденіяхъ, да судьба ли подставляетъ имъ ногу, или просто растративъ Богомъ данный талантъ на мѣдную, монету свѣтскихъ наслажденій, они выходятъ потомъ какъ поблеклое прекрасное растенье, еще въ самомъ расцвѣтѣ захваченное морозомъ. — «Скажите, гдѣ же оно это счастье, о которомъ мечтаешь въ ранней юности? говорилъ мнѣ онъ съ горячимъ увлеченьемъ». «Его нѣтъ! Въ жизни однѣ утраты, скорби, да страшныя потери, которыя ложатся вѣчнымъ трауромъ на весь остатокъ дней человѣка.... Къ чему любовь? За чѣмъ привязанность? На гибель даны людямъ всѣ чувства сердца. Бѣгите тѣхъ, при которыхъ оживаетъ сердце ваше и бьется съ удвоенной силой; бѣгите взгляда наполняющаго вашу душу восторгомъ, бѣгите пожатья руки и словъ ласки милыхъ вамъ; придетъ время, судьба вѣдь вырветъ же дорогое вамъ изъ вашихъ объятій, и одинокому съ безнадежнымъ отчаяніемъ останутся вамъ лишь однѣ горячія воспоминанія, которыя проклинаешь невольно, потому что желалъ бы, что бъ никогда ихъ и не было. Скажите гдѣ и вѣра, эта утѣха человѣка въ тяжкія минуты его жизни? Съ лѣтами изчезаетъ счастливое незнаніе, опытъ овѣетъ сердце и душу, и холодно и темно станетъ вамъ на бѣломъ свѣтѣ. О за это блаженное вѣрованье, я отдалъ бы все на свѣтѣ, да вина ли моя, что не вѣрится! .. Послушайте, я помню еще свою младенческую первую горячую молитву къ Богу, молитву съ святымъ сознаньемъ и дѣтскою слѣпою вѣрою. Вотъ онѣ эти воспоминанія моего дѣтства, онѣ возстаютъ въ

Digitized by Google

моей памяти, какъ тѣни, одна за другой и каждая темной полосой ложится на душу. Какъ теперь вижу свою дѣтскую и на полу и на стѣнахъ блѣдный таинственный свѣтъ луны, въ окно видиѣется синее небо, безпредѣльно глубокое и до того чистое и ясное, что взору ребенка мнится видѣть тамъ престолъ Бога и сонмы прекрасныхъ ангеловъ, вѣчно воспѣвающихъ его славу и величіе. Я помню, какъ ставъ на колѣна, сложивъ благоговѣйно на груди руки, я молился о матери, которая тогда опасно занемогла, съ жаромъ еще сильной и ни чѣмъ не охлажденной души. То была одна изъ самыхъ чистыхъ и доступныхъ молитвъ, которую когда-либо возсылалъ человѣкъ къ Творцу своему. «Молись дитя, молись! Богъ внемлетъ молитвѣ невинныхъ младенцевъ», шептала мнѣ старая няня, и съ восторженнымъ вдохновеніемъ, полный любви и довѣрія, какъ сынъ отца. просилъ я здоровья моей матери.... Утомленный слезами, успокоенный молитвой, весь въ вѣрѣ и надеждѣ, я сладко уснулъ съ святымъ убѣжденіемъ, что завтра опять принесетъ въ домъ нашъ обычную радость и счастье.... Настало утро, прекрасное, ясное, самое блестящее весеннее утро; игривый лучъ солнца, проникнувъ сквозь алькóвъ моей постели, прервалъ мой безмятежный сонъ, и съ душой, преисполненной небеснаго счастья, я весело просунулъ свою дѣтскую головку, сквозь занавѣсы моей постели. Но встрѣчей мнѣ были только слёзы, да нѣмыя ласки, и ужасное имя *сироты*, какъ Божья кара пала на голову младенца....

Я покинулъ родной кровъ, чужіе окружили меня, новыя рѣчи услышалъ я, и новыхъ людей увидалъ и много уже и тогда горькой правды услышалъ. Передо мной раскрылся новый свѣтъ; то что привыкъ считать я хорошимъ, находили дурнымъ и, напротивъ, добрыя правила, внушенныя мнѣ дома, были осмѣяны, благородные поступки остались не замѣченными, право сильнаго надъ слабымъ, какъ бы ни было оно несправедливымъ, всегда брало верхъ, злоба торжествовала, ловкость и плутовство считались великимъ достоинствомъ, и доброта и состраданье были изгнаны изъ нашего

Digitized by Google

круга, какъ недостойная слабость. Такъ узналъ я впервые ложную честь, шутовское благородство и слово *долгъ*; слово пустое, безсмысленное, потому что люди не терпя принужденія никогда не хотѣли и не могли опредѣлить себѣ въ чемъ-нибудь границы. Холодомъ овѣяло мою дѣтскую душу; видя какъ всё кругомъ вертится на холодномъ себялюбіи, слыша отовсюду насмѣшки надъ моими правилами и вѣрованіями, я усумнился въ нихъ и невольно смутился я самъ....

Я помню и вторую молитву. Настали годы юности и наслажденій бурныхъ, годы стремленія къ славѣ и жажды хотя и мишурнаго, но все же лестнаго для насъ одобренія людей. Я сбросилъ школьническое платье, и полный блестящихъ мечтаній и надеждъ, протянулъ руку къ завѣтному кубку наслажденій жизни. Но какъ страшное проклятіе неба надъ моей головой повисло громовой тучей нежданное несчастье. Я вспомнилъ молитву.... Но громъ разразился, и подавленный, униженный, съ челомъ заклейменнымъ позоромъ, я на самомъ расцвѣтѣ жизни, сталъ проклинать день и часъ своего рожденія и жаждать смерти, какъ самаго лучшаго блага. Тогда, на молитвѣ лишь укоры, да ропотъ вырывались изъ устъ; тогда, сомнѣнье потрясло и безъ того уже шаткую вѣру и зависть закралась въ юное сердце. Мнѣ счастье другихъ казалось жестокой надо мной насмѣшкой, чужая вѣра колола глаза, и въ глубинѣ сердца зашевелился ужъ змѣй желчнаго негодованія на всё въ мірѣ.... Люди не поняли моего горя, друзья отшатнулись и бѣгали меня, какъ зачумленаго. Что было имъ за дѣло до страданья невиннаго, до слёзъ кровавыхъ и чужой разбитой жизни? Имъ страшенъ былъ приговоръ свѣта! Ихъ сердца и чувства были окованы уставами общества и его холоднымъ закономъ.... Погасло послѣднее чувство добра въ моемъ сердцѣ, не ненависть, а презрѣніе чувствовалъ я къ людямъ; душа очерствѣла, и въ груди погасъ весь пылъ и весь благородный огонь молодости....

Я помню и послѣднюю роковую молитву мою, я помню эпоху въ жизни моей, которая прорѣзала мнѣ колею, съ ко-

Digitized by Google

торой ужъ не сойдти мнѣ теперь; по этой твердой избитой колеѣ, иду я какъ въ сыромъ и мрачномъ могильномъ склепѣ съ отвращеніемъ и ужасомъ, озираясь кругомъ, страшась чтобъ бѣлоголовый могильный червь не впился въ меня, и не сталъ бы заживо точить мое тѣло. Настала пора мужества и разсудка, пора, когда понявъ всю суетность земнаго блеска, всю неудовлетворительность бурныхъ наслажденій, человѣкъ ищетъ счастья болѣе положительнаго и совершеннаго; дознавшись собственнымъ опытомъ, что свѣтъ и его мишура не могутъ дать счастья и найдя его наконецъ послѣ долгаго труда и горя, прилѣпляется къ нему съ такою страстью, съ такою силой, что безъ него кажется невозможнымъ существованіе. Я любилъ, какъ только можетъ любить горячо и безпредѣльно смертный, соединивъ всю святость и возвышенность небеснаго чувства и весь огонь и всю бурную непобѣдимую страсть земной привязанности. Все настоящее, все будущее свое положилъ я въ этой любви, забылъ весь міръ, изгналъ изъ сердца всѣ постороннія чувства, чтобъ только объ одномъ думать, на одномъ сосредоточить всю силу привязанности. Но страшный смертный недугъ, день за днемъ уносилъ дни дорогіе мнѣ, и прекрасный цвѣтокъ съ стебелькомъ подточеннымъ земляннымъ червякомъ увядалъ, теряя съ каждымъ расцвѣтомъ дня свои яркія краски. Я слышалъ стоны страданья милаго голоса, я видѣлъ слёзы безумно любимыхъ очей, слёзы сожалѣнья такъ рано оставить жизнь и всѣхъ, кого любитъ сердце горячею земною любовью. Я помню и никогда не забуду словъ и ласки; страсти лихорадочныя, томительныя, наполняющія душу безумной тоской, какъ будто желая дать вамъ какъ можно болѣе насладиться ими, предсказывая вамъ ихъ скорую потерю. Я все это помню, я все пережилъ и живъ еще!... О страшно! страшно! Эти дни и часы не изгладятся никогда изъ моей памяти, они сожгли мое сердце, они душу убили!.. Снова проснулась во мнѣ вѣра и вспыхнулъ священный огонь религіи. Но въ этотъ разъ я душу свою положилъ на вѣсы дорогой мнѣ жизни и смерти. Съ кровавыми слезами и съ фанатическимъ

Digitized by Google

увлеченіемъ я Бога молилъ не дать мнѣ погибнуть въ безвѣрьѣ и чудомъ спасенья дорогой мнѣ жизни, зажечь мою вѣру какъ свѣтильникъ неугасимый, какъ славу своего милосердія, какъ вѣчную, непрестанную хвалу его величія. Я чувствовалъ, я зналъ, что смерть ея будетъ и смертью души моей, что, съ послѣднею горстью брошенной въ ея могилу, замрутъ во мнѣ и послѣднія вѣрованія, заглохнутъ остатки хорошихъ чувствъ. Я съ клятвою давалъ святые обѣты, молилъ наслать на меня всевозможныя несчастія и кары за одну милость, за одинъ даръ ея жизни. И я страстно молился и вѣрилъ, вѣрилъ жадно, потому-что въ этой вѣрѣ положилъ всю жизнь свою или всё счастье, безъ котораго жизнь человѣку постыла.... А друга не стало!... На сельскомъ кладбищѣ, новый зеленый курганъ и на сѣрой плитѣ, подъ сѣнью ракиты, горитъ еще свѣжей позолотой незабвенное имя, какъ знакъ роковой моей гибели.... Брошенъ жребій, граница положена, ужъ не переступить ее теперь! Вѣчная завѣса опущена между мною и небомъ.... Не судите, а пожалѣйте меня! Вы испытали-ль, что значитъ стоять надъ гробомъ того, кто одинъ заставлялъ любить жизнь? Знаетель, что значитъ губами прильнуть къ ледяной рукѣ бездыханнаго трупа, и помнить, что не давно еще та же рука однимъ прикосновеніемъ своимъ волновала всю кровь вашу, вливала въ жилы жизнь и счастье? Понимаете-ль, какъ ужасно смотрѣть въ полузакрытые потухшіе очи, очи стеклянные, безвыразительные, во взглядѣ которыхъ вы утопали бывало въ безконечномъ наслажденіи, читая въ немъ попеременно, всѣ чувства человѣческаго сердца? Знаете-ль, какое исступленіе схватываетъ умъ и сердце, когда всматривалсь въ холодный, но милый вамъ профиль, вы зовете, плачете, безумно ласкаете прильнувъ горячими губами къ нѣмымъ и безотзывнымъ устамъ?... А стукъ молотка? стукъ зловѣщій, возвѣщающій вамъ, что никогда, никогда вамъ больше не увидать черты дорогія; а пѣсни надгробныя, а пустота и одиночество потомъ!... Я окаменѣлъ, адское пламя сожгло мое сердце, и не воскреснуть сердцу! Не прожгутъ его слёзы людскаго участья,

Digitized by Google

не пронзитъ крикъ чужаго отчаянья; оно окаменѣло для всего чистаго и прекраснаго, потерявъ въ него вѣру. Часто надъ милой могилой, провожу я цѣлые дни безъ слезъ, безъ молитвы, даже безъ ропота въ устахъ. На кого же роптать?.. И на *сердцѣ* моемъ, чтобъ не сказать на *душѣ*, такъ же пусто холодно и темно, какъ и въ любимой могилѣ. Вѣдь всѣ вѣрованія людскія лишь обманъ одинъ, и жизнь наша не есть-ли самая жестокая насмѣшка природы! Пустота въ пространствѣ, время безъ предѣла, весь міръ—какой-то страшный механизмъ природы! Жизнь ни чѣмъ не мила мнѣ, настоящее мое одна скотская матеріальность, а будущее—смерть, а съ ней покой въ ничтожествѣ. Я руки на себя наложилъ бы, да малодушенъ, боюсь минутной боли!»

Мы разстались, но я болѣе чѣмъ когда-нибудь, послѣ выслушенной мной исповѣди, научилась снисходить къ людскимъ слабостямъ или какъ называютъ ихъ пороками. Я стала уважать людей, не смотря на ихъ паденія и прежде чѣмъ произносить надъ ними судъ свой, старалась доискаться причины ихъ душевной ржавчины.

Два года спустя мнѣ случилось быть въ О****ой пустыни, при постриженіи инока. Мѣсто мое было какъ нельзя удобно и я могла слышать каждое слово, видѣть каждое движеніе. Эта трогательная и грустная церемонія потрясла меня до самой глубины души, и этотъ договоръ человѣка съ Богомъ, отреченье его отъ всего мірскаго, это погребеніе себя заживо въ могилу уединенія и безстрастія, казалось мнѣ въ эту минуту, не смотря на всѣ предубѣжденія свѣтской легкомысленности къ иноческому сану,— высокъ и достоинъ удивленья. Объятая священнымъ трепетомъ, я слушала и внимала съ благоговѣніемъ, и этотъ инокъ, долу-склоненный, казался мнѣ теперь не человѣкомъ, а духомъ безплотнымъ, прилетѣвшимъ на поклоненіе великому Богу. Но когда церемонія кончилась и облеченный въ иноческую одежду, съ крестомъ въ рукахъ новобранецъ предсталъ взорамъ зрителей, невольное восклицаніе вырвалось у меня изъ груди, я не вѣрила глазамъ своимъ; инокъ былъ никто иной, какъ такъ называемый де-

Digitized by Google

монъ; демонъ, исповѣдь котораго два года тому назадъ такъ тронула меня. Съ любопытствомъ и удивленіемъ я вглядывалась въ его лице, стараясь прочесть въ чертахъ его разгадку его перерожденья. Какая сила могла спасти его? Чей голосъ привелъ его снова къ подножью креста, такъ долго отвергаемаго имъ? И въ самомъ дѣлѣ на лицѣ его, безъ словъ и поясненій, можно было прочесть его душу. Глаза, блестѣвшіе прежде какимъ-то темнымъ безпокойнымъ огнемъ, теперь были ясны и тихи, на устахъ не лежала уже печать вѣчной раздражительной насмѣшки, какое-то смиреніе и доброту выражали они, даже и лице не было такъ блѣдно и изнурено какъ бывало. Казалось онъ помолодѣлъ десяткомъ лѣтъ. Видно было, что буря миновалась, и въ мрачную душу страдальца снова проникнулъ свѣтлый лучь вѣры....

Любопытство узнать непремѣнно, что переработало эту ожесточенную душу, что смирило и убѣдило этотъ гордый умъ, заставило меня стараться сблизиться съ новопостриженнымъ инокомъ. Мы видѣлись часто и бесѣды его были наслажденьемъ для меня. То былъ сладкій и успокоительный языкъ искренняго христіанина, и вмѣстѣ съ тѣмъ опытнаго свѣтскаго человѣка, извѣдавшаго всё на самомъ себѣ и дознавшагося истины, не ища ее. Разъ я напомнила ему его исповѣдь, и спросила его откуда палъ первый лучь вѣры просвѣтившій его душу? Онъ отвѣчалъ мнѣ разсказомъ поразившимъ меня сверхъестественностью, тѣмъ болѣе, что въ истинѣ словъ этого человѣка нельзя было усумнится.

— «Послѣ того, какъ мы разстались съ вами, я прожилъ еще полгода въ свѣтѣ, говорилъ онъ, вдаваясь во всѣ соблазны его безъ увлеченья и жажды. Я наконецъ усталъ, возненавидѣлъ всё, не могъ слышать безъ отвращенія людскаго голоса, и видъ посторонняго человѣка раздражалъ меня до такой степени, что я находилъ удовольствіе, ища безпрестанно случая къ ссорѣ съ товарищами и знакомыми. То была какая-то адская потребность души моей. Оставшись живымъ послѣ трехъ дуэлей, я бросилъ все, заперся въ деревню и предался наукамъ. Сперва химія, потомъ магія,

Digitized by Google

закружили мнѣ голову; я рылся въ книгахъ, вглядывался въ природу, дѣлалъ различные опыты и мечталъ разгадать, малодушный, всѣ тайны міра.... Но умъ мой, по прежнему, оставался во тьмѣ, наука не давала ключа къ разгадкѣ истины, и тайна великаго Бога оставалась по прежнему для меня тайной. А я, земляной червякъ, думалъ премудрость Божію постичь своимъ бѣднымъ и щепетнымъ разумомъ. Усталый отъ занятій, съ головою, переполненною самыми фантастическими идеями. я каждый вечеръ ходилъ на родное кладбище и, на любимой могилѣ, встрѣчая звѣздную ночь, отдыхалъ въ странномъ забытьи всего житейскаго. Но не на небо смотрѣлъ я съ вѣрой и тихой отрадой, не безпредѣльная даль его влекла къ себѣ мои мысли, а въ землю упорно клонился мой взоръ, привыкшій, изучая тайны природы, искать разгадки въ растеньяхъ земли, и такъ же теменъ и сухъ былъ взоръ этотъ какъ земля, въ которой я рылся иногда по цѣлымъ часамъ, отыскивая какую-нибудь магическую траву.

Разъ, усталый болѣе чѣмъ когда-либо отъ безплодной науки, истощивъ много силъ напрасныхъ надъ разгадкой одной изъ тайнъ природы не дававшейся мнѣ, и почти отчаянный и разочарованный въ земной мудрости, я уже поздно ночью пришелъ по привычкѣ на кладбище, и бросившись на могилу, въ изнеможеньи припалъ головой къ холодному камню и глубоко задумался. Все прошедшее прошло въ моей памяти; молодость съ ея кипучею дѣятельностью, свѣтлымъ возрѣніемъ на жизнь, счастливою вѣрою и благородными порывами, день за днемъ катились въ моемъ воспоминаніи, точно меледа выбрасывая одна за другой разнообразныя картинки.... и вотъ ожилъ предо мной и первый день моей встрѣчи съ нею, первый взглядъ ея, заронившій въ душу мою пламень пожара такой непобѣдимой страсти, первое признанье, со всѣмъ его обаяньемъ.... Я вздрогнулъ; весь мой рай здѣсь, подъ этимъ холоднымъ камнемъ! Тамъ, тамъ, въ этомъ темномъ склѣпѣ все, что любилъ я! И хотѣлось достать мнѣ хоть пыль безцѣнную мнѣ, чтобъ осыпать себя ею и

Digitized by Google

прижаться губами хоть и къ полусгнившимъ, но всё же костямъ и праху мнѣ милому. Я сталъ рвать руками дернъ и траву и дошелъ до иступленія. Громко рыдая какъ дитя, и плача слезами въ первый разъ почти, послѣ трехъ годоваго онѣмѣнія, я звалъ громко и безумно умерщую подругу.

Вдругъ, близь меня раздался шелестъ платья. Я поднялъ голову и вскрикнулъ вмѣстѣ отъ ужаса и восторга. Опершись на крестъ своей могилы стояла она, моя Левкадія, вся облитая лунным сіяніемъ, и глаза какъ двѣ звѣзды яркіе, неподвижные, блестящіе были устремлены на меня.... И какая улыбка была на губахъ ея! Съ минуту, я стоялъ недвижный на колѣнахъ предъ милымъ видѣньемъ, но не вытерпѣвъ, бросился къ нему стремительно съ воплемъ блаженства и тоски. Но тѣнь исчезла, и обхвативъ воздухъ я упалъ ницъ на землю безъ чувствъ. Очнувшись, я никакъ не могъ придти въ себя, не бывъ даже въ состояніи сообразить зачѣмъ и какъ, въ такую позднюю пору, я попалъ на кладбище, какъ будто я потерялъ память о прошедшемъ. Не сознавая самъ вполнѣ своихъ поступковъ, я побрелъ домой неровнымъ шагомъ, путаясь въ густой травѣ могилъ и останавливаясь передъ каждымъ крестомъ и памятникомъ, припоминая какое-то событіе, которое казалось мнѣ ключемъ отъ новой для меня жизни и блаженства.

Наконецъ калитка сада моего снова растворилась, я прошелъ аллею, и чувствуя, что силы мои ослабѣваютъ, повернулъ въ лѣво къ ближней бесѣдкѣ съ широкими стеклянными окнами, отворилъ дверь, и, заперѣвъ ее изнутри на ключъ, въ изнеможеніи бросился на диванъ. Меня била лихорадка, я весь такъ и горѣлъ, какъ въ огнѣ; въ головѣ кружились и путались самыя нелѣпыя мысли, отуманивая умъ и передъ глазами носились какія-то фантастическія видѣнія. Не помню долго-ль пробылъ я въ такомъ положеніи, только вдругъ я почувствовалъ странную перемѣну; на меня пахнуло какой-то отрадной прохладой; въ сердце проникнуло чувство неизъяснимаго блаженства, точно милая рука налегла мнѣ на грудь. Я раскрылъ глаза, луна свѣтила во всѣ окна,

Digitized by Google

кругомъ всё казалось дышало святою тишиною, и только березки, колеблемыя вѣтромъ, иногда стучали въ окна, своими вѣтвями. Мысль моя прояснилась, я вспомнилъ странное и радостное для меня видѣніе, снова закрылъ глаза и забылся въ сладкихъ думахъ. Мнѣ было такъ хорошо въ эти минуты жить безъ разсудка, желающаго анализировать даже каждое дѣйствіе верховной силы не доступной ему, — жить духомъ и мыслью не спрашивая самаго себя «зачѣмъ? И отъ чего это такъ?»

Вдругъ мѣрный шумъ крыльевъ, какъ казалось, огромной птицы заставилъ меня очнуться, я раскрылъ глаза, оглянулся кругомъ, посмотрѣлъ въ окно, но никого и ничего не было видно, а шумъ продолжался; и удивительно! не смотря на то, что это казалось мнѣ сверхъ-естественнымъ, я ни сколько не испугался, напротивъ восторгъ охватилъ всю мою душу! и счастье проникнуло въ самое сердце. Но усталые члены мои не могли шевелиться, они были въ какомъ-то оцѣпененіи, глаза сами закрылись, умъ забылъ все прошедшее, настоящее и будущее; но я не спалъ; я знаю навѣрное, я все чувствовалъ, все слышалъ. Это было что-то въ родѣ летаргическаго сна. Съ закрытыми глазами, я видѣлъ все, и видѣлъ ясно, точно душѣ моей невѣдомая сила придала зрѣніе. Снова, сладкая прохлада осѣнила меня и передо мной опять стояла моя Левкадія, вѣчно любимая, никогда не забвенная. Она стояла свѣтлая, прекрасная, какъ въ дни счастья и здоровья. Въ бѣломъ нарядѣ, какъ положили ее въ гробъ, съ вѣнкомъ изъ розъ на блѣдномъ челѣ и съ косой, распущенной по обѣимъ сторонамъ груди. Прекрасны были черты ея! Еще прекраснѣй чѣмъ у живой. Во взглядѣ синихъ глазъ, было много любви, казалось они пылали огнемъ желаній, улыбка была трогательна и полураскрытыя пунцовыя уста манили страстные поцалуи. Увидавъ снова передъ собой любимую тѣнь, я обомлѣлъ отъ счастья и, боясь пошевельнуться, чтобъ не испугать милое видѣнье, боясь вздохнуть, весь превратился въ зрѣніе.

«Высохли-ль слезы твои? Успокоился-ль духъ? Доволенъ

Digitized by Google

ли ты?» раздался въ ушахъ моихъ голосъ, отъ котораго радостно затрепетало все существо мое, голосъ нѣжный, тихій, врывающійся въ самое сердце. «Видишь и жители неба помнятъ земныя привязанности. Есть любовь замогильная, есть неразрывная связь небеснаго міра съ земнымъ; посмотри, я явилась утѣшить тебя! но другъ мой, по прежнему милый, любимый, зачѣмъ наукою своею допрашиваешъ ты неправую силу? за чѣмъ пытаешъ священныя тайны? повѣрь, Божество премудро сокрыло отъ человѣка всѣ блаженства рая и неба, иначе онъ не могъ перенесть бы своего земнаго тяжелаго странствія, неизбѣжнаго, необходимаго для вѣчной жизни, потому, что въ нихъ заключается высокій смыслъ Творца, непостижимый для васъ, смертныхъ, но понятый нами уже перешедшими за предѣлъ этой жизни. Другъ мой, напрасно каждый день ты плачешь надъ моей могилой, напрасно зовешь меня и цѣлуешь хладный дернъ; давно прахъ мой разсыпался и кости источили земные червяки, въ этой душной темной ямѣ меня нѣтъ! не въ землю, а на небо смотри, ища меня! изъ праха моего, всемогущество Творца воздвигло мнѣ новое тѣло, образъ такой же какъ и привыкъ ты видѣть и любить, но никогда нетлѣнный, совершенный еще краше. Смотри, развѣ не та я, какъ ты зналъ меня на землѣ? О чемъ ты тоскуешъ? мы свидимся скоро и будемъ опять вмѣстѣ и такъ же любить другъ друга, какъ и здѣсь на землѣ; только еще крѣпче, еще неразрывнѣе будутъ наши узы. Наша страсть на землѣ была лишь началомъ прекрасной небесной любви! знаешъ ли какъ мятется духъ мой тамъ на небѣ, видя тебя здѣсь тоскующимъ и неутѣшнымъ? знаешь ли какъ скорблю я, заглядывая въ твою душу и видя твое заблужденіе? о милый другъ! разсѣй мракъ своего ума крестомъ Господнимъ, прогони сомнѣнья и вѣрь мнѣ, вѣрь замогильному голосу, что вся мудрость земная есть ни что иное, какъ безумный бредъ смертныхъ. На что ты ропщешь? на кого востаешъ?... Іегова великъ, силенъ и вѣченъ!... Благость его неистощима и праведны и чисты суды его! можешь ли отвергать то, чего не понимаешь? Если бъ тайны и

Digitized by Google

чудеса неба были доступны уму земныхъ, то не было бъ и смерти, и человѣкъ, уподобясь премудростью высшимъ существамъ, не утопалъ бы въ грѣхѣ и немощной слабости плоти своей. порабощающей его на каждомъ шагу; вѣрь мнѣ, есть жизнь загробная — тайна великая сокрыта въ земной нашей жизни; святая и вѣчная по глубинѣ своей, она изумляетъ насъ своею правдою. Молись! молись! Преклони главу твою предъ Богомъ, смирись, проси помилованья! не ради себя, мое счастье земное,—моя радость и въ небѣ, а ради меня—твоей вѣрной, неизмѣнной подруги. Вѣдь я люблю тебя, какъ прежде, люблю еще полнѣе, лучше, всею силою души, всѣмъ помышленіемъ, незримая, я слѣжу за каждымъ твоимъ шагомъ, ловлю каждую мысль твою, пью жадно и страстно съ очей твоихъ слезы пролитыя о мнѣ. Покорись нашей временной разлукѣ, она необходима для нашего полнѣйшаго счастія на небѣ, только ты не забудь меня, а любовь моя къ тебѣ никогда не изсякнетъ. Молись! молись! ради любви нашей, не хули малодушно великое имя Бога и я вознагражу тебя своей любовью, я съумѣю любить тебя такъ, какъ ты хочешь; посмотри вотъ и залогъ мой!» — И на своей рукѣ я почуствовалъ ея теплую руку, ея горячія губы прильнули долгимъ поцѣлуемъ къ моимъ. Описать нельзя словами то блаженство, которое почувствовалъ я; весь составъ мой содрогнулся отъ чувства небеснаго счастья, никогда въ своей жизни ничего подобнаго я не испытывалъ, самыя лучшія минуты упоенья земной любви ничтожны и блѣдны въ сравненіи съ этимъ святымъ наслажденьемъ! Она видно дала мнѣ почувствовать частицу райскаго блаженства. Отъ полноты счастья и желая крѣпче прижать къ груди свою Левкадію, я сдѣлалъ усиліе надъ самимъ собой, протянулъ руки, открылъ глаза, но видѣніе исчезло, и только въ окно стучалъ своимъ носикомъ бѣлый голубь; онъ улеталъ, и снова прилетая ворковалъ и бился крыльями въ стекло, будто просясь въ бесѣдку. Я вскочилъ съ дивана; въ первый разъ послѣ смерти ея, плача и рыдая слезами умиленья и благодарности, молился колѣнопреклоненный съ спокойствіемъ и счастіемъ

Digitized by Google

въ душѣ. Я былъ утѣшенъ; снова радость заглянула въ мое сердце; тяжелое бремя спало съ груди и опять я вѣрилъ небесамъ, опять полюбилъ людей....» Я задумалась, и болѣе чѣмъ когда нибудь убѣдилась, что въ началѣ прекрасная душа, испорченная дыханіемъ свѣта и неудачами жизни рано или поздно взыщется Богомъ, посылавшимъ ей испытанія, которыя поколебали ее въ молодости.

II.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Дымъ сѣрымъ густымъ облакомъ облегалъ горизонтъ, въ воздухѣ пахло гарью; было-ль то причиной тумана и тяжелыхъ сгустившихся испареній, или просто гдѣ нибудь выжигали меды или горѣлъ лѣсъ, только трудно было различить самые отдаленные предметы, потому, что всѣ они потонули въ сѣромъ густомъ облакѣ. Солнце безъ лучей взошло на небѣ какъ кровавая луна, бросая тусклое красноватое сіяніе на землю. Оно не горѣло, а только свѣтило, и тѣни деревъ ложились на землю какъ предразсвѣтныя, таинственно и блѣдно. Казалось природа улыбалась улыбкой страданья, стараясь притворной радостью скрыть жестокую рану. Такіе дни бываютъ рѣдки, за то тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ на воображеніе. Я сошла въ низъ по аллеѣ, отворила калитку и вышла на свѣжій, вольный воздухъ полей. Небо было ровно, сѣро, на немъ ни одного облачка, ни одного голубаго пятнушка, вода въ рѣкѣ казалась мутной и черной и въ воздухѣ была такая тишь, что лишь осиновый листъ шевелился. Когда я отошла довольно далеко отъ усадьбы, и до меня уже не долеталъ шумъ и говоръ людской жизни, я остановилась и, сѣвъ на обрывѣ горы, съ которой кругомъ видъ былъ прекрасный, невольно задумалась. У ногъ моихъ лѣниво катила рѣка свои волны и въ

Digitized by Google

темную глубь ея смотрѣлось красное солнце, точно предъ вами раскрылась душа человѣка съ кровавою раною, кругомъ лѣсистое мѣсто, прорѣзанное оврагомъ и кустарниками и на маленькой зеленой лощинкѣ одинъ, точно чужой цѣлой природѣ, покинутый всѣми, изгнанникъ изъ роднаго края, широкій могучій дубъ, красуясь роскошно, раскинулъ свои темно-зеленыя вѣтки. Отрадно человѣку одному съ природой, особенно въ минуты, когда слишкомъ ужъ тяжело наляжетъ на него бремя житейскаго горя. Весело отдохнуть его взору въ безпредѣльномъ небѣ или на кудрявыхъ рощахъ и живописныхъ лугахъ, зная, что ни одинъ изъ этихъ предметовъ не оскорбитъ ни взгляда его коварной неправдой, ни слуха жесткимъ словомъ, ни чувства оскорбительнымъ равнодушіемъ. Вольный воздухъ полей вѣетъ свѣжестью, но не холодомъ людскаго эгоизма, и листья деревъ шепчутъ не скучныя и однообразныя рѣчи, выражающія мелкія земныя страсти, а сладкую и убаюкивающую пѣснь бывшаго завѣтнаго счастья.

Въ глубинѣ души моей возстали воспоминанія самыя дальнія, и блѣдныя краски ихъ, будто отъ солнца, приняли опять яркій и свѣжій колоритъ. Въ сердцѣ пробудились уснувшія чувства, и снова больно забилось оно въ груди. Мое зрѣніе казалось пріобрѣло сверхъ-естественную силу и проникло въ самую недосягаемую глубину пространства; эту силу сообщало ему горячее воображеніе и упорная мысль. Врѣзавшись въ небосклонъ, пролетѣвъ тысячи верстъ, перешагнувъ поля и лѣса, они такъ живо рисовали мнѣ знакомыя родныя мѣста, что, казалось, внѣшній міръ какъ-бы исчезъ для меня, и я снова жила прошлою жизнью, испытывая, попеременно, одно за другимъ, минувшія чувства.... Вотъ они, поля моей родины, вотъ родные кладбища и могилы мнѣ милыя. Изъ этихъ могилъ, возстаютъ любимыя лица, полныя жизни и молодости,—начинается снова дружескій говоръ, чувствуешь, кажется, страстныя ласки и невольно шевелятся уста мои повторяя святыя клятвы. Ихъ чуетъ ли милый мнѣ прахъ? Жаждутъ уста мои поцѣлуя и

Digitized by Google

хочется прижаться къ груди, да грудь ту точитъ давно могильный червякъ и сердца въ ней нѣтъ!... Вотъ стѣны и мебель знакомыя, вотъ улыбка любимая, вотъ взглядъ поникшій, глубокій; онъ душу шевелитъ; въ жилахъ разыгралася кровь, и мнится, снова живешь давно прошедшею веселою жизнью съ друзьями, которыхъ на землѣ лишь имя одно осталось въ памяти, да и то не у многихъ людей. Горько жить тому на свѣтѣ, кто помнитъ свѣтлое счастье съ тѣми, кого на землѣ не найдти уже болѣе, и тоскливо бьется бѣдное сердце, чуя пустыню кругомъ. Знавъ страсти, знавъ жизнь иную, жизнь сладкихъ восторговъ и упоенья святаго, и до сихъ поръ еще любишь, любишь упрямою, горячею любовью; но только тѣнь минувшаго, призракъ облеченный въ саванъ могильный. О прошлое! прошлое! Какъ тяжко и сладко ты вмѣстѣ! И память на горе иль радость дана намъ?

Но дальше, дальше отъ грустныхъ воспоминаній, дальше отъ черныхъ дней опыта.... Юность, дѣтство, красные дни моего невиннаго невѣдѣнья придите хоть на мигъ оживить душу!

И вотъ, воскресаетъ въ моей памяти самая веселая, самая блестящая эпоха моей жизни. Снова, раздается въ ушахъ торжественный гулъ колоколовъ Петербурга, и солнце озаряетъ такъ же ярко обширную залу нашего института, какъ и свѣтлая надежда и беззаботная радость сердца. Для меня вся жизнь еще впереди и оглядываться нечего, ни одно мрачное воспоминаніе не тяготитъ памяти и вся молодость съ ея наслажденіями, вся будущность съ ея тайнами, стелется передо мной роскошными мечтами и нѣжитъ и манитъ къ себѣ, будто приглашая на вѣчный и нескончаемый пиръ жизни. Еслибъ кто сказалъ намъ тогда, что эти мирные классы, кажущіеся намъ иногда скучными, эта благодѣтельная подчиненность, тяготившая оперившихся птичекъ и желающихъ попробовать полетъ свой, и это оживленное общество молодыхъ подругъ, есть на самомъ дѣлѣ лучшая и самая счастливая эпоха всей нашей жизни.... Еслибъ сказали,

Digitized by Google

намъ, что эти классы полные жизни и пищи для молодаго ума, гдѣ всякій одушевленный благороднымъ соперничествомъ, обогащается полезными познаніями, — замѣнитъ сухая проза повседневныхъ занятій, часто тяжелыхъ, омоченныхъ горькими слезами, что эта беззаботная и легкая подчиненность старшимъ, замѣнится свободой, сѣющей сперва много ошибокъ и на-себѣ-извѣданнаго горькаго опыта,—и окованной потомъ тяжелыми цѣпями расчетливаго разсудка; что веселыя любящія подруги съ рѣчью ласки и мечтами самыхъ обаятельныхъ надеждъ, замѣнятся холодомъ чужаго общества и словами грустной истины желчнаго опыта и суеты безумныхъ тревогъ и мелкихъ заботъ жизни. О друзья мои, молодыя, пышныя розы Маріинской теплицы! Повѣрили-бъ вы тогда этому предсказанію? Не отвергли-бъ вы все это, какъ злую выдумку больнаго ума? Вамъ жизнь теперешняя кажется однимъ началомъ прекраснаго, будущаго счастья, вы держите торжественно свитокъ вашей жизни въ своихъ рукахъ, думая, что весь онъ разрисованъ яркими красками.... Дѣти! медлите; не торопитесь развивать его, пощадите свѣжій румянецъ вашихъ лицъ; исчезнетъ онъ отъ одного взгляда вашего на этотъ роковой свитокъ....

Институтъ, милый институтъ! Нѣтъ, никогда я не забуду твой гостепріимный пріютъ! И вотъ уже 10 лѣтъ, а воспоминанія о тебѣ волнуютъ душу и навертываютъ слезы на глаза.

Вотъ наши классы, столы и лавки, разставленные симметрически и мы всѣ съ книгами и тетрадками. Здѣсь и Варенька П***, съ бантомъ отличія на плечѣ; этотъ бантъ, ея вѣчная принадлежность, и отъ того она пріобрѣла такой же почетъ и уваженіе въ нашемъ маленькомъ мірѣ, какъ въ большемъ какой-нибудь министръ или генералъ, увѣшанный орденами. Вотъ и Саша Л***, нашъ поэтъ, прославившійся своими бойкими сатирами на подругъ и учителей и увѣнченный нами, вмѣсто лавровъ, безсмертными цвѣтами, изъ которыхъ красуется, надъ ея кроватью, ея вензель.... Но раздался

Digitized by Google

шумъ и смѣхъ, замолкъ голосъ учителя исторіи и онъ вопросительно и строго посмотрѣлъ на своихъ слушательницъ. Леня М*** вытянулась въ струнку, и по легкому румянцу, выступившему у нея на лицѣ, можно было узнать виновницу. Это нашъ комикъ, талантъ сценическій, и всѣ мы увѣрены, что Леня — второй Живокини. О, у насъ есть и свои Фанни Эльслеръ, и Віардо и Рубенсъ, рѣзецъ картонныхъ и бумажныхъ ландшафтовъ; вѣдь институтъ особый маленькій волшебный міръ или скорѣе эдемъ, въ которомъ есть и почести, и слава, и поклоненіе искусству, и веселая роскошь свѣтской жизни, появляющаяся у насъ залетно; есть даже то, чего нѣтъ въ большемъ мірѣ, это высокая и готовая на всѣвозможныя пожертвованія дружба, вѣра въ святое и прекрасное, и любовь братская, искренняя, ко всему человѣчеству; нѣтъ у насъ только заботъ, да горя....

По ярче всѣхъ въ моихъ воспоминаніяхъ институтской жизни, рисуются сцены пріѣзда нашего Ангела-Хранителя, Ея Императорскаго Высочества Елены Павловны. Раздастся сигнальный колокольчикъ, и лица почти всѣхъ дѣвицъ покроются заревомъ радости, единодушный восторгъ оживитъ классъ, бьются сердца молодыя, горятъ огнемъ любви самой чистосердечной и горячей, и чище и лучше въ сто кратъ эта любовь—любви, которая позднѣе часто омрачаетъ невинныя сердца.... Послѣ обычнаго поклона, каждая изъ насъ устремляетъ на нее жадный любопытства взоръ, и съ какой благоговѣйною внимательностью мы всматриваемся въ каждое ея движеніе, вслушиваемся въ звукъ ея ласковаго голоса и разсматриваемъ до малѣйшей подробности ея нарядъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ поразительна была красота ея! Эта величественная грація въ поступи, царская осанка, черты блистающія не одной красотой, но запечатленныя мыслью глубокою, и глаза, въ которыхъ, казалось, не было предѣла высокимъ чувствамъ. И что за счастье той изъ насъ, на которую обратитъ она вниманіе, къ кому отнесется съ вопросами или шуткой!

Digitized by Google

Много съ тѣхъ поръ воды утекло, много изъ сердца цвѣтковъ вырвалъ опытъ, и узнала я много новыхъ чувствъ, но ни одно не было вмѣстѣ такъ живо и чисто! То была любовь глубоко дѣтски-преданная, лишенная всякаго эгоизма, счастливая однимъ созерцаніемъ. Въ этомъ чувствѣ было столько полноты и восторга! Бывало, стоишь у окна и смотришь на удаляющуюся карету и сердце горитъ, дыханіе въ груди замираетъ. О! на душѣ такъ весело, что кажется, выпусти меня только на улицу, и безъ крыльевъ взлетѣлъ бы на небо.

И все это прошло и возврату ему нѣтъ! А давно-ли, кажется? Давно-ли у меня румянецъ игралъ на щекахъ и сердце было полно надеждъ?... Давно-ли вѣровала я въ будущее и сильная не опытомъ, готова была гордо вступить въ борьбу съ жизнью?... Нѣтъ, жизнь пройдти — не розу сорвать съ стебелька; опытомъ разумъ нажить не такъ легко, какъ надѣть на себя, въ святочный вечеръ, фальшивую бороду. Чтобъ сѣдой волосъ выростить, нужно сперва изучить съ кровавымъ трудомъ науку жизни.... Гдѣ вы молодыя мои сверстницы-товарищи дѣтства? Куда разбросала судьба васъ? Кому далось золото, кому заступъ тружеическій? Скосила-ль кого ранняя смерть? И многія-ль изъ васъ смѣючись скажутъ, что жизнь праздникъ обширный, и кружиться въ немъ весело?... Дай Богъ, чтобъ для многихъ изъ васъ, будущее не разъяснилось грустной основой. Нѣтъ, радуйтесь, будьте счастливы своей молодостью; лучше мимо пройдти, если можно, горькихъ разубѣжденій и не вѣдать гнета истины, лучше вѣкъ остаться дитею.... Но, кто хочетъ быть взрослымъ и вѣровать въ силу свою, кто въ смерти видитъ не вѣчный безпробудный сонъ,—тотъ слезы полюбитъ, тотъ трудъ понесетъ, какъ любимое бремя, и братски обниметъ врага человѣка сорвавшаго съ глазъ его жесткой рукой счастливую, но ложную повязку на все въ мірѣ.

Digitized by Google

Падайте, падайте листья осенніе,
Годы тяжелые мчитесь скорѣй!
Скоро-ль покроются просѣдью волосы,
Скоро-ли юность моя пролетитъ?
Что мнѣ отъ жизни ждать? все испытала я,
Знаю чѣмъ избранныхъ любитъ дарить;
Щедрость даровъ ея ужъ не подъ силу мнѣ
Клонитъ подъ бременемъ ноши къ землѣ
Сердце горячее, люди жестокіе,
Облили горечью холода чувствъ;
Въ гордой душѣ моей несправедливостью
Подняли желчи томительный ядъ.
Все, что любила я, неумолимая,
Силой могущества небо взяло....
Въ счастье не вѣрю я, здѣсь все обманчиво,
Тамъ же на небѣ, загадка для насъ!
Скоро-ль поблекнетъ, скоро-ль завянете
Пестрые яркіе лѣта цвѣты?
Старость безстрастная, старость спокойная
Русыя кудри укрась сѣдиной.

ЧАСОВНЯ.

Свищетъ вѣтеръ надъ часовней,
Пѣснь могильную поетъ,
И скрипя качаетъ въ петлахъ
Непритворенную дверь.
Въ той часовнѣ, духъ мой ищетъ
Тѣнь любимую мою.
«Ангелъ милый на минуту
«Покажись глазамъ моимъ!»

* * *

Но безмолвствуютъ пустыя
Стѣны храмины святой,
И напрасно образъ милый
Я, безумная, зову.
Не возстанетъ онъ изъ гроба,

Digitized by Google

Не утретъ моей слезы
И объятіемъ горячимъ
Сердца жизнь не воскреситъ.

* * *

«О мой Ангелъ свѣтлоокій,
«Сердца страстная мечта!
«Полно душу мнѣ тревожить
«Безнадежною тоской!
«Не воротишь, не воротишь
«Счастье прошлое назадъ
«И любовь мою и радость
«Все, могильный склепъ унесъ.

* * *

«Другъ мой, съ ложа земляного
«Подыми свое чело,
«Посмотри какъ я страдаю,
«Посмотри какъ я люблю;
«Безъ тебя, мнѣ жизнь постыла,
«Пустъ и холоденъ сталъ свѣтъ,
«И людской смѣхъ мнѣ на зависть,
«Радость — врагъ мнѣ и въ чужихъ!»

* * *

Шаритъ вѣтеръ безпокойно,
Разыгравшись по угламъ,
Будто тщетно что-то ищетъ
Имъ утраченное здѣсь.
Мечетъ, свищетъ, вихремъ носитъ
Мимо оконъ желтый листъ;
Слышны въ ропотѣ тоскливомъ
Вѣтра страшныя слова.

* * *

«Что тревожить сонъ могилы
«Воплемъ горести земной?

Digitized by Google

«Не зови ее, не придетъ,
«Изъ могилъ не встаютъ!
«Посмотри — зарю смѣняетъ
«Въ небѣ новая заря,
«Юный лѣсъ ростетъ на старомъ,
«Осень лѣто замѣнитъ.

* * *

«День прошедшій не воротишь,
«Время все бѣжитъ впередъ,
«Легкокрылое уноситъ
«И улыбки и слезу.
«Не ропщи же малодушно,
«Горю придетъ свой конецъ;
«Вѣрь, и ты съ текущимъ годомъ
«Друга новаго найдешь.»

Франциска К.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

Записки Горыгорѣцкаго Земледѣльческаго Института.—Книжка 5-я.

Записки эти раздѣляются на два отдѣла. Въ первомъ, заключается: I-й, краткій отчетъ за 1854—1855 академическій годъ по Горыгорѣцкому Институту и училищу; II, отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Горыгорѣцкой учебной фермы за 1854-й годъ и III, объявленіе о преподаваніи наукъ въ Институтѣ и училищѣ на 1855 1856-й академическій годъ.

Во второмъ: I, о происхожденіи и распространеніи въ Европѣ рогатаго скота и въ особенности породъ Айрширской и Ютландской, г-на Лудвике. II, о поземельномъ богатствѣ Воронежской губерніи, агронома Н. Аѳанасьева, и III, краткое описаніе Куртрейскаго плуга, студента Буркевича.

Не касаясь части административной и учебной, составляющихъ заботу завѣдывающихъ лицъ и Правительства, имѣющаго цѣлію распространеніе полезныхъ свѣдѣній по части сельскаго хозяйства, мы остановимся въ первомъ отдѣлѣ: на отчетѣ о состояніи и дѣйствіяхъ учебной фермы, и на второмъ отдѣлѣ, въ которомъ помѣщены статьи, принадлежащія къ хозяйственной литературѣ.

Наука сельскаго хозяйства, какъ разумный выводъ изъ тысячелѣтней опытности, предлагаетъ данныя, на основаніи которыхъ мыслящій хозяинъ, примѣняясь къ положенію мѣста, качеству земли и климату, долженъ опредѣлить: какой способъ обработыванія приличенъ для той и другой почвы? Какія растенія возможно и должно воздѣлывать, смотря по качеству почвы, климату и потребностямъ мѣстности? Какихъ животныхъ, и въ какомъ количествѣ, онъ долженъ содержать въ своемъ хозяйствѣ, и съ какою именно цѣлію? Какія техническія и механическія заведенія возможны и приложимы

Digitized by Google

къ его хозяйству? Опредѣливъ такимъ образомъ все это, онъ долженъ сообразить, съ большою точностію, пространство земли, имъ назначаемое къ обработыванію, съ рабочею силою или капиталомъ, выражающимъ эту силу.

Изъ этого выходитъ, что наука сельскаго хозяйства въ область свою принимаетъ: I—Агрологію, т. е. ученіе о составныхъ частяхъ почвы, физическихъ свойствахъ какъ ея, такъ и среды ея окружающей, удобреніе (amendement), унавоженіе и возбужденіе ея дѣятельности. II—Земледѣліе (agriculture), т. е. ученіе объ обработываніи земли, ея обсѣмяненіи, уборкѣ и прочихъ послѣдовательныхъ работахъ до полученія продуктовъ отъ хлѣбопашества. III—Зоотехнія, т. е. ученіе о разведеніи, воспитаніи и седержаніи домашнихъ животныхъ. IV—Технологію и V—Механику, по скольку та и другая наука относятся до сельскаго хозяйства.

Смотря съ этой точки зрѣнія, на науку сельскаго хозяйства, мы видимъ, что она зиждется на совокупномъ знаніи наукъ естественныхъ, безъ которыхъ существованіе ея невозможно; а потому и невозможно быть агрономомъ, безъ свѣдѣній, знакомящихъ насъ съ законами природы.

Наука сельскаго хозяйства родилась изъ опытовъ всѣхъ странъ и народовъ, а потому несправедливо думать будто бы въ этомъ общемъ движеніи не приняла ни какого участія родная земля наша; но если научнымъ образомъ наука выразилась на Западѣ, то это не даетъ намъ права отталкивать ее отъ себя и обвинять самую науку за всѣ промахи, сдѣланные и дѣлаемые такъ называемыми агрономами, которые полагаютъ всю премудрость въ неразумномъ приложеніи непонятной науки къ дѣлу, или въ произволѣ употреблять рабочую силу, состоящую, у насъ на Руси, изъ нашихъ ближнихъ, повинующихся безусловно нашей волѣ, къ удовлетворенію ненасытныхъ нашихъ требованій. Сельскій хозяинъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, прежде всего, долженъ быть христіанинъ, глубоко проникнутый истиною Св. ученія и въ дѣйствіяхъ своихъ обязанъ слѣдовать примѣру Божественнаго Учителя. Потомъ, онъ долженъ быть человѣкомъ образованнымъ и преимущественно свѣдущимъ въ тѣхъ отдѣлахъ знаній, на которыхъ зиждется сельское хозяйство. Что значитъ опытъ въ земледѣліи? Это вопросъ, данный вами природѣ. Чтобы вы могли получить отвѣтъ, необходимо сдѣлать вопросъ правильно; въ противномъ случаѣ, общая мать наша, земля, или вовсе не отвѣчаетъ,—или отвѣчаетъ совсѣмъ не то, чего вы добивались. Если, напримѣръ, вы захотите ввести и способъ

Digitized by Google

обработыванія и сѣвооборотъ нашего степнаго хозяйства въ Могилевской губерніи, то, конечно, результаты будутъ не сообразны съ такого рода вопросомъ. И такъ не наука, какъ разумный выводъ изъ опыта, а мы, недоучки, причиною равнодушія и къ самой наукѣ и къ ея приложенію въ отечествѣ нашемъ. Покоряясь безусловно западному авторитету, мы никакъ не хотимъ дать себѣ труда и смѣлости глубже посмотрѣть на нашъ народный способъ хозяйства, дабы изъ этого изученія вывести: что приложимо или не приложимо къ нашему климату, почвѣ, потребностямъ и быту? Мы начинаемъ съ того, что бы порицать все свое, клепать на мужика будто бы онъ лѣнивъ и упрямъ, ни мало не входя въ его положеніе и вводить чужеземное, потому только прекрасное, что оно не наше. Неужели можно думать, что русскій человѣкъ не чуетъ своей пользы? Онъ охотно принимаетъ все, что можетъ содѣйствовать его матеріальнымъ выгодамъ, но принимаетъ не вдругъ, не безусловно, а тогда лишь, когда выразумѣетъ, въ своемъ пониманіи, всю пользу отъ измѣненія способовъ, къ которымъ онъ привыкъ съ малолѣтства. Упрямство его, какъ человѣка одареннаго безсмертнымъ духомъ, тогда лишь обнаруживается, когда его заставляютъ вводить въ хозяйство новой порядокъ, котораго пользы онъ не сознаетъ еще въ умѣ своемъ. Свобода дѣйствія — вотъ что нужно для хозяина, будь онъ мужикъ или баринъ.

Обращаясь къ отчету учебной фермы Горыгорѣцкаго Института, мы не можемъ не быть проникнуты полнымъ убѣжденіемъ въ пользѣ, которую уже приноситъ и принесетъ, современемъ, введеніе на фермѣ всѣхъ отдѣловъ хозяйства, начиная съ полеводства до пчеловодства. Тутъ молодые люди могутъ практически изучить всѣ части, составляющія принадлежность большихъ и не большихъ хозяйствъ.

Фермы, учрежденныя Правительствомъ въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, конечно должны имѣть цѣлію показать значеніе хозяйствъ въ этихъ мѣстностяхъ, не исключая изъ этого и учебную ферму Горыгорѣцкаго Института, въ которой, сверхъ прямой цѣли, должны быть указанія на всѣ способы обработыванія земель и всѣ роды сѣвооборотовъ, дабы познакомить молодыхъ, будущихъ дѣятелей на поприщѣ сельскаго хозяйства, совсѣмъ, что, въ настоящее время, предлагаетъ западная наука. И такъ главное дѣло учебной Горыгорѣцкой фермы, должно, кажется, заключаться въ точномъ опредѣленіи мѣстнаго хозяйства, показавъ при этомъ случаѣ, дѣйствіе усовершенствованныхъ орудій, способы унавоженія, удобренія

Digitized by Google

и обработыванія полей; способы осушенія сырыхъ мѣстъ, ирригаціи, дренажа; что же касается собственно до сѣвооборота, то, кажется, безполезно вводить на учебной фермѣ полеводство, несообразное съ климатомъ, почвою и мѣстностію, и достаточно наученымъ образомъ объяснить тотъ или другой сѣвооборотъ, опредѣливъ при томъ: почему тотъ или другой изъ нихъ не можетъ быть приложенъ къ мѣстности фермы и долженъ быть вводимъ въ мѣстностяхъ подходящихъ подъ условія того или другаго сѣвооборота? Такой способъ избавитъ отъ невознаградимыхъ потерь, которыя не приносятъ никакой пользы ни учащимся, ни дѣлу.

Позволяемъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя возраженія на опыты, произведенные учебною фермою. 1) На стр. 48-й, перваго отдѣла, сказано о зеленомъ удобреніи: «дѣйствіе его удовлетворительно на «хорошихъ почвахъ, на слабыхъ же, оно не вознаграждаетъ расхо«довъ, почему этотъ тукъ можетъ быть употребляемъ съ большею «только осторожностію.»

Съ этимъ выводомъ, мы никакъ не можемъ согласиться, по слѣдующей причинѣ: запахиваніе растеній сильно прозябающихъ, каковы шелушныя и стручковыя, есть чистый выводъ изъ опыта; наука силилась разгадать причину: отчего послѣ сильныхъ травъ запаханныхъ въ цвѣтеніи, почва пріобрѣтала болѣе плодородія? и получила въ результатѣ, что органы живаго растенія, въ наивысшемъ ихъ развитіи, доставляютъ въ почву азотъ, какъ вещество, составляющее одно изъ важнѣйшихъ началъ для питанія растеній. Опытомъ доказано и утверждено наукою, что сильно прозябающія растенія приличны для этой цѣли, а потому ихъ преимущественно для того и употребляютъ. Что же касается до того, будто бы зеленое удобреніе не вознаграждается на слабыхъ почвахъ и стоитъ дороже унавоженія, то отвѣтимъ на это цыфрами. На казенную десятину, съ цѣлію запахать во время цвѣтенія, требуется наибольшее количество сѣмянъ, положимъ гречихи, 10 пудъ. Къ работамъ, которымъ подвергается паровое поле, прибавится: посѣвъ и закатываніе гречихи, если она росла роскошно. Для посѣва одной десятины нужно $^1/_2$ рабочаго; для закатыванія, одинъ рабочій съ лошадью. Эти двѣ прибавочныя работы и сѣмяна превратимъ въ деньги: рабочій съ лошадью стоитъ 60 к. въ день, $^1/_2$ рабочаго пѣшаго (сѣяльщикъ) 15 к., 10 пудъ гречихи 4 руб.; всего 4 руб. 75 к.,—вотъ то, что нужно прибавить къ обыкновенной обработкѣ пара. Посмотримъ, что стоитъ унавозить землю, чтобы доставить ей то количество азота, какое доставила запаханная въ зелени гре-

Digitized by Google

чиха. По изслѣдованіямъ Пайена и Бусенго, азота заключается: въ гречихѣ на 100 частей, 0,48, а въ обыкновенномъ навозѣ на 100 частей 0,40; то и другое въ сыромъ видѣ. Итакъ, чтобы доставить землѣ тоже количество азота, какое доставлено запаханною гречихою, нужно навоза до 600 пудъ, т. е. считая въ возъ обыкновеннаго навоза 15 пуд.,—40 возовъ. Для вывозки 40 возовъ навоза въ день, при разстояніи отъ скотнаго двора 250 саж., потребуется 4 лошади и 4 человѣка по 60 к., 2 р, 40 к., для накопленія 600 пудъ навоза нужно содержать крупную рогатую скотину, кормъ которой составитъ, полагая одинъ пудъ сѣна въ день, а въ 200 дней 200 пудъ по 5 к. 10 р.; уходъ за нею, помѣщеніе и проч. расходы въ годъ 3 р. 50 к. Предположивъ, что содержимая корова даетъ 1 пуд. 20 ф. масла, 4 п. 20 ф. творога и теленка, получится: за масло 6 р., за творогъ 2 р. 25 и за теленка по истеченіи 12 дней 1 р. сер., а всего 9 р. 25 к. Вычтемъ полученную отъ коровы прибыль изъ 13 р. 50 к., останется 4 р. 25 к., т. е. стоимость навоза, не считая подстилки. Къ этимъ 4 р. 25 к. прибавимъ 2 р. 40 к. на вывозку навоза, получимъ 6 руб. 65 к. Сравнимъ съ зеленымъ удобреніемъ: унавоженіе стоитъ 6 р. 65 к., зелен. удобр. 4 р. 25 к.; въ пользу послѣдняго остается 2 р. 40 к. Послѣ такого вывода, можно ли сомнѣваться въ полезности зеленаго удобренія для всякаго рода почвъ? Мы не говоримъ уже о томъ, что прочія части растенія, кромѣ азота, переходящія въ почву, измѣняютъ ея содержаніе.

2) Опытъ надъ удобреніемъ мергелемъ, стр. 86. Этотъ опытъ намъ кажется не совсѣмъ сообразнымъ съ наукою. Мергель, какъ минеральное вещество, измѣняющее составныя части почвы, не можетъ быть сравниваемъ съ навозомъ, который есть продуктъ органическій. Какъ соединеніе извести съ глиною, мергель можетъ быть вовсе безполезенъ и даже вреденъ, если въ составныхъ частяхъ почвы находится известь въ надлежащемъ, для ея плодородія, количествѣ. 3) На стр. 50-й, касательно ломанія яровыхъ, мы никакъ не можемъ согласиться съ наблюденіями учебной фермы. По нашему мнѣнію, ячмень или овесъ ломать должно тогда, когда зерно прорастетъ въ землѣ, до всходовъ; но когда всходы уже покажутся, тогда ломаніе будетъ работа не только безполезная, но даже вредная; а потому и не удивляемся что ломаніе ячменя и овса было не удачно. Въ тридцатилѣтнюю опытность нашу, мы замѣтили, ни одинъ разъ, что ячмень сноситъ еще ломаніе когда всходы покажутся, но овесъ всегда сильно потерпитъ, а потому мы всегда

Digitized by Google

ломаемъ и тотъ и другой посѣвъ, до всходовъ. Что касается до гречихи и вики, то ломаніе ихъ едва ли можетъ быть допущено: вѣдь то и другое растеніе, при всходѣ, несетъ зерно въ видѣ шапочки. При полномъ уваженіи къ прекрасному учрежденію Правительства, мы рѣшились высказать наше мнѣніе о томъ, что болѣе бросилось намъ въ глаза и что ближе къ намъ, по опытамъ произведеннымъ нами, въ весьма продолжительный промежутокъ времени.

Перейдемъ теперь къ 2-му отдѣлу. Статья г. Лудвиге читается съ удовольствіемъ и показываетъ, что авторъ знаетъ породы скота, воспитываемыя на западѣ; касательно же нашего русскаго скотоводства, онъ упоминаетъ только, что скотъ нашъ сохранилъ качества азіятскаго типа, откуда онъ произошелъ. Думаемъ, что, при движеніи славянскихъ племенъ съ запада на востокъ, они привели и домашній скотъ свой, который, смѣшавшись съ тою породою, которая жила на Руси, произвелъ отличіе, имѣющее особый свой типъ, измѣняющійся по качеству корма, и пажитей и климата. Мы можемъ сказать съ достовѣрностію, что нашъ русскій скотъ, воспитанный какъ должно, составляетъ прекрасную породу сальную и молочную, доступную значительнымъ улучшеніямъ. Статья г. агронома Аѳанасьева хорошо написана, съ знаніемъ дѣла. Видно, что авторъ не только слышалъ, но и видѣлъ то, что описалъ въ Воронежской губерніи, которая принадлежитъ къ плодороднымъ губерніямъ нашего отечества и по качеству почвы, географическому положенію и климату составитъ современемъ богатую житницу съ улучшеніями, какимъ доступно сельское хозяйство. Въ настоящее время, эта губернія, какъ и многія другія, отрѣзанныя отъ главныхъ рынковъ, по недостатку въ сообщеніяхъ, не можетъ развить всей производительной силы своей и употребить для ея развитія капиталы, которые принесетъ торговля, съ введеніемъ желѣзныхъ дорогъ.

Не имѣя, во всѣхъ случаяхъ, вѣрныхъ данныхъ, г. Аѳанасьевъ долженъ былъ основываться на показаніяхъ г. Тенгоборскаго, выводы котораго едва ли могутъ быть даже приблизительно вѣрны въ вопросахъ, касающихся до внутренней жизни нашего отечества. Статистическія свѣдѣнія, собираемыя черезъ лицъ, не разумѣющихъ всей важности этого дѣла, и какое-то странное побужденіе жителей деревень и городовъ скрывать свои средства отъ Правительства, дѣлаютъ изысканія крайне затруднительными. Такимъ образомъ, производительныя силы Россіи составляютъ еще загадку и для ученыхъ и для Правительства. Не менѣе того, нельзя не сказать, г. Аѳанасьеву, русское спасибо, за описаніе поземельнаго богатства

Digitized by Google

Воронежской губерніи. Побольше такихъ статей, и мы скоро узнаемъ производительныя наши силы. При наблюдательности г. Аѳанасьева, нельзя не пожелать, чтобы онъ еще болѣе прослѣдилъ всѣ отрасли Воронежскаго хозяйства, по-уѣздно, дабы представить болѣе совершенную картину, не полагаясь на данныя, которымъ трудно дать вѣроятіе, при всемъ уваженіи къ обширному труду г. Тенгоборскаго.

Прекрасный рисунокъ куртрейскаго плуга, признаннаго лучшимъ земледѣльческимъ орудіемъ, и описаніе его студентомъ Буркевичемъ, заключаютъ записки Горыгорѣцкаго Института. Пріятно видѣть, что молодые воспитанники, этого заведенія, мыслятъ о дѣлѣ, которому себя посвящаютъ и выражаются прекраснымъ языкомъ.

Виды города Тулы, рисовалъ съ натуры и литографировалъ Карлъ фонъ-Шеле, Тула, текстъ *Н. Ѳ. Андреева*.

До сихъ поръ, мы имѣемъ очень мало городскихъ описаній и видовъ; даже Москва и Петербургъ не имѣютъ сподручныхъ для всякаго путеводителей. Дорогіе изданія Свиньина и Снегирева доступны для немногихъ, и притомъ обнимаютъ только нѣкоторыя части нашихъ столицъ. Кіевъ нѣсколько счастливѣе, благодаря бывшему губернатору Фундуклею. Для Владимира поработали довольно Гг. Тихонравовъ и Доброхотовъ. Новгородъ ждетъ сочиненія отъ Гг. Красова и Куприянова. Но все еще это только матеріалы.

Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ встрѣтили мы вышеупомянутое изданіе. Виды города Тулы сдѣланы старательно, и, какъ говоритъ авторъ текста, «вѣрно до педанства», а это важное достоинство. Рисунки знакомятъ насъ съ внѣшнимъ видомъ и расположеніемъ улицъ, а текстъ поясняетъ чему принадлежатъ они и т. д.

Одною изъ главныхъ улицъ Тулы, считается Кіевская. Это тоже самое, что для Москвы—Кузнецкій мостъ, а для Петербурга—Невскій проспектъ.

Описаніе извѣстнаго знатока древностей вообще, а тульскихъ въ особенности Н. Ѳ. Андреева, очень любопытно.

Выпишемъ одно мѣсто. Говоря объ одномъ домѣ, стоящемъ на этой улицѣ, именно объ домѣ Инвалидовъ, авторъ разсказываетъ: «Вениценъ «былъ нѣсколько лѣтъ правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора «Михаила Никитича Кречетникова, завѣдывавшаго пятью губерніями, «въ томъ числѣ и Тульскою. Императрица Екатерина II-я въ про-

Digitized by Google

«ѣздъ свой черезъ нашъ городъ, изволила пожаловать Веницееву «золотую табакерку, наполненную червонцами, сказавъ: Я слышала «о вашемъ умѣ, читала бумаги вами сочиненныя, и знаю вашу «опытность; охраняйте Михаила Никитича (Кречетникова). Онъ че«ловѣкъ военный и въ дѣлахъ легко можетъ ошибаться.» Старожилы говорили намъ, что мысль устроить въ Тулѣ Домъ Инвалидовъ принадлежала покойному Веницееву, который по недостатку, не могъ исполнить задушевнаго своего желанія. Такія препятствія, возмутившія энергическую личность любимца нашего намѣстника, М. Н. К., вынудила его обратиться съ просьбою къ дочери своей Баскаковой, которая съ соизволенія Императора и устроила Домъ Инвалидовъ. «Мать ея, вдова Веницеева взнесла также капиталъ въ Тульскій Приказъ общественнаго призрѣнія на содержаніе такаго же числа Инвалидовъ. Вся сумма, принадлежащая этому человѣколю«бивому заведенію, не превышаетъ однако же 12 т. р. с.» На Кіевской улицѣ, есть три дома, уже совершенно обветшалые, въ одномъ изъ нихъ, «въ одинъ и тотъ же день случились двое похоронъ и «три свадьбы. Настоящая мелодрама! однакожъ эти три поспѣшные «брака накликали на себя большую бѣду: враждовавшіе родствен«ники завязали процессъ, кончившійся въ 1814 году, конечнымъ ра«зореніемъ обоихъ тягавшихся сторонъ. Это юридическое дѣло «имѣло до четырехъ тысячъ листовъ одной гербовой бумаги....» -

Послѣ Кіевской улицы, авторъ говоритъ объ видѣ Кремля съ сѣверной стороны, и Криваго моста. За тѣмъ авторъ разсказываетъ намъ исторію Кремля, и завершаетъ текстъ свой описаніемъ знаменитаго Тульскаго оружейнаго завода. Пожелаемъ автору текста и г-ну Фонъ-Шеле, художнику, успѣха въ ихъ прекрасномъ предпріятіи.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Промыслы Ярославцевъ.—Дворничество, *Афени*.—Ростовскіе огородники, половые, тканье полотенъ.—Лошади, называемыя Ростовскія выкормки.—Способъ ихъ пріобрѣтенія, образъ воспитанія.—Малороссійскія лошади, ремонты для войска, продажа ихъ за границу.—Очеркъ быта малороссійскаго крестьянина:—Овцеводство, коневодство, скотоводство, хлѣбопашество, маслянничныя растенія, табаководство, табакъ графа Долона, бахчи и огородничество, дыни, садоводство.—*Горылка*.—Обликъ Малороссіянина, его языкъ, его характеръ, малороссійская лѣнь, Малороссійскій и Смоленскій плугъ.—Почему земледѣліе Малороссіи не имѣетъ надлежащаго развитія? *Чумакованіе*.—Жилища Малороссовъ.—Мельницы и *жорна*.—*Паськи* и *пасьчники*.—*Играть улицы*.—*Вечерницы*.—*Досвѣтки*.—*Грища*.—Прелесть кочевой жизни Малоросса.—*Жартованіе*.—Не словоохотливость Малороссіянъ.

Промыслы Ярославцевъ разнообразны. Ярославскіе крестьяне всѣ, или по бо́льшей части, народъ торговый и промышленный. Ярославцы съ Коломенцами почти вездѣ на проѣзжихъ дорогахъ завладѣли дворничествомъ; они, вмѣстѣ съ Владимирцами, неутомимые *Афени*, пускающіеся въ дальній путь даже за *Каменный поясъ*, (Уральскія горы), съ Московскими красными товарами, донскими балыками, астраханской икрой, тульскими пряниками и книжнымъ хламомъ, который покупаютъ за дешевую цѣну у книгопродавцевъ Никольской улицы и толкучаго рынка. Ростовцы, принадлежащіе также къ Ярославской губерніи, по преимуществу огородники, и расходятся по цѣлой Россіи, нанимаясь у помѣщиковъ и богатыхъ купцовъ ходить за ихъ садами и огородами; много молодцоватыхъ Ярославцевъ исправляютъ въ московскихъ трактирахъ должность такъ называемыхъ половыхъ; ярославцы сверхъ земледѣлія занимаются ткачествомъ полотенъ, и полотна ярославскія, а также и

Digitized by Google

столовое бѣлье, платки и полотенца пользуются заслуженной славой; посредствомъ своихъ собственныхъ комиссіонеровъ и лавокъ, заведенныхъ по бо́льшей части ярославскими купцами, они успѣшно сбываютъ эти произведенія въ обѣихъ нашихъ столицахъ и въ южныхъ губерніяхъ;—ярославцы мастера продать товаръ лицомъ, впрочемъ, какъ скоро этотъ товаръ хорошаго достоинства. Вотъ лошади, такъ называемыя ростовскія выкормки, не смотря на свою красоту, никуда не годятся. Они не даромъ называются *выкормками*, ибо бо́льшею частію воспитаны ростовскими огородниками, которые покупаютъ ихъ жеребятами *сосунами*. Въ Ростовѣ, и Романовѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ только бываютъ конные базары и рынки, осенью, на каждомъ торгу, вы найдете цѣлыя сотни кобылокъ и жеребчиковъ, только отнятыхъ отъ матерей; въ этомъ молодомъ племени полезнѣйшихъ животныхъ, вы встрѣтите и лошадей, ежели не рысистой и чисто-скаковой крови, довольно породистыхъ, родившихся на конныхъ заводахъ мѣстныхъ помѣщиковъ, и помѣсь отъ жеребцовъ господскихъ и случныхъ конюшенъ, и просто крестьянскихъ, русскихъ лошадей. Цѣна каждому жеребенку простирается отъ пяти до тридцати рублей серебромъ. Ростовскіе огородники покупаютъ ихъ довольное количество. Какъ только какой нибудь изъ нихъ купитъ жеребенка, введетъ его домой, ставитъ въ стойло, (обыкновенно, сарайчикъ, срубленный изъ заборнику, въ двѣ съ половиной или въ три квадратныя сажени), и навсегда заключаетъ его въ эту темницу; никогда жеребенокъ, въ рукахъ Ростовца—огородника, не будетъ пользоваться свободой, своевольно носиться по лугамъ и пастбищамъ; не видать ему сочной травы, растущей на корню; не пить ему холодной ключевой воды, которая своею живою струею обдаетъ горячую морду вольнаго коня;—нѣтъ, его участь вѣчно стоять на стойлѣ; рѣдко, очень рѣдко, выведетъ хозяинъ его для такъ называемаго *проминажу*, а тамъ опять къ яслямъ, да къ обильному, противуестественному для него корму. И чѣмъ огородникъ не кормитъ своего коня? Въ первые два года, конь ѣстъ невѣеный овесъ, лѣтомъ траву, зимой сѣно, сверхъ того, ему даютъ вареный тертый картофель, вяленые капустные листы, вспрыснутые соленой водой, мѣску изъ рѣзаной соломы и муки, иногда остатки каши, хлѣба, даже щей; другіе доходили до того, что пытались кормить эти не кровожадныя и чистоплотныя животныя варенымъ мясомъ и жирными помоями съ остатками щей,—и лошади, вопреки своей природѣ, ѣли эту несвойственную имъ пищу. Разумѣется,

Digitized by Google

отъ всего этого животныя чрезвычайно тучнѣютъ, сильно ростутъ, теряютъ силу, самую даже игривость, сохраняютъ на короткое, время. Трехлѣтнихъ лошадей, Ростовцы-огородники начинаютъ, ко всему этому, вдоволь кормить чистымъ овсомъ, и на четвертомъ году выводятъ на Ростовскую ярмонку, гдѣ Московскіе купцы второй руки, прельщаемые тучностью и массивностью лошадей, охотно покупаютъ ихъ, платя отъ ста до двухъ сотъ пятидесяти рублей серебромъ за голову.

Другое дѣло — лошади малороссійскія. Малороссію можно назвать разсадникомъ тяжело-кавалерійскихъ коней. Здѣсь, на многихъ заводахъ, ремонтируютъ для гусарскихъ, уланскихъ и драгунскихъ полковъ. До послѣдней войны, не мало лошадей шло за границу, именно въ Австрію. Самыя крестьянскія лошади очень хороши для полковыхъ обозовъ, а нѣкоторыя даже и для артиллеріи. Не говорю о заводахъ нѣкоторыхъ богачей и любителей коннозаводства, гдѣ выводятся чистокровные скакуны и многоцѣнные рысаки.

Пространство, по которому текутъ Десна, Сеймъ, Донецъ, Сула, Псёлъ, Бугъ, Днѣстръ и Днѣпръ, т. е. губерніи Полтавская, Харьковская, Черниговская, Кіевская и отчасти Курская, отличаются какимъ то особеннымъ благорастворенiемъ воздуха, въ сравненіи съ другими внутренними губерніями Россіи. Почва земли для земледѣлія превосходна; распаханый черноземъ и луга (степи) богато вознаграждаютъ трудъ земледѣльца. На этомъ плодородномъ пространствѣ, подъ благодатнымъ небомъ, водятся съ успѣхомъ овцы, начиная съ нашей простой русской, до самыхъ дорогихъ мериносовъ; пасутся табуны отличныхъ коней и стада рогатаго скота; стада, дающія тѣхъ крупорогихъ прекрасныхъ воловъ, воспоминаніе которыхъ неразрывно связано съ представленіемъ себѣ жизни малороссійскаго крестьянина. Кромѣ хлѣбовъ, жители этаго края сѣютъ довольно много масляничныхъ растеній: конопли, льна, подсолнечниковъ. Табакъ разводятъ успѣшно—не только совершенно акклиматизировавшуюся махорку (аммерсфордскій), но и турецкій и американскій. Много послѣдняго сбывается въ Москву, и этотъ продуктъ многихъ помѣщиковъ пользуется заслуженною славою; мариландскій табакъ, Графа Долона, въ особенности пригодный для сигаръ, покупается на расхватъ. Всякой Малороссъ, помѣщикъ ли то, или даже зажиточный крестьянинъ, непремѣнно имѣетъ *бахтаны* или *бахчи*, гдѣ цѣлыя десятины засѣваются кукурузой (*пшинка*), огурцами, морковью, рѣпой, рѣдькой, тыквой, арбузами и дынями

Digitized by Google

Въ особенности послѣднія очень вкусны, такъ вкусны, что не удивляемся Гоголевскому Ивану Ивановичу, который, кушая пхъ, собиралъ семена, и завертывая въ бумажку со всею акуратностью, записывалъ, съ кѣмъ и когда онъ скушалъ такое изящное лакомство. А сады сливъ, *дулей* (грушъ), яблоковъ, бергамотовъ, вишенъ, черемухи, и прочихъ плодовитыхъ деревьевъ! да это такая прелесть, о которой и понятія не имѣютъ въ здѣшнихъ краяхъ. Подумайте только, что иногда въ Полтавской губерніи ведро красной скороспѣлой сливы продается по пяти копѣекъ серебромъ!... А какова *горылка*! это не то, что здѣшнее очищенное,—на него и не посмотришь послѣ малороссійской горылки!...

И такъ не удивительно, что тамъ и люди—совершенно особенная статья, въ сравненіи съ нашимъ великороссійскимъ человѣкомъ. Они отличаются отъ него одеждой, характеромъ, языкомъ, правами, обычаями, самымъ даже обликомъ. Малороссъ имѣетъ болѣе или менѣе азіятскій обликъ, темные волосы, загорѣвшую кожу; онъ худощавъ по преимуществу, хотя, по бо́льшей части, широкъ въ плечахъ, и широкъ, какъ говорится, костью. Языкъ его тоже, какъ нашъ, славянскій; но гораздо мягче, имѣетъ нѣкоторыя особенности, въ слѣдствіе климатическихъ и другихъ условій.

Малороссъ по природѣ добрякъ, шутникъ, но, выведенный изъ терпѣнія, онъ не скоро прощаетъ обиду. Лѣнь малороссійская вошла въ пословицу; но не думайте, чтобъ это была та лѣнь, которая живетъ безъ оглядки, спустя рукава;—нѣтъ, эта лѣнь—слѣдствіе южнаго климата и благорастворенія воздуха. Лѣнь Малоросса вытекаетъ собственно изъ всѣхъ его работъ и занятій. Вѣкъ свой живя съ волами, размѣривая свои движенія съ флегматическою поступью этаго животнаго, работая съ апрѣля по сентябрь подъ пекломъ горячаго солнца, онъ медленъ въ своихъ движеніяхъ, онъ чувствуетъ, что ему нечего торопиться, онъ не суетливъ; и мы, привыкшіе къ проворству Великорусса, къ его вѣчно-озабоченному виду, къ его хлопотливости, назвали Малоросса лѣнивымъ.... Пусть поживетъ нашъ крестьянинъ на его мѣстѣ—и, статься можетъ, онъ будетъ не лѣнтяй, а просто тунеядецъ. Посмотрѣли бы вы въ рабочую пору на *хохла*! Богъ его знаетъ, когда онъ спитъ, — развѣ только во время возки хлѣба, когда, наложивъ чуть не полскирда на свою фуру, запряженную двумя волами, онъ взлѣзаетъ на высокій возъ, ложится на спину, и раскидываетъ врозь руки и ноги, и, выставивъ на солнце свою бритую физіономію, подъ палящимъ

Digitized by Google

жаромъ лучей его, засыпаетъ, покуда *волики* привезутъ своего хозяина на его гумно. Правда, очень бы желательно было видѣть нѣкоторыя улучшенія въ земледѣліи малороссійскаго крестьянина. Напримѣръ его допотопный плугъ, который однако я встрѣчалъ въ губерніяхъ — Тамбовской, Саратовской и Пензенской, тащимый иногда четырьмя парами воловъ, очень тяжелъ и неудобенъ; но погодите,—современемъ, это орудіе выдетъ изъ употребленія. И теперь уже, многіе малороссійскіе помѣщики завели у себя Смоленскій плугъ, который выписываютъ изъ Москвы, и крестьяне начинаютъ привыкать къ нему. Смоленскій плугъ, по словамъ одного мнѣ знакомаго агронома, онъ встрѣтилъ у простаго казака. Но впрочемъ, покуда эта страна не будетъ обладать быстрыми и дешевыми путями сообщенія, до тѣхъ поръ земледѣліе ея, за крайнею дешевизною сельскихъ произведеній, не будетъ имѣть надлежащаго развитія. Можно ли сильно хлопотать о посѣвахъ тамъ, гдѣ овесъ часто продается, за девятимѣрную четверть, пятдесятъ или шестдесятъ копѣекъ сер.? Эта дешевизна на главное мѣстное произведеніе, на хлѣбъ, заставляетъ Малоросса искать другихъ промысловъ; и онъ снарядивъ свои фуры, запрягши воловъ, идетъ чумаковать, извозничать. Разумѣется, не кормя своихъ животныхъ овсомъ, а продовольствуя ихъ подножнымъ кормомъ, да иногда купленнымъ сѣнцомъ, питаясь самъ въ дорогѣ преимущественно только домашними саломъ и пшеномъ, двигаясь медленно съ кладью, чумакъ везетъ товаръ за меньшую цѣну, чѣмъ великорусскій извощикъ;—но за то, онъ кладетъ свои воза грузнѣе, и славится вѣрною доставкою клади.

Но оставивъ засаленнаго чумака, кочующаго по необъятному пространству Россіи съ своими волами, посмотримъ на житье бытье его семейства.

Крестьяне малорусскіе живутъ въ мѣстечкахъ, селеніяхъ, деревняхъ и хуторахъ. Послѣдніе раскинуты въ степныхъ мѣстахъ числомъ отъ одного, двухъ, трехъ, иногда до двадцати дворовъ; эти хутора, тоже, что наши *выселки* губерній Тамбовской, Саратовской, Пензенской, и другихъ. Главныя селенія и мѣстечки, откуда выселились эти хутора, по большей части, лежатъ по берегамъ рѣкъ; не рѣдко ихъ окружаютъ рощи и возвышенныя мѣста. Издали, видъ на подобное селеніе, расположенное въ долинѣ, очаруетъ. Вонъ тамъ, по берегу рѣки, тянется улица, со своими хатами, сбитыми изъ глины и выбѣленными известкой: эти невысокія жилища человѣка пріосѣнены плодовыми деревьями; въ промежуткахъ дворовъ, гордо подымаютъ свои вѣтви высокія тополи или шумятъ широкими

Digitized by Google

листьями кленъ и дубъ. Въ концѣ селенія, на голубомъ небѣ, блеститъ крестъ невысокой колокольни, изъ за которой выглядываетъ низенькая, но помѣстительная церковь. На право и на лѣво, какъ будто бы разбѣжались группы вѣтреныхъ мельницъ; —кажется они обрадовались, что вырвались на волю, и весело машутъ своими маленькими крылышками. Путникъ переѣзжаетъ дорогу черезъ рѣку, по мосту, самой незатѣйливой постройки, иногда даже не снабженному перилами; вотъ онъ въѣзжаетъ на улицу и видитъ, что передъ многими этими маленькими домиками устроены палисадники, гдѣ красуются шиповникъ, заря, ноготки, медвѣжье ушко, макъ и подсолнечникъ. Сзади дворовъ, виднѣются огороды, отъ которыхъ вѣетъ запахомъ укропа, огуречной травы, а ежели цвѣтутъ яблони, груши, сливы, вишни, то и ихъ цвѣтами, ароматъ которыхъ есть истинной ароматъ весны. Рабочая пора еще не настала; женщины почти всѣ дома;—нѣкоторыя копаются на огородѣ; другія, на улицѣ снуютъ основы холста и поставы (*) сукна, иныя ткутъ, поставивъ незатѣйливый свой станъ у раствореннаго окна, и всѣ эти работы почти всегда сопровождаются пѣснями: голоса украйны—это соловьиные голоса нашей Россіи! Вы заслушаетесь этихъ напѣвовъ. Сарай, изъ крыши котораго подымается развѣсистый дубъ, отвлекаетъ васъ отъ малороссійскихъ мелодическихъ напѣвовъ и обращаетъ на себя ваше вниманіе;—не удивляйтесь, эта штука вотъ видите ли въ чемъ заключается: крестьянину на этомъ мѣстѣ надобно было построить какое нибудь хозяйственное строеніе, а тутъ растетъ примѣченное вами дерево;—не рубить же ему было этотъ дубъ; онъ посаженъ родителями;—вотъ онъ взялъ, да и пригородилъ свой сарай около родительскаго дерева.

Сколько опрятно жилище Малоросса снаружи, столько же оно опрятно и внутри. Хаты эти раздѣляются на два рода: на *рубленые* (срубленые изъ дерева) и на *мазанки*. Первыя встрѣчаются только тамъ, гдѣ изобиліе лѣса, или у людей зажиточныхъ; а такъ какъ Малороссія не можетъ похвалиться своими лѣсами, то и мазанокъ гораздо болѣе, чѣмъ рубленныхъ хатъ. Устройство мазанокъ очень просто. Надо замѣтить, что всѣ вообще постройки Малоросса дѣлаются сосѣдями и знакомыми, безъ всякаго предварительнаго условія, даромъ, по сосѣдски. Избравъ мѣсто для новой хаты и сдѣлавъ *закладины*, т.-е., освятивъ мѣсто, врываютъ по угламъ высокіе столбы *(сохи)*. Послѣ этаго, плотники начинаютъ строить *крышу*

(*) Тоже, что основа.

Digitized by Google

(верхъ), предварительно на землѣ. Размѣривъ, какъ слѣдуетъ, кладутъ они нѣсколько вѣнцовъ дерева *(обгоны)*, связываютъ ихъ балками *(сволокъ)*, утверждаютъ стропилы (кроквы), которыя обшиваютъ тоненькими жердями (латы) въ видѣ сѣти. Въ это время, плотники, менѣе искусные, вбиваютъ между поставленныхъ столбовъ, дубовые колья, оставляя мѣсто для дверей и оконъ, и оплетаютъ ихъ хворостомъ: женщины кладутъ на плетень толстые слои глины, и стѣны готовы. Иногда плетень дѣлаютъ въ два ряда и узкое пространство между ними набиваютъ глиною, смѣшанною съ соломою, а потомъ уже дѣлаютъ обмазку. Послѣ этого, плотники разбираютъ срубъ крышки и утверждаютъ его на мѣстѣ. Двери дѣлаются тѣми же плотниками, но окна всегда покупаются готовыми. Крыша бываетъ соломенная, а гдѣ есть возможность—тамъ тростниковая.

Подобное жилище состоитъ обыкновенно изъ избы (хаты), сѣней и кладовой (хижи). Въ хатѣ, печь бываетъ сбита иногда весьма искусно и красиво изъ глины. Печь изъ изразцовъ называется *груба*. Рядомъ съ печью, по другую сторону двери, прибиты полки *(полицы)* для разной домашней посуды, а иногда стоитъ *судникъ*, родъ шкафа безъ дверецъ, но съ такими же полками. Уголъ и стѣна противъ печи заняты тоже полками, но другаго устройства,—они шире и здѣсь помѣщаются разныя хозяйственныя принадлежности, начиная съ топора мужика до веретена бабы. Въ переднемъ углу *(покутъ)*, стоитъ кіотъ съ образами *(божница)*. Святыя иконы нерѣдко украшены сухими цвѣтами, преимущественно васильками и гвоздикой; за ними непремѣнно заткнута верба, воспоминаніе прошедшаго Вербнаго Воскресенья, и *(плачные)* цвѣты, съ которыми кто нибудь изъ семьи былъ у обѣдни въ Троицынъ день. Иногда этотъ уголъ обитъ кускомъ обоевъ. Передъ иконами, на шнурочкахъ, повѣшаны различные *писанки* и *голуби*, сдѣланные изъ разноцвѣтной бумаги. Въ переднемъ же углу, подъ образами, стоитъ столъ, по большей части сундукъ *(скриня)* на подмосткахъ, покрытый чистою скатертью, на которой лежитъ хлѣбъ и соль—признакъ гостепріимства. Вдоль стѣнъ, тянутся скамьи *(лавы)*, а на пространствѣ между печкою и стѣною, устроены нары *(пиль)*, на которыхъ обыкновенно спятъ хозяинъ и хозяйка. Возлѣ *пиля*, виситъ колыбель, на такомъ разстояніи, чтобъ мать могла качать ее ногою, ежели ребенокъ заплачетъ съ просонья. Прочіе члены семейства спятъ гдѣ попало, а лѣтомъ, исключая стариковъ почиваютъ на дворѣ. На чердакѣ *(горыще)*, сложены разные домашнія принадлежности. Въ *хижѣ*, хранится мука, крупа, соль и раз-

Digitized by Google

ная домашняя рухлядь. У иныхъ въ сѣняхъ или *хижѣ* устроивается небольшой погребъ, но чаще вырываютъ его близь жилья. Въ мѣстахъ гористыхъ, роютъ погреба въ горѣ, и такой погребъ называется уже *лехъ*, который иногда имѣетъ очень длинные рукава.

Послѣ жилья, зажиточный Малороссъ заботится выстроить вѣтренную мельницу, на которой мелитъ свой хлѣбъ, а также и привозимый сосѣдями, за что съ нихъ беретъ десятую часть зерна *(размиръ)*. Иные, не будучи въ состояніи выстроить мельницу, но не желая платить за помощь, у себя въ сѣняхъ устроиваютъ *жорна*, т.-е. ручную мельницу.

Малороссія славится своими пчельниками *(пасѣками)*; *пасѣчниками*, обыкновенно, бываютъ старики. Многіе изъ этихъ стариковъ, въ тиши уединенья, изучили не только природу своихъ пчелъ, но и цѣлебность нѣкоторыхъ растеній; — это туземные лекаря и знахари, въ слѣдствіе чего народъ приписываетъ имъ знакомство съ нечистою силою. *Пасѣки*, по большей части, устроены въ садахъ или рощахъ; но лѣтомъ, когда разцвѣтаетъ греча, пчельники перевозятся въ поле, что называется *вывозить пасѣку въ гречку*.

Въ весенніе и лѣтніе праздничные дни, или, лучше сказать, въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, дотолѣ тихія малороссійскія слободы оглашаются играми и смѣхами,—молодежъ собирается вмѣстѣ, гуляетъ и распѣваетъ пѣсни. Это называется *играть улицу*. Что за мотивы вы услышите въ продолженіе этой улицы! то заунывные, раздирающіе сердце, какъ разставанья съ родиной, то веселые, лихіе, какъ ухорское, бывшее казачество. Вдругъ иногда все замолкнетъ,—только въ ночной тиши раздается голосъ *кобзаря*, барда Малороссіи, который воспѣваетъ внукамъ, славные дѣла дѣдовъ или *характерность сѣчниковъ*. Но онъ окончитъ;—какая нибудь черноглазая *Гапка* (Агафья), залилася звонкою плясовою пѣснью, и пара за парой пошли отплясывать *горлицу* или *мятелицу*. Иной *парубокъ* (молодой парень) корчитъ *москаля* (русскаго) или *служиваго* (солдата) и отхватываетъ въ присядку; другой, передразниваетъ *судейскаго писаря* (канцелярскаго чиновника изъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ), и валяетъ подъ звуки балалайки трепака, или, чтобъ распотѣшить свою *лапушку* (дѣвушку, за которой онъ ухаживаетъ), катится колесомъ, и, скорча умори-тельную рожу, становится передъ ней какъ вкопанный. Ай да *Грыцко* (Григорій)! Ай да *Хомка* (Фома)! Ай да *Холомей* (Варфоломей), вскрикиваютъ зрители,—и Грыцко, Хомка, Холомей, до-

Digitized by Google

вольные собою и тѣмъ, что разпотешили присутствующихъ, съ улыбкою утираютъ съ лица потъ *ручниками* (полотенцами) или *платами* (платками), полученными въ даръ отъ ихъ любезныхъ.

А у каждаго *парубка*, у каждой *дивчины* (дѣвушки), непремѣнно есть любезный или любезная; однако не думайте, чтобъ наши Малороссы, увлеченные чувственною любовью, предавались разврату. Правда, случается, что молодой парень, видясь свободно съ дѣвушкой, когда *играютъ улицу* или на *вечерницахъ*, *досвѣткахъ* и *игрищахъ*, увлечетъ расположеніе своей возлюбленной далѣе предѣловъ благоразумія; но рѣдко, онъ же, и не поправитъ бѣды законнымъ бракомъ. Но что же такое, *вечерницы*, *досвѣтки* и *игрища*?

Досвѣтки и *вечерницы*—это одно и тоже, что посидѣлки,—собраніе молодыхъ дѣвушекъ, сходящихся къ кому нибудь въ хату и по большой части такую, которая была бы отдалена отъ другихъ. Эти посидѣлки раздѣляются на двѣ части: *вечерницы* и *досвѣтки*. Какая нибудь ловкая баба, избранная дѣвушками, по ихъ порученію, устроиваетъ это собраніе, добываетъ свѣчей, припасаетъ *топливо* (дрова). Каждая красавица является съ провизіей, какую только она могла достать, - или приноситъ *килбасъ* (колбасъ); другая—масла и пшеничной муки, въ ожиданіи, что третья притащитъ творогу; и тогда, онѣ общими силами затѣютъ *варѣныки*. *Апка*, (Агафья) утащила у своего родителя *скляпку* (полштофа) горылки; *Куля* (Акулина), добыла кусокъ сала, а три дочери старика Кривопуза добыли варенухи. да принесли яицъ, *индюка* (индѣйку) и *харчу* (говядины). Разумѣется, всѣ эти запасы дѣлаются тихонько отъ отцовъ и матерей, которые, хотя и видятъ сборы своихъ дочекъ, но показываютъ, что будто бы ничего не примѣчаютъ, ибо иначе слѣдовало бы ихъ *пожурить* (побранить), что онѣ *волокутъ* (тащатъ) изъ дома. Но, наконецъ, въ зимніе долгіе вечера, *вечерницы* устроились: сельскія красавицы приносятъ работу, поютъ пѣсни; какая нибудь старуха или старикъ, балагуръ, увеселяетъ ихъ разными розсказнями; а тамъ, глядишь, подойдутъ *парубки*, принесутъ сушеныхъ *дуль* (родъ мелкой груши), орѣховъ, разнаго лакомства, и веселый хохотъ раздается безпрестанно. Часу въ одиннадцатомъ, послѣ ужина, распорядительница — выпроваживаетъ парубковъ домой. Тѣ уходятъ, условясь утромъ придти пораньше будить красавицъ. Надъ ними смѣются, говоря, что ворота и двери будутъ крѣпко затворены. И дѣйствительно, послѣ этихъ гостей все затворяется крѣпко на крѣпко; но какая нибудь *черно-*

Digitized by Google

бривая (чернобровая) красавицъ, вставъ до вторыхъ пѣтуховъ, снимаетъ запоры, и еще дѣвушки спятъ, какъ къ нимъ вторгается веселая ватага молодцевъ, снова начинается хохотъ, шутки, *любезности*, иногда не очень деликатныя, но по вкусу этимъ сельскимъ кокеткамъ;—все подымается на ноги и начинаются *досвѣтки*.

Грище—другое дѣло. *Грище* устраивается въ какой нибудь праздникъ съ соизволенія родителей, которые сами съ своими дочерьми отпускаютъ припасы, и, съ утра до поздней ночи, въ просторной хатѣ, избранной для *грища*, не умолкаютъ пѣсни, а иногда и музыка, состоящая изъ *гудка* (нѣчто въ родѣ скрыпки) и волынки. Тутъ идетъ самая отчаянная пляска; живая *мятелица* перерывается тихимъ *журавлемъ;* здѣсь уже не одни *парубки*, но и какой нибудь сѣдой *чупрына* (пожилой хохолъ), вспоминая свои прошлые дни, развеселится и такъ утѣшитъ честную компанію, что всѣ долго, долго будутъ помнить, какъ *якій старый* (такой старый) выплясывалъ лучше молодыхъ.

Всѣ эти сборища, разумѣется, сближаютъ молодыхъ людей обоего пола; можетъ быть, нѣкоторые пары и давно *любятся* (любятъ) другъ съ другомъ, можетъ быть, и дали другъ другу нерушимое слово *оженихдться* (сочетаться бракомъ); да все не было времени, зимой не до свадьбы,— молоти хлѣбъ, вези его на базаръ; иногда парень уходитъ въ дорогу на лошадяхъ; весною идетъ посѣвъ, а лѣтомъ уборка хлѣба или *чумакованье;* но осенью всѣ собираются домой, и какъ будто бы цѣлый мѣсяцъ отдыхаютъ отъ годовыхъ тяжелыхъ трудовъ. Вотъ тутъ то и устраиваются свадьбы.

Чумакованье! для многихъ чумакованье кажется скучнымъ и тяжелымъ ремесломъ. Не такъ думаетъ Малороссіянинъ; для него чумакованье составляетъ невыразимую прелесть, удовольствіе въ родѣ нашего путешествія. Далеко, очень далеко заходятъ чумаки отъ своей родины, иной, запрягши паръ пять, шесть, воловъ, идетъ съ весны въ Астрахань, везетъ оттуда въ Москву, а иногда и въ Петербургъ коренную рыбу—или изъ Малороссіи тащитъ шерсть, кочуетъ около Камышенска, гдѣ накладываетъ или соль или арбузы, или забрелъ съ своими *волами* въ Литву, и отплевывается всякой разъ, когда встрѣчаетъ *поганаго жида*. Не бритый, не умытый, въ рубашкѣ, пропитанной дегтемъ, запахъ котораго спасаетъ его отъ безпокойныхъ чужеядныхъ насѣкомыхъ, чумакъ смотритъ такимъ замарашкой, такимъ невзрачнымъ, что вы готовы почесть его самымъ несчастнымъ существомъ въ мірѣ; но дайте ему придти съ

Digitized by Google

фурами куда нибудь на ярмонку, гдѣ онъ долженъ простоять довольно долгое время до полученія новой клади, чумакъ вымоется, выбрѣется, надѣнетъ чистую рубаху, новую *свитку* (родъ кафтана) и вы его не узнаете. Теперь, отдохнувъ не много и менѣе озабоченный своимъ промысломъ, онъ не прочь, какъ говорится, людей посмотрѣть, себя показать; у него является и этотъ малороссійской юморъ *(жертованіе)*, который составляетъ его природное качество. Разсказываютъ про одного чумака, что онъ, бродя по улицамъ какого-то торговаго губернскаго города во время ярмарки, зашелъ въ модный магазинъ и на не ласковой вопросъ торговца, что ему нужно?—спросилъ: *а що здѣсь купу'ютъ?* (что здѣсь покупаютъ?). Дураковъ,—отвѣчалъ сердитый торговецъ. *Еге! какая здѣсь треба,—тилько одинъ и остался*: (А, каковъ здѣсь на нихъ расходъ,—только одинъ и остался)—произнесъ съ улыбкою чумакъ передъ изумленнымъ продавцемъ, и тихо вышелъ изъ магазина.

Впрочемъ, вообще Малороссъ не словоохотенъ; онъ говоритъ болѣе жестами и взглядомъ, какъ будто не хотя пропуская слова сквозь зубы. Вотъ разговоръ двухъ хохловъ, которые встрѣтились на дорогѣ, когда одинъ ѣхалъ съ базара, купивъ воловъ, а другой отправлялся на тотъ же базаръ продавать пшеницу.

— Еге?—спросилъ второй, — показывая бровями на покупку своего знакомца.

— Еге,—отвѣчалъ тотъ,—покуривая *люльку* (трубку).

— Еге?

— Десять корбованцевъ.

— Еге, ге!...

— Ни—ма (т. е. мало воловъ).

— Еге,—произнесъ прежде вопросившій, поднявъ свою шапку.

— Еге,—вмѣсто прощай, промычалъ другой,—и они разъѣхались въ разныя стороны.

Лященцъ-Павловскій.

Digitized by Google

СЛОВА И РѢЧИ,

произнесенныя

В. А. Кокоревымъ,

на обѣдѣ, данномъ имъ,

въ честь Гг. Градскихъ Головъ,

ВЪ МОСКОВСКОМЪ КУПЕЧЕСКОМЪ КЛУБѢ,

12 сентября, 1856 года.

---

1). При произнесеніи тоста за виновниковъ празднества:

«За здравіе дорогихъ гостей, представителей всего русскаго купечества, — гг. Градскихъ головъ!»

2). «За правильное развитіе русской внутренней и внѣшней торговли и фабрикацій!»

3). Здѣсь, въ Москвѣ, въ средоточіи русской народности, недавно еще праздновалась Москвичами встрѣча доблестныхъ защитниковъ Севастополя. Находясь тогда въ чаяніи мира, мы утѣшались надеждою пользоваться его благотворными послѣдствіями. Нынѣ миръ уже не чаяніе, а существенность.

Здѣсь, въ Москвѣ, въ средоточіи русской славы, теперь празднуемъ мы сердцемъ и устами Священное Коронованіе нашего возлюбленнаго Монарха, Виновника мира и многихъ благъ.

Здѣсь, въ Москвѣ, находятся теперь представители всѣхъ сословій и въ сей часъ раздѣляютъ съ нами трапезу почтенные Градскіе Головы Россіи. Восторжествуемъ совокупно отъ избытка чувствъ, порождаемыхъ свѣжими радостями!

Милосердою волею Государя Императора, распространены способы къ образованію нашихъ дѣтей безграничнымъ поступленіемъ въ Университеты; объявленъ пересмотръ условій правительства съ торговлею; т. е. пересмотръ тарифа, долженствующій оплодотворить промышленность; всѣ сообщенія съ заграничными мѣстами сдѣланы удобовозможнѣе, дозволено составлять проэктъ устава общества промышленности подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государя Наслѣдника престола. Завидна и славна будущность того народа, у

Digitized by Google

коего властители его судебъ, съ юныхъ лѣтъ, принимаютъ на себя священный трудъ изучать общія нужды и средства! Наконецъ, среди всѣхъ этихъ событій, является общество пароходства и торговли на югѣ Россіи для сближенія нашего съ Европою, для возможности передавать въ нее скоро и удобно всѣ наши избытки, равно и получать все намъ нужное.

Русскій человѣкъ всегда отличался способностію познавать себя. Скажемъ же откровенно: въ дѣлѣ торговли и фабрикаціи мы еще во многомъ самоучки, и наше достоинство въ настоящее время состоитъ въ желаніи довоспитать себя практически. Извѣстно, что полный и вѣрный успѣхъ въ промышленной жизни цѣлаго народа достигается не столько отъ книжнаго ученья, сколько отъ обобщенія его съ другими народами. Тогда заимствуемъ мы опытъ, мысли, вкусъ, пріобрѣтаемъ знакомство и дорожимъ имъ для сохраненія обоюдныхъ выгодъ, чѣмъ самымъ обезпечивается и прочность мирныхъ трактатовъ. Ко всему этому можетъ привести одно только удобство и скорость въ сообщеніяхъ внѣшнихъ. Дѣло пароходства въ настоящее время, заключаетъ въ себѣ общечеловѣческую потребность, какъ самое вѣрное средство къ сближенію въ интересахъ и чувствахъ пріязни.

На счетъ торговли, у насъ существуютъ самыя противоположныя мнѣнія: одни говорятъ о Китайской стѣнѣ, другіе о свободной торговлѣ; но вѣдь крайности ничего не опредѣляютъ и истинныя опредѣленія въ этомъ случаѣ истекаютъ только изъ искренняго обмѣна международныхъ мыслей. И такъ, когда отъ удобства пароходныхъ сообщеній, сближась съ иностраннымъ купечествомъ опытнѣйшимъ насъ въ дѣлѣ промышленности, мы будемъ развѣниваться въ мысляхъ, тогда дойдемъ и до истиннаго опредѣленія самыхъ началъ торговли, опредѣленія, столь желаемаго всею Европою. Мы можемъ дойдти до того, что здѣсь, въ Москвѣ, въ средоточіи внутренней торговли Россіи и въ другихъ нашихъ торговыхъ и портовыхъ городахъ, Европейскій материкъ будетъ имѣть представителей отъ извѣстныхъ комерческихъ домовъ; находясь въ Москвѣ, мы будемъ знать о ходѣ торговли въ Парижѣ, Лондонѣ, и всюду, и посылать, среди заздравныхъ тостовъ, телеграфическіе вопросы о здоровьѣ находящихся тамъ нашихъ дѣтей при русскихъ торговыхъ домахъ.

Созерцая мыслію животворныя послѣдствія торговой связи между народами, связи, основанной на взаимныхъ интересахъ, предлагаю

Digitized by Google

общій совокупный тостъ за все Европейское купечество, за старшихъ нашихъ братьевъ по знанію торговли,—иностранцевъ и за всѣхъ собратій моихъ—русскихъ купцовъ!

4). «За торговое мореплаваніе»!

5). «За процвѣтаніе городовъ и обогащеніе ихъ плодами промышленной дѣятельности».

6). Предлагаю, Мм. Гг., тостъ безъ словъ, безъ рѣчей. При этомъ тостѣ столько тѣснится въ сердцѣ чувствованій, и столько роится въ головѣ мыслей, что избытокъ ихъ задерживаетъ самое слово. «Тостъ: за благоденствіе святой Руси»!

7). «Послѣ тоста за благоденствіе Россіи самъ собою слѣдуетъ тостъ за скорѣйшее построеніе полезныхъ линій желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, какъ необходимыхъ путей сообщенія для промышленности и торговли».

Хотя нѣкоторые изъ Гг. Градскихъ Головъ, не могли удостоить обѣдъ 12 Сентября своимъ посѣщеніемъ за выѣздомъ изъ Москвы (выѣхавшихъ было семь лицъ), но мы помѣщаемъ полный списокъ, чтобъ сохранить на всегда въ памяти имена, отчества и фамиліи всѣхъ Гг. Градскихъ Головъ, пребывавшихъ временно въ Москвѣ, по случаю Священнаго Коронованія.

С. Петербургскій, Иванъ Петровичъ Лѣсниковъ.
Архангельскій, Абрамъ Ивановичъ десъ-Фонтейнесъ.
Астраханскій, Александръ Александровичъ Сапожниковъ.
Варшавскій, г. Шлеккеръ.
Виленскій, Мартынъ Христіановичъ Штраусъ.
Витебскій, Игнатій Никитичъ Рындо.
Владимірскій, Александръ Андреевичъ Никитинъ.
Вологодскій, Николай Александровичъ Бѣлозеровъ.
Воронежскій, Карпъ Петровичъ Капканчиковъ.
Вятскій, Александръ Ивановичъ Рязанцовъ.
Гродненскій, Осипъ Григорьевичъ Стоцкій.
Екатеринославскій, Иванъ Изотовичъ Ловягинъ.
Житомірскій, Алексѣй Павловичъ Донцовъ.
Иркутскій, Петръ Осиповичъ Катышевцевъ.
Казанскій, Авксентій Степановичъ Унженинъ.
Калужскій, Павелъ Ивановичъ Билибинъ.
Каменецъ-Подольскій, Николай Григорьевичъ Чайковскій.
Кіевскій, Андрей Николаевичъ Буатьевъ.

Digitized by Google

Кишиневскій, Ангелій Петровичъ Николау.
Ковенскій, Фридрихъ Даниловичъ Денксъ.
Костромской, Алексѣй Васильевичъ Дурыгинъ.
Курскій, Михаилъ Андреевичъ Тетерюковъ.
Митавскій, Францъ Ивановичъ Цуккольмаглio.
Минскій, Дей Памфиловичъ Кривошеинъ.
Могилевскій, Иванъ Анисимовичъ Жилкинъ.
Нижегородскій, Дмитрій Ивановичъ Климовъ.
Новгородскій, Павелъ Михайловичъ Кузнецовъ.
Орловскій, Иванъ Алексѣевичъ Чибисовъ.
Пензенскій, Сергѣй Семеновичъ Сидоровъ.
Пермскій, Ефимъ Николаевичъ Грачовъ.
Полтавскій, Иванъ Тимофѣевичъ Тенгелеевъ.
Псковскій, Николай Семеновичъ Васильевъ.
Петрозаводскій, Николай Ѳедоровичъ Пикинъ.
Ревельскій, Иванъ Ивановичъ Жирардъ.
Рижскій, Іоганъ Христіановичъ Шварцъ.
Рязанскій, Василій Егоровичъ Антоновъ.
Саратовскій, Левъ Степановичъ Масленниковъ.
Ставропольскій, Сергѣй Ѳедотовичъ Деревщиковъ.
Самарской, Левъ Алексѣевичъ Умновъ.
Симбирскій, Андрей Макаровичъ Ражевъ.
Симферопольскій, Арыфъ Гафаръ-Оглу.
Смоленскій, Василій Степановичъ Тенецкій.
Таганрогскій, Иванъ Евстратьевичъ Кобылинъ.
Тамбовскій, Петръ Андреевичъ Сорокинъ.
Тобольскій, Николай Васильевичъ Неволинъ.
Тверской, Петръ Гавриловичъ Кобелевъ.
Томскій, Александръ Михайловичъ Серебренниковъ.
Тульскій, Николай Добрынинъ.
Уфимскій, Кондратій Игнатьевичъ Блохинъ.
Харьковскій, Сергѣй Кондратьевичъ Костюринъ.
Херсонскій, Андрей Петровичъ Ефимовъ.
Черниговскій, Алексѣй Сидоровичъ Сорокинъ.
Ярославскій, Иванъ Петровичъ Матвѣевскій.

Digitized by Google

БОЛГАРСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Предлагаемъ извѣстія изъ Болгарской газеты, издающейся въ Константинополѣ, подъ названіемъ: Цареградскій Вѣстникъ.

Адріанополь, 2-го апрѣля, 1856 года.

Наконецъ пойманъ извѣстный разбойникъ Мумджогло, который столько лѣтъ опустошалъ страну. Разбойникъ этотъ до такой степени былъ дерзокъ, что нерѣдко позволялъ себѣ, въ виду самой преслѣдующей его полиціи, входить въ городъ, навѣщать тамъ свое семейство и преспокойно опять выходить по дорогамъ и селамъ грабить и убивать. Въ 1848 году, во время Рустенъ-паши онъ былъ пойманъ точно такимъ же образомъ, но не долго оставался въ рукахъ полиціи: по необыкновенной своей ловкости и хитрости, онъ успѣлъ бѣжать. Съ тѣхъ поръ, онъ наводитъ ужасъ на страну своими разбоями, жестокостями и убійствами. Правда, иногда онъ требовалъ и не слишкомъ большихъ суммъ денегъ у тѣхъ, которые попадались ему въ руки; но за то иногда онъ убивалъ многихъ и за самую незначительную сумму.

Варна, 4-го апрѣля. Здѣсь все еще производится слѣдствіе, какимъ образомъ было совершено убійство Болгарской дѣвицы. Слышно, еще къ большему сожалѣнію христіанъ, что та высокая особа, для которой принесена въ жертву эта дѣвица, останется безъ наказанія. Дороги черезъ Балканы сдѣлались въ настоящее время весьма опасными для путешественниковъ, вслѣдствіе появленія въ этихъ горахъ многочисленной шайки разбойниковъ. Кромѣ другихъ разбоевъ и убійствъ, совершаемыхъ ими ежедневно въ разныхъ пунктахъ по горамъ, они совершили недавно съ двумя Евреями

Digitized by Google

слѣдующую сдѣлку: послѣдніе, проѣзжая Балканы, на пути изъ Адріанополя въ Шумлю, попались первымъ въ руки. Но, такъ какъ у Евреевъ денегъ оказалось очень мало, то разбойники нашли за лучшее, одного изъ нихъ утащить съ собою въ горы, а другаго отпустить, съ условіемъ доставить имъ въ назначенный день и часъ 20,000 піастровъ (около 1000 р. сер.) и не говорить объ этомъ никому. Въ случаѣ замедленія или неисполненія этого условія, они угрожали смертію, оставшагося въ ихъ рукахъ Еврея. Деньги доставлены въ условленное время и Еврей отпущенъ съ строгимъ приказаніемъ, не говорить объ этомъ произшествіи никому. Обращались они съ нимъ не по разбойничьему: кормили его не хуже себя; на второй день развязали ему руки; не подвергали его никакимъ пыткамъ для выѣданія чего нибудь. Все это, весьма напоминаетъ намъ извѣстнаго Яни-катаржи, разбойника, бывшаго, нѣсколько лѣтъ сряду, страшилищемъ для всѣхъ жителей Смирнской губерніи въ малой Азіи.

Ески-Загра, 4-го апрѣля. Мы все еще страдаемъ отъ разбоевъ. На прошлой недѣлѣ, человѣкъ десять отправлялось изъ Ески-Загры въ городъ Терновъ. На дорогѣ, разбойники напали на нихъ, но встрѣтили, со стороны Болгаръ, отчаянное сопротивленіе. Лошади подъ сѣдлами были перебиты, но всадники не потеряли присутствія духа; отступали, отстрѣливаясь, до ближайшей деревни; тамъ только замѣтили, что нѣкоторые изъ нихъ были легко ранены. Когда донесли объ этомъ мѣстной полиціи, то она отказалась преслѣдовать разбойниковъ, на томъ основаніи, что эти послѣдніе появились не въ ихъ округѣ. Вчера, пріѣхалъ въ городъ поселянинъ изъ Хрищени и обратился къ начальству, съ жалобою на одного Турка, который вздумалъ, ни съ того ни съ сего, поколотить поселянина до того, что отъ побоевъ остались слѣды по всему тѣлу. Судья Турокъ потребовалъ свидѣтелей изъ Турокъ-же. Ихъ нельзя было имѣть, потому что это происходило въ чисто-болгарской деревнѣ гдѣ, кромѣ проѣзжающихъ, нѣтъ другихъ Турокъ. Основываясь на хатихумаюнѣ, поселянинъ представилъ девять свидѣтелей изъ христіанъ, но судья ихъ не призналъ, и отпустилъ виновнаго.

Копривщица, 27-го марта. На этой недѣлѣ, купецъ Іоакимъ Ѳедоровъ, отправляясь, вмѣстѣ съ другими Болгарами въ Филиппополь былъ захваченъ разбойниками. Товарищи старались выручить его, но разбойники преодолѣли. У Іоакима было до 8000 піастр.

Digitized by Google

Жеравна, 15-го апрѣля. 17 марта, разбойники отобравъ у пастуха деревни Брадеца все находящееся у него съѣстное и нѣсколько монетъ, зарѣзали несчастнаго. Они отогнали изъ стада около десяти коровъ. — 26, убили они одного Болгарина изъ Котела. 27, убили Дженда изъ Жеравны. 28, убитъ другой Болгаринъ, на пути изъ Жеравны въ Сливенъ, у котораго было около 20,000 піастровъ. Изъ всего этого, вы можете себѣ представить каково теперь наше положеніе.

Пишутъ изъ Бухареста отъ 19 августа. На днѣхъ прибыли въ нашъ городъ купцы изъ Болгаріи, изъ города Тернова, которые доставили намъ слѣдующія извѣстія:

Жители Болгаріи, основываясь на Хатихумаюнѣ, изданномъ Султаномъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ въ пользу христіанъ, права коихъ, по смыслу султанскаго указа должны были сдѣлаться одинаковыми съ правами всѣхъ народовъ населяющихъ Турцію, сталъ дѣлать попытку кое гдѣ примѣнять къ дѣлу дарованныя имъ права: такъ напр. въ нѣкоторыхъ городахъ Болгаре стали *бить въ доску* по церквамъ, имѣя въ виду въ скоромъ времени, употребить всѣ усилія, чтобы достать и колоколовъ, и повѣсивъ ихъ при церквахъ, производить колокольный звонъ. Но, увы! Турки услышавъ это *біеніе въ доску*, до такой степени возмутились, что открыто уже стали коситься на Болгаръ и угрожали имъ всеобщимъ истребленіемъ, если они осмѣлятся и впередъ *бить въ доску*, и этимъ такъ нагло оскорблять ихъ мечети и весь правовѣрный мусульманскій міръ. Мѣстныя начальства вмѣсто того, чтобы принять мѣры къ обузданію дикаго фанатизма Турокъ, обратились къ Болгарамъ только съ приказаніемъ снять доски, и видимо потворствовали все болѣе и болѣе волнующимся Туркамъ, какъ бы поощряя ихъ на дѣйствія еще болѣе дерзкія противъ несчастныхъ Болгаръ. Послѣдніе, такъ несказанно обрадованы были возможностью совершать богослуженіе свободно, теперь еще тяжелѣе и болѣзненнѣе было имъ отказаться отъ этой душевной отрады, которую они чувствовали при благовѣстныхъ звукахъ. Они вздумали было ссылаться на Хатихумаюнъ и на добрую волю Султана, но начальство отвѣчало имъ, что все это такъ, но настроеніе умовъ у Турокъ теперь таково, что оно не ручается за безопасность и жизнь Болгаръ, если они добровольно не откажутся отъ этихъ прихотей.

Digitized by Google

Этого мало: вмѣсто того, чтобы сколько-нибудь участь Христіанъ была облегчена, по смыслу Хатихумаюна, напротивъ она становится невыносимѣе прежняго: безпрестанно производятся убійства, разбои и грабежи не только по дорогамъ, но всѣ эти преступленія совершаются среди бѣлаго дня и въ самыхъ городахъ, и что всего хуже, виновники остаются безнаказанными. Мѣстныя Начальства или вовсе не обращаютъ вниманія, или если обращаютъ, то всегда съ рѣшительною цѣлью Турокъ оправдать во что бы то ни стало, а вину свалить опять на Болгаръ же. На днихъ Начальство потребовало отъ одного только округа Терновскаго 7000 человѣкъ. 5000 повозокъ и 10,000 воловъ для того, что бы отправить ихъ въ Добруджу, гдѣ Болгаре эти должны заняться постройкой домовъ и устройствомъ селъ для перебѣжчиковъ Крымскихъ Татаръ, не получая за свои труды никакой платы ни отъ правительства, ни отъ Татаръ. Мѣры эти возбудили всеобщее негодованіе не потому только, что они сами по себѣ обременительны для Болгаръ въ матеріяльномъ отношеніи, но еще и потому важнѣйшему для Болгаръ обстоятельству, что ихъ заставляютъ работать для людей *измѣнившихъ Славянскому и Православному Царю*, и умножившихъ собою число открытыхъ гонителей христіанства. Турецкое Правительство, послѣ долгихъ колебаній, рѣшилось наконецъ набирать войско и изъ Христіанъ, въ слѣдствіе чего и положено было на первый случай набрать 16,000 человѣкъ. Но неизвѣстно по чему оно вдругъ уклонилось отъ этой мѣры, и, подъ предлогомъ какого то весьма двусмысленнаго снисхожденія къ Христіанамъ, оно добровольно отказалось отъ набора *натурой*, и потребовало замѣнить его деньгами, а именно по 5000 піастровъ съ души (за 16000 человѣкъ 80,000,000 піастровъ). Взиманіе этой суммы, огромнѣйшей относительно состоянія жителей, совершается самымъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ образомъ: т. на пр. бѣдныхъ заставляютъ продавать самонужнѣйшія для домашняго ихъ хозяйства вещи, и т. д. Народъ, обремененный такими тяжкими непомѣрными и чрезвычайными налогами, становившимися еще невыносимѣе отъ дурнаго способа взиманія, производимаго развращенными и корыстолюбивыми чиновниками, измученный и доведенный до крайности, рѣшился наконецъ обратиться съ жалобами къ самому Султану, прося его правосудія. Но къ крайнему сожалѣнію, не имѣя возможности довести свои справедливыя жалобы до свѣденія Султана, они рѣшились во чтобы то ни стало обнаружить свои страданія слѣдующимъ образомъ:

Съ разныхъ мѣстечекъ и селъ собралось около 100 человѣкъ

Digitized by Google

вооруженныхъ въ одну дружину и появились они около мѣстечка Габрова, гдѣ открыто провозглашали, что они возстаютъ не противъ Султана, а противъ его недостойныхъ чиновниковъ и, что единственная цѣль ихъ движенія состоитъ только въ томъ, чтобы хоть этимъ отчаяннымъ средствомъ, довести свои жалобы до Султана и просить его правосудія, просить добросовѣстнаго исполненія всего того, что заключается въ недавно-изданномъ имъ хатихумаюнѣ относительно облегченія участи Христіанъ. Они нисколько не станутъ сопротивляться волѣ Султана, если онъ прикажетъ имъ поступать въ военную службу, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы отдавать въ рекруты *натурой*, а не выкупомъ, и поступающіе изъ Болгаръ въ военную службу образовали бы собою отдѣльные отряды, не мѣшаясь съ другими и имѣя при болгарскихъ отрядахъ священниковъ и начальниковъ изъ своихъ же. Городничій Габрова, узнавъ объ этомъ, немедленно приказалъ находившимся тамъ полицейскимъ чиновникамъ идти и преслѣдовать непокорныхъ. Они встрѣтились съ ними подъ горой недалеко отъ означеннаго мѣстечка. Возставшимъ предложено было сложить оружіе и сдаться; ибо въ противномъ случаѣ на нихъ будутъ стрѣлять. Они отвѣчали, что сложить оружіе они не намѣрены, но и стрѣлять также не станутъ; ибо ихъ цѣль не пролитіе человѣческой крови, а сильное желаніе этимъ, по видимому, только не законнымъ, поступкомъ, служить живымъ и гласнымъ протестомъ противъ вопіющихъ несправедливостей мѣстныхъ начальствъ, оставляющихъ Султанскій Хатихумаюнъ безъ всякаго вниманія, и еще безчеловѣчнѣе противъ прежняго продолжающихъ угнетать Болгаръ. И что хотя они всячески будутъ стараться избѣгать столкновенія съ кѣмъ бы то не было, возможнаго дойти до кровопролитія, однакожъ, если другіе станутъ стрѣлять на нихъ, то въ такомъ случаѣ они также принуждены будутъ защищаться тѣмъ же. Послѣ такого отвѣта полицейскіе предложили имъ явиться въ мѣстечко, чтобы переговорить обо всемъ этомъ съ Высшимъ Начальствомъ, Долго Болгаре не соглашались, зная вѣроломство Турокъ, но наконецъ рѣшено было отправить туда только 14 человѣкъ съ уполномочіемъ переговорить о дѣлѣ, за которое они взялись. Когда они подошли уже къ самому мѣстечку, то попавшіеся навстрѣчу имъ Болгаре успѣли предупредить ихъ, что городничій уже отдалъ приказаніе связать ихъ безъ всякаго суда и расправы, какъ Государственныхъ преступниковъ и отправить куда слѣдуетъ. Поэтому они остановились внѣ мѣстечка и предложили полицейскимъ: не угодно ли будетъ имъ здѣсь объясниться взаимно? Вмѣсто отвѣта,

Digitized by Google

раздались выстрѣлы, и двое изъ Болгаръ пали убитыми, двое попались въ руки, а остальные отстрѣливаясь удалились опять въ горы. Двухъ же пойманныхъ Турки отправили въ Терновъ къ Пашѣ, которому на вопросъ о причинѣ ихъ возстанія они отвѣчали какъ выше сказано. Но, вмѣсто того, чтобы произвести слѣдствіе этого дѣла, Паша, а за нимъ и Митрополитъ Терновскій (родомъ грекъ) подписали составленный заранѣе обвинительный надъ ними актъ, объявивъ ихъ прямо Государственными преступниками, не допуская ихъ сказать хоть одно слово въ оправданіе себя. Вотъ какимъ образомъ нашъ »*добрый пастырь душу свою полагаетъ за овцы*«! т. е. на оборотъ: вѣрный своей фонаріотской адской системѣ, грекъ и слѣд. ревностный гонитель всего славянскаго, онъ душевно былъ радъ случаю втоптать въ грязь бѣдняковъ Болгаръ, оклеветать, преувеличить, чтобы этимъ показаться передъ Турками какъ онъ усердно печется объ ихъ интересахъ, и слѣд. какъ необходимо для Порты, чтобы Высшее Духовенство у Болгаръ было всегда изъ Грековъ, а не изъ Болгаръ, которые въ подобныхъ случаяхъ были бы весьма опасными для Турокъ.... Впрочемъ оставимъ пока Грековъ-фонаріотовъ съ ихъ злоупотребленіями: ибо это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко.

Жители Габрова обратились къ Видинскому Пашѣ (отъ коего зависитъ Терновскій Паша) съ прошеніемъ, въ которомъ излагаютъ это произшествіе такъ какъ оно произошло, и жалуются на произволъ своего мѣстнаго начальства. Но судя по всему, едва ли дождутся и отъ него чего нибудь хорошаго!

Изъ всего этого вы видите теперь, что не смотря на добрую волю Султана, не смотря на его благодѣтельные указы, фанатизмъ Турокъ и ненависть ихъ къ христіанамъ едва ли не усиливается все болѣе и болѣе. Исполненіе Хатихумаюна не возможно при такихъ физически и нравственно развращенныхъ исполнителяхъ. Пусть теперь пресловутые европейскіе филантропы и цивилизаторы обратятъ вниманіе на то, что терпятъ несчастные Христіане отъ разореныхъ Турокъ и пусть, положа руку на сердце, скажутъ: стоило ли проливать столько христіанской крови для защиты этихъ непримиримыхъ враговъ для христіанства и не исправимыхъ изверговъ для человѣчества!

Digitized by Google

...«*Одесса, 1856, Ноября 20.* Извините, что я такъ долго не «писалъ вамъ; я былъ въ Турціи, въ Рущукѣ, по дѣлу о нашихъ «Болгарахъ, возвратившихся на родину. Дѣло это, начатое нами съ «Іюня мѣсяца, едва окончилось 11-го Октября. Слава Богу, что все «кончилось благополучно. Мы возвратили 770 семействъ, въ числѣ «4030 душъ обоего пола, съ находящимся при нихъ около 30,000 «головъ разнаго рода скота. Можете представить себѣ, сколько было «хлопотъ при удовлетвореніи всѣхъ нуждъ!... Но благодаря Прави- «тельство за его попеченія объ насъ, все совершилось какъ нельзя «лучше. Кончили дѣло хорошо не только въ Россіи, но даже и въ «Турціи, гдѣ у Генералъ Губернатора Добруджи, Сандъ-Паши, успѣли «исходатайствовать *для* возвратившихся Болгаръ льготъ на 5 лѣтъ, «въ чемъ онъ письменно увѣрилъ насъ чрезъ Прусскаго консула въ «Рущукѣ. Но, что всего замѣчательнѣе—Турки встрѣтили возврати- «вшихся съ видимымъ участіемъ, и поспѣшили, и начальство и «народъ, и съ своей стороны роздать денежное пособіе и муку, «стараясь всячески облегчать и успокоить ихъ.

...«Наше Болгарское общество въ Одессѣ устраивается. Оно «будетъ таково, какимъ желали его видѣть, когда оно учреждалось.... «Обо всемъ напишу вамъ подробнѣе въ слѣдующій разъ, ибо теперь «некогда: спѣшу отправиться къ тѣлу покойнаго Фельдмаршала «Князя Воронцова, гдѣ я назначенъ сего-дня дежурнымъ....

...Другихъ извѣстій изъ Болгаріи пока не получалъ.

Digitized by Google

ОДА

НА СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНІЕ И МУРОПОМАЗАНІЕ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА II.

Мих. Дмитріева

Великій день!—Намъ небо внемлетъ!
Въ сей день—Царей и Царства Сынъ
Даръ силы вышней воспріемлетъ
Быть надъ полміромъ властелинъ!
И чья душа, въ сіи мгновенья,
Не чуетъ Бога приближенья
Съ его таинственной судьбой;
Когда Монархъ Россіи новый,
На подвигъ царственный готовый,
Исходитъ въ путь великій свой!

О Царь нашъ, сынъ Москвы желанный,
Рожденный въ царственномъ Кремлѣ,
Любовью нашей увѣнчанный
Еще до власти на землѣ!
Къ тебѣ всегда сердца стремились,
Всегда надежды возносились
Съ молитвой пламенныхъ сердецъ!

Digitized by Google

Внемли любви народной клики!
Но долгъ Царя—есть долгъ Великій!
Велико знаменье—вѣнецъ!

Вѣнецъ Твой—съ Русью сочетанье,
Съ которой Богъ предобручилъ;
Держава—знакъ, что въ обладанье
Твое, Онъ землю положилъ;
Сей скиптръ—что пастырь Ты народа,
Съ которымъ самая природа;
Сей тронъ—что Ты стоишь высоко,
Да видитъ все Царево Око
И различаетъ зло съ добромъ!

Высокъ Твой тронъ, но есть ступени:
Да будетъ доступъ до Царя!
Да вѣрныхъ подданныхъ моленій,
Какъ звукъ докучливый презря,
Ты не отвергнешь на престолѣ;
Да слухъ въ своей высокой долѣ
Склонишь на ихъ мольбы и стоны.
За то, какъ сей порфирой пышной,
Такъ благодатью Силы Вышней
Ты будешь въ силу облеченъ!

Храня святыню древнихъ нравовъ,
Отца, въ Помазанникѣ зря,
Что намъ до чуждыхъ странъ уставовъ!
Намъ нужно добраго Царя!
Не нужны намъ Его обѣты?
Какіе могутъ быть завѣты
Между дѣтьми и ихъ отцомъ?
Не нужно въ правдѣ намъ залога!
«Нѣсть власти, аще не отъ Бога!»
Мы вѣрой сердца признаемъ.

За тѣмъ и вы, Владыки наши,
Любите подданныхъ, какъ чадъ!
Да и вокругъ домашней чаши,

Digitized by Google

Какъ въ храмахъ, Васъ благословятъ!
Чтобъ не въ однѣхъ модьбахъ священныхъ,
Уставомъ дней опредѣленныхъ,
Гдѣ пышность изумляетъ взоръ,
Гдѣ хоръ гремитъ подъ сводомъ храма,
Гдѣ всходитъ облакъ ѳиміама,
Но и въ сердцахъ былъ тотъ же хоръ!

О добрый Царь нашъ! Вѣрь народу!
Монарховъ искренно любя,
За нихъ готовъ онъ въ огнь и въ воду,
Готовъ на все и за Тебя!
Прочь зло, навѣтъ и подозрѣнье!
Какое можетъ быть сомнѣнье
Между отцовъ и ихъ дѣтей!
Пусть доступъ всѣмъ отецъ откроетъ:
Никто ему—ни зла не скроетъ,
Ни лучшихъ къ истинѣ путей!

Тогда—падетъ судовъ лукавство!
И будетъ смѣлъ прямой судья:
Не устрашитъ самоуправство,
Ни злобы тайная змѣя!
Его не сбросить съ мѣста сила,
Чтобы забвенье, какъ могила,
Его сокрыла правоту!
Врагъ побоится именитый,
Что ты и безъ чужой защиты
Увидишъ правда наготу!

Тогда-то истина дѣлами
Освѣтитъ Твой чертогъ, какъ храмы
Ученый—полными устами
Ее предастъ съ каѳедры намъ;
Поэтъ, провидецъ вдохновенный,—
Взнесется къ небу, окрыленный,
Восторгомъ радости святой;
Мудрецъ—пути добра намъ скажетъ,
И безбоязненно укажетъ,
Что̀ зло, что̀ благо подъ луной!

Digitized by Google

Тогда и Музы и Науки,
Какъ храмъ, престолъ Твой окружатъ,
И лиры пламенные звуки,
Тебя въ потомствѣ возгремятъ!
Родится новый намъ Державинъ!
И будешь, будешь, въ пѣснях славенъ
Ты въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ!
Умолкнетъ лести вѣролюбство;
Ты будешь жить въ сердцахъ потомства,
Какъ нынѣ въ нашихъ Ты сердцахъ!

Монархъ! Довѣренность къ народу!
Велика силою она!
Онъ жизнь отдастъ Царю въ угоду;
А кровь Славянская—вѣрна!
Какъ агнецъ тихъ, властямъ послушенъ.
Какъ левъ, онъ храбръ, великодушенъ;
Доволенъ, малой долѣ радъ;
Не только онъ иноплеменнымъ,
Въ твоей державѣ съединеннымъ,
Но и врагамъ сраженнымъ—братъ!

Онъ тотъ же, нашъ народъ смиренный;
Но твердый вѣрою отцевъ,
Который, ею вдохновенный,
Возсталъ съ Пожарскимъ на враговъ;
Который нѣкогда закону,—
И царству преданъ, и корону,—
На Михаила возложилъ!
Внимай вѣковъ минувшихъ клики!
Онъ Домъ Романовыхъ великій
На царскомъ тронѣ утвердилъ!

Онъ тотъ же все неодолимый,
Какъ былъ въ двѣнадцатомъ году,
Когда перстъ Божій невидимый
Свелъ дерзость съ кротостью къ суду;
Когда нашъ Царь Благословенный,
Въ Москвѣ восторгомъ окруженный,

Digitized by Google

Предсталъ въ день бѣдствія ему!
Онъ все уступитъ: жизнь, имѣнье;
Но честь, къ царямъ благоговѣнье
Онъ не уступитъ никому!

Въ бою—онъ шагу не уступитъ
Врагамъ святой земли Твоей!
Цѣною ранъ и смерти купитъ
Онъ славу родины своей!
Я старъ, я немощенъ на битву;
Но съ чистой вѣрою, молитву
Я сотворилъ, какъ гражданинъ,
И вспомнилъ нашу Русь съ любовью,
Когда лежалъ, облитый кровью,
Подъ Севастополемъ мой сынъ!

Но прочь въ сей день—воспоминанья
Минувшихъ золъ и славныхъ бѣдъ,
Всходи, свѣтило упованья,
И лей на насъ добро и свѣтъ!
Да процвѣтутъ Твои народы!
Да низведутъ довольства годы
Съ Тобою миръ, сей даръ небесъ!
Въ дни бѣдъ, Отецъ Тебя оставилъ,
За тѣмъ, чтобъ Ты себя прославилъ,
Чтобъ выше Русь свою вознесъ!

Digitized by Google

МЕЧТАНІЕ.

Беззвѣздная полночь дышала прохладой,
Крутилася Лаба, гремя подъ окномъ;
О Прагѣ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагѣ мечталъ, забываясь сномъ,

И мнилось, лечу я.... орелъ сѣрокрылый
Давно и давно бы въ полетѣ отсталъ,
А я, поднимаемъ невидимой силой,
Все выше и выше взлеталъ.

И съ неба картину я зрѣлъ величаву:
Въ убранствѣ и блескѣ весь Западный край,
Мораву и Лабу и дальнюю Саву,
Гремящій и синій Дунай.

И Прагу я видѣлъ: и Прага сіяла,
Сіялъ златоверхій на Петчинѣ храмъ;
Молитва Славянская громко звучала
Въ напѣвахъ знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ.

И въ старой одеждѣ Святаго Кирилла,
Епископъ на Петчинъ всходилъ,
И слѣдомъ валила народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ кадилъ.

И клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню на Западный край:
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синій Дунай.

1847.

Digitized by Google

ПРОРОКЪ.

Какъ часто во мнѣ пробуждалась
Душа отъ лѣниваго сна;
Просилася людямъ и братьямъ
Сказаться словами она!

Какъ часто, о Боже, рвалася
Вѣщать твою волю землѣ,
Да свѣтъ осіяетъ разумный,
Безумцевъ, бродящихъ во мглѣ.

Какъ часто, безсиліемъ томимый,
Съ глубокой и тяжкой тоской,
Молилъ тебя дать имъ пророка
Съ горячей и крѣпкой душой.

Молилъ тебя, въ часъ полуночи,
Пророку дать силу рѣчей,
Чтобъ міръ оглашалъ онъ далеко
Глаголами правды твоей.

Молилъ тебя съ плачемъ и стономъ,
Во прахѣ простертъ предъ Тобой,
Дать міру и уши, и сердце,
Для слышанья рѣчи святой!

Digitized by Google

КЪ БРАТІЯМЪ.

Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, Чешскихъ странъ глава;
Не гордись предъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва!

Вспомнимъ: мы родные братья,
Дѣти матери одной:
Братьямъ, братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой!

Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ?
Не скорби, кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ!

Испытанья время строго;
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь.

Пронесется мракъ ненастный,
И, ожиданный давно,
Возсіяетъ день прекрасный:
Братья станутъ за одно.

Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ побѣдный строй,
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной.

А. Хомяковъ.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1856.

ТОМЪ III.

№ 10.

МОСКВА.
Въ типографіи Л. Степановой.
1856.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Декабря 18 дня, 1856 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

Digitized by Google

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ПУТЕШЕСТВІЯ

Ю. И. Венелина въ Болгарію.

Конечно въ ученомъ мірѣ болѣе или менѣе извѣстно всѣмъ, что Ю. И. Венелинъ въ 1830—31 годахъ совершилъ путешествіе въ Болгарію. Но подробности этого путешествія едва ли кому либо до сихъ поръ были знакомы: ихъ можно узнать только изъ бумагъ, оставшихся послѣ покойнаго, а потому мы не упускаемъ случая сообщить нѣкоторыя изъ нихъ, пользуясь соизволеніемъ И. И. Молнара, наслѣдника всѣхъ книгъ и рукописей незабвеннаго по своей энергіи ученаго.

Въ 1829 году, представляя Императорской Россійской Академіи экземпляръ I тома своего сочиненія «О древнихъ и нынѣшнихъ Болгарахъ,» Венелинъ выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе и готовность «совершить ученое путешествіе по Болгаріи, странѣ классической для филологовъ и историковъ славянскихъ.» По представленію тогдашняго Министра Народнаго Просвѣщенія, Его Свѣтлости Князя Ливена, 14 Декабря 1829 года воспослѣдовало Высочайшее утвержденіе поѣздки лѣкаря Венелина за Дунай. Составленъ былъ проэктъ, по которому предполагалось объѣхать сначала Большую и Малую Валахію съ Молдавіей, потомъ собственную Болгарію съ частію Ѳракіи; о дальнѣйшемъ путешествіи въ Македонію и на Аѳонъ, если бы оно оказалось необходимымъ и возможнымъ, ученый имѣлъ извѣстить Академію уже съ мѣста своего назначенія. Сроку назначался годъ. Цѣль была

Digitized by Google

чисто-научная: осмотрѣть архивы и книгохранилища; пріобрѣсть, списать или перевесть въ снимки замѣчательнѣйшія рукописи; пользоваться всѣми археологическими открытіями для уясненія исторіи Славянской вообще и Русской въ особенности; но главнымъ образомъ—изучить народный новоболгарскій языкъ, собрать его образцы и составить потомъ словарь и граматику. Такимъ образомъ, сверхъ другихъ предполагаемыхъ успѣховъ, готова была исполниться завѣтная мысль Шлецера, высказанная имъ еще въ 1771 году: «словарь и граматика Болгаръ, говорилъ онъ, должны быть для исторіи весьма важны. Можетъ быть, уцѣлѣли еще въ языкѣ нынѣшнихъ Болгаръ слова, которыя навели бы насъ на догадку, что̀ за народъ были древніе не-славянскіе Болгаре (Nord. Gesch. стр. 334).» Время и обстоятельства какъ нельзя лучше благопріятствовали подобной поѣздкѣ: страны, означенныя въ маршрутѣ, заняты еще были отчасти русскими войсками послѣ знаменитой компаніи.

Въ январѣ 1830 года Венелинъ былъ вызванъ въ Петербургъ, для полученія отъ Академіи инструкціи и путевыхъ издержекъ; въ Мартѣ вернулся назадъ и 18 Апрѣля, въ пятницу, выѣхалъ изъ Москвы въ дорогу. Какое-то грустное предчувствіе тѣснило его сердце: въ Дневникѣ, начатомъ именно съ этой эпохи, на самыхъ первыхъ страницахъ встрѣчаемъ мы выраженія какого-то безотчетнаго страха предъ отдаленною и слишкомъ мало извѣстною страной, какое-то робкое сознаніе слабости собственныхъ силъ; мы поймемъ его тогда только, когда вспомнимъ, что этотъ человѣкъ каждую, даже неважную, статью свою начиналъ благоговѣйнымъ начертаніемъ—I. H. D. O. M. (in honorem, иногда et gloriam, Dei Optimi Maximi); что онъ постоянно разсыпалъ по сочиненіямъ остроты и шутки—и въ тоже время весьма строго судилъ себя и напечатанную статью, какъ поступокъ, въ которомъ многое недостаточно, много могло быть лучше; наконецъ мы должны вспомнить, что за тѣмъ міромъ, въ которомъ мы встрѣчаемъ писателя со всей энергіей, со всѣмъ увлеченіемъ южно-русскаго ума и склада, существовалъ для

Digitized by Google

Венелина-человѣка другой міръ жизни, грустный и тяжкій. Какъ бы то ни было, юныя силы брали свое, надежда сулила не мало, и невольный взрывъ стѣсненнаго чувства, который найдете вы на первыхъ страницахъ Дневника, напечатанныхъ при каждой его біографіи, разрѣшился словами: «нечего дѣлать, пойду туда, куда бросаетъ меня судьба, для услуги народу, коего такъ жарко любилъ... хоть плыть, да быть.» И точно, при всѣхъ искушеніяхъ, какъ увидимъ мы ниже, слово сдержано твердо.

Въ настоящемъ случаѣ насъ не могутъ особенно занимать различные ученые пріемы, руководства и средства, употребленныя путешественникомъ для достиженія предположенной цѣли; даже результатовъ, добытыхъ для строгой науки, мы коснемся только слегка, предоставляя это будущему біографу въ исторіи науки, и притомъ ожидая отъ времени всѣхъ оставшихся бумагъ Венелина въ печати, съ должной оцѣнкой. Мы обратимъ вниманіе преимущественно на тѣ замѣтки, которыя изображаютъ страну, нынѣ столь любопытную для насъ, и характеризуютъ ея состояніе въ эпоху прошедшей войны нашей съ Турками или тотчасъ послѣ нея. Донесенія, Дневникъ и переписка Венелина послужатъ достаточнымъ матерьяломъ.

По мѣрѣ приближенія къ югу, вѣсти становились одна другой неблагопріятнѣе. Уже въ Харьковѣ путешественникъ слышалъ, что главная квартира второй русской арміи въ непродолжительномъ времени оставитъ Бургасъ, и переведена будетъ въ предѣлы Имперіи, но куда — не извѣстно еще. Дорога отъ Харькова до Одессы вся наполнена была одной вѣстью: что русскія войска въ разныхъ направленіяхъ, на Севастополь, Сатуново и Парканы, переходятъ въ Россію, и что главная квартира оставила Бургасъ еще 20 числа Апрѣля. Томимый неизвѣстностью и безпокойствомъ, Венелинъ въѣхалъ въ Одессу 8 Мая. Къ несчастью и здѣсь собранныя свѣдѣнія не были опредѣлительны и даже противорѣчили одно другому: чтобы уяснить положеніе дѣла, нужно было еще недѣлю подождать возвращенія въ Одессу Г. Новороссій-

Digitized by Google

скаго Генералъ-Губернатора и съѣздить въ Тирасполь, гдѣ Главнокомандующій выдерживалъ карантинный срокъ. «Фельдмаршалъ, пишетъ Венелинъ въ своемъ Дневникѣ, принялъ меня довольно ласково, сожалѣлъ, что не можетъ быть мнѣ полезенъ на мѣстѣ, и не предвѣщалъ успѣховъ, ссылаясь на глубокое невѣжество Болгаръ и вообще Духовенства, даже и самаго высшаго; изъ Духовенства Волошскаго указалъ только на Аржизскаго Епископа. Главнымъ гнѣздомъ призналъ пространство между городами — Сливенъ, Шуменъ, Тръновъ, Казанъ (Котелъ); намекнулъ объ удобности посѣтить Сливенъ, гдѣ находится еще нашъ консулъ.» А главное,—онъ сообщилъ Венелину бумаги къ Г. Предсѣдателю Дивана Валахіи и Молдавіи Киселеву, въ Главный штабъ и къ командиру 5-го пѣхотнаго корпуса Генералу Роту, который долѣе всѣхъ имѣлъ оставаться за Дунаемъ. Вернувшись въ Одессу 21 числа, Венелинъ не терялъ еще надежды отправиться, согласно своему плану, сухимъ путемъ, и съ этою цѣлію собиралъ всѣ нужныя свѣдѣнія. Въ особенности счастливъ онъ былъ знакомствомъ съ Протоіереемъ Одессы П. С. Куницкимъ, о которомъ послѣ такъ часто вспоминалъ (см. статью Вен. «Мысли объ исторіи вообще и русской въ частности», въ Чтен. И. М. Общ. Ист. и Др. Росс., годъ 2, N VIII, въ отдѣлѣ «изслѣдованій», стр. 31—50) Этотъ ученый и просвѣщенный мужъ, соученикъ Гнѣдича, Мартынова и Огинскаго, знатокъ новороссійскихъ древностей, находился прежде при покойномъ Экзархѣ Молдавіи и Валахіи, Гавріилѣ, и счастливо воспользовался случаемъ изучить означенныя страны со многихъ статистическихъ точекъ зрѣнія. Его «Статистику Бессарабіи» Венелинъ вписалъ впослѣдствіи въ свою непремѣнную bibliothèque portative. Разумѣется, отъ него можно было узнать очень много любопытнѣйшихъ подробностей, чтобы дополнить прежній запасъ свѣдѣній, ибо мы знаемъ, что, будучи еще студентомъ, Венелинъ помѣстилъ уже въ «Московскомъ Вѣстникѣ (1828, N XV и XVI)» прекрасный разборъ сочиненія Игнатія Яковенка «Нынѣшнее состояніе турецкихъ княжествъ Молдавіи,

Digitized by Google

Валахіи и Россійской Бессарабской области (Спб. 1828)». Между тѣмъ вышелъ изъ карантина Адріанопольскій Митрополитъ Герасимъ; онъ сообщилъ путешественнику самыя вѣрныя свѣдѣнія о положеніи своей обширной эпархіи, простиравшейся отъ Сливна, Ямболя и Карнабата до самаго Люле-Бургаса: «во всей моей эпархіи, говорилъ онъ, вы не найдете почти ничего; всѣ христіанскіе обыватели разбрелись, не смотря на объявленіе султаномъ амнистіи.» Этого мало: офицеры, недавно предъ тѣмъ прибывшіе въ Одессу изъ главной квартиры, утверждали единогласно, что за Дунаемъ все пусто, ни одной деревни, ни одного домика на ногахъ; жители турецкіе еще прежде ушли за турецкими войсками; христіане продолжали слѣдовать за Русскими, чтобы селиться въ Буджакѣ, Браиловскомъ Округѣ, Молдавіи и Валахіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ глазахъ Венелина тянулись длинные обозы переселенцевъ и выходцевъ; ихъ семейства по цѣлымъ сотнямъ сидѣли въ карантинѣ; въ самый день пріѣзда въ Одессу, Венелинъ видѣлъ, какъ изъ портоваго карантина вышло 300 семействъ Сизопольскихъ и Анхіальскихъ выходцевъ. Ямболь, Сливенъ и другіе города Румеліи совершенно опустѣли, въ самой Варнѣ жителей осталось не много, со времени болѣзненнаго состоянія города. Общіе совѣты всѣхъ были—оставаться, пока не утихнетъ и не успокоится броженіе. Въ двѣ стороны тянулись обозы изъ Болгаріи: за Балканы къ Туркамъ и за Дунай къ Русскимъ; одни жители расходились еще, другіе не успѣли еще вернуться на постоянное мѣстопребываніе. Турецкое правительство, въ скудномъ состояніи своихъ финансовъ, возложило на торговцевъ и земледѣльцевъ не бывалыя дотолѣ подати. Запрещеніе вывоза хлѣба изъ Молдавіи и Валахіи пало прямо на жителей внутреннихъ областей, преимущественно Болгаръ; деньги и имущество отняты были прежде, теперь отнимали послѣдній кусокъ хлѣба. Амнистія существовала только на словахъ: Турки не могли простить Болгарамъ попытки возстанія, безпрестанно завязывались раздоры, кончавшіеся кровопролитіемъ. При такихъ обстоятельствахъ эми-

770970A Google

грація сдѣлалась бы всеобщею, если бы Турецкое правительство не принимало строгихъ мѣръ для удержанія. За то продолжались частные побѣги, бѣжали въ хайдуки, и въ ущельяхъ горъ, даже по дорогамъ, бродили цѣлыя разбойничьи шайки. Опасность отъ разбоевъ была такъ велика, что, вопреки основнымъ турецкимъ обычаямъ, тогдашній шуменскій паша позволилъ своимъ Болгарамъ, хлѣбопашцамъ носить съ собою на работу оружіе (они сами разсказывали о томъ съ удивленіемъ Венелину во время его путешествія). Въ такомъ положеніи дѣла даже фирманъ Султана мало могъ доставить безопасности путешественнику; еще большей опасности подвергался бы археологъ, которому предстояло ходить по гяурамъ, знакомиться съ ними, разговаривать: какую бы роль занялъ онъ въ глазахъ и безъ того недовѣрчиваго, глубоко оскорбленнаго своими неудачами Правительства? Нельзя было даже встрѣтить на мѣстѣ какого либо опытнаго руководителя: всѣ, сколько нибудь образованные и со средствами, жители давно успѣли выбраться изъ за Дуная и разбрелись по городамъ Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи, жили въ Германштадтѣ, Вѣнѣ, и даже Петербургѣ, гдѣ былъ въ то время отецъ Анатолій. Наконецъ, прибавьте къ этому появленіе холеры и приготовленіе чумы, впослѣдствіи опустошившей Болгарію до 200,000 жителей. Не смотря на всѣ эти слухи, которые въ состояніи были поколебать каждаго, не смотря на общія предостереженія, Венелинъ все-таки рѣшился ѣхать. Онъ предостерегалъ только въ одномъ изъ своихъ отчетовъ: «можетъ быть, дѣйствительно мѣстныя обстоятельства уменьшатъ кругъ моихъ изысканій за Дунаемъ; но объ успѣхѣ буду имѣть честь донести Императорской Россійской Академіи. Дѣятельность моя будетъ въ томъ, чтобы нельзя было сдѣлать самому себѣ упрека; мнѣ предлежитъ, какъ вижу, пожинокъ на нивѣ послѣ бури, и града, и вѣтра...» Онъ упорствовалъ даже ѣхать на Молдавію и Валахію, чтобы осмотрѣть хорошенько устья Дуная и берега Болгаріи: наконецъ разнесся слухъ, что почта снята; приходилось такимъ образомъ заводиться собственнымъ эки-

Digitized by Google

пажемъ и лошадьми. Дѣлать было нечего, надо было отправиться моремъ, на Варну, и отправиться какъ можно поспѣшнѣе, чтобы застать тамъ русскія войска. Судна отправлялись туда довольно рѣдко, нужно было дожидаться; 27 іюня Венелинъ сѣлъ на корабль, въ ожиданіи попутнаго вѣтра; а 29 снялись наконецъ съ якоря.—Среди подобныхъ безпокойствъ и сборовъ, среди тревожныхъ слуховъ и ожиданій, онъ все-таки успѣлъ довольно много сдѣлать въ Одессѣ: собралъ всевозможныя свѣдѣнія о предстоявшемъ пути; изучалъ древности южнаго края Россіи; пріобрѣлъ знакомство многихъ Болгаръ; ходя по городскимъ закоулкамъ, въ самую жаркую пору времени, успѣлъ собрать довольно болгарскихъ пѣсенъ, т. е. большую часть того, что осталось впослѣдствіи въ его сборникѣ и благосклонно намъ уступлено И. И. Молнаромъ для напечатанія; наконецъ собралъ до 700 коренныхъ словъ, восклицая въ одномъ изъ своихъ писемъ съ дѣтскимъ восторгомъ: «первое основаніе болгарскаго словаря!» Относительно рукописей не было такого счастья: по одному слуху о какой-то исторической грамотѣ болгарской въ Овидіополѣ, бросились они туда вмѣстѣ съ Куницкимъ; оказалось, что и рукопись, и владѣтель ея, переправились въ Николаевъ.

Іюля 4, ровно въ полдень, остановились въ Варненской бухтѣ. Вокругъ города расположенъ былъ въ двухъ мѣстахъ русскій лагерь, издали видны были въ Коварнѣ палатки госпиталя. Не было ничего плачевнѣе того вида, который представлялъ самый городъ, разбитый, запустѣлый, изъѣденный болѣзнью. Однѣ бомбы, говоритъ болгарская пѣсня объ осадѣ Варны, летѣли

»Три мѣсеца день и ноштъ,
Като дребни дъжды«.

Двухъ дней достаточно было, чтобы совершенно ознакомиться съ городомъ. Въ немъ находится, говоритъ Венелинъ, «три монастыря, между коими и митрополичій. Посѣтивъ оные, я совсѣмъ былъ разочарованъ въ своемъ воображеніи

Digitized by Google

и надеждѣ. Митрополитъ со всѣмъ своимъ причтомъ переселился въ Крымъ, и всѣми монастырями и Варнскою паствою взялся завѣдывать какой-то случайный монахъ. Каждый монастырь состоитъ въ маленькомъ, полуразваленномъ церковномъ строеніи и при немъ тѣсномъ жильѣ. По углубленію, въ которое спускаться должно входя въ церковь, и по предосторожности, которую нужно принимать, чтобъ выходя не ушибить себѣ голову объ крышу, строеніе имѣетъ видъ полуземлянки. Внутренность или безъ окошекъ, или съ окошечкомъ съ одной стороны. Отъ сего темнота въ церкви, и свѣчи, зажигаемыя во время богослуженія, нигдѣ такъ не кстати, какъ здѣсь. Въ воскресенье и праздничные дни, Литургія оканчивается въ седьмомъ часу утра, а начинается когда большая часть паствы еще спитъ. Такъ бываетъ повсюду въ турецкихъ областяхъ, гдѣ господствуетъ магометанское населеніе. Отъ монаха, для коего я принужденъ былъ взять переводчика, ничего не могъ узнать. Однако показалъ онъ одну маленькую медаль, на коей ни буквы нельзя было разобрать, и очень желалъ мнѣ уступить ее за 50 рублей! Между прочимъ я освѣдомлялся, не находятся ли при церкви какія либо грамоты, принадлежащія монастырю, и можетъ быть ему дарованныя Патріархами? переводчикъ пересказалъ мнѣ, что находятся, но только не цареградскія, а итальянскія, и что папасъ дня черезъ два можетъ мнѣ ихъ достать. На третій день я опять посѣтилъ папаса, и онъ мнѣ вынулъ изъ кармана греческую азбуку венеціанской печати! Онъ думалъ, что я хочу учиться читать по гречески. Подобныя сцены бываютъ со мною довольно часто. Очень естественно, что неученыя лица не могутъ имѣть понятія о вещахъ ученыхъ, и вообще такихъ, которыя между ними не водятся. Поелику монастыри въ Турціи ни чѣмъ не могутъ располагать, то почти и мѣста нѣтъ грамотамъ. Присылаемый, съ утвержденія Порты, Митрополитъ поселяется при той церкви, называемой монастыремъ, при которой ему заблагоразсудится, и, какъ отчетовъ никакихъ не даетъ Патріарху, точно такъ, какъ и Паша Султану, то и не ведетъ

Digitized by Google

никакихъ бумагъ. Такое состояніе эпархіальнаго устройства, необразованность самого духовенства и частые перевороты служатъ причиною тому, что нигдѣ почти нѣтъ ни Дикастерій, ни архивовъ духовныхъ. Устройство такимъ образомъ примѣнилось къ политической организаціи Турціи, въ коей ни при Аянахъ, ни при Пашахъ, нѣтъ ни канцелярій, ни хранилищъ. Мягкая чалма Паши согрѣваетъ тотъ кодексъ и тотъ архивъ, изъ коего постепенно все испаряется.» Начальство присылается Греческое; книги церковныя — Греческія, Венеціанской печати. Итакъ Іерархія въ Варнѣ ничего не могла доставить путешественнику; оставалось обратиться къ Болгарамъ, собравшимся сюда изъ другихъ городовъ, по прекращеніи болѣзненности; у нихъ можно было покрайности научиться языку и собрать этнографическія и топографическія свѣдѣнія. Интересно однако, что между ними не было *ни одного* грамотнаго. Между прочимъ жило здѣсь нѣсколько армянскихъ семействъ, часть возвратившихся турецкихъ и нѣсколько торговцевъ — русскихъ подданныхъ. Вообще же жителей въ городѣ было очень немного и большая часть домовъ стояла пустыхъ.

Прибавимъ нѣсколько словъ о житьѣ Венелина въ Варнѣ, по собственному письму его къ М. П. Погодину, изъ Силистріи, отъ 20-го Августа. «Іюля 4-го, въ 12 часовъ, бросили якорь въ виду Варны... Въ 4 часа, прежде пріобрившись и пріоблизнувшись, я катнулъ со шкиперомъ къ берегу. Побродивъ по узкимъ, кривымъ, душнымъ, худовымощеннымъ улицамъ Варны, черезъ часа два сѣли опять на катеръ и причалили къ судну. Я издалека примѣтилъ моего дурнограя (человѣка Сидора, взятаго въ дорогу изъ Москвы), облокотившагося объ бордъ и пристально всматривающагося въ видъ Варны. Я засталъ его не въ очень хорошемъ расположеніи духа; доискиваюсь причины и узнаю, что онъ отъ роду не видалъ столь *глупецкаго виду*. На другой день я опять въ городъ съ бумагами. Генералъ Ротъ принялъ меня довольно ласково; велѣно тотчасъ отвести мнѣ квартиру. Квартиръ пустыхъ было много, но всѣ безъ око-

Digitized by Google

шекъ. Стекла въ Турціи не знаютъ; на мѣсто его загораживаютъ окошки деревянными рѣшетками. Жителей въ Варнѣ очень мало, да и то всякій сбродъ, большею частію выголодалый. Наше начальство поступало великодушно: помогало народу, чѣмъ могло, сухарями, и т. п. Я просилъ, чтобы меня поселили съ Болгарами, чтобы болѣе къ нимъ привыкнуть и къ ихъ языку. Къ вечеру я отправился на судно за дурнограемъ и всею, ему подвѣдомственною, командою. Въ Варнѣ извощиковъ нѣтъ; тяжести, выгружаемыя съ судовъ, разносятъ по городу наемные Турки: ихъ довольно много зѣваетъ у пристани. Какъ только мы причалили, тотчасъ вызвался одинъ османецъ и, за десятка три копѣекъ, предложилъ свою спину. Я далъ знакъ дограю перегружать съ катера на спину челмоносца; опять повторилъ, — ничего; крикнулъ,—ничего, да и хотя бы подалъ сигналъ конгревовою ракетою, мой дурнограй едва ли пришелъ бы въ себя: столь сильно зазѣвалъ его видъ Турокъ, коихъ онъ въ первый разъ имѣлъ честь видѣть въ натурѣ. Прибывъ на квартиру послѣ нѣсколькихъ блужданій, я расположился отдохнуть на единственной мебели, довольно узкой лавицѣ. Это внутренняя; переднюю занимали хозяева: Болгаринъ *Вулчё;* жена его, молодая и очень милоликая, *Гина*; девятилѣтняя ихъ дочь *Вырба* и пяти лѣтъ сынъ *Маринко*... Съ хозяевами я скоро очень свыкся; къ счастью, хозяйка довольно щебетливая женщина; оба родомъ изъ подъ Шумна, говорятъ не очень чистымъ болгарскимъ нарѣчіемъ, болѣе привыкли къ турецкому; насилу могъ я имъ вдолбить въ голову, что между собою Болгарамъ грѣхъ говорить по турецки (*). Въ короткое время я такъ пріучился по болгарски, что разговариваю уже безъ переводчика; только трудно ихъ пріучить, чтобы говорили со мною чисто по своему, а то вѣчно ломаютъ русской.... Хозяйка меня хвалила всѣмъ своимъ Болгаркамъ, что я *твърдѣ хубавъ болѣринъ*, а дурно-

(*) Этотъ обычай, по счастью, мало по малу выводится у Болгаръ по городамъ, вслѣдствіе сознательнаго воздѣйствія противъ Турокъ въ послѣдніе года.

Digitized by Google

граю вѣчно приказывала: «събери ризи, да ѝ азъ перà» Отъ нихъ и отъ другихъ Болгаръ я узналъ много кой-чего полезнаго и собралъ нѣсколько пѣсень (*). Въ гостинецъ, между прочимъ, скажу то, что *Переяславль*, столица Болгарскихъ царей, гдѣ царевалъ два года Святославъ, нынѣ Эски-Стамбулъ у подошвъ Балкановъ. Это важно: тамъ и теперь развалины. Преданіе о Разградѣ или Радинѣ-градѣ. Болгаре не принимаютъ календарныхъ греческихъ именъ, всѣ у нихъ народныя: и теперь еще между ними найдешь сотни *Бояновъ*, *Гордановъ*, *Тъпановъ* (!!), съ ихъ уменьшительными. Еще больше вамъ скажу: мнѣ попался на глаза одинъ молодой Болгаринъ, именемъ *Тило* (уменьшительное отъ Тиланъ). Знаешь, другъ мой, что это имя для меня щекотливо; я поразспросилъ его подробнѣе. Онъ увѣрялъ меня, что имя это чисто-Болгарское, что имъ зовутъ больше въ молодости, а въ старости лучше *Тиланъ*; только еще замѣтилъ, что Греки портятъ ихъ имена. Какъ? «Я служилъ въ лавкѣ у одного Грека въ Филиппополѣ: онъ и его семейство меня вѣчно называли, Богъ знаетъ почему, *Аттилою* (!!)». Я спросилъ, не портятъ ли и другихъ именъ? Почти также обходятся и съ другими, и Грекъ охотнѣе назоветъ тебя *Абойо* вмѣсто *Бойо* (Боянъ): любятъ *акать*. Et cetera alia bona. Слава Богу! Я, будучи въ Москвѣ, опасался еще кое-чего, не смотря на всю основательность I-го тома (**). Слава Богу! Ученье наше, другъ мой, оправдывается зѣло. И въ другихъ отношеніяхъ руссизмъ Болгаръ черезъ чуръ выказывается. Я видѣлъ въ Варнѣ съ полдюжины Болгарокъ изъ за Адріанополя и окрестностей Месемвріи: точь въ точь, то есть до нитки одѣты, какъ въ восточной подмосковной и какъ Рязанки.. Поѣзжай къ любезному Сергѣю Тимоѳеевичу (***), выпейте на радость по бокалу; дай отвѣдать и тѣмъ, коимъ по вкусу наше русское ученье». Варненскіе хозяева навѣщали Венелина и послѣ,

(*) Онѣ недавно напечатаны.
(**) «Древн. и нын. Болгаре.»
(***) Аксакову.

Digitized by Google

во время его болѣзни въ Силистріи, а Гина, вѣчно упрашивая, зачѣмъ ничего не ѣстъ онъ? — прибавляла: «язъ ти наготувамъ да ѣдешь».

Поѣздки изъ Варны не могли простираться далеко: Турецкая линія находилась уже не подалеку отъ города, по рѣку Камчику; чтобы перешагнуть ее, нужно было прежде снестись съ Везиремъ или Галилъ-Пашею, а на это потребовалось бы не мало времени; да и стоило ли хлопотать, когда по всѣмъ собраннымъ слухамъ извѣстно было, что большая часть Румеліи опустѣла, вслѣдствіе переселенія жителей на правый берегъ Дуная? Съ другой стороны, цѣпь Русскихъ, съ запада, простиралась только подъ Праводы, а оттуда къ Силистріи. Наконецъ, сверхъ ожиданія, войска получили отъ Генерала поздравленіе съ скорымъ походомъ, именно къ исходу первой половины Августа. Все двинулось къ приготовленію; госпитали, магазейны, тяжести перевозились на суда. Надо было спѣшить воспользоваться остальнымъ временемъ подъ охраною Русскихъ. Іюля 22 выѣхалъ Венелинъ изъ Варны по дорогѣ на Коварну. Въ окрестности находились два монастыря: св. Константина и св. Димитрія. Въ послѣднемъ не было ничего замѣчательнаго, ни одного изъ духовныхъ лицъ; обитель оберегалъ одинъ только старикъ. При первомъ находился одинъ монахъ, но и тотъ намѣревался послѣдовать примѣру своего Архипастыря, повторяя: «пойдемъ на Россія». Самый монастырь, одинокій на краю рощи, среди груды каменьевъ, произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе на путешественника: «посреди ограды, говоритъ онъ, возвышается строеніе, составлявшее жилище иноковъ; съ лѣвой стороны смиренная пристройка—церковь; въ Алтарѣ за престоломъ небольшой колодезь, или, какъ Болгаре называютъ, *кладенецъ*. Онъ почитается священнымъ и исцѣляющимъ. Замѣчательно, что и теперь, не только Греки, но и самые Болгаре чрезвычайно привязаны къ священнымъ источникамъ и кладенцамъ, коимъ приписываютъ цѣлительную силу. Вотъ почему въ Болгаріи такъ много мѣстностей, носящихъ названія воды: *Черна-вода*, *Прѣсна*—или *Прѣ-вода*

Digitized by Google

(свѣжая), *Червена-вода*. *Бѣла-вода* При подобныхъ кладенцахъ (*) строились у нихъ монастыри, а наконецъ и селенія». Дѣйствительно, взглянувъ на карту славянскихъ мѣстностей въ Турціи, удивляешься множеству подобныхъ названій; и такъ какъ обыкновенно очень мало знаютъ имена славянскія, то встрѣчаешь безпрестанно турецкія приставки —*су* (рѣка), *бунаръ* (колодезь, фонтанъ), и т. п. Къ этому присоединяются и требованія жаркаго климата, и обычаи турецкихъ омовеній; Турки устроиваютъ даже по обѣтамъ подобнаго рода водохранилища, отъ простыхъ водоемовъ и колодцевъ до разукрашенныхъ фонтановъ. Любопытно, что въ болгарскихъ пѣсняхъ мѣстности обозначаются чаще всего именами кладенцевъ: особенность, которую мы не встрѣтимъ въ Сербіи. «Въ семъ монастырѣ, продолжаетъ Венелинъ, лѣтомъ проводилъ время Варнскій Митрополитъ, принимая визиты Паши. Обитель сія была удобнѣе, чѣмъ Варнская, въ коей одна маленькая, тѣсная келія составляла и переднюю, и пріемную залу, и кабинетъ. Не видя ничего особенно замѣчательнаго въ монастырѣ, я попытался спросить кое о чемъ почтеннаго инока. Замѣтя изъ моихъ вопросовъ, что я охотникъ до старины, онъ побѣжалъ за своимъ кошелькомъ съ *антиками*. Между старинными турецкими и итальянскими денежками, я нашелъ одну польскую, Сигизмунда III, на коей довольно хорошо сохранены черты лица сего монарха, и пріобрѣлъ ее за четвертую долю того, что требовалъ продавецъ». Оставивъ монастырь, Венелинъ отправился въ *Кричищкую долину*, чтобы побывать въ нѣсколькихъ болгарскихъ селеніяхъ: но, вмѣсто нихъ, нашелъ онъ только нѣсколько избушекъ. Въ самой долинѣ стоялъ этапъ Черноморскихъ козаковъ; возлѣ почтовой станціи поднималось два церкообразныхъ строенія, очевидно остатки мечетей, не смотря на то, что иные, желая казаться знатоками, объявляли ихъ языческими храмами. Въ концѣ долины, въ двухъ верстахъ отъ моря, лежали развалины селенія *Крины*. Въ балаганахъ

(*) В. пишетъ: *хладенецъ*.

Digitized by Google

бывшаго госпиталя оставалось еще здѣсь нѣсколько больныхъ русскихъ солдатъ и коммиссаріатскихъ чиновниковъ. Путешественникъ, сопровождаемый русскими козаками, взобрался на холмъ, чтобы еще окинуть взоромъ долину: каково же было ему вдругъ услышать, что здѣсь схороненъ бывшій его сотоварищъ по Университету Н. И. Смирновъ!—Въ лѣвой сторонѣ долины, на горѣ, при селеніи *Чаушкёи*, находились древнія развалины огромнаго христіанскаго храма и кладбища; среди нихъ поднимались два вѣковыхъ дерева—дубъ и яворъ; здѣсь собирались Болгаре, на массивныхъ четвероугольныхъ камняхъ прилѣпляли восковыя свѣчи и зажигали ихъ. «Что вы дѣлаете здѣсь?» спросилъ Венелинъ: *болгрецъ*, отвѣчалъ старикъ Душко, *ни тука цркуваме на Великъ-день, на Гергёвъ день: закалямъ агънца, сторимъ много пъсте* (*). Дубъ и яворъ служили имъ церковью!—Надъ самымъ селеніемъ Крины, въ южной цѣпи горъ долины, поднимался нѣкогда древній болгарскій замокъ, оставившій послѣ себя только одну полуцѣлую стѣну, да замѣтные слѣды прочихъ. Путешественникъ перенесся въ былую эпоху; «чистота и свѣжесть воздуха, романическое мѣстоположеніе долины, и впечатлѣнія, полученныя при взглядѣ на развалины, невольно заставили меня мечтать о тѣхъ счастливыхъ временахъ Болгаріи, когда Бояны—соловьи сего народа воспѣвали любовныя интриги и подвиги героевъ и героинь тѣхъ или другихъ замковъ». Но вниманіе развлекалось однако разсказами ямщиковъ о проказахъ воровъ и дикихъ свиней: послѣднія бродили цѣлыми стадами, нападали на нивы и опустошали; разбойниковъ стало меньше, какъ скоро въ долинѣ расположились козаки. Миновавъ горы, опоясавшія долину, мимо *Бальчика*, мѣстечка на покатомъ берегу моря, скоро спустились къ *Ковариѣ*. До войны считалось здѣсь около 500 домовъ и 3,500 жителей, изъ коихъ треть составляли Болгаре. Всѣ они однако говорили по Турецки; отыскались только

(*) «Мы здѣсь, баринъ, собираемся на свѣтлый праздникъ, на Юрьевъ день; закалимъ барана, устроимъ большой пиръ».

Digitized by Google

два старика, зашедшихъ сюда еще въ молодости и не забывшихъ роднаго языка. Они объяснили Венелину, что настоящее имя Коварны есть *Говорна*, слово болгарское, что здѣсь было прежде большое, чисто-славянское село, что Турки переселились сюда уже на ихъ памяти и исковеркали названіе. Ожидая Русскихъ, они обнесли было мѣстечко земляным валомъ, который однако ни къ чему не послужилъ имъ, ибо страхъ отъ приближающагося *Москова* проникаетъ не только черезъ земляной валъ, но и за каменныя стѣны; однимъ словомъ, они убрались заблаговременно въ Варну, утащивъ за собою и Болгаръ; на походѣ они кстати разрушили и большую Болгарскую церковь. При этомъ случаѣ Венелинъ передаетъ въ Дневникѣ своемъ нѣсколько весьма любопытныхъ, подмѣченныхъ имъ, подробностей тамошняго быта, именно въ эпоху войны съ Русскими. Мы передаемъ этотъ разсказъ почти словами Венелина, опуская очень не много. У Турокъ, говоритъ онъ, обыкновенный законъ—не жить въ одномъ домѣ съ Христіанами. Случалось, что въ домѣ Турка одна половина пустая: если заквартируютъ въ нее офицеры, семейство хозяина тотчасъ же оставляетъ домъ. Въ этомъ случаѣ для Турка очень много неудобства и непріятности; онъ долженъ пріискать для семейства другой домъ, и именно пустой, потому что и Турокъ съ Туркомъ не уживется въ одномъ домѣ; даже между семействами двухъ братьевъ должна быть непроницаемая перегородка. Конечно, при входѣ непріятеля и при занятіи квартиръ должны такимъ образомъ неминуемо произойти непріятныя переселенія. Вотъ почему, вмѣстѣ съ приближеніемъ Русскихъ, Турки обыкновенно оставляютъ свои жилища и слѣдуютъ за войскомъ, или же отправляются въ болѣе покойные округи, ближайшія крѣпости, укрѣпленные города. Такимъ образомъ множество турецкихъ семействъ изъ окрестностей Разграда, Варны, Силистріи, въ нынѣшнюю компанію скитались около Филиппополя и Солуня. Должно замѣтить при этомъ, что и безъ войны, въ мирное время, жители Турціи, обоихъ вѣроисповѣданій (главныхъ), очень

Digitized by Google

подвижны; но болѣе естественная причина переселенія во время войны состоитъ въ томъ, что Турки чуждаются *Европейцевъ* вообще, болѣе *Христіанъ*, *непріятеля*, и въ особенности *Москова*. Почитая домъ свой и семейство священнымъ и неприступнымъ, тѣмъ болѣе опасается Турокъ осквернія въ военное время; и если онъ почитаетъ за уголовное преступленіе нескромное любопытство — не только Болгарина, его пріятеля и сосѣда, но даже и единовѣрца, и брата; то входъ вооруженнаго Москова, самаго лютаго, по его понятію, изъ всѣхъ невѣрныхъ, входъ на дворъ въ присутствіи семейства,—для его сердца настоящій кинжалъ. Онъ готовъ лучше перенести всѣ неудобства семейнаго кочеванія, чѣмъ остаться въ виду побѣдителя, хотя бы вражда была уже прекращена миромъ. Присоедините еще особенную народную гордость: обо всѣхъ Христіанскихъ народахъ Турокъ обыкновенно говоритъ съ презрѣніемъ, а у себя съ несчастными Болгарами обращается съ помѣщичьею осанкою; онъ твердо вѣритъ, что турецкіе Христіане рождены только для того, чтобы быть его данниками и рабами. Оставаться подъ христіанскимъ господствомъ или начальствомъ, платить ему или даже работать для него, — несходно ни съ его характеромъ, ни съ религіей, ни съ предубѣжденіемъ. Вотъ почему уступленныя Портою Россіи областцы тотчасъ очищаются отъ Турокъ до послѣдней ноги.

Такія сильныя побудительныя причины сдѣлали переселеніе закономъ, и тотъ почитается измѣнникомъ, кто оказалъ бы къ нему неохоту. Въ подобныхъ обстоятельствахъ все зло изливается на несчастныхъ Болгаръ. Они, какъ рабы, принадлежащіе Туркамъ, безъ коихъ послѣдніе также точно не могутъ обойтись, какъ извощикъ безъ своей клячи, обязаны общимъ закономъ убираться вмѣстѣ съ Турками. Но какъ Турки сами недовѣрчивы и не безъ причины предполагаютъ въ Болгарахъ, какъ рабахъ, какъ Христіанахъ, какъ соплеменникахъ Русскимъ, преданность къ Россіи, то поведеніе сего народа, при наступленіи Русскихъ, или переселеніи Турокъ, становится весьма затруднительнымъ и тре-

Digitized by Google

буетъ величайшей осторожности. Коварнскій лавочникъ между прочимъ замѣтилъ мнѣ, что его сосѣдъ, Стоянъ.... во время выступленія Турокъ пострадалъ отъ кинжала. По моему желанію, Стоянъ призванъ въ лавку и началъ разсказывать: «внезапно извѣстили насъ о приближеніи Русскихъ: семейные и безоружные жители, къ коимъ принадлежимъ и мы, тотчасъ бросились приготовляться къ выѣзду. Мнѣ, человѣку семейному, нельзя было въ ту же минуту бросить все хозяйство и пуститься на легкѣ, съ пустою сумою, въ дорогу. Но дѣлать было нечего, и я велѣлъ женѣ собирать все съѣстное въ купу; пускаться въ дорогу безъ запасу было бы величайшей глупостью, ибо пришлось бы въ какомъ либо узкомъ и тѣсномъ мѣстѣ умереть съ голоду. Къ несчастію, за недѣлю предъ тѣмъ, Турки отняли у меня повозку, для казенной, какъ утверждали, надобности, а другую надобно еще было починить, то есть поработать надъ ней семь, восемь часовъ. По этой надобности я сходилъ на базаръ. На обратномъ пути встрѣтился мнѣ знакомецъ Ахметъ, только что вышедшій изъ кофейни: «ну, Стоянъ, сказалъ онъ мнѣ, злой Московъ на шеѣ, поѣдемъ поскорѣе въ Варну (у Ахмета было денегъ довольно, все готово и одна жена съ мальчикомъ; у меня жена и четверо дѣтей)». Я отвѣчалъ, что не имѣю ничего готоваго, и, намѣреваясь поправить повозку, не могу отправиться до завтра. «А, такъ ты хочешь подождать Москова, измѣнникъ!» У Ахмета засверкали глаза, и въ ту минуту онъ махнулъ мнѣ въ бокъ кинжаломъ; по счастью, попалъ онъ мнѣ въ руку надъ локтемъ, а пробилъ ее почти на сквозь. Я облился кровью, и радъ былъ, что по крайности живъ добрался домой. Пока сосѣдъ и жена перевязали руку и дали знать начальству, Ахмета не стало въ Коварнѣ. Я страдалъ долго; опухоль и рана были причиною, что Турки не погнали меня впередъ, ибо безъ руки я не могъ быть имъ полезнымъ, то есть работать въ крѣпостяхъ». Стоянъ показалъ мнѣ мѣсто раны; называли и другихъ, подвергшихся той же участи. Правда, если христіанинъ обиженъ, то его удовлетворяетъ турецкое начальство. Но для сего

Digitized by Google

истецъ долженъ представить виновнаго; а ворона воронѣ глазъ не выколетъ, и обыкновенно, пока Болгаринъ обратится къ начальнику, Турки мусульманину всегда даютъ случаи ускользнуть. Если онъ убилъ Болгарина и родственники ищутъ правосудія или мести, убійца обыкновенно убѣгаетъ въ другой повѣтъ или другой пашалыкъ, гдѣ, проживъ въ тайнѣ или подъ другимъ именемъ года два-три, получаетъ право возвратиться въ домъ свой, а ищики лишаются права продолжать искъ или коснуться особы убійцы. Между тѣмъ убійцу-Болгарина умѣютъ сыскать и въ другомъ пашалыкѣ.

Но, сверхъ общаго закона переселенія, еще есть и другая сильная побудительная причина, по которой Турки тащатъ за собою бѣдныхъ Болгаръ. Этотъ несчастный народъ для Турка тоже, что овца для человѣка, то есть самое полезное и необходимое животное. Отъ него получаются: молоко, масло, сыръ, мясо, кожа (тулупъ, шапка), шерсть, т. е. пища и одѣяніе, т. е. можно жить имъ однимъ. Въ этомъ отношеніи Турки чрезвычайно дорожатъ и Болгарами, которые снабжаютъ ихъ деньгами (чрезвычайными податьми), всѣмъ съѣстнымъ (десятою долею со всѣхъ произведеній природы), и наконецъ исправляютъ для нихъ и вмѣсто нихъ всѣ тяжелыя государственныя работы, и такимъ образомъ Туркамъ лишиться Болгаръ—значитъ лишиться способа жизни и пропитанія. Въ военное время Болгаре служатъ Туркамъ піонерами, саперами, минерами, понтоньерами, плотниками, каменьщиками и вообще рабочими батальонами. Въ крѣпостяхъ употребляютъ ихъ для поправленія брешей, бастіоновъ, окоповъ, батарейныхъ редутовъ, то есть суютъ во всѣ мѣста, гдѣ огонь жарче, гдѣ они большею частію погибаютъ отъ русскихъ ядеръ, и въ военныхъ реляціяхъ по неволѣ входятъ въ число убитыхъ мусульманъ. Тѣмъ хуже для Болгаръ, что они лучшіе каменьщики и мастеровые въ Турціи. Словомъ, турецкое господство и существованіе въ Европѣ болѣе всего, и почти исключительно, опирается на Болгаръ. Молдаване и Волохи были всегда полусвободными; Сербы—

Digitized by Google

нѣкоторые меньше смѣшивались съ Турками, другіе цѣликомъ туречились, третьи отстояли свою независимость, и всѣ вообще пользовались защитой гористой страны. Албанцы всегда были полуподданными, природными гордыми воинами, служа Туркамъ развѣ изъ выгодъ и жалованья; огромные хребты горъ защищали ихъ въ уголкѣ. Тоже можно сказать и о греческихъ горцахъ въ Морев. Греческій народъ на островахъ имѣлъ разныя преимущества и дышалъ свободнѣе. Занимая почти однѣ приморскія страны, онъ не былъ прицѣпленъ къ тяглу и ярму; мореходство и торговля открывали ему тысячи путей провѣтриться и подышать на просторѣ. Приходилось только погоревать развѣ нѣкоторымъ деревушкамъ Ѳессаліи и Аттики. Греки торговали всегда безпошлинно, иногда даже съ особыми привилегіями, съ платою только поголовной подати. Имъ отдано господство надъ другими христіанами въ духовномъ отношеніи; имъ наконецъ отданы Молдавія и Валахія, истинная Перу для Фанаріотовъ и другихъ островитянъ, гдѣ бѣдныя семейства скоро переходили въ богатыхъ бояръ и князей.

При всемъ томъ, Греки одни изъ первыхъ всегда были готовы возстать: не сладко было получать благодѣянья изъ чужихъ рукъ на своей собственной родинѣ. Но нигдѣ столько не извращено Турками естественныхъ и священныхъ отношеній, какъ между Славянами: вспомнимъ янычаръ и сербскихъ потурченниковъ, злѣйшихъ враговъ своихъ единоплеменниковъ и прежнихъ единовѣрцевъ, такъ что въ Сербіи укоренилась пословица: «нѣтъ Турка безъ потурченика.» И изъ Славянъ всего болѣе страдали Болгаре: сверхъ упомянутаго выше, вспомнимъ, что страна ихъ, собственная Болгарія, (въ Македоніи и по юго-западнымъ краямъ защищены они горами и переходятъ скорѣе въ положеніе Сербовъ и Арнаутовъ), служитъ обыкновенно мѣстомъ военныхъ дѣйствій и лагеря; вспомнимъ наконецъ, что въ нынѣшнюю даже войну множество Болгаръ было переръзано, въ Балканахъ, послѣ того какъ окончили они работы подкоповъ противъ Русскихъ.

Венелинъ прибавляетъ еще нѣсколько любопытныхъ по-

Digitized by Google

дробностей объ отношеніяхъ Болгаръ къ Русскимъ. Замѣчательно, что Турки недавно узнали ближе объ этихъ племенныхъ и религіозныхъ отношеніяхъ. Въ первые, можетъ быть, Греки отворили имъ на то глаза, добиваясь Княжествъ и указывая на сродство церковныхъ книгъ у Козаковъ, Молдаванъ и Волоховъ. Послѣ того Турки все-таки не очень заботились о томъ, сродны ли Московамъ ихъ румельскіе гяуры, и еще меньше сознавали это сами Болгаре, пока XVIII вѣкъ и слѣдующія событія не напомнили имъ исконнаго и забытаго прошедшаго. Въ Потемкинскія, Румянцовскія войны имя *Москов* сдѣлалось чувствительнѣе для слуха Задунайцевъ; Суворовъ сдѣлалъ его грознымъ и страшнымъ для врага. «Я часто слыхалъ въ молодости, говорилъ Венелину одинъ престарѣлый Болгаринъ Тръновецъ, съ какимъ жаромъ Турки произносили имя *Москов*; судя по ругательствамъ и слову *гяуръ*, я заключалъ, что этотъ народъ долженъ быть христіанскій, но какой, вообразить не могъ, ибо наколо много, слышалъ я, христіанскихъ народовъ (Болгаринъ не различалъ даже вѣроисповѣданія). Сколько зналъ я объ этомъ занимательномъ Московѣ, только же зналъ и всякой другой Болгаринъ. Бывало онъ появится по сю сторону Дуная на короткое время, и опять вернется. За Балканами, въ Македоніи, многіе изъ нашихъ и не слыхали даже этого имени. Лѣтъ тому слишкомъ двадцать, торговалъ я въ Солунѣ, какъ вдругъ разнесся страшный слухъ, что правовѣрный народъ (Турки) погибаетъ отъ Москова, и что спасается, кто можетъ въ Добрицу (это былъ побѣгъ бессарабскихъ Татаръ за Дунай). Смятеніе въ Туркахъ было ужасное; велѣно, чтобъ вооружался старъ и младъ, и чтобъ собирался подъ Байракъ (знамя). Чѣмъ болѣе стали вооружаться, тѣмъ болѣе усиливался страхъ. И повѣрите ли, мой сосѣдъ и пріятель Мустафа, Турокъ, торговавшій и почевавшій рядомъ со мною за слабой перегородкой, однажды ночью вспрыгнулъ съ просонья какъ бѣшеный, и закричалъ отчаяннымъ голосомъ: «Москов! Москов!» Я также перепугался, зажегъ свѣчу, вхожу къ нему: онъ дрожитъ, въ поту, губы поси-

Digitized by Google

нѣли: «это ты, Райко!» сказалъ онъ: «мнѣ приснилось, что Москвъ только часъ ѣзды отъ Сереса (у него жили тамъ мать, братъ, сестра)». Мнѣ наконецъ и самому страшно стало. Плохо уже было, когда самъ везирь великій изъ Эдирне (Адріанополя) поспѣшилъ съ войсками въ Шуменъ!»

Съ теченіемъ времени сознаніе племенной и религіозной связи съ Русскими росло въ Болгарахъ болѣе и болѣе; прежнія воспоминанія воскресли, представленія сильнѣе проникли въ жизнь и уяснялись самимъ дѣломъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что искони Болгаре называли Русь *Дѣдо* (или *Чичё*) *Иванъ*; названіе это хранилось въ поговоркахъ ходячей рѣчи какъ миѳъ, звукъ безъ яснаго и сильнаго содержанія; событія нынѣшняго столѣтія соединили уже съ нимъ понятіе болѣе ясное, *надежду*, связанную историческими, древнѣйшими преданіями. «Что-то еще скажетъ дѣдо Иванъ!» «Дѣдо Иванъ не положитъ охулы на руку!»—такъ часто говорятъ нынѣ Болгаре, менѣе образованные, но знающіе уже весь вѣсъ употребляемаго выраженія. Венелинъ и въ этомъ случаѣ прибавляетъ нѣсколько интересныхъ замѣтокъ, по случаю разсказа о Тръновѣ. Въ городѣ этомъ, въ крѣпости, находится такъ называемая *Шишмановская церковь* (отъ временъ Царя Шишмана, когда Болгарія склонилась подъ иго Турокъ). Турки обратили ее въ мечеть, но алтарь оставили безъ употребленія; Болгаре же питаютъ къ ней глубокое уваженіе, именуютъ ее *царскою*, и разсказываютъ, что Турки не могли проникнуть въ алтарь или Тайницу, остановленные Высшею силою. Въ оградѣ этой церкви находится огромное вѣковое дерево *Брѣзъ* (яворъ). Съ незапамятнаго времени стояло оно сухо, по преданію съ тѣхъ поръ, какъ церковь обращена въ мечеть. Вдругъ, при наступленіи прошедшей компаніи, старый великанъ во всемъ блескѣ зазеленѣлъ и развился! Это явленіе сильно, но различно поразило жителей Тръновa. Сердца Болгаръ забились отъ радости; тайно произносимое слово *царь Никола, царь Никола*, превратилось въ талисманъ—исполнитель сладкихъ надеждъ. Турки, какъ всѣ восточные, охотники до астрологіи, толкованій сновъ, пред-

Digitized by Google

вѣщаній, испугались разъюнѣвшаго дерева. «Однажды,» сказывалъ Венелину въ Силистріи Болгаринъ, Тръновскій житель, «однажды по утру вошелъ ко мнѣ въ лавочку мой знакомый и пріятель Ибрахимъ: — не быть добру, сосѣдъ Боянъ, — сказалъ онъ мнѣ съ нѣкоторой задумчивостью ;— не даромъ послѣ столькихъ вѣковъ зазеленѣлъ сухатый; собирается на насъ войною вашъ *стрико* (*дядя*, т.-е. Московъ, дѣдо-Иванъ); восторжествовать вашей вѣрѣ; это зло предвѣщаютъ даже и наши книги, и звѣзды!—Я только сказалъ на это: какъ хочетъ судьба! и повелъ его въ комнату утѣшить двумя стаканами вина.»

Но еще любопытнѣе, до какой степени въ прошедшую компанію слабо было сознаніе племенной связи съ Болгарами въ самихъ Русскихъ, т. е. между нижними чиновъ войска и многими офицерами. Это можетъ объясниться тѣмъ только, что русское войско бывало прежде въ тѣхъ преимущественно мѣстахъ, какъ напримѣръ Рущукъ, Силистрія, въ которыхъ болѣе Турокъ и Волоховъ, чѣмъ коренныхъ Болгаръ. Какъ бы то ни было, Венелинъ, по разсказу его въ письмѣ къ В. Е. Априлову, встрѣчалъ много русскихъ офицеровъ съ понятіями или старинными, признававшими татаризмъ Болгаръ, или вовсе чуждавшимися всякой этнографіи. Они были убѣждены, что въ Болгарахъ видятъ Татаръ, а въ языкѣ ихъ исковерканный языкъ русскій: «какіе удалые шельмы, говорили они, эти болгарскіе Татары! поживешь на квартирахъ дня два, три, какъ вдругъ пойдутъ болтать по русски! Но за то какъ ужъ уродуютъ русскія слова!»

Изъ Коварны отправился путешественникъ въ Мангалію и Кюстенджи. Необыкновенная наблюдательность, съ которою устремлялъ Венелинъ зоркій взглядъ свой на этнографическія и топографическія особенности посѣщаемыхъ странъ, наблюдательность, воспитанная его прежними странствованіями съ котомкой за плечами, поддержанная изученіемъ естественныхъ наукъ въ Сегединской академіи и въ Московскомъ университетѣ, равно какъ поэтическою южно-русской природой, остановила его въ настоящемъ случаѣ на

Digitized by Google

мѣстности, простирающейся отъ Варны и Силистріи до Исакчи: вся страна эта издревле называлась *Добрицей*; Турки сдѣлали отсюда *Доброджа* или *Добруджа*, и отсюда уже перешло имя къ другимъ Славянамъ въ формѣ *Добруча*. Положеніе ея вызываетъ необходимо геологическіе вопросы: Венелинъ посвятилъ имъ огромную статью въ своемъ Дневникѣ, и жаль только, что подъ конецъ завлекся въ физіологію.

Іюля 27 числа прибылъ онъ въ Бабадагъ, куда переселились очень многіе Болгаре изъ Разграда. Въ теченіе недѣли перебравши ихъ всѣхъ, онъ успѣлъ найти только *одного* грамотнаго, и тотъ наговорилъ объ одной исторической рукописи, которую будто бы увезъ попъ *Иваничё* въ Силистріо, но которую потомъ напрасно отыскивалъ Венелинъ. По счастію окрестности Бабадага, которыя исходилъ онъ вдоль и поперегъ, дали ему случай описать озеро Рѣзно; эта превосходная по историческимъ и топографическимъ даннымъ статья помѣщена послѣ его смерти въ «Чтен. Моск. Общества истор. и др. Росс.,» годъ 2 (1847), N VI, въ отдѣлѣ «Изслѣдованій», подъ названіемъ: О *соляномъ озерѣ Halmyris* (Rassein, Ramsin). Замѣтимъ при этомъ, что вообще всѣ тѣ статьи, въ которыя Венелинъ, послѣ своей поѣздки въ Болгаріо, вносилъ топографическія подробности, отличаются особенной живостью и несомнѣннымъ достоинствомъ: таковы его, нѣсколько разъ встрѣчающіяся, описанія Дунайской долины (ср. статью ibid, N IX, въ отд. «изслѣд.», «о древнихъ жилищахъ русскаго народа,» или ibid., годъ 3. N III. въ Смѣси, «Объ Обрахъ.») Изъ Бабадага, 3-го августа, отправился онъ на *Гирсово*, гдѣ переправился черезъ Дунай въ Валахіо (почта отъ Гирсова черезъ Расову на Силистріо была снята, верхомъ же отправляться съ поклажей трудно) и между прочимъ неосторожно выкупался; 4-го пробылъ въ карантинѣ; 5-го поѣхалъ по тракту на *Слободзею*, вечеромъ прибылъ на станціо *Злату*, а 6 августа въ Силистріо. На дорогѣ уже почувствовалъ онъ себя дурно, а въ вечеру по пріѣздѣ слегъ въ сильныхъ горячеш-

Digitized by Google

ныхъ припадкахъ. Скоро захворалъ и человѣкъ, его сопровождавшій; по счастью въ крѣпости находилась вольная аптека, и медицинскія знанія, запасенныя въ Москвѣ, пригодились противъ собственнаго недуга. По мѣстной особенности, болѣзнь потрясла очень сильно, и выздоровленіе имѣло продолжаться дольше ея самой. «Во время медленнаго выздоровленія въ Силистріи (пишетъ онъ въ Москвѣ, 5 лѣтъ спустя), я выходилъ часто прогуливаться по длинному ряду лавокъ, какъ для развлеченія, такъ и для филологическихъ и географическихъ справокъ. Сидѣльцы были почти всѣ молодые Болгаре, какъ изъ Болгаріи, собственно такъ называемой, такъ и изъ Ѳракіи и Македоніи. Войти въ любую лавку *безъ дѣла*, и сѣсть, чтобы наговориться,—у нихъ не есть вещь внѣ порядка вещей... Я посѣщалъ многія лавки, и стоило однажды только познакомиться, чтобы всякій разъ съ обѣихъ сторонъ собирать привѣтливыя улыбки.... Своимъ знакомствомъ довелъ я дѣло до того, что мои сидѣльцы стали ходить ко мнѣ съ визитами *безъ дѣла*, т.-е. чтобы поболтать... Въ числѣ посѣтителей было и семейство, у котораго я квартировалъ въ Варнѣ. Дѣвочка, лѣтъ 9, въ городѣ узнала моего служителя, и до тѣхъ поръ не отставала отъ него, пока онъ ее не проводилъ ко мнѣ. Я тогда слегъ было, и въ продолженіе трехъ недѣль семейство это, чередуясь, посѣщало меня. Отецъ заходилъ въ свободное время, мать приходила сидѣть съ работою или же присылала дѣтей, которыя не мало облегчали меня своимъ балагурствомъ. Но какая разница въ этомъ отношеніи между Силистріею и Москвою! Въ продолженіе 10 лѣтъ (т.-е. со времени прибытія Венелина въ Москву изъ Кишинева, гдѣ онъ былъ надзирателемъ и учителемъ), изъ всѣхъ посѣщеній, которыми мнѣ сдѣлана была честь, почти *ни одного* не было въ родѣ Болгарскихъ; всѣ они были или *по дѣлу*, или изъ церемоніи (ср. «о хар. нар. пѣс. у Слав. Задун.)». Досуги выздоровленія дали путешественнику время подольше остановиться на описаніи города. «Силистрію, говоритъ онъ, скорѣе можно назвать крѣпостью, чѣмъ городомъ; если отнять укрѣпленія,

Digitized by Google

останется небольшое мѣстечко; если взглянуть на пространство окоповъ,—обширная крѣпость. Она лежитъ на равнинѣ прибрежной. Южные берега Дуная возвышаются на подобіе горъ; ихъ цѣпь, приближаясь къ городу съ Запада, обходитъ его въ видѣ правильнаго полуамфитеатра. Мѣсто понравилось Римлянамъ: на равнинѣ, среди амфитеатра, разбили они укрѣпленный лагерь (castra fixa), откуда выходили окружные караулы по цѣпи горъ, для наблюденія надъ Дунаемъ. Далеко видно имъ было въ нынѣшнюю Валахію: необозримая, прямая поверхность земли къ Сѣверу соединялась съ небосклономъ. Своею пустотой и безпредѣльностью она вселяла грустное чувство въ душу римскаго солдата: чувствовалъ онъ, что подъ сталью и ношею не взлетѣть ему, а за Дунай было пускаться — какъ въ морѣ, на которомъ не угоняешься ни за кѣмъ. Чуть-чуть отмѣчалъ онъ тамъ летучія шайки сарматскихъ конниковъ, въ мигъ появляющіяся и въ мигъ пропадающія подъ дальнѣйшій небосклонъ. Видалъ мой часовой много странъ, и Испанію, и Арменію, и Сирію, гдѣ ему легко можно было припереть врага къ горѣ, къ пруду, къ рѣкѣ, къ озеру, къ лѣсу, къ стѣнѣ, или спрятаться въ лѣсу, за холмомъ, за рѣкою, за горою. Опять взглянулъ онъ на Задунай, и отворотился къ холмистымъ долинамъ Мизіи, на которыхъ недавно подвизался. Боялся онъ Скиѳіи, не могъ ни понять, ни обнять ее глазами; боялся всякой часовой сарматскихъ нападеній. Зловѣщая молва о Россоланахъ переходила изъ роты въ роту, изъ легіона въ легіонъ. По мнѣнію римскихъ армейцевъ, хуже всего было итти на Дунай, гдѣ всякую минуту надлежало быть готовымъ противъ неожиданнаго нападенія. Дѣйствительно, не въ примѣръ лучше было римскому солдату между потомками Леонида, Мильтіада, Эпаминонда, Кира или Эвера. Тамъ онъ въ свободную пору безпечно могъ шататься по лавочкамъ, гдѣ продавали греческіе блины (placentae), и гдѣ, хотя въ тайнѣ ругали невѣжами и дураками эту римскую челядь, однако въ глаза все-таки ее потчивали: *κύρ miles!*, т.-е. *господинъ воинъ!* такъ точно, какъ малороссійскіе Жидки—*госпо-*

Digitized by Google

дунъ слузивый! А за Дунаемъ?... Казалось, самъ римскій богъ войны шелъ отъ Оршовы по берегамъ Дуная къ Востоку; у Черноводъ Дунай своротилъ къ Сѣверу. «Куда ты, Дунай великій, оборотился? Въ Скиѳію, коей нѣтъ конца? Нѣтъ, Дунай, боюсь слѣдовать за тобою.» Сказалъ Марсъ, и прямо, скорымъ шагомъ, махнулъ къ морю. По слѣдамъ его родился огромный *Траяновъ валъ*: работа, по огромности своей, не римскихъ, кажется, легіоновъ, а самихъ боговъ. «Отчего же ты это называешь *Змѣевиной* (спросилъ я у ямщика, при проѣздѣ чрезъ Траяновъ валъ, на который онъ указалъ: «вотъ Змѣевина!)?»—Да такъ, батюшка, называется по Русски, а это потому, что надъ нимъ трудился сатана, а сатана показывается человѣку въ видѣ змѣя.—Я замѣтилъ, что это былъ царь Римскій: — Вѣрно не былъ православный, такъ видите, что все равно.—И такъ первоначальный неподвижный лагерь, кругомъ окопанный по правиламъ римской фортификаціи, превратился въ укрѣпленный городъ. И дѣйствительно, пространство Силистріи сходствуетъ съ пространствомъ римскихъ лагерей. Я воображаю первоначальный городъ: небольшіе домики по линіямъ, прямыя улички, посрединѣ четвероугольная площадка и возвышенное мѣсто, съ коего начальники говаривали рѣчи къ воинамъ. Названіе военнаго городка было *Dorostorum*; Волохи, потомки Римлянъ, и нынѣ его именуютъ *Dristur*.» Этотъ живой разсказъ Вепелина, переданный нами почти безъ всякой перемѣны собственными его словами, увлекъ еще далѣе: путешественникъ совершенно перенесся въ отдаленныя времена римскихъ пограничныхъ легіоновъ, набросалъ весь бытъ того времени, очертилъ лица, вступилъ съ ними въ разговоръ, и оставилъ намъ первую главу историческаго романа. До какой степени, въ силу своей глубокой поэтической натуры, Вепелинъ могъ переноситься въ отжившія эпохи, это можетъ всякій увидать изъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ его некрологѣ, въ Моск. Вѣдом. 1839, мая мѣсяца. Любопытно, что еще въ дѣтствѣ онъ отличался уже сильнымъ развитіемъ этой способности: проходя исторію, онъ жилъ какъ будто вмѣстѣ съ Аннибо-

Digitized by Google

ломъ, Аларикомъ, Радогостемъ, Гензерикомъ, и отъ учителя допрашивался всѣхъ подробностей быта ихъ (см. «о хар. нар пѣс. у Слав. Зад.», стр. 57 и далѣе). Возвращаемся къ Силистріи. Онъ пробылъ здѣсь семь недѣль. Болгаре, съ которыми познакомился онъ, были большею частію мастеровые и мелочные торговцы, Шуменскіе, Тръновскіе и Свиштовскіе. Церквей было прежде семь: изъ нихъ осталась одна, хуже варненскихъ, и при ней архіепископъ Грекъ съ клиромъ, состоящимъ изъ Молдаванъ и Грековъ. Попытался было Венелинъ узнать что ни будь: но, когда архіепископъ сталъ жаловаться на свою паству (Болгаръ), называя ее *варварами*, сердце ученаго не могло вынести болѣе; онъ взялъ шляпу и тотчасъ вышелъ. Богослужебныя книги—греческія, и отчасти волошскія. Устройство эпархіи находилось въ самомъ плачевномъ состояніи: вся внутренность страны между Тръновомъ, Софіею, Видиномъ и Рущукомъ, оставалась тогда почти безъ духовенства; по рѣдкости Церквей и отдаленности ихъ отъ селеній на 100 и 150 верстъ, многіе Болгаре умирали безъ Исповѣди и Св. Причащенія; другіе крестились только подъ вѣнцомъ, и Венелину случилось встрѣтить трехъ дѣвицъ 17—20 лѣтъ еще некрещеныхъ.

Понятно, при такихъ обстоятельствахъ поѣздки, какія пріобрѣтенія могъ сдѣлать Венелинъ: они ограничились нѣсколькими пѣснями, огромнымъ сборникомъ словъ и филологическихъ замѣтокъ, послужившихъ впослѣдствіи для составленія грамматики и объясненія Влахо-дакійскихъ грамотъ, но большею частію оставшихся въ бумагахъ покойнаго; въ изученіи живаго языка путешественникъ успѣлъ до такой степени, что его стали считать природнымъ Болгариномъ: къ сожалѣнію, собирая отъ выходцевъ оттѣнки мѣстныхъ нарѣчій, онъ самъ не былъ лично въ странѣ ихъ; это имѣло важное вліяніе на его послѣдующія сужденія объ языкѣ болгарскомъ, вліяніе тѣмъ болѣе сильное, что самъ Венелинъ склонялся постоянно къ любимой мысли о значеніи новоболгарскаго языка какъ одного изъ русскихъ нарѣчій. Онъ изучалъ языкъ не столько на мѣстѣ разнообразныхъ подрѣчій, сколько

Digitized by Google

по показаніямъ выходцевъ, а извѣстно, что у нихъ легко стираются мѣстныя особенности; въ Одессѣ и Букарестѣ встрѣчалъ онъ Болгаръ болѣе образованныхъ,—новое горе, ибо извѣстно, что они легко подчиняются вліянію языка Великорусскаго или заражаются словоупотребленіемъ и формами языка Церковно-славянскаго, притомъ въ его позднѣйшемъ, подправленномъ видѣ. Всего болѣе для изученія языка были полезны ему бѣдные молодые люди, которые въ ту эпоху, «бросивши домъ родительскій, скитались по Мизіи, подобно провансальскимъ рыцарямъ (изъ письма къ В. Е. Априлову);» но если въ чемъ особенно успѣлъ Венелинъ, то это въ собраніи этнографическихъ и топографическихъ данныхъ страны, занимаемой Болгарами, разумѣя здѣсь и Македонію, и Ѳракію, и границы Албаніи. Не бывши самъ на мѣстѣ, онъ наполнилъ однако подобными подробностями всю вторую часть своего Дневника. Наконецъ, что касается до рукописей, то онъ успѣлъ напасть только на слѣды ихъ; обстоятельства этихъ усилій, равно какъ хлопотъ о народныхъ пѣсняхъ, стоятъ того, чтобы привести нѣсколько случаевъ. Начнемъ съ пѣсней. Извѣстны тѣ всеобщія трудности, какимъ подвергается собиратель ихъ у Славянъ; извѣстно, чего стоило В. С. Караджичу его собраніе пѣсень сербскихъ; но онъ былъ счастливъ по крайности тѣмъ, что при всѣхъ затрудненіяхъ достигалъ цѣли, ибо дѣйствовалъ въ мирное время и при благопріятныхъ обстоятельствахъ, притомъ получилъ довольно присланныхъ. Венелинъ не былъ такъ счастливъ. Весь оставшійся послѣ него сборникъ ограничивается или пѣснями, собранными въ Одессѣ, или послѣ уже присланными въ Москву, черезъ Одессу же; за Дунаемъ же успѣлъ онъ записать пять, шесть, при всѣхъ усиліяхъ. Историческія современныя обстоятельства не располагали Болгаръ къ пѣнію; броженіе, переселеніе, и вообще неустройство, не давали мѣста мирнымъ обрядамъ и празднествамъ, а внѣ ихъ заставить пѣть по заказу людей непосредственнаго, простаго воззрѣнія, живущихъ жизнію, близкой къ природѣ, дѣло совершенно невозможное. Вотъ почему, говоритъ Венелинъ въ

Digitized by Google

одномъ письмѣ, одни подстрекали другихъ не давать мнѣ пѣсень, говоря, что Петербургскимъ или Московскимъ Генераламъ нѣтъ никакой нужды пѣть болгарскія пѣсни, а другіе смотрѣли въ карманъ.» И тогда не жалѣлъ онъ денегъ, и послѣ изъ Москвы обѣщалъ по рублю за каждую, и все-таки дѣло шло туго. Въ Кишиневѣ, во время двухмѣсячнаго пребыванія, успѣлъ записать одну только, въ Бухарестѣ, какъ кажется, ни одной, въ теченіе пяти мѣсяцевъ. «Простой Болгаринъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, который увѣренъ, что Русскаго можетъ интересовать только русская пѣсня, никакъ не повѣритъ, что его можетъ интересовать и болгарская. Вотъ почему всякой разъ, когда я просилъ Болгаръ продиктовать мнѣ пѣсню, они удивлялись, не понимали, къ чему это, наконецъ заключали, что въ этомъ таится что либо тайное и — на чисто отказывали.» Разумѣется, подобныя же затрудненія встрѣчались и относительно рукописей. Здѣсь дѣйствовала, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ Г. Инзову, «кромѣ другихъ неудобствъ, и врожденная Болгарамъ, сопряженная съ необразованностью, нѣкоторая недовѣрчивость. Я на опытѣ узналъ, что иные дѣйствительно отъ меня скрывали свои книги, коими, по неимѣнію печатныхъ, чрезвычайно дорожатъ.» Недовѣрчивость эта такъ естественна и такъ велика, что даже черезъ нѣсколько лѣтъ, когда все поуспокоилось, нѣкоторые Болгаре, услыхавъ, что одинъ ученый ѣдетъ къ нимъ съ подобными цѣлями по порученію Московскаго Университета, заранѣе въ письмахъ своихъ предсказывали ему неуспѣхъ. Вотъ одинъ случай, который приведемъ мы словами самого Венелина изъ письма къ В. Е. А. «Въ Бабадагѣ встрѣтилъ я, изъ Болгаръ, бывшаго логоѳета рущукскаго епископа. Мнѣ сказали, что у него есть старинная болгарская рукопись на пергаминѣ. подъ именемъ *Царославникъ*. Судя по его словамъ объ содержаніи, я ясно понялъ, что это неоцѣненная находка для исторіи Болгаръ.... я почти цѣлую ночь не могъ спать отъ радости, въ надеждѣ пріобрѣсть это сокровище, сколько бы за него ни запросили. Но увы! къ несчастію болгарской исторіи, случился тутъ

Digitized by Google

другой Болгаринъ, родомъ изъ Бессарабіи. Онъ прежде служилъ простымъ копіистомъ при измаильской полиціи, но, какъ зналъ, кромѣ болгарскаго и русскаго, и турецкій языкъ, то былъ употребленъ переводчикомъ въ Бабадагѣ и вмѣстѣ сдѣланъ чорбаджи (старостa) Разградскихъ Болгаръ, поселившихся возлѣ Бабадага. Къ этому мудрецу мой логоѳетъ пристроился помощникомъ. Такъ какъ они жили вмѣстѣ, а книга находилась въ деревнѣ при семействѣ логоѳета, и мнѣ обѣщали, что велятъ привезти ее въ городъ, то я дѣлалъ этимъ господамъ нѣсколько посѣщеній. Вскорѣ однако, къ моему прискорбію, мой логоѳетъ скрылся безъ вѣсти, а чорбаджи Петро (въ другомъ письмѣ Венелинъ называетъ его *Петъръ Гинчё*) сталъ меня принимать очень холодно и недовѣрчиво. Не смотря на эти гримасы, я снова просилъ извѣстить логоѳета, который, какъ видно было, нуждался въ деньгахъ, что я готовъ дать ему за рукопись 300 или 350 рублей. Но его il padrone довольно грубо отвѣчалъ мнѣ, что логоѳетъ уѣхалъ за Балканы вмѣстѣ съ семействомъ и съ Цароставникомъ! Я почти со слезами уѣхалъ изъ Бабадага въ Гирсово. Только уже въ Силистріи узналъ я отъ прибывшихъ туда Болгаръ изъ Бабадага, что Петро посаженъ подъ арестъ, за то, что муку и пшеницу, которую велѣно ему было раздавать Болгарамъ безденежно, онъ изволилъ продавать имъ же по четыре рубля. Боясь, по внушенію совѣсти, навлечь на себя подозрѣніе, мой драгоманъ вообразилъ, что я только подъ предлогомъ любви къ Цароставнику посѣщаю его помощника, въ самомъ же дѣлѣ для того, чтобы узнать объ его невинныхъ грѣхахъ, и, вслѣдствіе предосторожности, запретилъ своему помощнику являться въ Бабадагъ, пока я тамъ пробуду!... Богъ знаетъ, гдѣ теперь гуляетъ бѣдный болгарскій Цароставникъ? можетъ быть, теперь его уже на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ. Печальная мысль! кто же его могъ лучше спасти, какъ не я? Вольно же было судьбѣ, чтобы Болгаринъ же отбилъ его у меня.» Глубокое и живое до наивности увлеченіе своимъ предметомъ не должно насъ удивлять въ Венелинѣ: мы знаемъ тому нѣсколько примѣровъ. Получивъ

Digitized by Google

извѣстіе, что на Аѳонской горѣ проданы были монахами какимъ-то иностранцамъ за 7,000 піастровъ двѣнадцать рукописныхъ фоліантовъ, упоминая о томъ въ одномъ изъ писемъ, съ глубокою скорбію прибавляетъ онъ: «Мнѣ хотѣлось бы —хоть бы посмотрѣть на то мѣсто, гдѣ стояли фоліанты»... Когда Пѣшаковъ прислалъ ему изъ Бухареста въ Москву извѣстную благодарственную болгарскую оду, при всемъ томъ, что Венелинъ считалъ это единственнымъ голосомъ сочувствія, вотъ, что отвѣчаетъ онъ въ письмѣ къ Априлову: «но еще было бы мнѣ пріятнѣе, еслибы онъ прислалъ мнѣ народную пѣсню.» Чтобы не прерывать нити въ разсказѣ о поискахъ Венелина, мы приведемъ еще случай, который свелъ его съ Болгариномъ *Иваномъ Манойловымъ*, уже на возвратномъ пути въ Кишиневѣ: это былъ сынъ священника села *Жеравны*, лежащаго въ Балканахъ по дорогѣ отъ Котла (Казанъ) къ Сливну. Увидавъ у него новогреческую Ариѳметику, завернутую въ пергаминный рукописный листъ, правописанія XIV вѣка, Венелинъ узналъ, что листъ этотъ выдранъ поповичемъ дома изъ сундука; что въ дѣтствѣ они рвали оттуда на всякую всячину; что сундукъ былъ вышиною въ человѣческій ростъ, и что онъ брошенъ въ избѣ во время побѣга отъ Турковъ въ Россію. Каково же было это слышать Археологу! По счастью, онъ досталъ у Манойлова еще нѣсколько подобныхъ листовъ (они отданы потомъ И. И. Молнаромъ въ библіотеку М. П. Погодина), а Болгаре отыскали впослѣдствіи часть уцѣлѣвшихъ жеравненскихъ рукописей. — Въ Силистріи встрѣтилъ онъ лѣкаря *Кальчё-Петкова* (иначе *Кальцовъ*), сына священника изъ Трънова, который передалъ ему свѣжія и къ сожалѣнію достовѣрныя преданія: при церкви царя Шишмана находилась нѣкогда огромная библіотека; часть ея, когда Турки сдѣлали изъ церкви мечеть, перенесена была въ домъ митрополіи, и потомъ, вмѣстѣ съ зданіемъ, сгорѣла въ концѣ прошлаго столѣтія (1794 — 98); остались только три книги, завалившіяся гдѣ-то на полкѣ. — Любопытенъ подобный разсказъ отца Неофита въ его Введеніи къ Краткой Болгарской Граматикѣ,

Digitized by Google

если кто успѣвалъ образовать себя, то все-таки по ту сторону Дуная, въ Букарестѣ или чужихъ краяхъ, въ Одессѣ, въ Россіи, оставаясь тамъ навсегда. Наконецъ, въ прошедшую компанію, все, что только могло, хлынуло спасаться за Дунай. Не то, чтобы они увезли и сохранили съ собой рукописи и памятники,—скорѣе они оставляли ихъ при побѣгѣ: по крайности ихъ можно было встрѣтить тамъ живьемъ, и Болгарію слѣдовало Венелину отыскивать внѣ Болгаріи, за ея границами, за Дунаемъ. Кромѣ того Валахія обѣщала многое и по другимъ обстоятельствамъ. Извѣстно, что до начала XVIII вѣка совершалось въ ней Богослуженіе на языкѣ славянскомъ (старо-болгарскомъ); судопроизводство велось на языкѣ новоболгарскомъ. Но, послѣ похода Петра Великаго на Прутъ и выѣзда Кантеміра, Портѣ внушили мысль устранить отъ престола Валахіи болгарскую династію *Владиславлевичей*; изъ Цареграда явились фанаріоты и славянская письменность должна была угаснуть. Духовенство, признававшее прежде главу свою въ Охридѣ, по древнимъ преданіямъ, теперь, и особенно послѣ уничтоженія болгарскихъ эпархій, отдѣлилось отъ связи съ Славянствомъ и перешло въ вѣдомство цареградскихъ Грековъ. Приступили къ переводу Св. Писанія и книгъ богослужебныхъ на языкъ Волошскій. По счастью, хотя княжескаго архива не существовало, хотя бояре блюдутъ свои грамоты на владѣнія отъ нескромнаго взора Москаля, по крайности сохранился архивъ митрополичій, со многими драгоцѣнностями. Такимъ образомъ Венелину оставалось отправиться въ столицу Валахіи, что и сдѣлалъ онъ 25 сентября.—

Какъ ни интересны обстоятельства пятимѣсячнаго пребыванія его въ Букарестѣ, мы должны уже, такъ какъ это не Болгарія, оставить ихъ біографу и цѣнителю ученой дѣятельности Венелина. Замѣтимъ только, что здѣсь все свое вниманіе сосредоточилъ путешественникъ на архивѣ, списалъ и перевелъ въ снимки тѣ грамоты, которыя по смерти его изданы были Академіей. На нихъ, смѣло говоримъ, глубоко изучилъ онъ исторію языка и палеографіи Болгаръ. Пріобрѣ-

Digitized by Google

тенія по исторической критикѣ были еще важнѣе. «Библіотека Букареста, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, заключаетъ въ себѣ много отборныхъ и отчасти рѣдкихъ сочиненій: въ ней находятся и фоліанты нѣкоторыхъ рѣдкихъ Византійцевъ, коихъ я зналъ по однимъ только цитатамъ. Это было для меня, при настоящихъ моихъ занятіяхъ, не менѣе важною находкою, какъ и грамоты.... Я перетаскивалъ къ себѣ на домъ фоліанты Никифора Григоры, Лаоника Халкокондилы, Георгія Акрополита, Михаила Дуки. И, какъ всякій почти Византинецъ имѣетъ особенную свою географію и номенклатуру собственныхъ именъ, то иначе ими пользоваться въ полной мѣрѣ нельзя, не изучивъ ихъ прилежно отъ доски до доски, и не обративъ вниманія на греческій текстъ. Такимъ образомъ я списалъ почти весь χρονικον Акрополита, съ выносками греческаго текста, гдѣ обнаруживается множество ошибокъ въ латинскомъ переводѣ. Сей писатель весьма важенъ для болгарской исторіи, отчасти важенъ и для русской. Въ Москвѣ, гдѣ ихъ впрочемъ нѣтъ, я бы никогда не могъ ихъ читать съ тою разборчивостью и догадливостью, какъ на берегахъ Дуная или Марицы. Проницательный Леунклавій одолженъ славными своими замѣчаніями на турецкія лѣтописи тому только, что ѣздилъ читать латинскій ихъ переводъ нарочно въ Стамбулъ.... Я радъ, что въ Августѣ стеченіе обстоятельствъ не позволило мнѣ за Балканы, ибо остался бы безъ того, чѣмъ теперь утѣшаюсь, и можетъ быть на возвратномъ пути въ Валахіи не случилось бы мнѣ такъ коптѣть и перечитывать, какъ нынѣ.» Прибавимъ къ этому, что здѣсь обратилъ вниманіе Венелинъ на такъ называемое Славянское училище, узналъ и въ послѣдующихъ письмахъ къ Болгарамъ развилъ всю необходимость правильной организаціи народнаго обученія. Но въ изученіи живаго языка, разумѣется, онъ уже не могъ успѣть по выѣздѣ изъ за Дуная. Вообще нужно сказать, кромѣ исчисленныхъ обстоятельствъ, ему очень много вредили неопредѣленность въ цѣли поѣздки и главнымъ образомъ двойство цѣли: цѣль археологическая и изученіе живаго народнаго языка съ собраніемъ образцовъ.

Digitized by Google

Для первой ему нужно было бы прямо и непремѣнно отправиться на главные центры книгохранилищъ Букареста, Рила и Аѳона, или къ знаменитѣйшимъ историческимъ мѣстностямъ; для второй цѣли ему нужно было бы сосредочиться совершенно на отмѣткахъ подрѣчій по главнымъ ихъ странамъ. Вотъ почему, между прочимъ, встрѣчаемъ мы его послѣ, въ Москвѣ, въ нѣкоторомъ затрудненіи при доставленіи отчетовъ и обнародованіи добытыхъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе, соображая всѣ обстоятельства, видимъ, что онъ сдѣлалъ все, что только могъ, и въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ сдѣлали бы на его мѣстѣ другіе. Во всякомъ случаѣ, мы никогда не поймемъ всей плодотворности поѣздки и дѣятельности Венелина, если опустимъ изъ виду его послѣдующія, живыя отношенія къ возрожденію болгарской образованности.

Такія натуры, какую имѣлъ Венелинъ, чтобы не разбросать драгоцѣннаго таланта на мелочныя подробности, требуютъ всегда для себя поприща монографій. Въ наукѣ для него очерченъ уже былъ правильный кругъ дѣятельности съ тѣхъ поръ, какъ въ Кишиневѣ, съ 1823 по 1825 годъ, знакомясь съ Болгарами, задавалъ онъ себѣ вопросы объ ихъ исторіи, а имъ — о современномъ состояніи Болгаріи. Все, что впослѣдствіи входило въ эту рамку, хотя не исключало увлеченій, но было всегда живо и плодотворно. Съ окончаніемъ университетскаго курса, окончилъ онъ и I томъ своихъ изысканій о Болгарахъ. Судьба дала ему возможность разъяснить и расширить кругъ дѣйствій, однако не выходя изъ него, въ предпринятомъ путешествіи. На время какъ будто онъ оставленъ былъ ею по возвращеніи въ Москву, когда много перемѣнъ въ обстоятельствахъ и внутреннемъ состояніи духа стремились вывести его съ поля плодотворныхъ подвиговъ. Вскорѣ однако снова возвратилась дѣятельность, но уже не въ книгѣ, а въ жизни, не въ научной монографіи, а въ развитіи образованности цѣлаго племени, въ той монографіи, которую чертилъ онъ не перомъ, а энергіей своего воодушевленія и силою личнаго вліянія. Когда, по успокоеніи смутъ, Болгаре возвратились къ мѣстамъ и дѣламъ

Digitized by Google

своимъ, когда снеслись между собою знавшіе Венелина въ поѣздку, когда во время переселенія ознакомились ближе съ сочиненіемъ о Болгарахъ, и В. Е. Априловъ, послѣ долгихъ поисковъ, наконецъ отыскалъ автора въ Москвѣ, чтобы передать ему сочувствіе и восторгъ единоплеменниковъ: тогда скоро завязались между нимъ и Болгарами самыя живыя отношенія; кромѣ Априлова, Палаузова, Кипиловскаго, Пѣшакова, въ переписку вошли и другія лица; имъ отдавалъ Венелинъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, они отвѣчали ему извѣстіями объ устроеніи училищъ, объ отысканіи рукописей, на слѣды которыхъ напалъ онъ, о собраніи пѣсень, о вопросахъ языка, правописанія, книгопечатанія; онъ оживлялся притоками свѣжаго воодушевленія, изливавшагося изъ сердецъ, исполненныхъ какимъ-то національнымъ восторгомъ; они пользовались его указаніями, замѣчаніями; однимъ словомъ все, чѣмъ только знаменуется возрожденіе болгарскаго просвѣщенія, все то стоитъ въ прямой или посредственной связи съ именемъ Венелина. Вѣроятно всѣмъ извѣстны отношенія къ нему Болгаръ, не только при жизни, но и по смерти. Это первое имя, которое произноситъ съ чуствомъ всякой Болгаринъ, при первомъ знакомствѣ съ образованіемъ, первое имя, которое слышитъ мальчикъ, приходя въ болгарскую школу учиться.

Вотъ почему нельзя не выразить сожалѣнія, что кромѣ нѣсколькихъ брошюръ, изданныхъ самимъ Венелинымъ и Априловымъ, досель остаются въ неизвѣстности.—Дневникъ, переписка покойнаго, однимъ словомъ всѣ тѣ бумаги, которыя относятся къ поѣздкѣ его и связи съ Болгарами. Какъ образецъ, приведемъ мы, здѣсь, въ заключеніе, отрывки изъ письма Венелина изъ Москвы 1832 года къ Попечителю колоній, г. Инзову: это замѣчательнѣйшій документъ, представляющій всю дальновидность и живость плановъ покойнаго. На возвратномъ пути изъ Букареста, пробывши два мѣсяца въ Кишиневѣ, онъ не успѣлъ, по причинѣ бывшей въ Бессарабіи холеры, побывать, какъ предполагалъ, въ Болградѣ. Въ замѣнъ того, не успѣвъ еще завязать сношеній съ Одес-

Digitized by Google

скими и Букарестскими Болгарами, хотѣлъ онъ установить наблюдательную точку послѣдующей дѣятельности въ главномъ городѣ колоній. «Въ такой странѣ, пишетъ онъ, въ коей нѣтъ ни туземныхъ ученыхъ, которые могли бы облегчить меня своими наблюденіями, ни книгохранилищъ, въ коихъ можно бы было все обозрѣть, принужденъ будучи гоняться за всякою мелочью порознь, и все почти схватывая, такъ сказать, на лету, я, вопреки желанію и старанію моему, могъ и долженъ былъ иное упустить изъ виду.... Впрочемъ и то, что я успѣлъ собрать, есть уже порядочная награда. Но какъ 1, подробное изученье всей страны и народа требуетъ многолѣтнихъ и постоянныхъ трудовъ, 2, поелику моя поѣздка была первый опытъ въ этомъ отношеніи, то изъ этого легко заключить, чего еще ожидать можно отъ постояннаго вниманія просвѣщенныхъ соотечественниковъ. Ни одного народа въ нынѣшнемъ литературномъ мірѣ нѣтъ малоизвѣстнѣе Болгарскаго, и что еще замѣчательнѣе, не всякому на Сѣверѣ даже извѣстно, что въ углу Бессарабіи находится маленькая Болгарія, соплеменная Руси. Посему, чѣмъ новѣе это поприще для русскихъ ученыхъ, тѣмъ оно достойнѣе особаго попеченія и постояннаго вниманія, то есть продолженія изысканій и собиранія свѣдѣній. Это открытіе новаго поприща, посредствомъ коего забытое воскрешается въ мірѣ литературномъ, есть само по себѣ маленькая благотворная эпоха въ его судьбѣ, похожая на ту, въ которую дѣло забытаго колодника вырывается изъ-подъ спуда, пускается въ ходъ и отдается человѣколюбивому, благородному стряпчему.... Поелику подробное изученіе сей классической страны требовало гораздо болѣе времени и постояннаго пребыванія на мѣстѣ, то, по возвращеніи въ Москву, главное мое желаніе и почти обязанность были—пріобрѣсть въ той сторонѣ просвѣщеннаго корреспондента, который бы, при постоянномъ вниманіи на могущія встрѣтиться письменныя древности Болгаръ, равно какъ и на нынѣшнее ихъ состояніе, какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ нравственномъ отношеніи сообщалъ бы мнѣ постепенно свои замѣчанія и

Digitized by Google

пріобрѣтенія, для умноженія и упроченія моихъ свѣдѣній.... Въ этомъ отношеніи первымъ и самымъ удобнымъ мѣстомъ я считалъ Болградъ.... Обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: не благоугодно ли будетъ учредить подобную наблюдательную точку въ Болградѣ, какъ въ центрѣ, въ которомъ можно найти людей изъ разныхъ областей Дунайской и Забалканской Болгаріи, или по крайней мѣрѣ бывалыхъ и жилыхъ въ тѣхъ мѣстахъ.... Если переселеніе въ Бессарабію есть замѣчательная эпоха въ судьбѣ сего несчастнаго, но нѣкогда великаго народа, то само собою слѣдуетъ, что въ сей эпохѣ главнѣйшая роль предоставлена Августѣйшимъ Покровителемъ вашему Высокопревосходительству. Но вмѣстѣ здѣсь же подразумѣвается, что попечительный комитетъ можетъ быть благодѣтельнымъ не только въ физическомъ, общежитейскомъ отношеніи сего племени, но вмѣстѣ и въ нравственномъ: онъ, собирая, соединяя и предохраняя отъ истребленія упомянутые остатки письменности, легче всего можетъ способствовать воскресить въ умственномъ мірѣ историческое бытіе народа, о благѣ коего печется. И это одно уже — великое дѣло. По соображеніи нынѣшняго нравственнаго состоянія болгарскаго народа, выходитъ на повѣрку истина, что не слѣдуетъ оставлять въ рукахъ его ни одной рукописной книги, и тѣмъ болѣе, чѣмъ она древнѣе и важнѣе, ибо, при настоящемъ ихъ невѣжествѣ, рукописи, будучи предоставлены самимъ себѣ, вмѣстѣ предоставлены и истребленію. Сверхъ сего рукопись, находясь подъ замкомъ одного человѣка, можетъ быть, едва умѣющаго читать, ему самому не принесетъ важной пользы, а цѣлому народу и наукѣ—никакой... Если Болгаре добровольно прибѣгли къ покровительству Россіи, то интересъ народа сего требуетъ, чтобы остатки письменныхъ его древностей были собраны и вручены Русскимъ ученымъ, ибо польза народа не состоитъ въ матеріальномъ владѣніи подлинникомъ, а въ обработаньи, объясненіи и обнародованіи онаго... Сюда могутъ относиться и древнія монеты, и вещи, которыя можетъ открыть случайность. Такимъ образомъ вы можете положить

Digitized by Google

начало народному Болгарскому музеуму, который со временемъ могъ бы сдѣлаться весьма замѣчательнымъ и бросилъ бы на исторію лучезарный свѣтъ. Вся европейская Турція, населяемая Болгарами, должна ему приносить дань свою.... Чувствуя сколь нечуждъ Руси Болгарскій народъ, можно ласкаться сладкою надеждою, что попечительство болгарскихъ колоній будетъ непосредственнымъ посредникомъ между Болгарами и Русскими учеными. Само собою явствуетъ, сколь полезно и благотворно можетъ быть сіе сближеніе.» За этимъ Венелинъ пересчитываетъ подробно предметы поисковъ и указываетъ всѣ средства: здѣсь видна уже необыкновенная строгость и расчетливость, пріобрѣтенная собственнымъ опытомъ. Такъ, напримѣръ, указывая на возможность образовать особыхъ чиновниковъ по этому дѣлу, склоняется болѣе къ необходимости дѣйствованія посредствомъ самихъ Болгаръ, чрезъ порученія имъ, поощренія, обмѣнъ, и такъ далѣе, при томъ болѣе въ формѣ частныхъ сдѣлокъ. Однимъ словомъ, повторяемъ, это замѣчательнѣйшій памятникъ ума, проникавшаго въ будущее.

П. Бязсоновъ.

1854 г.

Digitized by Google

ПИСЬМО КЪ КУПЦУ—АВТОРУ

нѣсколькихъ словъ о воспитаніи.

Прочитавъ вашу статью о воспитаніи въ Москвитянинѣ (N, 6), я рѣшился вступить съ вами въ нѣкоторое совопросничество и съ этою цѣлію написать къ вамъ маленькое посланіе.

Мы слышали прежде державный голосъ о воспитаніи, выражавшій програму его слѣдующими словами: православіе, самодержавіе и *народность*, и думали, что для *русскаго* человѣка другой лучшей программы и быть не можетъ. Статья ваша, сколько могу судить, движется въ предѣлахъ той же програмы. Но вы говорите, (на стр. 215.) между прочимъ: «мнѣ замѣтятъ, что воспитаніе, какъ и воззрѣніе на науку (о которомъ въ послѣднее время такъ много толкуютъ), должно быть общечеловѣчно.... *Совершенно справедливо....*» Значитъ, вы и понимаете и принимаете общечеловѣческое воспитаніе? А громкія слова, какъ это или еще — общечеловѣческое воззрѣніе, прогресъ и т. п., не только темны, *не опредѣленны, неясны и слишкомъ общи* (стр. 213.), но, быть можетъ, и обманчивы. Мало знать ихъ значеніе обиходное, ходячее: надо знать настоящій, опредѣленный и точный ихъ смыслъ. Представьте себѣ человѣка мнительнаго, недовѣрчиваго, не плѣняющагося такими громкими словами, но желающаго доискаться настоящей истины, и снисходительно перенесите на меня свое представленіе. Что такое общечеловѣческое воспитаніе? — спрашиваю васъ. (Получивъ отъ васъ удовлетворительное объясненіе этого вопроса, я, статься

Digitized by Google

можетъ, попрошу васъ объяснить мнѣ и общечеловѣческое воззрѣніе). Я позволяю себѣ смотрѣть на такія слова подозрительно даже и потому, что они, конечно, не домашняя выдумка, не домашній вымыселъ. А вѣдь досадно то, что *тамъ*—

Оттуда къ намъ и авторы и музы —

не успѣютъ чихнуть, какъ мы уже торопимся сказать: желаемъ здравствовать; едва успѣютъ тамъ, что нибудь (тамъ-то, статься можетъ, и нелишнее, даже исторически — необходимое....) выдумать и сказать досужіе или голодные идеологи и утописты, какъ мы уже спѣшимъ вторить имъ, налегу ловимъ новую и легкую добычу, чтобъ неотстать отъ вѣка и блеснуть даровымъ умомъ и дешевыми мыслями. Подражаніе и только одно подражаніе! — Еще: былъ у Грековъ философъ Зенонъ, мужъ ума остраго и пытливаго; но оставилъ по себѣ память тѣмъ только, что non tam rerum inventor fuit, quam verborum novorum. При громкихъ словахъ въ нынѣшнее время я часто вспоминаю эту памятцу о Зенонѣ. Итакъ вы видите, что человѣку съ такою настроенностью, съ такимъ сгибомъ ума немудрено дойти до недоразумѣнія, много ли смысла и какой настоящій смыслъ въ иномъ громкомъ словѣ, — и не сочтете придирчивостью мое желаніе узнать, что такое общечеловѣческое воспитаніе — *безъ излишней запутанности и излишнихъ философскихъ умствованій, въ два — три слова* (стр. 212).

Были и прежде люди, которые, ухватившись за слова извѣстнаго писателя: «прежде всего надобно быть человѣкомъ,» думали найти въ нихъ себѣ опору и важно толковали о *человѣкѣ*, вѣроятно, предполагая, что они открываютъ міру великія и невѣдомыя тайны. Напрасно! этотъ писатель правъ: прежде всего надо быть человѣкомъ, т. е, усвоить себѣ, развить въ себѣ въ возможной степени тѣ качества, которыя могутъ и должны отличать прекраснѣйшее божіе созданіе отъ другихъ тварей. Но также справедливо и то, что къ этому *прежде всего* слѣдуетъ прибавка: *потомъ* или *наконецъ*, надо быть русскимъ, французомъ и т. д., т. е. къ родовому понятію надобно видовое отличіе. Кратчайшую

Digitized by Google

формулою все это вмѣстѣ выражается (будемъ говорить о себѣ) такъ: надо быть человѣкомъ русскимъ. Примѣняя это къ воспитанію, мы получаемъ слѣдующее: воспитаніе должно быть (да оно, вообще говоря, такъ и бываетъ на самомъ дѣлѣ) устроено такъ, чтобъ, развивая въ насъ качества, приличныя всякому благовоспитанному человѣку — русскому, Французу, англичанину и пр (назовите, пожалуй, это общечеловѣческимъ элементомъ воспитанія), въ тоже время развивало въ насъ и качества, приличныя намъ, какъ русскимъ (назовите, пожалуй, это своенароднымъ элементомъ воспитанія), а короче — оно должно развить въ насъ человѣка русскаго. Такимъ-образомъ воспитаніе слагается изъ двухъ элементовъ— общечеловѣческаго и своенароднаго; и, не во гнѣвъ будь сказано всѣмъ господамъ, утверждающимъ противное,—какъ понятіе «человѣкъ» безъ видоваго или недѣлимаго отличія есть существо отвлеченное, ens rationis, нѣчто, существующее только въ умственномъ представленіи, а не на дѣлѣ, не въ дѣйствительности, такъ и общечеловѣческій элементъ воспитанія или, иначе, общечеловѣческое воспитаніе безъ своенароднаго — не дѣльная мечта не дѣльнаго воображенія. Почему при воспитаніи, вообще говоря, не толкуютъ объ общечеловѣческомъ элементѣ? Потому, что, какъ и выше замѣчено, онъ предполагается необходимо самъ собою По этому и здѣсь, для краткости, можно было бы вмѣсто: человѣкомъ русскимъ, человѣка русскаго,—говорить просто: русскимъ, русскаго. Почему много толкуютъ о своенародномъ элементѣ? Потому, что своенародность, драгоцѣнную для всякаго, кто дорожитъ *своимъ*, хотятъ спасти отъ наплыва чужихъ народностей, угрожающихъ поглотить ее.—Видите, я совершенно согласенъ съ вами, что всякій для благоденствія другихъ и своего собственнаго долженъ быть воспитанъ сообразно *своей* религіи, законамъ и устройству *своего* отечества, обычаямъ *своей* земли и т. д. Отсюда понятно, почему иные, какъ и вы, подозрительно смотрятъ на воспитаніе въ *чужихъ* учебныхъ заведеніяхъ, подъ руководствомъ *чужихъ* воспитателей, по *чужимъ* руководствамъ.... И тѣ, и другіе, и третьи могутъ быть въ иномъ

Digitized by Google

не только чужды, но даже враждебны нашей религіи, законамъ и устройству нашего отечества, обычаямъ нашей земли и пр. и передавать это отчужденіе нашимъ юнымъ умамъ. А нужно ли говорить, какія печальныя слѣдствія происходятъ отъ этого? — Наконецъ мы согласны и въ томъ, что своенародное не исключаетъ заимствованій, подражанія, *поскольку послѣднія могутъ быть соглашены съ первымъ и не разрушаютъ его* или, по вашему, лишь бы они были *общечеловѣчны* (стр. 219.).

Въ предъидущемъ мы, какъ сказано, согласны съ вами; но общечеловѣческое воспитаніе — это что такое? сглаживаніе всѣхъ чертъ народности, налагаемыхъ на народъ отечественною религіей, законами, обычаями и пр? подчиненіе одной народности другой, которая проповѣдуетъ общечеловѣческое воспитаніе, а между тѣмъ коварно замышляетъ подставить себя на мѣсто общечеловѣческаго? утопія, выдуманная идеологами и неприложимая къ дѣлу? и гдѣ у насъ мѣрило, критеріумъ общечеловѣческаго воспитанія? и почему въ нашемъ воспитаніи нѣтъ доли общечеловѣческаго и на нашу долю?— Странное дѣло! Чѣмъ больше думаешь объ иныхъ громкихъ словахъ, тѣмъ они кажутся загадочнѣе и страннѣе. Кажется, есть только одно средство дать имъ смыслъ и значеніе, именно: откровенно развить ихъ во всемъ объемѣ, приложить къ дѣлу во всемъ ихъ пространствѣ, прослѣдить ихъ и словомъ и дѣломъ до крайнихъ предѣловъ; но это средство таково, что, вѣроятно, и рьяные поклонники ихъ задумаются и отступятъ предъ нимъ. И замѣтьте, что въ дѣлахъ подобнаго рода какъ-будто боятся свѣта, стараются вести дѣло въ туманѣ отвлеченностей, избѣгаютъ приложенія къ частностямъ или избираютъ такія частности, которыя не разсѣиваютъ тумана отвлеченной теоріи. Вы то и дѣло читаете напримѣръ: истина, наука и т. п. Но заставьте говорить о такой-то истинѣ, о такой-то наукѣ.... и вы увидите, что не вездѣ, въ частности, то хорошо, что кажется хорошо вообще, въ туманѣ отвлеченностей. Однимъ словомъ: не довольствуйтесь общими мѣстами! — По моему убѣжденію, несомнѣнно

Digitized by Google

то, что, пока русскій останется русскимъ, французъ—французомъ и т. д., т. е. кока онъ не отступникъ отъ своего отечественнаго, до тѣхъ поръ и самое общечеловѣческое будетъ въ глазахъ его едва ли болѣе, чѣмъ русское, французское и проч. т. е. и на самое общечеловѣческое онъ будетъ смотрѣть съ *своей* точки зрѣнія и только съ этой точки зрѣнія признавать или отвергать его, — будетъ мѣрять *своимъ* аршиномъ. Отсюда вы видите, что, по моему сужденію, отрицаніе своенародной точки зрѣнія (замѣтьте, что это немножко противъ васъ. См. стр. 215), также какъ и своенароднаго воспитанія, можетъ прямо, столбовою дорогою привести къ космополитизму (не перевести ли это словомъ: бродяжничество?...), а космополитизмъ, если хочетъ быть откровеннымъ, полнымъ и послѣдовательнымъ, можетъ привести къ слѣдствіямъ, которыхъ, можно полагать, не имѣютъ въ виду и ретивые его проповѣдники.

И такъ, скажу вамъ откровенно, въ словахъ: общечеловѣческое воспитаніе — я не вижу смысла. Меня нисколько не смущаетъ и неостанавливаетъ то обстоятельство, что о нихъ, какъ и о подобныхъ имъ словахъ, пишутъ такъ много, такъ задорно, такъ высокопарно. Я нахожу это даже въ порядкѣ вещей, и вотъ почему: эти слова не приведены въ ясность и извѣстность, — они туманны, темны, загадочны и слишкомъ общи, — ихъ понимаютъ въ какомъ-то неопредѣленномъ и отвлеченномъ смыслѣ, а извѣстно, что въ такихъ-то случаяхъ пишущей братіи и приволье и раздолье. Не говорю уже о томъ, что этакая косточка для журналистовъ сущій кладъ: не будь такихъ загадокъ, не было бы такъ легко въ мутной водѣ удить рыбу. Помните ли, какъ въ одномъ журналѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, всѣ разборы стихотвореній вертѣлись на одномъ словѣ — содержаніе? Бывало, жужжатъ безъ устали: одна реторика, — нѣтъ содержанія.... Что же такое содержаніе? это нѣчто такое, чего я и объяснить немогу, — такъ подъ конецъ сознался этотъ грозный судья, произносившій строгіе и рѣшительные приговоры надъ стихотвореніями и стихотворцами — на основаніи таинственнаго

Digitized by Google

смысла въ словѣ: содержаніе. Вы скажете: это была комедія. Но эта комедія длилась немало; и конечно, журналистъ остался не въ накладѣ отъ продолжительнаго и частаго ея представленія. Притомъ наскучила одна комедія, — можно поставить другую; а ротозѣевъ всегда найдется довольно, пока не раскусятъ, въ чемъ штука. Вотъ и теперь, по словамъ вашимъ (стр. 215), много толкуютъ объ общечеловѣческомъ воззрѣніи на науку, да что толку-то? одна лишь *излишняя запутанность*, одни лишь *излишнія философскія умствованія* (стр. 212.) — И такъ, неувлекаясь громкими словами, пышными разглагольствованіями, мы сказали бы всякому, кто проповѣдуетъ объ общечеловѣческомъ воспитаніи: — м. г., что вы разумѣете подъ общечеловѣческимъ воспитаніемъ? покажите намъ программу этого воспитанія, скажите, чему, какъ, съ какой цѣлію и до какого предѣла надо учиться, что бъ быть причастниками этого воспитанія; но — поставьте себѣ правиломъ: philosophi esse volumus, rerum, non fabularum auctores (Cic.) — покажите намъ все это ясно и вразумительно, положительно и опредѣлительно, точно и основательно, а паче всего кратко (вы, вѣроятно, въ такомъ случаѣ сказали бы по своему: *безъ излишней запутанности, безъ излишнихъ философскихъ умствованій, въ два — три слова.*) Дотѣхъ поръ, пока вы не сдѣлаете этого, позвольте намъ не довѣрять ни новости, ни основательности вашихъ толковъ о такомъ темномъ дѣлѣ. Наконецъ, если вы подъ общечеловѣческимъ воспитаніемъ разумѣете тоже, что давно ужъ понимаютъ и осуществляютъ въ воспитаніи, то съ какою же цѣлію производите вы *излишнюю запутанность излишними философскими умствованіями* — по общимъ мѣстамъ?...

Если вы не скучаете моей бесѣдой, то я разскажу вамъ случай, очень недавно бывшій со мною и весьма близкій къ настоящему дѣлу, такъ что болѣе кстати ему, кажется, нельзя было и случиться. Конечно онъ не рѣшаетъ дѣла; но довольно ясно, хоть и съ одной стороны, показываетъ, какъ громкія слова, разоблачаемыя отъ своей таинственности и

Digitized by Google

общности, теряютъ свое значеніе и обличаютъ свою пустоту, какъ осторожно надо довѣрять имъ и какъ иные во зло употребляютъ ихъ или съ умысломъ или по невѣдѣнію.

Вотъ въ чемъ дѣло. Недавно случилось мнѣ поспорить съ однимъ господиномъ (у—у! какой онъ горячій, запальчивый!) о томъ же самомъ, о чемъ теперь пишу къ вамъ. Надобно вамъ сказать, что еще прежде того я имѣлъ разговоръ съ однимъ пріятелемъ о томъ же и слѣдс. къ спору съ этимъ господиномъ былъ нѣсколько приготовленъ, т.-е. предметъ спора былъ уже нѣсколько осмотрѣнъ мною. Но и противникъ мой опирался на одну статью о предметѣ спора и слѣд. также былъ приготовленъ къ спору. Споръ былъ горячій и продолжительный, а кончился, какъ водится, ничѣмъ; ибо ни та, ни другая сторона не признала себя побѣжденною, — такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось. Не стану вамъ излагать всего по порядку (по правдѣ сказать, споръ нашъ и не отличался порядкомъ) и подробно даже и потому, что всего неприномню. Разскажу только тѣ пункты, которые наиболѣе относятся къ нашему предмету и лучше мнѣ памятны.

О. Намъ нужны люди, люди, а не инженеры, или механики, или моряки. Намъ надо людей,—давайте намъ людей....

Я. Позвольте спросить васъ: почему инженеры, моряки, механики.... не люди? Справедливо ли, даже вѣжливо ли исключать ихъ изъ числа людей?

О. Не торопитесь воспитывать спеціалистовъ,—намъ прежде всего надо люди....

Я. Пусть будетъ по вашему,—пусть всѣ бѣдные спеціалисты: инженеры, моряки.... не люди. Гдѣ же и какъ имъ сдѣлаться людьми?

О. Университетъ.... университетское воспитаніе....

Я. А! такъ вотъ оно—общечеловѣч. воспитаніе! Напрасно же вы придумывали такое громкое слово для такой скромной вещи. Какъ бы то ни было, мы знаемъ теперь и программу и все, что нужно для общечеловѣческаго воспитанія, для того, чтобъ стать людьми. Радуйтесь, спеціалисты,

Digitized by Google

вы—инженеры, моряки! Средство къ спасенію, средство стать людьми найдено: только не торопитесь быть спеціалистами, сперва поучитесь въ университетѣ.—Но зачѣмъ же было вамъ пугать насъ такими громкими и высокопарными словами? Сказали бы вы просто, безъ затѣй: кто желаетъ себѣ настоящаго или лучшаго воспитанія, тотъ пусть идетъ въ университетъ, а потомъ — и только потомъ — пожалуй и въ корпуса; это было бы и просто и мило. Но объ этомъ общечеловѣч. или университетскомъ воспитаніи могутъ вамъ сказать—1) *Александръ Македонскій, конечно, великій воевода; да зачѣмъ же стулья-то ломать?* т.-е. университетское воспитаніе, безспорно, имѣетъ великія преимущества; да зачѣмъ же воспитаніе въ другихъ училищахъ унижать такъ, что будто при помощи его и человѣкомъ быть нельзя? 2). Слова, даже и громкія, бываютъ обманчивы; и вы, толкуя объ университетскомъ или общечеловѣческомъ воспитаніи, забыли при этой смѣтѣ сущую бездѣлицу, которая впрочемъ имѣетъ рѣшительную важность въ вашемъ дѣлѣ. Университетъ, университетское воспитаніе, по этимологіи, точно представляется чѣмъ-то *обще*.... Но бѣда въ томъ, что университетъ раздѣляется на факультеты и образуетъ филологовъ, юристовъ, математиковъ, медиковъ, слѣдс. спеціалистовъ. Конечно, они не механики, не моряки, не коммерсанты, которыхъ вы такъ безжалостно низводите со степени людей; но mutato nomine nihil mutatur, все же они спеціалисты и слѣдс. съ вашей точки зрѣнія не люди. Не правда ли, что досадны эти факультеты? Не будь ихъ, все пошло бы въ вашей теоріи какъ по маслу; а теперь, по ихъ милости, мы опять терземъ людей и не знаемъ, гдѣ и какъ найдти ихъ 3). Можетъ случиться, что питомецъ не университета, а какого либо другаго спеціальнаго учебнаго заведенія, не оставитъ вашихъ выходокъ противъ спеціальнаго воспитанія и спеціальныхъ училищъ безъ возмездія. Этимъ хочу я сказать, что неблагоразумно въ пользу одной вещи, весьма почтенной, унижать другія вещи, также почтенныя, — неблагоразумно вызывать и раздувать вражду, особенно тамъ, гдѣ она наиболѣе не

Digitized by Google

умѣстна и прискорбна,—неблагоразумію не умѣренными похвалами университету и университетскому воспитанію и такимъ униженіемъ спеціальныхъ училищъ и спеціалистовъ вооружать противъ университета всякаго, кто не могъ или не хотѣлъ воспользоваться воспитаніемъ въ немъ,—вооружать противъ него столько учебныхъ заведеній и *людей*—извините за такую смѣлость, — тамъ воспитавшихся и воспитывающихся. Вамъ могутъ сказать, что университетъ имѣетъ свои недостатки, и, пожалуй, принудятъ признаться, что это и въ правду такъ.

О. Недостатки, недостатки! Да гдѣ же ихъ нѣтъ? и развѣ нельзя исправить, развить, усовершить? Прогрессъ — развѣ въ словахъ только?...

Я. Очень хорошо. А лучше всего эти слова ваши: *гдѣ же ихъ нѣтъ*. — Но если вы говоря объ университетѣ и университетскомъ воспитаніи, разумѣли нѣчто идеальное, не то, что есть на дѣлѣ, а то, что могло или должно бы было быть; то что же мѣшаетъ вамъ точно также идеализировать и другія учебныя заведенія? А при такой обоюдной идеализаціи споръ нашъ останется тотъ же, въ томъ же объемѣ и значеніи.— Коротко и ясно: вы съ университетскимъ воспитаніемъ въ походѣ вашемъ противъ спеціальнаго воспитанія ушли недалеко, и нашли опять таки спеціалистовъ, а не людей, которыхъ надѣялись найти въ университетѣ, и слѣдс. утопія, мечта объ общечеловѣческомъ воспитаніи....

О. Приготовительныя училища къ университетскому воспитанію...

Я. Т.-е. гимназіи?

О. Да хоть бы и гимназіи.

Я. Очень хорошо: поищемъ, не тамъ ли въ самомъ дѣлѣ общечеловѣческое воспитаніе. Станемъ же сличать программу гимназіи съ программами спеціальныхъ училищъ: законъ Божій—вездѣ; русская словесность — вездѣ; исторія—вездѣ; математика—вездѣ и т. д. Чего не достаетъ въ спеціальныхъ училищахъ въ сравненіи съ гимназіей? Одного латинскаго языка (вы знаете, что греческій языкъ преподается не во

Digitized by Google

всѣхъ гимназіяхъ). И такъ—hinc illae lacrimae! Такъ вотъ въ чемъ общечеловѣческое воспитаніе—въ изученіи латинскаго языка! Такъ вотъ какими скромными предѣлами ограничивается ваша программа общечеловѣч. воспитанія, съ такою загадочною торжественностью и такъ высокопарно возвѣщенная! Вотъ какими загадками хотите вы поставить втупикъ спеціалистовъ! А лучше бы вамъ сказать прямо, безъ обиняковъ: кто не учился или не учится по латыни, тотъ пропащій человѣкъ или, короче, не человѣкъ; и слѣдс. желающіе быть людьми всенепремѣнно должны воспитаться къ тому на латинскомъ языкѣ, а въ противномъ случаѣ пусть не прогнѣваются на насъ, если будемъ честить ихъ не людьми. Вотъ вы бы молодымъ людямъ, добивающимся попасть въ университетъ во что бы то ни стало, посовѣтовали: не торопитесь попасть въ университетъ, сперва поучитесь хорошенько латинскому языку. Это имъ нужнѣе, чѣмъ предостереженіе людямъ, гоняющимся за спеціальнымъ воспитаніемъ, по вашему, преждевременно. Впрочемъ, если дѣйствительно вы приписываете латинскому языку такую важность, т.-е. если по вашему на немъ опирается общечеловѣческое воспитаніе, то скажу вамъ — 1). Важности латинскаго языка въ дѣлѣ воспитанія никто, особенно тотъ, кто лѣтъ десятокъ воспитывался самъ на этомъ языкѣ, оспоривать не станетъ; но ваше преувеличеніе этой важности сверхъ всякой мѣры велико, даже странно, такъ что я готовъ бы замѣтить вамъ словами латинскаго же писателя: dimidium plus toto, или ego autem id adprime utile puto, ut ne quid nimis,—лучше было бы, если бы вы умѣрили свой восторгъ къ этому языку хоть на половину. 2). Не отвергая важности изученія классической филологіи въ дѣлѣ воспитанія, нѣкоторые думаютъ однакожъ, что и здѣсь напрасно увлеклись мы подражаніемъ иностранному, и лучше поступили бы, еслибъ, по исключительнымъ отношеніямъ нашего отечества, дали предпочтеніе греческому языку предъ латинскимъ, и перемѣнили ихъ роли въ гимназіяхъ одну на другую,—что этимъ удовлетворялось бы нехуже или даже лучше и требованіямъ филологическаго образованія и нашимъ исключительнымъ отноше-

Digitized by Google

ніямъ. Вы, надѣюсь, не потребуете отъ меня теперь же подробнаго объясненія мысли этихъ людей; но, конечно, поймете важность ихъ возраженія въ надлежащей его силѣ. 3). Многіе, взвѣшивая и оцѣнивая доводы въ пользу изученія латинскаго языка при воспитаніи, сводятъ почти всю важность этого изученія къ методѣ и объему, или, другими словами, находятъ, что вся важность тутъ существенно не въ латинскомъ языкѣ, не въ предметѣ, а въ методѣ и объемѣ изученія предмета 4). Наконецъ люди, не учившіеся латинскому языку, или не придающіе ему ни какой особенной важности въ дѣлѣ воспитанія, раздраженные тѣмъ, что будто, по вашему, внѣ его и спасенія нѣтъ,—эти *люди*, повѣрьте, найдутъ, чѣмъ потѣшиться надъ вами безнаказанно. Помните эту старинную эпитафію: *гніетъ здѣсь гордая латынь, аминь?* Нынѣ выдумаютъ позамысловатѣе и поядовитѣе.

О. А сверхъ латинскаго языка, возьмите вы, хоть тѣже предметы проходятся въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, что и въ гимназіяхъ, но не такъ, какъ въ послѣднихъ.

Я. Не знаю, на сколько можетъ быть правды или неправды въ этомъ, и не могу ничего ни утверждать ни отрицать; но для меня довольно пока и того, что, за исключеніемъ латинскаго языка, въ спеціальныхъ училищахъ воспитываются на томъ же, на чемъ и въ гимназіяхъ. Вѣдь, и въ гимназіяхъ не всегда и не вездѣ тоже и такъ же,—есть и разницы не маловажныя. Но, статься можетъ, вы и приготовительныя училища къ университетскому или общечеловѣческому воспитанію, которыя мы попросту называемъ гимназіями, идеализируете, т. е. представляете себѣ не то, что есть въ нихъ, а то, что могло бы или должно бы было быть? статься можетъ, по вашему предначертанію, для этой цѣли должны быть учреждены новыя училища или преобразованы гимназіи по вашей идеѣ, чтобъ добиться отъ нихъ общечеловѣч. воспитанія?—Въ такомъ случаѣ что же мѣшаетъ вамъ идеализировать и спеціальныя училища? А для нововведеній или преобразованій (если они возможны и разумны)—сдѣлайте одолженіе—сочините ясную и обстоятельную про-

Digitized by Google

грамму и выведите насъ изъ недоразумѣнія о таинственномъ общечеловѣческомъ воспитаніи.

О. Да что толковать много,—прочитайте сами,—статья образцовая и написана съ жаромъ, увлекательно,—и новый оригинальный взглядъ,—непремѣнно прочитайте...

Я. Отъ чего же не прочитать? Я большой охотникъ до новаго и оригинальнаго. Но, выслушивая мнѣніе вашего автора по вашему разсказу, я — не разъ покушался прінскать вамъ одно мѣстечко. въ Цицеронѣ. Вотъ оно: fieri potest, ut recte quis sentiat, et id, quod—sentit, polite eloqui non possit. Sed mandare quemquam litteris cogitationes suas, qui eas nec disponere, nec illustrare possit, nec delectatione aliqua allicere lectorem, hominis est intemperanter abutentis et otio et litteris. Itaque suos libros ipsi legunt cum suis, nec quisquam attingit, praeter eos, qui eandem licentiam scribendi sibi permitti volunt.

О. Что мнѣ эта ваша латынь? А кстати читали ли вы статью Даля также о воспитаніи?

Я. О, это *другое* дѣло!

Въ такомъ родѣ споръ нашъ былъ, какъ сказано, и горячій и продолжительный. Не думайте, что противникъ мой позволялъ мнѣ говорить такими длинными рѣчами, какъ я изложилъ свои мысли здѣсь,—нѣтъ! онъ перебивалъ меня безпрестанно; но я опустилъ здѣсь его междурѣчія, между прочимъ, и потому, что, какъ сказалъ выше, всего не припомню хорошенько, а сочинять чужія рѣчи нельзя. Припоминаю еще три пункта въ нашемъ спорѣ, и, если угодно, упомяну и о нихъ. Противникъ мой заговорилъ было о humaniora, но, кажется, самъ скоро увидѣлъ, что это не помога ему въ нашемъ спорѣ. Я тоже мимоходомъ замѣтилъ ему: humaniora т. е. studia, или studia humanitatis, studia ingenua, или artes humaniores, или artes ingenuae... все это прекрасно; но этимъ вы можете пугнуть только спеціалиста — предполагая, что онъ, невѣжда, не знаетъ полатыни — или того, кто не знаетъ, что подъ этимъ разумѣли древніе. Вы-

Digitized by Google

ходки противника моего противъ родителей, по дѣлу воспитанія, были ужасны. Представьте себѣ, что будто, по его увѣренію, родители по одной своей прихоти или по разсчетамъ (о невѣжествѣ, неразсудительности и т. п. и говорить нечего) избираютъ для дѣтей то или другое спеціальное поприще, т. е. воспитаніе, вовсе не соображаясь съ ихъ наклонностями, способностями и пр., совершаютъ насильственные браки (знатное уподобленіе!!) между ними и наукой!... Какіе, подумаешь, тираны—эти родители! Но мнѣ кажется страннымъ слѣдующее: кто поставилъ насъ опекунами чужихъ дѣтей? и какимъ это образомъ выходитъ, что мы радѣемъ о существенной пользѣ чужихъ дѣтей больше, чѣмъ сами родители?.. Жалѣю, что не догадался я спросить у моего противника, имѣетъ ли онъ своихъ дѣтей и дѣйствуетъ ли въ отношеніи къ нимъ буквально по своей теоріи. Во всякомъ случаѣ, я полагаю, если и есть на дѣлѣ что нибудь похожее на такія обвиненія противъ родителей, то мудрено вторгаться въ родительскія права, въ отношенія родителей къ дѣтямъ. Исторія крѣпка — *заднимъ умомъ*. Хорошо толковать... да и кто иногда толкуетъ? Люди, которые видѣли свѣтъ и его дѣла только изъ щели своего кабинета, на наиблагороднѣйшей дистанціи, или знаютъ о свѣтѣ только по книгамъ,—а міръ въ книгѣ и міръ въ мірѣ—два предмета, не весьма сходные между собою.—Хорошо толковать чрезъ нѣсколько десятковъ или сотъ лѣтъ и указывать: и то не такъ, и это не эдакъ; а поставить бы иного велемудраго господина въ самый водоворотъ событій и посмотрѣть, какъ онъ будетъ дальновиденъ. Чужую-то бѣду руками разведу, а къ своей такъ и ума не приложу... Говорятъ, что Наполеонъ, который, конечно, зналъ лучше насъ съ вами, что ему нужно и не нужно, весьма не жаловалъ идеологовъ, и въ тоже время весьма дорожилъ людьми практическими и спеціалистами. Итакъ, если бы вы или кто иной вздумалъ указывать ему, что спеціалисты не люди, что взглядъ его не дальнозорокъ или что нибудь въ томъ же родѣ; то несомнѣнно онъ отвѣтилъ бы по своему.

Такъ-то, почтеннѣйшій, пришлось мнѣ состязаться съ

Digitized by Google

этимъ господиномъ. Какъ видите, шума было много, а толку мало; ибо, по крайней мѣрѣ для меня, опять таки осталось загадкой, что такое общечеловѣч. воспитаніе. Не люблю я этихъ господъ, которые напоминаютъ parturiunt montes, словечка въ простотѣ не скажутъ и всегда на ходуляхъ, съ излишними философскими умствованіями и съ излишнею запутанностію. Обращаюсь къ вамъ съ просьбою: потрудитесь объяснить мнѣ общечеловѣч. воспитаніе, если можно, *въ два—три слова*. Принимая эти слова въ своей статьѣ, вы нѣкоторымъ образомъ принимаете на себя обязанность дать въ нихъ отчетъ желающимъ понять ихъ вѣрно и точно. За исполненіе моей просьбы, быть можетъ, не я одинъ скажу вамъ спасибо.

Извините, что вмѣсто маленькаго, какъ сначала предполагалось, вышло довольно длинное письмо, и позвольте надѣяться, что я не втунѣ утруждаю васъ, и быть вашимъ покорнымъ слугою.—Октяб. 5. *Н. Корбанскій.*

P. S. 1.) На стр. 220 я читаю у васъ: *такъ какъ Кай смертенъ, слѣдовательно всѣ люди смертны.*—Какъ же это такъ, почтеннѣйшій? Логика не позволяетъ такъ дѣлать заключенія. Вѣроятно тутъ недосмотръ, но, извините за откровенность, не извинительный. Поставьте такъ: такъ какъ всѣ люди смертны, то и Кай... и—Богъ съ вами!

2.) На стр. 214, я читаю у васъ: «каждый воспитатель воспитываетъ... на основаніи своего собственнаго метода, имъ созданнаго. И Боже! какое иногда бываетъ это воспитаніе!» Вы, можетъ быть, не помните и даже не знаете, что близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, въ нѣкоторое время, въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ развелась и весьма ободрялась страшная гоньба за методами, за нововведеніями въ преподаваніи. Все, что было прежде или въ духѣ прежнихъ методъ, отъ принципала, задававшаго тонъ методъ, преслѣдовалось—по меньшей мѣрѣ насмѣшками въ родѣ слѣдующихъ: этакъ-было при Алексѣѣ Михайловичѣ, или — такъ думали при Иванѣ Васильевичѣ, или—такъ преподавали при

Digitized by Google

царѣ-горохѣ. Прежде, вишь, не было умныхъ людей, какъ нынѣ. Обязанные пѣть по заданному тону, даже для своего спасенія, взапуски пустились перенимать и выдумывать новыя методы—одна другой новѣе и замысловатѣе. Кто въ лѣсъ, кто по дрова! Всякій молодецъ на свой образецъ! — Вы знаете, что въ иныхъ дѣлахъ—дайте только позволеніе, или, еще лучше, прибавьте къ тому и поощреніе и—откуда что возьмется! Не берите только съ врачей пошлины, т. е. не взыскивайте и не лишайте своей благосклонности выдумщиковъ, если опыты ихъ не удаются.—Не распространялся объ этомъ болѣе, скажу вамъ, что кто-то натолкалъ въ голову тому—другому мысль о методѣ Беккера. Вдругъ все закипѣло и заговорило этой новостью. Немногіе рѣшались—и то на свою голову—высказывать мнѣніе противное. Какъ и водится, не много спрашивали о томъ, хорошо ли это или нѣтъ: довольно было того, что выдуманное *тамъ* представлялось въ заманчивомъ видѣ,—можетъ ли же быть дурно? и какъ позволить себѣ дерзнуть въ томъ усомниться? — Беккеристы шумно торжествовали и оглушительно благовѣстили о себѣ на весь свѣтъ. Люди, не согласные съ ними въ методѣ, думали иначе, но должны были молчать,—имъ другой и клички не было, какъ «отсталые.»—Казалось, дѣло въ такомъ видѣ и останется навсегда, какъ вдругъ, къ крайнему моему изумленію, прочиталъ я весьма недавно въ С. Пч. выписку изъ предисловія къ грамматикѣ г. Классовскаго, гдѣ говорится, что метода Беккера не имѣла никакого вліянія на учебники Франціи и Англіи, да и на родинѣ Беккера, въ самой Германіи, беккеризмъ весьма не въ ходу. Ба! это что за извѣстіе? Такъ мы остались въ дуракахъ, — мы, которые чуть не на рукахъ носили Беккера, посылали ему умилительно-восторженные привѣты съ береговъ нашихъ рѣкъ и пр. и пр.? Грустно подумать, до чего доводитъ иногда подражаніе. Изъ чего же мы горячились столько, такъ торопились попользоваться новинкой, кричали такъ громко и заносчиво, поднимали такую ломку, издѣвались надъ прежними методами? Подкуривая самимъ себѣ заносчивыми идеями прогресса: мы, де, умнѣе предковъ, да и всякое новое поко-

Digitized by Google

дѣніе умнѣе прежняго,—мы въ чаду самодовольства и самохвальства и знать не хотѣли, что по этимъ методамъ (которыя въ насмѣшку величаютъ и схоластическими, и убійственными, и—мало-ли какъ!) учились и выучивались, столько времени, не хуже насъ—да еще какіе люди, какіе писатели! которые оставили по себѣ труды на удивленіе и наслажденіе всему потомству, хотя мы (были у насъ и такіе!) и бросали въ нихъ грязью, — мы, повторяю, и знать не хотѣли, что тоже потомство, быть можетъ, скажетъ о насъ—писателяхъ высокоумныхъ и самонадѣянныхъ: quorum extant quidem plurima volumina, sed existimatio prope nulla est. — Случай этотъ, кажется, не важный, а даетъ кое-что разумѣть и о другомъ: не все то золото, что блеститъ. Вы видите, что тутъ есть и подражаніе и воспитаніе — предметы, о которыхъ пишу къ вамъ: приложите же это къ тому, что я писалъ выше. Заключу тѣмъ, что, когда я прочиталъ эту выписку въ С. Пч., то подумалъ: не худо было бы это замѣчаніе распространить съ грамматики и далѣе (ибо и тамъ мы видимъ теперь тѣже щи, что и прежде, только пожиже); не худо было бы, еслибъ мы научились жить своимъ умомъ... У насъ есть подражательное и въ другихъ отношеніяхъ, что мы должны бросить потому... да хоть и потому, что тамъ прошла на это мода.

3.) На стр. 216, я читаю у васъ: «пусть матушка Россія знаетъ всѣ европейскіе языки, говоритъ на каждомъ, какъ на своемъ родномъ». Пусть; но худо то, что—1.) Гоняясь за многоязычіемъ, многіе не знаютъ ни одного языка основательно, или гоняясь за иностранными языками, не знаютъ своего роднаго. Вотъ и у васъ—не во гнѣвъ вамъ будь сказано—въ началѣ этого же періода, изъ котораго послѣдняя выписка, чистѣйшій галлицизмъ; а вы, еще, по словамъ вашимъ (стр. 212), просто русскій купецъ и воспитаны здравомыслымъ отцемъ, по правиламъ здравой логики и на основаніи умнаго смысла; что же сказать о другихъ, которые воспитаны иначе? — 2.) Гоняясь за иностранными языками, мы дошли до обиднаго самоуниженія предъ иностранцами. Они даже въ нашихъ домахъ не хотятъ говорить съ нами

Digitized by Google

на нашемъ языкѣ; а мы? мы поставляемъ не отмѣннымъ для себя долгомъ говорить съ ними на ихъ языкѣ не только у нихъ, но и у себя дома и даже между собою.—3.) Гонялсь за иностранными языками, мы отнимаемъ на нихъ у дѣтей время драгоцѣнное, необходимое для другихъ предметовъ болѣе существенныхъ и важныхъ. Желательно бы знать, учатъ ли въ Германіи, Франціи, Англіи во *всѣхъ* училищахъ (разумѣется, равныхъ нашимъ) *всѣхъ* учениковъ столькимъ новымъ языкамъ, какъ у насъ. Если нѣтъ; то тамъ учиться легче, чѣмъ у насъ. И конечно, не я одинъ слыхалъ, какъ въ прошлую войну нѣкоторые съ изумленіемъ разсказывали о плѣнныхъ офицерахъ и медикахъ (изъ французовъ и англичанъ), что они не знаютъ ни какого языка, кромѣ своего, что медики не знаютъ даже по латыни. Къ этому затрудненію прибавляютъ иногда другое: задумываютъ программы самыя обширныя, употребляютъ учебники самые толстые,— какъ напримѣръ одна самая толстѣйшая на русскомъ языкѣ латинская грамматика, которую ученики прозвали *заплечебухъ*. Мы забываемъ правило: *non multa, sed multum*, или еще хуже, хотимъ вмѣстѣ, въ одно и тоже время, и *multa* и *multum*.... Лошадка везетъ, такъ мы и давай подкладывать да подкладывать!—И что показываетъ опытъ? Учителя, обыкновенно, иностранцы, не знающіе порусски (намъ, вишь, нужно чистое иностранное произношеніе!...), потому самому, равно какъ и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, не могутъ научить учениковъ иностраннымъ языкамъ, и породили во многихъ убѣжденіе, что они (по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ) поступаютъ въ учителя не для того, чтобъ учить другихъ иностраннымъ языкамъ, а для того, чтобъ самимъ научиться порусски. Ученики вообще не охотно занимаются иностранными языками и развѣ изъ девяти десятой хорошо успѣваетъ въ нихъ. Повѣрьте, что и ученики имѣютъ, если не ясное сознаніе, то инстинктъ и довольно безошибочно чуютъ, что и въ какой степени имъ нужно или не нужно—впереди, а съ этимъ соразмѣряютъ и свои усилія. Кратко сказать: опытъ показываетъ, что драгоцѣнное время многими потрачивается на иностранные языки и безъ пользы,—ибо имъ плохо вы-

Digitized by Google

учиваются, и безъ надобности,—ибо въ послѣдствіи приложить ихъ не къ чему, кромѣ оригинальной страсти говорить на иностранномъ языкѣ между собою или убивать время въ пустомъ и безплодномъ занятіи, т.-е. чтеніи книжекъ, т.-е. французскихъ романовъ въ подлинникѣ—высшій и крайній результатъ знанія иностранныхъ языковъ для многихъ! Желательно бы знать, многіе ли изъ тѣхъ, кого заставляютъ учиться иностраннымъ языкамъ, имѣютъ—въ послѣдствіи—досугъ и охоту извлечь какую нибудь существенную пользу изъ того, на что потрачено столько трудовъ и времени, и окупается ли цѣна времени и трудовъ цѣною этой пользы.

Digitized by Google

МОСКВА НА ВРЕМЕННЫХЪ КВАРТИРАХЪ.

Московскія гостинницы, комнаты со столомъ и прислугой, подворья и постоялые дворы.—Отчужденіе Москвитянъ отъ трактирной жизни. — Идеалъ спокойной Московской квартиры.—Первокласныя гостинницы *Варгина*.—*Д.* Князь В... и его супруга.—Ужинъ и бутылка шампанскаго на троихъ.—Свадебной пиръ. — Гостинница *Говарда*.—Квартира Фанни Эльслеръ.—Гостинница *Шевалье*.—Пріютъ иностранцевъ.—*Hotel de France* Морела.—Резиденція мотоватыхъ львовъ — *Гостинница Дрезденъ*; ея чиновные гости и жильцы артисты. — Неожиданная встрѣча съ будущимъ жильцомъ *Германіи* и характеръ этой второстепенной гостинницы.—Другія второстепенныя Московскія гостинницы: *Лондонъ* въ Охотномъ ряду.—Гостинница *Шевалдышева* съ ея старинной славой. — *Парижъ* и *Римъ* на Тверской, удобные караванъ сарай для нашихъ помѣщиковъ.—Старинная гостинница *Лейпцигъ* и произшествіе случившееся съ однимъ изъ жильцовъ ея и пріѣхавшихъ въ Москву искать мамзели съ музыкой.—Гостинница *Полторацкаго*, съ ея отдѣленіями, временными маскарадными жильцами верхнихъ нумеровъ, купаньемъ изъ ресторація Барсова и цинически одѣтой прислугой. — Гостинница *Печкина* съ грязной прислугой и чистымъ столомъ. — Гостинница *Пегова* и *Полтава Ламакина*, мѣста для прохлажденія.—Гостинница *Берлинъ* и окрошка покойнаго Неймана. — Гостинницы желѣзной дороги *Пуаре*, *Сабуровой* и *Орлова*. — Первоначальныя Chambres garnies.—Нынѣшнее состояніе и числительность этихъ заведеній. — *Челышы*: Ольденбургъ и прочія завѣденія этого рода въ домѣ Челышева.—Гевеке и супъ ала Крокодилъ.—Комнаты Лагоша и его обѣдъ.—Chambres garnies Делавосъ, Фаіо, Діатитра, Ежъ и пр.—Рамле и его жильцы.—Мало ли что случается съ человѣкомъ.—Московскія подворья — подобія азіятскихъ караванъ-сараевъ.—Плата за номера и подворья и средства получать на мѣстѣ столъ.—Почему подворья имѣютъ, почти всегда, много жильцовъ.—Постоялые дворы и ихъ временные обитатели.

Постоянная бивачная жизнь въ гостинницахъ, номерахъ или такъ называемыхъ Chambres garnies не въ духѣ русскаго народа, который по сію пору крѣпко держится поговорки «Хоть щей горшокъ, да самъ большой». А потому въ Москвѣ, городѣ по преимуществу Русскому, нѣтъ этаго сильнаго развитія трактирной жизни, какую вы встрѣтите въ другихъ городахъ Европы. Рѣдкій

Digitized by Google

изъ постоянныхъ жителей Москвы живетъ въ этихъ общественныхъ заведеніяхъ, гдѣ не заботясь хозяйственными мелочами, онъ имѣетъ все готовое, квартиру, освѣщеніе, отопленіе, чай, столъ, прислугу и даже ежели угодно экипажъ; нѣтъ, мы Москвитяне, любимъ жить особнякомъ, ежели есть хоть какая нибудь возможность, имѣть свой собственной домъ или домишко, а ужъ ежели придется жить на наемныхъ квартирахъ, то для многихъ, составляетъ верхъ удовольствія занимать отдѣльный домъ, и ежели не позволяютъ средства нанимать его въ центрѣ города, то житель Москвы не тяготится имѣть квартиру въ отдаленномъ краю, напримѣръ въ Сущевѣ, на Козачей, за Москвой рѣкой или у Лежневыхъ бань; для того, чтобы не имѣть другихъ жильцовъ съ нимъ на одномъ дворѣ, онъ готовъ быть снисходительнымъ въ неудобству помѣщенія, а ежели есть хорошій погребъ, то равнодушно переносить сырость и холодъ въ своихъ комнатахъ. Я не знаю благополучнѣе человѣка, какъ Москвича, который нанимаетъ отдѣльной домикъ въ старой Конюшенной, на Поварской или около малой Дмитровки, въ особенности ежели при этомъ домикѣ есть садъ, въ добавокъ къ погребу подвалъ, а на дворѣ и въ сѣняхъ нѣсколько чулановъ. Да, здѣсь любятъ жить точь въ точь какъ въ деревнѣ; я думаю, что рѣдкой кто найдетъ лишнимъ ежели при его помѣщеніи будетъ лугъ для пастбища коровы, даже пожалуй покосъ и прудъ, въ которомъ насажены караси.

Но не всѣ же такъ счастливы, что имѣютъ эти удобства; нѣкоторые не постоянно живутъ въ Москвѣ, а только пріѣзжаютъ на время по дѣламъ, или повеселиться въ нашу бѣлокаменную;—они обыкновенно помѣщаются въ гостинницахъ, выбирая ихъ для своего временнаго пребыванія, сообразно своему вкусу и своимъ средствамъ; другіе, и это по большой части холостяки или безсемейные жительницы Москвы, не имѣя возможности имѣть особенную квартиру, завестись какъ говорится хозяйствомъ, или желая избавиться отъ всѣхъ мелочныхъ дрязговъ этаго хозяйства, живутъ въ номерахъ, на подворьяхъ или въ гостинницахъ.

Разумѣется, какъ велика разность въ денежныхъ средствахъ между милліонеромъ, пріѣхавшимъ на время въ Москву, и оборваннымъ бѣднякомъ не знающимъ, какъ онъ проживетъ завтрашній день, такъ велика разность и между ихъ помѣщеніями.

Для первыхъ Москва имѣетъ нѣсколько гостинницъ, которыя могутъ поспорить своимъ удобствомъ и роскошью, съ лучшими заведеніями подобнаго рода, во всѣхъ городахъ Европы.

Digitized by Google

Пальма первенства принадлежитъ гостинницѣ Варьгина и бывшей гостинницѣ Говарда (*). Первая находится на Тверской площади наискось уголъ съ угломъ противъ дома г. Московскаго генералъ-губернатора.

Года четыре тому назадъ князь В***, съ которымъ я познакомился на водахъ, и потомъ разъѣхавшись въ разныя стороны, совершенно потерялъ изъ виду, встрѣтился со мною въ театрѣ; онъ сейчасъ узналъ меня, подошелъ ко мнѣ и дружески привѣтствовалъ. На водахъ я зналъ князя холостымъ, теперь онъ былъ человѣкъ женатый, и по своимъ дѣламъ пріѣхалъ въ Москву. Мы съ нимъ встрѣтились дружески, вспомнили наше бывшее холостое житье, и чтобы удобнѣе говорить онъ потащилъ меня къ себѣ въ литерную ложу, гдѣ и представилъ меня своей супругѣ, молодой, интересной блондинкѣ, которая принесла съ собою его сіятельству сколько-то тысячъ душъ приданаго. Вернувшись недавно изъ-за границы, гдѣ князь имѣлъ значительныя мѣстности, онъ разсказывалъ мнѣ о тогдашнихъ политическихъ новостяхъ, объ Парижѣ, Германіи и Лондонѣ. Сидя въ кабинетѣ передъ ложей мы совершенно забыли про балетъ и Фанни-Эльслеръ, которая сводила тогда съ ума Москвичей, наконецъ спектакль кончился, пора была разставаться и князь, вмѣстѣ съ княгиней, взяли съ меня слово, что я буду у нихъ.

— Я надѣюсь, сказала Анна Сергѣевна (такъ звали княгиню): что вы безъ церемоніи посѣтите насъ.

— Я на дняхъ непремѣнно явлюся къ вамъ, чтобъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе; и буду стараться, по мѣрѣ силъ своихъ, пріобрѣсти и ваше расположеніе на столько же, на сколько пользуюсь пріязнію вашего супруга.

О! какимъ крещенскимъ холодомъ несетъ отъ вашей фразы, произнесла съ улыбкою княгиня, *стараться пріобрѣсть мое расположеніе какъ и пріязнь моего мужа*, вѣроятно это вы выучили во французскихъ разговорахъ, или заимствовали изъ кодекса тысячи и одной китайской церемоніи, кодекса у насъ въ Россіи не изданнаго, но по несчастію хорошо извѣстнаго.

— Жалѣю, княгиня, что я прогнѣвалъ васъ своимъ отвѣтомъ...

— Да дѣйствительно прогнѣвали, и чтобъ заслужить мое прощеніе, вы должны немедленно ѣхать съ нами пить чай.

Я отъ души поблагодарилъ ее за привѣтливое приглашеніе, дружественно потрясъ ея маленькую ручку, и усадивши ихъ въ экипажъ поѣхалъ въ слѣдъ за ними. Князь жилъ въ гостинницѣ Варьгина.

(*) Къ разряду этихъ гостинницъ, должно причислить и гостинницу Лабоди, на Лубянкѣ въ домѣ Шиловскаго.

Digitized by Google

По прекрасно освященной паркетной лѣстницѣ, мы взошли въ офиціантскую комнату, потомъ прошли черезъ залу въ гостиную, гдѣ княгиня оставила насъ, чтобъ пойти перемѣнить свой туалетъ. Минутъ черезъ десять ея прислужница подняла опущенныя портьеры въ слѣдующую комнату, и Анна Сергѣевна пригласила насъ въ каминную пить чай. Передъ изящнымъ мраморнымъ каминомъ итальянской работы, стоялъ покрытой столикъ, на которомъ красовался серебряной самоваръ, прекрасной фарфоръ и всѣ принадлежности къ чаю. Милая хозяйка замѣнила свое бархатное платье, распашнымъ шитымъ капотомъ изъ индійской кисеи, ея мягкіе шелковистые волосы освобожденные отъ цвѣточнаго убора, придерживались только черепаховымъ гребнемъ, а нѣсколько полураспущенныхъ пуколь à l'anglaise ластились къ бѣлой шейкѣ и упадали на ея плечи. Эта модная дама, пышная аристократка, была мила какъ головка Греза. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нее.

Вы заглядѣлись, какъ я хозяйничаю, сказала она подавая мнѣ столикъ, прошу не судить, по русской пословицѣ «чѣмъ богаты тѣмъ и рады,» мы живемъ не домомъ, стоимъ въ гостинницѣ, а la guerre comme à la guerre.

Какъ не ужели этотъ приборъ не вашъ, а подается вамъ изъ гостинницы.

Да, мужъ мой собираясь ѣхать сюда, и напуганной, что ничего нельзя достать порядочнаго въ Москвѣ, вообразилъ что здѣшнія гостинницы ни чѣмъ не лучше Испанскихъ вендъ или Азіятскихъ караванъ-сараевъ, приказалъ было моему управляющему нанять особенную квартиру, прилично обмеблировать ее, озаботиться пріисканіемъ прислуги, собрать экипажъ, купить мебель и посуду. Но благодаря полковнику Т***, который занимается нашими дѣлами, мы безъ лишнихъ тратъ очень удобно помѣстились въ гостинницѣ Варьгина. Почтенной полковникъ дожидалъ насъ на желѣзной дорогѣ и прямо проводилъ сюда. Здѣсь мы занимаемъ семь комнатъ; кромѣ четырехъ, которыя вы видѣли, въ нашемъ распоряженіи еще три, кабинетъ моего мужа, наша спальня и комната пани Козильды, моей гардеробянки.

И какъ это все прекрасно меблировано, сказалъ я осматривая вокругъ себя.

Да, здѣсь довольно опрятно и покойно. Къ тому же хозяинъ былъ такъ любезенъ, что сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны, которыя я его просила. Вотъ въ этой комнатѣ вмѣсто бархатныхъ портьеровъ висѣли штофныя, они были бы и хороши, да мнѣ не нравился

Digitized by Google

цвѣтъ, онъ не гармонировалъ съ обоями; въ гостиной онъ перемѣнилъ мебель, здѣсь стояла мягкая, обитая трипомъ, теперь какъ видите орѣховая во вкусѣ à la renaissance и обита бѣлою бракотелью, по которой раскиданы заткапные букеты. Съ мебелью надобно было перемѣнить и ковры — мнѣ привезли цѣлой возъ и я сама выбрала какія мнѣ хотѣлось; разумѣется, драпери были также повѣшены новыя.

— А посуда, чайной приборъ, серебро? спросилъ я.

— О это съ перваго раза все было подано прекрасно, лучше не надо и желать, равно какъ столоваго и спальнаго бѣлья.

— Какъ, у васъ спальное бѣлье отъ хозяина.

— Разумѣется да, неужели намъ было тащить его изъ Петербурга. Варьгинъ балуетъ своихъ жильцовъ до нельзя—мнѣ захотѣлось имѣть ванну и въ комнатѣ моей Козильды, вмѣстѣ съ купальнымъ шкапомъ, поставили прекрасную мраморную ванну.

— Все это прекрасно, сказалъ въ свою очередь князь, но вотъ и чѣмъ болѣе всего доволенъ, такъ это столомъ, здѣшній кухмистеръ кормитъ отменно хорошо.

И вообразите, русской поваръ говоритъ порядочно по французски! вскричала княгиня.

— А! здѣсь вѣрно готовитъ Денисъ?

— Кажется, что его зовутъ такъ.

— Онъ учился въ Парижѣ въ Rocher de cancaille.

Браво! кулинарное искусство проникнуло и сюда, подхватила княгиня.

Между тѣмъ чай отпили. Княгиня закурила ароматическую жакесу, намъ безъ церемоніи подали гаванскія сигары, и бесѣда, снова пошла самая дружеская, самая задушевная.

Было уже поздно. Я хотѣлъ откланяться и ѣхать домой. Милые хозяева мои уговорили остаться съ ними ужинать.

— Я привыкла ужинать, говорила княгиня, какъ настоящая русская, а теперь какъ жительница Москвы, почитаю обязанностью, каждодневно совершать это.

До ужина оставалось еще много времени; мы снова начали болтать и разговоръ склонился объ музыкѣ; мы заспорили объ какой-то оперѣ; я утверждалъ, что въ нѣмецкой музыкѣ нѣтъ той сердечной страсти, которая проявляется въ операхъ итальянскихъ композиторовъ. Вмѣсто опроверженія Анна Сергѣевна подошла къ роялю Вирта, сѣла за него и пропѣла арію изъ Гугенотовъ.

Digitized by Google

У ней былъ маленькой голосъ, но прекрасно обработанный, и она умѣла владѣть имъ.

— Что скажете, сказала она смотря на меня; конечно я не примадонна, у меня нѣтъ физическихъ средствъ, но согласитесь, что и въ экскизѣ можно видѣть прелесть картины? я не могъ не согласиться съ словами прекрасной женщины.

— А каковъ инструментъ? продолжала она перебирая клавишы.

— Прекрасной, отвѣчалъ я.

— Варьгинъ предоставилъ мнѣ выбрать такой, какой я хотѣла.

— Это въ высшей степени баловство, сказалъ я ей.

— Да можно баловать, произнесъ князь, мы ему платимъ 800 руб. сереб. въ мѣсяцъ....

— Немного, прервала княгиня, право для меня непонятно какія онъ извлекаетъ тутъ выгоды: вообразите, что мы проживаемъ съ квартирой, прислугой, со столомъ и экипажемъ, это все отъ хозяина, не болѣе 2000 руб. сер., въ мѣсяцъ; право, чтобы соблюсти экономію надобно переселиться къ вамъ въ Москву.

— Жить у Варьгина, сказалъ я улыбаясь.

— Именно у Варьгина, отвѣчала она, и снова запѣла романсъ Глинки.

«Уймитесь волненія страсти»
«Засни безнадежное сердце»

Въ половинѣ втораго подали ужинать. Столъ состоялъ, изъ судака подъ устрицами, жаренаго каплуна, блюда артишоковъ, и ананаснаго жиле. Какъ вы видите, кушаньевъ было не много, но они были приготовлены вкусно и поданы изящно. Распивши втроемъ бутылку шампанскаго, я распрощался съ княземъ В*** и его супругой, будучи вполнѣ доволенъ своимъ вечеромъ, проведеннымъ въ радушномъ ихъ обществѣ.

Въ другой разъ судьба привела меня пировать въ гостинницѣ Варьгина, на свадьбѣ у одного иностранца. Великолѣпное освѣщеніе, сервировка стола и прислуга были отъ хозяина. Пиръ былъ на славу, и прекрасно меблированныя залы мнѣ показались еще великолѣпнѣе, чѣмъ въ квартирѣ князя В***.

Впрочемъ не одни только князья, да аристократы по породѣ, помѣщаются въ этомъ заведеніи—нѣтъ, здѣсь часто квартируютъ и тѣ аристократы изъ міра художествъ и изящныхъ искусствъ, которые пріѣзжаютъ къ намъ въ Москву. поглядѣть на нее и себя по-

Digitized by Google

казать. Впрочемъ эту честь съ гостинницей Варгина раздѣляетъ и бывшее заведеніе Говарда, которое находится на большой Дмитровкѣ, рядомъ съ домомъ Мельгунова, что противъ купеческаго собранія. Гостинница Говарда, ни чѣмъ не уступаетъ Варгиной, она еще преимуществуетъ передъ ней тѣмъ, что въ ней не болѣе трехъ номеровъ, стало быть она имѣетъ характеръ обыкновенной квартиры, а не гостинницы, подъ часъ шумной и безпокойной. Фанни Эльслеръ, въ бытность свою въ Москвѣ стояла въ гостинницѣ Говарда.

Вмѣстѣ съ этими двумя заведеніями Hotel de France, содержимая Морелемъ, на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Михалкова, на углу Петровской улицы; гостинница Шевалье, въ собственномъ его домѣ, въ Старогазетномъ переулкѣ, между Дмитровкой и Тверской, и гостинница Дрезденъ въ домѣ Попова, на Тверской площади, противъ Варгина, пользуются репутаціей первоклассныхъ Московскихъ гостинницъ. Здѣсь вы найдете роскошно меблированныя номера, хорошо изготовленный, въ особенности у Шевалье, столъ, чистое и тонкое бѣлье, однимъ словомъ все, что необходимо для богатаго и роскошнаго путешественника. Съ тою только разницею, что здѣсь не такъ какъ у Варгина и Говарда, можно найти помѣщеніе и не до чрезвычайности дорогое, въ особенности господинъ Шевалье придумавъ и самые чердаки своего дома приспособить для человѣческаго жилья, отдаетъ маленькія коморки, за сущую бездѣлицу, за два руб. сер., въ сутки! Вы можетъ быть скажете, что это дорого, но вспомните, что вы будете имѣть честь жить у перваго Московскаго ресторатора, что ваша комната, которая не много менѣе посажирской каюты на купеческомъ кораблѣ, очень опрятна, что вамъ подадутъ бѣлье, точь въ точь такое же, какъ и въ первой номеръ, которой ходитъ за триста цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, и вы согласитесь, что Шевалье беретъ умѣренную плату за свою канурку. Въ этой гостинницѣ, по большой части, останавливаются пріѣзжіе иностранцы; разумѣется не малое удовольствіе, встрѣтить земляковъ на чужой сторонѣ, и эти господа пріѣхавши въ Россію наживать деньги, иногда даже очень легкимъ образомъ, не тяготятся высокими цѣнами своего ресторатора. У Мореля болѣе всего останавливаются холостые львы и богатые молодые люди. Гостинница, помѣщенная почти въ срединѣ города, близь Кузнецкаго моста, театровъ, клубовъ, снабженная проворной, смѣтливой прислугой, порядочнымъ поваромъ, отличнымъ бильярдомъ, привлекаетъ къ себѣ молодежъ. Здѣсь часто мотоватые жильцы устроиваютъ шумные праздники, на ко-

Digitized by Google

торыхъ безпрестанно хлопаютъ пробки, дребежжатъ фортопьяны, раздаются женскіе голоса, говорящія на всѣхъ европейскихъ діалектахъ; подъ часъ вся эта пирующая бесѣда пускается плясать французскую кадриль, съ тѣмъ же шикомъ, съ какимъ выплясываютъ ее въ Парижѣ, на призаставныхъ гуляньяхъ и на балахъ оперы; иногда эти танцы прерываются звонкимъ, пріятнымъ сопрано, и *легкая* пѣвица неожиданно потѣшитъ аріей Соннамбулы, или французскимъ романсомъ Массини, или русскою пѣснью Дюбюка. Ежели въ гостинницѣ Варгина живутъ роскошно, то у Мореля живутъ весело.

Лица важныя и должностныя, пріѣзжающія изъ Петербурга и губерній, желающія имѣть помѣщеніе приличное ихъ достоинству, и не до чрезвычайности обременительное для ихъ кармана, по большой части останавливаются въ Дрезденѣ. Здѣсь отъ трехъ сотъ до ста руб. въ мѣсяцъ они найдутъ довольно помѣстительную и очень прилично обмеблированную квартиру, не дурнаго повара, которой угодитъ даже и прихотливому вкусу записнаго гастронома, а главное какое то спокойствіе, ненарушимую тишину и приличіе въ этомъ заведеніи—гдѣ въ особенности мнѣ нравятся такъ называемые коридорные служители: они не ходятъ, а бѣгаютъ на цыпочкахъ; не успѣли вы отворить двери въ этотъ длинной коридоръ, какъ уже лакей передъ вами и вѣжливо, тихо, чуть чуть не въ полголоса спрашиваетъ васъ—кого вамъ надобно? — торопливо ведетъ васъ въ N, занимаемой вашимъ знакомымъ, или учтиво докладываетъ, что его нѣтъ дома, и внимательно сторожитъ, не покажется ли новое лицо, котораго онъ долженъ встрѣтить своимъ обычнымъ вопросомъ, «кого вамъ надобно?» Кажется этотъ человѣкъ неутомимо охраняетъ спокойствіе жильцовъ своего коридора. Сальви, Асандри, Рубини, и въ послѣднее время знаменитая Рашель, и весь жидовской кагалъ ея труппы жили въ гостинницѣ Дрезденъ.

Я это знаю, потому что въ ея квартирѣ я подписывался на абонементъ ея представленій и еще это мнѣ памятно по слѣдующему случаю.

Взявши билеты я отправился домой, схожу по лѣстницѣ къ подъѣзду и вижу, что у него стоитъ просторной рогоженой возокъ, заложенной тройкою ямскихъ лошадей; лакей одѣтый въ волчью шубу, крытую домашнимъ сукномъ, объясняется съ бариномъ, который громко кричитъ на него, говоря:

— Дуралей! я приказывалъ тебѣ везти меня на Тверскую въ гостинницу Германію, а ты куда меня привезъ? а! ну, чтожъ, говори?

— Батюшка, Ефимъ Никитьевичъ, вы говорили....

Digitized by Google

— Молчи! смѣешь говорить, когда баринъ гнѣвается! я тебѣ приказывалъ меня везти въ Германію—ты привезъ меня въ Дрезденъ. Развѣ это одно и тоже? а!—ну чтожъ говори?

Но служитель по видимому не хотѣлъ болѣе говорить, исполняя первоначальное приказаніе барина, то-есть молчать, когда онъ гнѣвается.

— Чтожь ты молчишь, дубина? раздался снова голосъ изъ возка.

— Да что тутъ ему говорить, папочка, раздался другой голосъ изъ глубины усадистаго экипажа, голосъ женской и до чрезвычайности пріятной, велите ѣхать въ Германію, и будетъ конецъ этому дѣлу.

— Хорошо тебѣ, Фимочка, говорить, да развѣ я знаю гдѣ Германія, про то долженъ знать извощикъ, да эта бестія разпросить еще на заставѣ.

— Ну, подумалъ я, ужъ этотъ баринъ не сверстникъ ли Митрофанушки Фонъ-Визина.

— Ахъ Боже мой, папочка, объ этомъ можно тѣперь спросить перваго кто встрѣтится.

— Пошелъ дуракъ—развѣдай.

— И лакей, отправившійся исполнять барское приказаніе, обернувшись прямо встрѣтился со мною носъ съ носомъ.

— Позвольте васъ....

— Но я, не отвѣчая ему, быстро подошелъ къ дорожному экипажу Ефима Никитьевича и въ крошечное окошечко протянулъ ему руку.

— Здравствуй Ефимъ Никитьевичь, какими судьбами вы здѣсь въ Москвѣ?

— Ахъ батюшка, отецъ родной, говорилъ помѣщикъ пожимая мою руку, вотъ неожиданность то! вотъ встрѣча! а я было хотѣлъ какъ пріѣду въ Москву послать за вами—у меня есть письмецо къ вамъ отъ вашего дядюшки.

Ефимъ Никитьевичь Напоринъ былъ Тамбовской помѣщикъ и ближайшій сосѣдъ мой и моего дяди полковника Андрея Ѳеодоровича Верятинова. Съ Напоринымъ я познакомился лѣтъ шесть тому назадъ, въ деревни моего родственника, потомъ не выѣзжая изъ Москвы, я было совсѣмъ утратилъ объ немъ воспоминаніе.

— Я очень радъ что избавилъ васъ отъ хлопотъ посылать за мною, сказалъ я. Но куда же вы ѣдете?

Digitized by Google

— Да вотъ въ Германію отецъ родной, а болванъ привезъ меня въ Дрезденъ.

— Что же здѣсь гостинница лучше, остановитесь здѣсь.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ батюшка, сосѣдъ мой Гамазеевъ, который прошлаго году остановился въ Дрезденѣ, сказывалъ мнѣ, что онъ сей часъ переселился изъ него и перевхалъ въ Германію. Шутка ли здѣсь въ сутки за номеръ берутъ пять руб. сер. — Это не по-карману намъ сѣрымъ дворянамъ. Гамазеевъ очень хвалилъ Германію, тамъ и дешево и хорошо.

— Пойдемте, я провожу васъ до вашей Германіи — это отсюда два шага.

Ефимъ Никитьевичъ вылезъ изъ своего экипажа, непремѣнно хотѣлъ меня представить, или какъ онъ выражался, сознакомить съ своей дочерью, которую я не зналъ, потому что, когда я былъ въ деревнѣ она находилась въ Петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ. Но я понимая, что молодой моей землячкѣ, измученной пяти сотъ верстнымъ путешествіемъ, избитой ухабами, совсѣмъ было не до знакомствъ, откланялся Ефиму Никитьевичу, обѣщая зайти завтра, и давно не бывавши у одного вѣковѣчнаго, постояннаго обитателя этой Германіи, завернулъ къ этому моему пріятелю.

Я засталъ Колязина, фамилія моего знакомаго, дома. Какъ истинной Московской тунеядецъ онъ, ничего не дѣлая, нигдѣ не служа, въ тишинѣ своей уединенной гостинницы и въ пріютахъ всѣхъ лѣнивцевъ, клубахъ, проѣдаетъ и проживаетъ свои доходы. Подъ часъ я люблю бесѣды моего Колязина, люблю когда онъ вооружившись, проповѣдуетъ противъ всеобщей нравственной гангрены — мотовства, комическимъ образомъ доказываетъ нелѣпость какой нибудь «мелкой сошки» желающей подражать манерами и образомъ жизни богатымъ аристократамъ. Колязинъ проповѣдуя умѣренность, самъ первый подаетъ примѣръ—онъ проживаетъ ровно столько же, сколько получаетъ. У него достаточно доходу чтобъ имѣть квартиру въ Германіи, обѣдъ изъ трехъ блюдъ, ужинъ въ клубѣ, иногда бутылку порядочнаго вина, годоваго извощика и нѣсколько свободныхъ денегъ для помощи бѣднымъ, болѣе онъ не желаетъ и не позволяетъ себѣ тратить.

Я разсказалъ Колязину о встрѣчѣ моей съ Напоринымъ. Онъ находилъ, что Ефимъ Никитьевичъ долженъ быть очень умнымъ человѣкомъ.

— Помилуй, душа моя, говорилъ Николай Сергѣевичъ (такъ зовутъ Колязина): я увѣренъ, что Гамбовской твой знакомецъ, че-

Digitized by Google

ловѣкъ въ полной степени благоразумной, ужъ только потому, что онъ остановился въ нашей гостинницѣ, она кажется создана для класса этихъ людей. Вообрази, что въ роскошныхъ комнатахъ Дрездена твой бы Напоринъ, раскидалъ по всѣмъ стульямъ и столамъ свой скарбъ, насорилъ бы во всѣхъ углахъ окурками жуковскаго табаку, вездѣ бы нагромоздилъ ящички и кулечки съ покупками, вздумалъ бы кушать, и ему подали въ фарфоровой чашечкѣ двѣ ложки съ половиной консоме, микроскопическую порцію маіонеза, блюдо зелени, жаренаго перепела и ложку московита съ двумя ванильными бисквитами — я увѣренъ, что въ три дня онъ умеръ бы отъ этого стола съ голоду, и за все заплатилъ бы цѣну, которая несообразна съ его доходами. Тогда какъ здѣсь, онъ можетъ грязнить номеръ какъ угодно—серенькія номера стѣнъ нашей Германіи будутъ гармонировать съ его окурками; полинялыя драпри этой гостинницы, очень приличны для украшенія оконъ покгауза, а столъ будетъ совершенно соотвѣтствовать вкусу твоего знакомаго: ему, я увѣренъ, подадутъ лѣнивыя или кислыя щи, кулебяку, ветчину подъ горошкомъ, сверестилей подъ краснымъ соусомъ, блюдо, которое я совершенно считаю излишнимъ, потому что оно нисколько не сытно; жареную телятину и вмѣсто пирожнаго, такъ называемое Кіевское варенье, которое варятъ здѣсь братья Абрикосовы, употребляя вмѣсто сахара патоку. Къ тому же сообрази десять руб. и полтора рубли серебромъ въ сутки за номеръ, полтора цѣлковыхъ и семдесятъ пять копѣекъ, или много-много цѣлковой за обѣдъ, и ты вникнувъ въ эту разность, вполнѣ сознаешься что твой Напоринъ умнѣйшій человѣкъ.

Послѣ того я былъ нѣсколько разъ у Ефима Никитьевича, познакомилъ съ нимъ Колязина, который былъ ему очень полезенъ,— Напоринъ пріѣхалъ въ Москву закупать приданое для своей дочери, и Колязинъ великой знатокъ въ мѣхахъ, выбиралъ для Евфиміи Ефимовны салопъ. Я даже потомъ подозрѣвалъ, что Колязинъ неравнодушенъ былъ къ моей сосѣдкѣ, и только потому, что она уже была невѣстой, не объяснился въ своей любви и не посватался къ ней—Колязинъ былъ всегда образцемъ рыцарской честности.

Гостинница Шевалдышева, на Тверской улицѣ, въ собственномъ его домѣ, и гостинница Лондонъ, въ Охотномъ ряду, рядомъ съ домомъ благороднаго собранія, также какъ и Германія, принадлежатъ къ второкласнымъ Московскимъ гостинницамъ, съ тою только разницею отъ послѣдней, что тамъ комнаты почище, прислуга ловчѣе, въ Лондонѣ и столъ получше, за то въ обѣихъ этихъ гостинницахъ,

Digitized by Google

противъ тихой Германіи и подороже. У Шевалдышева сверхъ того внизу устроенъ такъ называемой «общій столъ» или по просту ресторація.

У Шевалдышева бываетъ всегда много жильцовъ—это по причинѣ его старинной славы. Когда-то онъ содержалъ гостинницу для пріѣзжающихъ, на Тверской же улицѣ, въ домѣ бывшемъ Кусовникова, которой составляетъ уголъ Тверской улицы и Охотнаго ряда. Гостинница его была въ родѣ теперешней, но тогда публика не была такъ требовательна, какъ въ настоящую эпоху, мало было пріѣзжихъ иностранцевъ, петербургскіе жители завертывали въ Москву рѣдко, а помѣщики изъ замосковныхъ губерній, пріѣзжавшіе на зиму въ Москву, и останавливавшіеся у Шевалдышева на время, до тѣхъ поръ, покуда пріищутъ себѣ удобную квартиру, имѣя все съ собою, не требовали отъ своего хозяина ни особенной опрятности комнатъ, ни постельнаго, ни даже тонкаго столоваго бѣлья; не гнѣвались когда столъ былъ плохо сервированъ, не почитая необходимостью кушать серебряными ножемъ и вилкою съ фаянсовой тарелки. Къ тому же и поваръ въ то время у Шевалдышева былъ лучше теперешняго, это можно судить по тому, что тогда у него въ общемъ столѣ собиралось довольно многочисленное общество, которое единодушно отдавало должную справедливость его «запонированнымъ котлетамъ.» Теперь на старомъ мѣстѣ Шевалдышевской гостинницы находится гостинница Парижъ, которая съ подобнымъ же заведеніемъ, находящимся противъ нее въ домѣ Васильчикова подъ названіемъ Римъ, почти ни чѣмъ не различествуетъ отъ достопочтенной Германіи. Это удобные караванъ-сараи для нашихъ степныхъ помѣщиковъ.

На Кузнецкомъ мосту находится старинная гостинница Лейпцигъ, она очень давно существуетъ на этомъ мѣстѣ, и доставляетъ первое убѣжище небогатымъ иностранцамъ, пріѣзжающимъ въ Москву наживать деньги; ловкимъ француженкамъ, которыя пріѣзжаютъ сюда торговать всѣмъ, чѣмъ вамъ угодно и богатой молодежи нашихъ степныхъ губерній, которыя получивъ наслѣдство спѣшатъ въ Москву сдѣлать въ отношеніи его первыя распоряженія т.-е. заложить или переложить въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ. Впрочемъ будемъ снисходительны къ молодымъ людямъ, страсти иногда обуреваютъ людей и не въ юныя лѣта. Вотъ произшествіе случившееся съ однимъ достопочтеннымъ господиномъ, которому было уже лѣтъ подъ шестдесятъ.

Digitized by Google

Степанъ Иринарховичъ Недорожинъ, отслуживъ вѣрой и правдой Государю и Отечеству, вышедши въ отставку, съ чиномъ полковника, поселившись въ деревнѣ, по обычаю всѣхъ истинныхъ помѣщиковъ, пожелалъ принять на себя семейныя узы—т.-е. просто на просто онъ женился. Степанъ Иринарховичъ былъ человѣкъ порядочной, а потому и не сочетался бракомъ съ какою нибудь доморощенной Акулькой или Матрешкой—нѣтъ, не желая быть «холостымъ отцемъ семейства,» онъ выбралъ себѣ въ подруги жизни, дочь своего сосѣда Елену Дмитріевну Большегрибову. Елена Дмитріевна воспитывалась въ институтѣ, потомъ жила при своей родительницѣ, женщинѣ хотя стараго вѣка, но очень умной и домовитой хозяйкѣ. Леночка, такъ звали ее отецъ и мать, была единственной дочерью. Владѣнія Большегрибовыхъ было смежно съ владѣніями Недорожина, по пословицѣ «дорога борозда къ загону». Большегрибовка очень нравилась моему полковнику, а въ силу аргумента другой поговорки «не купи деревни; купи сосѣда,» видя, что нельзя преобрѣсти желанной деревни, Недорожинъ рѣшился купить свою сосѣдку съ ея деревней и за обладаніе ею заплатилъ своею рукою. Онъ зажилъ счастливо съ молодой своей супругой: утромъ хозяйство, послѣ обѣда отдыхъ, вечеромъ чтеніе Московскихъ газетъ и Сѣверной пчелы, по праздникамъ поѣздка въ церковь, посѣщеніе знакомыхъ и всегда изобильной столъ и крѣпкой сонъ, составляли верхъ благополучія отставнаго полковника, у котораго съ лѣтами пропадала его военная выправка, и спустя лѣтъ пять или шесть послѣ его женитьбы, никто бы изъ его товарищей, въ растолстѣвшемъ, посѣдѣвшемъ и одышливомъ Недорожинѣ, не узнали бы того лихаго гусара, у котораго, бывало, какъ у героя Давыдовской пѣсни.

Ментикъ съ вихоремъ играетъ,
Конь храпитъ подъ сѣдокомъ,
Сабля свищетъ, врагъ валится,
Бой умолкъ — и вечеркомъ,
Снова ковшикъ шевелится.

Да, Степанъ Иринарховичъ совершенно отвыкъ отъ всѣхъ гусарскихъ привычекъ; онъ и хмѣльнаго употреблялъ только передъ обѣдомъ, да передъ ужиномъ по чаркѣ водки, а вина не пилъ никакого — онъ почиталъ это для себя очень дорогимъ, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ у него прибавилось семейство. Богъ даровалъ ему двухъ дочерей Ольгу Степановну, которую мать звала Олиной, а онъ Линой, и Марѳу Степановну, которую они переименовали въ

Digitized by Google

Мирточку. Недорожинъ непременно хотѣлъ оставить послѣ себя каждой своей дочери столько же имѣнія, сколько у него было вообще съ Еленой Дмитріевной, то есть для исполненія этого чадолюбиваго желанія ему надобно было удвоить свое состояніе. Между тѣмъ и образованіе своимъ дочерямъ ему хотѣлось дать приличное своему званію и богатству, однако онъ хлопоталъ, чтобъ расходъ на эту статью былъ какъ можно умѣреннѣе. Учитель гимназіи, исключенный изъ службы за нетрезвое поведеніе, былъ взятъ имъ за ничтожную плату. Подъ надзоромъ Елены Дмитріевны, Платонъ Платоновичъ Килька училъ барышень всѣмъ наукамъ, и надобно отдать справедливость, Килька былъ человѣкъ образованный и очень способный образовывать другихъ — въ немъ былъ одинъ порокъ, какъ мы говорили ваше — невоздержность къ горячимъ напиткамъ, но эта невоздержанность проявлялась у него не каждодневно, а бывала временно т. е. онъ пивалъ запоемъ. Тогда, ежели случится съ учителемъ такой «Казусъ» какъ выражался Ѳомка, камердинеръ Степана Иринарховича, Килька дѣлался боленъ недѣли на двѣ или на три, не выходилъ, или лучше сказать его не выпускали изъ его комнатъ и постепенно, понемногу вытрезвливали; потомъ Ѳомка отправлялся съ нимъ въ баню, давалъ отъ запою какое то питье, нашептанное скотницей Василисой, выбривалъ его и представлялъ своему помѣщику. Степанъ Иринарховичъ дѣлалъ приличное наставленіе наставнику своихъ дочерей, и за этимъ все приходило въ обыкновенный порядокъ. Для преподаванія необходимаго французскаго языка была выписана по газетамъ изъ Москвы мадамъ, и хотя Елеонора Карловна Сиго увѣряла, что она истинная Парижанка, будучи урожденной Монбельяра, но она правильно болтала на французскомъ языкѣ, могла преподавать граматику по руководству Ломонда — чего же было болѣе отъ нее требовать за триста рублей серебромъ въ годъ. Но старушка Сиго, которая пріобрѣла особенное расположеніе Елены Дмитріевны, какъ то простудилась и умерла. Липочка и Мирточка горько плакали на ея похоронахъ, потомъ цѣлое лѣто украшали крестъ поставленной надъ могилою француженки цвѣточными гирляндами, и читали въ память ея на кладбищѣ Meditation Ламартина.

Однакоже заботливымъ родителямъ надобно было подумать о новой учительницѣ для своихъ дочекъ, къ тому же имъ хотѣлось, чтобъ новая преподавательница знала музыку и могла учить играть на фортопьянахъ и Липочку и Мирточку. Въ слѣдствіе этаго Степанъ Иринарховичъ отправился въ Москву, по его собственному

Digitized by Google

выраженію отыскивать «Мамзель съ музыкой.» Къ тому же было публиковано отъ опекунскаго совѣта о продажѣ съ аукціоннаго торга сосѣдственнаго имѣнія, и Недорожинъ, желая пріобрѣсти его, послѣ крещенія явился въ нашу столицу.

Извощикъ съ послѣдней станціи привезъ полковника въ гостинницу Лейпцигъ. Полковникъ нашелъ, что помѣщеніе не очень дорого и удобно — недалеко отъ Опекунскаго совѣта и на самомъ кузнецкомъ мосту, гдѣ живутъ мамзели всѣхъ родовъ. Онъ расположился въ номерѣ съ неменьшимъ порядкомъ и опрятностью, какъ на бивакѣ. На другой день часу въ шестомъ вечера, только лишь Ѳомка принесъ самоваръ, и Степанъ Иринарховичъ засыпавъ чаю, покудова онъ настоится, пробѣгалъ листокъ полицейскихъ вѣдомостей, отыскывая въ немъ публикаціи о гувернерахъ и гувернаткахъ, думая какъ нибудь попасть на мамзель съ музыкой, какъ вдругъ кто то постучался къ нему въ двери.

Отопри и посмотри кто тамъ, сказалъ Недорожинъ своему камердинеру, не спуская глазъ съ газеты.

Не болѣе какъ черезъ минуту Ѳома взошелъ въ комнату и доложилъ барину, что Меркулъ Меркуловичъ Худосоковъ желаетъ его видѣть.

— Худосоковъ? какой Худосоковъ?

— Не знаю-съ, говорятъ, что съ вами служили-съ.

— Проси.

И служитель, отворя дверь, впустилъ господина не молодыхъ уже лѣтъ, средняго роста, худощаваго, очень блѣднаго, одѣтаго прилично, имѣющаго ласковой взглядъ и вкрадчивой голосъ.

— Мое почтеніе Степанъ Иринарховичъ, сказалъ онъ подходя съ пріятностью и протягивая руку къ Недорожину, который смотрѣлъ на него во всѣ глаза, вы не узнаете меня, продолжалъ онъ говорить съ улыбкой.

— Извините — не припомню.

— Вѣдь вы изволили служить въ ***скомъ гусарскомъ полку?

— Точно такъ-съ.

— Я имѣлъ честь быть въ вашемъ эскадронѣ корнетомъ, когда вы стояли въ *** у купчихи Дурыкиной.

Теперь Степанъ Иринарховичъ вспомнилъ корнета Худосокова— повѣсу изъ повѣсъ, буяна, картежника и по требованію общества офицеровъ выключеннаго изъ службы какъ человѣка, который не-

Digitized by Google

приличнымъ поведеніемъ маскетъ мундиръ ихъ. Но можно ли было узнать буяна Худосокова въ этомъ благообразномъ и скромномъ старичкѣ.

Ахъ извините, теперь я васъ вспомнилъ, вы ужасно перемѣнились.

— Да, ваша правда, я совершенно измѣнился, постарѣлъ, давно уже женатъ, живу постоянно въ Москвѣ, имѣю дѣтей, и вотъ сей часъ бывши у своего знакомаго, которой стоитъ рядомъ съ вами, узналъ, что бывшій командиръ мой здѣсь, явился къ вамъ, чтобъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе. Все это было сказано съ какою то пріятною улыбкою и самымъ тихимъ, ласкающимъ голосомъ.

Очень радъ, очень радъ встрѣтить васъ Меркулъ Меркуловичь, милости просимъ садится, не угодно ли вамъ чаю.

Съ удовольствіемъ, покорно васъ благодарю. На долго вы къ намъ въ Москву?

А вотъ только найду для дочерей мамзель съ музыкой и поторгуюсь на имѣніе въ опекунскомъ совѣтѣ?

— Большое имѣніе вы хотите купить.

— Нѣтъ, подлѣ меня есть деревня Пупышки, душъ пятьдесятъ: такъ знаете—того—.... къ межѣ.

— А дочки у васъ большія?

— Липочкѣ пятнадцать лѣтъ, Мирточкѣ двѣнадцать.

— Такъ съ, стало быть вамъ надобно гувернантку?

— Да, мнѣ бы хотѣлось такую, которая бы знала музыку.

— У меня есть знакомая, очень милая и талантливая дѣвушка.

— Француженка?

— Нѣтъ, она Швейцарка, изъ Лозаны, но прекрасно знаетъ по французски, а музыкантша отличная.

— Можетъ быть дорога?

— Нѣтъ, она за цѣною не погонится, лишь бы ей поступить куда нибудь въ скромное и почтенное семейство. Супруга ваша вѣдь здравствуетъ?

— Да.

— Ну такъ вы сладитесь съ мамзель Доре.

— Вы ее знаете хорошо?

— Родственница ея жила у меня въ домѣ, такъ она часто бывала у насъ.

— Вы меня обяжете, ежели пришлете ее ко мнѣ.

Digitized by Google

— Съ удовольствіемъ. — И разговоръ перешелъ на другіе предметы. Ласковой Меркулъ Меркуловичъ обворожилъ Недорожина такъ, что на другой день онъ обѣщалъ быть у него.

Худосоковъ радушно принялъ своего бывшаго начальника, представилъ нашего провинціала женѣ своей, потомъ уговорилъ его ѣхать съ собою обѣдать въ Англинской клубъ. Здѣсь Степанъ Иринарховичъ нашелъ много давнишнихъ своихъ знакомыхъ, познакомился съ пріятелями Меркула Меркуловича; за обѣдомъ какой то грекъ, армянинъ или жидъ, Богъ его знаетъ, велѣлъ подать шампанскаго; Худосоковъ и другіе послѣдовали его примѣру, игристое Ай запѣнилось въ бокалахъ. и даже нашъ расчетливой помѣщикъ разорился на бутылку Редереру. Первой шагъ былъ сдѣланъ, Недорожину показалось, что онъ помолодѣлъ двадцатью годами, онъ раскутился и послѣ обѣда запылала зженка.

— А гдѣ Каплинъ? спросилъ одинъ изъ пирующихъ.

— Каплинъ славной малой, но молодъ, онъ связался играть съ Мураторывымъ, опытнымъ игрокомъ и тотъ пользуется его горячностью и неопытностью.

— Жаль Каплина, право жаль — онъ хорошій товарищъ.

— Знаете ли что, господа сказалъ Худосоковъ, онъ насъ не послушаетъ, Мураторовъ его обретъ, для перелому счастья ему надобно бы было взять придерживать себѣ какое нибудь новое лицо.

— Чего же лучше Степанъ Иринарховича.

— Извините господа, я не играю.

— Да вы держите только копейку въ рублѣ и сядете играть за Каплина.

— Право не могу. Да къ тому же я совсѣмъ отвыкъ отъ игры.

— Господа, вскричалъ Худосоковъ, я сей часъ улажу дѣло. Пошлите за Каплинымъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился блѣдной, плотно остриженой молодой человѣкъ.

— Ну, что Костя? спросилъ Худосоковъ.

— Опять проигралъ.

— Много?

— Двѣ тысячи серебромъ.

— Я къ тебѣ съ просьбой.

— Съ какой?

Digitized by Google

— Возми себѣ товарища.

— Отстаньте, никого не хочу.

— Вотъ мой бывшій начальникъ Степанъ Иринарховичъ, хочетъ передѣлаться съ твоимъ Мураторывымъ, это братъ старой ковачь, давнишній гусаръ.

Недорожинъ хотѣлъ было противорѣчить этому предложенію Меркула Меркуловича, но тотъ отведя его въ сторону уговорилъ его сѣсть играть, а выигрышъ и проигрышъ онъ беретъ на себя. Степанъ Иринарховичъ согласился. Новаго витязя зеленаго поля торжественно повели въ комнату. Игра началась. Недорожинъ игралъ какъ угорѣлой, Мураторовъ точно какъ сонной; одинъ все прибавлялъ кушъ, другой просматривалъ фигуры и прощитывалъ карты. Степанъ Иринарховичъ выигралъ Каплину и Худосокову три тысячи рублей серебромъ. У него разбѣжались глаза на кредитные билеты, когда Мураторовъ началъ отсчитывать ему проигранную сумму. Зачѣмъ эти деньги не мои? подумалъ онъ и вздохнулъ. Новые друзья его утащили въ каминную, гдѣ снова явилось Шампанское, и уже послѣ повѣстки Худосоковъ отвезъ Недорожина на его квартиру.

На другой день Меркулъ Меркуловичь явился въ Лейпцигъ съ Каплинымъ, который пріѣхалъ благодарить Степана Иринарховича за то, что онъ вчера отыгралъ его. Самолюбіе Недорожина было затронуто.

Да сударь, да, говорилъ онъ, игрывали-ста и мы, да теперь все уплыло по вешней водѣ, обабился я, сдѣлался даже сѣдымъ и хлопочу день и ночь для блага своихъ дѣтей.

Похваламъ его семейнымъ добродѣтелямъ не было конца.

Худосоковъ сказалъ, что сегодня въ два часа къ нему явится Доре, мамзель съ музыкой. Каплинъ убѣждалъ его ѣхать завтракать къ Шевалье, прося позволенія угостить его на свой счетъ.

Что же, думалъ Недорожинъ, я его вчера обязалъ и вправѣ принять угощеніе отъ молодаго человѣка. Онъ поѣхалъ.

У Шевалье подали имъ устрицъ, окровавленной бифъ-штексъ, отличное ель и застывшее шампанское. Но въ половинѣ втораго, Худосоковъ напомнилъ Степану Иринарховичу, что Доре скоро явится къ нему, и онъ, какъ говорится, порядочно подгулявши отправился домой.

Только лишь онъ успѣлъ пріѣхать, какъ Ѳомка доложилъ ему: что какая то «губернерка» желаетъ его видѣть. Онъ велѣлъ просить.

Digitized by Google

И къ нему взошла молодая женщина лѣтъ двадцати двухъ, средняго росту, прекрасно сложенная; черной атласной капотъ обрисовывалъ ея гибкую талію, вуаль спущеной съ бархатной шляпки, полузакрывая ея хорошенькое личико и черные блестящіе глаза, казалось дѣлалъ ихъ еще привлекательнѣе, на рукахъ были французскія перчатки цвѣта резеды и маленькая ножка обутая въ щегольскіе полусапожки, какъ будто бы не нарочно выглядывала изъ подъ платья. Отъ всей этой особы вѣяло этимъ обоятельнымъ запахомъ тонкихъ французскихъ духовъ, который раздражая нервы, какъ будто бы призываетъ васъ къ чувственности. Вспомните, что Степанъ Ириларховичь хорошо позавтракалъ у Шевалье, ель и шампанское колобродили въ его жилахъ, француженка была очень соблазнительна и — вы поймете почему, спустя два часа, онъ и не слыхавши ея игры, увѣренъ былъ, что она отличная музыкантша. Вечеромъ, вѣроятно для заключенія контракта, онъ ужиналъ съ нею у Шевалье и подарилъ ей, конечно уже не въ задатокъ ея жалованья, брильянтовую браслету.

Съ этого дня Худосоковъ сдѣлался его неразлучнымъ другомъ. Меркулъ Миркуловичь уговорилъ его играть за самаго себя. Сначало счастіе везло ему, но потомъ онъ спустилъ не только все, что выигралъ, но и большую часть привезенныхъ съ собою денегъ на покупку имѣнія. Въ день торга Худосоковъ снабдилъ его нѣсколькими тысячами рублей, однако онъ не купилъ деревни Пупышки: какой то полной господинъ по довѣренности отъ какой то барыни, нанесъ огромную сумму. Съ горя, что ему не удалась покупка, Недорожинъ поѣхалъ въ клубъ проиграть остальныя свои деньги и часть занятыхъ у Меркула Меркуловича. Грусть взяла бѣднаго полковника, Ѳома не будучи повѣренымъ своего барина, понималъ его горе и только радовался тому, что проклятая «губернерка» давно не кажетъ глазъ своихъ. Нѣсколько разъ вѣрной служитель намекалъ своему господину, что пора бы де вернутся и во свояси. Но всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Убирайся прочь дуракъ» и Степанъ Ириларховичь уходилъ въ другой клубъ, куда какъ то перешла игра и гдѣ онъ сдѣлался членомъ.

А дни проходили за днями, вотъ уже миновался мясоѣдъ, прошла шумная масляница, наступилъ великой постъ; Степанъ Ириларховичь все еще оставался въ Москвѣ, занималъ одиннадцатую тысячу у своего друга Меркула Меркуловича, и писалъ къ женѣ, что онъ по сію пору все ищетъ «мамзели съ музыкой» впрочемъ потомъ и совсѣмъ пересталъ онъ писать.

Digitized by Google

Вотъ однажды съ растерзанной душой, послѣ новаго проигрыша, онъ возвращался изъ клуба въ свой Лейпцигъ. Поворотивши съ Петровки на кузнецкой мостъ, онъ обомлѣлъ: — въ окнахъ его номера былъ виденъ огонь; онъ зналъ, что безъ него никто не могъ быть, Ѳома никогда не сидитъ въ пріемной комнатѣ — сомнѣнія нѣтъ, вѣрно пріѣхала жена!... какъ онъ покажется къ ней?... какими глазами онъ будетъ смотрѣть на нее?... и самъ какъ жена Лота окаменелымъ столбомъ, стоялъ неподвижно устремивъ свои взоры на освященныя окны своей комнаты; этотъ свѣтъ въ эти минуты казался ему страшнѣе огня низпавшаго на Содомъ и Гоморъ. Но не ночевать же было на улицѣ, и онъ съ сердечнымъ трепетомъ сталъ подыматься по лѣстницѣ своей гостинницы.

Степанъ Ириархович не ошибся: только лишь онъ отворилъ двери, какъ Елена Дмитріевна кинулася къ нему на шею.

Стефанъ, cher Стефаночка, закричала она, обнимая его, я думала, что ты уже умеръ.

Но онъ стоялъ блѣдной, неподвижной и грустной.

Леночка, другъ мой, Леночка! мы виноваты! произнесъ онъ со вздохомъ.

— Ты грустенъ? ты виноватъ? — что съ тобою сдѣлалось?

— Я проигралъ всѣ деньги, которыя взялъ съ собою изъ деревни.

— Что же дѣлать, мой другъ, деньги были твои, и стоитъ ли изъ нихъ такъ убиваться.

— Милая Леночка, этого мало, мы еще виноваты.

— Что же такое?

— Я занялъ на честное слово, подъ росписки, у одного пріятеля, или лучше сказать, какъ я теперь вижу у мошенника, одиннадцать тысячъ рублей серебромъ.

— Да—это многонько. Но, что же дѣлать, я привезла съ собою свои ломбардные билеты, эти деньги мои, но они также принадлежатъ и тебѣ, потому, что у меня нѣтъ ничего рознаго съ тобою, расплатись съ своимъ знакомымъ и поѣдемъ въ деревню.

— Нельзя, мой другъ — мы виноваты! о Боже мой! надобно все тебѣ сказать — мнѣ необходимо еще остаться нѣсколько времени въ Москвѣ — я лечусь...

Барыня отскочила отъ него, какъ ужаленая змѣей. Но потомъ она скоро переломила себя, съ ласковой улыбкой она подошла къ своему мужу, и пожимая его руку, произнесла сквозь слезы.

Digitized by Google

— Какъ быть, мы, Стефаночка, пробудемъ въ Москвѣ, покуда ты совершенно не оправишься.

Съ этихъ поръ Елена Дмитріевна не отпускала отъ себя ни на шагъ Стефана Иринарховича, и не дозволяла ему заниматься прійскиваніемъ мамзели съ музыкой.

Недѣли черезъ четыре уже по просухѣ они отправились въ деревню, и черезъ годъ купили Пупыши, которыми владѣла супруга Худосокова. Меркулъ Меркуловичь всѣмъ говорилъ, что онъ продалъ ихъ съ убыткомъ, и только уступилъ изъ уваженія къ своему бывшему начальнику....

Многіе помѣщики, имѣя большія семейства и пріѣзжая на время въ Москву, останавливаются въ гостинницѣ Полторацкаго, получившей свое названіе отъ первоначальнаго владѣльца того дома, въ которомъ она находится; теперь, этотъ домъ, выходящій на Дмитровку, противъ дома Благороднаго Собранія и на Театральную площадь, противъ малаго театра, принадлежитъ господину Бронникову. Здѣсь вы можете имѣть не только номера разныхъ величинъ и цѣнъ, но даже цѣлыя отдѣленія изъ шести и семи комнатъ. Въ этомъ заведеніи въ верхнемъ этажѣ маленькія каютки отдаются по восмидесяти копеекъ серебромъ въ сутки. Я ничего не буду говорить о дешевизнѣ отдѣленій и номеровъ средняго этажа, дѣйствительно цѣны ихъ очень сходны. Помню я, разъ останавливался здѣсь мой пріятель Ж*** угостилъ меня ужиномъ, подали ветчину со ржавчиной, ноздреватую, потомъ подали мозги съ щавелемъ, которые имѣли букетъ щей сваренныхъ изъ кислой капусты, и жаренаго цыпленка, до того тощаго и сухаго, что онъ походилъ скорѣе на великопостной сухарь, чѣмъ на скоромное жаркое, а вмѣсто салата насъ угостили красной капустой, изобильно орошенной пивнымъ уксусомъ и чуть чуть попрысканной парижскимъ масломъ, которое имѣло запахъ деревяннаго. Еще — скажу прислужники въ номерахъ и отдѣленіяхъ до чрезвычайности не расторопные и до цинизма сально одѣты.

Однако не въ одной гостинницѣ Полторацкаго лакейство какъ будто щеголяетъ своимъ неуряшествомъ: не чище одѣты номерные прислужники и въ гостинницѣ Печкина, находящейся рядомъ съ его общимъ столомъ. Но по крайней мѣрѣ здѣсь вы найдете порядочной столъ и удовлетворительную по своей опрятности и щегольству сервировку.

Digitized by Google

Номера, находящіеся при гостинницахъ Курочкина, на Трубной площади въ домѣ Пегова, и Полтавы надъ семейными банями Ломакина въ Садовой, я полагаю врядъ ли предназначены для проѣзжающихъ или для постояннаго жилища семейныхъ людей.—Въ Полтавѣ можно найти порядочной столъ, благодаря искусству кухмейстера Круглова, которой, говорятъ, нѣсколько лѣтъ находился на кухнѣ господина М. С. Мельгунова и превосходно приготовляетъ на разные манеры рыбу. (*) Въ номерахъ Курочкина, или какъ ихъ называютъ по сію пору въ гостинницѣ Пегова, одно достоинство—тамъ подаютъ вина не иначе, какъ отъ Депре или Леве, стало быть лучшаго качества.

До открытія желѣзной дороги, всѣ наши лучшія Московскія гостинницы толпились на одной въѣзжей улицѣ изъ С. Петербурга — на Тверской, нѣкоторыя только изъ нихъ отшатнулись къ сторонѣ кузнецкаго моста, или помѣстились около охотнаго ряда; но когда вмѣстѣ съ дилижансами устроилась ѣзда и маль-постовая, тогда у мясницкихъ воротъ въ домѣ Засѣцкаго, покойный Нейманъ основалъ гостинницу Берлинъ; теперь же къ этимъ заведеніямъ той стороны, надобно причислить двѣ гостинницы близь желѣзной дороги.

Не знаю какъ теперь, но покойный Нейманъ умѣлъ посѣтителей Берлина и хорошо помѣстить и хорошо накормить, а что онъ былъ мастеръ своего дѣла, это доказывается тѣмъ, что онъ будучи экономомъ купеческаго собранія и подерживаемой безсмѣннымъ старшиной, теперь увы! также уже скончавшимся Я. С. Локтевымъ, это собраніе, совершенно уже падавшее, подналъ, и теперь оно богаче денежными средствами всѣхъ Московскихъ клубовъ. Ежели мы видѣли Неймана не утомимо хлопотавшаго въ дѣлѣ общественномъ, то можно судить, какъ онъ былъ заботливъ въ своемъ частномъ предпріятіи.

Лѣтъ тому восемь или девять назадъ, насъ на обычномъ сокольническомъ гуляньи, столкнулось человѣкъ шесть пріятелей и всѣ изъ насъ любили хорошо покушать. Время было позднее, всѣ мы сдѣлали порядочной моціонъ и у всѣхъ былъ возбужденъ аппетитъ.

— Не дурно бы было господа отправиться куда нибудь поужинать, сказалъ я, сидя на скамѣечки и водя тросточкой по бугристой дорожкѣ сокольническаго гулянья.

— Мысль прекрасная, сказалъ Матвей Алексѣевичъ О***, который былъ никогда не прочь отъ дружескихъ пирушекъ.

(*) Нынѣче Кругловъ отошелъ ужъ отъ этого мѣста.

Digitized by Google

— Поѣдемте въ клубъ, произнесъ Иванъ Андрѣевичъ Селиватиковъ.

— Зачѣмъ такъ далеко, сказалъ съ улыбкою докторъ Лимской, вашего любимаго марсала вездѣ можно достать.

— Развѣ въ Троицкое, тихо прошепталъ Огуминъ.

— Теперь будетъ поздно, отвѣчалъ я, и какъ хочешь, а уже окрошки видно тебѣ любезной Огуминъ не хлѣбать.

— А Николай Петровичъ любитъ окрошку, спросилъ инженерной капитанъ Петръ Ѳедоровичъ Клопко, который недавно изъ Полтавы пріѣхалъ въ Москву покупать кой-какія вещи къ своей свадьбѣ — онъ женится на сестрѣ студента Огумина.

— Однако же согласись любезный докторъ, что французская кухня—есть первенствующая кухня всѣхъ образованныхъ народовъ.

— Ну чтобъ эту кухню, съ ея жиденькимъ консоме, вонючимъ fromage de Brie, лягушками, дичиной съ букетомъ, т. е. по просту протухлой; то ли дѣло наши щи, окрошка, батвинья, бѣлужина подъ хрѣнкомъ, можайской поросенокъ.....

— Или бараній бокъ съ кашей, — сказалъ улыбаясь Матвѣй Алексѣевичъ.

— Да и бараній бокъ съ кашей.

— Который однако вы не позволяете мнѣ ѣсть.

— Это потому, что вы не совершенно здоровы теперь, вы имѣете —.... и докторъ готовъ былъ пуститься въ ученое описаніе болѣзни Матвѣя Алексѣевича.

— Постойте любезный эскулапъ, сказалъ я перерывая его, вы послѣ разскажете, какъ и отъ чего боленъ О***, а теперь прошу васъ возвратиться къ первоначальному моему предложенію и рѣшить большинствомъ голосовъ, куда намъ ѣхать ужинать.

— Ко мнѣ, произнесъ Клопко, это отсюда не далеко, и хозяинъ мой накормитъ насъ прекрасно.

— А гдѣ вы стоите, спросилъ Селиватиковъ.

— Въ гостинницѣ Неймана, въ Берлинѣ, у Мясницкихъ воротъ.

— Я согласенъ, произнесъ я.

— И я.

— И я.

— И я.

Digitized by Google

Одинъ Селиватиковъ не произнесъ своего согласія, но онъ былъ не такой человѣкъ, чтобъ отстать отъ пріятелей. Къ тому же Клопко увѣрилъ его, что угоститъ отличной марсалой.

Мы поѣхали.

Петръ Ѳедоровичъ ввелъ насъ въ свой нумеръ; онъ былъ не великъ, но паркетные полы, красивыя обои на стѣнахъ, покойная мебель, обитая полушелковымъ дамасомъ, такія же драперіи, бронза, зеркала и пушистые ковры украшали этотъ пріютъ удобства и даже можно сказать роскоши.

— Хозяинъ дома? спросилъ Клопко у коридорнаго.

— У себя.

— Попроси его къ намъ.

Черезъ пять минутъ Нейманъ явился къ своему жильцу.

— Herr Neimann, угостите насъ ужиномъ, да только получше.

— Извольте. .

— Вы можете подать все, что вамъ угодно, все, что у васъ есть лучшаго, но непремѣнно чтобъ была окрошка, а среди винъ, выборъ которыхъ я предоставляю вамъ, чтобъ была бутылка марсалы.

— Окрошка! марсала!! der Teufel! что за вкусъ.

— Худо ли это, хорошо ли, но чтобъ окрошка и марсала были непременно.

— Позвольте по крайней мѣрѣ, чтобъ окрошка была безъ сметаны.

— На это я согласенъ, сказалъ Огуминъ.

— Ну такъ я сдѣлаю ее при васъ здѣсь.

Минутъ черезъ пять мальчикъ принесъ мраморную плиту.

— Покуда это не очень съѣдомо, сказалъ Матвѣй Алексѣевичъ, закуривая цыгару. Но вотъ явился Нейманъ, теперь онъ былъ не въ своемъ вѣковѣчномъ синемъ фракѣ, на немъ была надѣта бѣлая куртка, фартукъ и повареной беретъ, за поясомъ торчалъ ножъ. За нимъ поваренокъ на блюдѣ несъ кусокъ телятины, пару рябчиковъ, филе жареной индѣйки и нашинкованные свѣжіе огурцы и зелень. Нейманъ, покуда накрывали нашъ столъ, собственноручно при насъ сталъ крошить мясо, работая на мраморной плитѣ, въ два ножа обоими руками разомъ.

Садитесь господа, сказалъ онъ, кушанье будетъ сей часъ готово.

Мы усѣлись за столъ. На немъ красовалась холодильная ваза съ двумя бутылками шампанскаго, бутылка шато-лафиту съ длинной пробкой дома Дюфуръ Дебаръ; бутылка шато-д'икему, красивая стклянка рейнъ-вейну и плебейская бутылка марсалы.

Digitized by Google

Водка заключалась въ графинчикѣ очищеннаго, подъ котораго лежала сельдь въ прованскомъ маслѣ и кусокъ пармезану.

Только лишь мы заняли мѣста за столомъ, поваренокъ принесъ бутылку мума (рейнъ-вейнъ мусё). Нейманъ ее откупорилъ, и пѣнистымъ виномъ накатилъ (поварское выраженіе—значитъ влилъ), искрошенное мясо и нашинкованную зелень.

— Вотъ вамъ окрошка, сказалъ онъ съ улыбкой, ставя ее на столъ.

Эта необыкновенная окрошка, съ виноградным игристымъ виномъ, вмѣсто кислыхъ щей, была очень вкусна.

Потомъ намъ подали соте изъ лососины, пожарскія котлеты подъ шампиньонами, блюдо раковъ, жаренаго каплуна и мороженое crême chinoise.

Нейманъ, какъ видите, отлично кормитъ своихъ постояльцевъ.

Съ открытіемъ желѣзной дороги, подлѣ станціи явились гостинницы для пріѣзжающихъ. Лучшая изъ нихъ *гостинница желѣзной дороги*, Пуаре. Прошлаго году съ начала зимы вся Москва туда ѣздила ѣсть кулебяки; вообще столъ у Пуаре очень удовлетворителенъ, номера не дороги и опрятны: видно что этимъ занимается человѣкъ знающій свое дѣло.

Въ той же сторонѣ находится гостинница Орлова, у Мясницкихъ воротъ, въ домѣ Святогора-Штепина, противъ гостинницы Берлинъ. Это почти тоже что подворьи, объ которыхъ я буду говорить ниже.

Пуаре содержалъ прежде такъ называемыя chambres garnies (комнаты съ мебелью и столомъ). Его заведеніе было почти лучше всѣхъ въ своемъ родѣ.

Лѣтъ тому пятнадцать или двадцать, Москва имѣла очень темныя понятія о chambres garnies, и тогда жизнь гдѣ нибудь въ подобномъ заведеніи, называлась *житьемъ въ пансіонѣ*. На Кузнецкомъ мосту, на Лубянкѣ и Мясницкой, три или четыре иностранца, держали комнаты со столомъ и прислугой для своихъ соотечественниковъ, преимущественно для безмѣстныхъ гувернеровъ и гувернантокъ. Нынче въ Москвѣ считается до сорока подобнаго роду заведеній. Всѣ онѣ похожи другъ на друга, съ тою только разницею, что въ одномъ мѣстѣ номера побольше и перегорожены изъ одной комнаты на три коморки, одну свѣтлую—это пріемная комната и двѣ темныя для спальни и прихожей; въ другихъ маленькія комнаты

Digitized by Google

не позволяютъ дѣлать это подраздѣленіе; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жильцовъ кормятъ порядочно, въ другихъ—чуть чуть не морятъ съ голоду. Народонаселеніе этихъ chambres garnies очень разнообразно. Болѣе всего подобныхъ помѣщеній находится въ домѣ Челышева на Театральной площади; тамъ въ четырехъ отдѣленіяхъ или лучше сказать у четырехъ содержателей находится сто сорокъ номеровъ, и этотъ громадной домъ, въ мірѣ московскихъ разнощиковъ, извощиковъ и своихъ обитателей получилъ особенное названіе «*Челыши*». Часто вы встрѣтите какого нибудь господина, который нанимаетъ извощика и торгуется съ нимъ, чтобъ ѣхать въ Челыши; разнощики съ фруктами, татары торгующіе казанскимъ мыломъ и дешевыми халатами, продавцы фосфорическаго труту, однимъ словомъ всѣ мелкіе промышленники знаютъ его подъ именемъ Челышей. Даже бани тамъ находящіяся называются «банями въ Челышахъ». Это какъ будто бы особенно, городъ въ городѣ.

Первое отдѣленіе въ этомъ домѣ занимаетъ Ольденбургъ, и оно получше другихъ—не помѣщеніемъ, нѣтъ это удобство, или лучше сказать неудобство равно у всѣхъ содержателей номеровъ въ Челышахъ, но у Ольденбурга лучше кормятъ кажется, нежели у Сабуровой, Шадриной и преемника знаменитаго въ своемъ родѣ Гевеке. Мнѣ недавно случилось обѣдать у одного постояльца Ольденбурга, намъ подали порядочный супъ пюре изъ моркови съ телятиной, кислые пирожки съ легкимъ, говядину подъ кореньями, цвѣтную капусту по польски (подъ масломъ и сухарями), жаренаго тетерева и бисквитъ подъ битыми сливками.—Этотъ обѣдъ, отпускаемой для гостей его жильцовъ, стоитъ пятдесятъ копѣекъ серебромъ съ персоны — право не дорого. За квартиру, подобный обѣдъ, стаканъ чаю утромъ и стаканъ чаю вечеромъ, (чаю не очень хорошаго, однако и не очень не хорошаго), и ужинъ изъ куска какой нибудь х о лодной говядины, онъ беретъ съ своихъ жильцовъ отъ тридцати пяти до сорока пяти рублей серебромъ въ мѣсяцъ—это также въ свою очередь очень не обремѣнительно. У Сабуровой и Шадриной, столъ похуже, номера почернѣе и поменѣе, за то и цѣна умѣреннѣе—онѣ берутъ отъ двадцати до тридцати рублей въ мѣсяцъ.

Объ Гевеке я сказалъ, что онъ знаменитый въ своемъ родѣ — онъ примѣчателенъ тѣмъ, что начиная свое торговое поприще, привлекъ къ себѣ огромное число постояльцевъ, въ особенности студентовъ и иностранцевъ, баснословно дешевыми цѣнами помѣщенія со столомъ и прислугой. Прежде всего его помѣщеніе находилось въ четвертомъ отдѣленіи Челышевскаго дома или вино-

Digitized by Google

вать Челышей, гдѣ нынче номера Шадриной. Я узналъ объ его существованіи слѣдующимъ образомъ.

У меня есть пріятель В,*** Николай Михайловичъ, такъ зовутъ его, человѣкъ холостой, не очень богатой, но услужливой и до чрезвычайности радушной. Одинъ изъ его родственниковъ, Малороссіянинъ родомъ, вступивъ въ Московскій Университетъ убѣдилъ В*** позволить у него жить. Тотъ согласился. Разумѣется богатой студентъ жилъ у него не даромъ, но однако и платилъ ему почти ничтожную сумму. Къ Тимоѳею Тимоѳеевичу, такъ звали студента, хаживалъ землякъ его, тоже студентъ, не упомню какъ звать его, но фамилія его была преоригинальная — Шейка. Этотъ человѣкъ имѣлъ свою особенность — онъ ни объ чемъ не могъ говорить безъ смѣху, вѣчно всему улыбался, и я увѣренъ, ежелибъ Шейка сталъ разсказывать, какъ умиралъ его другъ, то разсказъ его вѣрно бы нѣсколько разъ перерывался какимъ то тихимъ, безъотчетнымъ хохотомъ, и при взглядѣ на пожаръ, болѣзнь или какое нибудь несчастіе человѣка, Шейка непремѣнно бы улыбнулся. Однако не думайте, чтобъ онъ былъ помѣшанной или дуракъ,—о! совершенно нѣтъ, онъ часто разсуждалъ благоразумно, и хотя былъ лѣнивъ, въ слѣдствіе своей природной малороссійской лѣни, но въ Университетѣ занимался не дурно. Будучи бѣденъ, онъ часто находился что называется, «въ критическихъ». Тимоѳей Тимоѳеевичъ желая помочь своему земляку, упросилъ Николая Михайловича взять его къ себѣ на хлѣбы, обязываясь платить за него. Тотъ своему родственнику не отказалъ и въ этомъ. Теперь они зажили втроемъ ежели не припѣваючи, то по крайней мѣрѣ совершенно не скучаючи,—Шейка забавлялъ ихъ безпрестанно. То онъ разсказывалъ имъ малороссійскіе анекдоты, то представлялъ какъ прыгаютъ воробьи и скачутъ вороны, то передразнивалъ московскихъ оригиналовъ и общихъ знакомыхъ. Съ наступленіемъ вокантнаго времени оба студента упросили Николая Михайловича, чтобъ онъ бралъ ихъ съ собою на охоту для преподаванія имъ практическихъ лекцій ружейной стрѣльбы. Оба запаслись ружьями, ягташами и отправлялись съ Николаемъ Михайловичемъ въ Мытищи— сначало все шло благополучно, но потомъ случилось несчастіе, Шейка нечаянно всадилъ весь зарядъ бекасной дроби въ Трезора, лягавую собаку Николая Михайловича; тотъ началъ ему пенять за его неловкость; юноша съ смѣхообразной физіогноміей сталъ ему отвѣчать по обыкновенію съ улыбкою, это еще болѣе разсердило Николая Михайловича; онъ серьезнѣе сталъ пѣнять, Шейка снова

Digitized by Google

сталъ увѣрять, что это ничего — пройдетъ, Трезоръ полижетъ, полижетъ раны и сниметъ какъ рукой; потомъ онъ уже не улыбался, а просто захохоталъ: порывы невольной веселости, которые бывали иногда вовсе не кстати у Шейки шли всегда кресчендо. Вѣроятно, вы знаете, любезной читатель, что ничего не можетъ быть досаднѣе, когда мы сердимся, дѣлаемъ выговоры, а намъ отвѣчаютъ смѣхомъ. В*** разгорячился, началъ выговаривать и довольно жестоко за этотъ неприличной смѣхъ, тогда Шейкой овладѣлъ такой припадокъ веселости, что онъ уже не могъ выговорить ни слова. Николая Михайловича это взбѣсило окончательно—они разстались, и Шейка переѣхалъ къ Гевеке.

Разъ, осенью, переходя черезъ Театральную площадь, я встрѣтился съ Шейкой — онъ возвращался съ лекцій. Мы поздоровались, я спросилъ его куда онъ идетъ — онъ показалъ мнѣ съ улыбкой на домъ Челышева.

— Что же, вы здѣсь живете?

— Да, отвѣчалъ онъ мнѣ со смѣхомъ.

— У кого?

— У Гевеке.

— Что вы платите?

— Пятнадцать рублей серебромъ въ мѣсяцъ.

— За одну квартиру.

— Нѣтъ со столомъ, отвѣчалъ онъ съ какимъ то тихимъ и грустнымъ хохотомъ.

— Хорошо васъ кормятъ.

— Очень не дурно, очень не дурно, сказалъ онъ скаля свои зубы, намъ обыкновенно даютъ четыре блюда за обѣдомъ и одно за ужиномъ.

— За пятнадцать рублей серебромъ въ мѣсяцъ, квартира, отопленіе, обѣдъ въ четыре блюда, да и ужинъ..... воля ваша, Шейка, это не можетъ быть.

— Пойдемте ко мнѣ обѣдать, отвѣчалъ онъ захохотавши, и вы увидите, что правда.

Я рѣшился посмотрѣть, чѣмъ можно кормить за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, давая еще квартиру въ лучшей части города.

Шейка привелъ меня въ свой номеръ — это былъ номеръ, какъ и всѣ номера не болѣе и не менѣе другихъ, которые я видѣлъ въ разныя мои посѣщенія различныхъ комнатъ съ отопленіемъ, столомъ и прислугой; въ немъ стояла таже обычная мебель: письменный столъ, мягкой диванъ, передъ которымъ красовался какъ то

Digitized by Google

избочившись на одинъ бокъ ломберный столъ на тумбѣ, два кресла старой формы съ безпокойными ручками, четыре стула съ плетеными камышевыми подушками, на окнѣ драпери изъ кисеи и ситцу—вотъ что было на виду въ пріемной комнатѣ, полъ которой былъ давно не мытъ и густо засыпанъ папиросочными окурками, табачнымъ пепломъ и обрѣзками бумаги.

Всунувъ мнѣ въ руки трубку, набитую «Жуковымъ» мой хозяинъ побѣжалъ узнавать, чѣмъ насъ накормятъ.

Черезъ пять минутъ онъ возвратился съ лицемъ сіяющимъ радостью.

Намъ дадутъ, онъ сказалъ, супъ а ла крокодилъ; гамбургской пловъ, капусту а ла потажъ и жареныхъ цыплятъ.

Что за диковинка, думалъ я — супъ а ла крокодилъ, такого горячаго я никогда не ѣдалъ на берегахъ Москвы рѣки, развѣ изъ Александріи какъ нибудь сюда доставили маринованное мясо этихъ амфибій,—потомъ гамбургской пловъ, восточное кушанье, приготовленное на западной манеръ — что то мудрено — но поѣдимъ и посмотримъ эти диковинки.

Наконецъ черезъ полчаса, небритой лакей въ безмѣрномъ фракѣ, фалды котораго почти у пятокъ сходились клипомъ, и въ засаленныхъ короткихъ панталонахъ, принесъ два прибора поразительной неопрятности, а потомъ вскорѣ поставилъ на столъ и маленькую мисочку супу а ла крокодилъ.

Какъ не ловилъ Шейка, разливной ложкой въ этой мискѣ, онъ ничего не могъ болѣе поймать больше двухъ гренковъ, и очень жиденькаго, тоненькаго бульену, который по видимому былъ сдѣланъ изъ куринаго навару, отзывался немного капустой, и изрѣдка попадались крупинки рису — это кушанье, ежели бы было повкуснѣе, то съ пользою могло бы быть употребляемо больными вмѣсто пискарной ухи.

Гамбургской пловъ былъ продолженіемъ того же кушанья: намъ подали для двоихъ мелко изрубленное крылышко курицы, перемѣшанное съ двумя ложками рису; курица и рисъ явно варились въ супѣ.

Повидимому поваръ опускалъ для лучшаго навару въ кастрюлю нѣсколько кочней капусты; четверть такого кочня крѣпко посоленая и облитая коровьимъ масломъ, явилась передъ нами, подъ именемъ капусты а ла потажъ. — Съѣдобье пренепріятное. И въ заключеніе намъ дали полъ-цыпленка съ двумя солеными огурцами, которые были гораздо мельче нѣжинскихъ корнишоновъ.

Digitized by Google

Теперь я уразумѣлъ возможность давать квартиру и столъ за пятнадцать рублей серебромъ, и вышедши изъ за обѣда былъ гораздо голоднѣе того, чѣмъ когда садился за столъ.

Впрочемъ въ этихъ chambres garnies, не одинъ Гевеке отличается подобнымъ продовольствіемъ своихъ постояльцевъ.—Древнѣйшее въ этомъ родѣ заведеніе, находившееся на Рожественкѣ, въ домѣ Засѣцкаго, подъ управленіемъ Лагоша, давало обѣды ничѣмъ не лучше сей часъ мною описаннаго.

У другихъ содержателей и содержательницъ, какъ то на Тверской въ домѣ Алексѣева, у мадамъ Делавосъ на углу Столешниковскаго переулка и Дмитровки, въ домѣ Бистрома; у мадамъ Фаіо, на искосокъ Делавосъ въ домѣ Засѣцкаго; у Дютитра въ домѣ Базилевскаго на Тверской и Князя Голицына на Никитской; мадамъ Екъ въ томъ же домѣ Базилевскаго и Прониной, въ домѣ Демидова, на Тверской жить очень удобно и по дешевизнѣ и по причинѣ порядочнаго сытнаго стола.

Одинъ мой знакомый у Дютитра, въ домѣ Князя Голицына, занималъ цѣлое отдѣленіе изъ шести очень прилично меблированныхъ комнатъ, получалъ столъ для двухъ персонъ, обѣдъ для трехъ служителей, имѣлъ конюшеню, каретной сарай, и за все платилъ сорокъ рублей серебромъ въ мѣсяцъ. Столъ былъ хотя легкой, французской—но очень вкусной и опрятно сервированной. Въ особенности Дютитръ славится приготовленіемъ салатовъ.

Но болѣе всѣхъ изъ подобныхъ заведеній я посѣщалъ номера въ домѣ Базилевскаго, которые когда то содержалъ Рамле, потомъ мадамъ Екъ, а теперь они перешли еще къ какому то новому лицу. Во время нахожденія ихъ подъ вѣденіемъ Рамле, тутъ постоянно жилъ мой пріятель Николай Тимоѳеевичъ З***. Какъ стародавній жилецъ онъ пріобрѣлъ особенное расположеніе хозяина и хозяйки, свелъ знакомство со всѣми жильцами, и кажется не хуже, скандалезной памяти хромаго Бѣса, зналъ, что приходитъ и какъ живется въ каждомъ номерѣ. Обыкновенно часу въ шестомъ послѣ обѣда, всѣ обитатели Рамлетовскихъ номеровъ выходили въ широкой коридоръ, освященный лампами, и дѣлали нѣчто въ родѣ прогулки. Разъ въ эту пору я засталъ З*** дома. Онъ на диванѣ предавался послѣ обѣденному кейфу—или просто спалъ.

— Что въ коридорѣ никого нѣтъ? спросилъ онъ меня потягиваясь, когда я разбудилъ его.

— Мнѣ никто не попадался.

— Который часъ?

Digitized by Google

— Скоро шесть.

— А, такъ скоро начнется прогулка; хочешь я тебя познакомлю со всѣми нашими жильцами.

— Нѣтъ, я не желаю дѣлать новыхъ знакомствъ.

— Э, Боже мой, я тебя и не влеку къ такому необдуманному и неблагоразумному поступку. Я тебѣ только разскажу обычаи, жизнь и исторію каждаго обитателя Рамлетовскаго коридора.

— Это должно быть очень любопытно — ты меня очень обяжешь.

— Я тебѣ готовъ служить съ удовольствіемъ; и онъ началъ одѣваться.

Черезъ пять минутъ мы вышли въ коридоръ. По немъ уже прохаживались двѣ дамы. Обѣ молоденькія и не дурныя собою. Одна блондинка, въ шелковомъ голубомъ капотѣ, съ какимъ то вычурнымъ уборомъ изъ лентъ на головѣ, довольно нарумяненая и очень набѣленная. Другая брюнетка небольшаго роста, съ еврейскимъ обликомъ, въ кисейномъ платьѣ и черномъ передникѣ.

— А это здѣшнія представительницы чужеземнаго прекраснаго пола, сказалъ З***. Блондинка Амалія Карловна Блундспигъ, она родомъ изъ Риги, говоритъ, что дочь тамошняго аптекаря, вѣроятнѣе какого нибудь ночнаго сторожа. Пріѣхала изъ Лифляндіи въ Россію преподавать нѣмецкой языкъ, не прочь заниматься хозяйствомъ у какого нибудь холостяка, въ настоящее время безъ денегъ, я это знаю потому, что она недавно заложила свое золотое кольце и серьги, · пріискиваетъ мѣста, кокетничаетъ съ маіоромъ Пудиковымъ, и въ ожиданіи будущихъ благъ живетъ въ долгъ на счетъ Рамле. Другая варшавянка, Александра Лелзянская, говорятъ, что она перекрещенная жидовка; какъ она попала сюда въ Москву, никто про это не вѣдаетъ. Прежде ее часто видали на Срѣтенскомъ бульварѣ, потомъ она занимала хорошенькой домикъ гдѣ то въ переулкѣ на Поварской, имѣла лошадь, крытую пролетку, сани съ медвѣжьею полостью и парадировала во всѣхъ маскарадахъ, въ розовомъ атласномъ домино съ черными кружевами.....

— Знаю, знаю, это та, которую въ Купеческомъ собраніи звали Rose polonaise.

Она самая. Но потомъ какъ то Лелзянская споткнулась. Лошадь и экипажи у ней разстаяли, мебели убѣжали, съ квартиры

Digitized by Google

она съѣхала и очутилась въ номерахъ у Рамле; отъ всего былаго величія у ней осталось только одно розовое домино. Теперь она разставляетъ сѣти двумъ молодымъ провинціяламъ братьямъ Перевалинымъ, которые недавно съ своимъ дражайшимъ родителемъ остановились у насъ. Амалія занимаетъ номеръ шестой. Ледзянская стоитъ подлѣ меня въ тринадцатомъ.

Дверь съ надписью № 8 отворилась, и изъ нее вышла грамадная фигура, съ ериванкой на головѣ, завернутая въ медвѣжью шубу.

— Николай Тимоѳѣевичъ мое вамъ почтеніе-съ, проговорила она басомъ, протягивая руку къ З***.

— Куда это вы Псой Евтихіевичъ? спросилъ его тотъ.

— Въ общій столъ-съ, поиграть на бильярдѣ. И Псой Евтихіевичъ исполинскими шагами пошелъ по коридору. Поравнявшись съ Блумшникъ и Ледзянской, онъ промычалъ имъ какое то привѣтствіе.

— Что это за господинъ? спросилъ я З***.

— Это отставной прапорщикъ Псой Евтихіевичъ Шпунтъ, владѣлецъ пятидесяти душъ въ Черниговской губерніи, онъ пріѣхалъ сюда заложить имѣніе для приданаго своей воспитанницы Матреши, которая идетъ замужъ за какого то нѣжинскаго Грека. Псой Евтихіевичъ живетъ акуратно, каждой день утромъ и вечеромъ кушаетъ чай съ Кизлярской водкой, передъ обѣдомъ и ужиномъ употребляетъ по двѣ рюмки очищеннаго, утромъ толчется въ Совѣтѣ, а вечеромъ въ общемъ столѣ у Печкина, смотритъ какъ другіе играютъ на бильярдѣ, критикуетъ всѣ били, говоритъ, что онъ отличной игрокъ, а однако по сію пору не бралъ еще въ Москвѣ и кія въ руки.

— Что же онъ не находилъ по себѣ противника?

— Нѣтъ, вѣроятнѣе всего, что онъ боится проиграть.

— Вы вѣроятно говорите о Псоѣ Евтихіевичѣ, раздался позади насъ громкой голосъ. Я оглянулся—передъ нами стоялъ офицеръ высокаго роста, краснощекой съ завитыми въ колечки усами.

— Рекомендую вамъ, сказалъ мнѣ З***, Поручикъ Павелъ Матвѣевичъ Стукалкинъ.

— Прошу о продолженіи знакомства, сказалъ мнѣ поручикъ тряся мою руку. А не правда ли, умри пѣтухъ, Шпунтъ удивительный оригиналъ.

Digitized by Google

— Ваша правда, отвѣчалъ я.

— И каково?! пьетъ съ чаемъ кизлярку! — ужъ такой необразовательный, мочи нѣтъ. А что наши то адоротеры выходили или нѣтъ? спросилъ онъ Николая Тимоѳѣевича.

— Нѣтъ, только Миритрисы Кирбитьевны прогуливаются.

Пойду къ нимъ подпущу турусы на колесахъ, и поравнявшись съ двумя дамами онъ присоединился къ нимъ.

Стукалкинъ доброй малой, говорилъ мнѣ З***: но онъ имѣетъ свои странности, безпрестанно крутитъ усы, говоритъ ко всему «умри пѣтухъ», и человѣка необразованнаго называетъ человѣкомъ «необразовательнымъ.» Я бы его никогда не представилъ въ порядочный домъ, но всегда съ удовольствіемъ съ нимъ поѣду въ маскарадъ, и буду любоваться, какъ онъ говоритъ казарменныя любезности какой нибудь Амаліи Карловнѣ или пани Ледзянской. Живетъ онъ, какъ по большей части всѣ холостые, очень не опрятно; пятой номеръ, который онъ занимаетъ, Рамле называетъ погибшимъ номеромъ; дѣйствительно, я думаю его въ недѣлю не отчистишь, когда онъ переѣдетъ. А вотъ идетъ его сосѣдъ, изъ четвертаго номера господинъ Бодрецовъ. Онъ живетъ уроками, страстно влюбленъ въ Любочку Сыренину, младшую дочь вдовы чиновника восьмаго класса Дарьи Семеновны Сырениной, которая живетъ въ этомъ же коридорѣ въ комнатѣ подъ N 7. Бодрецовъ вѣроятно думалъ, что его Дульцинея вышла уже прогуливаться.

— Но что это за громкіе голоса раздаются съ того конца коридора?

— Это валятъ изъ своихъ номеровъ наши провинціялы, недоросли Перевалины. Они съ своимъ отцемъ занимаютъ четырнадцатый и пятнадцатый номера. Мосочка очень ухаживаетъ за Ледзянской — ну такъ и есть, они подошли къ милымъ особамъ.

— Что это за имя Мосочка?

— Сокращенное Моисей; другаго зовутъ Самуиломъ, но родитель ихъ для краткости и ради нѣжности переименовалъ въ Мосочку и Сомочку.

— Что же за человѣкъ отецъ ихъ?

— Михей Варѳоломѣевичъ Перевалинъ, отставной губернскій секретарь, ***ской помѣщикъ, владѣлецъ тысячи четырехъ сотъ

Digitized by Google

душъ крестьянъ. Двадцать пять лѣтъ онъ выжилъ въ своей деревнѣ, вывозя изъ нее только разъ въ годъ на ярманку, для продажи шерсти, лошадей и скота, а также для закупки годовой провизіи — денегъ у него накопилось много, и онъ сюда пріѣхалъ, какъ онъ говоритъ «пожуировать, просвѣтить Москву и пристроить Мосочку и Сомочку.»

— И давно онъ живетъ здѣсь?

— Мѣсяца два. Бываетъ почти каждодневно въ клубѣ, безпрестанно въ театрѣ и находитъ, что Леонидовъ великой трагикъ; въ особенности онъ восхищается имъ, а болѣе его костюмомъ въ Гризельдѣ. Персеваль говоритъ такой страшной, что инда морозъ по кожѣ подираетъ. Нравится ему также балетъ. Но болѣе всего ему въ Москвѣ нравятся калачи и Московской трактиръ Печкина. Первыхъ ему носятъ цѣлыми вязанками, и онъ отъ нихъ только кушаетъ ручки, а изъ другаго ему каждодневно присылаютъ восьмнадцать порцій разныхъ кушаній, кромѣ этаго погребъ Моріана доставляетъ ему всякой день около дюжины разныхъ винъ, разумѣется онъ и сыновья его не въ состояніи всего этаго съѣсть и выпить — остальное они отдаютъ двумъ своимъ лакеямъ, которые еще дѣлятся съ здѣшнею прислугою—это называетъ Михей Варѳоломѣевичъ *жуировать*. Что же касается *просвѣщать* Москву, то это просвѣщеніе заключается въ томъ, что онъ никогда и ни въ чемъ не торгуется; портные, сапожники, извощики, купцы беруть съ него что хотятъ, только бы они могли увѣрить его, что они работаютъ, возятъ и продаютъ графамъ, князьямъ и генераламъ.

— Ну, а сынковъ своихъ, что же онъ пристроилъ?

— Какъ же, одного ему обѣщаютъ опредѣлить писцомъ въ словесный судъ, другой уже поступилъ канцелярскимъ чиновникомъ въ какую то палату.

— Однако они не похожи на юношей.

— Э, любезный другъ, это тебѣ такъ кажется—они еще очень молоды, Мосочкѣ только двадцать шесть лѣтъ, а Сомочкѣ двадцать четыре, Богъ дастъ къ тридцати лѣтъ дослужатся до чина Губернскаго секретаря, а тамъ, ежели только будутъ живы, да не разстроятъ своего здоровья и состоянья, по примѣру батюшки запропадутъ въ деревню, будутъ копить деньги, и въ свою очередь производить Мосочекъ и Сомочекъ.

Digitized by Google

Когда З*** кончилъ говорить, я подумалъ, сколько у насъ въ Москвѣ можно еще встрѣтить особенностей и оригиналовъ — да, только здѣсь вы встрѣтите Перевалиныхъ, представителей провинціяльныхъ жителей Екатерининской эпохи; только здѣсь, вы можете явно видѣть бытъ нашихъ раскольниковъ, бытъ сохранившій въ себѣ жизнь закоренѣлыхъ противниковъ Никона; только здѣсь, среди Россіи современной проскакиваютъ типы допетровской и петровской Руси.

Вотъ еще новыя лица являются на поприще нашей коридорной прогулки, опять началъ говорить З***. Изъ девятаго номера выходитъ Клубничкинъ; сотрудникъ какого то петербургскаго журнала, неутомимой посѣтитель нашихъ театровъ, ученой, окончившій свое образованіе въ среднихъ классахъ гимназіи; вѣчно задумчивой, стремящійся къ какимъ то высокимъ цѣлямъ, не ясно представляющимся въ его головѣ. Одинъ насмѣшникъ назвалъ его «не изданнымъ Ламартиномъ.» Клубничкинъ порывается проникнуть въ аристократическій кругъ, терпѣть не можетъ своего сосѣда Реметочку, почитая его и не безъ основанія, несноснымъ дуракомъ, но ищетъ его расположенія, потому что Реметочка, служа при какомъ то важномъ лицѣ, бываетъ на офиціяльныхъ балахъ своего патрона, и обѣщалъ Клубничкину доставить средство играть на домашнемъ благородномъ спектаклѣ, который затѣвается у его начальника. А вотъ и самъ Реметочка, съ Клубничкинымъ я знакомъ мало, но съ Аполинаріемъ Алексѣевичемъ Реметочкой большой пріятель — подойдемъ къ нимъ.

Когда мы подошли къ нимъ, эти господа о чемъ то жарко разговаривали; послѣ открылось, что сотрудникъ петербургскаго журнала уговаривалъ Аполинарія Алексѣевича ѣхать къ Камеръ-геру Б***. Реметочка отказывался, потому что далъ слово своему другу, маіору Пупышкину, провести вечеръ съ нимъ. Клубничкинъ натянувши безъукоризненныя палевыя перчатки, отправился одинъ.

Пупышкинъ скоро присоединился къ намъ, но встрѣтившись съ Амаліей Карловной, онъ пристроился къ ней и смѣнивъ Стукалкина, разсыпался передъ ней въ самыхъ приторныхъ комплиментахъ; нѣмка то пожимала плечами, то опускала глазки въ низъ, то злодѣйски взглядывала на маіора, то хохотала, то была молчалива, и краснѣла, какъ семнадцатилѣтняя не опытная дѣвушка.

Наблюденія мои надъ группой, собравшейся около нее и Ледзанской, были перерваны появленіемъ новыхъ лицъ.

Digitized by Google

Изъ седьмаго номера вышла Дарья Семеновна Сыренина съ двумя своими дочерьми. Повидимому онѣ собирались куда то ѣхать. Дарья Семеновна была въ чепцѣ, изукрешенномъ лентами и носившемъ на себѣ всѣ признаки городскаго издѣлія, въ платьѣ изъ глясе гранатнаго цвѣта и въ пунцовомъ ковровомъ платкѣ; барышни были одѣты въ голубыя барежевыя платья, черныя бархатныя ленты украшали ихъ головки, и бронзовыя брошки пришпилены были къ ихъ корсажу; многое множество такихъ же бронзовыхъ браслетъ, нанизанныя на ихъ руки, производили какое то металическое брящаніе. Обѣ дѣвушки были молоды, а потому казались не дурны, впрочемъ особенно хорошаго въ нихъ ничего не было. Влюбленный господинъ нашъ пристроился къ нимъ, и вскорѣ все это общество пропало изъ коридора — они куда то уѣхали, захвативъ съ собою еще одного изъ жильцовъ, гостепріимнаго Рамле, мусье Фаля, котораго весь коридоръ считалъ богачемъ, потому что онъ занимался ручными закладами, покупалъ на аукціонахъ всякой старой хламъ, который потомъ сбывалъ съ барышемъ, и носилъ на рукѣ солитеръ, большой цѣны. Съ ростовщикомъ Фалемъ, я потомъ встрѣчался нѣсколько разъ, и когда нибудь подробнѣе поговорю о немъ.

Я назвалъ Рамле гостепріимнымъ, и онъ былъ точно гостепріименъ, въ полномъ значеніи этого слова. Въ описываемый мною вечеръ. онъ самъ вышелъ въ коридоръ, къ своимъ жильцамъ, и всѣхъ звалъ къ себѣ пить чай, въ томъ числѣ былъ имъ приглашенъ и я, какъ старинный знакомый его и З***. Всѣ съ удовольствіемъ приняли его приглашеніе.

Только лишь мы хотѣли идти къ нему, какъ снова отворилась дверь пятнадцатаго номера, и передъ нами явился самъ Михей Варѳоломѣевичъ Перевалинъ. Это была громадная, толстая, краснощекая фигура. Коротко остриженные волосы достопочтеннаго помѣщика начинали сѣдѣть, но густыя брови и большіе усы были самаго темнорусаго цвѣта; висящій подбородокъ скрывалъ цвѣтъ его галстуха, и сюртукъ, хорошо сшитый, сидѣлъ на немъ мѣшкомъ, потому что брюхо его своимъ объемомъ превышало ширину груди и плечь, хотя между послѣдними, по поговоркѣ, могла бы улечься косая сажень.

— Мосочка, Сомочка, куда вы? спросилъ онъ своихъ дѣтей.

— Monsieur Рамле пригласилъ насъ пить чай, отвѣчалъ Мосочка.

Digitized by Google

— Хорошо, ступайте.

— А вы не удостоите меня посѣтить? спросилъ вѣжливый хозяинъ.

— Нѣтъ, мусье, благодарю. Я далъ слово Александру Аполоновичу, что буду въ клубѣ. Вотъ человѣкъ, такъ человѣкъ, молодые люди — не вамъ чета, отставной Полковникъ, отлично воспитанъ, говоритъ по французски, знаетъ политическія новости — каждый день читаетъ пчелу, а какимъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ, такъ прости Господи, инда завидно станетъ. Ввойдетъ ли въ Троицкій трактиръ или въ Новомосковскую ресторацію, или куда нибудь въ иное эдакъ общественное мѣсто, служители ему кланяются еще издали, и всѣ, кто бываетъ тамъ часто, говорятъ: ну, идетъ Александръ Аполоновичъ, отличной человѣкъ—пьетъ много, а никогда не пьянѣетъ. Да и дѣйствительно, отличнѣйшій человѣкъ, не то что вы нынѣшніе — просто передъ нимъ дрянь.

— А что дѣти, продолжалъ старикъ, завтра идетъ Материнское благословеніе, Косицкая говорятъ очень хороша, очень жалостливо поетъ, не взять ли намъ ложу? а — какъ вы думаете?

— Отчего же и не взять, папочка, произнесъ Мосочка, возмите.

— Ну такъ хорошо я возьму, а васъ мусье Рамле и съ супругой прошу пожаловать ко мнѣ въ ложу, и васъ также мамзель, сказалъ онъ обращаясь къ Амаліи Карловнѣ, и васъ также пани Ледзянская, и васъ маіоръ и васъ Аполинарій Алексѣевичъ.

— Но батюшка, намъ будетъ тѣсно въ ложѣ, замѣтилъ Мосочка.

— Наплевать, возьмемъ двѣ рядомъ, мало — три.... коси малину, кути, валяй въ мою головушку.

— Я не знаю.... началъ было говорить Рамле.

— Ни, ни, ни, и знать не хочу и слышать не желаю, чтобъ кто нибудь отказался отъ моего приглашенья, а оттудова всѣ поѣдемъ ужинать.... какъ бишь къ этому французу — къ Шевалье, кутнемъ на славу, выпьемъ не глупо и знай нашихъ, какъ мы, Михѣй Варооломьевичъ Перевалинъ, просвѣщали Москву.

Кажется перспектива ужина у Шевалье соблазнила всѣхъ —

Digitized by Google

никто не отказывался, и старикъ отправился къ своему Александру Аполлоновичу, очень довольный собою и другими.

Мы пошли къ Рамле.

Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ его жену, очень любезную и привѣтливую женщину.

Послѣ чаю мадамъ Рамле сѣла за фортепьяно и спѣла намъ два, три французскіе романса и нѣсколько пѣсенъ современной Греціи (она родомъ была гречанка).

Послѣ нее Пупышкинъ уговорилъ Реметочку спѣть романсъ Ромберга,

Вѣтеръ воетъ, вѣтеръ свищетъ,

и Аполинарій Алексѣевичъ вполнѣ доставилъ намъ удовольствіе ежели не своимъ голосомъ, то манерой своего пѣнія.—Вообразите, онъ, закинувъ голову назадъ, закрывъ глаза, сморщивъ самымъ печальнымъ образомъ свою физіономію, и протянувъ руки немного назадъ, очень походилъ на сей часъ только зарѣзаннаго цыпленка—этою фигурою одна только мадамъ Рамле не могла любоваться вполнѣ, потому что она акомпанировала Реметочкѣ. Стукалкинъ принесъ съ собою свою гитару и потѣшилъ насъ «Травушкой». Баритонъ поручика былъ недуренъ, и когда Перевалины стали его хвалить, онъ хлѣбнувъ изъ стакана чаю, сказалъ:

— Эхъ господа, какой я пѣвецъ—такъ себѣ—шурлычу для себя: я вить въ музыкѣ совсѣмъ не образовательный, вотъ, умри пѣтухъ, какъ Бантышевъ поетъ эту пѣсню, ну такъ я вамъ скажу разсупе деликатесъ.

Послѣ этаго я вызвался сыграть кадриль и общество пошло плясать. Мы не замѣтили, какъ пролетѣло время. Поужинавъ, всѣ разошлись по своимъ номерамъ. Я завернулъ къ З***, мы съ нимъ еще покалякали кой объ чемъ и я въ часъ ночи, проходя по коридору вѣрно бы въ потьмахъ разбилъ себѣ голову, ежели бы служитель Николая Тимоѳеевича не освѣщалъ мнѣ путь—все было тихо, только проходя мимо седьмаго номера, гдѣ жила востроглазая нѣмка, намъ послышался голосъ маіора, да изъ номера, занимаемаго Ледзянской, проскользнула какая то длинная фигура, и мнѣ показалось, что это былъ Мосочка.

Но не всегда вы встрѣтите въ этихъ «комнатахъ со столомъ и прислугой» подобныя картины во фламандскомъ вкусѣ; иногда или

Digitized by Google

лучше сказать, очень часто, горе и здѣсь вьетъ свое гнѣздо. Иногда, хозяинъ пристаетъ къ какому нибудь бѣдняку, который задолжалъ ему за три или четыре мѣсяца, требуя немедленной уплаты; тотъ божится, что разочтется въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, и не имѣетъ никакой надежды получить въ это время даже десяти рублей; не рѣдко случается, что какая нибудь легкая особа въ родѣ Ледзянской, не найдя къ кому пристроиться, тихонько скрывается съ своей квартиры, и къ общему скандалу всѣхъ однокоридорныхъ жильцовъ, снова пародируетъ по Срѣтенскому бульвару.... мало ли что случается съ человѣкомъ.

Послѣ этихъ Chambres garnies, безо всякаго сомнѣнія въ категоріи Московскихъ гостинницъ, слѣдуютъ такъ называемыя *подворья*. Подворьевъ болѣе всего въ городѣ. Всѣ городскія подворья, взятыя вмѣстѣ, имѣютъ до девяти сотъ номеровъ. Послѣ города вы встрѣтите много подворьевъ за Москвой рѣкой, въ особенности подлѣ Чугуннаго и Москворѣцкаго мостовъ; впрочемъ подворья есть почти на всѣхъ въѣздныхъ улицахъ. Изъ городскихъ, болѣе всѣхъ и почище (послѣднее можетъ быть потому, что оно поновѣе), подворье Чижовское, всѣхъ неопрятнѣе такъ называемое Шуйское, болѣе всегда всѣхъ наполненное Желѣзниковское на Варваркѣ. Изъ Замоскворѣцкихъ подворій примѣчательнѣе другихъ Новомосковское и Гагаринское, на въѣздныхъ улицахъ лучшее Петербургское близь станціи желѣзной дороги и Ярославское у Сухаревой башни. Но всѣ подворья похожи на азіятскія караванъ-сараи. Вообразите себѣ, что въ сказанныхъ мною мѣстахъ вы видите маленькій дворъ, зимой заставленной кибитками и рагоженными возками, лѣтомъ повозками и тарантасами; при первомъ шагѣ въ ворота ваше обоняніе сильно поражается зловоніемъ отъ почти всегда переполненныхъ помойныхъ ямъ и прочихъ сточныхъ мѣстъ; на этотъ дворъ выходятъ крытыя галлереи, которыя составляютъ такъ сказать внѣшніе коридоры подворьевъ, ибо нѣкоторые номера выходятъ дверями на эти галлереи; наконецъ, зажимая носъ, вы минуете эту галлерею, входите въ вѣчно темной коридоръ освященной не рѣдко и днемъ или инвалидомъ-лампой или ночникомъ, вы обоняете другое зловоніе, зловоніе ѣдкое, отъ котораго у слабонервнаго разболится непремѣнно голова, это зловоніе постнаго масла, которое горитъ въ почти потухающемъ свѣточѣ. Большинство номеровъ просто состоитъ изъ одной комнаты, въ которой поставлена тесовая кровать, комодъ окрашенный масляной краской, такой же столъ непре-

Digitized by Google

мѣнно прожженой самоварами, и три или четыре стула, которые съ честью занимали бы мѣсто въ полпивныхъ; крашеной полъ почти совсѣмъ полинялъ, щекатуренныя стѣны вымазаны грязненькими колерами, на окнахъ закопченныя кисейныя занавѣски и мириады клоповъ—вотъ принадлежность номера подворья. Правда нѣкоторые изъ этихъ номеровъ раздѣлены перегородками, оклѣены обоями, (случается въ одной комнатѣ различнаго рисунка и цвѣта), и вмѣсто кисейныхъ занавѣсокъ повѣшены ситцевыя—разность не большая. Рѣдко кто изъ содержателей этихъ подворьевъ держитъ столъ; но непремѣнно подлѣ каждаго подворья, даже въ томъ самомъ домѣ, гдѣ оно помѣщается, находится трактиръ, гдѣ вы можете получить щи, пироги, котлетку, пожалуй бивъ-штексъ (который обыкновенно здѣсь именуютъ *бикштекъ*), жареную телятину и разварную соленую рыбу; конечно, эти кушанья приготовлены изъ провизіи сомнительной свѣжести, но обитатели подворій не разборчивы, да къ тому же они рѣдко и кушаютъ дома. Эти грязные номера отдаются по суточно съ платою отъ одного до двухъ руб. серебромъ въ сутки, безъ стола. Конечно, вы находите эту плату дорогой, въ чемъ *я* вполнѣ соглашаюсь съ вами; въ особенности ежели сравнить дороговизну житья на подворьѣ съ дешевизной chambres garnies. Но вы меня спросите, какая же причина, что подворья, не глядя на свою многочисленность почти всегда наполнены, тогда какъ комнаты со столомъ и прислугой, гдѣ берется тридцать, двадцать пять, даже двадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ съ обѣдомъ, а иногда и съ чаемъ, въ лѣтнее время представляютъ совершенную пустыню? На это есть много причинъ; главныя изъ нихъ суть слѣдующія. 1) Привычка, которая у Русскаго человѣка есть вторая натура. 2) Комнаты съ прислугой и столомъ обыкновенно отдаются по мѣсячно, номера подворій по суточно, и тому, кто пріѣхалъ въ Москву на трое или четверо сутокъ, выгоднѣе остановиться на подворьѣ, чѣмъ въ chambres garnies. 3) Большинство обитателей подворьевъ составляетъ наше иногородное купечество, пріѣхавшее въ столицу по своимъ торговымъ дѣламъ; иногородный купецъ, пріѣхавшій въ Москву, съ утра до вечера не живетъ дома, онъ бѣгаетъ по лавкамъ, фабрикамъ и магазинамъ, выбирая и покупая, потребный ему товаръ; платитъ свои векселя и пишетъ новые (обыкновенно иногородное купечество покупаетъ товары у Московскихъ фабрикантовъ и торговцевъ на сроки, т.-е. отсрочивая уплату денегъ на условное время и выдавая въ обезпеченіе на это время векселя); обѣдаетъ иногородный купецъ или въ Троицкомъ трак-

Digitized by Google

тирѣ, или въ Пѣвческомъ или въ ресторацiяхъ Кучюмина и Печкина; вечеромъ онъ отправляется или въ гости, или, что бываетъ чаще, въ театръ; иногда раскутившись махнетъ къ цыганамъ или пируетъ гдѣ нибудь на Трубѣ; домой возвращается ночью, очень часто на веселѣ, и ложась спать не тяготится ни зловонiемъ, ни нападенiемъ жадныхъ клоповъ. 4) Обыкновенно купцы одного и того же города останавливаются въ одномъ и томъ же подворьѣ, отъ этаго получили свои названiя подворья: Шуйское, Зарайское, Рязанское, Саратовское, Ярославское и друг:, — пріѣхавши въ чужой городъ, пріятно встрѣтиться съ земляком, разспросить его что новаго есть въ Москвѣ, какiя цѣны состоялись на товары, кто изъ прошлогднихъ кредиторовъ живъ или умеръ, обанкрутился или еще болѣе разбогатѣлъ, и сообщить земляку, что его Марѳа Тихоновна здравствуетъ, братецъ Меркулъ Ивановичъ уѣхалъ въ Астрахань за скотомъ, дядюшка Елизаръ Терентьевичъ отдалъ Богу душу, жена городничаго родила, и самъ онъ пошелъ подъ судъ по доносу головы Передухина. Оно все таки на чужбинѣ, на первыхъ порахъ этакою бесѣдою, какъ говорится, отвѣдешь себѣ душку. Вотъ отъ чего такъ милы подворья иногороднымъ купцамъ, чиновникамъ и мѣлкому дворянству, которыхъ нужда заставляетъ ѣхать въ Москву на короткое время.

Въѣзжая въ Москву, вы встрѣтите почти вездѣ за призаставными трактирами ряды постоялыхъ дворовъ—это также въ своемъ родѣ подворья—только безъ нумеровъ и съ меньшей помѣстительностью. Здѣсь останавливаются мѣлкiе торговцы, прикащики, бурмистры и управляющiе изъ дворовыхъ людей, или изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, также лица сельскаго духовнаго сословiя, не имѣющiе родственниковъ въ Москвѣ. Кто изъ нихъ побогаче или по тороватѣе, тотъ спрашиваетъ особенную горницу и располагается въ этой комнатѣ, не рѣдко очень холодной, но почти всегда опрятной и свѣтлой, плата за это помѣщенiе отъ шестидесяти копѣекъ до полутора рубля въ сутки; тѣ же, которые не хотятъ или не желаютъ дѣлать этой траты, довольствуются временнымъ помѣщенiемъ въ общей избѣ съ извощиками. Это рѣшительно всегда огромная комната съ русскою печью, полъ которой всякой день выскобленъ, ежели не вымытъ, лавки широкiя, чистыя и удобныя для спанья, палати—непременная ея принадлежность; и остановившiеся въ общей избѣ, платитъ въ сутки, безъ самовара, десять копѣекъ сереб.; за одинъ только день безъ ночлега, берутъ три коп: серебромъ.

Digitized by Google

Этимъ я оканчиваю свое обозрѣніе Московскихъ гостинницъ, комнатъ со столомъ и прислугой, Московскихъ подворій и постоялыхъ дворовъ — однимъ словомъ заведеній преимущественно предназначенныхъ для долгаго или кратковременнаго, но почти всегда временнаго пребыванія пріѣзжихъ. Правда, въ Москвѣ еще есть такъ называемые общіе углы, ночлеги нищенствующей братіи и проч. и проч. Но они принадлежатъ уже къ категоріи Московскихъ квартиръ, объ которыхъ, можетъ быть, я напишу когда нибудь особенную статью, и эта статья будетъ пополненіемъ того, что не взошло въ настоящую мою бесѣду о жизни Москвитянъ.

За тѣмъ позвольте проститься съ вами любезной читатель, на долго ли—не знаю самъ—это зависитъ отъ времени и обстоятельствъ.

L. Г***

Digitized by Google

ВСТРѢЧНЫЙ ГОЛОСЪ ПРИ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ ВЪѢЗДѢ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ (*).

Вотъ Онъ, нашъ Кормилецъ! Вотъ Онъ—въ блескѣ новомъ!
Встрѣтимъ же Роднаго задушевнымъ словомъ.
Грянемъ цѣлымъ міромъ—не одной столицей:
Здравствуй, нашъ Желанный, съ матушкой Царицей!
Зычно покачался колоколъ кремлевскій;
Пировалъ на славу добрый людъ московскій;
Освѣщались ярко зданія и храмы;
Вся Москва вставлялась въ огненныя рамы:
Золото сверкало колесницъ и башенъ,
И столы трещали отъ обильныхъ брашенъ;
Всѣмъ былъ праздникъ велій отъ Царя дарованъ:
При мольбахъ всеобщихъ былъ Онъ коронованъ.

Но огней потѣшныхъ пиршественной ночи
Ярче тамъ горѣли радостныя очи
Русскаго народа: бой сердецъ довольныхъ
Тамъ гудѣлъ слышнѣе звоновъ колокольныхъ.
Золото! ты—чадо суеты и праха.
Милость! ты свѣтлѣе шапки Мономаха—
И вкусивъ всѣхъ брашенъ ласковое слово
Подданныхъ семейству отъ отца роднова:

«Дѣти,—говорилъ Онъ,—Я васъ не покину.
Крѣпко вы стояли въ тяжкую годину.
Нынѣ Я на милость руку простираю
Къ узнику, къ Еврею, къ западному краю,
Къ рудникамъ Сибири, къ падшимъ и виновнымъ,
Да цвѣтетъ Россія въ мірѣ вселюбовномъ!»

И народъ, утѣшенъ словомъ благотворнымъ,
О сырую землю бьетъ челомъ покорнымъ,

(*) Въ этомъ стихотвореніи г. Бенедиктова выражается какъ будто голосъ всего Русскаго народа. Оно было напечатано въ Сынѣ Отечества и перепечатано въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ. Мы надѣемся угодить нашимъ читателямъ, помѣщая его и в Москвитянинѣ. *Ред.*

Digitized by Google

И, рѣчей заморскихъ тонкаго изгиба
Чуждый, восклицаетъ: Батюшка! спасибо!
Чувствуемъ! лобзаемъ царственную руку,
Ты, вступивъ на царство, оживилъ науку,
И теперь, исполненъ отческой заботы,
Всѣмъ даруешь ласки, милости и льготы:
Батюшка, спасибо!—Дай-то Богъ, чтобъ зрѣло,
Шло и развивалось остальное дѣло!
Не терпи, Родимый, лжи и злоуправства,
Ѣдкаго пронырства, низкаго лукавства,
Хитрости змѣиной, лести ядовитой!
Истинѣ священной путь стели открытый!
Выслушай порою съ благостію кроткой
Искреннее слово мужичка съ бородкой!
Пусть, Отецъ нашъ, тѣми, кто къ Тебѣ приближенъ,
Не глушится голосъ, что идетъ изъ хижинъ!
Поуймемъ, посдержимъ роскошь-лихо́дѣйку,
Да на черный день мы сбережемъ копейку!
Родственно-живая связь Царя съ народомъ
Пусть урокомъ будетъ алчнымъ воеводамъ!
Ты бъ насъ вѣрно не далъ никому обидѣть,
Да вѣдь гдѣ жь, Родимый, одному все видѣть?
Пусть же смотрятъ зорко верхніе-то мужи,
Чтобъ внутри все было чисто и снаружи,
Чтобъ внутри святая правда разгаралась,
А снаружи злая гибель не подкралась.
Дай Твѣ Всевышній провоззрѣній быстрыхъ,
Счастія въ народѣ, радости въ министрахъ
И въ мужахъ совѣта—сихъ опорахъ царства!
Да найдешь въ нихъ доблесть, а не пошлость барства,
Да узришь въ нихъ знанье, честь и правосудье,
Да не скажутъ люди, что у насъ безлюдье!
Пусть они въ блестящихъ, золотыхъ палатахъ
Мыслятъ о лачугахъ, думаютъ о хатахъ,
О народныхъ нуждахъ, о народныхъ требахъ!
Пусть не тунеядцы у Тебя на хлѣбахъ
Плаваютъ въ довольствѣ!—Вѣ мы молимъ Бога:
Будь Твѣ въ работѣ царственной подмога!
Не взыщи на словѣ скуднаго привѣта:
Здравствуй, нашъ Желанный! Царствуй многи лѣта!

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1856.

ТОМЪ III.

№ 11.

МОСКВА.
Въ типографіи Л. Степановой.
1856.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Декабря 18 дня, 1856 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Кругъ.*

Digitized by Google

ДѢТСТВО И ПЕРВЫЕ ЮНОШЕСКІЕ ГОДЫ

ВАЛЬТЕРА-СКОТТА,

представленныя по отношенію къ литературной его дѣятельности.

Никто изъ иностранныхъ писателей не имѣлъ такого сильнаго вліянія на нашу литературу и на вкусъ нашей читающей публики, какъ Вальтеръ-Скоттъ. И это можно сказать не въ одной Россіи: весь образованный міръ покорился неотразимой убѣдительности его слова; вездѣ его взглядъ на вещи усвоенъ лучшею частью общества. Онъ замѣтно двинулъ впередъ всемірное просвѣщеніе. Пробѣгая мысленно исторію всѣхъ литературъ, вы не найдете личности, на которой бы духовный взоръ вашъ остановился съ бо́льшей любовью и признательностью. «Наставлялъ ли кто когда-либо такъ восхитительно какъ Вальтеръ-Скоттъ? (говоритъ о немъ одинъ изъ знаменитыхъ сѣверо-американскихъ писателей). Найдется ли человѣкъ, который, оглянувшись на протекшіе годы, не сознался бы, что геній Вальтера-Скотта усиливалъ мѣру его счастія, заставлялъ забывать заботы, усыплялъ тайныя скорби? Кто не хранитъ его сочиненій, какъ источникъ чистыхъ наслажденій, какъ утѣшителя, къ которому онъ прибѣгнетъ въ печали, и въ которомъ найдетъ силу для борьбы съ житейскими бѣдствіями и муками? Что до меня касается (про-

Digitized by Google

должастъ онъ), то я въ часы унынія, когда все вокругъ меня было безотрадно, привѣтствовалъ всякое объявленіе о новомъ произведеніи его пера, какъ залогъ вѣрнаго удовольствія въ будущемъ, и ожидалъ его съ нетерпѣніемъ путешественника, который посреди пустыни видитъ вдали зелень, гдѣ онъ несомнѣнно найдетъ и прохладу, и отдохновеніе. Когда я подумаю, какъ много онъ способствовалъ къ сладостнѣйшимъ минутамъ моей жизни, какъ часто и теперь еще его сочиненія дѣлаютъ меня независимымъ отъ всего свѣта, я благословляю судьбу, которая позволила мнѣ быть его современникомъ и восхищаться изліяніями его духа....»

Эти строки—мы увѣрены—каждый прочтетъ, какъ выраженіе собственныхъ мыслей и чувствъ. Трудно предположить существованіе сколько-нибудь эстетически развитаго человѣка, который бы не былъ знакомъ съ твореніями Вальтера-Скотта, или, будучи съ ними знакомъ, остался къ нимъ равнодушенъ. По этому мы надѣемся, что воспоминанія о дѣтствѣ и первыхъ, до литературныхъ годахъ юности незабвеннаго шотландскаго барда, будутъ имѣть для многихъ нѣчто общее съ родными семейными преданіями или съ разсказами о близкомъ сердцу человѣкѣ.

«У каждаго Шотландца, говоритъ шутливо Вальтеръ-Скоттъ въ началѣ своей краткой автобіографіи (*), — есть своя родословная. Это одна изъ національныхъ его привиллегій, столь же неотъемлемая, какъ и его гордость и бѣдность.» Но въ душѣ авторъ «Веверлея» былъ ревностный почитатель родословныхъ, и во всей Шотландіи никто бы не былъ въ состояніи прослѣдить свою генеалогію до такой отдаленной старины, какъ онъ. Мы, однакожь, не станемъ изчислять его предковъ; скажемъ только, что многіе изъ нихъ, по мужеской и женской линіи, играли важную роль въ старинныхъ пограничныхъ войнахъ между Шотландіей и Англіей и воспѣты въ народныхъ балладахъ. Другое дѣло—отецъ великаго романиста. Вліяніе его должно было во вся-

(*) Она была написана въ 1808 году, слѣдовательно за двадцать четыре года до его смерти.

Digitized by Google

комъ случаѣ отразиться на сынѣ, и потому подробности о немъ не будутъ здѣсь излишними. Онъ былъ старшій сынъ въ многочисленномъ, небогатомъ семействѣ, и постоянно служилъ секретаремъ при печати въ Эдинбургѣ. Но, по словамъ самого Вальтера-Скотта, не былъ созданъ для этой должности. То правда, что онъ имѣлъ склонность къ труду, и съ удовольствіемъ анализировалъ отвлеченныя феодальныя системы правъ; но, что касается до практическихъ дѣлъ своей профессіи, до этого чутья, которое такъ необходимо для извлеченія доходовъ самому себѣ и для доставленія матеріальныхъ выгодъ другимъ, до умѣнья пользоваться потребностями, затрудненіями, прихотями и глупостями однихъ, и въ то же время побыть на сторожѣ противъ плутовства и злобы другихъ, то онъ поступалъ съ простодушіемъ Векфильдскаго священника. За то на его имени не осталося ни малѣйшаго пятна, и онъ пользовался неограниченною довѣренностью своихъ кліентовъ. «Онъ прошелъ отъ колыбели до могилы, говоритъ одинъ изъ его родственниковъ, не наживъ ни одного врага и не потерявъ ни одного друга.» Усердіе его къ кліентамъ доходило до смѣшнаго: для него было мало исполнять свой долгъ въ отношеніи къ нимъ съ холодною правотою; онъ думалъ за нихъ, принималъ къ сердцу ихъ честь, какъ свою собственную, и скорѣе готовъ былъ раздасадовать ихъ, нежели пренебречь чѣмъ-либо, что̀ онъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность.

Онъ имѣлъ необыкновенно привлекательную наружность съ неподдѣльнымъ выраженіемъ душевной ясности. Обращеніе его было запечатлѣно формальностью, но исполнено врожденной ласковости, которая проявлялась въ немъ особенно въ то время, когда онъ исполнялъ обязанности гостепріимства. Онъ обыкновенно велъ жизнь не только воздержную, но даже строгую, хотя при какомъ-нибудь праздничномъ случаѣ легко развеселялся отъ небольшаго стакана вина. Былъ очень набоженъ, строго исполнялъ правила кальвинической исповѣданія и занимался съ особенною любовью изученіемъ церковной исторіи. Шотландецъ въ душѣ, онъ, однакожь, въ политическихъ своихъ мнѣніяхъ поддерживалъ

Digitized by Google

монархическую часть англійской конституціи, и дорожилъ ея непоколебимостью. Онъ сохранилъ много старинныхъ шотландскихъ предразсудковъ относительно формъ браковъ, похоронъ, крестинъ и такъ далѣе, и всякой разъ огорчался, если не соблюдали при этихъ случаяхъ надлежащаго обряда.

Въ 1758 году онъ женился на Аннѣ Рутфордъ, старшей дочери Джона Рутфорда, знаменитаго въ то время профессора медицины въ Эдинбургскомъ университетѣ. Это была женщина маленькаго росту и вовсе не красавица,—по крайней мѣрѣ она не сохранила красоты послѣ первой молодости; но за то получила отъ своего ученаго отца лучшее воспитаніе, нежели какое обыкновенно давалось тогда дѣвицамъ въ Шотландіи. Она очень любила чтеніе, писала чрезвычайно правильно, хорошо была знакома съ исторіею и изящною словесностью, хотя нисколько не пренебрегала домашнихъ обязанностей по части шитья и счетоводства, и сверхъ того прекрасно держала себя въ обществѣ.

Отцу Вальтера-Скотта было около тридцати лѣтъ, когда онъ женился. У него было человѣкъ двѣнадцать дѣтей, но въ живыхъ осталось только шестеро. Романистъ нашъ былъ, по рожденію, шестымъ. У него было четыре брата и одна сестра. Онъ родился 1771 года, 15 августа, въ Эдинбургѣ, въ домѣ, принадлежавшемъ его отцу. Домъ этотъ впослѣдствіи былъ срытъ для расширенія сосѣдней коллегіи. Ребенокъ пользовался отличнымъ здоровьемъ до одиннадцати мѣсяцевъ жизни. Въ одну ночь онъ обнаружилъ необыкновенное упорство, когда его хотѣли уложить спать; не скоро уступилъ ласкамъ няни и укачиванью на рукахъ; но наконецъ уснулъ. На другой день у него открылась лихорадка, часто сопровождающая прорѣзываніе большихъ зубовъ у дѣтей, и продолжалась трои сутокъ. Когда, на четвертыя сутки, хотѣли, по обыкновенію, его купать, вдругъ замѣтили, что онъ лишился употребленія правой ноги. Дѣдъ будущаго поэта, по матери, знаменитый анатомикъ и хирургъ, созвалъ консиліумъ изъ своихъ университетскихъ пріятелей, но всѣ принятыя ими мѣры оказались напрасными. Наконецъ ре-

Digitized by Google

шено было отправить мальчика въ деревню Санди-Новъ, въ домъ его дѣда по отцѣ, гдѣ на свободѣ и на чистомъ воздухѣ онъ могъ получить отъ самой природы помощь, въ которой отказала ему медицина. Такимъ образомъ первое сознаніе существованія пробудилось въ Вальтерѣ-Скоттѣ посреди деревенской жизни.

«Я помню ясно, говоритъ онъ,—какъ меня лечили отъ моего увѣчья посредствомъ бараньихъ шкуръ. Лишь только убивали барана, меня раздѣвали и натягивали на меня еще горячую шкуру, въ которой я долженъ былъ дѣлать движенія до тѣхъ поръ, пока она простынетъ. Я помню очень хорошо, какъ я лежалъ въ этомъ татарскомъ нарядѣ на полу въ небольшой комнатѣ, и какъ мой дѣдушка, почтенный старикъ съ бѣлыми волосами, употреблялъ всѣ средства, чтобы заставить меня перемѣнять свое мѣсто. Я также очень ясно помню, продолжаетъ онъ—и это весьма замѣчательно по отношенію къ впечатлительности его натуры: — сэра Генриха Гей Мекъ Дугала, который помогалъ моему дѣдушкѣ въ его нѣжной обо мнѣ заботливости. Онъ былъ въ военномъ костюмѣ стариннаго покроя, въ небольшой треугольной шляпѣ, богато-обложенной галунами, въ шитомъ красномъ кафтанѣ, въ свѣтломъ камзолѣ, съ бѣлыми какъ молоко буклями, завитыми по военному. Стоя передо мной на колѣняхъ, онъ тянулъ по ковру карманные часы, чтобы заставить меня за ними гоняться. Мнѣ тогда должно было быть *около трехъ лѣтъ*, потому что сэръ Генрихъ и мой дѣдушка умерли вскорѣ послѣ этого періода.

Кто читалъ «Марміона» и «Вечеръ св. Іоанна», тѣмъ не нужно напоминать, какъ глубоко и вѣрно впечатлѣлась въ поэтической душѣ ребенка первая извѣстная ему мѣстность. На вершинѣ скалы, возвышавшейся надъ деревенскимъ домомъ, въ которомъ онъ жилъ, стоитъ полуразрушенная Смальгольмская башня, послужившая ему впослѣдствіи сценою для извѣстной баллады. Съ башни открывается широкій видъ на округъ, въ которомъ каждое поле ознаменовано

Digitized by Google

своею битвою и каждый ручеекъ воспѣтъ народною пѣснею. Слѣдующіе стихи баллады очень живо рисуютъ мѣстную топографію для знакомыхъ съ нею непосредственно.

«The lady looked in mornful mood,
Looked over hill and vale,
O'er Mertoun's wood, and Tweed's fair flood,
And all down Teviotdale.»

(Печально глядѣла лэди черезъ холмъ и долину, черезъ Мертонскій лѣсъ и прекрасныя воды Твида, и далѣе до самой Чевіотской долины). Почти у ногъ зрителя видны съ башни—Мертоунъ, главная резиденція семейства Гарденовъ, съ величественнымъ своимъ лѣсомъ; почти напротивъ этого замка, за Твидомъ, Лессэденъ (Lessuden), сравнительно небольшое, но величавое жилище лордовъ Ребернскихъ, и сѣрое отъ древности аббатство Дриборгское, окруженное тисовыми деревьями, столь же старыми, какъ и самыя его зданія. Прямо передъ глазами возвышаются пурпуровыя пики Эйльдона, гдѣ, по преданію, Томасъ стихотворецъ (герой одной изъ поэмъ Вальтера-Скотта) видался съ царицей Фей. За ними—обгорѣлая груда камней, гдѣ жилъ самъ вѣщунъ Эрсельдунскій; далѣе «Ковденновскій Дрокъ», пастушеская долина предводителя и наконецъ мрачная пустыня Ламмермурская. На востокѣ возвышается на горизонтѣ грандіозно-пустынный замокъ Юмъ по направленію къ Чевіотскимъ горамъ. Нѣсколько миль къ западу Мельрозъ, «подобно огромной скалѣ, поросшей сѣдымъ мохомъ» стоитъ между извилинъ Твида, а вдали виднѣются зубчатыя, прославленныя въ пѣсняхъ горы Гала, Этрикъ и Ярро. Таковы были предметы, напечатлѣвшіеся прежде всего въ воображеніи послѣдняго и величайшаго изъ шотландскихъ пограничныхъ менестрелей (Border Minstrels).

Двѣ старухи, бывшія въ услуженіи на фермѣ Санди-Новъ, пережили Вальтера-Скотта. Онѣ очень хорошо помнили трехъ-лѣтняго хромаго мальчика и разсказывали, что онъ былъ общимъ любимцемъ въ домѣ. Молодые пастухи

Digitized by Google

овецъ съ восхищеніемъ нашивали его на плечахъ въ горы. и «какъ онъ былъ очень понятливъ, то скоро началъ распознавать каждую овцу и каждаго ягненка по головной мѣткѣ такъ же хорошо, какъ и они.» Но въ особенности онъ былъ привязанъ къ «старому батраку», о которомъ въ послѣдствіи писалъ онъ къ Вильяму Эрскину, главному литературному повѣренному и совѣтнику первой его молодости. Это былъ нѣкто Санди-Ормистонъ, прозванный по почетной части своей должности «Коровьимъ Приставомъ» и имѣвшій главный надзоръ надъ овцами. Увидя его утромъ, мальчикъ до тѣхъ поръ не отставалъ отъ него, пока тотъ не посадитъ бывало его верхомъ себѣ на плеча и не возьметъ съ собой на пастбище.

«Here was poetic impulse given
By the green hill and clear blue heaven.»

(Здѣсь-то зеленые холмы и ясное голубое небо возбуждали въ немъ поэтическое движеніе души).

Когда мальчикъ налюбуется бывало вдоволь овцами, Коровій Приставъ давалъ своимъ свисткомъ условный знакъ, по которому изъ дому приходила въ горы служанка и уносила на рукахъ будущаго великаго романиста. Уже въ старости, гостя у одного изъ своихъ многочисленныхъ друзей между памятными для него скалами, сэръ Вальтеръ разсказывалъ, какъ онъ любилъ валяться по цѣлымъ днямъ на травѣ посреди стада, и какое сильное вліяніе имѣло на него во всю жизнь пріобрѣтенное тогда «товарищество» съ овцами и ягнятами. Однажды онъ былъ позабытъ въ горахъ между холмами, и объ немъ вспомнили дома только тогда, когда на небѣ загремѣла гроза. Тетка, прибѣжавъ за нимъ, нашла его вовсе не въ такомъ плачевномъ состояніи, въ какомъ воображала. Ребенокъ лежалъ на спинѣ, и, любуясь молніею, хлопалъ при каждомъ ударѣ грома въ ладоши и кричалъ: «Няня, няня!»

Робертъ-Скоттъ, дѣдъ романиста, умеръ, когда его знаменитому впослѣдствіи внуку не было еще и четырехъ лѣтъ.

Digitized by Google

Не смотря на то, Вальтеръ-Скоттъ сохранилъ ясное воспоминаніе о томъ, какъ писали и печатали приглашенія на похороны, и обо всей похоронной процессіи въ Санди-Ноуѣ. По смерти дѣда, бабушка маленькаго Вальтера продолжала хозяйничать на фермѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ помощью младшаго своего сына Томаса-Скотта, управителя одного изъ богатыхъ сосѣднихъ имѣній. Въ то время Американская война была въ самомъ разгарѣ «и я помню, говоритъ Вальтеръ-Скоттъ:—что я ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ недѣльнаго посѣщенія дяди, чтобъ услышать отъ него о пораженіи Вашингтона, какъ-будто я имѣлъ собственную причину глубокой антипатіи къ сѣверо-американскому полководцу. Не знаю, продолжаетъ онъ:—какъ это чувство связалось во мнѣ съ сильнымъ предубѣжденіемъ въ пользу дома Стюартовъ, которое я первоначально усвоилъ себѣ изъ пѣсенъ и разсказовъ Якобитовъ. Эта послѣдняя политическая склонность сильно была поддержана въ моей душѣ разсказывавшимися въ моемъ присутствіи исторіями о жестокостяхъ во время казней въ Карлилѣ и въ «Горахъ» послѣ Куллоденской битвы. Человѣка два изъ нашихъ дальнихъ родственниковъ погибло въ этомъ случаѣ, и я помню, какъ я проклиналъ имя Кумберлента съ не дѣтскою ненавистью. Нѣкто Кэрль, мужъ одной изъ моихъ тетокъ, былъ свидѣтелемъ ихъ казни, и вѣроятно отъ него-то слышалъ я впервые трагическіе разсказы, которые сдѣлали на меня такое сильное впечатлѣніе. Мѣстныя же преданія, давшія отчасти направленіе моему будущему вкусу и занятіямъ, заимствовалъ я изъ старинныхъ пѣсенъ и исторій, которыя тогда составляли забаву уединенной сельской жизни. Бабушка моя, въ которой молодости старинные пограничные грабежи были предметомъ свѣжихъ преданій, не разъ разсказывала мнѣ о герояхъ нашей романтической старины, походившихъ своими веселыми и нецеремонными обычаями на Робина Гуда и Литль-Джона,—въ томъ числѣ и о недавнемъ витязѣ пограничья, славномъ Дилѣ Литльдинскомъ, котораго она знала лично и помнила, какъ онъ женился на сестрѣ ея матери. Объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ узналъ я отъ нея много исторій,

Digitized by Google

серьезныхъ и веселыхъ, комическихъ и воинственныхъ. Въ дополненіе къ разсказамъ, для моей забавы въ скучные зимніе дни, читаны были двѣ или три старыя книжки, лежавшія на оконечномъ уступѣ. Любимцами моими были «Автоматы» и «Разныя разности за чайнымъ столомъ» (*), хотя въ послѣдствіи значительная часть моего пристрастія къ нимъ отдѣлена была «Еврейскимъ войнамъ Іосифа Флавія.»

Слѣдующія за тѣмъ строки автобіографіи Вальтера-Скотта интересны по разсказу о лицѣ, послужившемъ ему въ послѣдствіи прототипомъ для изображенія уединеннаго священника въ романѣ: «Сенъ-Ронанскія воды»

«Незабвенная моя тетушка, миссъ Дженни-Скотъ, говоритъ онъ:—читала, бывало, мнѣ эти книги съ удивительнымъ терпѣніемъ, до тѣхъ поръ, пока я былъ въ состояніи повторять изъ нихъ длинныя выдержки на память. Прежде всего я выучилъ такимъ образомъ балладу о Гардикнутѣ и надоѣдалъ ею невыносимо почти единственному нашему гостю, достойному приходскому священнику, доктору Дэнкану, которому крайне было непріятно, когда я прерывалъ его важныя разсужденія своею декламаціею. Какъ теперь вижу его высокую, сухощавую фигуру, его ноги, заключенныя въ застегнутыя gambadoes, и его лицо, которое длиною поспорило бы съ образиною Ламанчскаго рыцаря, и слышу его восклицаніе: «При этомъ ребенкѣ такъ же удобно разговаривать, какъ и подъ пушечными выстрѣлами.» Но небольшая природная раздражительность его не мѣшала ему быть превосходнѣйшимъ и самымъ благосклоннымъ человѣкомъ, джентельменомъ во всѣхъ своихъ чувствахъ, вовсе однакожь, не похожимъ на тѣхъ изъ своихъ собратій, которые раболѣпствуютъ за столами знатныхъ людей и важничаютъ на обѣдахъ у простолюдиновъ. Въ молодости своей онъ былъ

(*) На экземплярѣ этой книги (Allan Ramsay's Ten-Table Miscellany), принадлежавшемъ Вальтеру-Скотту, найдена слѣдующая надпись его руки: Эта книга принадлежала моему дѣду, Роберту-Скотту, и изъ нея я выучилъ на память Гардикнута прежде нежели былъ въ состояніи читать самъ эту балладу. Это первые стихи, которые я узналъ, и послѣдніе, которые когда-либо забуду.

Digitized by Google

капелланомъ въ домѣ лорда Мерчмонта, видалъ поэта Попа, и могъ говорить какъ близкій знакомый о многихъ лицахъ, пережившихъ царствованіе королевы Анны. Не смотря на слабое здоровье, онъ жилъ лѣтъ до девяноста. Въ 1795 г., за нѣсколько дней до его смерти, я посѣтилъ его, чтобъ узнать о его здоровьи. Онъ исхудалъ до послѣдней степени, но закутавшись въ тартановый халатъ, работалъ со всею дѣятельностью здоровья и юности надъ отдѣлкою исторіи Революціи, которую онъ желалъ, чтобы издали по его смерти. Онъ прочиталъ мнѣ нѣсколько мѣстъ голосомъ, сильнымъ отъ природы, но, который чувства автора въ тотъ моментъ рѣшительно возвысили надъ дряхлостью лѣтъ и надъ упадкомъ здоровья. Я просилъ его не подвергать себя напряженію, чтобъ это не было для него вредно, и онъ отвѣчалъ мнѣ замѣчательнымъ образомъ. «Я знаю, сказалъ онъ:—что не проживу и двухъ недѣль: что же мнѣ заботиться о напряженіи, которое только и сдѣлаетъ мнѣ вреда, что ускоритъ мою смерть нѣсколькими днями?» Меня удивило спокойствіе его отвѣта, ибо его наружность подтверждала справедливость его предчувствія, и я возвратился домой, размышляя объ авторствѣ, которое способно вдохнуть въ своихъ приверженцевъ мужество мучениковъ. Онъ умеръ немного раньше двухъ недѣль послѣ нашего свиданія.»

Вальтеру-Скотту было четыре года отъ рожденія, когда, по совѣту врачей, отецъ отправилъ его въ сопровожденіи тетки, на годъ въ Батъ для пользованія тамошними водами. Въ послѣдствіи онъ изумлялъ своихъ друзей точностью воспоминаній своихъ объ этомъ городѣ, въ которомъ онъ послѣ того никогда не былъ. Самъ романистъ говоритъ въ своихъ запискахъ объ этой поѣздкѣ: «Когда черезъ двадцать лѣтъ послѣ того я посѣтилъ лондонскій Тауеръ и Вестминстерское аббатство, я былъ удивленъ точностью моихъ воспоминаній объ этихъ славныхъ мѣстахъ. Я всегда полагался вполнѣ на мою памятливость въ дѣтствѣ.»

Здоровье геніальнаго ребенка укрѣпилось уже деревенскимъ воздухомъ и движеніями во время его забавъ на пасть-

Digitized by Google

бищахъ. Сперва онъ началъ стоять на обѣихъ ногахъ, потомъ ходить, наконецъ бѣгать по холмамъ между овцами, и когда привезли его въ Батъ, онъ былъ совершенно здоровымъ и крѣпкимъ мальчикомъ. Оставалось только излечить его ногу, которая была нѣсколько сведена и не позволяла ему ходить, не хромая. Но батскія воды не принесли ему никакой пользы. За то онъ сохранилъ благодарное воспоминаніе о содержательницѣ школы въ Батѣ, къ которой онъ хаживалъ нѣсколько мѣсяцевъ на уроки и которая помогла ему одолѣть механизмъ чтенія. «Но я никогда не имѣлъ вѣрнаго произношенія, говоритъ онъ:—и не могъ читать съ надлежащею выразительностью.»

Съ прибытіемъ въ Батъ дяди маленькаго Вальтера, капитана Роберта-Скотта, пребываніе его въ этомъ городѣ сдѣлалось вдвое пріятнѣе. Робертъ-Скоттъ доставилъ ему всѣ небольшія забавы, свойственныя его возрасту, и особенно одолжилъ его театромъ, котораго ребенокъ до тѣхъ поръ не видалъ еще. Въ первое посѣщеніе играли пьесу Шекспира подъ заглавіемъ: «Какъ вамъ угодно» (As You Like It), и она, со всей своею обстановкою, до такой степени напечатлѣлась въ его памяти, что онъ, спустя много лѣтъ послѣ того, видѣлъ ее въ своемъ воображеніи съ такой отчетливостью, какъ на яву. «Я дѣлалъ больше шуму, говоритъ онъ:—нежели сколько можно было терпѣть въ театрѣ, и такъ былъ изумленъ ссорою Орландо съ его братомъ въ первомъ актѣ, что закричалъ: «Развѣ они не братья! До тѣхъ поръ я жилъ одинокимъ ребенкомъ въ домѣ моего дѣда, но нѣсколько недѣль пребыванія моего у отца убѣдили меня, что ссора между братьями весьма естественное событіе.»

Въ 1826 году онъ передалъ намъ свои тогдашнія впечатлѣнія въ слѣдующихъ словахъ, поражающихъ ясностью воспоминаній дѣтства:

«Немного на свѣтѣ явленій, которыя бы люди, одаренные извѣстною степенью воображенія, припоминали съ такимъ восхищеніемъ, какъ первое драматическое представленіе, которое они видѣли. Необыкновенное устройство дома,

Digitized by Google

наполненнаго группами многочисленныхъ зрителей, которые сами представляютъ чудное зрѣлище для непривычныхъ глазъ, но которыхъ вниманіе устремлено на эту широкую и таинственную занавѣсь, обнаруживающую въ своихъ темныхъ волнахъ на мгновеніе привлекательное лицо, или обутую въ сандалію, быстро исчезающую ногу; потомъ яркое, какъ день, освѣщеніе; музыка, которую наша неопытность заставляетъ насъ принимать за самое представленіе, которое мы пришли смотрѣть; потомъ тихое поднятіе занавѣса, открывающаго, какъ бы дѣйствіемъ волшебства, новую землю съ лѣсами, горами, озерами, освѣщенную какъ бы другимъ солнцемъ и обитаемую непохожими на насъ людьми, которые говорятъ между собой стихами, — которыхъ одежда, видъ и чувства кажутся чѣмъ-то сверхъестественнымъ и которыхъ всѣ дѣйствія и рѣчи не соотвѣтствуютъ обыкновенному тону повседневной жизни, но разсчитаны такъ, чтобы возбудить въ зрителяхъ болѣе сильныя и могущественныя способности, наполнить ихъ души горестью, обуять ужасомъ, изумить необыкновенными явленіями или поразить непреодолимымъ смѣхомъ: всѣ эти чудеса напечатлѣваются неизгладимо въ памяти. Самое даже колебаніе наше между увѣренностью, что сцена представляетъ намъ только игру актеровъ, и интересомъ, который отъ времени до времени заставляетъ насъ вѣровать, что это не можетъ быть вымысломъ, самые эти смѣшанныя и затруднительныя чувства возбудительны въ высшей степени. Вдругъ раздается взрывъ рукоплесканій, подобно отдаленному грому; намъ позволяютъ хлопать собственными маленькими руками и присоединять свой радостный писк къ этимъ торжественнымъ звукамъ. Все это со многими другими обстоятельствами свѣтло въ нашей памяти, хотя въ то время, когда мы испытывали эти ощущенія, мы смотрѣли на сцену, которой Гаррикъ еще не оставилъ. Много протекло лѣтъ съ тѣхъ поръ, но немного мы испытали часовъ такой чистой радости, и все еще памятны намъ погасающіе огни, расходящаяся толпа, напрасное желаніе, чтобъ заиграла снова музыка, чтобъ поднялся занавѣсъ и чтобы снова началось ча-

Digitized by Google

рующее сновидѣніе, и удивленіе, съ которымъ мы смотрѣли на апатію старшей части нашего общества, которое, имѣя средства, не проводило каждаго вечера въ театрѣ.»

Изъ Бата Вальтеръ-Скоттъ воротился въ домъ своего отца, въ Эдинбургъ, а спустя нѣсколько времени, опять былъ отправленъ въ Санди-Новъ. Тетка его миссъ Дженни-Скотъ была съ нимъ неразлучна до тѣхъ поръ, пока онъ поступилъ въ общественное учебное заведеніе, и такъ-какъ она въ этотъ важный періодъ жизни поэта была почти единственною его наставницею, то надобно заключить, что она обладала развитымъ вкусомъ и познаніями, которые далеко превышали все, что́ можно было встрѣтить между шотландскими лэди того времени,—по крайней мѣрѣ между лэди не въ самомъ высшемъ слоѣ общества.

Зимою 1777 года, она и ея питомецъ провели нѣсколько недѣль въ Эдинбургѣ, гдѣ въ это время случилась гостья, способная оцѣнить и описать на бумагѣ необыкновенное развитіе способностей молодаго Вальтера. Это была мистрисъ Кокбэрнъ, авторъ книги подъ заглавіемъ: «Цвѣты и Лѣсъ» (Flowers and the Forest). Познакомясь съ необыкновеннымъ шести-лѣтнимъ мальчикомъ, она на другой же день писала къ одному изъ друзей своихъ:

«...Вчера я ужинала у г. Вальтера-Скотта (отца). У него сынъ—мальчикъ самаго необыкновеннаго ума, какой только я когда либо встрѣчала. Когда я вошла въ комнату, онъ читалъ своей матери поэму. Я заставила его продолжать. Это было описаніе кораблекрушенія. Одушевленіе его возрастало вмѣстѣ съ бурею. Онъ поднялъ глаза и руки къ небу. «Мачта падаетъ! вскричалъ онъ:—раздался трескъ!... всѣ погибли!» и послѣ своего волненія, обратился ко мнѣ: «Это слишкомъ грустные стихи. Лучше я прочиталъ бы вамъ что-нибудь веселое.» Но мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ, и я спросила, какого онъ мнѣнія о Мильтонѣ и другихъ книгахъ, которыя онъ читалъ. Его отвѣты изумили меня. Между прочимъ онъ замѣтилъ: «Какъ это странно, что Адамъ только-что явился на свѣтъ, и уже зналъ все. Это долженъ быть вымыселъ

Digitized by Google

поэта.» Но когда ему сказали, что Богъ создалъ его совершеннымъ, онъ тотчасъ уступилъ. Когда его укладывали спать, онъ сказалъ своей теткѣ, что онъ любитъ эту лэди. «Какую лэди?» спросили его. «Мистрисъ Кокбэрнъ, отвѣчалъ онъ: — потому-что я думаю, и она такая же virtuoso, какъ я.»—«Милый Вальтеръ, сказала его тетка Дженни:—что значитъ virtuoso?»—«Развѣ вы не знаете? Это значитъ такой человѣкъ, который желаетъ и старается все знать.» Я думаю, сэръ, продолжаетъ мистрисъ Кокбэрнъ въ своемъ письмѣ:— вы назовете это пустымъ разсказомъ. Но сколько, по вашему, лѣтъ этому мальчику? Вѣрно вы скажете двѣнадцать или четырнадцать. Какъ бы не такъ: ему нѣтъ и шести лѣтъ отъ роду (*). У него хромая нога, для излеченія которой его возили въ Батъ, гдѣ онъ усвоилъ себѣ вполнѣ англійскій акцентъ и теперь читаетъ, какъ Гаррикъ. Согласитесь, что это необыкновенная скороспѣлка.»

Послѣднія замѣчанія мистрисъ Кокбэрнъ не согласны съ тѣмъ, что̀ говоритъ самъ Вальтеръ-Скоттъ о своихъ первоначальныхъ успѣхахъ въ чтеніи и произношеніи. Видно, она не могла быть вѣрнымъ судьею въ этомъ случаѣ. Если онъ и пріобрѣлъ въ дѣтствѣ то, что̀ можно назвать англійскимъ акцентомъ, то скоро потерялъ его невозвратно. Въ дальнѣйшей его жизни онъ рѣдко произносилъ отдѣльныя слова такъ, какъ хорошо воспитанные Англичане его времени; но онъ употреблялъ многія слова въ смыслѣ шотландскомъ, а тонъ и акцентъ его рѣчи были рѣзко шотландскіе, съ легкимъ оттѣнкомъ нортумберлендскаго произношенія. Онъ обладалъ въ высшей степени мимикою, могъ разговаривать съ простымъ поселяниномъ настоящимъ его тономъ, и часто въ образованномъ обществѣ вводилъ деревенское сѣверное, южное и среднее нарѣчія съ большою вѣрностью и эффектомъ; но это были драматическія или шуточныя вставки въ его разсказахъ. Въ этомъ случаѣ утонченный вкусъ его былъ такъ же замѣчателенъ, какъ и въ его шотландскихъ повѣстяхъ.

(*) Въ самомъ дѣлѣ ему было въ то время шесть лѣтъ и три мѣсяца.

Digitized by Google

Но возвратимся къ дѣтству великаго романиста. Обыкновенно эта пора жизни знаменитыхъ людей, по весьма понятной причинѣ, бываетъ очень скудна вѣрными фактами; но за то здѣсь всякое малѣйшее обстоятельство, случайно выхваченное изъ забвенія, получаетъ въ нашихъ глазахъ особенную цѣну. Такъ, напримѣръ, весьма интересно извлеченіе изъ письма другой лэди, видавшей шести-лѣтняго Вальтера-Скотта у его родственницы, мистрисъ Кейтъ, владѣтельницы живописнаго стараго дома, который въ послѣдствіи послужилъ ему матеріаломъ для созданія Тюлли-Веолана въ «Веверлеѣ» и котораго старинные сады съ своими массивными оградами изъ тисса и остролистника онъ всегда почиталъ идеаломъ искусства. Упомянутая лэди разсказываетъ сцену, происходившую передъ ея глазами между маленькимъ Вальтеромъ и его дядькою по случаю появленія въ Равельстонѣ стараго и удрученнаго горемъ нищаго. Вальтеръ сидѣлъ съ своимъ дядькою у подъѣзда и внимательно слѣдилъ за движеніями жалкаго старичка. Когда тотъ удалился, дядька замѣтилъ Вальтеру, какъ онъ долженъ быть благодаренъ провидѣнію за то, что оно поставило его выше нужды и бѣдности, въ которой онъ видѣлъ этого старика. Мальчикъ поднялъ голову съ полу-внимательнымъ, полу-недовѣрчивымъ видомъ и сказалъ:

— *Гомеръ былъ также нищій.*

— А вы по чемъ знаете? спросилъ тотъ.

— Какъ же? развѣ ты не помнишь, отвѣчалъ маленькій virtuoso, этихъ стиховъ:

«Seven *Roman* cities strove for Homer dead,
Through which the living Homer begged his bread?»

(За мертваго Гомера состязались семь *римскихъ* городовъ, въ которыхъ онъ при жизни просилъ себѣ подаянія).

Лэди усмѣхнулась при словахъ *Roman* cities (римскіе города), но вѣдь всегда

«Each blank in faithless memory void
The poet's glowing thought supplied.»

Digitized by Google

(Пламенная мысль поэта наполняетъ каждый пробѣлъ въ невѣрной памяти).

Въ томъ же 1777 году онъ провелъ нѣсколько времени на морскихъ купальняхъ въ Престонпансѣ: эпоха, замѣчательная по знакомству его съ Джорджемъ Констеблемъ, оригиналомъ незабвеннаго антикварія Ольдбука. Это былъ старый пріятель отца Вальтеръ-Скоттова, воспитанный для юридическаго поприща, но удалившійся отъ дѣлъ въ свое помѣстье близъ Дэнди.

«Странно, говоритъ, въ 1826 году, Вальтеръ-Скоттъ:— что я ни въ чемъ не копировалъ съ точностью привычекъ и поступковъ моего стараго пріятеля, но сходство между моимъ Ольдбукомъ и его оригиналомъ было открыто Джорджемъ Чельмерсомъ, — который по этому и заключилъ, что авторъ «Веверлея» долженъ быть я. Впрочемъ пріятель мой Джорджъ Констэбль не былъ такой отъявленный врагъ женскаго пола, какъ его представитель Монкбарисъ; напротивъ, я подозрѣваю, что онъ былъ неравнодушенъ къ моей теткѣ Дженни, которая даже и въ то время была очень красивая женщина, не смотря на немолодыя уже лѣта. До конца своей жизни она имѣла прелестнѣйшіе глаза и зубы, какіе только мнѣ случалось видѣть, и хотя иногда бывала раздражительна, когда имѣла къ тому причину, но вообще ея обращеніе было кротко и достойно истинной лэди. Какъ бы то ни было, только я позаимствовалъ отъ Джорджа Констебля, много любопытныхъ свѣдѣній какъ въ это время, такъ и въ послѣдствіи. Онъ постоянно ухаживалъ за моей теткой, а потому былъ очень добръ и ко мнѣ. Отъ него перваго услыхалъ я о Фальстафѣ, Готспорѣ и другихъ Шекспировыхъ герояхъ. Не знаю, какую идею связывалъ я съ ними тогда, но я долженъ же былъ какъ-нибудь понимать ихъ, ибо я помню, что они сильно меня интересовали. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, что дѣти получаютъ сильныя и важныя побужденія, слыша о такихъ вещахъ, которыхъ они не въ состояніи еще вполнѣ понимать; и потому писать для дѣтей, *нисходя до* ихъ пониманія, суетная нелѣпость. Наве-

Digitized by Google

дите ихъ только на слѣдъ и предоставьте имъ итти самимъ.

Воротясь изъ Престонпанса, онъ не долго пожилъ въ правильномъ для него уголкѣ Санди-Новѣ и потомъ долженъ былъ переѣхать въ Эдинбургъ, въ отцовскій домъ, который и былъ главнымъ мѣстомъ его пребыванія до 1797 года, эпохи его женитьбы. «Я сильно почувствовалъ, говоритъ онъ:—разницу между единственнымъ баловаинымъ ребенкомъ, какимъ я былъ тамъ, и между членомъ большаго семейства, которымъ я сдѣлался въ Эдинбургѣ. Подъ кроткимъ надзоромъ доброй моей бабушки, которая была вся уступчивость, и моей тетушки, которая, не смотря на высшую силу характера, была чрезвычайно ко мнѣ благосклонна, я привыкъ къ такому своеволію, которое не могло быть терпимо въ многочисленной фамиліи. У меня, однакожъ, было довольно смысла, чтобы подчинять свой характеръ новымъ моимъ обстоятельствамъ; но внутренняя моя агонія была такъ сильна, что правила воспитанія, принятыя въ нашемъ домѣ, казались мнѣ только привычкою къ самовластному капризу и господству. Въ теченіе этого грустнаго періода моей жизни, я находилъ большое утѣшеніе въ пристрастіи ко мнѣ моей матери. Она съ свѣтлымъ и счастливымъ умомъ соединяла сильную склонность къ чтенію стиховъ и произведеній воображенія. Она была искренно набожна, но ея религіозность была—какъ это и свойственно ея полу—не такъ строга, какъ религіозность моего отца. Все однакоже дисциплина пресвитеріанской субботы исполнялась у насъ во всей точности, и, какъ я думаю, слишкомъ уже пунктуально. Занятія мои по буднямъ были гораздо пріятнѣе. Моя хромота и уединенныя мои привычки сдѣлали меня порядочнымъ чтецомъ, и въ свободные мои часы я безпрестанно читалъ матушкѣ вслухъ Поповъ переводъ Гомера, стихотворное произведеніе, которое сдѣлалось мнѣ извѣстно, если не считать нѣсколькихъ историческихъ балладъ и пѣсенъ. Матушка одарена была хорошимъ природнымъ вкусомъ и сильнымъ чувствомъ. Она заставляла меня останавливаться на тѣхъ мѣстахъ, которыя вы-

Digitized by Google

ражали благородныя и достойныя человѣка чувства, и если не могла отвлечь меня отъ описаній битвъ и кутерьмы, то по крайней мѣрѣ старалась раздѣлить поровну мое вниманіе между тѣмъ и другимъ. Впрочемъ мой собственный энтузіазмъ возбуждался преимущественно чудеснымъ и ужаснымъ—общій вкусъ дѣтей, по которому однакожъ я остался ребенкомъ до сихъ поръ (*). Я заучилъ наизусть почти безъ намѣренія, мѣста, которыя мнѣ наиболѣе нравились и часто читалъ ихъ вслухъ наединѣ и при другихъ,—впрочемъ охотнѣе въ уединеніи, ибо замѣчалъ, что нѣкоторые изъ моихъ слушателей улыбались, а я въ то время боялся быть смѣшнымъ болѣе, нежели когда либо.»

Наконецъ наступило время, когда мальчика надобно было опредѣлить въ учебное заведеніе, гдѣ бы онъ узналъ кое-что, недоступное для самой тетушки Дженни, до сихъ поръ почти единственной его наставницы. Но какъ не чрезвычайны были его успѣхи въ этомъ самовоспитаніи, которое всего важнѣе для людей его натуры, онъ оказался такъ мало свѣдущимъ въ предметахъ обыкновеннаго знанія, что не могъ съ разу поступить въ высшее училище. Вѣроятно его мать боялась этого событія и отдаляла, сколько могла, сближеніе его съ толпою чужихъ мальчиковъ. Какъ бы то ни было, только онъ былъ сперва приготовленъ домашнимъ образомъ въ латинскомъ языкѣ и другихъ наукахъ, и потомъ уже, въ октябрѣ 1779 года, опредѣленъ во второй классъ грамматической школы или высшаго Эдинбургскаго училища, находившійся тогда въ распоряженіи Луки Фразера, «знатока латыни и весьма достойнаго человѣка» какъ отзывается о немъ самъ Вальтеръ-Скоттъ.

Любопытно его сужденіе объ этомъ училищѣ и о препятствіяхъ къ развитію въ немъ высшихъ способностей.

«Не смотря на мои частные уроки въ латинскомъ языкѣ, говоритъ онъ въ своей автобіографіи:—я былъ далеко позади своихъ соучениковъ какъ по лѣтамъ, такъ и по успѣхамъ.

(*) Писано въ тридцать семь лѣтъ.

Digitized by Google

Это было весьма важное неудобство, которому столько же вредно подвергать мальчика, одареннаго живымъ характеромъ и талантомъ, какъ и того, который не подаетъ особенныхъ надеждъ въ своей будущности. Всего хуже, что онъ долженъ занимать смиренное мѣсто между своими товарищами,— иначе онъ бы подвергся ихъ враждѣ. Въ устройствѣ Высшаго училища было еще то важное неудобство, что мальчики занимали мѣсто по своимъ заслугамъ. По этому, даже для бойкаго ученика, попадавшаго въ низшіе ряды, или поступившаго въ классъ недостаточно приготовленнымъ, очень было трудно проложить себѣ дорогу къ мѣсту, которое онъ долженъ былъ бы занимать по своимъ способностямъ. А между тѣмъ онъ по необходимости находится въ безпрестанныхъ соотношеніяхъ съ натурами низшаго разряда, между которыми назначено ему мѣсто. Такимъ образомъ мальчикъ съ хорошими способностями, очутясь даже на короткое время между товарищами ниже себя по уму, и какъ это часто случается, старше по лѣтамъ, усвоиваетъ себѣ ихъ склонности и предметы честолюбія, которое обыкновенно бываетъ обращено не на ученіе, и счастливъ онъ, если не станетъ подражать имъ въ равнодушіи, съ какимъ они пробѣгаютъ свои уроки, лишь бы избѣжать наказанія и вовсе не думая о превосходствѣ или наградѣ. Это-то обстоятельство было, вѣроятно, причиною тому, что хотя я въ то время обладалъ значительною способностью къ изученію языковъ, однакожъ не игралъ важной роли въ высшемъ училищѣ, или по крайней мѣрѣ мои успѣхи были непостоянны и недостаточны моего возвышенія.»

Далѣе Вальтеръ-Скоттъ изчисляетъ знаменитыхъ своихъ сочениковъ и потомъ отзывается о себѣ такъ:

«Что касается до меня, я появлялся, подобно метеору, то въ одномъ, то въ другомъ концѣ класса и обыкновенно столько же огорчалъ своего добраго наставника нерадивостью и вѣтренностью, сколько иногда радовалъ его внезапнымъ проявленіемъ ума и таланта. Между своими товарищами я пріобрѣлъ большую популярность своимъ добродушіемъ и

Digitized by Google

живымъ воображеніемъ. Дѣти необыкновенно вѣрны въ своихъ чувствахъ и великодушны. Моя хромота и усилія, которыя дѣлалъ я, чтобъ замѣнить этотъ недостатокъ ловкостью, расположили ихъ въ мою пользу. А въ зимніе часы отдыха, когда игры на открытомъ воздухѣ были невозможны, мои разсказы собирали вокругъ меня кружокъ слушателей, и тотъ считалъ себя счастливымъ, кто могъ сидѣть поближе къ неистощимому разскащику. Кромѣ того я, будучи нерадивъ въ собственныхъ дѣлахъ, всегда готовъ былъ на помощь моимъ друзьямъ, и въ этихъ случаяхъ у меня всегда набиралась небольшая партія стойкихъ приверженцевъ и союзниковъ, крѣпкихъ рукою и сердцемъ, хотя иногда слабыхъ головою— лучшія орудія для возвышенія героя до знаменитости. Такимъ образомъ, говоря вообще, я былъ гораздо важнѣйшею особой на дворѣ, нежели въ классѣ.»

Не смотря на то, что Вальтеръ-Скоттъ называетъ Луку Фразера добрымъ наставникомъ, вѣроятно въ отношеніи его снисходительности къ физическому своему недостатку,— онъ не сохранилъ къ нему въ послѣдствіи признательности, какъ къ хорошему преподавателю. Дѣло въ томъ, что латинистъ налегалъ болѣе на грамматическую технику и мало обращалъ вниманія на то, чтобы возбуждать любопытство своихъ учениковъ историческими фактами, а воображеніе поэтическими вымыслами древнихъ. За то ректоръ Адамъ, въ котораго классъ онъ перешелъ въ октябрѣ 1782 года, былъ именно такой наставникъ, который могъ поднять духъ маленькаго Вальтеръ-Скотта. Хотя и подъ его руководствомъ талантливый ученикъ никогда не могъ до такой степени сосредоточить свои способности на наукѣ, чтобы достигнуть высшаго мѣста, однакожъ живость его ума была замѣчена, а вѣрность его памяти обнаруживалась такъ часто, что по словамъ одного изъ тогдашнихъ его друзей «докторъ постоянно обращался къ нему за годами и за подробностями сраженій и другихъ замѣчательныхъ произшествій, упоминаемыхъ въ Горацiѣ или другомъ писателѣ, котораго ему случалось объяснять, и обыкновенно называлъ его класснымъ историкомъ.»

Digitized by Google

Въ отношеніи подвиговъ *на дворѣ* надобно замѣтить, что хотя здѣсь физическій недостатокъ нашего героя былъ слишкомъ ощутителенъ, за то его честолюбію открывался большой просторъ въ томъ отношеніи, что онъ преодолѣвалъ этотъ недостатокъ и возвышался до равенства съ лучшими изъ своихъ товарищей. Лѣтъ черезъ сорокъ, онъ разсказывалъ одному пріятелю, о первомъ появленіи своемъ на училищномъ дворѣ. Случилось, что между тѣмъ и другимъ мальчикомъ завязался какой-то споръ и противникъ Вальтера-Скотта воскликнулъ:

— Да что мнѣ болтать съ калекою!

— Еслибъ я могъ сражаться *верхомъ*, отвѣчалъ маленькій Вальтеръ-Скоттъ: — то я бы пересчиталъ у тебя кулакомъ всѣ кости!

Тутъ одинъ изъ старшихъ товарищей предложилъ посадить противниковъ лицомъ къ лицу на большую доску, и когда это было сдѣлано, будущій бардъ кровопролитныхъ схватокъ порядкомъ поколотилъ своего соперника и увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

«Впрочемъ кулачные бои воспитанниковъ высшаго училища происходили главнѣйшимъ образомъ внѣ стѣнъ минервина храма. Вотъ какъ онъ разсказываетъ о нихъ въ общемъ предисловіи къ «Веверлеевскимъ повѣстямъ.»

«Извѣстно всѣмъ, говоритъ онъ:—что въ наше время кулачные бои не въ большомъ ходу въ шотландскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ назадъ на эдинбургскихъ улицахъ позволялись самыя опасныя стычки между партіями школьниковъ, къ униженію тогдашней полиціи. Эти партіи обыкновенно составлялись по частямъ города, въ которыхъ жили сражающіеся, и бой шелъ преимущественно между обитателями частей, сосѣдящихъ между собою. Отсюда случалось, что мальчики высшихъ классовъ часто вооружались противъ мальчиковъ низшихъ и каждый приставалъ къ той или другой сторонѣ, смотря по мѣсту жительства ихъ пріятелей. Но сколько мнѣ помнится, эти бои не имѣли ничего общаго съ демократическими или

Digitized by Google

аристократическими чувствами, равно какъ и съ злобою или какимъ-нибудь недоброжелательствомъ къ противной партіи. Это былъ не болѣе, какъ грубый родъ игры. А между тѣмъ въ такихъ схваткахъ не рѣдко доходило до камней и палокъ. По этому случались иногда въ подобныхъ стычкахъ серьёзныя несчастія, какъ это могутъ засвидѣтельствовать многіе очевидцы.

«Отецъ мой, продолжаетъ Вальтеръ Скоттъ:—жилъ въ Джоржъ-Скверѣ, въ южной части Эдинбурга, и мальчики, принадлежавшіе къ его дому, съ другими, жившими въ Скверѣ, образовали родъ военной роты, которой одна знатная дама подарила прекрасныя кокарды. Эта рота или полкъ, смотря по обстоятельствамъ—еженедѣльно давала сраженіе мальчикамъ, жившимъ въ сосѣднихъ предмѣстьяхъ. Эти послѣдніе были большею частью дѣти изъ низшихъ сословій, но это не мѣшало имъ быть очень дерзкими шалунами, бросать камнями и сражаться такъ же храбро, какъ и мы. Схватка иногда длилась цѣлый вечеръ, пока та или другая сторона брала верхъ. Если побѣда была на нашей сторонѣ, мы гнали непріятелей до ихъ жилищъ и были обыкновенно прогоняемы оттуда большими мальчиками, которые приходили къ нимъ на помощь. Если же напротивъ, то мы бѣжали, какъ это часто и случалось, въ предѣлы своего Сквера, гдѣ мы въ свою очередь были поддерживаемы нашими старшими братьями, слугами и тому подобными союзниками. Отъ частыхъ нашихъ столкновеній происходило, что, не зная именъ нашихъ противниковъ, мы очень хорошо знали ихъ по наружности и по прозвищамъ, которыя давались замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ. Одинъ очень дѣятельный и смѣлый мальчикъ могъ считаться главнымъ предводителемъ когорты предмѣстій. Ему было, я полагаю, тринадцать или четырнадцать лѣтъ: онъ былъ статенъ, высокъ, имѣлъ голубые глаза и длинные прекрасные волосы,— настоящее изображеніе молодаго Бота. Этотъ мальчикъ былъ всегда первымъ въ нападеніи и послѣднимъ въ ретирадѣ—вмѣстѣ Ахиллесъ и Аяксъ предмѣстій. Онъ былъ такъ страшенъ для

Digitized by Google

насъ, что не могъ остаться безъ прозвища, и оно было дано ему, подобно прозвищамъ старинныхъ рыцарей, по самой замѣтной части его одежды, которою у него были старые зеленые ливрейные штаны, составлявшіе главную часть его костюма, ибо онъ всегда вступалъ въ битву съ обнаженными руками и ногами, какъ Пентаполинъ, о которомъ разсказываетъ Донъ-Кихотъ.

«Случилось, что однажды, когда свалка была въ самомъ разгарѣ, этотъ плебейскій витязь сдѣлалъ такой сильный натискъ, что все передъ нимъ побѣжало. Онъ былъ нѣсколькими шагами впереди своихъ товарищей, и уже схватилъ рукою знамя патриціевъ, какъ одинъ изъ нашихъ, одушевясь ревностью къ чести нашего ополченія, ударилъ *зеленые штаны*, какъ мы его прозывали, охотничьимъ ножемъ въ голову и повергъ на землю. При этомъ зрѣлищѣ, которому еще не бывало примѣра, обѣ стороны пустились бѣжать къ своимъ жилищамъ, оставя бѣднягу Зеленые Штаны съ его прекрасными, окровавленными волосами на попеченіе караульнаго, который былъ такъ добръ, что не замѣтилъ, кто нанесъ рану. Кровавый ножъ былъ брошенъ на дорогѣ въ канаву, и всѣ мы поклялись хранить тайну ненарушимо. Но угрызенія совѣсти и ужасъ преступника были внѣ всякихъ предѣловъ, и онъ мучился самыми мрачными опасеніями. Между тѣмъ раненный герой провелъ нѣсколько дней въ больницѣ и выздоровѣлъ совершенно, потому что рана была не опасна. Но сколько ни дѣлали ему допросовъ, ничто не убѣдило его объявить, кто ударилъ его ножемъ, хотя это должно было быть ему совершенно извѣстно. Когда онъ вышелъ изъ больницы, я съ братомъ вошелъ съ нимъ въ сношенія посредствомъ продавца пряниковъ, у котораго обѣ враждебныя партіи покупали товаръ, и предлагалъ ему принять денежную награду за полученную имъ рану. Сумма наша разсмѣшила бы читателей, еслибъ я объявилъ ее; но я увѣренъ, что въ карманѣ зеленыхъ штановъ никогда не было столько денегъ. Онъ однакожъ, отклонилъ наше предложеніе, сказавъ, что онъ не продаетъ своей крови, но въ то-

Digitized by Google

же время выразилъ свое отвращеніе къ мысли быть доносчикомъ. Съ большимъ трудомъ мы убѣдили его принять фунтъ нюхательнаго табаку для какой-то старушки—тетки, бабушки, что ли, съ которою онъ жилъ. Мы не сдѣлались друзьями, потому что битвы были для обѣихъ сторонъ пріятнѣе какихъ-нибудь болѣе мирныхъ занятій; но мы вели ихъ въ послѣдствіи, оказывая взаимно другъ другу высокое уваженіе.»

Въ теченіе нѣкотораго времени пребыванія своего въ высшемъ училищѣ, маленькой Вальтеръ ежедневно занимался по одному часу чистописаніемъ и ариѳметикою въ маленькой семинаріи, куда приходили на уроки также и дѣвочки. Одна изъ нихъ сиживала съ нимъ за однимъ столомъ и сохранила о немъ тѣмъ болѣе интересныя для насъ воспоминанія, что въ послѣдующее время своей жизни она вовсе не была съ нимъ знакома.

«Онъ пользовался, пишетъ она:—вниманіемъ и любовью всѣхъ своихъ соучениковъ и соученицъ, потому что былъ всегда уменъ, затѣйливъ, веселъ и обладалъ этою образованною мягкостью обращенія, которая пролагаетъ себѣ путь къ каждому сердцу. Воображеніе его работало безпрестанно, и онъ часто увлекалъ всѣхъ своими разсказами. Самъ нашъ наставникъ, г. Мортонъ, хохоталъ такъ же какъ и маленькіе школьники надъ его забавными оборотами рѣчи и шутками. Онъ ничего не дѣлалъ такъ какъ другіе, но даже если ему нужны были, напримѣръ, чернилы, онъ и тутъ умѣлъ ввернуть какую-нибудь смѣшную прибаутку. Иногда впрочемъ онъ занималъ насъ серьёзнѣе, разсказывая намъ свои *видѣнія*, какъ онъ называлъ ихъ, которыя представлялись ему, когда онъ лежалъ одинъ на полу или на софѣ, будучи не совсѣмъ здоровъ и оставшись дома въ то время, когда все семейство уходило въ церковь. Не смотря на свое малолѣтство, я не могла не восхищаться его описаніями видѣннаго имъ великолѣпія въ таинственныхъ горныхъ странахъ, которыя онъ посѣщалъ въ своемъ восторженномъ состояніи. Припоминая эти описанія, я, не смотря на ихъ свѣтлый колоритъ, часто

Digitized by Google

потомъ думала, что умъ его былъ склоненъ къ суевѣрію, ибо чудесное, порожденное просто его воображеніемъ, такъ сильно на него дѣйствовало, что выраженіе его лица, обыкновенно умно-благосклонное и вмѣстѣ невинно-насмѣшливое, разительно перемѣнялось, когда онъ говорилъ о своихъ видѣніяхъ и обнаруживало сильную напряженность чувства, какъ будто онъ самъ былъ пораженъ своимъ разсказомъ.... Еще прибавлю, что онъ во время ходьбы всегда опускалъ глаза въ землю, какъ бы въ задумчивости, но при этомъ лицо его не теряло пріятнаго выраженія, словно онъ наслаждался своими мыслями. Увидя его однажды, невозможно было уже позабыть его. По этому, послѣ всѣхъ переворотовъ долгой моей жизни, я постоянно вижу его глазами души моей въ такой свѣжести, какъ будто видѣла его только вчера.»

Должно быть, въ это время случилось происшествіе, которое, по словамъ Вальтера Скотта «напечатлѣло въ его умѣ первые ужасные образы изъ сценъ дѣйствительной жизни.» Бабушка его, мистрисъ Маргарита Свинтонъ, которой необыкновенную силу характера онъ изобразилъ въ предисловіи къ повѣсти о Зеркалѣ Тетушки Маргариты, жила съ одной служанкою въ небольшомъ домикѣ, недалеко отъ дома его отца въ Джордтсъ-Скверѣ. Служанка, въ непредвиденномъ припадкѣ безумія, ударила свою госпожу топоромъ, убила на смерть, потомъ выбѣжала въ бѣшенствѣ на улицу съ кровавымъ оружіемъ въ рукѣ и объявила объ ужасномъ своемъ поступкѣ. Нѣтъ надобности распространятся о томъ, какое дѣйствіе имѣло это событіе на добродѣтельный и дружелюбный семейный кружокъ Вальтера Скотта. Старушка была нѣжно привязана къ своему внуку. «Она всегда была нашимъ прибѣжищемъ въ болѣзни, говоритъ онъ: — а когда мы уставали отъ своихъ шумныхъ игръ, мы собирались вокругъ нея слушать ея повѣсти.»

Въ это же время родители Вальтера Скотта приняли къ себѣ въ домъ, въ качествѣ наставника дѣтей, Джемса Митчеля, который составилъ записки обо всемъ, что почи-

Digitized by Google

талъ достойнымъ вниманія въ своей жизни, подъ заглавіемъ: «Записки о замѣчательнѣйшихъ случаяхъ и дѣлахъ моей жизни, составленныя въ надеждѣ, что когда меня не будетъ на свѣтѣ, они могутъ быть читаны съ пользою и удовольствіемъ моими дѣтьми.» Сообщаемъ изъ этого чистосердечнаго разсказа нѣкоторыя извлеченія, относящіяся къ семейству Вальтера Скотта.

«Мистеръ Скоттъ, говоритъ онъ: — былъ красивой наружности человѣкъ, перешедшій уже въ то время немного за полдень жизни, съ важными, но пріятными манерами. Должностныя занятія его были обширны. Это былъ человѣкъ испытанной честности, строгой нравственности, почитатель религіи и ея уставовъ. Каждый праздничный день мистеръ и мистрисъ Скоттъ ходили въ свою приходскую церковь, въ сопровожденіи молодаго роя дѣтей и прислуги. Это была такая милая и примѣрная картина, на которую я не могъ довольно налюбоваться. По заведенному въ семействѣ похвальному обычаю, главы его, дѣти и слуги собирались по воскреснымъ вечерамъ въ гостиной и разсуждали о церковномъ катихизисѣ и о проповѣдяхъ, слышанныхъ ими въ тотъ день; при чемъ я исполнялъ должность капеллана и заключалъ общую бесѣду молитвою. Я слыхалъ отъ мистрисъ Скоттъ, что мистеръ Скоттъ никогда не былъ совращенъ съ пути добродѣтели; напротивъ, наученъ уважать добрую нравственность отъ своей юности. Когда онъ только что пріѣхалъ въ Эдинбургъ для занятій по своей профессіи, нѣкоторые изъ его школьныхъ товарищей, прибывшіе также на жительство въ Эдинбургъ, пытались разрушить его правила и развратить его нравственность; но найдя его непоколебимымъ въ добродѣтельномъ поведеніи, оставили свою попытку, и однакожъ, вмѣсто того, чтобъ охладѣть къ нему въ дружбѣ, привязались къ нему больше прежняго и почтили его своею довѣренностью и покровительствомъ; что конечно должно служить увлекательнымъ примѣромъ для молодыхъ людей при началѣ жизни.»

О матери Вальтера Скотта г. Митчель отзывается также съ величайшими похвалами и между прочимъ говоритъ:

Digitized by Google

«За нѣсколько лѣтъ до моего вступленія въ этотъ домъ, я слышалъ отъ одного изъ служителей, что она находилась въ глубокомъ безпокойствѣ о спасеніи своей души, которое наконецъ перешло въ увѣренность въ истинѣ христіанства и въ наслажденіе его божественными утѣшеніями.

Замѣчательно также, по отношенію къ стихіи, окружавшей дѣтство великаго романиста, сообщаемое г. Митчелемъ воспоминаніе мистрисъ Скоттъ о набожности ея отца, знаменитаго врача и ученаго. Прописавъ паціенту лекарство, онъ имѣлъ обычай помолиться въ то же время Богу о ниспосланіи больному благодати здоровья.»

Далѣе онъ говоритъ о дѣтяхъ Скоттова дома, которыя большею частью обучались въ публичныхъ завеленіяхъ, и потому обязанности его главнымъ образомъ состояли въ томъ, чтобы помогать имъ въ исполненіи уроковъ.

«Я долженъ отдать, говоритъ: — полное преимущество предъ прочими какъ въ отношеніи къ характеру, такъ и въ отношеніи къ поведенію и способностямъ, природнымъ или пріобрѣтеннымъ, мистеру Вальтеру, въ послѣдствіи славному серу Вальтеру. Хотя онъ, подобно другимъ дѣтямъ, былъ порученъ, моему попеченію, но занятіе его воспитаніемъ стóило мнѣ сравнительно небольшого труда, такъ какъ онъ при своей быстротѣ ума, твердости памяти и прилежаніи къ наукамъ, почти равныхъ между собою, легко исполнялъ все, что я или другіе ему назначали. Можно сказать, что мистеръ Вальтеръ былъ не воспитанникомъ моимъ, а другомъ и собесѣдникомъ, а также — могу прибавить — и помощникомъ, ибо онъ своимъ примѣромъ и увѣщаніями сильно поддерживалъ мое вліяніе и поощрялъ другихъ моихъ питомцевъ къ труду и хорошему поведенію. Во все время моего пребыванія въ домѣ, я рѣдко имѣлъ случай найти въ немъ какую нибудь вину даже въ мелочахъ, и только однажды погрозилъ ему серьезнымъ наказаніемъ, о которомъ едва онъ узналъ, какъ вдругъ вскочилъ, бросился ко мнѣ на шею и поцѣловалъ меня. Нечего говорить, что я тотчасъ же позабылъ о задуманномъ наказаніи. Это благородное обращеніе ко мнѣ тотчасъ пре-

Digitized by Google

вратило мое неудовольствіе въ почтеніе и удивленіе; душа моя исполнилась нѣжности, и я готовъ былъ смѣшать мои съ его слезами. Нѣсколько случаевъ, относящихся къ нему, въ этотъ ранній періодъ его жизни, и нѣкоторые интересные и полезные разговоры мои съ нимъ, глубоко напечатлѣвшіеся тогда въ умѣ моемъ и незабытые мною до сихъ поръ въ теченіе почти полувѣка, несомнѣнно уже предсказывали его будущее величіе и славу. При вступленіи моемъ въ домъ, онъ былъ, сколько мнѣ помнится, мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати или тринадцати и находился въ ректорскомъ классѣ. Не смотря на умственное превосходство свое надъ другими мальчиками, онъ рѣдко первенствовалъ въ училищѣ, хотя вообще былъ въ числѣ лучшихъ воспитанниковъ. Это вовсе не удивительно, ибо часто бывало замѣчаемо, что дѣти оригинальнаго ума отставали въ изученіи мертвыхъ языковъ отъ тѣхъ, которые были гораздо ниже ихъ. Докторъ Адамъ, ректоръ, славный своимъ знаніемъ латинскаго языка, всегда пользовался высокимъ уваженіемъ со стороны мистера Вальтера, чему можетъ служить доказательствомъ тотъ случай, что онъ въ отмщеніе за нанесенную ректору обиду отъ другаго учителя, пришпилилъ этому послѣднему къ фраку лоскутикъ бумаги съ стихомъ изъ Виргилія, такъ удачно подобраннымъ, что учитель сдѣлался посмѣшищемъ всего заведенія. Хотя эта ребяческая выходка не имѣетъ въ себѣ ничего хорошаго по духу христіянства, но она достойна вниманія въ томъ отношеніи, что внушена была не личнымъ мщеніемъ, а чувствомъ преданности къ почтенному обиженному человѣку и желаніемъ унизить другаго, котораго онъ считалъ человѣкомъ негоднымъ.

«Гуляя однажды со мною, онъ нашелъ на землѣ пол-гинеи. Вмѣсто того, чтобы присвоить эту находку себѣ, онъ, повинуясь чувству честности, оглядѣлся кругомъ и замѣтивъ поселянина, предположилъ въ немъ прежде всего хозяина потерянной монеты. Поселянинъ былъ спрошенъ, не потерялъ ли онъ чего нибудь, осмотрѣлъ свои карманы и объявилъ, что потерялъ пол-гинеи. Тогда мистеръ Вальтеръ

Digitized by Google

съ удовольствіемъ возвратилъ ему его сокровище. Я отъ души похвалилъ его благоразуміе въ отысканіи настоящаго владѣльца пропажи и честность, съ которою онъ возвратилъ ее.

«Въ церкви мистеръ Вальтеръ чувствовалъ больше позыва къ сну, нежели прочія дѣти. Въ немъ это свойство, казалось, было врожденнымъ. Всякой разъ его будилъ кто нибудь изъ семейства, и потому можно заключить, что онъ представлялъ жалкую фигуру въ воскресные вечера, когда разбирались утреннія проповѣди. Но все семейство дивилось, что никто изъ дѣтей, при всемъ ихъ бодрствованіи, не могъ отвѣчать такъ обстоятельно на вопросы, какъ онъ. Я объясняю это единственно тѣмъ, что ему достаточно было услышать только текстъ и раздѣленіе предмета, его здравый толкъ, память и талантъ подсказывали ему тѣ самыя мысли, которыя могли притти въ голову проповѣднику.»

Отъ доктора Адама Вальтеръ Скоттъ долженъ былъ перейти, какъ водилось въ Коллегію; но быстрый ростъ ослабилъ его физическія силы, и отецъ его легко согласился съ мнѣніемъ врачей, что мальчику необходимо провести хоть полъ-года въ деревнѣ. Рѣшено было поселить его въ Кельзо у старой его пріятельницы, тетушки Дженни, которую онъ часто посѣщалъ здѣсь и прежде, во время вакацій. Воспоминаніе объ усадьбѣ миссъ Дженни сохранилъ онъ до позднихъ лѣтъ и описалъ его, по одному случаю, въ 1828 году.

«Рѣдкость садовъ въ голландскомъ вкусѣ, говоритъ онъ:— дѣлаетъ ихъ въ наше время чѣмъ-то въ родѣ антиковъ, и дѣйствительно они придаютъ особенный характеръ уютнымъ, тихимъ и уединеннымъ мѣстоположеніямъ, которые безъ того не имѣли бы никакой отличительной черты. Въ памяти моей живетъ давнишнее и пріятное воспоминаніе о такой уединенной мѣстности. То былъ небольшой сельскій домикъ примыкавшій къ красивому городку. Въ немъ жила одна старая дѣвица, у которой я провелъ нѣсколько времени. Его окружалъ садъ въ семь или восемь акровъ, насаженный около начала осьмнадцатаго столѣтія. Садъ былъ изрѣзанъ длинными прямыми дорожками, и окруженъ со всѣхъ сторонъ высокими

Digitized by Google

зелеными стѣнами изъ тиса и грабины. Въ саду были вензеля изъ цвѣточныхъ кустарниковъ, бесѣдка и павильонъ, въ который ходъ былъ черезъ небольшую сѣть перепутанныхъ между собой дорожекъ, называемую лабиринтомъ. Посреди павильона росъ великолѣпный Platanus или восточный чинаръ — огромная купа листьевъ — одинъ изъ благороднѣйшихъ обращиковъ правильно-прекрасныхъ деревьевъ, какія только мнѣ случалось видать. Въ разныхъ частяхъ сада были красивыя орнаментальныя деревья, достигшія широкаго развитія, а фруктовое его отдѣленіе наполнено было отборными плодовитыми деревьями. Я посѣтилъ это мѣсто спустя много лѣтъ послѣ. Его видъ уединенія и уютности совершенно исчезъ; огромный чинаръ погибъ, подобно многимъ своимъ собратьямъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія; зеленыя стѣны были уничтожены, деревья вырыты съ корнями, и весь характеръ сада до такой степени разрушенъ, что я радъ былъ, когда очутился внѣ ограды.»

Въ этихъ словахъ отзывается любовь поэта къ усадьбѣ миссъ Дженни Скоттъ, неразлучная съ пріятными воспоминаніями, наполнявшими для него это мѣсто. Вспомнимъ, какъ онъ отзывался о переселеніи своемъ изъ деревенскаго уединеннаго приволья въ многочисленный семейный кругъ. Теперь онъ очутился снова на свободѣ и только для того, чтобъ не забывать латинскаго языка, ходилъ на нѣсколько часовъ ежедневно въ городское грамматическое училище. Ректоръ этого заведенія, г. Гуэль, радъ былъ отъ начальныхъ основаній латыни и Корнелія Непота, которыми онъ занимался съ своими питомцами, перейти къ Персію и Тациту съ Вальтеромъ Скоттомъ, и какъ объясненіе этихъ авторовъ было для него трудомъ пріятнымъ, то Virtuoso нашъ сдѣлалъ подъ его руководствомъ значительные успѣхи.

«Между тѣмъ, говоритъ Вальтеръ Скоттъ въ своей автобіографіи: — знакомство мое съ англійской литературою разширилось. Въ промежуткахъ моего учебнаго времени я постоянно читалъ съ жадностью историческія сочиненія, стихотворенія и путешествія, какія только попадали мнѣ въ

Digitized by Google

руки, не оставляя и перечитанныхъ уже разъ по десяти волшебныхъ повѣстей, восточныхъ исторій, романовъ и проч. Эти занятія вовсе не были ни регулярны, ни направляемы къ какой нибудь цѣли. Наставникъ мой (Митчель) считалъ почти грѣхомъ развернуть свѣтскую театральную пьесу или поэму, а матушка, кромѣ нѣкотораго препятствія со стороны его скрупулезныхъ внушеній, не имѣла больше удобнаго времени, для слушанія, по прежнему, моего чтенія. Впрочемъ я нашелъ въ ея уборной — гдѣ я въ теченіе нѣкотораго времени спалъ — нѣсколько разрозненныхъ томовъ Шекспира, и не могу забыть восхищенія, съ которымъ я читалъ его, сидя въ одной рубашкѣ, у огня въ ея комнатѣ, до тѣхъ поръ пока шумъ встававшей изъ-за ужина семьи давалъ мнѣ знать, что пора мнѣ убираться на свою постель, въ которой считали меня спокойно спящимъ съ девяти часовъ. Случай, однакожъ, послалъ мнѣ наставника въ поэзіи, и это былъ ни кто другой, какъ почтенный и благосклонный докторъ Блаклокъ, очень извѣстный въ то время литераторъ. Не знаю, какъ обратилъ я на себя вниманіе его и нѣсколькихъ молодыхъ людей, его пансіонеровъ; только я сдѣлался тамъ частымъ и любимымъ гостемъ. Добрый старикъ открылъ для меня сокровища своей библіотеки, и по его рекомендаціи я познакомился съ Оссіаномъ и Спенсеромъ. Оба они восхищали меня, но послѣдній больше. Пустыя повторенія оссіановской фразеологіи наскучили мнѣ гораздо скорѣе, нежели можно было ожидать отъ мальчика моихъ лѣтъ; тогда какъ Спенсера я готовъ былъ читать вѣчно. Я былъ такъ молодъ, что не безпокоился объ аллегоріи; смотрѣлъ на всѣхъ рыцарей, красавицъ, драконовъ и великановъ съ ихъ наружной, открытой стороны, только одинъ Богъ знаетъ, какъ я бывало радуюсь, очутясь въ такомъ обществѣ. Такъ какъ я всегда обладалъ рѣдкою способностью удерживать въ памяти всѣ понравившіеся мнѣ стихи, то количество спенсеровыхъ стансовъ, которыя я былъ въ состояніи прочитать наизусть, было истинно удивительно. Но моя память была союзникомъ невѣрнымъ и во всю мою жизнь дѣйство-

Digitized by Google

вала по своимъ капризнымъ движеніямъ, такъ что я могъ бы присвоить себѣ отвѣтъ стараго Битти изъ Микльдаля, который, на комплиментъ одной почтенной духовной особы относительно той же способности, отвѣчалъ: «Нѣтъ, сэръ, я не имѣю никакой власти надъ своей памятью. Она удерживаетъ только то, что тѣшитъ мое воображеніе, и вѣроятно, сэръ, еслибъ вы стали читать мнѣ часа два проповѣдь, то по окончаніи я бы не припомнилъ ни одного слова изъ всего, что вы сказали.» *Моя* память была именно въ этомъ родѣ; рѣдко она не удерживала чрезвычайно крѣпко любимое стихотворное мѣсто, театральную пѣсню и всего больше пограничную балладу; но имена, числа и другія техническія принадлежности исторіи ускользали отъ меня самымъ жалкимъ образомъ. Философія исторіи — этотъ чрезвычайно важный предметъ — была также для меня въ то время запечатанной книгою; но я мало по малу накопилъ въ умѣ много того, что есть поразительнаго и живописнаго въ историческомъ повѣствованіи, и когда въ болѣе зрѣлыя лѣта я прилежнѣе занялся выводомъ общихъ причинъ, у меня былъ огромный запасъ примѣровъ для объясненія ихъ. Словомъ, я былъ подобенъ невѣжественному игроку, который до тѣхъ только поръ хорошо играетъ, пока знаетъ, какъ играть.

«Такимъ образомъ я оставилъ Высшее Училище съ большимъ количествомъ общихъ свѣдѣній, конечно плохо подобранныхъ и набранныхъ безъ всякой системы, но глубоко впечатлѣвшихся въ моемъ умѣ. Онѣ были наскоро приведены въ порядокъ силою моей способности связывать и памяти, и позолочены — если можно такъ выразиться — воображеніемъ. Если мои занятія не имѣли никакого направленія въ Эдинбургѣ, то легко представить, что въ деревнѣ — тѣмъ менѣе. Моему случайному любопытству была открыта почтенная по древности своего состава библіотека для чтенія вмѣстѣ съ нѣсколькими частными полками книгъ, и я бродилъ въ потокѣ новыхъ свѣдѣній подобно тому, какъ слѣпецъ бродилъ по рѣчному «перелазу,» не зная, какъ искать дороги, кромѣ ощупью. Жажда моя къ книгамъ была такъ

Digitized by Google

же неразборчива, какъ и ненасытима, и я часто послѣ сожалѣлъ, что читалъ такъ много, но такъ мало извлекалъ пользы изъ чтенія.

«Въ числѣ важныхъ умственныхъ моихъ пріобрѣтеній этаго времени было знакомство съ «Освобожденнымъ Іерусалимомъ» Тасса, въ плохомъ переводѣ Гуля. Но еще важнѣе для меня было то, что я узналъ «Остатки старинныхъ стихотвореній,» епископа Перси. Такъ какъ я съ самаго дѣтства пристрастился къ легендному складу идей, и только по скудности матеріаловъ и грубости тѣхъ, которыми владѣлъ, отрывался отъ легендъ къ другимъ умственнымъ удовольствіямъ, то можно вообразить, но нельзя описать, съ какимъ восторгомъ я увидѣлъ пьесы, подобныя тѣмъ, которыя были забавою моего дѣтства и все еще оставались въ тайнѣ Далилою моего воображенія. Здѣсь онѣ сдѣлались предметомъ серьезныхъ изслѣдованій, важныхъ комментаріевъ, и глубокомысленныхъ объясненій издателя, который доказалъ, что его поэтическій талантъ былъ способенъ соперничать съ лучшими изъ пьесъ, сбереженныхъ его безцѣннымъ трудолюбіемъ. Я помню даже мѣсто, на которомъ я въ первый разъ читалъ это изданіе. Это было подъ огромнымъ чинаромъ, въ саду, о которомъ я упомянулъ. Лѣтній день проходилъ для меня такъ быстро, что, не смотря на свѣжій аппетитъ тринадцати-лѣтняго возраста, я забылъ объ обѣдѣ; меня принялись искать съ безпокойствомъ и нашли пресыщающимся умственною моей трапезою. Читать и припоминать было для меня въ то время одно и то же, и съ тѣхъ поръ я надоѣдалъ своимъ школьнымъ товарищамъ и всѣмъ, кому была охота меня слушать, трагическими выдержками изъ балладъ епископа Перси. Я воспользовался первою возможностью скопить нѣсколько шиллинговъ, которые попадали въ мои руки не очень часто, чтобы пріобрѣсть собственный экземпляръ этой безцѣнной книги, и не думаю, чтобы какую-либо книгу читалъ я въ половину такъ часто и съ такимъ увлеченіемъ. Около этого же времени я познакомился съ сочиненіями Ричардсона и Маккензи (котораго

Digitized by Google

въ послѣдствіи пріобрѣлъ право называть своимъ другомъ,) съ Фильдингомъ, Смоллетомъ и другими лучшими нашими повѣствователями.

«До этого же періода я могу ясно прослѣдить проявленіе во мнѣ восхитительнаго чувства красотъ природы, которое съ тѣхъ поръ никогда уже меня не оставляло. Окрестности Кельзо, красивѣйшаго, если не самаго романтическаго городка въ Шотландіи, чрезвычайно способствовали къ возбужденію этого чувства. Они представляютъ предметы, не только величественные сами по себѣ, но привлекательные и по своей совокупности. Сліяніе двухъ картинныхъ и прославленныхъ въ пѣсняхъ рѣкъ Твида и Тевіота; развалинъ стариннаго аббатства; болѣе отдаленные слѣды замка Роксбурга, новѣйшій домъ Флеровъ, соединяющій, въ своей архитектурѣ намеки на древнее барэнское величіе съ произведеніями современнаго вкуса, — все это предметы первоклассные; но они такъ между собой перемѣшаны, соединены и перепутаны съ тысячами другихъ красотъ менѣе бросающихся въ глаза, что составляютъ одну гармоническую общую картину и нравятся больше своею связью, нежели согласіемъ. Я думаю, что мои выраженія въ этомъ случаѣ не совсѣмъ ясны, но предметъ такого рода, что его удобнѣе было бы выразить кистью, нежели перомъ. Романтическія чувства, преобладавшія въ моемъ умѣ, естественно останавливались на немъ и сроднялись съ грандіозными чертами окружавшаго меня пейзажа, а историческія событія или дышащія преданіями легенды, соединенныя со многими изъ нихъ, придавали моему чувству красоты нѣчто подобное глубокому уваженію, отъ котораго иногда моему сердцу становилось слишкомъ тѣсно въ груди. Съ этого времени любовь къ красотамъ природы, и въ особенности къ соединеннымъ съ старинными развалинами, или остатками предковскаго благочестія и исчезнувшаго великолѣпія, обратилась во мнѣ въ ненасытимую страсть, которую я готовъ бы былъ удовлетворять, путешествуя по всему полушарію, еслибъ только это позволили мнѣ мои обстоятельства.»

Digitized by Google

Посѣщеніе публичнаго училища въ Кельзо замѣчательно въ жизни Вальтера Скотта въ томъ отношеніи, что чрезъ это онъ познакомился съ купеческимъ семействомъ, котораго два члена принимали въ послѣдствіи близкое участіе въ самыхъ важныхъ литературныхъ его предпріятіяхъ. Одинъ изъ нихъ, Джемсъ Баллантинъ, напечаталъ почти его сочиненія, а его братъ Джонъ принималъ участіе въ изданіи многихъ изъ нихъ. Записка Джемса Баллантина, надиктованная имъ на смертномъ одрѣ, когда уже не было на свѣтѣ его знаменитаго друга, заключаетъ въ себѣ много характеристическихъ подробностей, относящихся къ жизни и характеру Вальтера Скотта. На первый разъ приведемъ изъ него нѣсколько строкъ, дорисовывающихъ дѣтскій портретъ шотландскаго барда.

«Впечатлѣніе, производимое его обхожденіемъ, говоритъ Джемсъ Баллантинъ: — было и въ тотъ ранній періодъ его жизни весьма глубоко, и я не могу указать другого примѣра, что бы взрослый человѣкъ такъ много и такъ долго походилъ на мальчика, которымъ онъ нѣкогда былъ. Вальтеръ Скоттъ въ то время былъ такимъ же любителемъ старины, какъ и въ послѣдствіи, и безъ сомнѣнія лучшимъ разскащикомъ, какого только я встрѣчалъ до тѣхъ поръ или послѣ. Онъ скоро открылъ, что я столько же любилъ слушать, какъ онъ разсказывать, и бывало каждый день овладѣвъ своимъ урокомъ — тогда какъ я, увы! все еще потѣю надъ своимъ — шепнетъ мнѣ на ухо: «Поди, Джеми, присядь ко мнѣ, я разскажу тебѣ исторію.»... Въ промежуткахъ учебныхъ часовъ, мы обыкновенно гуляли съ нимъ по берегамъ Твида и занимались всё тѣмъ же, потому, что его исторіи казались неистощимыми.»

Изъ школьныхъ товарищей въ Кельзо былъ близокъ къ Вальтеру Скотту еще Робертъ Вальди, котораго знакомству онъ обязанъ многими пріятными впечатлѣніями какъ во время своего пребыванія въ усадьбѣ тетушки Дженни, такъ и послѣ въ Розбенкѣ. О его дружескомъ вниманіи онъ до конца жизни сохранилъ благодарное воспоминаніе, какъ

Digitized by Google

это можно видѣть на каждой страницѣ его сочиненій, гдѣ только онъ говоритъ объ Обществѣ Друзей. Мать этого молодаго товарища, не смотря на то, что ее называли въ сосѣдствѣ «лэди Вальди,» принадлежала къ этому обществу, и Вальтеръ Скоттъ изобразилъ ея домашній бытъ и характеръ въ лучшихъ главахъ «Редгонтлета,» гдѣ онъ выводитъ на сцену домашнюю жизнь Іоссіи Джемса изъ Горы Шарона и его любезную сестру. Въ одномъ примѣчаніи къ этому роману онъ разсказываетъ о «щедрости и благосклонности» этой доброй старушки, которая позволяла ему «рыться въ своей небольшой, но прекрасной, библіотекѣ и уносить къ себѣ домой какой ему угодно томъ,» съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ въ то время взялъ съ собой нѣсколько брошюръ, напечатанныхъ для поддержанія и распространенія собственной ея секты.

«Она не вполнѣ надѣялась, прибавляетъ онъ: — что бы я сталъ самъ читать эти сочиненія, и потому справедливо опасалась связывать меня обѣщаніемъ; но просто желала, чтобъ я нашелъ въ своей сферѣ случай просвѣтить кого нибудь, въ случаѣ если бы прихоть, любопытство или случайность навели меня на эту идею.»

Обратимся къ автобіографіи Вальтера Скотта.»

«Я былъ вызванъ опять въ Эдинбургъ, говоритъ онъ: — и поступилъ въ Коллегію, гдѣ я въ одно и то же время зачисленъ былъ въ словесный классъ, находившійся въ распоряженіи мистера Гилля, и въ первый греческій классъ, котораго наставникомъ былъ мистеръ Дальзель. Первый изъ нихъ держалъ бразды дисциплины очень слабо, и хотя былъ любимъ своими студентами, потому, что былъ добродушный человѣкъ равно какъ и хорошій ученый, но не обладалъ искусствомъ возбуждать наше вниманіе въ такой степени, какъ снискивать любовь. Для меня былъ весьма опасенъ наставникъ, любившій также мало трудъ, какъ и я самъ, и я посреди болтовни въ его классѣ, скоро потерялъ много изъ того, что пріобрѣлъ подъ руководствомъ Адама и Гуэля. Въ греческомъ классѣ я могъ бы подвизаться съ бо́льшимъ успѣ-

Digitized by Google

хомъ, ибо профессоръ Дальзель имѣлъ надъ нами довольно власти; и не только былъ самъ превосходный ученый, но принималъ искреннее участіе и въ успѣхахъ своихъ студентовъ. Но тутъ была моя вина. Почти всѣ мои товарищи, вышедшіе изъ Высшаго Училища вмѣстѣ со мною, пріобрѣли поверхностное знаніе греческаго языка до вступленія въ Коллегію, а я, увы! никакого. Увидя себя далеко позади всѣхъ моихъ учениковъ, я не придумалъ ничего лучшаго для поддержанія моего равенства, какъ только объявить имъ мое пренебреженіе къ греческому языку и рѣшимость не учиться ему. Одинъ молодой человѣкъ, превосходно знавшій по гречески и скончавшійся въ молодыхъ лѣтахъ, смотрѣлъ на мою нерадивость и глупость съ сожалѣніемъ, вмѣсто презрѣнія. Онъ посѣтилъ меня въ Джорджъ-Скверѣ и высказавъ мнѣ въ сильныхъ выраженіяхъ нелѣпость моего поведенія, объявилъ мнѣ, что меня уже прозвали *Греческимъ Болваномъ*, и увѣщевалъ меня возстановить свою репутацію, пока не поздно. Упрямая моя гордость заставила меня принять этотъ совѣтъ съ мрачною учтивостью, такъ-какъ происхожденіе моего Ментора (онъ былъ сынъ содержателя гостинницы), по моему глупому мнѣнію, не давало ему права дѣлать мнѣ наставленія. Но онъ былъ не довольно проницателенъ, или его сознаніе великодушнаго намѣренія преодолѣло его огорченіе. Онъ предложилъ мнѣ заниматься со мною день и ночь, и брался поставить меня наравнѣ съ лучшими учениками въ нашемъ классѣ. Я почувствовалъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти, но оно было недостаточно для преодолѣнія моей гордости и высокаго о себѣ мнѣнія. Бѣдный мальчикъ оставилъ меня болѣе опечаленный, нежели разсерженный, и съ того времени мы больше не встрѣчались. Тогда исчезла вся моя надежда на успѣхи въ греческомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что когда мы должны были писать разсужденія объ авторахъ, которыхъ мы изучали, я имѣлъ смѣлость представить сочиненіе, въ которомъ сравнивалъ Гомера съ Аріостомъ и отдавалъ преимущество послѣднему. Я поддерживалъ эту ересь множествомъ начитанныхъ безъ толку фактовъ и пустыми

Digitized by Google

доказательствами. Гнѣвъ профессора былъ неописанъ, а между тѣмъ онъ не могъ скрыть своего удивленія къ множеству постороннихъ познаній, которыя были мною обнаружены. Онъ произнесъ надо мной строгій приговоръ — что я былъ неучъ и неучемъ останусь; но въ послѣдствіи прекрасный и ученый другъ мой снялъ съ меня это поношеніе за бутылкою бургондскаго въ литературномъ клубѣ, котораго онъ былъ почетнымъ членомъ.

«Между тѣмъ, какъ будто для того, чтобъ искоренить въ себѣ и послѣднее знаніе греческаго языка, я заболѣлъ и удалился въ другой разъ въ Кельзо, гдѣ я опять принялся читать все, что мнѣ нравилось, и слѣдовательно читалъ только то, что занимало мое вниманіе непосредственно. Мой умъ спасенъ былъ отъ крайней разсѣянности только моею склонностью къ занятіямъ исторіею, которая никогда не оставляла меня даже въ самый жалкій періодъ моего ученія. Я отрекся отъ латинскихъ классиковъ, самъ не знаю по какой причинѣ, — развѣ потому только, что они были похожи на греческихъ; впрочемъ, случайное чтеніе исторіи Бучанана, хроники Матвѣя Париса и другихъ монашескихъ лѣтописей поддержало во мнѣ нѣкоторое знакомство съ латинскимъ языкомъ въ его упадкѣ. Но я позабылъ даже и самыя буквы греческаго алфавита; потеря, никогда невознаградимая, если подумать, что это за языкъ и кто были тѣ, которые писали на немъ свои сочиненія.»

Здѣсь мы прервемъ разсказъ самого Вальтера Скотта замѣчаніемъ его зятя Локгарта, что вообще въ сужденіяхъ о своихъ ученическихъ успѣхахъ онъ почти всегда какъ будто не придавалъ надлежащей цѣны своимъ знаніямъ.

«Конечно, говоритъ Локгартъ: — онъ не имѣлъ притязанія на обширныя, а тѣмъ менѣе на точныя познанія въ латинской литературѣ; но, я думаю, что онъ былъ въ состояніи читать каждаго латинскаго автора какого бы то ни было вѣка такъ, чтобы безъ труда понимать его смыслъ; и хотя его любимый латинскій поэтъ, равно какъ и историкъ, подъ конецъ жизни былъ Бучананъ, однакожъ онъ сохранилъ,

Digitized by Google

или пріобрѣлъ въ послѣдствіи, сильную привязанность къ нѣкоторымъ болѣе древнимъ писателямъ, въ особенности же къ Лукану и Клавдіану. Что касается до греческаго языка, то онъ ни мало не преувеличилъ, сказавши, что позабылъ даже и азбуку; потому-что его озадачили слова ὠκεῖος и ποικίλης, которыя онъ долженъ былъ внести изъ какой-то книги въ свое «Введеніе въ Народную Поэзію,» написанное имъ въ 1830 году; и какѣ мнѣ случилось въ то время быть вмѣстѣ съ нимъ въ томъ же домѣ, то онъ послалъ за мной, чтобъ я внесъ ихъ въ его рукопись. Мнѣ также извѣстно, что онъ въ ранней молодости читалъ въ подлинникѣ «Торквато Тассо, Жиль-Блаза,» Guerras Civiles de Granada, Lazarillo de Formes и, всего больше, «Донъ Кихота.» Нѣмецкаго языка онъ узналъ, нѣсколько позже, столько, сколько было нужно для его обихода, въ который никогда не входило критическое изученіе иностранныхъ языковъ. Онъ въ нихъ искалъ только происшествій и картинъ; но стихотворныя сокровища находилъ онъ въ британской почвѣ. Вообще можно сказать, продолжаетъ Локгартъ: — что Вальтеръ Скоттъ, подобно всѣмъ истинно великимъ людямъ, воспиталъ самъ себя по всѣмъ отраслямъ знанія, которыми онъ пользовался въ созданіяхъ своего генія. Вѣрную характеристику своей учености представилъ онъ въ третьей главѣ «Веверлея,» гдѣ герой «блуждаетъ по книжному морю, подобно судну безъ кормчаго или гребца,» то есть повинуясь только сильному влеченію природной склонности. «Онъ много читалъ, сказано далѣе: — и накопилъ въ необыкновенно воспріимчивой памяти много любопытныхъ, хотя худо организованныхъ, и разнородныхъ свѣдѣній. Въ англійской литературѣ, онъ изучилъ Шекспира и Мильтона, также нашихъ болѣе старыхъ драматическихъ писателей, зналъ много живописныхъ и интересныхъ мѣстъ изъ нашихъ древнихъ историческихъ лѣтописей, въ собенности же былъ хорошо знакомъ съ Спенсеромъ, Драйтономъ и другими поэтами, упражнявшимися въ романтическомъ вымыслѣ, который такъ чаруетъ юношеское воображеніе, пока не поднимутся страсти и не потребуютъ болѣе сантиментальной поэзіи.»

Digitized by Google

Замѣчателенъ отзывъ самого Вальтера Скотта о недостаточности его образованія.

«Если, говоритъ онъ въ своей автобіографіи: — эти страницы попадутъ въ руки юношѣ, то пускай онъ знаетъ, что я въ лѣтахъ своей зрѣлости съ глубочайшимъ сожалѣніемъ вспоминаю обо всѣхъ пренебреженныхъ мною въ юности случаяхъ къ ученію; что въ каждой отрасли литературной моей дѣятельности я былъ стѣсняемъ и останавливаемъ моимъ невѣжествомъ, и что въ эту минуту я бы охотно отдалъ половину пріобрѣтенной мною репутаціи, если бы, въ замѣнъ ее, могъ остальную основать на прочномъ фундаментѣ учености.»

По возвращеніи Вальтера Скотта изъ Кельзо, отецъ его не заблагоразсудилъ воспитывать его долѣе въ Коллегіи и сдѣлалъ его помощникомъ по своей должности, съ тѣмъ, чтобъ онъ ознакомился съ техническою частью судопроизводства и могъ въ послѣдствіи принять на себя званіе адвоката. Это было въ 1785 году.

«Не могу сказать, говоритъ Вальтеръ Скоттъ: — чтобы я былъ плохимъ ученикомъ въ этой новой школѣ. Правда мнѣ не нравились дрязги бюрократіи, а сидячей жизни я терпѣть не могъ; но я любилъ отца и чувствовалъ естественную гордость и удовольствіе, что могу быть ему полезенъ. Я не былъ также чуждъ и честолюбія; а между моими товарищами по службѣ единственное средство удовлетворить честолюбію было прилежно и хорошо работать. Еще и другія обстоятельства примирили меня въ нѣкоторой степени съ моимъ заключеніемъ. Жалованье за копіи съ бумагъ, доставляло мнѣ средства читать книги и посѣщать театръ, а это было не маловажнымъ побужденіемъ къ работѣ. Принявшись хорошенько за дѣло, я никому не уступалъ въ прилежаніи, такъ, что мнѣ случалось исписывать 120 листовыхъ страницъ, не прерывая работы ни для ѣды, ни для отдыха. Кромѣ того служебные часы мои услаждались еще возможностью читать все, что мнѣ нравилось. Столъ мой наполненъ былъ обыкновенно разнаго рода томами, — пре-

Digitized by Google

имущественно вымышленными сочиненіями, составлявшими высшее мое наслажденіе. Впрочемъ повѣсти у меня были только высшаго разряда, потому, что хотя я читалъ ихъ множество, но съ большею разборчивостью, нежели можно было бы отъ меня ожидать. Надобно было имѣть искусство Бэрнея или чувство Маккензи, чтобъ увлечь мое вниманіе разсказомъ изъ домашней жизни. Но все, что пахло приключеніями и романтизмомъ, я пожиралъ безъ особенной разборчивости, и не шутя думаю, что я читалъ больше нелѣпостей въ этомъ родѣ, нежели кто бы то ни было. Въ особенности мнѣ нравилось все, что касалось странствующаго рыцарства, и скоро я самъ попробовалъ подражать тому, чему я столько дивился; впрочемъ моя попытка была въ повѣствовательномъ, а не въ стихотворномъ родѣ.

«Ближайшимъ моимъ другомъ, со-временъ моего школьничества, былъ Джонъ Ирвингъ. Мы жили съ нимъ въ недальнемъ сосѣдствѣ и условились сочинить другъ для друга по роману. Мы выслушивали вымышленные разсказы другъ друга, въ которыхъ всегда преобладало воинственное и чудесное, во время нашихъ прогулокъ по самымъ уединеннымъ мѣстамъ въ окрестностяхъ Эдинбурга. Естественно мы избѣгали свидѣтелей, чувствуя, что наша забава возбудила бы не мало смѣху, если бы кто узналъ, въ чемъ она состояла. Всѣ праздничные дни были проводимы нами въ этомъ странномъ занятіи, которое продолжалось года два или три, и, я думаю, не мало способствовало къ направленію моего воображенія къ рыцарскому и романтическому въ стихахъ и прозѣ.

«Не помню въ точности, когда именно, но кажется, на второмъ году моего ученичества подъ руководствомъ отца, здоровье мое, сдѣлавшееся отъ быстраго росту и другихъ причинъ весьма ненадежнымъ, сильно было повреждено разрывомъ одного кровоноснаго сосуда. Леченіе, которому я былъ подвергнутъ по этому случаю, ни мало мнѣ не нравилось. Была тогда весна, и погода стояла сырая и холодная, а я долженъ былъ лежать въ постели подъ однимъ одѣя-

Digitized by Google

ломъ и зябнуть до такой степени, что у меня едва бился пульсъ. У меня былъ полный аппетитъ ростущаго мальчика, а между тѣмъ мнѣ была запрещена всякая пища, кромѣ рѣшительно необходимой для поддержанія моей жизненности, и то только изъ растеній. Но всего тягостнѣе было для меня, при моей говорливости, предписаніе врача не открывать рта и лежать молча. Единственнымъ моимъ утѣшеніемъ были чтеніе и игра въ шахматы.... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ леченія и строгой діэты, которая ужасно мнѣ надоѣла, я — оправился совершенно и съ того времени до сихъ поръ (1808 годъ) никогда не нуждался въ медицинѣ; напротивъ наслаждался самымъ крѣпкимъ здоровьемъ и чувствовалъ только изрѣдка головную боль и боль въ желудкѣ, когда долго оставался безъ движенія, или слишкомъ весело жилъ. Послѣднее бывало иногда — впрочемъ не обычнымъ — грѣхомъ моей юности, такъ же какъ первое — слабостью моихъ позднѣйшихъ лѣтъ.

«Вмѣстѣ съ моимъ здоровьемъ укрѣпилось все мое тѣлосложеніе; я былъ высокъ и мускалистъ, и хромота скорѣе обезображивала, нежели ослабляла меня. Этотъ физическій мой недостатокъ не мѣшалъ мнѣ ѣздить много верхомъ и дѣлать далекія прогулки, пѣшкомъ въ продолженіе которыхъ я часто проходилъ отъ двадцати до тридцати миль въ сутки. Эти экскурсіи составляли самое любимое мое удовольствіе. Всю мою жизнь я наслаждался путешествіями, хотя никогда не имѣлъ возможности предпринимать ихъ въ большихъ размѣрахъ. Иногда я до такой степени увлекался своею страстью къ бродячей жизни, что не на шутку пугалъ и огорчалъ своихъ родителей, пока они наконецъ не привыкли къ моимъ проказамъ. Лѣсъ, воды, самая пустыня имѣли для меня невыразимую прелесть, и я, не замѣчая того, заходилъ дальше, нежели предполагалъ, такъ-что неумышленно просрочивалъ время моего возврата. Батюшка часто журилъ меня въ такихъ случаяхъ, говоря, что я рожденъ для того, чтобы быть странствующимъ торгашомъ, и хотя это было направлено для пораженія моей гордости, но

Digitized by Google

едва ли я обижался его сравненіемъ. (*) Я уже тогда познакомился съ Шекспиромъ и повторялъ мысленно Автоликову пѣсню:

Jog on, jog on, the foot path way
And merrily hent the stile-a:
A merry heart goes all the day,
Your sad tires in a mile-a.

(Далѣе, далѣе по дорожкѣ, и весело прыгай черезъ плетень; веселый человѣкъ идетъ безъ усталости по цѣлымъ днямъ, а вы, бѣдные, устаете отъ одной мили.»

«Главная цѣль этихъ экскурсій состояла въ томъ, чтобы видѣть романическіе виды или — что доставляло мнѣ равное удовольствіе — мѣста, ознаменованныя замѣчательными историческими событіями. Восхищеніе, съ которымъ я любовался первыми, было понятно всѣмъ; но часто мнѣ было трудно возбудить симпатію къ интересу, какой представляли мнѣ послѣдніе. Впрочемъ, для меня странствованіе по Баннокбэрнскому полю было источникомъ большаго наслажденія, нежели разсматриванье прославленнаго пейзажа съ бойницъ Стирлингскаго замка. Этимъ я вовсе не хочу сказать, чтобы я былъ безчувственъ къ живописнымъ мѣстоположеніямъ; напротивъ, немногіе больше меня восхищались ихъ общимъ эффектомъ. Но я не былъ въ состояніи отдѣлить глазами живописца разныя части вида, чтобы понять, какъ одна относилась къ другой, и наблюдать, какое участіе прини-

(*) Однажды Вальтеръ-Скоттъ съ своими пріятелями забрелъ такъ далеко, что у нихъ истощились всѣ деньги на возвратномъ пути, тогда какъ они были еще миляхъ въ тридцати отъ Эдинбурга. Бѣдные любители природы и старины кормились цѣлый день только ягодами шиповника и бояршника, да еще одна добрая женщина, у которой они попросили воды, увидя ихъ изнуренныя лица, дала имъ вмѣсто воды, молока. Отецъ встрѣтилъ Вальтера нетерпѣливыми вопросами относительно того, какъ они прожили столько времени, ибо хорошо зналъ, какъ тонокъ былъ карманъ молодаго человѣка. »Прожили почти такъ, какъ воронята, отвѣчалъ Вальтеръ-Скотъ.—Я только желалъ бы играть такъ хорошо на флейтѣ, какъ бѣдный Джорджъ-Примрозъ въ »Векфильдскомъ Священникѣ.» Еслибъ я обладалъ этимъ искусствомъ, я не пожелалъ бы лучшей участи, какъ бродить отъ одного сельскаго дома до другаго по всему свѣту.»

Digitized by Google

маетъ каждая черта пейзажа въ произведеніи его главнаго и общаго эффекта. Я никогда не могъ сдѣлать этого съ точностью или отчетливостью, хотя позднѣйшіе мои занятія побуждали меня исправить и привести въ порядокъ мои первоначальныя понятія объ этомъ предметѣ. Даже маленькое честолюбіе, которое долго питалъ я, относительно эскизовъ интересныхъ для меня мѣстъ, осталось совершенно безъ-успѣшнымъ по несовершенству моего зрѣнія или руки. Послѣ продолжительнаго упражненія въ рисованьи и многихъ усилій, я не могъ приложить основаній перспективы и освѣщенія къ представлявшемуся мнѣ виду и долженъ былъ въ отчаяньи отказаться отъ искусства, которымъ всего ревностнѣе желалъ бы заниматься. Но покажите мнѣ старый замокъ или поле сраженія, и я тотчасъ буду какъ дома; я наполню ихъ сражающимися въ свойственныхъ имъ костюмахъ и поражу моихъ слушателей жаромъ моего описанія. Однажды переходя черезъ Магусъ Муръ, близъ Сентъ-Андрью, я по внушенію вдохновенія представилъ нѣсколькимъ спутникамъ, случайно со мной съѣхавшимся, картину умерщвленія сентъ-андрьюскаго архіепископа, и одинъ изъ нихъ, не смотря на то, что исторія эта была ему хорошо извѣстна, объявилъ, что мой разсказъ не дастъ ему въ ту ночь уснуть. Я упоминаю объ этомъ для того, чтобы показать различіе между моимъ пониманіемъ живописности въ дѣйствіи и въ мѣстоположеніи. Если я съ того времени умѣлъ начертать въ своихъ стихотвореніяхъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ законы послѣдней, то это было только по отношенію къ ея общимъ и главнымъ чертамъ или по связи ея съ нравственнымъ чувствомъ; но даже и этотъ успѣхъ стоилъ мнѣ изученія.»

Дополнимъ этотъ разсказъ автора «Веверлея» воспоминаніями его друга Джона Ирвинга.

«Каждую субботу, говоритъ онъ въ письмѣ къ Локгарту:—и во время вакацій и чаще, мы обыкновенно удалялись бывало съ двумя-тремя книгами изъ общественной библіотеки на какую-нибудь гору и читали ихъ вмѣстѣ. Всего больше нравились намъ приключенія странствующихъ ры-

Digitized by Google

царей и «Отрантскій Замокъ;» Спенсеръ, Аріосто и Боярдо были нашими любимцами. Мы обыкновенно взбирались на утесы, ища мѣстъ, гдѣ бы насъ не безпокоилъ вѣтеръ, и чѣмъ они были неприступнѣе, тѣмъ больше приходилось намъ по вкусу. Вальтеръ-Скоттъ былъ очень опытенъ въ карабканьи. Иногда мы взбирались на такую крутизну, съ которой намъ трудно было подняться вверхъ и опуститься внизъ, и я помню, что, бывало, я предлагаю сходить за лѣстницею и выручить его изъ опаснаго положенія, но никогда мнѣ не приходилось оказать ему этой услуги, потому что онъ всякой разъ умудрялся спуститься съ утеса или подняться на вершину горы. Мы прочитали такимъ образомъ огромное количество книгъ. Я забывалъ большую часть того, что читалъ, но другъ мой, къ удивленію моему, помнилъ все, и могъ, даже спустя недѣли и мѣсяцы, повторить цѣлую страницу, на которой что-нибудь особенно поразило его. Спустя два года или болѣе, онъ предложилъ мнѣ разсказывать другъ другу попеременно приключенія странствующихъ рыцарей собственнаго сочиненія, и мы долго упражнялись въ этомъ искусствѣ. Для него это не составляло никакого труда, и онъ былъ въ состояніи импровизировать полчаса или болѣе въ одинъ пріемъ, тогда какъ я съ трудомъ могъ занять его своимъ вымысломъ и въ половину столько. Исторіи наши, какъ говаривалъ Вальтеръ-Скоттъ, были безконечны, потому что мы не допускали убивать своихъ любимыхъ рыцарей. Страсть наша къ романамъ побудила насъ читать вмѣстѣ по-итальянски; черезъ нѣсколько времени мы начали читать бѣгло и тогда принялись копировать повѣсти о безконечныхъ войнахъ и чарахъ, какія только находили на этомъ языкѣ. Онъ рано началъ собирать старинныя баллады, и какъ моя мать знала много балладъ, то онъ хаживалъ къ намъ и записывалъ изъ ея устъ. Онъ обыкновенно собиралъ сколько могъ больше варіантовъ каждой баллады и выбиралъ изъ нихъ лучшій» (*).

(*) Въ одномъ письмѣ 1830 года Вальтеръ Скоттъ говоритъ, что онъ собралъ нѣсколько томовъ балладъ, не имѣя еще и десяти лѣтъ отъ роду.

Digitized by Google

Далѣе Джонъ Ирвингъ разсказываетъ, какъ они во время своихъ прогулокъ мало́ по малу осмотрѣли всѣ древніе замки въ окрестностяхъ Эдинбурга.

«Сэръ Вальтеръ, говоритъ онъ:—особенно любилъ Рослинъ. Мы часто хаживали туда передъ завтракомъ, и позавтракавши тамъ, шли берегомъ рѣки до Ласвада, а оттуда поспѣвали домой, въ городъ, къ обѣду. Онъ обыкновенно клалъ одну руку ко мнѣ на плечо, когда мы шли рядомъ, а другой опирался на толстую палку.

О занятіяхъ рисованьемъ Джонъ Ирвингъ говоритъ, что онъ посѣщалъ съ Вальтеромъ Скоттомъ классъ рисованья въ продолженіе одного лѣта, и хотя это искусство мнѣ очень нравилось, но увидя, какъ много поглощаетъ оно времени, они оба оставили его, не сдѣлавъ большихъ успѣховъ. Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ дневниковъ самъ Вальтеръ-Скоттъ упоминаетъ объ этомъ обстоятельнѣе.

«Я бралъ въ молодости уроки живописи масляными красками, говоритъ онъ:—у маленькаго жидка Бурреля, добраго впрочемъ и чувствительнаго созданія, но не могъ сдѣлать никакихъ успѣховъ ни въ живописи, ни въ рисованьи. Природа отказала мнѣ въ вѣрности глаза и отчетливости руки. Однакожь мнѣ очень хотѣлось сдѣлаться по крайней мѣрѣ рисовальщикомъ, и я трудился усерднѣе нежели кто либо изъ моихъ знакомымъ, съ которыми не удалось мнѣ нисколько поровняться.—Впрочемъ Буррель не былъ для меня вовсе безполезенъ. Онъ былъ Прусакъ, и я узналъ отъ него много длинныхъ исторій изъ походовъ Фридриха, въ котораго арміи его отецъ былъ коммиссаромъ, а можетъ быть и шпіономъ. Я помню живописный разсказъ его о томъ, какъ онъ видѣлъ отрядъ *черныхъ гусаръ*, которые вели фуражныя телѣги, отбитыя у козаковъ. Козаки, раненные смертельно, лежали на сѣнѣ, наверху телѣгъ, и, подобно умирающему гладіатору, смотрѣли на свою кровь, струившуюся сквозь сѣно.»

Не смотря на то, что говоритъ Вальтеръ-Скоттъ о безуспѣшныхъ попыткахъ своихъ въ рисованьи, надобно ду-

Digitized by Google

мать, что оно было весьма полезно для него впослѣдствіи. Весьма вѣроятно, что онъ отсюда пріобрѣлъ привычку анализировать, по крайней мѣрѣ съ нѣкоторою точностью, виды, по которымъ безъ того его зрѣніе блуждало съ неопредѣленнымъ чувствомъ восхищенія. Можно даже сказать, что болѣе продолжительныя и успѣшныя занятія карандашомъ были бы вредны для него, какъ для будущаго живописца перомъ. Онъ могъ бы усвоить себѣ привычку копировать больше съ картинъ, нежели съ самой природы, и мы бы потеряли такимъ образомъ то, что составляетъ высочайшую прелесть въ его описаніяхъ природы, именно что они производятъ эффектъ выборомъ нѣсколькихъ поразительныхъ чертъ, расположенныхъ съ легкою безсознательною граціею, что ихъ ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало и что его картины равно далеки отъ сухаго обобщенія прошлаго вѣка и тупой рабской вѣрности, съ которою такъ много второстепенныхъ писателей нашего времени исполняютъ дальніе и близкіе планы картины, имѣя такъ же мало понятія о перспективѣ, доступной генію, какъ китайскіе фабриканты обоевъ о воздухѣ, и производятъ въ сущности не описанія, а изобрѣтенія.

Вальтеръ-Скоттъ совершенно выздоровѣлъ отъ болѣзни, о которой было говорено выше, переселясь въ деревню къ своему дядѣ Роберту Скотту, тому самому, который былъ такъ добръ къ нему во время пребыванія его въ Батѣ. Теперь онъ оставилъ службу и купилъ себѣ прелестную виллу Розбенкъ, на Твидѣ, немного ниже Кельзо. Эта вилла была отнынѣ для Вальтера-Скотта, во всю его молодость, другимъ домомъ и во многихъ отношеніяхъ пріятнѣе родительскаго. Дядя его былъ вовсе не такъ равнодушенъ къ изящной словесности, какъ отецъ, съ живымъ сочувствіемъ входилъ во всѣ его любимыя занятія и былъ его совѣтникомъ во всѣхъ его юношескихъ литературныхъ опытахъ.

До сихъ поръ мы больше всего держались автобіографіи Вальтера-Скотта въ начертаніи характеристическихъ его особенностей и важнѣйшихъ обстоятельствъ его жизни. Далѣе

Digitized by Google

мы должны будемъ обращаться къ другимъ источникамъ и всего чаще къ его письмамъ; но не можемъ оставить краткой его автобіографіи, не выписавъ послѣднихъ ея страницъ, дорисовывающихъ характеръ полученнаго имъ воспитанія.

«Музыка, говоритъ онъ:—далась мнѣ еще меньше живописи. Матери моей очень хотѣлось, чтобъ мы изучили по крайней мѣрѣ псалмопѣніе; но неисправимые недостатки моего голоса и слуха привели моего учителя въ отчаяніе. Только послѣ продолжительнаго упражненія я былъ въ состояніи различать разныя мелодіи, и хотя теперь немногое такъ восхищаетъ меня, какъ простой напѣвъ, исполненный съ чувствомъ, но я чувствую, что даже и это слабое развитіе во мнѣ музыкальнаго вкуса пріобрѣтено вниманіемъ и привычкою и не иначе, какъ чрезъ посредство моего сочувствія словамъ, сопровождающимъ напѣвъ. Поэтому я никогда не умѣлъ сочинить либретто къ напѣву, хотя мой другъ докторъ Клеркъ и другіе композиторы иногда очень удачно соединяли свою музыку съ моими стихотвореніями.

«Но въ другихъ отношеніяхъ я началъ кое-чѣмъ вознаграждать за неправильность моего воспитанія. Извѣстно, что въ Эдинбургѣ такъ называемыя *литературныя общества* служатъ лучшимъ средствомъ къ развитію молодыхъ людей, такъ какъ общества эти существуютъ не только для диспутовъ, но и для сочиненій. Я чрезвычайно обязанъ этому роду клуба за введеніе меня, когда мнѣ было лѣтъ семнадцать, въ общество, которое я въ теченіе нѣкотораго времени совсѣмъ было оставилъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я заболѣлъ въ Коллегіи, я имѣлъ мало или не имѣлъ вовсе никакихъ сношеній съ моими школьными товарищами, за исключеніемъ только одного или двоихъ. Но теперь, съ 1788 года, я началъ сознавать и занимать свое положеніе въ обществѣ. Живой умъ, жаръ чувства и проницательность, возрастая скоро до житейскаго такта и наблюдательности надъ характерами, сдѣлали меня желаннымъ гостемъ во многихъ кружкахъ молодыхъ людей, которыхъ познанія въ философіи и въ наукахъ безконечно превосходили то, чѣмъ бы могъ похвалиться я.

Digitized by Google

«Не могу сказать, чтобы я игралъ важную роль въ занятіяхъ литературныхъ обществъ, которыхъ членомъ случалось мнѣ бывать. Я никогда не былъ хорошимъ говоруномъ, если только какой-нибудь предметъ не оживлялъ сильно моихъ чувствъ; а какъ я вовсе не привыкъ къ сочиненію и къ искусству обобщать свои мысли о чемъ бы то ни было, то мои литературные опыты были слишкомъ ничтожны. Я никогда не дѣлалъ попытки на нихъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда долженъ былъ что-нибудь приготовить по уставу общества, и тогда я былъ принужденъ поступать по примѣру владѣльца замка Раккрента, который долженъ былъ валять дерево, чтобы воспользоваться нѣсколькими сучьями для очага; потому что множество непереваренныхъ и разнородныхъ свѣдѣній, которыми я дѣйствительно обладалъ относительно разныхъ предметовъ, не легко клеилось между собой или прилагалось къ предмету, которымъ я желалъ овладѣть. Выдавались, однако, случаи, когда этотъ старый хламъ моего черепа (и въ особенности то, что относилось къ темнымъ эпохамъ исторіи) оказывалъ мнѣ важную услугу. Моя память происшествій была подобна огромнымъ старинным каменнымъ пушкамъ турецкимъ. Очень трудно было ее хорошо зарядить и выстрѣлить, но если что попадало подъ ея выстрѣлъ, такъ ужь она давала себя знать. Такіе счастливые случаи удачно разразиться поддерживали литературную мою репутацію между моими товарищами, которые скоро начали смотрѣть на меня съ снисходительностью и вниманіемъ.

«Оглядываясь на это время, я не могу однакожь вполнѣ одобрить нашего препровожденія времени. Мы слишкомъ много предавались праздности, а иногда и веселились безъ всякой умѣренности; но наши сердца были горячи, наши умы достойнымъ образомъ стремились къ наукѣ и литературнымъ заслугамъ: и если я, безъ сомнѣнія наименѣе образованный изъ всего круга, могу позволить себѣ это засвидѣтельствовать, мы обладали прекрасными и вѣрными средствами къ достиженію оныхъ. Въ этомъ обществѣ я, естественно, долженъ былъ исправиться отъ прежняго безполез-

Digitized by Google

наго способа чтенія книгъ; ибо, чувствуя, какъ я слабъ сравнительно съ моими товарищами, въ метафизической философіи и въ другихъ отрасляхъ правильной науки, я старался пріобрѣсть по крайней мѣрѣ столько свѣдѣній, чтобы мнѣ можно было принимать участіе въ общей бесѣдѣ. Въ этомъ я достигъ значительнаго успѣха. Но къ несчастью въ то время, какъ часто и послѣ въ моей жизни, я подвергался заслуженнымъ насмѣшкамъ со стороны моихъ друзей, по поводу поверхности моихъ познаній, и такимъ образомъ дары необыкновенно воспріимчивой памяти и быстраго схватыванія идей обращались иногда во вредъ ихъ владѣльцу, который слишкомъ смѣло на нихъ полагался.»

Далѣе Вальтеръ Скоттъ разсказываетъ, какъ онъ рѣшился избрать себѣ путь въ жизни къ независимому существованію, и ревностно занявшись въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ изученіемъ шотландскихъ законовъ и судебной процедуры, въ 1792 году надѣлъ мантію адвоката; чѣмъ и оканчивается его автобіографія, 1808 года. Вся она помѣщается на 34 страницахъ въ осьмушку и далеко не вполнѣ обнимаетъ обстоятельства, имѣвшія вліяніе на развитіе дивнаго повѣствовательнаго его таланта; а между тѣмъ первая часть жизни поэта, когда формируются его склонности, его убѣжденія, и когда душа его набирается на все остальное поприще плодотворныхъ впечатлѣній, должна быть, кажется, для каждаго мыслящаго читателя интереснѣе исторіи его успѣховъ, или борьбы и страданій въ возрастѣ мужества. Поэтому возвратимся нѣсколько назадъ и дополнимъ біографію ранней юности великаго романиста изъ другихъ источниковъ.

Вступленіе его въ канцелярію отца въ видѣ ученичества по техническому отдѣленію права съ перваго разу должно бы казаться неблагопріятнымъ для юноши, предназначеннаго къ болѣе обширной и самостоятельной дѣятельности; но самъ Вальтеръ Скоттъ, въ зрѣломъ возрастѣ, никогда не выразилъ своего сожалѣнія, что потратилъ на канцелярскія занятія время и труды. Напротивъ, есть основанія думать, что

Digitized by Google

они были для него весьма полезны. Безъ сомнѣнія, эти занятія пріостановили въ нѣкоторой степени правильный ходъ его образованія по части юридическихъ наукъ; но трудно думать, чтобы онъ могъ извлечь удовольствіе или пользу изъ отвлеченнаго изученія шотландскихъ метафизиковъ. Ученичество его въ канцеляріи оставляло ему довольно времени, какъ мы ужь отчасти и видѣли, для развитія своей склонности къ стихотворству и роману и къ изученію старинныхъ хроникъ, которыя до конца жизни были его любимыми историческими сочиненіями. Если для него нуженъ былъ новый стимулъ, то уже самая необходимость употреблять ежедневно нѣсколько часовъ на рутинный трудъ, оживляла его аппетитъ къ сладкому хлѣбу, съѣдаемому втайнѣ» Но обязанности, лежавшія теперь на немъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо и положительно благопріятствовали къ развитію какъ его генія, такъ и самаго характера. Состоя при отцѣ въ качествѣ секретарскаго ученика, онъ впервые проникнулъ въ Горныя части Шотландіи (Highlands) и вступилъ въ дружескія сношенія съ уцѣлѣвшими героями 1745 года, которые положили основаніе важному отдѣлу его произведеній. Даже и менѣе привлекательныя части его должности доставляли ему множество случаевъ ближе вглядѣться въ мелкія продѣлки бѣдной человѣческой природы, нежели еслибы онъ дѣйствовалъ на болѣе обширномъ поприщѣ права. Но, наконецъ,—и это едва ли не всего важнѣе — этимъ прозаическимъ занятіямъ онъ обязанъ привычкою къ непоколебимому, трезвому прилежанію, въ которомъ едва ли кто изъ писателей-поэтовъ можетъ съ нимъ равняться, и которое даже онъ самъ, безъ такого приготовленія, едва ли бы возвысилъ почти до обязательнаго упражненія высочайшихъ и самыхъ тонкихъ способностей человѣческаго ума.

Что касается собственно до путешествій въ Горную Шотландію, то первое знакомство Вальтера Скотта съ ея обитателями относится къ первому времени его судебнаго ученичества, когда ему было лѣтъ пятнадцать. Между многочисленными горными клієнтами его отца былъ нѣкто

Digitized by Google

Александръ Стюартъ Инвернагиль, ревностный яковитъ, доживший до безопасной и бодрой старости, когда онъ могъ спокойно разсказывать о своемъ дѣятельномъ участіи въ возстаніяхъ 1715 и 1745 годовъ. Онъ, какъ кажется, возбудилъ къ себѣ вниманіе и удивленіе Вальтера въ весьма раннюю эпоху его жизни; ибо авторъ «Робъ-Роя» говоритъ, что онъ «видалъ его вооруженнымъ» и слышалъ, какъ онъ «выражалъ сладкую надежду еще разъ обнажить саблю передъ смертью,» когда пиратъ Поль Джонсъ угрожалъ Эдинбургу высадкою, что было въ сентябрѣ 1779 года. Восхищеніе, съ которымъ молодой человѣкъ слушалъ разсказъ этого интереснаго старика о его прошедшемъ, было поводомъ къ приглашенію погостить у него въ горахъ, гдѣ Вальтеръ-Скоттъ и провелъ нѣсколько вакаціонныхъ недѣль осенью 1786 или 1787 года.

Въ предисловіи къ одному изъ своихъ романовъ онъ представилъ въ живыхъ краскахъ свои чувства, когда передъ нимъ впервые развернулась Пертская долина на пути его къ Инвернагилю, и это описаніе сдѣлало классическимъ Wicks of Baiglie, мѣсто, съ котораго онъ разсматривалъ этотъ прелестный пейзажъ.

«Къ моему восхищенію, говоритъ онъ:—примѣшивалось дѣтское удивленіе, потому-что мнѣ было тогда не болѣе пятнадцати лѣтъ, и какъ это была первая экскурсія, которую мнѣ позволили сдѣлать на собственной лошадкѣ, то я испытывалъ радостное чувство независимости, смѣшанное съ этимъ безпокойствомъ, отъ котораго не можетъ быть свободенъ самый высокомѣрный мальчикъ, когда увидитъ себя оставленнымъ безъ всякаго руководителя, кромѣ собственнаго благоразумія. Я помню, какъ я безсознательно натянулъ возжи и смотрѣлъ на представившееся мнѣ зрѣлище, точно боялся, чтобъ оно не смѣнилось другимъ какъ въ театрѣ, прежде нежели разсмотрю вполнѣ всѣ его части, или удостовѣрюсь, что я вижу все это на яву. Съ того времени воспоминаніе объ этомъ неподражаемомъ пейзажѣ производило всегда сильное вліяніе на мой умъ и удержало въ немъ свое мѣсто,

Digitized by Google

какъ предметъ достойный памяти, тогда какъ много такого, что имѣло вліяніе на судьбу мою, давно мною перезабыто?»

Нѣтъ надобности изчислять множество мѣстъ, разсѣянныхъ въ его молодыхъ и позднѣйшихъ произведеніяхъ; гдѣ онъ останавливается, съ чувствомъ теплой любви, на рыцарскомъ характерѣ Инвернагиля, на восхищеніи, съ которымъ онъ слушалъ разсказы ветерана о его поединкѣ на сабляхъ съ Робъ-Роемъ, о его походахъ съ Маромъ и Карломъ Эдуардомъ и о долгомъ его заключеніи (изображенномъ въ разсказѣ о Брадвардинѣ, въ «Веверлеѣ») въ пещерѣ, находившейся недалеко отъ его дома, занятаго отрядомъ англійскихъ солдатъ, послѣ Куллоденской битвы. Во время Вальтеръ-Скоттова посѣщенія, въ домѣ Инвернагиля живъ былъ еще вѣрный служитель, сопровождавшій своего господина во многихъ опасныхъ экспедиціяхъ, тотъ самый «угрюмый горецъ,» который готовъ былъ поразить полковника Вайтфорда своей лохаберской сѣкирой при Престонпансѣ, когда господинъ остановилъ его ударъ, — происшествіе, которому Инвернагиль обязанъ былъ своею жизнью, а мы обязаны другою его жизнью на самыхъ блистательныхъ страницахъ «Веверлея.»

«Часто слыхалъ я отъ Вальтера-Скотта, говоритъ Локгартъ:—любопытныя подробности о первомъ его посѣщеніи отдаленнаго укрѣпленія одного изъ его горныхъ друзей; но не помню, относилось ли это къ Инвернагилю или къ кому нибудь изъ его собственныхъ родныхъ въ кланѣ Кампбель; кажется впрочемъ, что послѣднее вѣроятнѣе. Поднявшись на черную возвышенность, господствовавшую надъ старинною башнею и небольшимъ лоскуткомъ обработанной подлѣ нея земли, онъ нашелъ своего хозяина, спящаго съ тремя сыновьями и человѣками съ шестью служителей, растянувшись на солнцѣ въ своихъ тартапахъ, съ ружьями, собаками и большимъ запасомъ дичи. На дворѣ далеко, внизу, онъ увидѣлъ толпу женщинъ, дѣятельно занятыхъ нагрузкою телѣги навозомъ. Гость былъ не мало удивленъ, когда, спу-

Digitized by Google

стясь съ высоты, открылъ, что въ числѣ этихъ трудолюбивыхъ женщинъ были жена лорда и двое или трое его дочерей; но онѣ повидимому, вовсе не понимали, что ихъ застали въ занятіи, несвойственномъ ихъ званію. Онѣ тотчасъ удалились въ свою комнату, и когда показались въ другихъ платьяхъ, то на нихъ не осталось никакого слѣда ихъ утренняго занятія, кромѣ разгорѣвшихся свѣжихъ щекъ, за которыя какая-нибудь высоковоспитанная красавица отдала бы въ одинъ вечеръ половину своихъ бриллiантовъ. Онъ нашелъ молодыхъ дѣвицъ не дурно образованными; пѣсни и танцы, казалось, были у нихъ всегдашнимъ окончаніемъ дѣятельно проведеннаго дня. Не могу позабыть его удивленія при видѣ главнаго блюда за обѣдомъ лорда, именно великанскаго haggis (бараньяго желудка съ начинкою), который былъ внесенъ въ залу въ ивовой корзинѣ двумя полунагими Кельтами, при оглушительныхъ звукахъ визгливой волынки.»

Эти поѣздки въ Горы повторялись почти каждое лѣто въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и можетъ быть даже и первая изъ нихъ была въ нѣкоторой степени связана съ занятіями Вальтера Скотта по должности. Во всякомъ случаѣ онъ обязанъ своимъ введеніемъ въ поэму «Владѣтельница Озера» данному ему порученію привести въ исполненіе постановленіе закона противъ нѣкоторыхъ Маклареновъ, непокорныхъ арендаторовъ Стюарта Аппина, Инвернагилева зятя.

«Отрядъ изъ сержанта и шести человѣкъ рядовыхъ, говоритъ онъ:—взятъ былъ изъ горскаго полка, стоявшаго въ Стирлингѣ, и авторъ, въ то время секретарскій ученикъ, что̀ соотвѣтствовало почетному званію адвокатскаго письмоводителя, былъ сдѣланъ начальникомъ экспедиціи съ приказаніемъ наблюдать, чтобы посланецъ исполнялъ въ точности свою обязанность, и чтобы храбрый сержантъ не переступалъ за предѣлы своей должности и не чинилъ бы насилія или грабежа. Такимъ образомъ угодно было довольно странному случаю, чтобы авторъ вступилъ въ романтическую мѣстность Лохъ-Катрина, который, можетъ быть нѣсколько обязанъ ему распространеніемъ своей извѣстности,—во всемъ

Digitized by Google

величіи опасности съ охраняемымъ фронтомъ и тыломъ и съ заряженными ружьями. Сержантъ былъ рѣшительно горскій сержантъ Кайтъ, неистощимый въ разсказахъ о Робъ-Роѣ и о самомъ себѣ, и очень добрый товарищъ. Мы не встрѣтили на своемъ пути никакого препятствія, и когда прибыли въ Инверненти, нашли домъ пустымъ. Мы заняли свои квартиры на ночь и подкрѣпились съѣстными припасами, какіе нашли здѣсь. Макларены, вѣроятно никогда не помышлявшіе о серьезномъ сопротивленіи, ушли въ Америку, гдѣ желаю имъ процвѣтать, такъ какъ я отчасти содѣйствовалъ къ удаленію ихъ изъ ихъ paupera regna» (*).

Что Вальтеръ Скоттъ исполнялъ съ удовольствіемъ такія порученія по должности, какъ поѣздки въ Горы, съ провожатыми, знавшими Робъ-Роя, это ни для кого не удивительно; но онъ, наперекоръ нѣкоторымъ біографамъ, разсказывающимъ о его лѣни на службѣ, вѣроятно былъ и въ самой канцеляріи отличнымъ исполнителемъ своего дѣла. Его любовь къ отцу, чувство долга, казавшееся врожденнымъ въ его характерѣ, и наконецъ тяжелые прозаическіе труды, привычные ему въ позднѣйшей его жизни, подтверждаютъ это мнѣніе. Однѣ уже рукописи его сочиненій, написанныхъ въ молодости, достаточно показываютъ, что онъ долженъ былъ покорить себя въ теченіе долгаго времени механической дисциплинѣ должности отца. Онъ такъ же ясно свидѣтельствуетъ о цѣлыхъ рядахъ мѣсяцевъ, употребленныхъ на смиренную канцелярскую работу, какъ нечеткія каракульки Лорда Байрона — о его произволѣ въ своихъ занятіяхъ съ того времени, какъ онъ оставилъ Гарро. Въ автографахъ его поэмъ и романовъ встрѣчаются нѣкоторыя техническія привычки, которыхъ никто не усвоилъ бы себѣ, не занимаясь долго дѣловыми бумагами, и которыя попадаются отъ времени до времени даже въ частныхъ письмахъ и дневникахъ послѣднихъ лѣтъ его жизни. Укажемъ преимущественно на крючекъ въ концѣ страницы, принятый первоначально, должно думать, въ предостереженіе отъ поддѣльной вставки

(*) См. предисловіе къ «Робъ-Рою.»

Digitized by Google

на дѣловыхъ бумагахъ. Часто, бывало, Вальтеръ-Скоттъ, сдѣлавъ невольно, во время своихъ литературныхъ занятій, такую закавычку, говаривалъ про себя: «Опять завернулъ въ старую лавочку!» какъ это извѣстно изъ разсказовъ о немъ его семейства.

На этомъ предметѣ мы считали нужнымъ остановить вниманіе читателя потому, что любимымъ убѣжденіемъ великаго романиста была именно мысль, что между геніемъ и обыкновенными житейскими дѣлами не должно быть необходимой вражды, какъ нѣкоторые думаютъ. Напротивъ, онъ полагалъ, что значительная часть каждаго дня, проводимая въ занятіяхъ дѣлами положительными, въ общемъ результатѣ оказываетъ благодѣтельное вліяніе на развитіе геніальныхъ способностей. Отъ начала до конца литературнаго своего поприща онъ старался быть что называется *человѣкомъ дѣловымъ*, и что только обыкновенный ходъ вещей посылалъ ему въ удѣлъ, все то онъ дѣлалъ именно такъ, какъ только можно было ожидать отъ сына опытнаго стараго секретаря при печати, никогда не покидавшаго отцовской профессіи.

Готовясь къ званію адвоката и слушая для этого лекціи гражданскихъ законовъ въ Университетѣ, Вальтеръ-Скоттъ не только вошелъ въ ежедневныя соотношенія съ лучшими изъ своихъ школьныхъ товарищей, какъ напримѣръ съ Джономъ Ирвингомъ и Фергусономъ, съ которыми должностныя занятія на время разрознили было его, но познакомился и еще съ нѣсколькими молодыми людьми, имѣвшими вліяніе на его умъ и обстоятельства. Между прочимъ онъ увидѣлъ, что эти будущіе адвокаты занимаются вообще литературою; никакъ не думая, чтобы изящная словесность была помѣхою для занятій, прямо относящихся къ ихъ должностной карьерѣ; напротивъ, они справедливо были убѣждены, что для высшаго разряда судебныхъ дѣлъ нѣкоторое знакомство почти съ каждою отраслью знанія должно быть необходимымъ приготовленіемъ.

Digitized by Google

Важнѣйшимъ изъ этихъ новыхъ связей было тѣсное дружество его съ Вильямомъ Клеркомъ Эльдиномъ, который то и ввелъ его въ литературныя общества, упоминаемыя въ автобіографіи. Чрезъ него онъ скоро сошелся дружески съ Джоржемъ Кранстономъ (въ послѣдствіи лордомъ Коргоузомъ), Джоржемъ Аберкромби (въ послѣдствіи также лордомъ Аберкромби) и многими другими молодыми людьми, которые всѣ были знатнаго происхожденія и съ хорошими связями, и отличались—что конечно всего важнѣе—прекрасными качествами ума и души, поставившими ихъ потомъ высоко въ обществѣ. Дружескія отношенія его съ ними открыли ему входъ въ ихъ семейства, а это доставило ему много выгодъ, которыми никто другой не былъ бы въ состояніи воспользоваться больше его, но отъ которыхъ онъ до тѣхъ поръ былъ удаляемъ уединеннымъ образомъ жизни своего семейства.

Частыя пирушки были у тогдашней эдинбургской молодости лучшаго тона въ такомъ ходу, что студенты законовѣдѣнія, секретари и адвокаты предавались имъ, нисколько не стѣсняясь, какъ чему-то слишкомъ обыкновенному. До какой степени Вальтеръ-Скоттъ участвовалъ въ тогдашнихъ вакханаліяхъ, и какъ долго они ему нравились, это было бы важно опредѣлить съ точностью, потому что въ зрѣломъ возрастѣ никто больше его не чувствовалъ отвращенія ко всякаго рода невоздержности.

«Когда я только что познакомился съ нимъ, говоритъ Локгартъ:—онъ могъ выпивать много вина, не обнаруживая никакого признака опьянѣнія; но скоро, послѣ одного особеннаго случая, ничто не могло заставить его подвергнуть свою голову испытанію, и часто онъ говаривалъ мнѣ: «Будьте увѣрены, что изъ всѣхъ пороковъ, пьянство всего менѣе совмѣстимо съ великостью.»

Живость его разговора, необыкновенное разнообразіе познаній и всего больше, можетъ быть, сила его памяти привлекали къ нему болѣе и болѣе Клерка и возбуждали удивленіе во всѣхъ его новыхъ знакомыхъ; но Вальтеръ-Скоттъ

Digitized by Google

самъ, по видимому, мало сознавалъ свои чрезвычайныя дарованія, или по крайней мѣрѣ друзьямъ его казалось, что онъ придавалъ несравненно большую важность подвигамъ своей физической ловкости и смѣлости. Спустя немного времени послѣ ихъ знакомства, братъ Вильяма Клерка, Джемсъ, мичманъ королевскаго флота, пріѣхалъ въ отпускъ изъ крейсированья по Средиземному морю, и Вальтеръ Скоттъ почти съ перваго слова сдѣлался самымъ близкимъ другомъ моряка. Джемсъ Клеркъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи могеръ, и молодые друзья часто дѣлали на немъ небольшія экскурсіи по морю.»

«Когда Вальтеръ Скоттъ былъ приглашенъ обѣдать въ первый разъ на бортѣ, говоритъ Вильямъ Клеркъ: — мы сошлись передъ отплытіемъ въ одной изъ лейтенантскихъ тавернъ и нашли тамъ большое общество, состоявшее большею частью изъ незнакомыхъ ему мичмановъ. Хозяинъ нашъ, представляя собранію сухопутныхъ гостей своихъ, сказалъ: братъ мой, господа; а что касается до мистера Скотта, то, можетъ быть, вы примете его за бѣднаго хромого; но могу вамъ сказать, что онъ первый готовъ гресть и послѣдній оставить работу,» и Вальтеръ Скоттъ вложилъ эту похвалу въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ своихъ повѣстей. «Дина, говоритъ у него Габби Эліотъ въ «Черномъ Карлѣ»:— правь ему. Можетъ быть, ты думаешь, что онъ не больше, какъ хромой, но я тебѣ ручаюсь, что онъ выжметъ синюю кровь изъ твоихъ гвоздей; рука у него все равно, что кузнечные тиски.»

Когда, спустя много лѣтъ, послѣ разъѣздовъ съ Вальтеромъ Скоттомъ по морю, Джемсъ Клеркъ прочелъ «Пирата», былъ пораженъ возрожденіемъ множества характеристическихъ чертъ ихъ застольныхъ бесѣдъ на могерѣ; но авторъ ввелъ въ этотъ романъ, кромѣ того, интереснѣйшіе случаи изъ воспоминаній своего почти ребяческаго періода, когда онъ слушалъ разсказы своего брата Роберта о битвахъ Родней и волшебныхъ ключахъ Западной Индіи.

Digitized by Google

Въ одно утро Вальтеръ Скоттъ посѣтилъ Вильяма Клерка, и, показавъ ему свою палку, всю избитую и изцарапанную, объявилъ, что въ прошлую ночь на него напало на улицѣ трое бродягъ и что онъ отбивался отъ нихъ цѣлый часъ. Кто читалъ «Аивенго», (а кто не читалъ его?), тотъ вспомнитъ палочные подвиги Гурта, ночью, на возвратномъ пути отъ жида Исаака. Видно, авторъ владѣлъ этимъ оружіемъ не хуже своего героя, и въ подобномъ случаѣ постоялъ бы за себя такъ же, какъ и Гуртъ.

Съ новыми своими товарищами Вальтеръ Скоттъ возобновилъ и расширилъ на гораздо значительнѣйшее пространство свои обычныя странствованія по Шотландіи для обозрѣнія замковъ и другихъ остатковъ старины, къ которымъ страсть его получила новый толчокъ отъ бесѣды съ знаменитымъ Джономъ Клеркомъ Эльдиномъ, отцомъ его друга. Вильямъ Клеркъ очень хорошо помнилъ, какъ его отецъ разсказывалъ Вальтеру Скотту исторію, которая въ свое время введена была въ романъ «Антикварій.» Когда онъ посѣтилъ, много лѣтъ тому назадъ, своего дѣда сэръ Джона Клерка, старикъ водилъ нѣсколькихъ любителей старины Англичанъ смотрѣть мнимый римскій лагерь, но при его восклицаніи: «Здѣсь, по моему мнѣнію, была Преторія» стоявшій тутъ же пастухъ сказалъ: — Преторія, Преторія! гдѣ тутъ преторія? это я сдѣлалъ заступомъ. (*)

Много и другихъ чертъ старика Клерка придано было къ характеру Джорджа Констебля при созданіи Джонатана Ольдбука. Пристрастіе его къ древностямъ не рѣдко бывало предметомъ шутокъ его молодыхъ друзей; но никто такъ успѣшно не поддѣвалъ его, какъ старшій сынъ Джонъ Клеркъ (лордъ Эльдинъ), который, обладая великимъ талантомъ къ искусствамъ, поддѣлывалъ иногда изуродованныя головы, и, зарывъ ихъ въ землю, устроивалъ такъ, чтобы онѣ были открыты случайно въ счастливый часъ и приняты лордомъ съ великимъ почетомъ, какъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе его музея. Замѣчательнѣйшая изъ этихъ *древнихъ головъ* была

(*) См. «Антикварій» глава IV.

Digitized by Google

такъ высоко оцѣнена другимъ отличнымъ знатокомъ, покойнымъ графомъ Бучаномъ, что онъ пріобрѣлъ ее изъ Клеркова музеума и представилъ Шотландскому Обществу Антикваріевъ, въ котораго коллекціи древностей вѣроятно можно восхищаться еще и теперь этимъ антикомъ.

Во время одной экскурсіи для рыбной ловли на озерѣ близъ Гогета, Вальтеръ Скоттъ, Клеркъ, Ирвингъ и Аберкромби провели ночь въ небольшой гостинницѣ, которую содержала нѣкая мистриссъ Маргарета Додсъ. Когда вышли «Сенъ-Ронанскія Воды», Клеркъ, повстрѣчавшись съ Вальтеромъ Скоттомъ на улицѣ, замѣтилъ, что это странное имя, и что ему кажется какъ будто онъ гдѣ-то съ нимъ уже встрѣчался. А развѣ вы позабыли Гогетъ? сказалъ тотъ и прошелъ далѣе.

Впрочемъ одно только имя взято съ гогетской трактирщицы.

На одной изъ тогдашнихъ ихъ пирушекъ, продлившейся до весьма поздняго часу, Вальтеръ Скоттъ уснулъ, и когда очнулся, его друзья увѣряли его, что онъ пѣлъ пѣсню въ этотъ вечеръ, и пѣлъ чрезвычайно хорошо. Какъ должны были смѣяться эти господа, когда прочитали разсказъ Франка Осбальдистона о его пирушкѣ въ старой залѣ! «Злые языки даже разсказывали, что я пѣлъ пѣсню подъ вліяніемъ винныхъ паровъ; но какъ я не помню этого, и никогда не пробовалъ взять ноты во всю мою жизнь, ни прежде, ни послѣ этого, то надѣюсь, что эта клевета не имѣетъ никакого основанія» (*)

Не смотря на раннее свое знакомство съ Вальтеромъ Скоттомъ, въ Кельзо, будущій издатель его сочиненій Джемсъ Баллантинъ не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній года три или четыре, пока не переѣхалъ въ Эдинбургъ для окончанія своего юридическаго образованія. И здѣсь не вдругъ возобновилась тѣсная связь Вальтера Скотта съ Баллантиномъ, но послѣдній не былъ равнодушнымъ зрителемъ его успѣховъ на новомъ поприщѣ.

«Во всѣхъ сношеніяхъ съ друзьями, говоритъ онъ: — одна изъ главныхъ чертъ его характера проявлялась тогда

(*) См. «Робъ Рой», глава XII.

Digitized by Google

такъ же ясно, какъ и въ послѣдующей его жизни. Это было замѣчательное вліяніе, которое онъ постоянно имѣлъ на умы своихъ молодыхъ товарищей, и которое, по видимому, происходило отъ ихъ невольной и безсознательной покорности той твердости ума и мягкаго его употребленія, которыя производили одинаковое дѣйствіе во всю его жизнь. При постоянно разгульной жизни его сверстниковъ, естественно возникали часто ссоры; но довольно было Вальтеру Скотту произнести три слова, чтобы погасить всѣ неудовольствія.»

За однимъ изъ множества веселыхъ ужиновъ, Вальтеръ Скоттъ сказалъ что-то такое, что, по его воспоминанію, на слѣдующее утро, должно было обидѣть его друга Клерка. Онъ тотчасъ послалъ къ нему извинительную записку, которая случайно уцѣлѣла, и, какъ читатели увидятъ, стоитъ сбереженія. Въ ней Вальтеръ Скоттъ употребляетъ оба данныя ему друзьями шутливыя прозвища: *Duns Scotus* и *Полковникъ Грогъ*, а друга своего тоже называетъ его прозвищемъ.

«Милый *Баронетъ*, говоритъ онъ:—мнѣ очень жаль, что другъ нашъ полковникъ Грогъ позволилъ себѣ говорить съ не совсѣмъ приличнымъ жаромъ въ спорѣ съ вами прошлую ночь, происшедшемъ, я увѣренъ, отъ грубаго недоразумѣнія вашихъ выраженій. Такъ какъ полковникъ, не смотря на то, что человѣкъ военный, не до такой степени спѣсивъ, чтобъ не сознаться въ своей ошибкѣ, то онъ поручилъ мнѣ, какъ общему пріятелю, принести вамъ извиненіе, которое, я увѣренъ, вы примете отъ вашего неизмѣннаго

Duns Scotus.»

«Данъ въ Castle-Duns, Понедѣльникъ.»

Можетъ быть, слѣдовало бы сказать нѣсколько прежде, что когда Duns Scotus сдѣлался ежедневнымъ собесѣдникомъ *Баронета*, это возбудило значительную ревность въ нѣкоторыхъ изъ его прежде неразлучныхъ товарищей по службѣ. На первомъ годовомъ ужинѣ письмоводителей и «учениковъ,» чувство это высказалось въ разныхъ намекахъ, которыя заставили Вельтера Скотта встать и спросить, что это значитъ.

Digitized by Google

— Если вы желаете знать, что это значитъ, отвѣчалъ одинъ молодой человѣкъ:—такъ знайте же, что вы *бросили* старыхъ друзей для Клерка и еще нѣсколькихъ доновъ, которые смотрятъ свысока на нашего брата.

— Господа, сказалъ на это Вальтеръ Скоттъ: — я никогда не *бросаю* никого, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда открою, что человѣкъ — плутяга; но я не понимаю, какое право имѣетъ кто-нибудь изъ васъ на мой выборъ сообщества. Если кто-нибудь думаетъ, что я оскорбилъ его, то онъ сдѣлаетъ хорошо, когда попроситъ у меня объясненія болѣе честнымъ образомъ. Въ настоящемъ же случаѣ, я признаюсь, что хотя многіе изъ васъ мнѣ нравятся, и уже съ давнихъ поръ, но я думаю, что Вильямъ Клеркъ стоитъ всѣхъ васъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Предсѣдатель праздника догадался при этомъ кстати разсмѣяться, и вечеръ прошелъ безъ дальнѣйшихъ неудовольствій.

Пріучась, подъ руководствомъ отца, обходиться аккуратно съ дѣлами, Вальтеръ Скоттъ скоро началъ хранить въ послѣдовательномъ порядкѣ адрессованныя къ нему письма; а изъ слога и тона такихъ писемъ, какъ замѣчаетъ Сутей въ біографіи Коупера, характеръ человѣка часто можно узнать вѣрнѣе, нежели изъ собственныхъ его писемъ. Первая серія этой коллекціи, довольно значительная по объему, заключаетъ въ себѣ письма съ дамами восходящими далеко за 1786 годъ, и продолжается съ небольшими промежутками, до самаго того періода, когда его слава уже установилась. Щекотливыя обстоятельства, бо́льшею частію бывшія предметомъ самой ранней переписки поэта, не позволили его зятю Локгарту говорить вполнѣ о ея содержаніи; но онъ былъ пораженъ высокимъ благородствомъ и чувствительностью юноши Скотта, соединенными съ спокойнымъ сужденіемъ и постоянствомъ въ стремленіи къ добру. Въ коллекціи его писемъ на каждомъ шагу видны тому доказательства. Одинъ молодой человѣкъ изъ хорошаго дома, наслѣдникъ значительнаго состоянія, отправленъ былъ въ Эдинбургскую Кол-

Digitized by Google

легію и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, по видимому счастливыхъ и беззаботныхъ, раздѣлялъ вмѣстѣ съ Вальтеромъ Скоттомъ занятія и удовольствія, о которыхъ читатель могъ уже составить себѣ надлежащее понятіе. Мало по малу отъ обычнаго своеволія сверстниковъ онъ переходитъ къ безпутной жизни, дѣлается беззаботнымъ, входитъ въ долги, раздражаетъ свое семейство почти до невозможности примиренія; семейство отвергаетъ его съ благороднымъ негодованіемъ; онъ бѣжитъ изъ Шотландіи, женится на дѣвушкѣ далеко низшаго состоянія въ отдаленной части Англіи, и когда бѣдная женщина сдѣлала его отцомъ, тогда только глаза его начали открываться на всѣ послѣдствія его безумной жизни. Онъ обращается къ Скотту, которому въ то время было восемнадцать лѣтъ, «какъ къ вѣрнѣйшему и благороднѣйшему изъ друзей,» который «съ давнихъ поръ дѣлалъ ему искреннія предостереженія,» помогалъ ему «самымъ благороднымъ образомъ во всѣхъ его странствованіяхъ и бѣдствіяхъ» и теперь не оставитъ его въ «покаянномъ униженіи бѣдности,» результатъ зрѣлища, которое представляютъ ему «добродѣтель и невинность, вовлеченныя имъ въ отвѣтственность за его проступки.» Изъ дальнѣйшихъ писемъ этого несчастнаго видно, что Вальтеръ Скоттъ съ трудомъ упросилъ своего отца,—который давно замѣтилъ взбалмошность характера молодаго человѣка и часто предостерегалъ сына отъ связи съ нимъ, — ходатайствовать за несчастнаго странника у его родныхъ и убѣдить ихъ, если можно, смягчить хотя нѣсколько ихъ приговоръ. Слѣдствіемъ этого была выдача ему небольшой суммы денегъ для переселенія въ отдаленную колонію, гдѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ трудахъ весьма низкаго свойства, но мало по малу пріобрѣлъ себѣ новую репутацію, которая начала внушать живѣйшее участіе постороннимъ людямъ. Въ числѣ ихъ особенно замѣчательно одно благосклонное и почтенное духовное лицо, адресовавшееся, безъ вѣдома, переселенца къ молодому, еще неизвѣстному человѣку, который, по словамъ его, «соединяетъ въ себѣ горячія чувства юности съ умомъ зрѣлаго

Digitized by Google

возраста» и котораго волосы «онъ носитъ подлѣ сердца со дня отплытія изъ Англіи.» Въ то самое время, когда это посланіе получено было Скоттомъ, онъ слышитъ, что отецъ его изгнаннаго друга внезапно скончался, не оставивъ никакого завѣщанія. Предоставляемъ судить читателю, съ какимъ удовольствіемъ онъ отвѣчалъ на американское письмо, что раскаявшійся и передѣлавшій себя его другъ можетъ возвратиться и вступить во владѣніе своимъ наслѣдствомъ. Дальнѣйшія письма наполнены трогательными картинами ихъ встрѣчи, перваго пріѣзда Вальтера въ старинный домъ, гдѣ собралось теперь счастливое семейство и почтительными воспоминаніями о томъ, что онъ сдѣлалъ для друга въ годину его бѣдствій.

Но какъ жаль, что письма къ нему Вальтера Скотта утрачены! а они должны быть въ высшей степени интересны: въ нихъ Вальтеръ Скоттъ описывалъ свои первоначальныя экскурсіи въ горы и на шотладское. пограничье, и приводилъ своего корреспондента въ восхищеніе своимъ искусствомъ переносить воображеніе читателя всюду, куда онъ не заглянетъ. Въ одномъ письмѣ этотъ корреспондентъ пророчилъ молодому путешественнику, что «перо его прославитъ его въ свое время;» въ другомъ онъ совѣтуетъ ему сосредоточить свое вниманіе «на исторіи клановъ.» Но особенно интересенъ намекъ на красавицу въ *зеленомъ плащѣ*, сдѣланный въ одномъ изъ раннихъ отвѣтовъ на письма Вальтера Скотта.

«Ваше дон-кихотство, милый Вальтеръ, сказано въ этомъ отвѣтѣ: — чрезвычайно характерно. Изъ описанія цвѣтущей красавицы, скинувшей передъ вами свой зеленый плащъ, я заключаю, что вы не прервали своего знакомства съ нею. По крайней мѣрѣ я увѣренъ, что нѣкоторые изъ нашихъ болѣе распутныхъ друзей обрадовались бы такому чудесному началу.»

Этотъ намекъ невольно приводитъ на память первую сцену изъ исторіи *Леди въ Зеленомъ Плащѣ*, въ «Редгонтлетѣ»; но и безъ того можно найти много общаго между

Digitized by Google

перепиской Вальтера Скотта съ его бѣдствовавшимъ другомъ и содержаніемъ «Редгонтлета.» Между прочимъ, стоитъ замѣтить, что въ этомъ романѣ подъ именемъ Дерси Литимера изображенъ другъ автора Вильямъ Клеркъ, а подъ именемъ Алана Ферфорда—самъ авторъ.

Намекъ «на болѣе распутныхъ друзей» относится къ общему содержанію этой юношеской переписки. Что касается собственно до Вальтера Скотта, то въ письмахъ его друга не встрѣчается не только рѣзкаго, но и шуточнаго намека на участіе его въ шалостяхъ, которыя для бо́льшей части молодыхъ людей его возраста такъ непреодолимо завлекательны и которыя впослѣдствіи для каждаго благороднаго сердца обращаются въ источникъ безконечныхъ угрызеній. Можетъ быть, въ эту пору жара и кипѣнія крови, онъ и увлекался иногда за предѣлы благоразумія, но всѣ пережившіе его сверстники единодушно подтвердили, что онъ отличался между ними особеннымъ воздержаніемъ отъ юношескихъ проказъ, и что кромѣ его высокаго чувства чести, которое удерживало его отъ всякаго низкаго помысла въ отношеніи къ женщинѣ, онъ былъ одаренъ инстиктивною деликатностью, заставлявшею его удаляться отъ людей, преданныхъ грубымъ чувственнымъ удовольствіямъ. Тогдашніе друзья его не рѣдко смѣялись надъ холодностью его натуры; но мало по малу узнали, что онъ, съ самаго ранняго пробужденія страстей, питалъ тайную привязанность, которая, во все продолженіе опаснѣйшаго періода жизни, охраняла его добродѣтель какъ бы романтическими чарами. Какъ ни замаскировалъ онъ исторію первой своей любви, смѣшавъ ее съ дон-кихотовскимъ приключеніемъ по случаю знакомства съ дѣвушкою въ зеленомъ плащѣ, но мы обязаны ей самыми нѣжными страницами, не только въ «Редгонтлетѣ», но также въ «Пѣснѣ послѣдняго Менестреля» и въ «Рокби.» Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ героиня романа имѣетъ нѣсколько отличительныхъ чертъ, заимствованныхъ все изъ одного и того же идеала юности поэта.

Таково было дѣтство и первая молодость романиста, сохранившаго до конца жизни юношескую свѣжесть чувствъ

Digitized by Google

и умѣнье бесѣдовать съ каждымъ сердцемъ. Живость ума, ясность души, теплота сердца и сильная дѣятельность нравственныхъ силъ, отразившіяся въ послѣдствіи въ безчисленныхъ созданіяхъ его фантазіи, въ то время высказывались въ его наружности и обращеніи съ людьми. Вотъ его портретъ, изображенный въ запискахъ одной лэди изъ высшаго круга, которая хорошо помнила юношу Вальтера Скотта въ публичныхъ собраніяхъ.

«Онъ былъ привлекательное существо, говоритъ она.— Онъ пережилъ тогда уже пору слабости своего здоровья и отличался свѣжимъ, блистающимъ цвѣтомъ лица. Глаза у него были свѣтлые, открытые, прекрасно обрисованные и исполненные разнообразной игры выраженія; зубы самые правильные и бѣлые, а возвышенный, благородный лобъ его придавалъ всѣмъ чертамъ его лица особенное достоинство, которое было далеко выше обыкновенной привлекательности. Улыбка его всегда бывала восхитительна, и въ глазахъ женщины всего привлекательнѣе въ ней была какая-то особенная смѣсь нѣжности и важности, невинной веселости и тонкой насмѣшливости. Фигура его, за исключеніемъ поврежденной ноги, въ то время была прекрасна. Онъ былъ очень высокаго росту и сложенъ какъ молодой Геркулесъ; голова его покоилась граціозно на шеѣ; горло и затылокъ образованы какъ у изящныхъ антиковъ; руки докончены природою до послѣдней, нѣжной отдѣлки формъ; и всѣ линіи его тѣла выражали необыкновенную силу, безъ малѣйшей однакожь аляповатости. Когда онъ пріобрѣтетъ нѣкоторую ловкость въ обращеніи, разговоръ его долженъ затмѣвать тогда всѣ его наружныя преимущества и внушать его собесѣдницѣ нѣжное забвеніе его единственнаго природнаго недостатка.»

И дѣйствительно такъ было.

«Я помню славную ночь въ своей молодости, говорилъ Вальтеръ Скоттъ одному другу : — въ ту ночь я впервые узналъ, что прелестная женщина можетъ проводить со мной цѣлые часы въ разговорѣ, забившись въ уголъ бальной залы, въ то время, когда передъ нами все прыгало и кружилось.»

Digitized by Google

О ТОРГОВЫХЪ ПУТЯХЪ КЪ Г. АРХАНГЕЛЬСКУ И О ПРОЧЕМЪ.

Путь отъ г. Казани до Ношульской пристани и далѣе.

Отъ Казани до Вятки сухопутно по тракту считается 420 верстъ; отъ Вятки до Ношуля 220, и того 640 верстъ; но обозы, идущіе прямо изъ Казани зимнимъ путемъ въ Ношуль, минуютъ городъ Вятку, слѣдуя на города Царевококшайскъ, Яранскъ и Котельничъ, отчего выигрываютъ изъ вышеозначеннаго числа верстъ до 80 или до 100; стало быть разстояніе пути сокращается до 540 верстъ.

За провозъ отъ Казани до Вятки въ прошлыхъ годахъ платили съ пуда по 40 к. ас., и нынѣ надо платить не дороже 12 к. или 15 к. сереб. Отъ Вятки до Ношуля предполагается съ пуда по 12 к. сер., слѣдовательно весь провозъ отъ Казани до Ношульской пристани составитъ 24 или 27 к. сер. съ пуда. Такъ полагаютъ и отъ Казани прямо до Ношуля не дороже 25 к. сер. съ пуда.

Дорога отъ Казани до Вятки въ зимнее время для извощиковъ гораздо удобнѣе, чѣмъ отъ Вятки до Ношуля, потому что послѣдняя отъ большаго проѣзда обозовъ всегда бываетъ чрезвычайно избита и исковеркана ужасными ухабами, особенно подъ конецъ зимы, такъ что если кому приведется рядить возчиковъ или отправлять кладь въ это позднее время, то ему придется платить за провозъ болѣе, чѣмъ вдвое.

Пристани.

Ношульская, лежитъ Вологодской губ. въ Никольскомъ уѣздѣ при рѣкѣ Лузѣ, разстояніемъ отъ г. Вятки и другихъ городовъ тамошней губерніи, въ коихъ преимущественно закупается хлѣбъ для отвоза на эту пристань, отъ 220 до 250 верстъ; отъ г. Устюга сухопутно зимою верстъ 250, водою же по рѣкамъ Лузѣ и Югу, по которымъ сплавляютъ барки къ Архангельску, по весьма извилистому теченію первой раз-

Digitized by Google

стояніе это почти удвоивается. Сплавъ барокъ съ этой пристани начинается обыкновенно тотчасъ по вскрытіи рѣки Лузы отъ льда, къ чему должно очень торопиться, потому что водополь, при вскрытіи рѣкъ бывающая, быстро сливается, и рѣка скоро дѣлается неспособною нести грузныхъ барокъ, а отъ этого случается чрезвычайное разстройство въ путислѣдованіи ихъ. Путь этотъ продолжается сначала рѣкою Лузою до впаденія въ нее Юга, потомъ этою до сліянія ея съ Сухоною подъ самымъ городомъ Устюгомъ, отчего образуется такъ называемая малая Двина; сею до соединенія ея за 60 верстъ отъ Устюга и рѣкою Вычегдою, откуда начинается уже большая или Сѣверная Двина, по которой доплываютъ барки до самаго Архангельска. Все это продолженіе пути отъ означенной Ношульской пристани до Архангельска считать надо около 1200 верстъ. Пристани или мѣста, гдѣ караваны барокъ иногда пристаютъ для исправленія нѣкоторыхъ нуждъ своихъ, суть г. *Устюгъ*, и ниже его въ 60 верстахъ при сліяніи Вычегды съ малою Двиною при селеніи *Котласъ*. Болѣе же нигдѣ не пристаютъ, кромѣ какъ за погодою или противными вѣтрами, что обыкновенно встрѣчаетъ ихъ по рѣкѣ Двинѣ, отчего часто путеслѣдованіе ихъ замедляется на довольное время такъ, что выходя изъ Ношульской пристани въ г. Устюгъ въ маѣ мѣсяцѣ, караваны эти рѣдко ранѣе іюля достигаютъ Архангельска.

Конструкція этихъ барокъ самаго большаго размѣра, длиною 14 саж., шириною 6 саж., въ водѣ сидятъ отъ 5 до 10 четвертей и грузу поднимаютъ отъ 22 т. до 25 т. пудъ. Управляются однимъ лоцманомъ при 2-хъ концовыхъ и одномъ водоливѣ, который вмѣстѣ и смотритель клади; народу или сплавной сходки бываетъ на каждой баркѣ отъ 40 до 60 челов, съ присадочными; этими же людьми и нагружаются барки на Ношульской пристани. Народъ этотъ ко времени сплава приходитъ изъ губерній Вятской, Вологодской и Архангельской, нанимаемый заблаговременно съ выдачею задатковъ обыкновенно въ срединѣ зимы.

Число всѣхъ сплавляемыхъ съ этой пристани барокъ бываетъ различно, смотря по требованію хлѣба къ Архангельску для заморскаго отпуска. Бывали годы, когда число это доходило до 200 и болѣе, но съ нѣкотораго времени значительно уменьшилось, и въ прошлыхъ, послѣднихъ годахъ едва ли доходило до 150 барокъ.

Digitized by Google

Андреевская или Быковская пристань, на той же рѣкѣ Лузѣ, ниже первой верстъ полтораста, близъ впаденія ея въ Югъ. Порядокъ нагрузки барокъ, начало сплава и продолженіе его до Архангельска тоже самое, что и съ Ношульской. Кладь или хлѣбъ свозится изъ той же Вятской губ. отъ ближайшихъ къ ней городовъ, съ небольшею разницею въ цѣнѣ провоза. Число всѣхъ барокъ, сплавляющихся съ этой пристани ежегодно не превышаетъ 50. Конструкція ихъ та же.

Увеличеніе или уменьшеніе числа сплавляемыхъ съ обѣихъ означенныхъ пристаней барокъ зависитъ, какъ выше сказано, отъ требованія хлѣба къ Архангельскому порту для отпуска за море, но кромѣ того къ увеличенію этого числа встрѣчаются уже и другія затрудненія, а именно недостатокъ лѣсу годнаго для постройки барокъ, какъ отъ ежегоднаго истребленія его на эти постройки, такъ и отъ лѣсныхъ пожаровъ, случившихся въ послѣднее время и уничтожившихъ около этихъ двухъ пристаней много годнаго лѣса, отчего нынѣ цѣнность на постройку барокъ дошла до высокой цифры, такъ, на примѣръ, вмѣсто платимой прежде по 1000 р. ас. за барку, нынѣ платятъ уже по 600 р. сереб.

Кромѣ 2-хъ вышепоименованныхъ пристаней для сплаву кладей къ Архангельску находятся въ Вологодской губ. еще нижеслѣдующія пристани: г. *Вологда*, откуда отправляется ежегодно отъ 50 до 80-ти барокъ и болѣе, такой же конструкціи, какъ и Ношульская, меньшаго только размѣра; грузятся они тоже хлѣбомъ, льномъ и другими товарами, заготовленными собственно около Вологды. Сплавъ барокъ начинается въ одно почти время съ Ношульскими, однако недѣлею всегда раньше достигаютъ онѣ до Устюга, чѣмъ первыя, и такимъ же временемъ прежде приходятъ въ Архангельскъ. Это отъ того, что рѣка Сухона, по которой онѣ первоначально сплавляются до Устюга на разстояніи 450 верстъ, несравненно способнѣе рѣкъ Лузы и Юга, будучи не такъ излучиста, а болѣе пряма и притомъ долѣе держитъ водополіе.

Городъ Никольскъ, на рѣкѣ Югѣ, гдѣ также нѣсколько барокъ нагружаются хлѣбомъ, льномъ и другими хлѣбными припасами, заготовляемыми собственно въ Никольскомъ уѣздѣ и частію сводимыми изъ уѣздовъ Вятской губ.; но число барокъ отсюда отправляется весьма ограниченное количество отъ 5 до 10, какъ и если со слѣдующей пристани *Перевозъ*, ниже нѣсколько вышесказанной, на той же рѣкѣ Югѣ, гдѣ

Digitized by Google

еще менѣе грузятся и отправляется барокъ съ хлѣбомъ, вывозимыхъ изъ Вятской губ. преимущественно изъ Слободскаго уѣзда. Число барокъ не простирается и до 10-ти.

Если откроется путь прямо съ Волги на Сухону помимо Вятской губ., тогда всѣ упомянутыя пристани и особенно Ношульская, потерпятъ чрезвычайный переворотъ или совершенное уничтоженіе.

Для этого предполагаемаго пути нужнымъ считаю присовокупить одно замѣчаніе на счетъ сплава судовъ съ Толшимской пристани по рѣкѣ Сухонѣ.

Село Толшма лежитъ за 150 верстъ отъ г. Вологды и 50 выше Тотьмы на рѣкѣ Сухонѣ, которая, вскрываясь ото льда обыкновенно въ маѣ мѣсяцѣ (рѣдко въ апрѣлѣ), бываетъ вполнѣ судоходною только въ одно водополье; по спаденіи же полой воды, судоходство по ней дѣлается чрезвычайно затруднительно, а для барокъ и другихъ большихъ судовъ рѣшительно невозможно, ибо тогда воды въ порогѣ *Опока*, лежащемъ выше Устюга въ 50 верстахъ, только до 9 вершковъ, а потому надобно, чтобъ хлѣбъ или кладь для погрузки на этой пристани могъ приходить на Толшму не позже мая мѣсяца, или по крайней мѣрѣ въ первыхъ числахъ іюня; и чтобъ и далѣе къ Архангельску отправка была безъ затрудненія, то лучше сплавлять кладь въ каюкахъ, чѣмъ въ баркахъ, ибо первые способнѣе послѣднихъ, потому что менѣе сидятъ въ водѣ, и конечно въ половину противъ барокъ могутъ поднять грузу, но за то плаваніе ихъ по Двинѣ гораздо успѣшнѣе, потому что они не столько терпятъ препятствій отъ противныхъ вѣтровъ и погоды, ибо будучи огибными съ палубой, они при вѣтрѣ пользуются парусомъ. Строятся они тутъ же на Сухонѣ, и постройка ихъ въ прошломъ году обходилась отъ 200 до 250 р. сер. Грузу поднимаютъ до 10 т. пудъ, въ водѣ сидятъ до 9 и 8 четвертей. Сплавляются при одномъ лоцманѣ и 5 или 6 рабочихъ и одномъ водоливѣ.

Максимъ Садовъ.

Digitized by Google

КРИТИКА.

Ученыя записки втораго отдѣленія Императорской академіи наукъ. *Книга II, выпускъ I. 1856 года.*

Книга, сія по заведенному порядку, начинается лѣтописями втораго отдѣленія Императорской Академіи наукъ. Здѣсь, во-первыхъ, помѣщенъ отчетъ Академіи по отдѣленію Русскаго языка и словесности за 1854 годъ, составленный Ординарнымъ Академикомъ П. А. Плетневымъ. Въ отчетѣ семъ Г. Плетневъ въ сжатомъ, но живомъ изложеніи перечислилъ труды академиковъ втораго отдѣленія за 1854 годъ; потомъ упомянулъ о кончинѣ Академиковъ Протоіерея І. С. Кочетова и Я. И. Бередникова и почетнаго члена отдѣленія Тайнаго Совѣтника А. В. Казадаева, указавши на ихъ заслуги наукѣ и отечеству; воспоминая о заслугахъ А. В. Казадаева, между прочимъ г. Плетневъ говоритъ, что по смерти его найдены приготовленныя къ изданію рукописи: 1-е, Словарь, содержащій біографіи ученыхъ, литераторовъ и другихъ знаменитыхъ русскихъ людей; и 2-е, Матеріалы для исторіи царствованія Императрицы Екатерины II й.

Потомъ слѣдуетъ историческая записка, посвященная памяти графа Сергія Семеновича Уварова, президента Императорской Академіи наукъ, читанная въ торжественномъ собраніи Академіи 29 декабря 1855 года орд. акад. П. А. Плетневымъ. Г. академикъ начинаетъ свой истинно прекрасный трудъ слѣдующею живою картиною перваго академическаго засѣданія въ президенство гр. С. С. Уварова. «28 января 1818 года въ собраніи Императорской Академіи наукъ присутствовали академики: Озерецковскій, Фусъ (Николай), Шубертъ, Севергинъ, Захаровъ, Загорскій, Севастьяновъ, Вишневскій, Шереръ, Кругъ, Петровъ, Френъ, Германъ, Шлегель-мильхъ и Колинсъ. Въ это собраніе ученыхъ, столь извѣстныхъ свѣ-

Digitized by Google

ту сочиненіями, прибылъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, прекрасной наружности, съ явными привычками къ высшему свѣтскому обществу. Для него приготовлено было посреди академиковъ почетное мѣсто, которое занялъ онъ безъ притворной застѣнчивости, съ сознаніемъ своихъ правъ и нѣкотораго достоинства. Обращаясь къ собранію, онъ открылъ засѣданіе одушевленною рѣчью, въ которой прежде всего изобразилъ, какъ ему лестно быть президентомъ въ Академіи, съ давнихъ поръ пользующейся заслуженною славою. Онъ просилъ академиковъ вѣрить всегдашней его готовности содѣйствовать похвальной ревности каждаго изъ нихъ въ обработываніи его науки. Онъ присовокупилъ, что въ свою очередь, ожидаетъ отъ членовъ Академіи совершенной преданности дѣйствительнымъ ея выгодамъ, т. е. усиленію ея дѣятельности и поддержанію славы ея. «Мы можемъ надѣяться», сказалъ онъ въ заключеніе, «что подъ десницею Августѣйшаго покровителя наукъ, Академія удержитъ во всей полнотѣ права свои на уваженіе ученаго свѣта и на признательность отечества. Для достиженія сей высокой цѣли мы должны соединиться въ одну волю и вмѣстѣ побѣдить всѣ препятствія твердостію, единодушіемъ и взаимною довѣренностью».

Послѣ картины перваго засѣданія авторъ обратился къ прежней жизни гр. Уварова, до назначенія его президентомъ въ Академію; здѣсь въ краткомъ, но живомъ очеркѣ представлены всѣ труды общественной и ученой дѣятельности покойнаго, стяжавшіе ему довѣріе правительства и извѣстность и уваженіе въ ученомъ мірѣ не только въ отечествѣ, но и за границею. Потомъ авторъ переходитъ къ довольно подробному изложенію правительственныхъ и ученыхъ трудовъ гр. Уварова, какъ президента Академіи и какъ академика. Президентъ при первомъ же своемъ вступленіи въ Академію увидѣлъ, что ему предлежитъ огромный трудъ возсоздать все, начиная съ хозяйственной части до административной и ученой; зданія Академіи иныя не были достроены, иныя разрушались отъ ветхости, внутренній составъ Академіи состоялъ только изъ 17 членовъ. Чтобы возстановить Академію графъ Уваровъ началъ съ того, что постарался сблизить ее съ современными знаменитостями въ ученомъ мірѣ; для сего въ первомъ засѣданіи предложилъ избрать въ почетные члены Академіи Исторіографа Карамзина, а во второмъ засѣданіи Александра Гумбольта и французскихъ оріенталистовъ: барона Сильвестра де Сати и М. Ланглеса; въ третьемъ засѣданіи онъ представилъ составленный имъ планъ изданія путешествій академиковъ по Россіи, которыя будучи изданы прежде на разныхъ язы-

Digitized by Google

кахъ въ разное время, притомъ не рѣдко въ отсутствіи и даже по смерти путешествовавшихъ и потому искаженныя, требовали новаго однообразнаго и исправнѣйшаго изданія на Русскомъ языкѣ. Потомъ президентъ обратилъ вниманіе на филологію востока и древне-классическихъ языковъ и учредилъ по симъ предметамъ особое отдѣленіе въ Академіи; въ первый же годъ своего управленія онъ открылъ по части естествовѣдѣнія самыя полезныя для Академіи сношенія съ подобными ей учрежденіями въ Европѣ и Америкѣ, что быстро повело къ улучшенію ея музеумовъ и кабинетовъ, много лѣтъ оставшихся въ неподвижности. Въ 1828 году президентъ устроилъ на суммы Академіи достопамятное археографическое путешествіе по Россіи съ цѣлію осмотра старинныхъ Русскихъ библіотекъ, издавна сохраняющихъ памятники древней письменности нашей. Это путешествіе, совершенное знаменитымъ нашимъ археографомъ П. М. Строевымъ принесло такіе обильные плоды для отечественной исторіи, археологіи и филологіи, что изъ временной экспедиціи, составившейся для изданія собранныхъ во время путешествія матеріаловъ, въ 1837 году образовалась Высочайше утвержденная особая археографическая Коммиссія, которая и до нынѣ продолжаетъ свои полезныя изданія историческихъ матеріаловъ. Въ 1829 году была снаряжена отъ Академіи кавказская ученая экспедиція для изслѣдованій по части физики и натуральной исторіи. Въ 1841 году къ Академіи наукъ присоединена была Россійская Академія, подъ названіемъ: отдѣленія русскаго языка и словесности и такимъ образомъ личный составъ Академіи увеличился цѣлою третью академиковъ.

Въ хозяйственномъ отношеніи графъ Уваровъ, какъ президентъ Академіи съ одной стороны ввелъ строжайшую бережливость, чтобы по возможности оборачиваться собственными средствами, а съ другой стороны постоянно заботился о пріобрѣтеніи для Академіи матеріальныхъ средствъ со стороны; съ начала онъ исходатайствовалъ, чтобы разрѣшено было отпустить изъ Строительнаго Комитета около 25 т. рублей въ распоряженіе Академіи на улучшеніе академическихъ зданій; потомъ на счетъ Министерства Финансовъ его же стараніями выведено было новое трехсторонее прекрасное здаліе, въ которомъ нынѣ сосредоточена большая часть принадлежностей Академіи; въ 1825 году приступлено было къ отдѣлкѣ большой Академической залы и смежныхъ съ нею комнатъ; въ 1829 году стараніями президента Академія пріобрѣла прекрасный домъ для своей типографіи, стоившій 120 т. рублей; въ 1833 году начата построеніемъ знаменитая Пулковская центральная астрономическая

Digitized by Google

обсерваторія, на построеніе которой употреблено 600 т. рублей серебромъ; съ 1827 года стараніями президента Академіи дарованъ былъ новый штатъ, по которому вмѣсто прежнихъ 120 т. рублей назначено на содержаніе Академіи 206,100 рублей; въ 1834 году Министерствомъ Финансовъ окончательно устроено было для Академіи наукъ то зданіе, которое предназначалось для важнѣйшихъ ея музеумовъ; на убранство сего зданія по ходатайству президента Высочайше разрѣшено употребить 25,810 р. изъ капитала, пожертвованнаго купцомъ Ларинымъ. Въ 1836 году, по ходатайству и проекту президента, Высочайше утвержденъ новый уставъ и штатъ Академіи, по которому составъ и кругъ дѣйствій ея расширены и сумма, отпускаемая на содержаніе Академіи, возведена до 355,054 руб. 45 к. Кромѣ того библіотека, музеи и кабинеты Академіи значительно увеличены многими замѣчательными собраніями, частію купленными на суммы Академіи, и еще большіе полученными въ даръ отъ Государя Императора. Такимъ образомъ Академія наукъ стараніями своего дѣятельнаго президента достигла огромныхъ успѣховъ и въ ученомъ, и въ административномъ, и въ хозяйственномъ отношеніяхъ.

Говоря объ ученыхъ трудахъ графа С. С. Уварова, авторъ начинаетъ съ 1810 года, когда вышло первое сочиненіе гр. Уварова подъ названіемъ: «Essai d'une Académie Asiatique», въ которомъ 21 лѣтній писатель уже указываетъ на Россію, какъ на страну, которая преимущественно должна заботиться объ изученіи востока; по по его словамъ: «сопредѣльная съ Азіею Россія, обладательница всей ея сѣверной части, не можетъ не чувствовать одинаковаго нравственнаго побужденія съ прочими народами въ ихъ благородныхъ предпріятіяхъ; но у нея есть побужденіе особенное политическое, которое, при одномъ взглядѣ на географическую карту, становится понятнымъ и несомнѣннымъ. Россія, такъ сказать, опирается на Азію» Въ 1812 году гр. С. С. Уваровъ издалъ на французскомъ же языкѣ новое сочиненіе «объ Элевзинскихъ таинствахъ», въ которомъ представилъ много новыхъ соображеній о предметѣ; въ 1817 году явилось на нѣмецкомъ языкѣ его историко-критическое изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: «Nonnos von Panopolis. der Dichter», съ посвященіемъ Гёте. А еще прежде въ первые годы царствованія Императора Александра 1-го гр. Уваровымъ были напечатаны небольшія сочиненія: «О преподаваніи исторіи относительно къ народному воспитанію, объ Императорѣ Александрѣ и Бонапартѣ, о генералѣ Моро, о видахъ Наполеона на Италію.» И Академія еще въ 1811 году признала его своимъ почетнымъ членомъ. Въ 1818

Digitized by Google

году въ первый годъ своего президентства въ Академіи, среди новыхъ для него административныхъ трудовъ, графъ С. С. Уваровъ не оставлялъ и собственныхъ ученыхъ занятій: онъ издалъ въ этомъ году на нѣмецкомъ языкѣ свои изслѣдованія о періодѣ Догомеровскомъ, служащія какъ бы дополненіемъ тому, что написано о Гомерѣ и Гезіодѣ Готфридомъ Германомъ и Фридрихомъ Крейцеромъ. Въ 1833 году графъ Уваровъ, будучи уже Министромъ Народнаго Просвѣщенія, въ торжественномъ собраніи Академіи читалъ столь извѣстную свою записку «о Гете», написанную на французскомъ языкѣ. Министръ Академикъ въ этой своей запискѣ между прочимъ говоритъ: «чтобы основательно судить о вліяніи Гете на страну его и вѣкъ, надобно мысленно перенестись къ тому времени, когда явился онъ на поприщѣ словесности. Франція, гибнувшая въ сатурналіяхъ XVIII вѣка, еще продолжала дѣйствовать на умы. Нѣмецкая словесность, заключенная въ первоначальныя жесткія формы свои и порываемая систематическимъ стремленіемъ къ подражанію за-Рейнскимъ образцамъ, подвергалась двоякой невыгодѣ враждебныхъ крайностей..... Лессингъ первый прокладывалъ надежный путь; но его критическій талантъ не могъ озарить свѣтомъ тьму смѣшенія и безпорядка. Изъ среды этого литературнаго безначалія возвысился талантъ могучій, Виландъ; онъ пробилъ новую тропу и увлекъ послѣдователей своихъ къ подражанію Французамъ, неподражаемымъ въ любезности, естественности и живости. Трудное и безплодное усиліе соединяло противоположныя стихіи. Въ семъ жалкомъ сочетаніи безнравственность не приправлялась даже вкусомъ; а природныя свойства отечественнаго генія приносились въ жертву суетному желанію наряжаться въ чужія, преувеличенныя погрѣшности.» (Не то ли же дѣлаютъ наши современные поклонники западной Европы, убѣждая соотечественниковъ все русское, отечественное, исторически добытое нашею жизнію, приносить въ жертву суетному желанію наряжаться въ чужое). Въ 1840 году президентъ Министръ издалъ свое разсужденіе о философіи литературы, написанное на французскомъ языкѣ, гдѣ представилъ въ нѣкоторомъ смыслѣ программу философической исторіи литературы, разбирая характеръ словесности въ гражданскихъ событіяхъ до Рождества Христова и послѣ этого событія. Не перечисляя всѣхъ ученыхъ трудовъ графа Сергія Семеновича Уварова, и не излагая всѣхъ подробностей его службы по званію президента Академіи, мы отсылаемъ желающихъ узнать это въ подробности, къ прекрасному труду почтеннаго академика, гдѣ они найдутъ полное удовлетвореніе своего желанія въ изложеніи живомъ и исполненномъ сочувствія къ предмету.

Digitized by Google

Послѣ записки Академика П. А. Плетнева въ лѣтописяхъ помѣщена краткая, рѣчь графа Д. Н. Блудова, сказанная въ засѣданіи 23 декабря 1855 года. Назначеніе Академіи двоякое. За первымъ и главнымъ: содѣйствовать успѣхамъ наукъ, расширенію предѣловъ ихъ, слѣдуетъ непосредственно другое, можетъ быть столь же важное: распространять вкусъ къ познаніямъ и самыя познанія, внѣ круга всегда довольно тѣснаго, собственно ученыхъ, стараться сдѣлать сіи знанія доступными, привлекательными и для тѣхъ, кои по обстоятельствамъ или по роду иныхъ наукъ, не могли пріобрѣсти ихъ при первоначальномъ воспитаніи.

Въ слѣдъ за рѣчью новаго президента Академіи помѣщена отвѣтная рѣчь ординарнаго Академика И. И. Давыдова, говоренная въ томъ же засѣданіи 23 декабря 1855 года.

За отвѣтною рѣчью помѣщено воспоминаніе о графѣ Сергіѣ Семеновичѣ Уваровѣ, того же орд. акад. И. И. Давыдова (изъ записки читанной въ отдѣленіи 3 декабря 1855 года). Въ воспоминаніи академикъ И. И. Давыдовъ живо и съ полною правдою представилъ графа С. С. Уварова, какъ Министра Народнаго Просвѣщенія, какъ ученаго и какъ человѣка. Обращаясь къ Министерскимъ трудамъ графа, онъ говоритъ: «шестнадцать лѣтъ управленія его Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія представляютъ рядъ блистательныхъ заслугъ отечеству. При немъ ученое сословіе получило новыя права и преимущества, содержаніе профессоровъ и другихъ преподавателей возвышено, дарованы пенсіи имъ и ихъ семействамъ.... Министерство Просвѣщенія при немъ уже считало въ Имперіи университетовъ съ главнымъ педагогическимъ институтомъ и лицеями 10; дворянскихъ институтовъ и гимназій съ благородными пансіонами 79; уѣздныхъ и приходскихъ училищъ 1461; частныхъ учебныхъ заведеній 597; пансіоновъ при лицеяхъ и гимназіяхъ съ конвиктами 77; всѣхъ учащихся 119,015. Въ Царствѣ Польскомъ гимназій и училищъ 1464, учащихся 85,001. Учреждено вновь учебныхъ заведеній 784. Число учащихся въ Имперіи увеличилось 35-ю тысячами, а число учащихъ двумя тысячами. Ученыхъ экспедицій совершено 40; русскихъ книгъ напечатано болѣе 7-ми милліоновъ листовъ.....

Говоря о графѣ С. С. Уваровѣ, какъ объ ученомъ, авторъ воспоминанія пишетъ: «любимыми предметами графа С. С. были филологія и древніе классическіе языки Греческій и Латинскій, преимущественно первый». За симъ авторъ перечисляетъ ученые труды графа С. С. Уварова, писанные на Русскомъ, Французскомъ и Не-

Digitized by Google

мецкомъ языкахъ, и заключаетъ свое воспоминаніе о немъ, воспоминаніемъ какъ о человѣкѣ. «Еще въ свѣжей памяти каждаго изъ насъ сохраняется наружный видъ Сергія Семеновича: средній ростъ его, лице правильное и прекрасное, глаза полные огня и выразительные, голосъ рѣзкій и повелительный, рѣчь текучая, не смотря на кротость его и благодушіе, въ обществѣ онъ казался неприступнымъ отъ того, что съ первой молодости привыкъ начальствовать. Но у себя дома онъ былъ ласковъ и привѣтливъ. Въ продолженіе управленія его Министерствомъ не слышно было жалобъ на него; всѣ служащіе, которыхъ засталъ онъ, были награждены и возвышены; никто изъ просителей не выходилъ изъ кабинета его безъ утѣшенія или успокоенія. При всемъ богатствѣ и роскошныхъ украшеніяхъ, какія окружали его, онъ велъ жизнь простую, въ пищѣ и питьѣ соблюдалъ умѣренность, трудился непрерывно; лишь только перемѣна занятій служила ему отдохновеніемъ. Характеръ, казавшійся слишкомъ мягкимъ въ отношеніяхъ общественныхъ, въ сущности былъ твердый и постоянный: близкихъ къ себѣ любилъ и всякую заслугу помнилъ онъ неизмѣнно». Желающіе ближе познакомиться съ характеромъ и образомъ жизни покойнаго графа С. С. Уварова, да благоволятъ обратиться къ воспоминанію И. И. Давыдова.

Лѣтописи 2-го отдѣленія Академіи наукъ въ нынѣшнемъ выпускѣ оканчиваются перечнемъ членовъ втораго отдѣленія Академіи наукъ со времени его основанія до 1856 года.

Въ отдѣлѣ разсужденій, изслѣдованій и очерковъ первою статьею помѣщено извѣстное уже разсужденіе, академика А. Х. Востокова, о Славянскомъ языкѣ, служащее введеніемъ къ грамматикѣ сего языка, составляемой по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ. Самъ авторъ говоритъ о сей статьѣ: «разсужденіе это, писанное за 35 лѣтъ предъ симъ, могло бы теперь быть значительно пополнено и опредѣлительнѣе изложено; но къ главному содержанію его я не имѣю ничего прибавить, а потому оставляю оное въ первоначальномъ его видѣ». И дѣйствительно основныя мысли, о Славянскомъ языкѣ, высказанныя академикомъ за 35 лѣтъ предъ симъ, и теперь еще остаются основными мыслями о семъ предметѣ.

Вторая статья также принадлежитъ А. Х. Востокову, въ ней изложены грамматическія правила Славянскаго языка, извлеченныя изъ Остромирова Евангелія. Правила сіи были уже напечатаны въ 1843 году при Остромировомъ Евангеліи. Оказавшаяся нужда напечатать ихъ вторично въ ученыхъ запискахъ Академіи свидѣтельствуетъ, что этотъ трудъ А. Х. Востокова, какъ и всѣ его

Digitized by Google

филологическіе труды, имѣетъ неотъемлемыя достоинства, которыя его книгу дѣлаютъ необходимою настольною книгою для всякаго занимающагося Славянскою филологіею.

Третью статью составляетъ изслѣдованіе П. А. Лавровскаго о лѣтописи Якимовской. Г. Лавровскій начинаетъ свое изслѣдованіе перечисленіемъ толковъ и сужденій, существующихъ въ нашей исторической литературѣ, противъ и въ пользу Якимовской лѣтописи. Потомъ приводитъ съ своими замѣчаніями разсказъ Татищева о томъ, какимъ образомъ и въ какомъ видѣ получена Татищевымъ Якимовская лѣтопись отъ архимандрита Мелхиседека Борщова, и въ концѣ раздѣляетъ лѣтопись на двѣ половины, изъ коихъ первая, обнимающая событія до образованія Русскаго государства, наполнена извѣстіями, носящими на себѣ очевиднѣйшіе слѣды вымысла средневѣковой фантазіи о происхожденіи народовъ и ихъ разселеніи, и есть несомнѣнный плодъ вліянія польскихъ лѣтописцевъ. Вторая, хотя и содержащая въ себѣ факты, не всегда включенные въ достовѣрную лѣтопись Несторову, не противорѣчитъ нимало общему ходу событій въ первое время государства Русскаго, предлагая притомъ не мало извѣстій, достовѣрность которыхъ отвергнуть также трудно, какъ и лѣтопись самаго Нестора.

Далѣе слѣдуетъ разборъ первой части лѣтописи Якимовской. Разборъ этой первой части Г. Лавровскій оканчиваетъ такъ: «сводя въ одно цѣлое всѣ замѣчанія относительно первой половины лѣтописи Якимовской, мы получимъ заключенія: 1) въ общемъ составѣ своемъ, въ воззрѣніи на передвиженіе Славянъ, на разселеніе ихъ и на жизнь ихъ, въ общихъ чертахъ на сѣверѣ, этотъ отрывокъ вполнѣ согласенъ съ лѣтописью Нестора и съ другими достовѣрными и древними источниками». Но самое простое сличеніе Несторова текста съ мнимымъ Якимовскимъ ясно показываетъ, что Якимовская лѣтопись противорѣчитъ Несторовой. У Нестора сказано: «по разрушеніи же столпа и по раздѣленіи языкъ, пріяша сынове Симови въ сточныя страны, а Хамови сынове полуденныя страны, Афетови же пріяша западъ и полунощныя страны. Отъ сихъ 72 языку бысть языкъ словѣнескъ отъ племени Афетова, Норцы еже суть Словѣне». Якимъ же пишетъ: «сже сынове Афетовы и внуцы отдѣлишася, и единъ отъ князь Славенъ съ братомъ Скифомъ, имѣя многія войны на востокѣ, идоша къ западу, мнози земли о Черномъ и Дунаи себѣ покориша, и отъ старшаго брата прозвашася Славяне». Здѣсь Якимъ ведетъ Славяна и Скифа съ востока, заставляетъ ихъ вести многія войны на востокѣ и покорять земли по Черному морю; Несторъ

Digitized by Google

же прямо говоритъ, что Яфетовымъ потомкамъ достались западныя и полуночныя страны, слѣдовательно выводитъ Славянъ съ запада или полуночи, а отнюдь не съ востока». Далѣе Несторъ пишетъ: «по многихъ же временехъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорска земля и Болгарска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разыдошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко прешедше сѣдоша на-рѣцѣ именемъ Морава, и прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарѣкошася..... Волохомъ бо нашедшимъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящимъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове... Такоже и ти Словѣни пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне», и проч. А у Якима: «Славянъ князь оставя во Фракіи и Иллиріи на вскрай моря и по Дунаеви сына Бастарна, иде къ полуночи и градъ великій созда во свое имя, Славянскъ нарече, а Скифъ остася у Понта и Меотиса въ пустыняхъ обитати, питаяся отъ скотъ и грабительства, и прозвася страна та Скифія великая». Неужели сіи два сказанія въ общихъ чертахъ сходны между собою, когда Несторъ согласно съ другими достовѣрными источниками указываетъ на постепенныя заселенія Славянъ отъ Дуная къ Моравѣ, Вислѣ до Померанія, потомъ отъ Дуная же къ Днѣстру, Бугу, Днѣпру къ Сулѣ, Семи и Деснѣ, и на сѣверъ по Днѣпру къ Двинѣ, Полотѣ и озеру Ильменю; Якимъ же вдругъ переводитъ ихъ съ княземъ Славяномъ на сѣверъ въ Новгородскій край, а все пространство по Днѣстру, Бугу, Днѣпру и Дону отдаетъ кочевымъ Скифамъ. Повторяю, неужели сіи сказанія, столько противоположныя, сходны между собою въ общихъ чертахъ.

Во 2-хъ (по словамъ Г. Лавровскаго) характеръ обильныхъ олицетвореній и употребленіе такихъ олицетворенныхъ именъ, какія встрѣчаются только въ позднѣйшихъ Польско-Чешскихъ лѣтописяхъ, заносившихся на Русь, въ XVI—XVII столѣтіяхъ, подтверждаютъ позднюю пору составленія отрывка, и, съ этой стороны, ставятъ начало его въ рядъ баснословныхъ хронографовъ, явившихся подъ тѣмъ же вліяніемъ западно-славянскимъ. 3-е олицетвореніе Куни-гарда, Гардарика и Выбора, съ названіемъ Голмгарда и Бярміи, свидѣтельствуетъ о знакомствѣ автора съ писателями западно-Латинскими или Нѣмецкими вообще, и точнѣе опредѣляютъ время его труда, низводя его къ XVIII столѣтію. Сіи два заключенія вѣрны и вполнѣ согласны съ характеромъ разбираемаго памятника; только непонятно, какимъ образомъ критикъ, такъ вѣрно очеркнувши характеръ памятника и показавши его настоящіе источники, думаетъ

Digitized by Google

еще отыскивать сходство этого памятника съ лѣтописью Нестора; у мнимаго Якима всѣ нелѣпыя и чуждыя олицетворенія такъ тѣсно связаны съ ходомъ небывалыхъ событій, что ихъ нельзя отдѣлить.

Наконецъ въ 4-мъ заключеніи Г. Лавровскій говоритъ: «имя Гостомысла или князя или старѣйшины Новгородскаго, и названіе города Словенска, заставляютъ предполагать у автора присутствіе такихъ списковъ лѣтописей древнихъ, въ которыхъ говорилось, хоть, вѣроятно, и не съ такою подробностію, о томъ и другомъ». Да за чѣмъ же тутъ предполагать присутствіе древнихъ списковъ лѣтописи, когда имя Гостомысла и Словенска наравнѣ съ другими олицетворенными именами прямо взято изъ Польскихъ хроникъ и изъ Русскихъ лѣтописей XVI и XVII столѣтій, черпавшихъ свои извѣстія изъ тѣхъ же Польскихъ хроникъ. Г. Лавровскій думаетъ подтвердить свое мнѣніе ссылками на Степенную Новгородскую книгу, на Никоновскую лѣтопись, и на Софійскій временникъ, въ которыхъ упоминается о Гостомыслѣ; но развѣ можно ссылаться на сіи памятники относительно до Рюриковской древности, тогда какъ редакціи ихъ относятся къ XVI и даже XVII столѣтіямъ, и когда извѣстно и переизвѣстно, что лѣтописи сіи, весьма важныя для позднѣйшихъ временъ, начиная съ XIV и даже съ половины XIII вѣка, въ началѣ своемъ искажены передѣлками, составленными подъ вліяніемъ идей, распространившихся на Руси въ XVI столѣтіи и заимствованныхъ отъ Польши. Ежели бы Гостомыслъ былъ дѣйствительнымъ лицомъ, жившимъ въ Новгородѣ передъ прибытіемъ Рюрика, то безъ сомнѣнія его имя или прозваніе непремѣнно бы встрѣтилось въ числѣ именъ и прозваній Новгородскихъ послѣдующаго времени, или по крайней мѣрѣ сохранилось въ названіи какого либо новгородскаго урочища, какъ напримѣръ сохранилось же въ новгородскомъ краю, именно въ Ладогѣ, урочище съ названіемъ Рюрикова дома, или нѣсколько урочищъ съ названіемъ Волотова, Велетова, но о Гостомыслѣ ничего подобнаго не сохранилось ни въ памятникахъ, ни въ преданіяхъ не только Новгородскаго края, но и всей Россіи; Гостило и Гостилецъ, пріисканные г. Лавровскимъ въ первой Новгородской лѣтописи, не Гостомыслъ и не Гостомысловъ; напротивъ имя Гостомысла мы встрѣчаемъ въ давнее время на западѣ у Мекленбургскихъ Славянъ; слѣдовательно и къ намъ перешло оно оттуда же чрезъ Чеховъ и Поляковъ, но не въ древности, а въ XVI столѣтіи вмѣстѣ съ другими тамошними именами Сармата, Басторна, Буривоя и подоб. Такимъ образомъ вся первая половина мнимой Якимовской лѣтописи есть ничто иное, какъ груда вымышленныхъ

Digitized by Google

или непонятыхъ извѣстій, заимствованныхъ частію изъ Польскихъ и Чешскихъ лѣтописцевъ и частію изъ сѣверныхъ писателей, говорившихъ, по преданіямъ, о древнихъ обитателехъ Скандинавіи, а можетъ быть и изъ сочиненій Готфрида Байера, печатавшихся въ комментаріяхъ С.-Петербургской Академіи, въ которыхъ не рѣдко упоминается и объ Гардарикіѣ и Кунигардѣ, только не какъ о людяхъ, а какъ о странахъ. Самъ Татищевъ называетъ Якима Новгородскимъ баснословцемъ, и извѣстія, имъ представляемыя, относитъ къ явнымъ баснямъ, и г. Лавровскій напрасно старается отыскивать въ сихъ басняхъ какое-то согласіе съ Несторовою лѣтописью.

Теперь обратимся къ разбору второй части Якимовской лѣтописи, о которой г. Лавровскій говоритъ, что она содержитъ въ себѣ такіе факты, достовѣрность которыхъ опровергнуть также трудно, какъ и лѣтопись самаго Нестора. Г. Лавровскій начинаетъ свой разборъ этой части тѣмъ, что польскіе лѣтописцы имѣли вредное вліяніе на позднѣйшихъ составителей русскихъ хронографовъ, но что они, въ свою очередь, пользовались древнѣйшими русскими лѣтописцами, которые до насъ не дошли; а посему, нельзя не вѣрить и польскимъ лѣтописцамъ, когда они говорятъ о такихъ русскихъ событіяхъ, которыхъ мы не встрѣчаемъ въ дошедшихъ до насъ русскихъ лѣтописяхъ. Конечно, должно вѣрить и польскимъ лѣтописцамъ о русскихъ событіяхъ, но только съ большою осмотрительностію. Г. Лавровскій завелъ рѣчь о польскихъ лѣтописцахъ, имѣя въ виду пользоваться ихъ свидѣтельствами при рѣшеніи вопроса о стародавности событій, внесенныхъ во вторую часть Якимовскаго отрывка; но должно напередъ замѣтить, что мнимый Якимъ пользовался во второй части не одними польскими лѣтописями, но и изслѣдованіями ученыхъ XVIII столѣтія о скандинавскихъ сказаніяхъ. Приступая къ разбору самаго отрывка, г. Лавровскій говоритъ: «Такъ какъ Якимовская лѣтопись, сначала княженія Рюрика, рѣшительно не представляетъ отличія отъ Несторовой, что касается до общаго хода событій, то мы и остановимся только на частностяхъ, которыя составляютъ принадлежность единственно первой.» Здѣсь, во 1-хъ, должно замѣтить, что мнимый Якимъ и Несторъ въ своихъ сказаніяхъ сначала ни мало не сходствуютъ ни въ частностяхъ, ни въ общемъ ходѣ событій: по Якиму, за Рюрикомъ съ братьями послалъ Гостомыслъ, и на совѣтѣ у Гостомысла по этому предмету были старѣйшины земли отъ Славянъ, Руси, Чуди, Веси, Мери, Кривичь и Дряговичь! По Нестору же, Рюрикъ, князь Варяго-Русскій, былъ приглашенъ Чудью, Словѣнами и Кривичами, и при томъ по

Digitized by Google

общему совѣту народа, а не по посылкѣ отъ Гостомысла. Во-вторыхъ, Татищевъ въ своемъ изданіи даже не помѣстилъ особаго текста мнимой Якимовской лѣтописи о первыхъ годахъ Рюрикова княженія, а просто сказалъ: «здѣсь о ихъ (Рюрика и его братьевъ) раздѣленіи, кончивъ и проч. согласно съ Несторомъ, только все безъ лѣтъ.» Слѣдовательно, здѣсь Якимъ говоритъ совершенно одинаково съ Несторомъ, даже одними выраженіями, такъ что въ его текстѣ не нашлось ни одного варіанта; стало быть, Несторъ списалъ у Якима слово въ слово; но, какимъ же образомъ, онъ, списавши начало княженія, не списалъ остальныхъ годовъ, а напротивъ разсказалъ объ нихъ иначе, даже съ пропусками противъ Якима; значитъ, онъ послѣдующее сказаніе Якимово нашелъ ложнымъ, не имѣющимъ надлежащихъ основаній, о чемъ конечно онъ могъ судить лучше нашего, какъ писатель ближайшій къ Якиму; слѣдовательно и мы не должны довѣрять Якимовымъ прибавкамъ. Но посмотримъ, дѣйствительно ли Якимовы прибавки не имѣютъ надлежащихъ основаній и не выдержатъ критики.

Якимъ говоритъ: «въ четвертое лѣто княженія своего Рюрикъ переселился изъ стараго въ новый градъ великій ко Ильменю, прилежа о разправѣ земли и о правосудіи, яко и дѣти его.... посажа по всѣмъ градомъ князи отъ Варягъ и Славянъ.... По смерти же отца своего, обладя Варягами, емля дань отъ нихъ.» Г. Лавровскій, защищая мнимаго Якима, говоритъ: «что Рюрикъ первоначально остановился не въ Новгородѣ, а въ Ладогѣ, и что только по смерти братьевъ, поселился въ первомъ; это фактъ, принятый въ исторіи». Слѣдовательно, дѣло касается названія Ладоги *старымъ городомъ*... Возможность названія Ладоги старымъ городомъ ни мало не противорѣчитъ дѣйствительности. Ладога существовала за долго до прибытія Рюрика, между тѣмъ какъ Новгородъ срубленъ Рюрикомъ, и отъ него получилъ названіе Новгорода быть можетъ въ противоположность городу, образовавшемуся до него, и потому считавшемуся старымъ. Во-первыхъ, отъ возможнаго къ дѣйствительному нельзя заключить; во 2-хъ, старымъ городомъ, у мнимаго Якима, называется не Ладога, о которой онъ нигдѣ не упоминаетъ, а великій *градъ Славянскъ*, по словамъ мнимаго Якима и другихъ баснословцевъ, построенный княземъ Славяномъ, въ которомъ княжилъ небывалый Гостомыслъ, и въ который приглашенъ былъ, по словамъ Якима, Рюрикъ; слѣдовательно, объясненія, сдѣланныя г. Лавровскимъ, нейдутъ къ дѣлу, и Якимовское извѣстіе, о переселеніи Рюрика изъ стараго города въ новый городъ, есть ничто иное, какъ продолже-

Digitized by Google

ніе того же баснословія, которое и самъ г. Лавровскій не могъ поддержать въ первой половинѣ Якимовскаго отрывка, и посему не можетъ быть сопоставлено Несторовскому извѣстію о переходѣ Рюрика изъ Ладоги въ Новгородъ. Въ 3-хъ, Якимовское извѣстіе о томъ, что Рюрикъ по смерти отца обладалъ Варягами и бралъ съ нихъ дань, такъ тѣсно связано съ баснословными разсказами первой половины Якимовскаго отрывка, что г. Лавровскій даже не рѣшился и объяснять его; а эта тѣсная связь служитъ лучшимъ доказательствомъ, что на дѣлѣ вовсе не существуетъ предположеннаго г. Лавровскимъ раздѣленія Якимовскаго отрывка на баснословную и достовѣрную половину, что весь отрывокъ безъ раздѣленія есть работа одной руки.

Далѣе г. Лавровскій, желая поддержать Якимовское извѣстіе о многихъ дѣтяхъ и женахъ Рюрика, говоритъ: «трудно предположить, чтобы при общемъ обыкновеніи жениться въ молодыхъ лѣтахъ, при обычаѣ многоженства, Рюрикъ не имѣлъ дѣтей въ продолженіе пятнадцати-лѣтняго правленія въ Новгородѣ, до 877 года, когда родился у него Игорь.» Да зачѣмъ же предполагать трудности, когда и въ новое время и въ древности, не рѣдко бывали люди, которые и при продолжительности брачной жизни и при многоженствѣ не имѣли дѣтей, или у которыхъ дѣти умирали вскорѣ послѣ рожденія; при томъ же многоженство у сѣверныхъ народовъ, хотя и допускалось, но не было въ обычаѣ; слѣдовательно, Рюрикъ могъ имѣть множество женъ, могъ и не имѣть, какъ дѣйствительно и не имѣли его соотечественники, многіе скандинавскіе конунги, семейную жизнь которыхъ подробно описываютъ исландскія саги. А ежели достовѣрный Несторъ говоритъ, что у Рюрика былъ именно одинъ только сынъ Игорь, то мы и не можемъ довѣрять дополненію о многихъ Рюриковыхъ дѣтяхъ, и при томъ такому дополненію, которое находится только у одного баснословнаго Якима. При томъ какимъ образомъ старшіе сыновья Рюриковы, управлявшіе уже городами при отцѣ, по смерти отца не воевали съ малолѣтнымъ Игоремъ, получившимъ по завѣщанію всѣ отцовскія владѣнія.

Далѣе Якимъ пишетъ: «Славяне живущіе, по Днѣпру, зовоміи Поляне и Горяне, утѣсняемы бывше отъ Казаръ, иже градъ ихъ Кіевъ и прочіи обладаша, емлюще дани тяжки.... тіи прислаша къ Рюрику предніи мужи просити да послетъ къ нимъ сына или ина князя княжити. Онъ же вдаде имъ Аскольда и вои съ нимъ отпусти. Аскольдъ же шедъ облада Кіевомъ, и собравъ вои, повоева первѣе Казаръ, потомъ иде въ ладіяхъ въ Царь-градъ ко Царю....»

Digitized by Google

Далѣе, Татищевъ продолжаетъ: «Здѣсь на странѣ подписано: *утрачены въ лѣтописцѣ два листа*, а зачато: Михаилъ же возблагодари Бога, иде въ Болгары.... По сему дознаюсь, что о крещеніи Аскольда утрачено, и Михаилъ сей—Киръ «Михаилъ митрополитъ, показавшій чудо не сгорѣвшимъ Евангеліемъ.» Это мѣсто особенно понравилось г. Лавровскому; онъ говоритъ: «разсказъ объ Аскольдѣ, по главному своему содержанію, не представляетъ ни малѣйшаго отступленія отъ Нестора.... Но за то есть особенности въ частностяхъ, которыя будучи важны для исторіи, еще болѣе имѣютъ важности для вопроса главнаго — опредѣленія достовѣрности лѣтописи Якимовской.» Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе та особенность, что мнимый Якимъ говоритъ объ одномъ Аскольдѣ и ни слова о Дирѣ; тогда какъ у Нестора, во всѣхъ редакціяхъ его лѣтописи, постоянно говорится объ Аскольдѣ и Дирѣ; объ одномъ Аскольдѣ у насъ стали писать не раньше XVIII столѣтія (*). Этой важной особенности, г. Лавровскій вовсе не замѣтилъ. Но обратимся къ особенностямъ, замѣченнымъ у г. Лавровскаго.

Первая особенность, замѣченная г. Лавровскимъ, состоитъ въ томъ, что по Якиму, Приднѣпровцы, въ слѣдствіе утѣсненій отъ Казаръ, просили Рюрика о присылкѣ къ нимъ князя; по Нестору же, Аскольдъ и Диръ сами отпросились у Рюрика въ Константинополь, и въ походѣ завладѣли Кіевомъ. Дѣйствительно, важная особенность: Якимъ прямо противорѣчитъ Нестору; но посмотримъ, какъ же г. Лавровскій уничтожаетъ это явное противорѣчіе; онъ говоритъ: «тотъ же Несторъ подтверждаетъ, что Кіевляне дѣйствительно платили дань Казарамъ, не забывши при томъ прежней своей независимости; и что же неестественнаго, если они подобно сѣверному союзу, по тѣмъ же побужденіямъ (?) призвавшему къ себѣ въ правители чужеземца, обратились также съ просьбою освободить ихъ отъ наложеннаго на нихъ ига къ государю новой сѣверной державы?« Неестественнаго здѣсь пока нѣтъ ничего; но пусть г. Лавровскій припомнитъ наше прежнее замѣчаніе: «нельзя заключать отъ возможнаго къ дѣйствительному». Несторъ, Кіевлянинъ по жительству, ничего не говоритъ о прошеніи Кіевлянъ прислать имъ князя, а прямо свидѣтельствуетъ, что Аскольдъ и Диръ сами отпросились у Рюрика въ Константинополь и на дорогѣ завладѣли Кіевомъ; слѣ-

(*) Байеръ, первый, пустилъ мысль, что Діаръ значитъ князь, а не собственное имя, и слѣдовательно *Аскольдъ и Диръ*, значитъ *Аскольдъ князь*. Должно быть, Якимъ читалъ изслѣдованія Байера.

Digitized by Google

довательно извѣстіе о просьбѣ Кіевлянъ прямо противорѣчитъ Нестору, и это противорѣчіе ни логически, ни исторически, не уничтожается предположеніемъ г. Лавровскаго, что Кіевляне могли просить Рюрика о присылкѣ князя. Положимъ, что *могли*, да по свидѣтельству Нестора не просили, а мы должны болѣе вѣрить достовѣрному Нестору, нежели мнимому Якиму баснословцу.

Вторая особенность, замѣченная г. Лавровскимъ, состоитъ въ томъ, что приднѣпровскіе жители, призвавшіе Аскольда, именуются въ отрывкѣ *Полянами* и *Горянами*. Конечно, при несостоятельности самаго извѣстія о приглашеніи Аскольда, не зачѣмъ бы и говорить о названіи Полянъ и Горянъ; но, стоитъ посмотрѣть, какъ защищаетъ это извѣстіе г. Лавровскій. Онъ говоритъ: «Названіе Полянъ понятно само собою...., но изъ лѣтописи Нестора не видно, чтобы жители того мѣста, на которомъ возникъ Кіевъ, сначала назывались Полянами; напротивъ, судя по его описанію этого мѣста, положительно можно сказать, что они и не могли называться Полянами.» Но Несторъ прямо называетъ Кіевлянъ Полянами: «и створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарѣкоша имя ему Кіевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь; бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихъ же есть Поляне въ Кіевѣ и до сего дне». Слѣдовательно, отстаивать мнѣніе о какихъ-то Горянахъ нѣтъ возможности; но г. Лавровскій думаетъ прикрыться выраженіемъ, по лѣтописямъ-де не видно, чтобы жители кіевскихъ горъ съ начала, т.-е. до построенья Кіева, назывались Полянами. Да кому же дѣло до жителей кіевскихъ горъ, жившихъ когда-то до построенія Кіева; въ кіевскихъ горахъ, можетъ быть, пережило много разныхъ племенъ, но дѣло идетъ не о нихъ, а о племени, призвавшемъ будто бы Аскольда, когда уже Кіевъ существовалъ довольно долгое время; а племя это, у Нестора прямо названо Полянами; слѣдовательно, мнимо-Якимовскіе *Горяне*, явно противорѣчатъ свидѣтельству Нестора и самой исторіи.—Это басня одного разряда съ княземъ Славяномъ, Изборомъ, Столпосвятомъ и подобными; *басня*, ясно доказывающая, что вторая половина Якимовскаго отрывка, одной работы съ первою половиною.

Третью особенность составляетъ извѣстіе о крещеніи Аскольда митрополитомъ Михаиломъ, присланнымъ отъ Константинопольскаго Императора. Извѣстія о крещеніи Аскольда у Нестора нѣтъ, но достовѣрность его не подлежитъ сомнѣнію: оно засвидѣтельствовано двѣнадцатью византійскими писателями, частію современниками событію, и нѣсколькими русскими памятниками хотя позднѣйшими,

Digitized by Google

и польскимъ лѣтописцомъ Стрыйковскимъ. Но чтоже изъ этаго,—достовѣрность одного или двухъ извѣстій еще не свидѣтельствуетъ о достовѣрности цѣлой лѣтописи; золото и въ грязи будетъ золотомъ, но чрезъ это грязь не оборотится въ золото. Источники, откуда перешло къ мнимому Якиму извѣстіе о крещеніи Аскольда, очень понятны и не отличаются древностію—это Стрыйковскій, печатная кормчая, (а не древняя письменная, въ которой этого извѣстія нѣтъ) предисловіе къ Кіево-печерскому патерику, и четиминея, въ этомъ насъ убѣждаетъ имя епископа Михаила, котораго нѣтъ у византійскихъ писателей, и котòрое упоминается только у Стрыйковскаго и въ приведенныхъ выше кормчей, патерикѣ и четиминеѣ.

Четвертая особенность, по словамъ г. Лавровскаго, заключается въ жалобахъ Кіевлянъ Олегу на Аскольда. Г. Лавровскій эту жалобу объясняетъ предположеніемъ и возможностію, что Кіевляне могли быть недовольны Аскольдомъ за принятіе христіанства. На это одинъ отвѣтъ, что отъ возможности къ дѣйствительности не заключаютъ. Могли жаловаться Кіевляне, могли и не жаловаться. А въ исторіи одно свидѣтельство, явно позднѣйшее, недостаточно при отсутствіи другихъ древнѣйшихъ и достовѣрнѣйшихъ свидѣтельствъ; Несторъ же и всѣ другіе источники ничего не упоминаютъ о жалобѣ Кіевлянъ, и объясняютъ взятіе Кіева Олегомъ совсѣмъ иначе; слѣдовательно, позднее свидѣтельство мнимаго Якима доказываетъ только одно, что извѣстіе о жалобѣ есть ни больше ни меньше какъ неудачная выдумка.

Переходя къ княженію Олега и Игоря, г. Лавровскій замѣчаетъ двѣ особенности въ Якимовскомъ отрывкѣ, именно бракъ Игоря съ Ольгою и его многоженство. У мнимаго Якима, о бракѣ сказано такъ: «Егда Ингоръ возмужа, ожени его Олегъ, поятъ за него жену отъ Изборска, рода Гостомыслова, иже Прекраса нарицашеся, а Олегъ преименова ю и нарече въ свое имя Ольгою.» Это извѣстіе, не похожее на Несторово извѣстіе и тѣсно связанное съ баснословными Изборомъ и Гостомысломъ, упоминаемыми въ первой половинѣ Якимовскаго отрывка, служитъ только доказательствомъ, что та и другая половина отрывка одинаковаго происхожденія. Но г. Лавровскій смотритъ на это дѣло иначе; онъ думаетъ доказать, наперекоръ Нестору, что Ольга именно была происхожденіемъ отъ Изборска и приводитъ этому свидѣтельства Степенной книги, церковной службы и четиминеи, какъ будто бы забывая, что свидѣтельства сіи, не восходящія раньше XVI столѣтія, не могутъ уничтожить древнѣйшаго Несторова свидѣтельства, который прямо го-

Digitized by Google

воритъ: «и приведоша Игорю жену отъ Плескова именемъ Ольгу.» Мало этого, г. Лавровскій, основываясь на Степенной книгѣ, доказываетъ, что Пскова не было въ то время, когда жила въ Плесковской странѣ Ольга, и что онъ построенъ уже ею послѣ. Дѣйствительно, Степенная книга выводитъ Ольгу изъ веси Выбутовской и говоритъ, что Псковъ назвался молитвою и пронареченіемъ Ольги; и пронареченіе и молитву о Псковѣ относитъ уже къ тому времени, когда Ольга, по принятіи крещенія, возвратилась изъ Константинополя; но какъ же вѣрить Степенной книгѣ о такой древности, какъ построеніе Пскова Ольгою, когда составитель ея не знаетъ, что такое Древлянская земля и говоритъ: «Нѣціи же глаголютъ, яко Деревская земля бѣ иже во области Великаго Новгорода, нынѣ же пятина Деревская именуема. Иніи же глаголютъ, яко Сѣверская страна бѣ, идѣже Черниговъ градъ (Степ. ч. I, стр. 13)». Послѣ такого яснаго доказательства, что составитель Степенной книги очень плохо зналъ древнюю Русскую Исторію, не ужели еще можно ссылаться на его свидѣтельство, въ опроверженіе Несторова свидѣтельства, и толковать, что Ольга взята изъ Плесковской страны, а не изъ Пскова, и что будто бы Пскова тогда еще не было, когда Несторъ прямо говоритъ: «приведоша жену изъ Плескова,» и Плесковымъ именно называетъ Псковъ городъ (а не какую то Плесковскую страну, или Плесковское озеро, какъ думаетъ г. Лавровскій), какъ это видно изъ разсказа его о путешествіи Ольги въ Новгородскій край, гдѣ онъ говоритъ: «Иде Вольга Новугороду и устави по Мстѣ погосты.... и сани ее стоятъ въ Плесковѣ и до сего дни.» Конечно, Ольгины сани стояли въ Несторово время не на Плесковскомъ же озерѣ, а во Псковѣ городѣ. Слѣдовательно, Плесковъ и Псковъ одно и то же.

Далѣе, г. Лавровскій старается защитить мнимо-Якимовскія извѣстія, что Малъ, князь Древлянскій, былъ *сынъ Нискинъ* и что Ольга уѣхала креститься въ Константинополь, боясь Кіевлянъ, и по возвращеніи въ Кіевъ, построила деревянную церковь Св. Софіи, тогда какъ сихъ извѣстій вовсе нѣтъ у Нестора. Происхожденіе *Мала* отъ Нискина, онъ защищаетъ тѣмъ, что Нискинъ или Мискинъ упоминается у польскихъ писателей Длугоша, Бѣльскаго и Стрыйковскаго; но писатели сіи нигдѣ не говорятъ, чтобы Малъ, князь Древлянскій, былъ сынъ Нискинъ; напротивъ, Длугошъ пишетъ, что за Ольгу сватался не Малъ, а Мискинъ (quatenus ducem eorum Miskinam virum acciperet). У Бѣльскаго сказано, что Древляне послали къ Ольгѣ: не хочетъ ли она идти замужъ за ихъ князя

Digitized by Google

Нискина (a poslali do jego żony Olhy, jeśli by chciała iść za ich xięzia Niskina); по Стрыйковскому, Древляне просятъ Ольгу идти за Древлянскаго князя Нискина или, по свидѣтельству другихъ, Мала. (...aby za ich xiaże Drewlanskie Niskinie, a według niektorych Maldita wmałżenski stan poszla). Ясно, что Польскіе писатели не называютъ Мала, Нискинымъ сыномъ. Относительно извѣстія о боязни Ольги, г. Лавровскій говоритъ: «Не думая вовсе опровергать мнѣнія, что побужденіемъ Ольги креститься въ Царь-градѣ было желаніе почерпнуть новый свѣтъ въ самомъ его источникѣ, мы все-таки полагаемъ, что этимъ нимало не исключается и боязнь народа, что вмѣстѣ съ желаніемъ первымъ, могло быть и желаніе избѣгнуть если не опасности, то непріятности, которой ожидать было весьма естественно.» Но таковое примиреніе двухъ противоположныхъ мнѣній показываетъ только желаніе г. Лавровскаго, во чтобы то ни стало, поддержать вымышленное извѣстіе мнимаго Якима. Ольга, и при боязни отъ народа, не имѣла нужды ѣхать для крещенія въ Константинополь:—она могла креститься въ ближайшемъ христіянскомъ городѣ Херсонѣ, и даже въ самомъ Кіевѣ, только тайно отъ язычниковъ, какъ справедливо замѣтилъ преосвященный Макарій (Истор. Хр. въ Росс. до Владим., ст. 305). Построеніе Ольгою деревянной церкви св. Софіи въ Кіевѣ, г. Лавровскій защищаетъ тѣмъ, что Дитмаръ упоминаетъ о церкви св. Софіи въ Кіевѣ, подъ 1017 и 1018 годами, и свидѣтельствомъ Никоновской лѣтописи, что Ольга, умирая, отдала село Будутино Святой Богородицѣ, и что будто бы, Св. Богородицею у насъ послѣ называлась именно Софійская церковь въ Кіевѣ. Но Дитмаръ называетъ Софійскую церковь въ 1018 году монастыремъ, а Софійскаго монастыря въ Кіевѣ не было, слѣдовательно Дитмаръ, хотя и достовѣрный свидѣтель, могъ ошибаться въ подробностяхъ; отдача же села Будутина Святой Богородицѣ, отнюдь еще не доказываетъ построеніе Софійской церкви Ольгою, ибо «Святою Богородицею» у насъ назывались вообще всѣ церкви, посвященныя Богородицѣ, а не одна Софійская церковь.

Переходя къ княженію Святослава, г. Лавровскій защищаетъ извѣстіе мнимаго Якима, что Святославъ былъ гонитель христіянъ, убилъ своего брата Глѣба, и, разбитый на Дунаѣ, послалъ въ Кіевъ сжечь и разорить христіянскіе храмы и хотѣлъ изгубить всѣхъ христіянъ, и подтверждаетъ это извѣстіе тѣмъ, что и у Нестора сказано о Святославѣ: «небрегоша того (ученія Ольги о христіянствѣ) ни во ушію приимати.... и аще кто хотяше креститися,

Digitized by Google

ругахуся тому», или еще Святославъ отвѣчаетъ на убѣжденія матери принять христіянскій законъ: «како азъ хочу инъ законъ пріяти одинъ? А дружина сему смѣятися начнуть.» Дѣйствительно, все это Несторъ говоритъ о Святославѣ, но не совсѣмъ такъ, именно у Нестора сказано: «но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому.» А г. Лавровскій, глаголъ: *не браняху*—пропустилъ; а этотъ глаголъ здѣсь свидѣтельствуетъ ни много ни мало, только то, что Святославъ не препятствовалъ креститься; слѣдовательно, прямо отвергаетъ гоненіе на христіянъ, будто бы воздвигнутое Святославомъ; пропускъ же глагола: *не браняху*, сдѣланный г. Лавровскимъ, указываетъ тоже не на бездѣлицу, а именно свидѣтельствуетъ, что г. Лавровскій самъ чувствуетъ нелѣпость мнимо-Якимовскаго извѣстія и слабость своихъ доводовъ въ его пользу; а потому, чтобы поддержать нелѣпое извѣстіе во что бы то ни стало, не устыдился исказить текстъ Нестора, и выкинуть изъ текста важный здѣсь глаголъ: *не браняху*.

Говоря о борьбѣ Владимира съ Ярополкомъ, г. Лавровскій также всѣми силами старается защитить ложное Якимовское извѣстіе, что Ярополкъ былъ расположенъ къ христіянамъ, и что Кіевляне-язычники его за это не любили, и своею измѣною помогли Владимиру одолѣть Ярополка. Онъ, что бы поддержать это извѣстіе ссылается, во 1-хъ, на Степенную Книгу, въ которой будто бы сказано, что Ярополкъ и Олегъ были искренно расположены къ христіянству; но Степенная книга объ этомъ нигдѣ не говоритъ, въ ней только сказано, что Ольга не рѣшилась крестить трехъ внуковъ, т. е. Ярополка, Олега и Владимира, и что Ярополкъ и Олегъ скончались прежде крещенія, брато-убійственною кровію; во 2-хъ, по словамъ г. Лавровскаго, усиліямъ Ольги (относительно Ярополкова крещенія) могла содѣйствовать Ярополкова жена, гречанка, похищенная изъ монастыря; не споримъ, что гречанка, жена Ярополка, могла убѣждать его къ принятію крещенія, но не знаемъ, убѣждала ли она его на самомъ дѣлѣ, и слушалъ ли Ярополкъ ея убѣжденія; Ольга убѣждала же Святослава, но онъ не очень ее слушалъ и остался язычникомъ; въ 3-хъ, г. Лавровскій говоритъ: «будто бы и по сказанію Нестора на дѣйствіяхъ Ярополка замѣтно чувство христіянскаго смиренія. Ярополкъ-де плачетъ надъ ненамѣренно убитымъ Олегомъ, чего бы не сдѣлалъ ни одинъ язычникъ; въ войнѣ съ Владимиромъ, Ярополкъ, бояся пролить крови, затворился въ Кіевѣ; одно сознаніе грѣха братоубійства сдѣлало его нерѣшительнымъ и повинующимся безпрекословно посторонней волѣ, при знаніи, что эта воля ведетъ

Digitized by Google

его къ погибели». Ежели дѣйствительно Несторъ такъ описываетъ всѣ дѣйствія Ярополка, какъ ихъ представляетъ г. Лавровскій, ссылаясь на Нестора, то хотя съ натяжками можно еще подумать, что Ярополкъ имѣлъ христіянскія чувства, и чуть ли не былъ христіяниномъ безъ крещенія. Но вотъ бѣда: Несторъ вовсе не говоритъ того, что приписываетъ ему г. Лавровскій; у Нестора сказано: «поиде Ярополкъ на Ольга..» и потомъ, когда увидалъ трупъ его: «И пріиде Ярополкъ надъ немъ плакася,» въ этомъ разсказѣ нѣтъ и намеку на ненамѣренное убійство. Ярополкъ пошелъ воевать съ Олегомъ, и конечно не съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы самому быть побѣжденну или убиту, но чтобы побѣдить или убить Олега; плакать же надъ убитымъ братомъ могъ и язычникъ, это чисто дѣло закона естественнаго, а, по Апостолу, и «язычники естествомъ законная творятъ». Далѣе, о войнѣ съ Владимиромъ, Несторъ говоритъ: «и не може Ярополкъ стати противу, и затворился въ Кіевѣ.» Ясно, что Ярополкъ затворился не потому, что боялся пролить кровь; а потому-что не могъ противостоять, не имѣлъ достаточныхъ силъ. Наконецъ, Несторъ не только не говоритъ, но даже не намекаетъ, что бы Ярополкъ былъ нерѣшительнымъ, по сознанію грѣха братоубійства; у Нестора, напротивъ, прямо высказано, что Ярополкъ былъ обманутъ измѣнникомъ Блудомъ, котораго подкупилъ Владиміръ; и что всего важнѣе, Несторъ ясно свидѣтельствуетъ, что Кіевляне не участвовали въ измѣнѣ Блуда и любили Ярополка; у него прямо сказано: «Блудъ мысля убити Ярополка; гражены же не бѣ льзѣ убити его.» Это свидѣтельство явно отрицаетъ мнимо-Якимовское ложное извѣстіе, что будто Ярополкъ былъ не любимъ Кіевлянами, зане христіяномъ даде волю велику.

(Окончь. въ слѣд. книгѣ).

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Степные помѣщики.—Управляющіе.—Агрономы и доморощенные прикащики. — Мелкопомѣстное и среднее дворянство.—Весеннія занятія помѣщика. — *Алексѣи Божьи человѣки, кати съ горъ вода.* — Сѣвъ яроваго хлѣба.—Огородъ.—Воспитаніе гусей. — Выписныя земледѣльческія орудія. — *Метать паръ.* — Покосъ. — *Сѣно черно—блины бѣлы.*—Любимыя блюда степныхъ помѣщиковъ.—*Таборъ.*— Неразрывная связь отношеній помѣщика съ крестьянами. — *Рабочая пора.* — *Зажинка.*—Раздѣлъ жнитвѣ. — *Работа дѣломъ.* — Развозка воды по полямъ. — *Хролки.*—Обывальщики.—Занятія помѣщицъ.—Молотьба гречихи и гороховъ. — *Работа съ подсвѣтомъ.*—Окончаніе уборки хлѣбовъ.

Россію, по справедливости, называютъ государствомъ земледѣльческимъ. Главное богатство нашего народа заключается въ этомъ громадномъ пространствѣ земель, то поросшихъ дремучими лѣсами, то раскинувшихся необъятными равнинами чернозема, не требующаго никакого удобренія или плодороднаго суглинна, готоваго, за усердную работу, вознаградить поселянина хорошимъ урожаемъ. Безспорно, главнѣйшіе дѣятели на поприщѣ нашего земледѣлія есть помѣщики, и именно помѣщики степныхъ, такъ называемыхъ, *урожайныхъ* губерній. Большія помѣщичьи имѣнія въ этихъ губерніяхъ, по большой части, находятся *на издѣліи* (*); многія изъ нихъ ввѣрены управленію опытныхъ агрономовъ, съ честію занимающихъ мѣста полезныхъ членовъ въ разныхъ россійскихъ земледѣльческихъ обществахъ; только нѣкоторыя изъ этихъ значительныхъ имуществъ, состоятъ подъ управленіемъ бурмистровъ и доморощенныхъ управляющихъ, выросшихъ въ вотчинныхъ конторахъ и, съ малолѣтства, изучившихъ искуство обманывать своихъ помѣщиковъ. Однако, въ огромной массѣ земледѣльческой

(*) Т. е. крестьяне обработываютъ сверхъ своей, получаемой отъ господина, земли, господскую землю, произведенія которой составляютъ доходъ помѣщика.

Digitized by Google

производительности Россіи, большія помѣщичьи имѣнія не составляютъ главной ея части. Большинство продуктовъ, поступающихъ въ продажу на разныя рынки, принадлежитъ мелкопомѣстному и среднему дворянству, имѣющему имѣнія въ черноземныхъ губерніяхъ. Эти хозяева по большой части управляютъ имѣніями сами.

Жизнь мелкопомѣстнаго или средняго помѣщика (*) имѣетъ свои заботы, свои радости, свои особенности; она очень интересна для человѣка, изучающаго Россію, и, такъ сказать, скрытая подъ домашнимъ кровомъ, она можетъ быть только описана человѣкомъ, который испыталъ ее вполнѣ. Обстоятельства заставили меня нѣсколько лѣтъ видѣть эту жизнь очень близко, и хотя я не имѣю прекраснаго дара Тургенева, Потѣхина, Григоровича, Стаховича и другихъ литературныхъ живописцевъ нашего деревенскаго быта, отложивши въ сторону психической анализъ, я, по возможности силъ и умѣнья, постараюсь представить моимъ читателямъ очеркъ быта степнаго помѣщика, такъ, какъ онъ есть, безо всякихъ литературныхъ прикрасъ, и впередъ прошу извиненія, ежели провинюсь—обмолвлюсь какимъ-нибудь неправильнымъ выраженіемъ, или буду скученъ, или не угожу простотою безхитростнаго разсказа. Прошу всепокорнѣйше вспомнить, что я пишу не повѣсть, а статью «*внутреннихъ извѣстій*» для Москвитянина, гдѣ не столько требуется изящества слога, сколько правды.

Время, въ которое начинается главная дѣятельность степнаго помѣщика, есть весна. Крестьяне возвратились изъ извоза и зимнихъ заработокъ, хлѣбъ проданъ, скотъ прокормленъ во время суровой зимы, на небольшомъ конномъ заводѣ нашего помѣщика началась уже случка, коровы на скотномъ дворѣ ревутъ какъ-то особенно, онѣ какъ будто предчувствуютъ, что ихъ скоро выпустятъ на волю; сугробы снѣга, которые вѣтеръ навертѣлъ около господскаго дома и крестьянскихъ избъ, начали уменьшаться, на *взлобкахъ* (холмистыхъ мѣстахъ) показались проталины, грачи уже давно разгуливаютъ по почернѣвшей дорогѣ; великій постъ на исходѣ, прошли уже *Алексѣи, Божьи человѣки, кати св. горѣ вода*; во *грамочáхъ* (небольшихъ оврагахъ и лощинахъ), стала набираться

(*) Мелкопомѣстнымъ помѣщикомъ я называю того, который имѣетъ менѣе ста душъ; среднимъ, кто владѣетъ отъ ста до пяти сотъ душъ; — выше этого, я полагаю, что можно назвать помѣщика значительнымъ, богатымъ, какъ вамъ угодно, только не мелкопомѣстнымъ и не среднимъ.

Digitized by Google

вода, образовываться зажоры; недавно прилетѣвшіе жаворонки, какъ будто боясь снѣга, все выше и выше подымаются отъ снѣжныхъ равнинъ, какъ будто бы грѣются на солнушкѣ въ безоблачной выси, и оттудова разсыпаютъ звуки своего пѣнія. Еще нѣсколько такихъ ясныхъ дней, и снѣгу не будетъ въ поминѣ; но лучше бы было, ежели бъ прошелъ дождикъ и согналъ послѣднія слѣды зимы; этотъ дождикъ, очень любятъ наши земледѣльцы — онъ *обмоетъ корень*; послѣ него, ярче зазеленѣютъ озими, веселѣе и дружнѣе выбѣжитъ трава. Но вотъ дождикъ идетъ въ перемежку со снѣгомъ, погода стала такая *мокреть*, что даже деревенскіе мальчишки убрались съ улицы и какъ то печально смотрятъ на *маму* (мать), которая *затариваетъ* (заваривает) брагу къ свѣтлому празднику, пережевывая сандалъ, чтобъ узнать хорошо ли онъ будетъ краситъ яицы. Наконецъ наступаетъ великій день Свѣтлаго Христова Воскресенія, православные отстояли заутреню, отслушали обѣдню, перехристосовались съ священниками, съ помѣщикомъ и съ родными. Послѣ обѣдни, понесли образа въ каждой домъ, каждая хозяйка кланяется священнику, чтобъ онъ откушалъ ея кулича и пасхи, хозяинъ угощаетъ его виномъ и брагой и волей-неволей ему надобно хотя всего этаго отвѣдать, а то онъ огорчитъ своихъ прихожанъ. Послѣ того, какъ *пришли образа*, на улицѣ начинаются пѣсни и игры, сваты и кумовья поѣщаютъ другъ друга, а помѣщикъ и заботливые домовитые крестьяне ждутъ когда кончится праздникъ; вѣдь давно уже прошло 14 апрѣля, а въ четырнадцатое апрѣля, говорятъ, въ поле выѣзжаетъ *рѣзвая соха*, пожалуй опоздаешъ сѣвомъ и не только окажешься въ дѣлѣ земледѣлія рѣзвымъ, но станешъ безъ вины *лѣнивымъ пахаремъ, что горитъ послѣ Егорія*.

Но послѣдній день праздника миновался, часу во второмъ ночи замолкли пѣсни даже и въ избѣ дяди Трофима, который на *Красную горку*, съ дозволенія барина, женилъ своего втораго сына Митроху (*) на Бугрюмовой Аксюткѣ. Въ деревнѣ все успокоилось, и самъ помѣщикъ мирно почиваетъ, съ вечера отдавши приказанья старостѣ, въ какомъ мѣстѣ начинать сѣвъ. Даже и воза, насыпанныя сѣменами, стоятъ у господскаго амбара.

Рано, въ Ѳоминъ понедѣльникъ, просыпается нашъ помѣщикъ. Еще супруга его, Анна Ивановна, покоится въ объятіяхъ сладкаго сна, и долго еще она проспитъ, убаюкиваемая отрадными сновидѣніями, представляющими ей и губернскій городъ, съ его ярмонками,

(*) Митроха—Митрофанъ.

Digitized by Google

и губернское собраніе, въ которомъ она красуется въ бархатномъ платьѣ, и уборчики à la Juive, смастереннымъ мѣстною модисткою, Агаѳьею Семеновною; румянецъ ярче и ярче выступаетъ на полныя ланиты Анны Ивановны; ей бредится, что она танцуетъ съ гвардейскимъ гусаромъ, онъ говоритъ ей нѣжности, точь—въ—точь какъ герои Бальзака, или, по крайней мѣрѣ, какъ любезники Марлинскаго, мало ли что ей снится въ утреннюю пору—пускай себѣ она бредитъ выдуманнымъ счастіемъ; супругу ея нѣтъ до этаго дѣла, да и нѣкогда распрашивать, какія ей видѣлись сны. Онъ уже напился чаю, сбросилъ со своихъ плечь халатъ, замѣнилъ его плотно—застегнутымъ ваточнымъ чекменемъ; сѣлъ верхомъ и..... чуть-чуть было не сказалъ—ускакалъ въ поле; но въ это время еще не раскачешся, самому бойкому коню въ пору идти шагомъ по топкому чернозему, и возы съ семенами насилу перебрались черезъ плотину, которая запруживаетъ подсельную рѣчку. Плотину эту прорвало въ полую воду, да во время святой ее кой какъ *загатили* навозомъ, соломой да землей, однако же на ней отличная топь и надобно имѣть такого коня, какъ у нашего помѣщика вороной Вихорь, чтобъ перебраться черезъ эту переправу Не гнѣвается помѣщикъ на эту грязь и слякоть: сего дня у него сѣютъ, разумѣется овесъ, потому что горохомъ или яровой пшеницей, голымъ хлѣбомъ, онъ не начнетъ посѣва, а то, по примѣтамъ стариковъ, будетъ голое поле; а овесъ же по чернозему сѣютъ какъ можно ранѣе. Опытные люди говорятъ «*тончи овесъ въ грязь—будешь князь*». Вотъ нашъ хозяинъ дождался до посѣва; онъ осмотрѣлъ всѣ телѣги, не оставилъ ли какой-нибудь неразумный мужикъ семеннаго овса,—пожалуй, онъ имъ покормитъ своего бурку, не подорожитъ господскимъ добромъ и сдѣлаетъ недосѣвъ—здѣсь нуженъ да и нуженъ хозяйскій глазъ. Покудова помѣщикъ объѣхалъ телѣги, пахари кончили первую пряжку, съѣхали съ десятинъ, отпрягли лошадей и принялись за завтракъ. Покуда люди и лошади подкрѣпляютъ силы, баринъ и староста отправились на арженое поле смотрѣть озими. Рожь ихъ радуетъ, пшеница наводитъ сомнѣніе,—да пшеница такой уже хлѣбъ, она часто не урожается, но когда уродится, то ужь уродится хорошо. Крестьяне говорятъ, да и помѣщикъ съ ними согласенъ, что пшеница или *выручитъ* или *выучитъ*; вотъ въ Самарской, Симбирской, Саратовской губерніяхъ другое дѣло, тамъ пшеница всегда почти родится *безобманно*. Возвращаясь домой, помѣщикъ заглянетъ и въ луга, посмотритъ на клочекъ своей не тронутой степи, и рѣшитъ, куда выгонять табунъ, куда скотину.

Digitized by Google

Въ продолженіи всей весны, хозяинъ-помѣщикъ хлопочетъ, какъ трудолюбивая пчела. Посѣвы идутъ одинъ за однимъ: овесъ, горохъ, яровая пшеница, иногда яровая рожь, просо, конопля, ленъ, гречиха; потомъ, ему надобно взглянуть какъ это все выходитъ, во время приказать пропахать картофель, нужно заглянуть также въ огородъ, гдѣ у него насажено грядъ сто разныхъ овощей, фруктовая школа молодыхъ яблонь и вишенъ, грушъ и плодовыхъ кустарниковъ; въ этомъ огородѣ есть также нѣсколько грядъ табаку, по большей части простаго, такъ называемаго *мохорскаго*, а *на припёкъ* (на полдень) блестятъ стекольныя рамы парниковъ и колпаки, подъ которыми растутъ арбузы и дыни отъ выписныхъ сѣмянъ; когда будутъ поспѣвать фрукты, милости просимъ, любезные сосѣди, нашъ помѣщикъ очень радъ вамъ—у него дессертъ не купленый, провизія для стола не выписная, куръ, индѣекъ, утокъ у него вдоволь, а гусей—и самъ онъ счету не знаетъ, потому что, какъ только они вывелись, ихъ отвезли на дальнія *плёсы* (*) въ степь, гдѣ они вольно гуляютъ вплоть до глубокой осени, и сколько ихъ выростетъ, возвратится ихъ на птичный дворъ, знаетъ только судьба.

Каждой день, утромъ, часу въ шестомъ или седьмомъ, напившись чаю, заботливый хозяинъ идетъ на конный дворъ; въ это время (время весны) тамъ нуженъ особенной присмотръ; въ это время идетъ самый развалъ случки, кобылы жеребятся, молодыя лошади начинаютъ подготовляться къ продажѣ на весенникъ ярмонкахъ. Осмотрѣвши коней, баринъ ѣдетъ въ поле, какъ мы говорили выше, взглянуть на работы, растолковать мужикамъ, какъ надобно обращаться съ нововыписанными земледѣльческими инструментами, надъ которыми сосѣдъ его Матвѣй Тихоновичъ, закоснѣлый старовѣръ въ хозяйствѣ, порядочно глумился и рѣшилъ, махнувши рукою: «коли не пахали этими американскими плугами наши отцы и дѣды, то и намъ пахать не слѣдуетъ — вѣдь старики были не глупѣе насъ.» А сосѣдняя помѣщица, полуграмотная Марья Евдокимовна, кивнувши головой, согласилась съ Матвѣемъ Тихоновичемъ и прибавила: «что съ тѣхъ поръ, какъ стали заводиться эти нѣмецкія сохи, то и урожаи стали хуже.» Не поколебали такія толки нашего помѣщика: онъ воспитывался въ Университетѣ, слушалъ лекціи сельскаго хозяйства у незабвеннаго Михаила Григорьевича Павлова, знакомъ съ сочиненіями Тээра, слѣдилъ за всѣми улучшеніями по части агрономіи,

(*) *Плесомъ* вообще, называется всякая вода, рѣчка, озеро, прудъ, и т. п.

Digitized by Google

такъ какимъ-нибудь Матвѣю Тихоновичу и Марьѣ Евдокимовнѣ не сбить его съ настоящей дороги; но онъ знаетъ, что русскій мужикъ упрямъ; онъ примѣтилъ, что староста, глядя на выписныя орудія, какъ будто бы съ какимъ то сомнѣніемъ почёсывалъ голову, и работники какъ то глупо переглядывались между собою, когда онъ толковалъ какъ надобно обращаться съ американскимъ плугомъ Старбука; правда, одинъ Ванька Живѣйкинъ, ловкій, смѣтливый парень, принадлежащій къ тѣмъ неиспорченнымъ, смышленымъ натурамъ, которыя сейчасъ поймутъ въ чемъ дѣло, внимательно слушалъ помѣщика и охотно, даже какъ будто радостно, вызвался работать невиданнымъ орудіемъ. Однако Живѣйкинъ можетъ что нибудь разладить; можетъ быть, онъ не хорошо понялъ, можетъ быть, по примѣру всѣхъ умниковъ, начнетъ умничать и надѣлаетъ глупостей; теперь еще не до усовершенствованій, теперь только надобно мужичковъ убѣдить въ пользѣ новаго орудія, и баринъ съ нетерпѣніемъ ѣдетъ въ поле.

Въ подобныхъ занятіяхъ, проходитъ все весеннее время. Но вотъ прошло 13 число іюня, день Акулины гречишницы—всѣ посѣвы кончились; до Петрова дня, 29 іюня, недалеко, крестьяне его торопятся *метать паръ* (*), который въ нашихъ черноземныхъ степныхъ губерніяхъ заростаетъ лѣсомъ сорныхъ травъ и нарядно убирается высокорастущими цвѣтами козельца, остреца, вязью павилики и мышинаго горошка. Я самъ видалъ, что въ дальнихъ отъ селенія поляхъ, въ Тамбовской губерніи, растительность на паровомъ полѣ была такъ сильна, что въ этихъ сорныхъ, питательныхъ травахъ не видно было жеребенка, а особенно ежели весна была благополучная или, какъ говорятъ крестьяне: *днемъ то жаромъ паритъ—паритъ, а ночью дождикъ пріударитъ—любо съ два!* И дѣйствительно—любо съ два: бывало, ѣдешъ въ эти паровыя поля, мимо озимаго и яроваго хлѣбовъ, зеленая рожь, которая какъ море; надъ ней вьется туманомъ пыль, оплодотворяющая ея колосья, и стоитъ то эта рожь такъ бодро, такъ молодецки, точно какъ гвардія въ фрунтѣ, не то что здѣсь, около московскихъ губерній, гдѣ только блестятъ цвѣточки—василечки и въ хорошій годъ рожь, дай Богъ, чтобъ доросла до пояса человѣка; а тамъ въ этотъ ростъ бываютъ овсы; овсы изумрудно зелены, въ пору передъ покосомъ, какой широкій у нихъ листъ, точь въ точь какъ въ Австріи. Перья зеленаго султана—весело смотрѣть на нихъ; но гречиха еще болѣе радуетъ

(*) Первый разъ вспахать землю подъ рожь

Digitized by Google

взоръ помѣщика: раскинулась она широкимъ бѣлымъ полотномъ, такъ и дышитъ она медовымъ запахомъ, милліоны пчелъ и шмелей шныряютъ по этому пространству. Теперь когда кончились посѣвы, тишина и пустынность въ засѣянныхъ поляхъ неимовѣрныя: не встрѣтите вы человѣка на степной дорожкѣ, не увидите его жилища, не услышите лая собаки; деревня далеко, далеко, верстъ за пять, и притаилась на берегу какой-нибудь рѣчки. Все тихо и безмолвно въ этой плодоносной пустынѣ; только жаворонокъ, взвиваясь надъ вами, привѣтствуетъ васъ своею пѣснею, да хлопотливая перепелка, время отъ времени, выпархиваетъ изъ подъ копыта вашей лошади. Хорошо, право хорошо, въ эту пору въ деревнѣ!....

Но обротимся къ занятіямъ нашего помѣщика. Въ день святаго Петра и Павла, ужиная разогрѣтымъ отъ обѣда бараньимъ бокомъ, съ гречневой кашей, онъ самодовольно говоритъ своей супругѣ, что завтра у нихъ начинается покосъ.

— Дай Богъ хорошей погоды, говоритъ барыня, потчуя своего супруга жирнымъ варенцомъ.

— Да, дай Богъ хорошей погоды, отвѣчаетъ онъ, посыпая варенецъ сахаромъ, а впрочемъ, ежели и дождикъ пойдетъ, бѣда не велика.

— Какъ не велика! сѣно будетъ черно.

— Эхъ, матушка, не знаешь ты поговорки: *сѣно черно—блины бѣлы*; вѣдь намъ сѣно не продавать; черненько будетъ — все своя скотина съѣстъ; гречиха же теперь въ цвѣту, а раннія, пожалуй, наливаютъ, ну какъ дождика два, три, четыре перепадутъ порядочныя, то гречишная завязь будетъ отличная.

— Что дѣло, то дѣло, промолвитъ барыня и пойдетъ приказывать повару Степану къ завтрешнему дню обѣдъ; конечно, она не забудетъ любимыхъ блюдъ своего супруга, который, подобно большинству степныхъ помѣщиковъ, очень любитъ зеленыя щи, сальникъ, жаренаго поросенка, круглой пирогъ съ курицей и яицами и проч. и проч. подобныя питательныя съѣдобія; да оно и естественно: кто рѣдкій день не изъѣздитъ верхомъ верстъ пятнадцать, или верстъ двадцать на дрожкахъ, у того послѣ подобнаго моціону проявляется аппетитъ достойный гомеровскихъ героевъ.

На другой день Петрова дня, не опадетъ еще утренняя роса съ высокой травы, а ужъ косы жужжатъ въ лугахъ помѣщика, и цѣлый рядъ удалыхъ косцовъ, чинно, порядкомъ, другъ за другомъ

Digitized by Google

подваливаютъ (скашиваютъ) сочную траву. Завтра этотъ лугъ запестрѣетъ нарядными дѣвками и бабами, которыя будутъ перетресать и сгребать сѣно въ копны. Какъ бы ни былъ близко сѣнокосъ, ни онѣ, ни мужики не пойдутъ домой, — всѣ останутся въ *таборѣ* (*), и послѣ дневной работы, вмѣсто потребнаго отдыха, займутся веселыми пѣснями да пляской, — успокоются развѣ къ утру, соснутъ часика два, три, а тамъ снова за работу. — Богъ ихъ знаетъ, когда они отдыхаютъ. Весело доброму и заботливому барину смотрѣть на своихъ трудолюбивыхъ крестьянъ, жалуетъ онъ ихъ своею милостію, да и они любятъ его, привыкли за всякимъ дѣломъ прямо идти къ помѣщику.

Однако хозяинъ спѣшитъ какъ можно скорѣе раздѣлаться съ сѣнокосомъ;—ежели у него недостаетъ для этого рукъ крѣпостныхъ людей, не глядя, что вся дворня принимаетъ участіе въ этой легкой работѣ, онъ не рѣдко рѣшается принанять и косцовъ и сгребальщицъ, депо которыхъ онъ обыкновенно находитъ въ казенныхъ селеніяхъ. Но наконецъ, *смѣтанъ* послѣдній стогъ сѣна и теперь начинается настоящая *рабочая пора*.

Рабочая пора, въ великороссійскихъ степныхъ губерніяхъ, *страда* въ сѣверныхъ, начинается съ жнитва ржи. Въ губерніяхъ Пензенской, Тамбовской, Тульской, Воронежской и Рязанской, на всей этой полосѣ чернозема, рожъ обыкновенно начинаютъ жать за нѣсколько дней до Ильина дня. Потомъ уборка и другихъ хлѣбовъ, почти во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ производится не обыкновеннымъ урочнымъ порядкомъ. Барщины нѣтъ;—тутъ работаютъ всѣми силами, тутъ за одно торопятся убрать и господской и свой хлѣбъ. Здѣсь всего сильнѣе проявляется та связь, которая соединяетъ неразрывными узами добраго помѣщика и его крестьянъ; здѣсь ясно можно уразумѣть, что избытокъ господина происходитъ отъ усердія его земледѣльцевъ, которые за его объ нихъ попеченіе, обезпеченные отъ голода, сверхъ запаснаго хлѣбнаго магазина, закромомъ помѣщика, соблюдаемые его попеченіями отъ бѣдности, удерживаемые его волей отъ безумнаго разгула и разврата, часто снабжаемые лошадьми и скотомъ, съ такою же рачительностью и поспѣшностью обработываютъ его десятины, какъ и свои собственныя. Въ день, назначенный для *зажинки*, мужики,

(*) *Таборомъ* называется мѣсто гдѣ стоятъ вмѣстѣ телеги крестьянъ—*барщины*, выѣхавшихъ на господскую работу.

Digitized by Google

бабы, мальчики, дѣвки, однимъ словомъ всѣ, кто только можетъ держать въ рукахъ серпъ или ссучить *свясло* для снопа, рано утромъ собираются къ господскому полю, засѣянному рожью. На каждое *тягло* или *венецъ* (1), дается сжать одну десятину ржи казенной мѣры, т. е. тридцать саженъ ширины на восемьдесятъ длины или такъ называемой экономической мѣры, т. е. сорокъ саженъ ширины на восемьдесятъ длины (2) или лучше сказать на *кругъ* становятся два полныя тягла; холостыя ребята, дѣвки и подростки помогаютъ имъ. Чтобы раздѣлъ этой работы не былъ ни для кого безъобиденъ, ибо нѣкоторыя десятины гуще, другія рѣже, можетъ быть, на нѣкоторыхъ изъ нихъ хлѣбъ повалился, *перевихлялся* (спутанъ вѣтромъ), то для этого употребляютъ жеребей. Каждый тягловой мужикъ кидаетъ въ шляпу старосты обрѣзокъ тоненькой палочки, на которомъ нарѣзываетъ какой нибудь знакъ—всѣ знаки эти сдѣланы разнообразно. Мальчикъ или дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати, вынимаетъ первый жеребій—чей вынется, тотъ жнетъ крайнюю десятину, у которой собрались всѣ работники, второму жеребью достается другая десятина, того же круга. Потомъ вся эта колонна людей, предводительствуемая помѣщикомъ и старостою, двигается впередъ, идя межею, имѣющею сажень ширины (3), у слѣдующаго круга снова всѣ останавливаются и вынимаютъ жеребій, а потомъ тѣмъ же порядкомъ отправляются далѣе, покудова не *растрясутъ* (4) всѣ жеребья. Иногда у помѣщика послѣ этого раздѣла остается еще нѣсколько десятинъ ржи, ежели она еще не очень созрѣла, не *перестоитъ* (5), недѣли черезъ двѣ, то онъ оставляетъ ее на корню до тѣхъ поръ, пока крестьяне, сработавши первой урокъ, сожнутъ свое собственное аржаное поле; ежели же хлѣбъ очень поспѣлъ и отъ дальнѣйшаго промедленія уборки грозитъ утратой, тогда заботливый хозяинъ прибѣгаетъ къ найму жнецовъ—по большой части это исполняютъ солдатки и бабы изъ ближайшихъ губерній. Когда поле раздѣлено, что называется *работать дѣломъ*, работа кипитъ въ полной мѣрѣ, тутъ не надобно ста-

(1) Полное тягло или венецъ, состоитъ изъ мужа и жены. Ко вдовцамъ прикомандировываются вдовы.

(2) Двѣ десятины называются *кругомъ*.

(3) Эти межи, проведенныя между десятинъ, называются *столбами* и дѣлить поле на десятины называютъ *столбить*.

(4) Т.-е. не вынутъ всѣ жеребья.

(5) *Перестояла рожь*—значитъ такъ поспѣла, что зерна ея осыпаются.

Digitized by Google

ростъ побуждать работниковъ и смотрѣть, чтобъ они дѣлали свое дѣло, всякой для себя спѣшитъ скорѣе отдѣлаться, зная, что послѣ этого онъ примется за свою собственную десятину; всѣ какъ будто бы стараются перегнать другъ друга, и каждое тягло, работая отдѣльно, не смѣетъ работать плохо, потому что ему невозможно свою вину свалить на другаго, и за небрежную работу онъ рискуетъ прежде своей ржи сжать у помѣщика еще полдесятины, въ видѣ наказанія. Ежели во время покоса люди не знали отдыха для пѣсенъ и пляски, то здѣсь они рѣшительно отказываются отъ отдохновенія для работы. Часто я смотрѣлъ съ удивленіемъ на это могущество русскаго человѣка; пускай иностранныя земледѣльцы посмотрятъ какъ у насъ происходитъ жнитво ржи, и они удивятся скорости и отчетливости работы; они изумятся этому неустанному трудолюбію русскаго мужика, который не хочетъ тратить время, для того, чтобы лишній разъ сходить за водой для освѣженія своихъ запекшихся устъ, отъ жару и пыли, или предпочитаетъ утолять свою жажду болотной водой, потому что она ближе рѣки. Чтобы избавить моихъ крестьянъ отъ этого лишенія, я всегда приказывалъ, какъ на мои десятины, такъ и на ихнія, возить воду въ господскихъ бочкахъ. Осмѣливаюсь предложить это и прочимъ моимъ собратіямъ помѣщикамъ: этого требуетъ не только долгъ человѣколюбія и обязанности попечительнаго господина, этого требуетъ и собственный интересъ.

За жнитвомъ ржи слѣдуетъ косьба овса, иногда даже и жнитво его, ежели онъ перепутается и упалъ на корню, ибо тогда *крюки* (коса съ прилаженными сверху граблями, которыя не дозволяютъ скошенному хлѣбу путаться), дѣйствовать не можетъ. Въ это же время кипитъ молотьба ржи для посѣва, потому что рѣдкій помѣщикъ изъ степныхъ нашихъ хозяевъ обсѣменяетъ свои озимыя поля прошлогодними сѣмянами, потомъ начинается возка сноповъ; но только лишь чуть перепадетъ дождикъ, всѣ мужики берутся сей часъ за сохи и идетъ озимой посѣвъ, которой стараются кончить до восьмнадцатаго августа, дня святыхъ Фрола и Лавра: послѣ посѣвъ, примѣчаютъ, бываетъ неудаченъ, и говорятъ, что родятся только *Хролки*, т. е. ничего.

Любилъ я смотрѣть на эти длинные скрипучіе обозы, съ снопами ржи или овса, которые бывало, съ ранняго утра и до поздней ночи, тянутся вереницей къ господскому гумну. *Обивальщики* (работники, на которыхъ взложена укладка сноповъ въ скирды), не

Digitized by Google

успѣваютъ закладывать и оправлять скирды; то заброшенныя со всѣхъ сторонъ снопами, они, кажется, тонутъ въ этой Божіей благодати, то, свершая верхъ скирда, иной сидитъ на самомъ конькѣ его, (верхней рядъ сноповъ на скирдѣ), и любуется рядами скирдовъ, которые вытянулись въ ровныя линіи, пересѣкающими другъ друга, сходящимися перекрестками и образующими изъ себя улицы и переулки,—настоящій городъ, выстроенный изъ одноформенныхъ желтовато-золотистыхъ зданій.

Въ подобныхъ занятіяхъ, требующихъ безпрестанно личнаго присмотра, поминутно отвлекающихъ изъ дома, то въ поле, то на гумно, помѣщика, проходитъ почти все лѣто.

Что жъ дѣлаетъ его супруга,
Одна въ отсутствіи супруга?

Спрашиваетъ Пушкинъ, въ своемъ графѣ Нулинѣ и потомъ отвѣчаетъ въ прекрасныхъ игривыхъ стихахъ, что она, вѣроятно, занимается домашнимъ хозяйствомъ, описываетъ эти домашнія занятія и наконецъ заключаетъ, что глазъ хозяйки нуженъ вездѣ. Героиня его разсказа не занималась хозяйствомъ потому,

Что не въ отеческомъ законѣ
Она воспитана была
А у эмигрантки Фальбала.

Въ слѣдствіе чего его Наталья Павловна, съ большимъ удовольствіемъ читаетъ безконечно длинный и безмѣрно скучный романъ, потѣшается

. . . . . дракой
Козла съ дворовою собакой

и любуется, какъ

Шла баба, черезъ грязной дворъ
Бѣлье повѣсить на заборъ

и предпочитаетъ все это хозяйству. Къ счастію не всѣ достопочтенныя супруги нашихъ степныхъ помѣщиковъ, средней руки, похожи на Пушкинскую Наталью Павловну, многія изъ нихъ, хотя и не получили воспитанія, въ отеческомъ законѣ, а у эмигрантокъ, подобныхъ мадамъ Фальбала или у гувернантокъ, которыя, не имѣя понятія о русскомъ бытѣ, даютъ образованіе своимъ воспитанницамъ безъ малѣйшихъ практическихъ примѣненій къ жизни, требуя только, чтобъ онѣ лепетали по-французски, легко танцовали и гра-

Digitized by Google

піозно держали себя. Но выда замужъ, эти барышни, какъ говорится, скоро *русѣютъ;* элементы деревенской жизни, какъ воздухъ, обхватываютъ ихъ со всѣхъ сторонъ, проникаютъ во внутреннее ихъ существованіе, и глядишь — модная барышня, французская кукла, почитательница мечтательнаго Ламартина, года черезъ два послѣ своего замужства, дѣлается хлопотливой хозяйкой, солитъ грибы, варитъ варенье, настаиваетъ наливки, дѣлаетъ водянки, смотритъ за скопомъ масла, и вмѣсто того, чтобъ цитировать La Solitude или Le Temple, бранится съ своими горничными или задаетъ уроки пяличницамъ, и я примѣчалъ, что самыя хлопотливыя, впрочемъ и самыя безтолковыя, хозяйки, именно бывали изъ класса этихъ бывшихъ модныхъ барышень. Тѣже дѣвицы, которыя получили фундаментальное образованіе, которыя на скамейкахъ институтовъ, школъ и пансіоновъ, полюбили православную нашу Русь, хотя поверхностно познакомились съ нею, хотя гадательно предчувствовали, что ожидаетъ отъ нихъ общество, и что ожидаетъ ихъ въ жизни, тѣ выходили не суетливыми, бранчивыми, сварливыми помѣщицами, а домовитыми хозяйками, у которыхъ всякое дѣло по внутреннему управленію экономіей, шло такъ хорошо, какъ по маслу, и онѣ умѣли вмѣстѣ съ этими мелочными хлопотами, съ этими подъ часъ докучными дрязгами, сохранить терпѣніе, кротость характера, изящество манеръ — все достоинство женщины образованной. Часто я встрѣчалъ деревенскихъ барынь, которыя умно говоря о нашей литературѣ, подчиваютъ васъ вареньемъ, домашняго издѣлія, разыгрывая Бетховена, Моцарта или Мендельсонъ-Бартольди, онѣ отлично умѣютъ приготовить пирогъ-*няню* и послѣ итальянской аріи или русскаго романса, прекрасно спѣтыми ими, пожалуй попотчуютъ васъ сладкимъ *липцомъ* (*), своего рукодѣлія; дай Богъ имъ здоровья,—онѣ умѣютъ соединить пріятное съ полезнымъ.

Но обратимся опять къ занятіямъ помѣщика. Рожь сжата, свезена на гумно, часть обмолочена на сѣмена и посѣяна, овесъ также уже сложенъ въ скирды, гречиха подкошена, горохъ посѣянъ, и вотъ послѣ уборки крестьянами своей ржи и овса, начинается въ полѣ молодьба гречихи и гороховъ. Послѣдній повсемѣстно молотится въ полѣ, первая иногда вяжется въ снопы и складывается на гумнѣ въ скирды, но большинство хозяевъ тамбовскихъ, пензен-

(*) *Липецъ*—крѣпкій варенный медъ, который очень вкусенъ, но до чрезвычайности хмѣленъ.

Digitized by Google

скихъ, воронежскихъ и прочихъ степныхъ губерній, не безъ основанія предпочитаютъ гречиху, молотить въ полѣ — нѣтъ ни одного хлѣба, который бы такъ легко терялъ зерна, какъ гречиха, при малѣйшемъ сотрясеніи, она кажется какъ будто бы обмалачивается сама собою. Возьмите для испытанія двѣ десятины гречихи, равнаго достоинства, отстоящихъ на двѣ версты отъ гумна, одну изъ нихъ свяжите въ снопы и свезите эти снопы для молотьбы на гумно, а другую, обмолотите тутже въ полѣ, первая, въ сравненіи съ послѣдней, даетъ зерна менѣе на цѣлую треть.

Молотьба гречихи и гороха, совершается также съ какою-то торжественностью, какъ и раздѣлъ жнитва ржи. Съ ранняго утра, вся барщина, всѣ мужики и бабы, холостыя ребята и дѣвки, однимъ словомъ всѣ подростки, всѣ кто можетъ только молотить, *катать*, (собирать) гречиху или *брать* (дергать) горохъ собираются къ избранному мѣсту *для тока* (выровненная площадка, на которой производится молотьба), по большей части для этого тока, выбирается мѣсто *крѣпкое*, такое, которое не пахано, чтобы оно не колупалось и зерна не смѣшивались съ землею. Около тока располагается таборъ, потомъ кидаютъ жеребьи, кому молотить которую десятину, и работа начинаетъ производиться дѣятельно, всѣ какъ будто стараются обогнать другъ друга, тутъ завтракаютъ на ногахъ, послѣ обѣда не отдыхаютъ, и за короткостью дня работаютъ съ *подсвѣтомъ*, т. е. когда совершенно стемнѣетъ. Въ шести, восьми мѣстяхъ, около тока раскладываютъ костры соломы, и при этомъ освѣщеніи продолжаютъ молотить. Гречишную солому для этого подсвѣта не жалѣютъ, потому что она никуда болѣе не идетъ, какъ на золу для выработки поташу; гороховая солома также не дорога—скотина не охотно ее ѣстъ, и она употребляется только на топку, да на крыши. Я помню бывало поздно, темнымъ вечеромъ, возвращаешься съ гречишной молотьбы домой, и видишь, что кругомъ вездѣ пылаютъ зарева—это сосѣднія помѣщичьи барщины работаютъ съ подсвѣтомъ, эти зарева напоминали мнѣ бивачную жизнь нашихъ воиновъ, и по яркости ихъ можно узнавать какъ велика барщина, которая работаетъ подлѣ нихъ.

Съ окончаніемъ молотьбы гречихи и гороховъ, по уборкѣ картофеля и конопляного сѣмя, оканчиваются полевыя работы помѣщика, ему только остается зимой молотить хлѣбъ и продавать его на базарахъ.

Digitized by Google

Съ окончаніемъ уборки хлѣба, вездѣ почти начинаются хромовые праздники, помѣщики начинаютъ ѣздить другъ къ другу гостить, иногда это гощеніе продолжается дня три, недѣлю и болѣе, другіе уѣзжаютъ въ губернскій городъ или Москву, кто для того, чтобъ просто повеселиться, кто перезаложить имѣніе, кто отдать сына въ корпусъ или въ училище; кто пристроить замужъ взрослую дочку, но есть такіе, которые всю свою жизнь не бывали въ столицахъ, и въ губернской городъ, ѣздятъ только на выборы, или хлопотать по какой нибудь тяжбѣ; такіе помѣщики называются *всегдашними, тутошними жильцами.*

Левинецъ-Павловской.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1856.

ТОМЪ III.

№ 12.

МОСКВА.
Въ типографіи Л. Степановой.
1856.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Мая 4-го дня, 1857 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

Digitized by Google

МЫСЛИ О ПОЭЗІИ.

Гражданинъ неба, странникъ на землѣ, человѣкъ живетъ темною памятью прошедшаго, упованіемъ будущаго блаженства; касаясь душою этихъ предѣловъ, онъ забываетъ трудности земнаго странствованія, не видитъ обломковъ разрушенія его окружающаго; довѣрчиво проходитъ межъ пропастей, изрытыхъ на пути его,— ведомый таинственною зарею вѣчности.

Какъ лучъ свѣта, брошенный въ бездну, облекается мракомъ, проникаетъ его, и озаряя безчувственныя груды, отъ вѣка не зрѣвшія жизни, животворитъ ихъ хладную поверхность цвѣтами небесной радуги: такъ чистая душа, облеченная покровомъ вещественности, озаряетъ ея безжизненныя массы лучомъ своего безсмертія; узница земнаго міра, она стремится въ страну свободы, не въ силахъ будучи сбросить тлѣнныхъ оковъ своихъ, она томится, она мечтаетъ о свѣтлой родинѣ, гдѣ безмятежные дни озаряются тихимъ свѣтомъ незаходимаго свѣтила, гдѣ невыразимая сладость небесной гармоніи течетъ безконечною струею къ престолу Вѣчнаго, увлекая съ собою всѣ свѣтлыя чувства безплотныхъ.

Тамъ только находитъ она отвѣтъ этой неизъяснимой тоскѣ, которой тѣнь разливаетъ она на всѣ произведенія свои на земли, въ образѣ тихой меланхоліи, набрасывающей особенный свой колоритъ на всю вещественную природу (1).

(1) Посланіе II къ Коринѳ. гл. V, ст. 1 и 2-й.

Digitized by Google

Ей пріятенъ видъ безпредѣльнаго моря; она углубляется въ него взоромъ своимъ; видитъ въ немъ таинственную сокровищницу мысли творческой, *Премудрости*. Его безбрежное пространство, глухой, равнозвучный шумъ его волнъ, вой вѣтровъ, навѣвая задумчивость, уносятъ думы ея за предѣлы всего сотвореннаго, въ священную тишину вѣчности, внѣ пространства и времени.

Она любитъ витать въ области громовъ, гдѣ сокрушительныя силы природы представляютъ ей образъ силы Творческой, *Всемогущества*. Въ самомъ разрушеніи естества, она находитъ утѣшительную надежду своего освобожденія. Она не можетъ ни минуты оставаться прикованною къ землѣ, не ощутивъ утраты своего блаженства.

Обтекая взоромъ окружающую ея природу, она видитъ въ ней орудіе исполненія воли Вышняго; видитъ потокъ жизни, разлитый во всѣхъ вещественныхъ ея составахъ, *законъ единства, любви*. Въ свѣтлой его струѣ, слетаютъ съ небесныхъ высотъ, какъ яркія звѣзды, подобныя ей искры Божественнаго свѣта, животворящія смертныхъ и возвращаются съ неизъяснимымъ восторгомъ въ минуту своего освобожденія.

Взоромъ небожителя она зритъ премудрость и любовь, непрестанно изливающихъ дары отъ тѣхъ предѣловъ, гдѣ престолъ Всемогущаго, окруженный неприступнымъ свѣтомъ, поставленъ на основаніяхъ вѣчности. Тамъ положенъ залогъ ея блаженства, ея вѣчной жизни; — туда стремятся всѣ ея помышленія, всѣ мечты ея, которыми облекаетъ она природу. Тамъ, причина всѣхъ ея небесныхъ восторговъ и тихой грусти, которыхъ напѣвы, выражаемые ею въ гармоніи звуковъ, называются у насъ: *поэзіею музыки и слова*.

Законъ гармоніи (или поэзіи), положенъ въ основаніе всей природы; но одна безсмертная душа человѣка имѣетъ даръ различать черты его отъ образовъ грубой вещественности, и облекать ихъ въ духовную, сродную имъ форму.

Digitized by Google

Когда безсмертный духъ человѣка подавленъ былъ тяжестью вещества, омраченъ его понятіями, онъ силился всегда прозрѣть въ природѣ проявленіе этого закона, но всѣ усилія его напечатлѣвались на ея же тяжелыхъ массахъ: или одѣвая хладный мраморъ гармоническими чертами красоты формъ человѣческихъ, или въ стройности столбовъ, поддерживавшихъ красивые покровы зданій, или въ выразительномъ вліяніи свѣта и тѣни. Онъ не отвлекался отъ вещественнаго міра; онъ не могъ проникнуть сквозь окружавшій его мракъ. Но тамъ, гдѣ небесный свѣтъ разсѣвалъ черный покровъ его, тамъ возлеталъ онъ въ горніе предѣлы, и съ высоты своего воззрѣнія изливалъ небесный восторгъ свой въ *поэзіи слова и звуковъ* (1).

Такихъ истинно вдохновенныхъ поэтовъ видимъ мы въ древности, въ народѣ израильскомъ. Они не стояли наряду со всѣмъ народомъ, ни съ пѣвцами другихъ народовъ: духъ ихъ, волнуемый восторгами безсмертія, стремившійся за предѣлы міра вещественнаго, получалъ даръ прозорливости; озаренные невещественнымъ горнимъ свѣтомъ, они прозирали въ будущемъ, и въ священномъ изступленіи открывали его народамъ и царямъ. Они сами не могли дать себѣ отчета въ своемъ вѣдѣніи, но чувствуя высшую силу, вдохновлявшую ихъ, они говорили какъ посланники источника премудрости, какъ истолкователи воли Всемогущаго!

Нѣтъ сомнѣнія, что все высокое, истинное, истекаетъ отъ начала премудрости и истины (2); если безсмертный духъ человѣка, исполненный небеснаго свѣта, озаряетъ взоромъ своимъ вещественную природу, тогда законъ гармоніи является ему во всемъ своемъ пространствѣ и величіи, тогда проявленіе его въ дарѣ слова производитъ все изящное, высокое, тогда звуки его восхищаютъ и возвышаютъ душу.

Въ необъятномъ пространствѣ твореній, изъ всего, что возникло подъ творческой рукою Создателя, нѣтъ ни одного,

(1) Ев. Іоанна, гл. I, ст. 5.
(2) Посланіе I къ Коринѳ. гл. III, ст. II-й.—Іакова, гл. I, ст. 17.

Digitized by Google

начиная отъ малѣйшей пылинки, вращающейся въ спиральномъ теченіи солнечнаго луча и до сферъ небесныхъ тѣлъ, летящихъ въ безпредѣльныхъ пространствахъ эѳира; нѣтъ, говорю, ни одного изъ твореній, которое не было бы проникнуто вѣчнымъ закономъ творческой премудрости, которое не имѣло бы элемента проявляющаго силу этого закона, вліянія міра духовнаго, соотношенія своего съ этимъ міромъ; постигнуть и выказать этотъ элементъ въ предметѣ, значитъ одухотворить его, *поэтизировать* предметъ; значитъ, постигнуть отношеніе или связь его съ закономъ союза міровъ; — закономъ союза прежде бытія съ вѣчностью, — съ закономъ религіи.

Безъ этого взгляда, самое пріятнѣйшее описаніе какой-либо части природы, выраженное самымъ мелодическимъ созвучіемъ словъ, будетъ только простое описаніе вещественнаго міра, мелодія для слуха, но не для мысли, не выражающая проявленія въ немъ міра духовнаго, слѣдовательно, не имѣющая *поэтической мысли* (1).

Между тѣмъ, въ духовной натурѣ человѣка, мы видимъ двоякое на нее вліяніе высшихъ силъ, составляющее нравственный міръ человѣка (2). Съ одной стороны, духъ его стремится къ совершенствованію, къ утонченію, къ подобію благости и невыразимымъ совершенствамъ Всемогущаго: къ блаженству вѣчному, свѣтлыхъ, безплотныхъ жителей міра духовнаго; отсюда раждаются всѣ добродѣтели, соединяющія человѣчество взаимною любовью, какъ основаніемъ творческаго закона во вселенной.

Съ другой стороны, человѣкъ, какъ бы противъ собственной воли, съ болѣзненнымъ сознаніемъ вреда и униже-

(1) Для подтвержденія этой мысли, приложу слова С. П. Шевырева (*Взглядъ Русскаго на образованность Европы*): «Главная причина бездушія искусства, есть отсутствіе чувства религіознаго въ художникахъ. Безъ него, могутъ быть граціозные ландшафты, схожіе портреты, жаркія баталіи на морѣ и на сушѣ, но не будетъ тѣхъ великихъ созданій, въ которыхъ является самое чистое, самое высшее вдохновеніе художника.»

(2) Посланіе къ Римлянамъ, гл. VII, ст. 22, 23.

Digitized by Google

нія, покоряется чувствамъ разрушительнымъ, мрачнымъ, тревожнымъ; онъ завидуетъ, ненавидитъ, мститъ, мучится, и смятенная душа его, провидя за предѣлами вещественной жизни, страшную, вѣчную ночь безнадежности и отчаянія, невольно стремится къ гибели, къ мученію безконечному, страшному удѣлу духовъ мрака и злобы.

Различіе этихъ двухъ противоположныхъ предѣловъ міра духовнаго, проявляясь въ твореніяхъ, составляющихъ вселенную, производитъ два элемента духовнаго воззрѣнія, два рода поэзіи: *поэзію свѣтлую*, такъ сказать, *высшую, небесную*, какъ отголосокъ гармоніи свѣтлыхъ восторговъ безплотныхъ силъ, возносящихъ хвалу благости и премудрости Предвѣчнаго, и *поэзію мрачную, адскую*, какъ стоны злобы и отчаянія падшихъ духовъ, навѣки лишенныхъ блаженства, въ безсиліи ярости, силящихся расторгнуть связавшія ихъ оковы вѣчнаго осужденія, сокрушить непоколебимый порядокъ мірозданія, и въ изнеможеніи повергающихся въ бездну нескончаемой ночи терзанія, всеразрушающихся страстей и безнадежности.

Сколько міръ послѣдней заключенъ въ предѣлы страстей, тьмы и разрушенія, столько міръ поэзіи свѣтлой, безпредѣленъ какъ Божія сила, премудрость и слава!

Нѣтъ сомнѣнія, что человѣку, неочерненному гибельными страстями, съ добрымъ сердцемъ и чистою душею, свойственъ міръ поэзіи свѣтлой: тутъ онъ любитъ, блаженствуетъ, и въ восторгѣ благодарности изливаетъ чувства свои въ *поэзіи слова* и *звуковъ*.

Древніе язычники чувствовали необходимость отвлекаться отъ земли и возноситься изъ міра вещественнаго въ міръ духовный, чтобы найдти тамъ идеи поэтическія; они называли поэзію языкомъ боговъ; но ихъ понятія о естествѣ боговъ были такъ подавлены матеріальностью, что исторія ихъ боговъ, есть повѣсть самыхъ неукротимыхъ страстей, самой низкой степени матеріальной природы человѣка. Если таковы были боги, то на какой же степени духовнаго состоя-

Digitized by Google

нія должны были находиться люди? Ихъ боги неба и боги ада, были равно страстны, мстительны, порочны, или лучше сказать, вѣрованіе человѣчества было погружено въ глубокій мракъ вещественности и темной стороны міра духовнаго; оно не знало о мірѣ свѣта и безсмертія, изъ котораго оно увлечено было всеобщимъ паденіемъ; оно въ томленіи ожидало освобожденія духа отъ оковъ тьмы, просвѣтлѣнія душевнаго (1); и вся ихъ богословія, философія и поэзія носятъ печать рабства и тлѣнности, до тѣхъ поръ, пока спасительный свѣтъ ученія Христова не озарилъ духа человѣческаго, освободивъ его отъ ига вещественности и мрачныхъ мечтаній, открывъ ему высокую его цѣль въ вѣчности — познаніе совершенствъ Божіихъ, которыми онъ долженъ уподобляться и всемогущества Его въ твореніи, въ которомъ онъ имѣетъ неисчерпаемый предметъ изученія и мудрости.

Такое возвышеніе духа человѣческаго, должно было развить и возвысить умственныя его способности, и взоръ, проникнувъ въ священную глубину вѣчности, началъ обозрѣвать міръ твореній, какъ временный только видъ произведеній силы творческой, какъ малѣйшую частицу въ неизмѣримомъ чертежѣ Всемогущества.

Постигая совершенства Творца въ Его твореніи, человѣкъ увидѣлъ, что *благость* и *любовь* замѣнили въ немъ прежнія о Божествѣ понятія: *страха* и *мщенія*. (2)

Такимъ образомъ, открылось для человѣчества религіозное понятіе о вѣчномъ законѣ единства (гармоніи) въ природѣ, *истинная поэзія*. Чѣмъ болѣе раскрывается предъ нимъ сила, премудрость и величіе творческаго закона во вселенной, тѣмъ обширнѣе становится область поэзіи. Вѣка протекли уже и рядъ грядущихъ вѣковъ будетъ свидѣтельствовать, какъ недостаточны всѣ познанія человѣческія для того,

---

(1) Посланіе къ Римлянамъ, гл. VIII, ст. 22, 23.—Платонъ о республикѣ, кн. II, т. IV. Цицеронъ о законахъ.

(2) Посл. къ Римлян., гл. VIII, ст. 15, 16.

Digitized by Google

чтобы постигнуть всѣ тайны законы творенія. По этому, идея и матеріалы истинной поэзіи неистощимы; и чтобы человѣкъ могъ быть истиннымъ поэтомъ, во всей силѣ и пространствѣ значенія, надобно чтобы онъ или обладалъ познаніемъ всего, что только Создатель благоволилъ открыть уму человѣческому (1); или, независимо отъ ученія и мудрости человѣческой, надобно, чтобы свѣтъ небесный озарилъ его душу.

Какъ при свѣтѣ солнца блѣднѣетъ и исчезаетъ мракъ ночи, такъ поэзія міра мрачнаго ничтожна предъ истинною поэзіею, религіею въ природѣ. Самыя чувства души нашей невольно признаютъ превосходство идеи добра надъ идеею зла: если мы видимъ, что человѣкъ, озлобленный обидою, нанесенною ему другимъ, въ изступленіи гнѣва поражаетъ его смертельнымъ ударомъ, мы найдемъ здѣсь много для поэзіи мрачной, но если напротивъ увидимъ, что терпящій обиду и поруганіе, вмѣсто мщенія, съ любовью простираетъ объятія къ примиренію и молится за нанесшаго ему обиду, тогда душа наша, исполненная восторга, безмолвствуетъ отъ удивленія, умиленія сердечнаго и внутренней духовной радости. Тоже чувство овладѣваетъ нами при видѣ истиннаго, глубокаго раскаянія, и пусть совѣсть скажетъ каждому: гдѣ болѣе находитъ онъ поэзіи?

И такъ поэзія заключается не въ *мелодіи звуковъ*, но въ идеѣ, порождающей слово.

Пора намъ, христіанамъ, въ вѣкъ существенныхъ познаній, стряхнуть съ себя кору невѣжества и не накладывать на себя добровольно ига вещественности, тяготѣвшаго надъ древнимъ языческимъ міромъ. Законъ міра матеріальнаго, законъ страстей, приличенъ безсловеснымъ животнымъ; но въ человѣкѣ, самый даръ слова, проявляетъ голосъ

(1) Посл. къ Римлян., гл. I, ст. 20.

Digitized by Google

духа безсмертнаго, котораго жизнь и мысли не зависятъ отъ жизни міра вещественнаго духа, который пришелъ на мгновеніе, какъ бы для того, чтобы только взглянуть на этотъ міръ созданій, и въ необозримыхъ его пространствахъ и видоизмѣненіяхъ, постигнуть и съ восторгомъ удивляться вездѣ сущимъ проявленіямъ премудрости и величія Создателя.

. . . . . поэзія, небесной
Религіи сестра земная, свѣтлый
Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы, во мглѣ житейскихъ бурь не сбились
Съ пути. Поэтъ! на пламени его
Свой факелъ зажигай!

Жуковскій — въ Камоенсѣ.

Г. Ракончъ.

Апрѣля 21 дня,
1856 г.

Digitized by Google

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ФАМИЛІИ

ГРИБОѢДОВЫХЪ.

Письмо къ редактору журнала: «Москвитянинъ», *М. И. Семевскаго.*

Милостивый Государь!

Недавно случилось провести мнѣ нѣсколько дней въ Вяземскомъ уѣздѣ, въ селѣ Хмелитѣ, родовомъ, старинномъ имѣніи фамиліи Грибоѣдовыхъ. Послѣдній владѣлецъ, жившій въ немъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, болѣе 25-ти лѣтъ тому назадъ скончался, передавъ эту вотчину дочери своей Елизаветѣ Алексѣевнѣ, нынѣ покойной супругѣ покойнаго князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго. Зная, что безсмертный поэтъ нашъ Александръ Сергѣичъ Грибоѣдовъ находился въ близкомъ родствѣ съ семействомъ покойнаго фельдмаршала, я пожелалъ, пользуясь случаемъ, сколь возможно ближе познакомиться съ генеалогіей автора: «Горе отъ ума». Съ этою цѣлію, взялъ на себя трудъ внимательно разобрать фамильныя бумаги и грамоты, въ небольшомъ количествѣ сохранившіяся въ одномъ изъ подваловъ запустѣлаго, болѣе двадцати лѣтъ необитаемаго, господскаго дома.

Digitized by Google

Къ сожалѣнію, не многія, собранныя мною свѣдѣнія относятся только къ предкамъ *матери* поэта, Настасьѣ Ѳедоровнѣ, урожденной Грибоѣдовой, однофамильной съ супругомъ своимъ Сергѣемъ Ивановичемъ.

Предокъ послѣдняго, какъ догадывается г. Булгаринъ, а за нимъ К. Полевой, (1) былъ вызванъ изъ Польши Царемъ Алексѣемъ: «именно для участія» въ составленіи Уложенія. Родъ же супруги Сергѣя Ивановича, т. е. матери Александра Сергѣевича, начинается гораздо ранѣе. Въ самомъ дѣлѣ, изъ настоящей уже грамоты видно, что Царь Михаилъ наградилъ Михаила Ефимовича: «*за ево многія службы* Царю Василью Іоанновичу, совершенные, «*во нужное и во прискорбное время*», при чемъ, по словамъ грамоты (2) «онъ «Михайло, противу техъ злодеевъ нашихъ, стоялъ крепко и «мужественно, и многое дородство и храбрость и кровопро«литіе и службу показалъ, голодъ и наготу и вовсемъ оску«дѣніе и нужу всякую осадную терпелъ, многое время; а на «воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, «стоялъ во твердости разума своего, крепко и непоколебимо, «безо всякія шалости...»

Надо думать, что заслуги Грибоѣдова были весьма важны, ибо почти въ первый же годъ своего царствованія, Михаилъ Ѳедоровичъ наградилъ его въ числѣ важнѣйшихъ своихъ сановниковъ.

Правнукъ Михаила Ефимовича, Тимофей Ивановичъ, служилъ Государю Петру I-му. Представляемъ здѣсь выписки изъ двухъ весьма интересныхъ инструкцій этого Государя, данныхъ имъ Тимофею Ивановичу. Первая пожалована была ему на воеводство въ Дорогобужѣ; вотъ ея начало: «Лѣта «1704, Марта 12-го дня, великій Государь Царь, великій «Князь, Петръ Алексѣевичь, всея великія и малыя и бѣлыя «Росіи, Самодержецъ, указалъ: в Дорогобуже быть, на свое

(1) См. выше, тамъ же, стр. 6.
Догадка, не имѣющая никакого основанія, тѣмъ болѣе, что Грибоѣдовы были извѣстны уже гораздо прежде, и двухъ родовъ предполагать нѣтъ никакой нужды. *Ред.*

(2) Считаемъ не лишнимъ предувѣдомить, что выписки изъ грамотъ, инструкцій и указовъ дѣлаются нами буквально.

Digitized by Google

«великого Государя службѣ, Столнику Тимофѣю Ивановичу «Грибоедову, воеводою на Андреяново мѣсто Раевскаго. А «переменить ему Тимофею безсрочно, потому что онъ Ан«дреянъ, по ево великого Государя указу, изъ Дорогобужа «высланъ к Москве и отосланъ в розрядъ (ный приказъ?). А «городъ Дорогобужъ, і казну і всякие дѣла принять ему «Тимофею и расписатца с столникомъ з Богуславомъ Шип«невскимъ, которому велено было быть въ Дорогобуже после «ево Андреана на время....» и т. д. на двѣнадцати полулистахъ гербовой бумаги (1) изложена вся инструкція; читая ее, какъ и всѣ бумаги, относящіяся къ царствованію Петра, невольно удивляешься до какихъ мелочей простиралась всеобъемлющая дѣятельность этого Монарха; такъ, напр., въ указанной нами инструкціи, новому воеводѣ строго «*наказывается*» повѣрить все по спискамъ, всѣ запасы какъ воинскіе, такъ и продовольственные перевѣсить, перечистить, разложить и убрать по сухимъ и надежнымъ кладовымъ; узнать «каковъ по ево «(Тимофееву) осмотру городъ Дорогобужъ и острогъ мерою, «и что по городу и по острогу проѣзжихъ воротъ и глу«хихъ башенъ и иныхъ всякихъ крепостей і какова городо«вая осыпь (валъ) и рвы и частоколъ и каковы в городѣ «тайники и колодези, какова в нихъ вода. И въ приходъ «воинскихъ людей во всякое время водою скудно не будетъ «ли (?).» Заботясь о защитѣ города, какъ отъ внутреннихъ, такъ и отъ внѣшнихъ безпорядковъ, ведя всему списки, Тимофей Ивановичъ долженъ былъ представлять отчеты Петру Самойловичу Салтыкову, Смоленскому Губернатору, «дабы «про то, про все», говоритъ инструкція, «Великому Государю «было вѣдомо» черезъ Губернатора.

Нельзя не замѣтить, что распоряженія воинскія, распоряженія оборонительныя занимаютъ первое мѣсто во всей инструкціи. Причину этого легко объяснить: въ 1704 году, Преобразователь Россіи, послѣ тяжелаго урока, подъ Нарвою, готовился, и готовился неусыпно, къ продолженію трудной и опасной въ то время для него борьбы съ

(1) На каждомъ полулистѣ, по двѣ маленькіе, величиною въ гривенникъ, печати.

Digitized by Google

Карломъ XII. Силою оружія вытѣсняя Шведовъ съ береговъ Финскаго залива, онъ въ тоже время поджидалъ главную армію своего противника, порабощавшаго въ то время Саксонію; поджидалъ, сомнѣвался и недоумѣвалъ какой путь изберетъ себѣ хитрый врагъ для вторженія въ предѣлы Россіи; и на всякій случай: приводилъ въ оборонительное положеніе всѣ города, лежащіе близъ тогдашней западной границы своего государства. Дорогобужъ былъ въ то время одинъ изъ пограничныхъ городовъ; вотъ почему въ наказѣ, (если можно такъ выразиться) его воеводѣ, мы безпрестанно встрѣчаемъ такого рода распоряженія: «по городу и по острогу и по воротамъ и по башнямъ денные и «ночные сторожи держать крѣпкіе; и по приходѣ воинскихъ «людей провѣдывать всякими обычай на крѣпко чтоб воинские люди подъ городъ Дорогобужъ и згономъ (толпою) «безвесно не пришли и украдомъ (тайкомъ), и обманомъ и «ночнымъ временемъ, дурна какова не учинили, людей не «побили и вполонъ не поимали.....»

Или, въ другомъ мѣстѣ: на случай прихода «воинскихъ людей» воеводѣ наказывается сдѣлать разсчетъ по мѣстамъ, гдѣ кому быть изъ жилецкихъ служилыхъ, пушкарскихъ и черныхъ людей.

О береженіи города отъ лазутчиковъ и другихъ «*воровскихъ*» людей, безпрестанно напоминаетъ инструкція; въ силу ея, воевода долженъ былъ особенное обращать вниманье на иностранцевъ, проживавшихъ въ городѣ; чаще имъ напоминать о присягѣ, данной ими какъ Царю Алексѣю, такъ и Ѳедору Алексѣевичу, такъ наконецъ и Ему, Государю Петру I, дабы, помня ее «стояли (они противу враговъ) «крепко и неподвижно, без лукавства и с польскими и с литовскими людми и с лазутчики (ами) не знались, и ни съ кѣмъ, «ни въ какихъ дурныхъ дѣлехъ никакими письмами не спи«сывались и ни на какіе прелести не прельщались.»

Всѣхъ приходящихъ и пріѣзжающихъ въ городъ, воевода долженъ былъ спрашивать: кто, откуда, зачѣмъ, и не имѣетъ ли онъ здѣсь «сродственниковъ» и буде таковыхъ назо-

Digitized by Google

ветъ, то опрашивать послѣднихъ: знаютъ ли пріѣхавшаго; если же сродственниковъ не имѣется, то не иначе таковымъ дозволять жить, какъ отдавая ихъ на «крѣпкія» поруки; «записми (съ росписками отъ поручающихся) в томъ, что «имъ никакимъ воровствомъ неворовать и лазутчества и из«мѣны никакихъ не чинить, а по которыхъ порукъ не бу«детъ и по разпросу и по сыску и это доведетца до пытки «и техъ в воровстве и в лазутчестве пытать, а что в распро«сехъ спытки учнутъ говорить....», о томъ о всемъ доносить Государю.

Кромѣ мѣръ охранительныхъ отъ непріятельскаго нападенія, въ настоящей инструкціи, какъ мы сказали выше, можно найдти множество распоряженій противу внутреннихъ безпорядковъ; такъ, напр., воеводѣ строго запрещено было «служащихъ людей для своихъ корыстей» не употреблять, «напрасно ни на на кого не наметывался», претензій и убытковъ ни кому не дѣлать, — судъ и расправу чинить право и «безъ лукавства»; по Государевымъ грамотамъ и указамъ, расходовъ «особенныхъ», безъ Царскаго дозволенія, не дѣлать, подати всякаго рода на пользу Государеву собирать «не обложно», противу пожаровъ всячески беречься...,

Замѣчательно, между прочимъ, то обстоятельство, что преобразователь Россіи при всякомъ случаѣ, въ каждой инструкціи, не упускалъ изъ виду заведеніе въ городахъ всевозможныхъ заводовъ, фабрикъ и «иныхъ промысловъ». Въ самомъ дѣлѣ, и въ разбираемой нами инструкціи встрѣчаемъ мы слѣдующее напоминаніе:

«Да Тимофѣюжъ, будучи в Дорогобуже и в Доро«гобужскомъ Уѣздѣ осмотреть, и обыскать гдѣ мочно «завести на великаго Государя; бортные уходья и лесные «товары, и желѣзные заводы, и мельницы и иные промыслы, «какъ бы великому Государю учинить прибыль, дабы и в «Дорогобуже и в Дорогобужскомъ уѣзде по ево Тимофѣеву «досмотру, какие промыслы гдѣ обыщутца и Ему.....» воеводѣ, смѣту расходамъ на заведеніе этихъ промысловъ сдѣлать, «и о томъ о всемъ писать к великому Государю и тѣ

Digitized by Google

«смѣтные росписи прислать к Москве, в приказъ Княжества «Смоленскаго....»

Инструкція заключается обѣщаніемъ «взыскать и пожаловать милостиво» его Тимофея, если воеводство его будетъ «на прибыль Государю,» въ противномъ случаѣ, по словамъ наказа: отъ Великаго Государя «быть ему Тимофѣю за то в великой опале безпощады».

Инструкція скрѣплена подписью дьяка «Ивана Грамотина» съ приложеніемъ черной государственной печати.

2-го Марта, 1713 года, какъ видно изъ второй найденной нами инструкціи, Тимофей Ивановичъ, названный на этотъ разъ маіоромъ, пожалованъ по указу Петра I и по приказу Смоленскаго Губернатора, Петра Самойловича Салтыкова, въ Вязьму, Комендантомъ.

Въ 30-ти пунктахъ, заключается вся инструкція на управленіе городомъ Вязьмою. Такъ какъ содержаніе ея весьма схоже съ содержаніемъ выше-разобранной нами, то мы выпишемъ только немногія, болѣе интересныя, по чему бы то ни было, мѣста. Такъ, напр, слѣдующій, пятый пунктъ, весьма и весьма замѣчателенъ: «Буде в приходной избѣ у приходу «и расходу денежной казны подьячіе сидятъ безъ перемены «многіе годы не щитаны, и отъ того великаго Государя «казне чинитца немалая гибель; и такихъ подьячихъ отъ «приходу и расходу денежной казны переменить, и ихъ «счесть (повѣрить) и на ихъ мѣста у приходу и расходу «велѣть быть инымъ подьячимъ кому мочно в томъ вѣрить «по ево разсмотренію, и быть имъ у того дѣла погодно, «Генваря съ 1-го числа, Генваря по 1-е число, а какъ годъ «минетъ, тѣхъ велѣть счесть. А приходъ и расходъ по то- «мужъ велѣть вѣдать новому подьячему и счетные, и смѣт- «ные списки по всякой (каждый) годъ присылать въ Смо- «ленскъ в Декабре мѣсяцѣ, въ послѣднихъ числахъ».

Выписанное нами распоряженіе чрезвычайно важно въ томъ отношеніи, что оно какъ нельзя лучше обнаруживаетъ желанье дѣятельнаго Монарха — уменьшить, если не вовсе

Digitized by Google

уничтожить взяточничество, порокъ столь глубоко пустившій свои корни въ нашемъ обществѣ.

Вторая инструкція, относится къ 1713 году, т. е. къ тому времени, когда Петръ, поборовъ сѣвернаго героя, преимущественное обратилъ вниманіе на внутреннее устройство государства. Вотъ почему и въ наказѣ на Вяземское комендантство, мы уже встрѣчаемъ болѣе мѣръ, относящихся къ внутреннему благоустройству, нежели военныхъ распоряженій. Въ самомъ дѣлѣ, оборона города отъ моровыхъ повѣтрій, отъ пожаровъ, всякаго рода грабежу, наблюденіе за тѣмъ, чтобы вина по домамъ не имѣли, подъ жестокимъ страхомъ, а брали изъ кабаковъ и т. д.; вотъ что мы встрѣчаемъ на первомъ планѣ. Весьма интересны пункты о пріемѣ пословъ, гонцовъ, курьеровъ. Послѣднимъ повелѣвалось, между прочимъ, давать подводы и лошадей не иначе какъ по представленіи подорожныхъ, за подписаніемъ одного изъ слѣдующихъ лицъ: «Свѣтлѣйшаго Рижскаго и Россійскаго го«сударствъ, Князя Ижерскаго и Главнаго Фельтьмаршала и «Кавалера Генеральнаго Губернатора и протчая, Александра «Даниловича Менщикова; Генералъ Фельдмаршала и Кава«лера Мальтійскаго и протчихъ орденовъ Графа Бориса «Петровича Шереметева, Государственнаго Канцлера Тайнаго «Совѣтника и Кавалера Графа Гаврила Ивановича Головкина, «а в небытность в Москвѣ Его Высокографскаго Превосхо«дительства Государственнаго Посольскаго Приказа Секре«таря также и по Смоленскимъ подорожнымъ за подписа«ніемъ руки Губернатора Петра Самойловича Салтыкова....» По другимъ подорожнымъ, подводы строго запрещалось давать.

При указѣ «Его Великаго Государя отчины города, Смо«ленска, печать приложена» красная, величиною въ нынѣшній полтинникъ, съ изображеніемъ пушки и на ней райской птицы.

Неизвѣстно, долго ли служилъ въ Вязьмѣ Тимофей Ивановичъ и служилъ ли онъ гдѣ нибудь еще, но знаемъ, что въ 1718 году, онъ былъ уже въ отставкѣ; въ томъ же году, съ

Digitized by Google

нимъ произошло событіе, имѣвшее вліяніе на самую его жизнь. Пользуясь разобранными мною бумагами, я разскажу его вкратцѣ: въ 1718 году, обязался Тимофей Ивановичъ поставить Адмиралтействъ-Коллегіи 15 тысячъ пудовъ пеньки; деньги за нее, какъ сказано въ Указѣ, онъ получилъ «напредъ сполна.» Въ 1719 году, пять тысячъ пудовъ были имъ доставлены, остальные же 10 тысячъ были «забракованы» въ Адмиралтействъ-Коллегіи.

Государь Петръ I, указомъ отъ 8 августа 1719 года, далъ ему отсрочку по 1 марта 1721 года; но отсрочкой Грибоѣдовъ не съумѣлъ, или не успѣлъ воспользоваться; тогда разгнѣванный Монархъ, указомъ отъ 24 апрѣля 1721 года (за № 583) Смоленскому Вице-Губернатору Алексѣю Ивановичу Панину повелѣлъ «сыскать» Тимофѣя Грибоѣдова, и «отдать «ундеръ офицеру немедленно, а ему (унт. офиц.), какъ сказано въ указѣ, «привесь съ собою самому (Грибоѣдова) к «Петербурху, и объявить (представить) в адмиралитейской «колегіи немедлено; а деревни ево Тимофѣя, і пожитки от- «писать на Великого Государя, а людемъ ево і крестьянамъ «слушать не велеть, а по тому указу и проч.

«У подлиннаго тако: Полковникъ Норовъ, адмиралъ Графъ «Апраксинъ; Оберъ-Секретарь Тормасовъ; справилъ Иванъ «Бунаковъ.»

Въ Смоленскѣ помѣчено: «Записавъ в книгу посему Вели- «кого Государя Указу, и для того посла Ундеръ-офицера «съ двумя драгуны, о которыхъ посла и коменданту ордеръ. «Мая 19 дня, 1721.»

Еще ниже, почеркомъ екатерининскихъ временъ, по всей вѣроятности, внукомъ Тимофѣя Ивановича, Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: «От того Указа «Великого Государя съ печали (Тимофей) въ Смоленску померъ.»

Всѣ эти обстоятельства, какъ можно видѣть, не безынтересны, какъ въ отношеніи рода Грибоѣдовыхъ, такъ и по отношенію къ самому Петру I-му. Въ первомъ случаѣ, они какъ нельзя лучше характеризуютъ боярина Тимофѣя, не

Digitized by Google

вынесшаго «безщадной опалы» своего Государя; въ послѣднемъ отношеніи, они даютъ понятіе о томъ, какъ неумолимо строгъ былъ Петръ, и какъ свято выполнялъ онъ законъ, не ослабляя его ни передъ кѣмъ, ни для кого.

Алексѣй Тимофеевичъ, сынъ Тимофея Ивановича, былъ прапорщикъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка въ отставкѣ; преданіе говоритъ, что онъ роскошно проживалъ въ Вяземскомъ уѣздѣ, въ селѣ своемъ Хмѣлитѣ, гдѣ и скончался въ 1747 году. Сынъ его, Ѳедоръ, былъ бригадиромъ; внукъ, Алексѣй Ѳедоровичъ — надворнымъ совѣтникомъ, и какъ тотъ, такъ и другой получали чины не служа, но приписывая за себя служить бѣдныхъ людей, кои получали за нихъ жалованье. Ѳедоръ скончался въ 780-хъ годахъ и прахъ его покоится въ Хмѣлитской церкви, имъ самимъ построенной; Алексѣй же Ѳедоровичъ, умеръ въ 1830 году, не оставя по себѣ дѣтей мужескаго пола; отъ первой жены своей (онъ былъ женатъ два раза) кн. Александры Сергѣевны Одоевской, имѣлъ онъ дочь, Елизавету Алексѣевну, бывшею за княземъ Варшавскимъ, графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ. Алексѣй Ѳедоровичъ имѣлъ четырехъ сестеръ: Анну Ѳедоровну, вышедшею за Разумовскаго; Александру Ѳедоровну — за Тинькова; Елизавету Ѳедоровну — за Акинфьева, и наконецъ Настасью Ѳедоровну — за Сергѣя Ивановича Грибоѣдова.

Бракосочетаніе послѣдней сестры совершено было въ Москвѣ, въ 1793 году. Намъ неизвѣстно — кто былъ Сергѣй Ивановичъ, то есть гдѣ служилъ, въ какомъ чинѣ, гдѣ получилъ образованіе, — всѣхъ этихъ не безъинтересныхъ фактовъ намъ не разъяснили ни фамильныя, прочитанныя нами, бумаги, ни г. Булгаринъ въ своихъ «воспоминаніяхъ о А. С. Грибоѣдовѣ», ни К. Полевой въ брошюрѣ: «О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова».

У Сергѣя Ивановича, кромѣ автора «Горе отъ ума», родившагося какъ извѣстно въ 1794 году, января 4-го дня, была еще дочь Марія (если не ошибаюсь), вышедшая за мужъ кажется въ 830-хъ годахъ за князя Щербатова.

Digitized by Google

Когда, въ какой именно годъ скончался Сергѣй Ивановичъ, намъ неизвѣстно; знаемъ только то, что онъ не дожилъ до трагической кончины единственнаго своего сына.

Что же касается до Настасьи Ѳедоровны, то она умерла въ 833-мъ или 34-мъ году, до самой смерти своей неутѣшно оплакивая нѣжно любимаго сына.

Среди множества фамильныхъ портретовъ, хранящихся въ селѣ Хмѣлитѣ, этомъ разсадникѣ фамиліи Грибоѣдовыхъ, я не нашелъ портретовъ, ни Сергѣя Ивановича, ни Александра Сергѣевича; не встрѣтилъ изображенія и Настасьи Ѳедоровны, въ то время какъ портреты всѣхъ трехъ сестеръ ея украшаютъ стѣны громадной, пустой залы. На вопросъ о этомъ странномъ для меня обстоятельствѣ, старикъ дворецкій отвѣчалъ мнѣ, что Алексѣй Ѳедоровичъ будучи красавцемъ, не любилъ четвертой сестры своей Настасьи Ѳедоровны за то, что она была нехороша собой, въ то время какъ остальныя сестры блистали красотой.

Настасья Ѳедоровна, будучи нехороша собой, была къ тому же весьма близорука.

Замѣчательно, что нынѣ родъ Грибоѣдовыхъ, по мужской линіи, сколько намъ извѣстно, совершенно прекратился на Руси.

Великолукскій Уѣздъ, Сельцо Ѳедорцево.
1856 г. Іюль.

Грамота Царя Михаила Ѳедоровича, 23-го Февраля 1614 года, Михаилу Ефимовичу Грибоѣдову.

Божіею милостію, мы Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михаилъ Ѳедоровичъ, всея Русіи Самодержецъ, по своему Царскому мудрому усмотренію пожаловали есмя Михаила Ефимовича Грибоедова, за его многія службы, што онъ, памятуя Бога и Пресвятую Богородицу и Московскихъ Чудотворцовъ, будучи во Московскомъ Государстве при Царе Василіѣ въ нужное и во прискорбное время, за вѣру Христіанску, и за Святыя Церкви и за Насъ и за всехъ православныхъ христіанъ противо враговъ Нашихъ Польскихъ

Digitized by Google

и Литовскихъ людей, которые до конца хотели раззорить Государство Московское и вѣру Христіанскую попрать, — а онъ Михайло, будучи во Московской службе, противу техъ злодеевъ Нашихъ столъ крепко и мужественно, и много, дородство и храбрость и кровопролитіе и службу показалъ, голодъ и наготу и во всемъ оскуденіе и нужу всякую осадную терпелъ многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоялъ, во твердости разума своего, крепко и непоколебимо, безо всякія шатости, и отъ тоя великія и нужныя и осадныя службы много претерпя Польскіе и Литовскіе люди отъ Москвы отошли, и за те за все великія и нужныя и осадныя службы Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичь всея Русіи пожаловалъ ево Михайлу ево же помѣстья, съ поместново ево оклада, со шестисотъ пятидесяти четвертей, со сто четвертей по двадцати четвертей, вотчину со всеми угодьями, во Вяземскомъ уезде, въ Стрифановскомъ стану: деревню Микитину, деревню Богданову, половину села Велова-холму, да Пустобоярово, Васюсково тожь; а по книгамъ, письмамъ и мерамъ Василья Волынскова (1) съ товарищи, 102 и 103 году въ селе во Беломъ Холму съ деревнями написано: пашни и перелогу (2) и лесопорослые добрые земли и сѣнокосные стодевлносто пять четвертей, въ поле до двухъ потомужъ. — А осталось за ево окладомъ лишка, сверхъ указа въ помѣстье, шестьдесятъ четвертей, и тое ево вотчине оставить до большихъ нашихъ писцовъ и мерщиковъ; а какъ поедутъ наши большіе (3) писцы и мерщики и тое ево вотчинную землю съ поместною размежуютъ, ямы покопаютъ, и грани (4) потешутъ, и всякія признаки учинятъ и во писцовыхъ книгахъ роспишутъ (разобрать нельзя) . . . што бъ Михайло помест-

(1) Не предокъ-ли Кабинетъ-Министра и Оберъ-Егермейстера Артемія Петровича Волынскаго, безславно погибшаго на эшафотѣ, 27-го іюня, 1740 г.

(2) Перелогъ — пустопорожнее мѣсто.

(3) Большіе — важнѣйшіе, главные.

(4) Грани, въ настоящемъ случаѣ, безъ сомнѣнія означаютъ межевые столбы.

Digitized by Google

ные земли съ своей землей не препущалъ. — И на ту вотчину, сея наша Царская жалованная грамота за нашею красною печатью, ему Михайлу, и его детемъ и внучатамъ и правнучатамъ и въ родъ ихъ не подвижно. — Штобъ наше Царское жалованье, и ихъ великое дородство и крепость и храбрая служба за веру и за свое отечество во последнемъ роде было на памятѣ. — И ихъ-бы службы и терпеніе воспоминая впредь дѣти ихъ, и внучата и правнучата, и кто по нихъ роду ихъ будетъ, также за веру христьянскую и за Святыя Божьи Церкви и за свое отечество противо враговъ стояли мужественно безо всякаго позыбья. А въ той вотчинѣ онъ Михайло и дети его и внучата и правнучата по Нашему Царскому жалованью вольны. — А напередъ до того, при Царѣ при Васильѣ, въ 115 году (1607), на ту вотчину жалованная грамота дана была. И та грамота въ Московское розоренья згорела. — Писана Нашего Государства во царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 7122 (1614), Февраля во 28 день. — И подписалъ Великого Государя, Царя и Великого Князя, Михайла Федоровича, всея Русіи самодержца, дьякъ, Федоръ Ефстратовъ.

Пошлинъ, взято полтина.

Примѣчаніе. Большая красная печать, величиною въ прежній трехъкопѣечникъ, сохранилась вполнѣ, равно какъ и два красные съ золотою ниткою шнурка, на коихъ виситъ она.

На другой сторонѣ листа *грамоты*, написано вверху:

«Царя и Великаго Князя Михайла Федоровича всея Русіи самодержца»

внизу:

«справилъ Онушко Обросимовъ.»

Кстати къ этому извѣстію о фамиліи Грибоѣдовыхъ, Редакція приложитъ нѣсколько документовъ изъ матеріяловъ, собранныхъ М. П. Погодинымъ и доставшихся ей въ распоряженіе.

Digitized by Google

Письмо А. С. Грибоѣдова, неизвѣстно къ кому назначенное (1).

Табризъ, 17-го ноября, 1820. — час. пополуночи.

Вхожу въ домъ, въ немъ праздничный вечеръ; я въ этомъ домѣ не бывалъ прежде. Хозяинъ и хозяйка, Поль съ женою, меня принимаютъ въ двери. Пробѣгаю первый залъ и еще нѣсколько другихъ. Вездѣ освѣщеніе; то тѣсно между людьми, то просторно. Попадаются многія лица, одно какъ будто моего дяди, другія тоже знакомыя; дохожу до послѣдней комнаты,—толпа народу, кто за ужиномъ, кто за разговоромъ; вы тамъ же сидѣли, въ углу, наклонившись къ кому-то, шептали и ваша возлѣ васъ. Необыкновенно пріятное чувство, и не новое, а по воспоминанію мелькнуло во мнѣ, я повернулся и еще куда-то пошелъ, гдѣ то былъ, воротился; вы изъ той же комнаты выходите ко мнѣ навстрѣчу. Первое ваше слово: вы-ли это А. С.? Какъ перемѣнились? Узнать нельзя. Пойдемте со мною; увлекли далеко отъ постороннихъ въ уединенную, длинную, боковую комнату, къ широкому окошку, головой приклонились къ моей щекѣ, щека у меня разгорѣлась и подивитесь! вамъ труда стоило, нагибались, чтобы коснуться моего лица, а я, кажется, всегда былъ выше васъ гораздо. Но во снѣ величины искажаются, а все это сонъ не забудьте.

Тутъ, вы долго ко мнѣ приставали съ вопросами, написалъ ли я что нибудь для васъ? — Вынудили у меня признаніе, что я давно отшатнулся, отложился отъ всякаго письма, охоты нѣтъ, ума нѣтъ — вы досадовали. —Дайте мнѣ обѣщаніе, что напишете. — Что же вамъ угодно? — Сами знаете. — Когда же должно быть готово? — Черезъ годъ непремѣнно. — Обязываюсь. — Черезъ годъ, клятву дайте.... И я далъ ее съ трепетомъ. Въ эту минуту малорослый человѣкъ, въ близкомъ отъ насъ разстояніи, но котораго я, давно слѣпой, не довидѣлъ, внятно произнесъ эти слова: Лѣнь губитъ всякій талантъ... А вы, обернись къ человѣку:

(1) На спискѣ, рукою М. П. Погодина написано: доставлено А. М. Гусевымъ.

Digitized by Google

посмотрите кто здѣсь?.. Онъ поднялъ голову, ахнулъ, съ визгомъ бросился мнѣ на шею... дружески меня *душитъ*... Катенинъ! — Я пробудился.

Хотѣлось опять позабыться тѣмъ же пріятнымъ сномъ. Не могъ. Вставъ, вышелъ освѣжиться. Чудное небо! Нигдѣ звѣзды не свѣтятъ такъ ярко, какъ въ этой скучной Персіи! Муэдзинъ съ высоты минара, звонкимъ голосомъ, возвѣщалъ ранній часъ молитвы (— ч. по полуночи), ему вторили со всѣхъ мечетей, наконецъ вѣтеръ подулъ сильнѣе, ночная стужа развѣяла мое безпамятство, затеплилъ свѣчку въ моей храминѣ, сажусь писать, и живо помню мое обѣщаніе; *во снѣ дано, на яву исполнится.*

На оборотѣ черноваго письма, А. С. Грибоѣдова, отъ 17 ноября, 1820, изъ Табриза, написано имъ собственноручно слѣдующее:

Les connaissances que je posséde se réduisert à celles des langues: Slavone et Russe, Latine, Française, Anglaise, Allemande. Durant ma station en Perse je me suis appliqué au Persan et à l'Arabe. Mais c'est encore peu de chose pour quiconque vent être utile à la société, que d'avoir plusieurs mots pour une idée, comme dit Rivarol: plus on a de lumières, mieux on sert son pays. C'est pour avoir le moyen de les acquérir, que je demande mon congé ou mon rappel d'un triste royaume, où, loin d'apprendre quelque-chose, on perd même le souvenir de ce qu'on savoit. J'ai préféré vous dire la vérité aulieu d'alléguer une santé ou une fortune dérangée, lieux communs auxquels personne ne croit.

Письмо А. С. Грибоѣдова къ какому-то несчастному его родственнику.

С.-Петербургъ.

Братъ Александръ! подкрѣпи тебя Богъ! Я сюда прибылъ на самое короткое время. Государь наградилъ меня щедро за мою службу. Бѣдный другъ и братъ! зачѣмъ ты такъ несчастливъ! Теперь ты бы порадовался, если бы видѣлъ меня гораздо въ лучшемъ положеніи, нежели прежде, но я

Digitized by Google

тебя знаю, ты не останешься равнодушенъ, при полученіи этихъ строкъ, и тамъ.. въ дали, въ горѣ и въ разлукѣ съ ближними.

Осмѣлюсь ли предложить тебѣ утѣшеніе въ нынѣшней судьбѣ твоей! Но есть оно для людей съ умомъ и чувствомъ. И въ страданіи заслуженномъ, можно сдѣлаться страдальцемъ почтеннымъ. Есть внутренняя жизнь нравственная и высокая, независимая отъ внѣшней. Утвердиться размышленіемъ въ правилахъ неизмѣнныхъ, сдѣлаться въ узахъ и въ заточеніи лучшимъ, нежели на самой свободѣ, вотъ подвигъ, который тебѣ предлагаю. Но кому я это говорю? Я оставилъ тебя прежде твоей экзальтаціи, въ 1825 году. Она была мгновенна, и ты вѣрно теперь тотъ же мой кроткій, умный и прекрасный Александръ, какимъ былъ въ Стрѣльнѣ и въ Коломнѣ, въ домѣ Погодина. Помнишь, мой другъ, во время наводненія, какъ ты плылъ и тонулъ, чтобы до меня добраться и меня спасти.

Кто тебя завлекъ въ эту гибель! Ты былъ хотя моложе, но основательнѣе прочихъ. Не тебѣ бы къ нимъ примѣшаться, а имъ у тебя уму и доброты сердца позаимствовать! Судьба иначе опредѣлила, довольно объ этомъ.

Слышу, что снисхожденіемъ Высшаго Начальства тебѣ и товарищамъ твоимъ дозволится читать книги. Сейчасъ ѣду покупать тебѣ всякой всячины, реестръ приложу послѣ.

Digitized by Google

ВЗГЛЯДЪ

НА РЫБНУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Главная рыбная промышленность въ этой губерніи состоитъ въ ловлѣ и продажѣ слѣдующей рыбы: семги, сельдей, наваги, трески, палтусини, сайды, омули. Сверхъ того, ловится въ тамошнихъ водахъ, въ достаточномъ количествѣ и, кромѣ мѣстнаго продовольствія, вывозится и въ другія губерніи, это: нельма (въ родѣ бѣлой рыбицы), пеледи и чиры (въ родѣ сиговъ, но гораздо вкуснѣе), щуки (вѣсомъ бывающія болѣе пуда), лещи, налимы, окуни и проч. мелкая рыба, которая, впрочемъ, изъ губерніи не вывозится.

Ловъ главной рыбы, собственно для промышленности, кромѣ мѣстнаго потребленія, производится въ разныхъ мѣстахъ губерніи, изъ коихъ можно поименовать только тѣ, которыя извѣстны самимъ тамошнимъ промышленникамъ.

1) Ловъ *семги* производится во всѣхъ рѣкахъ Архангельской губерніи, но преимущественно и въ большомъ количествѣ, въ Бѣломъ морѣ, при устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ него, особенно на Терскомъ берегу этого моря, или на сѣверномъ, въ разстояніи отъ Архангельска моремъ верстъ 350, при устьѣ рѣки Карзуги, гдѣ ловится ее и отправляется на другой берегъ, т.-е. въ Поморье или Архангельскъ, ежегодно болѣе 30 тысячъ пудъ; за тѣмъ, ловъ этой рыбы производится въ значительномъ же количествѣ, въ рѣкѣ Печорѣ, и эта рыба считается лучшею, а расходится она вся кромѣ Архангельска, въ пограничныхъ губерніяхъ и предпо-

Digitized by Google

чтительно въ Пермскую, Вятскую и частію Вологодскую. Еще эта рыба ловится и въ устьѣ Двины и въ самомъ Архангельскѣ, въ количествѣ также довольно значительномъ, которая также считается лучшею и предпочитается варяугской и вся почти расходится въ своей губерніи, частію только отвозится въ С.-Петербургъ и Москву, по первой зимней дорогѣ, свѣжепросольною, и продается въ столицахъ высокою цѣною, какъ первое лакомое блюдо подъ пару устрицамъ. Ловъ семги производится еще въ устьѣ рѣки Онеги, и въ самой рѣкѣ Онегѣ при порогахъ ея, и эта послѣдняя предпочитается всѣмъ семгамъ, ловящимся въ Архангельской губерніи, потому что она бываетъ необыкновенной величины, до 2-хъ пудъ, и именуется порожскою, тогда какъ варяугская самая большая рыба не выше 25 и 30 ф. Печорская тоже около пуда, а двинская отъ 25 до 35 ф. Прочая рыба этого наименованія, которая большею частію расходится на мѣстное потребленіе, ловится въ морѣ при устьяхъ всѣхъ рѣкъ, впадающихъ въ Бѣлое море и въ тѣхъ даже, которыя впадаютъ въ эти рѣки, но этотъ ловъ весь почти поглощается мѣстною потребностію; для промышленности же, остаются извѣстныя мѣста только слѣдующія: 1) Варяуга, 2) Архангельскъ и 3) Печора. Съ этой послѣдней, уловъ семги отвозится весь почти на ярмарки въ Архангельской и Вологодской губ., бывающія въ зимнее время въ г. Пензѣ, селеніи Усть-великѣ и другихъ, откуда развозится въ Архангельскъ, Вологодскую, Вятскую и прочія смежныя губерніи, а чрезъ эти и въ столицы. Весь уловъ семги въ Архангельской губерніи, надо предполагать не свыше 80 т. пудъ ежегодно, изъ котораго до половины остается на мѣстное продовольствіе.

Цѣнность семги, на мѣстѣ, бываетъ различная, по мѣсту улова, отъ котораго зависитъ и качество ея: самая низкая цѣна на ловимую въ Варяугѣ, самаго высшаго, но въ меньшемъ количествѣ улавливаемой онежской или порожской, и средняя цѣна ловимой въ Печорѣ и въ Двинѣ или въ самомъ Архангельскѣ. Цѣна первой, т. е. варяугской была отъ 3 р.

Digitized by Google

50 до 4 р. 50 к., цѣна второй т.-е. онежской отъ 7 р. 50 к. до 10 р. Цѣна двинской отъ 6 р. 50 к. до 7 р. 50 к. асс. за пудъ.

2) *Сельдь и навага.* Ловъ этой рыбы и преимущественно сельди производится по всему прибрежью Бѣлаго моря, начиная отъ устья Двины верстъ на 70-ть отъ Архангельска вдоль по лѣвому или западному берегу до Кандалакской губы, верстъ слижкомъ на 800. Предпочтительнѣе же этотъ ловъ производится въ губѣ, именуемой *Сорока*, въ Кемскомъ уѣздѣ. Ловъ этотъ начинается сначала зимы или перваго замерзанія берега моря, что̀ обыкновенно случается въ тамошнемъ краѣ, не ранѣе и не позже ноября мѣсяца, и продолжается до весны или конца апрѣля. Въ началѣ лова, вся эта рыба тотчасъ же и развозится въ мерзломъ видѣ, кромѣ мѣстнаго потребленія, въ смежныя губерніи: Вологодскую, Вятскую, Олонецкую и далѣе, въ обѣ столицы, и даже въ Казань и Нижній Новгородъ, въ довольно большомъ количествѣ, мелкими промышленниками. Частію и только сельдь, особенно въ Поморьѣ, коптится въ значительномъ количествѣ и потомъ также развозится въ тѣ же мѣста въ теченіе зимы. Ловимая въ Поморьѣ, за отвозомъ въ мерзломъ и копченомъ видѣ, солится въ значительномъ же количествѣ, и отвозится по открытіи навигаціи моремъ въ Архангельскъ, какъ для мѣстнаго потребленія, такъ и для отправки оттуда уже частію водою вверхъ по Двинѣ въ Вологодскую губернію, откуда развозится сухопутно въ смежныя губерніи: Ярославскую, Костромскую, а изъ Поморья чрезъ Олонецкую губернію въ С.-Петербургъ. Сельдь эта мелкая, вкусомъ пріятная, особенно если удачно засолена, что весьма рѣдко удается, а потому она доходитъ до дальнихъ мѣстъ уже нѣсколько кислою отъ свойства своей нѣжности и недостатка въ ней соли.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія учреждена была, въ тамошнемъ краю, Бѣломорская компанія на предметъ промысла, какъ рыбы, такъ и ловли морскихъ звѣрей: нельмы, бѣлуги и моржей или торговли ворваннымъ саломъ. Компанія эта

Digitized by Google

имѣла въ виду и засолъ сельдей здѣшнихъ или пріуготовленіе ихъ на манеръ голландскихъ, для чего и Голландцы были выписаны, сдѣлано было нѣсколько приготовленій на предметъ этотъ, и все это оставлено по разрушеніи самой компаніи въ началѣ ея учрежденія. Еще въ недавнемъ времени, было какое-то предпріятіе на счетъ приготовленія, изъ бѣломорской сельди, сардинокъ, но кѣмъ оно затѣвалось и почему не состоялось — объ этомъ я свѣдѣнія не имѣю. Впрочемъ, эта самая сельдь, вкусомъ легко можетъ поддѣлаться подъ настоящія сардинки, надо только съумѣть ее приготовить.

Весь уловъ сельдей въ Архангельской губерніи, считая израсходованныя въ мерзломъ видѣ, соленомъ и копченомъ, должно полагать ежегодно до 200 т. пудъ, и бо́льшая часть ихъ потребляется дома.

Цѣнность этой рыбы, т.-е. сельди, на мѣстѣ, самая низкая: назадъ тому 20 лѣтъ на Архангельскомъ рынкѣ, мерзлая она продавалась не выше 25 к. с. за цѣлый возъ, какой только могла увезти одна лошадь, а на мѣстѣ ловли, верстъ за 70 отъ Архангельска, промышляющіе ловлею ея, крестьяне, охотно отдавали два воза безденежно съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ этихъ возовъ доставленъ былъ въ домъ промышленника верстъ за 20, а иногда и за 10 и даже менѣе отъ мѣста ловли. Случался такой великій уловъ этой рыбы, т.-е. сельдей, что крестьяне, промышляющіе вѣчно имъ, затруднялись въ другихъ домашнихъ работахъ и изъявляли свой ропотъ словами, что ихъ «сельдь одолѣла», а на вопросъ: «за чѣмъ же вы ее ловили, когда дѣвать не куда?» отвѣчали обыкновенно: «нельзя оставить, сердиться будетъ и впередъ не покажется вовсе». Сверхъ той, которая пропадаетъ на мѣстѣ лова сгнившею или разхищаемою птицею, они, т.-е. ловцы, употребляютъ ее на кормъ коровъ и лошадей, обваривая горячею водою съ посыпкою отрубей отъ муки. Ловятъ ее сѣтями и сачками на льду, въ прорубахъ или отдушинахъ, и на закрайнѣ льда.

Соленая, привозимая въ Архангельскъ въ осеннее время, въ боченкахъ пуда въ 2, продавалась отъ 80 к. до 1 р. 20 к.

Digitized by Google

асс. за боченокъ. Копченая тамъ же, во время всей зимы, продавалась не дороже 50 к. асс. за тысячу.

Навага, за исключеніемъ количества, отвозимаго въ мерзломъ видѣ въ смежныя губерніи въ первое зимнее время, которое едва ли простирается до 2 или 3000 пудъ, расходится вся на мѣстное потребленіе и только въ зимнее время когда бываетъ уловъ вмѣстѣ съ сельдями.

3) Ловъ *трески, палтусины и сайды*, производится только, на русскомъ Мурманскомъ берегу Сѣвернаго океана, въ Кольскомъ уѣздѣ, слишкомъ за 1000 верстъ отъ г. Архангельска; производится онъ Лопарями, живущими единственно въ тамошнемъ уѣздѣ и прилегающими на этотъ разъ къ берегу океана, начиная ловъ съ марта мѣсяца и продолжая все лѣто до глубокой осени. Къ нимъ приплываютъ, во время навигаціи, на ладьяхъ, русскіе промышленники, предпочтительно Поморы и частію изъ Архангельска, берутъ у нихъ рыбу, обмѣнивая на ржаную муку и другіе разные товары, преимущественно изъ крестьянской одежды и обуви, которую Лопари употребляютъ какъ и русскіе крестьяне. Тутъ же, съ Лопарями, занимаются ловлею и Русскіе, особенно въ лѣтнее время; тутъ же они уловляемую рыбу распарываютъ, очищаютъ отъ внутренности и въ то же время укладываютъ распластанную въ суда или ладьи, въ которыхъ и засыпаютъ ее солью, привозимою обыкновенно съ собою. Отъ способа этого соленія и притомъ въ жаркое время, треска, палтусина и сайда, по свойству мягкаго и жирнаго своего тѣла, не смотря на довольное количество употребляемой соли, подвергаются нѣкотораго рода окислости, отчего и издаютъ для иныхъ непріятный запахъ, вовсе не противный для Архангелогородцовъ и даже для пріѣзжихъ туда и привыкнувшихъ къ употребленію этой рыбы.

Изъ трехъ видовъ этой рыбы, болѣе нѣжная — палтусина, болѣе и издастъ непріятный запахъ, но ее любятъ особенно тамошніе жители, употребляя, большею частію, въ пирогахъ и въ печеномъ ржаномъ или житномъ хлѣбѣ. Нѣкоторая часть ея расходится вмѣстѣ съ треской и по другимъ смежнымъ гу-

Digitized by Google

берніямъ. Треска же, сверхъ приготовленія ея, какъ выше сказано, соленою въ распластанномъ видѣ, приготовляется на мѣстѣ самаго лова и сушеною или вяленою, отъ которой запахъ еще несноснѣе. Сайда, самая послѣдняя изъ рыбы этого вида, отъ того ли, что съ нею обращаются при соленіи еще нерадивѣе, скупясь на соль, или отъ самаго свойства этой рыбы, которая, будучи очень мягкою и жирною, скорѣе подвергается окисленію и даже гнилости, но, по причинѣ дешевизны своей, она въ большомъ употребленіи у простаго народа, какъ и сухая треска.

Сверхъ лова на показанномъ Мурманскомъ берегу Океана, этой рыбы доставляется къ Архангельскому порту гораздо въ бо́льшемъ количествѣ изъ Норвегіи съ такъ называемаго датскаго Мурманскаго берега, который есть продолженіе русскаго Мурманскаго, гдѣ ловятъ ее и приготовляютъ уже тамошніе Лопари или Финны, отъ которыхъ Русскіе вымѣниваютъ ее на ржаную муку, вывозимую изъ Архангельска и нарочно отпускаемую для сего обмѣна изъ тамошнихъ запасныхъ магазиновъ, или закупаемую въ лѣтнее и осеннее время съ барокъ. Отпускъ муки ржаной изъ запасныхъ магазиновъ (или, какъ тамъ называютъ, изъ Дирекціи о народномъ продовольствіи) для обмѣна на рыбу, собственно на русскомъ Мурманскомъ берегу, дѣлается по особому распоряженію губернскаго начальства, но не все отпущенное количество муки доходитъ туда, а, бо́льшею частію, провозится моремъ на ладьяхъ за пограничную черту въ Норвегію, гдѣ, въ видѣ торговли, вымѣнивается на нее означенная рыба, а иногда и другіе товары, завозимые туда на англійскихъ корабляхъ и привозимые въ Архангельскъ или Поморье помимо уже таможни.

Суда или ладьи, возвращающіяся съ этою рыбою изъ Норвегіи, принимаются въ портъ какъ отшедшія съ русскаго Мурманскаго берега, потому-что предъявляютъ свидѣтельства тамошней земской полиціи о томъ, что они дѣйствительно грузились на этомъ берегу. Есть и такія суда или ладьи, которыя съ купленнымъ, такъ называемымъ вольнымъ хлѣ-

Digitized by Google

бомъ, отправляются прямо въ Норвегію по пасамъ чрезъ таможню и возвращаются съ сказанною рыбою; но таковыхъ немного.

По сей и по другимъ причинамъ, уловъ этой рыбы и самую доставку ея къ архангельскому порту опредѣлить съ достовѣрностію никакъ нельзя, а предположить по числу приходящихъ съ нею судовъ тоже было бы не безошибочно, потому что не всѣ суда съ нею приходятъ или возвращаются къ Архангельску, а иныя проходятъ прямо въ Поморье, откуда онѣ, бо̀льшею частію и отправляются за нею. Привозимую туда эту рыбу, въ особенности треску, вывозятъ потомъ зимнимъ путемъ въ смежную Олонецкую губернію и въ С.-Петербургъ, а остальное количество расходится на мѣстное потребленіе. Число приходящихъ судовъ или людей къ Архангельскому порту, въ теченіе навигаціи, собственно съ этою рыбою бываетъ до 200 и болѣе, поднимающихъ грузу отъ 1000 до 5000 пуд., а иныя и отъ 10 т. до 15 т. пуд, но таковыхъ мало, а болѣе мелкихъ и даже такихъ, особенно приходящихъ въ весеннее и раннее лѣтнее время, которыя поднимаютъ грузу менѣе 1000 пудъ и называются *ранминами* или *вешняками*; это карбаза и шняки, и число таковыхъ не велико, но за то онѣ привозятъ лучшую треску и палтусину, которая идетъ только на одно домашнее употребленіе въ Архангельскѣ и рѣдко изъ него вывозится, или по малому количеству, или по самой ея цѣнности, которая бываетъ почти вдвое противъ осенняго привоза.

Если допустить въ сложности на каждое судно и ладью по 3,000 пудъ, а судовъ или ладей до 250, то количество доставляемой въ Архангельскъ, ежегодно, трески, палтусины и сайды выйдетъ 750 т. пудъ, да провозимой прямо въ Поморье, для тамошняго потребленія и вывоза въ Олонецкую губернію и въ Петербургъ, до 100 т., то ежегодное количество всей уловляемой въ Архангельской губерніи и вывозимой, по сосѣдству изъ Норвегіи этой рыбы, составитъ до 850 т. пудъ. Но если вывозъ этой рыбы изъ Архангельска въ другія губерніи увеличится противъ прежняго и настоящаго,

Digitized by Google

чего ожидать должно по непомѣрному возрастанію дороговизны внутри Россіи на всякую рыбу, промышленность эта въ Архангельской губерніи скоро можетъ удвоиться, ибо съ требованіемъ этой рыбы за черту сей губерніи возвысится цѣнность ея въ Архангельскѣ, а цѣнность возбудитъ соревнованіе какъ въ ловлѣ ея у себя, такъ и въ доставкѣ изъ Норвегіи.

Цѣнность этой рыбы въ Архангельскѣ въ прежнее время, лѣтъ за 20, была баснословная; самый главный приходъ съ моря судовъ съ этою рыбою въ Архангельскъ бываетъ обыкновенно подъ осень, именно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и это время слываетъ тамъ ярмаркою и въ это-то время установляется цѣна на упоминаемую рыбу. За 20 лѣтъ цѣна эта была слѣдующая: трески сырой отъ 80 к. до 1 р. 20 к., палтусины отъ 1 р. 50 к. до 2, а сайда отъ 60 до 80 к. асс. за пудъ Сухая же треска по легкости ея въ вѣсу, продавалась дороже сырой; — цѣна ея была отъ 2 до 3 р. асс. за пудъ. Она расходится тамъ же, гдѣ и сырая.

4) *Омуль.* Эта рыба ловится преимущественно въ рѣкѣ Печорѣ, Мезенскаго уѣзда, расходится бо́льшею частію соленою въ тамошнемъ краю между простонародіемъ, и частію развозится въ губерніи: Вологодскую и Пермскую. Будучи нѣжною рыбою, но худо приготовленною въ соленіи по недостатку въ соли или по одному небреженію и потому еще, что считаютъ ее нестоящею настоящей соли, вмѣсто которой употребляютъ золу, она всегда продается уже испорченною. Цѣна ей была самая невысокая — отъ 30 до 40 к. асс. за пудъ.

5) Прочая рыба: нельма, пеледи, чиры, щуки, лещи, налимы, окуни и другая мелкая, ловимая во всѣхъ рѣкахъ и озерахъ, а въ большомъ количествѣ въ Мезенскомъ уѣздѣ при селеніи Пустозерскѣ, развозится по зимнимъ ярмаркамъ тамошней губерніи въ мерзломъ видѣ, и частію провозится по городамъ сосѣдственной Вологодской губерніи. Занимаются этимъ самые мелкіе промышленники.

Максимъ Садовъ.

Digitized by Google

ОБЪ ИЛЕЦКИХЪ КАМЕННО-СОЛЯНЫХЪ КОПЯХЪ (*).

Мѣсторожденіе Илецкой каменной соли лежитъ въ бывшей части Киргизъ-Кайсацкой степи, съ 1811 года, состоящей въ предѣлахъ Россіи; отъ города Оренбурга, къ югу, въ 66 верстахъ и въ 5, отъ рѣки Илека, протекающей южнѣе; по географическому положенію, соляной флецъ находится подъ 51°—9′—8′ сѣверной широты, и 72°—40′—51″—восточной долготы, по первому меридіану.

Соляной флецъ, какъ изъ развѣдки 1850 года извѣстно, состоитъ на протяженіи къ сѣверу на 128 саженъ, къ югу на 928, къ востоку на 508 и къ западу на 590 саженъ, по углубленію на 68 саженъ (**). Флецъ этотъ, сверху накрытъ гипсовымъ пескомъ неровной толщины отъ 2 арш. до 3 саженъ. Дальнѣйшая развѣдка, до какаго пространства соляной флецъ простирается, остановлена.

(*) Въ разныхъ путевыхъ замѣткахъ объ Оренбургскомъ краѣ, напечатанныхъ въ послѣднее пятилѣтіе, встрѣчаются болѣе или менѣе сходныя извѣстія объ Илецкихъ соляныхъ копяхъ, такъ-что можно подумать, что сочинители этихъ статей списываютъ одинъ у другаго. И дѣйствительно они списывали, но не одинъ у другаго, а списывали съ предлагаемой полуоффиціальной записки, составленной умершимъ, въ 1854 году, управляющимъ Илецкимъ соляным правленіемъ, г. *Немятовымъ*, который охотно сообщилъ ее любознательнымъ путешественникамъ, являвшимся въ Илецкую-Защиту. Suum cuique. С.

(**) Въ разведанномъ пространствѣ, опредѣляется масса соли до 51,206,901 кубической сажени. Принимая вѣсъ одной кубической сажени въ 1236 пудъ, весь запасъ соли простирается до 74,140,143, 696 пудъ, и обезпечиваетъ добычу соли слишкомъ на 18,000 лѣтъ, даже и тогда, еслибы добыча соли увеличивалась до 4,000,000 пудъ въ годъ.

Digitized by Google

Въ какое время и кѣмъ это мѣсторожденіе соли открыто, нѣтъ точныхъ свѣдѣній; по преданіямъ же извѣстно, что соль добывалась Нагайцами, обитавшими здѣсь до Киргизовъ, потомъ Киргизами и сопредѣльными съ ними Башкирцами; по сему можно предположить, что эта соль добывается не менѣе двухъ сотъ лѣтъ. До занятія, въ первой половинѣ минувшаго столѣтія, пограничной по рѣкѣ Уралу линіи, Илецкій соляной источникъ не имѣлъ мѣста въ естественной исторіи; Киргизы, мало употребляя въ пищу соли, оставались равнодушными зрителями этого рѣдкаго явленія природы, выкапывая иногда соль только для скота. По заведеніи же линіи, во время управленія Оренбургскою губерніею губернатора Тайнаго Совѣтника Ивана Ивановича Неплюева, въ 1744 году, посланъ былъ въ Киргизскую степь для развѣдыванія, маіоръ Кублицкій, а въ 1745, Ревельскаго драгунскаго полка полковникъ, Англичанинъ Иннисъ; вслѣдствіе чего, со стороны Россіи, соль начали добывать, употребляя только на продовольствіе войскъ; а Башкирцы допущены были пользоваться ею безденежно, въ числѣ дарованныхъ отъ Россійской Державы преимуществъ, при обложеніи ихъ ясакомъ; вмѣстѣ съ Башкирцами, для добычи соли, ѣздили сюда Мещеряки и Тептяри, въ Оренбургской губерніи обитающіе. Въ 1746 году, губернаторъ испрашивалъ отъ сената дозволеніе на свободную добычу Илецкой соли, съ платежемъ въ казну узаконенной цѣны, для всенародной пользы; а въ послѣдствіи, по указамъ сената 1753 и 1754 года, ясакъ съ Башкировъ и Мещеряковъ снятъ и съ тѣмъ вмѣстѣ воспрещена имъ безденежная добыча Илецкой соли, и она поступила въ казенное завѣдываніе, продавалась по казенной тогдашней цѣнѣ, по 35 к пудъ. Такимъ образомъ, съ 1854 года, Илецкій соляной источникъ вступилъ въ составъ Государственной экономіи. Но прежніе владѣльцы Киргизы оставлены были при правѣ безденежнаго пользованія солью; право сіе въ послѣдствіи измѣнялось тѣмъ, что вмѣсто допущенія ихъ самихъ къ добыванію, отпускалась соль выработанная на казенный счетъ и въ неограниченномъ количест-

Digitized by Google

въ, а въ настоящее время, положено отпускать по 9,000 п. въ годъ.

Около мѣста разработки соли, построена крѣпость и для охраненія ея опредѣлена была пѣхотная комплектная рота, съ артиллеріею. Укрѣпленія той крѣпости до самыхъ позднихъ временъ ограничивались одними только рогатками, бывшими достаточною защитою отъ хищныхъ Киргизовъ; отъ этого усвоилось наименованіе самаго селенія: *Илецкая-Защита*. Въ 1832 году, при покойномъ военномъ губернаторѣ графѣ Сухтеленѣ, по Высочайшему повелѣнію, селеніе обнесено брустверомъ и рвомъ полеваго профиля.

Въ 1810 году, бывшій въ Оренбургскомъ краѣ оберъ-квартирмейстеромъ, полковникъ Струковъ, представилъ проектъ, дабы богатое мѣсторожденіе соли съ вѣрностію оградить отъ набѣговъ киргизскихъ воровскихъ партій, дорогу въ Россію обезопасить, а съ тѣмъ вмѣстѣ открыть для перевозки соли болѣе удобный путь прямо къ пристанямъ Волги при городѣ Самарѣ, на протяженіи 320 верстъ, о устроеніи новой пограничной линіи съ стороны востока и юга по рѣкѣ Илеку, и со стороны сѣвера по рѣкамъ Куралѣ и Бердянкѣ. Проектъ этотъ поручено было привести въ исполненіе самому Струкову, что имъ, въ 1811 году и выполнено съ поселеніемъ въ станицахъ казаковъ Оренбургскаго казачьяго войска. Съ тѣмъ вмѣстѣ Илецкая-Защита содѣлалась внутри предѣловъ Государства.

Относительно управленія промысломъ, по поступленіи въ казенное завѣдываніе, происходили измѣненія: съ начала добыча соли производилась подъ распоряженіемъ главнаго начальства Оренбургскаго края, и въ то время не надолго отдана была на откупъ. Потомъ учреждена была въ Оренбургѣ соляная контора. Соль развозилась сухопутно вольнонаемными возчиками къ городу Стерлитамаку, для сплаву по рѣкамъ Бѣлой и Камѣ, внизъ по теченію, и Волгою, вверхъ до Нижняго-Новгорода, для наполненія запасныхъ магазейновъ; но съ 1790 года, перевозка была прекращена и добыча соли по 1806 годъ производилась подъ завѣдываніемъ

Digitized by Google

Оренбургской казенной палаты, ограниченно для наполненія магазейновъ мѣстнаго народнаго продовольствія Оренбургской губерніи, до 300 т. пудъ. Съ 1806 года, Илецкій соляной промыселъ, къ облегченію соляной операціи по Государству, обращенъ въ вольный, подъ управленіемъ экспедиціи, съ учрежденіемъ запасныхъ магазейновъ для распродажи соли въ Оренбургѣ и Уфѣ, по сухопутной развозкѣ, а въ Стерлитамакѣ, для сплава водою, по рѣкѣ Бѣлой; при чемъ опредѣлена цѣна соли, при выработкѣ въ Защитѣ, по 12 коп.; а въ запасныхъ магазинахъ, съ прибавленіемъ провоза. Въ 1816 году, по проекту г. Струкова, опредѣлено промыселъ распространить съ предположеніемъ вырабатывать соль, по правиламъ горныхъ работъ, въ количествѣ до 4 т. пудовъ, въ томъ числѣ съ вывозкою на пристань Самарскую къ рѣкѣ Волгѣ до 3 м., на каковой предметъ приписать въ солевозцы до 10 т. душъ крестьянъ, и для управленія промысломъ, образовано правленіе въ городѣ Самарѣ, а при выработкѣ соли, въ Илецкой-Защитѣ, горная контора; но по общему соляному уставу, въ 1818 году, контора уничтожена и правленіе переведено въ Илецкую-Защиту. Въ 1827 г., промыселъ вновь преобразованъ; приписные солевозцы обращены въ податное состояніе, и предположенная перевозка, 3 мил. пудъ, правительствомъ отмѣнена, а выработка соли ограничена однимъ милліономъ для продовольствія нѣкоторой части Оренбургской губерніи и нѣсколькихъ уѣздовъ сосѣдственныхъ губерній Симбирской и Казанской. Соль продается нынѣ вольно-промышленникамъ комовая по 30 коп., а мелкая по 21 коп. сер. за пудъ.

По оставшимся копямъ и находимымъ орудіямъ, можно съ достовѣрностію заключить, что до обладанія Россіею мѣстомъ рожденія этой соли, выработывалась оная въ небольшомъ количествѣ, неглубокими ямами и рвами, безъ всякой правильности; по поступленіи же сего источника во владѣніе Россіи, выработка производилась съ малымъ искусствомъ до 1817 года; съ сего же времени, по присоединеніи промысла къ горной части, выработка располагается правильно

Digitized by Google

верхнимъ разносомъ уступами, вырубкою топорами бороздъ, продольныхъ и поперечныхъ, сбивкою косяковъ барсомъ; косяки разбиваются желѣзными клиньями на неправильные комья, способные къ перевозкѣ на тачкахъ, для укладки въ бунты; таковой способъ выработки соли простъ и удобенъ.

Въ 1820 году, открыта была подземельная выработка, двумя шахтами, пройдено было на углубленіи 22 саженъ, шахты сіи соединены штольнею или пробѣгомъ; при чемъ оказались совершенныя удобства образовать таковаго рода выработку въ сплошной и твердой соляной массѣ, безъ особыхъ крѣпей и безъ всякихъ затрудненій; но съ измѣненіемъ плана распространенія промысла, прекратились дѣйствія той подземельной работы. Его Величество, въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Александръ Павловичъ, бывши въ 1824 году (сентября 13 числа) въ Илецкой-Защитѣ, и обозрѣвая эту шахтовую работу, соизволилъ объявить «что при «такомъ неистощимомъ богатствѣ, нѣтъ надобности изнурять людей подземельными работами». Его Императорское Величество, при первомъ взглядѣ на эту огромную массу каменной соли, удивился и изволилъ сказать окружающимъ: «Боже, какое богатство.» Прошлаго 1837 года іюня 14 числа, Илецкую-Защиту и соляные копи соизволилъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Такимъ счастіемъ обязана Илецкая-Защита драгоцѣнному явленію природы, можетъ быть единственному въ мірѣ, каменно-соляным копямъ.

Въ близи соляная флеца, посреди неизмѣримаго пространства степей, природа поставила указателя, вознеся изъ нѣдръ земли скалистую гипсовую гору, возвышающуюся отъ горизонта на 20 саженъ.

Нынѣ работы производятся частію остающимися при промыслѣ ссыльными, состоящими на полномъ казенномъ содержаніи; но бо́льшею частію вольнонаемными людьми, получающими въ мѣсяцъ отъ 4 р. 50 к. до 6 руб. сер., на собственномъ своемъ продовольствіи. По отчету за 1853

Digitized by Google

годъ видно, что соль обошлась казнѣ въ $4^1/_2$ коп. серебромъ каждый пудъ.

Скопляющаяся внизу разработки вода поднимается вверхъ устроенною водоподъемною машиною, дѣйствующею лошадьми; вода эта пропускается въ озеро, близъ копей находящееся.

Въ недальнемъ разстояніи отъ выработки соли, есть соляное озеро, вода котораго весьма полезна купающимся, особенно отъ ревматизмовъ; почему, для значительныхъ посѣтителей, устраиваются ванны.

Въ заключеніе сего описанія, не излишнимъ почитаю присовокупить любопытное соображеніе бывшаго управляющаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Струкова, который, по неограниченному усердію о пользѣ Государственной, писалъ: «добыча Илецкой соли должна быть упрочена на отдаленныя времена, потому что этотъ источникъ есть богатѣйшій въ государствѣ, и можетъ снабжать наилучшею солью всѣ мѣста верхней части Волги, начиная отъ города Самары, а также обѣ столицы и западно-сѣверныя губерніи, и можетъ замѣнить иностранную соль; озерныя наши соли Саратовскія и Крымскія по качеству низшаго достоинства и отъ выше означенныхъ мѣстъ удалены; выварочная соль, истребляя пространныя лѣса сѣвера, по системѣ водъ Камскихъ, которыми снабжаются нижнія области по Волгѣ и Дону, какъ прибрежья Каспійскаго и Азовскаго морей, лишитъ всѣ страны сіи необходимаго лѣса, да и самые варницы въ послѣдствіи затруднятся дровами, на выварку соли употребляемыми. Въ каковыхъ видахъ Илецкая соль, образовавшаяся въ столь огромномъ количествѣ, рано или поздно обратитъ вниманіе правительства и будетъ снабжать обширные предѣлы государства въ большомъ размѣрѣ и замѣнитъ иностранную и выварочную соль».

Въ прошломъ, 1849 году, воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе для распространенія Илецкаго солянаго промысла привести въ точную извѣстность пространство онаго по протяженію и по углубленію; и второе, осмотрѣть мѣстность для

Digitized by Google

устройства желѣзной дороги къ рѣкѣ Волгѣ. Во исполненіе этой Высочайшей воли, въ первомъ случаѣ командированъ былъ въ 1850 году въ Илецкую-Защиту отъ министра финансовъ горный инженеръ-капитанъ Рейнке, по развѣдкамъ котораго къ западу, открыто продолженіе соляного флеца отъ извѣданнаго прежде пространства на 140 саженъ, еще на 250 саженъ. Что принадлежитъ до втораго предположенія о желѣзной дорогѣ, то въ 1850 году получено Илецкимъ соляным правленіемъ отъ г. министра финансовъ предписаніе, съ изъясненіемъ мнѣнія графа Клейнмихеля, что эта дорога никогда не окупится, почему устройство оной и отмѣнено.

Никитовъ.

7 октября, 1854 г.
Илецкая-Защита.

Digitized by Google

КРИТИКА.

Ученыя записки втораго отдѣленія Императорской академіи наукъ. *Книга II, выпускъ I, 1856 года.*

(Окончаніе)

При извѣстіи о крещеніи Руси при Владимірѣ, у мнимаго Якима, сказано: «Царь же Болгарскій Симеонъ присла іереи учены и книги довольны». Г. Лавровскій восклицаетъ: «до сихъ поръ никто не останавливался на этомъ мѣстѣ, съ цѣлію объяснить его и показать его возможность.» И въ слѣдъ за тѣмъ, принимается за объясненіе этого мѣста, и говоритъ: «одинъ изъ внуковъ Симеоновыхъ Романъ, въ честь дѣда, по свидѣтельству Кедрина и Зонары, назывался Симеономъ. Такимъ образомъ, Симеонъ былъ, и при томъ имѣвшій право на титулъ Царя Болгарскаго, и, слѣдовательно, лѣтопись Якимовская не можетъ представлять въ этомъ обстоятельствѣ ни малѣйшаго анахронизма, который бы обличалъ ее въ подлогѣ». Напротивъ того, это мѣсто Якимовской лѣтописи и при настоящемъ объясненіи г. Лавровскаго, остается анахронизмомъ и уличаетъ лѣтопись въ подлогѣ; ибо внукъ Симеоновъ, Романъ Симеонъ, никогда и ни у кого не назывался царемъ, и не могъ носить этого титула; по свидѣтельству Кедрина, Романъ Симеонъ и братъ его Борисъ, по смерти отца, сперва жили въ Константинополѣ, Симеонъ скопцомъ у кубикуларія Іосифа, а Борисъ, при Іоаннѣ Цимисхіѣ, въ достоинствѣ патриція; по смерти Цимисхія, они бѣжали въ Болгарію, и Борисъ былъ тамъ убитъ, а Романъ Симеонъ поступилъ въ службу къ тогдашнему Государю Болгаріи, Самуилу, который во время войны съ Императоромъ Василіемъ поручилъ ему защиту города Скопіи. Здѣсь, Романъ Симеонъ измѣнилъ Самуилу, и сдавъ городъ, перешелъ въ службу Императора, за что, при Константинопольскомъ дворѣ, былъ почтенъ саномъ патриція-препозита и получилъ въ

Digitized by Google

управленіе городъ Авидъ. Такимъ образомъ, по свидѣтельству Кедрина, Романъ Симеонъ постоянно былъ въ службѣ, то у Византійцевъ, то у Болгарскаго Самуила, и потому никогда не носилъ царскаго титула, и не имѣлъ права носить его; слѣдовательно, Якимовская лѣтопись говоритъ о Царѣ Болгарскомъ Симеонѣ, дѣдѣ Романа Симеона; а Царь Симеонъ, скончавшійся въ 927 году, не могъ посылать къ Владиміру іереевъ и книгъ въ 988 году. Конечно, истинный Якимъ Новгородскій, какъ современникъ крещенія Руси, не могъ написать такого анахронизма, отсюда, какъ и изъ другихъ обстоятельствъ, ясно, что лѣтопись, приписываемая Якиму Новгородскому, ему не принадлежитъ, а подъ его именемъ составлена какимъ-то баснословцомъ, въ позднѣйшее время.

Но довольно уже о разныхъ особенностяхъ мнимой Якимовской лѣтописи: всѣ они и вмѣстѣ съ доказательствами г. Лавровскаго, не выдерживаютъ критики, какъ это всякій можетъ видѣть изъ опытовъ, сдѣланныхъ въ настоящемъ разборѣ; теперь, слѣдуетъ взглянуть на общій характеръ сей лѣтописи—онъ, онъ весьма замѣчателенъ и служитъ лучшимъ и нагляднымъ доказательствомъ ея подложности. Изъ первыхъ словъ дошедшаго до насъ отрывка мнимой Якимовской лѣтописи, уже видно, что составитель ея имѣлъ въ виду Несторову лѣтопись, и думалъ исправить или пополнить ее по своему разумѣнію. Вотъ начало отрывка: «о Князѣхъ Русскихъ старобытныхъ, Несторъ монахъ недобрѣ свѣдомъ бѣ, что ся дѣяло у насъ Славянъ во Новѣградѣ, а святитель Якимъ добрѣ свѣдомый написа». И эта цѣль исправленія Несторовой лѣтописи ясно выступаетъ во всѣхъ частяхъ мнимо-Якимовскаго отрывка: составитель его, вездѣ говоритъ только о томъ, о чемъ сказалъ или намекнулъ Несторъ, и говоритъ въ видахъ или исправленія, или дополненія Несторовыхъ извѣстій; онъ, такъ сказать, идетъ шагъ за шагомъ въ слѣдъ Нестора и не отступаетъ отъ него ни разу во всемъ своемъ повѣствованіи. Такъ Несторъ сказалъ, что «Словѣнскъ языкъ бысть отъ племени Яфетова», и мнимый Якимъ изъ простаго Несторова извѣстія о происхожденіи славянскаго языка отъ Яфетова племени, составилъ сказку о князьяхъ Славянѣ и Скифѣ, потомкахъ Яфета. Несторъ написалъ, что Словяне, по многихъ временѣхъ, сѣли по Дунаи, потомъ, вслѣдствіе нападенія отъ Волоховъ, перешли которые на Вислу, которые на Днѣпръ, которые и до озера Ильменя, гдѣ построили Новгородъ; и мнимый Якимъ, въ слѣдъ за Несторомъ, ведетъ своего князя Славяна съ Дунай къ полуночи, и заставляетъ строить небывалый великій градъ Славенскъ,

Digitized by Google

(о которомъ у насъ такъ много баснословили въ XVII вѣкѣ) и продолжаетъ свое баснословіе о потомкахъ Славяна, Вандалѣ, Гардарикѣ и Кунигарѣ, потомъ толкуетъ о сыновьяхъ Вандала, Изборѣ, Владимірѣ и Столпосвятѣ и потомкѣ Владиміра, Буревоѣ, очевидно въ дополненіе къ извѣстіямъ «не добрѣ свѣдомаго Нестора». У Нестора сказано. что Варяги изъ-за моря имали дань на Словѣнѣхъ, на Чуди, на Мери и Кривичахъ; потомъ Варяги были прогнаны, и Словѣни, Чудь и Кривичи почаша сами въ собѣ володѣти; и мнимый Якимъ подходитъ къ тѣмъ же событіямъ, только по своему, съ желаніемъ исправить несторово сказаніе. Онъ заставляетъ баснословнаго Буривоя вести тяжкую и продолжительную войну съ Варягами, сперва побѣждать и захватить всю Біармію до Кумени; потомъ говоритъ, что онъ разбитъ на Кумени и спасается бѣгствомъ въ городъ Бармы, а Варяги налагаютъ тяжкую дань на Славяны, Русь и Чудь. Далѣе народъ, не терпя дани варяжской, проситъ у Боривоя его сына Гостомысла; Гостомыслъ по этой просьбѣ отправляется въ великій градъ Славенскъ, изгоняетъ Варяговъ, дѣлается Государемъ Великаго града и строитъ при морѣ городъ Выборъ, во имя своего старшаго сына. По Нестору, Славяне, Чудь и Кривичи, желая прекратить междоусобія, посылаютъ просить князей къ Варягамъ и Руси, откуда и приходятъ къ нимъ Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ; и мнимый Якимъ уцѣпляется за это событіе, только разумѣется по своему баснословію: у него Гостомыслъ, потерявши четверыхъ сыновей въ битвахъ, при старости не имѣлъ наслѣдниковъ, совѣтуется съ вѣщунами, потомъ видитъ сновидѣніе, которое вѣщуны объясняютъ ему тѣмъ, что наслѣдуютъ по смерти его дѣти старшей дочери; Гостомыслъ, умирая, созываетъ старѣйшинъ отъ Славянъ, Чуди и Кривичей (какъ и у Нестора), Руси, Мери, Веси и Дряговичъ (это уже дополненіе къ Нестору) и посылаетъ ихъ въ Варяги просить князя, оттуда и приходятъ сыновья Гостомысловой дочери Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. У Нестора сказано что по смерти братьевъ, Рюрикъ принялъ всю власть одинъ, и пришедъ къ Ильменю, и сруби городъ надъ Волховомъ, и прозваша и Новгородъ, т.-е Рюрикъ изъ Ладоги (гдѣ былъ первоначально послѣ пришествія къ Славянамъ) перебрался къ Ильменю и надъ Волховомъ, противъ Новгорода, срубилъ еще городъ, который также былъ названъ Новгородомъ и въ послѣдствіи составлялъ Софійскую сторону Великаго Новгорода. Мнимый Якимъ не опустилъ и этого извѣстія, только разсказалъ его по своему; у него, Рюрикъ по смерти братьевъ, переселяется изъ стараго Великаго града Сла-

Digitized by Google

венска въ Новый великій градъ ко Ильменю. и сажаетъ по всѣмъ градамъ князей изъ Славянъ и Варяговъ (конечно вмѣсто мужей, по Нестору). Все это, очевидно, сдѣлано въ исправленіе недобрѣсвѣдомаго Нестора; а вотъ и дополненіе къ тому же Нестору: по мнимому Якиму, Рюрикъ, по смерти отца, обладалъ Варягами; онъ имѣлъ нѣсколько женъ, и изъ нихъ особенно любилъ Ефанду, дочь князя Урманскаго. У Нестора написано: мужи Рюриковы Аскольдъ и Диръ отпросились у него въ Константинополь съ своимъ родомъ на дорогѣ завладѣли Кіевомъ, который въ это время платилъ дань Казарамъ. Нельзя опустить этого извѣстія и мнимому Якиму, и онъ, будто бы поправляя Нестора, пишетъ: «Поляне и Горяне приднѣпровскіе, утѣсняемые Казарами, прислали къ Рюрику съ просьбою, что бы прислалъ къ нимъ сына или инаго князя княжити, и Рюрикъ послалъ къ нимъ Аскольда». Несторъ сказалъ, что Аскольдъ и Диръ изъ Кіева ходили воевать въ Константинополь, и тамъ были разбиты чудесною бурею, и по нѣкоторымъ намекамъ, имѣющимся у Нестора, можно догадываться, что Аскольдъ и Диръ въ послѣдствіи крестились, что вполнѣ подтверждается тогдашними Византійскими писателями и нѣкоторыми славянскими памятниками. Мнимый Якимъ, пользуясь извѣстіями и намеками Нестора и подкрѣпляемый извѣстіями изъ Кедрина и Куропалата, помѣщенными у Баронія, пишетъ о походѣ Аскольда подъ Царьградъ и о крещеніи его. У Нестора, Рюрикъ, умирая, отдаетъ княженіе и малолѣтнаго сына Игоря, своему родственнику Олегу; и мнимый Якимъ говоритъ то же, только дополняетъ Нестора извѣстіемъ, что Олегъ былъ князь Урманскій и доводился Рюрику шуриномъ. У Нестора, Олегъ идетъ изъ Новгорода по Днѣпру внизъ и занимаетъ Кіевъ, убивши напередъ хитростію Аскольда и Дира; и мнимый Якимъ берется за тоже извѣстіе и, какъ будто бы поправляя недобрѣсвѣдомаго Нестора, говоритъ, что Кіевляне жаловались Олегу на Аскольда (вѣроятно за принятіе христіанства) и, когда Олегъ по ихъ жалобѣ подошелъ къ Кіеву, то измѣннически предали ему своего князя. Этой жалобой и измѣной Кіевлянъ, очевидно Якиму хотѣлось объяснить непонятную для него легкость, съ которою Кіевъ былъ взятъ Олегомъ. Несторъ сказалъ, что когда выросъ Игорь, то ему привели жену изъ Плескова, именемъ Ольгу; а въ Степенной книгѣ и въ Четиминеи сказано, что Ольга была родомъ изъ Изборска, изъ веси Выбутовской; и вотъ мнимый Якимъ поправляетъ Нестора по позднимъ свидѣтельствамъ, и говоритъ, «поятъ Олегъ Игорю жену отъ Изборска, (и прибавляетъ, придер-

Digitized by Google

живаясь своего прежняго баснословія) града Гостомыслова, иже Прекраса нарицашеся». Несторъ сказалъ, что Древляне убивши Игоря, просили черезъ посольство, чтобы Ольга вышла замужъ за ихъ князя Мала; а у Польскихъ хронистовъ, Длугоша, Бѣльскаго и Стрыйковскаго, Древлянскій князь, сватавшійся за Ольгу, названъ Мискинымъ или Нискинымъ; и мнимый Якимъ, какъ бы поправляя недобрѣсвѣдомаго Нестора, говоритъ: «Древлянскій князь Маль, сынъ Нискининъ, присла послы ко Ольгѣ». У Нестора сказано: «иде Ольга въ Греки и приде Царюгороду»... и тамъ приняла крещеніе. А Константинъ Порфирородный, описывая пріемъ Ольги при Константинопольскомъ дворѣ, между прочимъ упоминаетъ, что съ нею пріѣхалъ ея священникъ Григорій; и мнимый Якимъ, пользуясь извѣстіемъ Константина и желая объяснить почему Ольга, имѣя священника, не крестилась въ Кіевѣ пишетъ: «Ольга владѣя со сыномъ, и научена бывши отъ пресвитеръ сущихъ въ Кіевѣ, вѣрѣ Христовѣ, но крещенія народа ради пріяти не можаше; сего ради иде съ вѣрными вельможи ко Царю граду и пріявъ тамо крещеніе.» У Нестора, Ольга убѣждаетъ Святослава принять крещеніе; но тотъ не слушаетъ ея убѣжденій, и хотя не возбраняетъ креститься желающимъ, но смѣется надъ ними. Мнимому Якиму это показалось недостаточнымъ, и онъ, желая поправить не добрѣсвѣдомаго Нестора, пишетъ: «но Святославъ ни слышати хотя, а отъ вельможъ и смерть мнози пріяша, и вельми отъ невѣрныхъ ругаеми бяху». По Нестору, Святославъ воевалъ съ Козарами, Болгарами Дунайскими и Греками, и послѣ многихъ удачныхъ и неудачныхъ битъ пошелъ обратно съ Дуная на Русь, и на дорогѣ убитъ Печенѣгами; тоже говоритъ и мнимый Якимъ, только по своему гораздо сокращенное Нестора, но тѣмъ не менѣе какъ бы исправляетъ и пополняетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сказаніе Несторово; такъ онъ пишетъ, что Святославу въ войнахъ помогалъ тесть его, князь Венгерскій и Ляцкій, что Святославъ, разбитый на голову, за Дунаемъ, у стѣны долгіе, началъ гоненіе на христіанъ, бывшихъ въ его войскѣ, убилъ своего брата Глѣба и послалъ разорить и жечь христіанскіе храмы въ Кіевѣ, потомъ, отпустивши свое войско полемъ, самъ съ немногими, пошелъ по Днѣпру въ ладьяхъ и убитъ въ порогахъ Печенѣгами. Здѣсь, первое пополненіе о помощи Венгерскаго князя вѣроятно взято у Византійцевъ; именно, у Зонары и Кедрина, упоминается, что въ послѣднемъ походѣ Святослава, ему помогали Болгары, Печенѣги и Венгры; о родствѣ же Венгерскаго князя съ Святославомъ; очевидно мнимый Якимъ, пользуясь случаемъ, присочи-

Digitized by Google

нилъ самъ; долгая стѣна, при которой разбитъ Святославъ, также принадлежитъ къ Византійскимъ извѣстіямъ, именно Кедринъ говоритъ, что Императоръ Никифоръ, обозрѣвая Фракійскіе города, доходилъ до мѣста, именуемаго *великою стѣною*; гоненіе же на христіанъ, воздвигнутое Святославомъ, есть уже истинное сочиненіе Якима, ни кѣмъ другимъ не засвидѣтельствованное и образовавшееся въ головѣ составителя изъ того, что Святославъ, по свидѣтельству Нестора, не хотѣлъ креститься и смѣялся надъ тѣми, кто принималъ крещеніе; братъ Святославовъ, Глѣбъ, вѣроятно, тотъ самый племянникъ Ольгинъ, о которомъ упоминаетъ Константинъ Порфирородный, при описаніи пріема Ольги при Константинопольскомъ дворѣ; составитель мнимой Якимовской лѣтописи воспользовался симъ Константиновымъ извѣстіемъ и приплелъ къ своему разсказу Глѣба, Святославова брата, конечно двоюроднаго. У Нестора, Ярополкъ плакалъ надъ трупомъ убитаго своего брата Олега, потомъ Владиміръ въ войнѣ съ Ярополкомъ подкупилъ воеводу Блуда, и тотъ постарался измѣнически предать ему Ярополка. И мнимый Якимъ, развивая сіи два краткія извѣстія Несторовы, составилъ свой разсказъ, въ которомъ Ярополкъ является мужемъ кроткимъ, милостивымъ ко всѣмъ и особенно расположеннымъ къ христіанамъ, а Кіевляне усердными язычниками, ненавидящими Ярополка, зане христіаномъ даде волю велику, и предателями своего князя. У Нестора «Владиміръ иде къ Ляхомъ и зая грады ихъ, Перемышль, Червенъ и иные грады»; мнимый Якимъ прочелъ въ польскихъ хроникахъ, что въ Польшѣ современникомъ Владиміру былъ Мечиславъ, и потому, какъ бы дополняя или объясняя Нестора, написалъ: «Владиміръ, имѣя съ Мещемъ, княземъ Ляховъ и Лепчанъ, войну.... и дань погодну на Ляхи возложи». Несторъ съ подробностями пишетъ, что Владиміръ воевалъ съ Камскими Болгарами, что къ нему приходили послы отъ разныхъ народовъ и предлагали каждый вѣру своего народа, потомъ Владиміръ самъ посылалъ своихъ мужей, чтобы узнать, которая вѣра лучше, и наконецъ отправился войною на греческій городъ Корсунь, и по взятіи города тамъ крестился и взялъ себѣ въ супруги сестру Греческихъ Императоровъ Анну, и далѣе крестилъ Русскую землю. Несторовы подробности о всемъ этомъ, показались составителю мнимой Якимовской лѣтописи безсвязными и подозрительными, и онъ, придерживаясь главныхъ извѣстій Нестора о войнѣ съ Болгарами и о крещеніи, и какъ бы поправляя Нестора, составилъ свой разсказъ о всемъ этомъ дѣлѣ; у него Владиміръ, покончивши войну съ Ляхами, идетъ на Болгаръ (только, кажется, на

Digitized by Google

Дунайскихъ, а не на Камскихъ) побѣждаетъ ихъ, заключетъ миръ, принимаетъ крещеніе, креститъ своихъ дѣтей и всю Русскую землю, а болгарскій Царь Симеонъ, (умершій за долго до Владиміра) присылаетъ къ нему ученыхъ іереевъ и довольно книгъ; потомъ, Владиміръ посылаетъ въ Царь-градъ къ Императору и патріарху просить митрополита, которые и присылаютъ къ нему митрополита, Болгарина Михаила, четырехъ епископовъ, множество священниковъ, діаконовъ и пѣвчихъ изъ Славянъ. Въ нѣкоторыхъ позднихъ спискахъ Несторовой лѣтописи написано, что епископъ Якимъ Корсунянинъ прибылъ въ Новгородъ, разорилъ идольскія требища, а Перуна велѣлъ бросить въ Волховъ; потомъ, въ Степенной книгѣ сказано, что съ митрополитомъ для крещенія народа былъ посланъ въ Новгородъ Добрыня, и далѣе въ разныхъ мѣстахъ Несторовой лѣтописи и другихъ древнихъ памятникахъ встрѣчаются намеки, что язычество въ Новгородѣ и вообще на сѣверѣ долго и упорно удерживалось въ народѣ, и Новгородцы одинъ разъ возмутились противъ своего епископа и хотѣли разорить христіанскія церкви и опять обратиться къ язычеству. Сообразивши все это, составитель мнимой Якимовской лѣтописи, и желая сохранить послѣдовательность въ характерѣ Новгородцевъ, всегда упорныхъ и строптивыхъ, придумалъ ихъ выставить таковыми и при первомъ принятіи христіанства, и заставилъ епископа Якима говорить отъ своего лица: какъ онъ, вмѣстѣ съ Добрынею и Путятою, отправился въ Новгородъ, въ сопровожденіи воинскаго отряда; и какъ Новгородцы, чтобы не пустить ихъ въ городъ, разметали мостъ и стрѣляли въ нихъ; какъ Новгородскій тысяцкій Угоняй вопилъ всюду: лучше намъ помрети, неже боги наша дати на поруганіе; какъ потомъ Путята началъ битву съ Новгородцами и Добрыня зажегъ городъ, и тѣмъ принудили Новгородцовъ принять крещеніе, и будто бы сложилась въ народѣ пословица про Новгородцовъ: «*Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ*». Наконецъ, у Нестора сказано, что Владиміръ, до крещенія имѣлъ многихъ женъ, и Несторъ въ одномъ мѣстѣ даже упоминаетъ о нѣкоторыхъ женахъ Владиміровыхъ и ихъ дѣтяхъ, а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, какъ Владиміръ по крещеніи размѣстилъ своихъ сыновей по разнымъ городамъ. Мнимый Якимъ, не видя у Нестора, куда дѣвались Владиміровы жены, когда онъ крестился и вступилъ въ бракъ съ царевною Греческою, частію придерживаясь Несторовыхъ извѣстій о женахъ Владиміровыхъ и дѣтяхъ, а частію по собственному домышленію, дополняетъ Нестора и разсчитываетъ Владиміра съ языческими женами слѣдующимъ

Digitized by Google

образомъ: «Владиміръ, вскорѣ по крещеніи, упрошенъ бѣ, отпусти жены отъ себе, яко обѣща, и отпусти Вышеслава, иже родися отъ Оловы жены Варяжскія, въ Новгородѣ, Горислову съ Изяславомъ въ Полоцкѣ, ея же сына Ярослава въ Ростовѣ, Всеволода во Владиміръ, Предслову со сыномъ Святополкомъ въ Туровѣ, Манфридъ со сыномъ Святославомъ въ Овручь, Адиль со сыномъ Мстиславомъ въ Тмутаракань, а Станислава въ Смоленскъ, Анны царевны сыны, Бориса и Глѣба, при матери остави, но Глѣбу назначенова Муромъ, за не бѣ еще у грудей тогда. Прочихъ женъ и дочерей даде въ жены ближнимъ своимъ, неимущимъ женъ.» Симъ разсчетомъ Владиміра съ языческими женами оканчивается отрывокъ Якимовской лѣтописи, изданный Татищевымъ. Такимъ образомъ, мы перебрали всѣ извѣстія мнимаго Якимовскаго отрывка, и всѣ они, по очередно, оказались ни больше ни меньше, какъ плохими комментаріями на Несторовы извѣстія, комментаріями иногда пополненными баснословіемъ, а иногда извращающими и перепутывающими простое Несторово сказаніе; а Епископъ Новгородскій Якимъ, скончавшійся задолго до Нестора, не могъ писать комментарія на Несторову лѣтопись; слѣдовательно, отрывокъ этотъ приписывается Новгородскому Епископу Якиму несправедливо; можетъ быть, его писалъ и Якимъ, только не первый Новгородскій Епископъ, а какой нибудь любитель старины, жившій въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія, какъ уже было замѣчено выше. А потому мнѣніе Шлецера и его послѣдователей о мнимо-Якимовской лѣтописи остается справедливымъ; и г Лавровскій напрасно вооружался противъ него въ началѣ своего изслѣдованія. Лѣтопись сія, какъ сочиненіе XVIII столѣтія и при томъ исполненное баснословія и произвольныхъ вымысловъ, отъ начала до конца, не можетъ служить источникомъ для исторіи, а должна быть зачислена въ разрядъ поддѣлокъ; самъ издатель ея, Татищевъ, уже подозрѣвалъ ея несостоятельность и вѣроятно, на этомъ основаніи, не рѣшился внести ее въ текстъ своей исторіи.

Послѣднею статьею, въ настоящемъ выпускѣ «Ученыхъ Записокъ» Академіи, помѣщена въ высшей степени занимательная статья ор. Академика К. И. Арсеньева, носящая названіе: «Царствованіе Екатерины 1-й, 1725 —1727 г.» К. И. Арсеньевъ, пользуясь многими доселѣ неизвѣстными источниками, успѣлъ представить царствованіе Екатерины 1-й въ настоящемъ его свѣтѣ, и помѣстилъ, какъ въ своемъ разсказѣ, такъ и въ приложеніяхъ, много любопытныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Таковъ, напримѣръ,

Digitized by Google

проектъ барона Остермана сочетать бракомъ царевну Елисавету Петровну съ Великимъ Княземъ Петромъ Алексѣевичемъ, въ которомъ Остерманъ препятствія къ совершенію сего брака, открывающіяся по близости родства и неравенства лѣтъ, опровергалъ слѣдующими доводами: «1-е) никакого вящшаго несчастія Государству приключиться не можетъ и никакое раздѣленіе такъ опасно есть, какъ когда у онаго формальнаго наслѣдственнаго порядка и наслѣдника нѣтъ, или оное до диспутовъ дойдетъ; 2) что касается до близкаго родства, то изъ слова Божія ясственно есть, что въ началѣ, при сотвореніи міра, сестры и братья посягали и чрезъ то токмо человѣческій родъ распложался, ибо иныхъ людей не было, кромѣ которые отъ Адама и Евы рождены. Посему, не можно инако вѣрить, какъ что Россійское духовенство, по своему мудрому разсмотрѣнію, охотно на то свое позволеніе дастъ; 3) разность лѣтъ не такъ велика, чтобъ то за удовольственное препятствіе почтено быть могло понеже въ подобныхъ случаяхъ зѣло многіе примѣры находятся, что несходство лѣтъ сіе гораздо превосходило, и супружество однакоже изрядно преуспѣвало».

Или любопытна слѣдующая выписка изъ дѣла подъ заглавіемъ: «Корреспонденція съ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Репнинымъ о фамиліи Графа Скавронскаго, (письмо князя Репнина къ кабинетъ-секретарю Макарову, изъ Риги, отъ 15 декабря 1722 года)». Генералъ прокуроръ Ягужинскій писалъ къ князю Репнину о сыскѣ нѣкотораго крестьянина. Сей послѣдній отысканъ и взятъ подъ крѣпкій караулъ, а потомъ отправленъ въ Москву къ кабинетъ-секретарю Макарову (письма Федора Чекина къ Макарову, изъ Вологды, отъ 1-го марта и 4-го октября 1723 года, и полковника Милорадовича отъ 16 октября того же года). Въ 1723 году, дано было Федору Чекину Высочайшее повелѣніе о сыскѣ Лифляндца Дидриха, Самуйлова сына, Сковароцкаго, и для сего посланы нарочные въ Галицкую провинцію и къ штабъ и оберъ-офицерамъ, о чемъ донесено и Императрицѣ Екатеринѣ 1-й; но сего Лифляндца не сыскано ни въ Архангельской, ни въ Вологодской, ни въ Устюжской, ни въ Галицкой провинціяхъ. Равнымъ образомъ, не нашли его въ Малороссіи, куда также послано было предписаніе. (Письма князя Репнина къ Макарову, изъ Риги, отъ 7-го апрѣля и 13 іюня, 1723 года и отъ 4 іюня 1725 года). Объ отысканіи фамиліи Сковронскихъ, писано было и къ князю Репнину. Въ слѣдствіе сего, въ полумилѣ отъ мѣстечка Тишки озера въ деревнѣ Догабешъ, принадлежащей шляхтичу Лоуренцкому, сыскана жена Лифляндскаго

Digitized by Google

обывателя Карлуса Самуйлова сына Сковороницкаго. Ее убѣждали ѣхать къ своему мужу и объявили ей, что онъ содержится во всякомъ довольствіи; но она никакъ на то не согласилась. Мужа сей женщины и дѣтей ихъ велѣно было имѣть подъ присмотромъ. Въ 1725 году явилась къ князю Репнину другая женщина, и подала просьбу на польскомъ языкѣ, объявивъ словесно, будто она сестра Императрицы Екатерины 1-й, а родной братъ ея съ женою уже взятъ. Къ сему она прибавила, что въ 1721 году, во время пребыванія Императора Петра I-го и Императрицы въ Ригѣ, она была у Ея Величества, и тогда пожаловано ей 20 червонныхъ; послѣ чего опять отпущена въ домъ; нынѣ же съ мужемъ и дѣтьми живетъ въ Лифляндіи, неподалеку отъ Риги, въ деревнѣ Кегему. Въ просьбѣ своей она жаловалась на худое обращеніе съ нею помѣщика и просила доставить ей способъ явиться къ Императрицѣ. Князь Репнинъ приказалъ содержать сію женщину подъ карауломъ въ домѣ ея, съ мужемъ и дѣтьми. (Примѣчаніе) просьба ея подписана. «Кристина Семеновна Сковрощанка.» (Отпускъ съ письма Макарова къ Князю Репнину отъ 17 іюля 1725 года.) Послѣдовало Высочайшее повелѣніе отправить извѣстную женщину со всею фамиліею въ С.-Петербургъ съ курьеромъ, который нарочно для того присланъ будетъ. (Три письма Князя Репнина 1725 года.) Послѣ сего Князь Репнинъ извѣстился, отъ посланнаго въ Польскія Лифлянты офицера, что тамъ находится большая сестра сей женщины, которая съ мужемъ своимъ и дѣтьми также говоритъ о себѣ безопасно. Онъ туда отправилъ того же офицера, чтобы, подговоря ихъ, привезти въ Ригу. Офицеръ, возвратясь въ Ригу, привезъ отъ нихъ письмо, въ которомъ написано: что нынѣ они желаютъ ѣхать въ Россію; только на заплату долговъ и на подъемъ просятъ 100 рублей. Упоминаемая женщина съ мужемъ и четырьмя дѣтьми привезена была въ Ригу; долги ихъ оплачены и положено содержать ихъ, какъ и первыхъ, подъ карауломъ, давая имъ достаточное содержаніе; но они жаловались, что содержатся столь долгое время. (Отпускъ письма Макарова къ Князю Репнину, отъ 23 января 1726 года.) Для отвезенія сихъ людей въ С.-Петербургъ, наряженъ былъ сержантъ Микулинъ. Съ нимъ посланы въ Ригу двои сани, три мѣха лисьихъ и пять косяковъ камокъ, для сдѣланія имъ теплаго платья; если же чего бы недостало, то велѣно купить и исправить все, чтобъ безъ нужды могли доѣхать до Петербурга.

Или еще любопытнѣе представленіе членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта о состояніи Россіи въ 1726 году, и мѣры, принятыя

Digitized by Google

Императрицею Екатериною, для отвращенія безпорядковъ, открытыхъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, К. И. Арсеньевъ пишетъ: «По учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ теченіе цѣлаго года, система правительственная оставалась безъ всякихъ видимыхъ измѣненій. — Члены Совѣта разрѣшали важныя дѣла текущія и, не предпринимая пока ничего новаго, всматривались долго въ устройство Государства и состояніе народа; вникали въ учрежденія Петра I-го, имъ начатыя и конченныя, равно какъ и въ начатыя, но не вполнѣ совершенныя; разсматривали, въ какой мѣрѣ полезны первыя, и нужно ли доканчивать или довершать послѣднія, и на основаніи своихъ разсмотрѣній и наблюденій они, каждый порознь, представили Императрицѣ замѣчанія свои о состояніи Государства».

Существо замѣчаній членовъ Верховнаго Совѣта, заключалось въ слѣдующемъ:

1-е. Крестьяне, самый многочисленный классъ обитателей въ Государствѣ, не только не достигли возможнаго благоденствія, но *приходятъ въ крайнее и всеконечное разореніе отъ великихъ податей, непрестанныхъ экзекуцій, хлѣбнаго недороду и въ особенности, отъ угнетенія со стороны земскихъ властей и войскъ.*

2-е. Великія злоупотребленія во внутреннемъ управленіи и притѣсненія поселянамъ происходятъ преимущественно отъ множества властей, надъ ними поставленныхъ, какъ военныхъ *отъ солдата до штабъ и до генералитета, а изъ гражданскихъ отъ фискалъ-коммиссаровъ, вандмейстеровъ и прочихъ до воеводъ, изъ которыхъ иные не пастырями, но волками называться могутъ; тому же подобны многіе прикащики, которые, за отсутствіемъ помѣщиковъ, надъ бѣдными крестьянами чинятъ, что хотятъ.*

3-е. Распредѣленіе повинностей и взиманіе земскихъ сборовъ поручено воинскимъ чинамъ разныхъ степеней; *нынѣ для подушнаго сбора 400 или 500 командировъ*; отъ того, произвольность въ распредѣленіи повинностей, неуравнительность въ раскладкѣ и часто насильственные способы взиманія податей, и слѣдственно разореніе селеній.

4-е. Расселеніе войскъ по дистриктамъ (уѣздамъ) на квартированіе, сдѣланное по волѣ Петра Великаго, влечетъ за собою, какъ многолѣтній опытъ доказалъ, великія неудобства: 1) помѣщики и крестьяне терпятъ отъ солдатъ обиды, особенно когда офицеры въ отсутствіи и въ далекѣ; *а легко ли крестьянину, оставя свою работу, съ солдатомъ въ судъ идти?* 2) Содержаніе полковыхъ дворовъ и солдатскихъ квартиръ обременительно и для казны и для кре-

Digitized by Google

стьлиъ; и притомъ 3) полку, расположенному на 50 или 100 верстномъ разстояніи, трудно собираться для смотровъ и ученій, и что еще важнѣе, какъ могутъ офицеры *предостерегать всякіе непорядки и удерживать солдатъ отъ своевольствъ и побѣговъ*?

5-е. По недостатку денегъ и по трудности пріобрѣсть оныя, крестьяне не своевременно выплачиваютъ подати, и не рѣдко, при дурномъ способѣ взиманія оныхъ, вовсе не въ состояніи отправлять повинностей своихъ,— отъ того великія недоимки и убытокъ для казны.

6-е. Производство дѣлъ въ вотчинной и юстицъ-коллегіяхъ недовольно быстро и правильно, отъ того волокиты и разореніе просителямъ.

7-е. Источники доходовъ скудны, расходы далеко выше доходовъ, отчетности въ употребленіи государственной казны нѣтъ никакой, даже нѣтъ вѣдомостей или табелей о приходѣ и расходѣ ни въ Императорскомъ-Кабинетѣ, ни въ Верховномъ Совѣтѣ; отъ того, правительство затрудняется въ своихъ дѣйствіяхъ и не въ силахъ удовлетворить самонужнѣйшимъ потребностямъ государства.

Вмѣстѣ съ замѣчаніями, члены верховнаго совѣта внесли на усмотрѣніе Императрицы и предположенія свои къ поправленію неустройствъ и *къ приведенію внутреннихъ дѣлъ въ лучшій и желанный порядокъ*.

Екатерина, разсмотрѣвъ и внимательно сообразивъ сіи замѣчанія и предположенія, дала въ 9 день 1727 года, Верховному Тайному Совѣту манифестъ, которымъ повелѣвалось дѣйствовать осторожно и постепенно къ измѣненію разныхъ частей государственнаго управленія, по къ мѣрамъ обезпеченія и благоустройства народнаго приступить немедленно.

1-е. Относительно войска. Такъ какъ войска и флота, по внѣшнимъ отношеніямъ, сократить нельзя, а доходы государственные незначительны, о новыхъ налогахъ невозможно и думать,—по симъ соображеніямъ, Екатерина повелѣла немедленно *учредить коммиссію изъ генералитета и флагмановъ*, при которой быть одному члену изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, одному изъ Сената и президенту изъ Камеръ-Коллегіи. Обязанностію сей Коммиссіи было: попеченіе о благоустройствѣ войскъ, приведеніе въ извѣстность оклада, необходимо нужнаго для содержанія арміи и флота, и указаніе и открытіе новыхъ источниковъ доходовъ для лучшаго содержанія военныхъ силъ, безъ всякой тягости народной (ук. 1727 февраля 9). Въ тоже время, указано было обратить особенное

Digitized by Google

вниманіе на Коммиссаріатъ, и дабы суммы, назначенныя на военное управленіе, употребляемы были правильно, выбрать добраго Генералъ-Кригсъ- Коммиссара (вмѣсто прежняго).

2-е. Для облегченія крестьянъ и для приведенія ихъ въ лучшее состояніе, повелѣно было единовременно убавить платежъ подушной подати за 1727 годъ одною третью и отсрочить сборъ остальныхъ двухъ третей до сентября мѣсяца. Это было временнымъ пособіемъ для народа; но на будущее время, Екатерина указала учредить особливую *Коммиссію для разсмотрѣнія состоянія городовъ и земель.* (ук. 1727 года марта 21.) Эта Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ Верховнаго Совѣта, составлена была изъ одного сенатора и нѣсколькихъ лицъ *изъ шляхетства всякихъ чиновъ.* Она должна была съ точностію опредѣлить, по скольку надобно взимать податей съ крестьянъ, и какъ для нихъ удобнѣе платить: съ душъ ли или съ дворового числа, съ тяголъ или съ земли? Ежели съ душъ, то такъ ли, какъ нынѣ у насъ производится, на основаніи общаго ревизскаго счета, или съ однихъ работниковъ, не считая малолѣтныхъ и стариковъ, какъ установлено въ Швеціи... При опредѣленіи мѣры или количества платежа податей, коммиссія должна была руководствоваться умѣренностію и щадливостію, и вообще держаться того правила, чтобы *подать была всѣмъ сносна и всегда могла быть выплачиваема бездомочно.*

3-е. По больному числу правителей, чиновниковъ и канцелярій, обременительному для народа, повелѣно: надворные суды, лишнихъ управителей, ненужныя канцеляріи и конторы по губерніямъ упразднить, и *положить всю расправу и судъ на губернаторовъ и воеводъ; имъ же подчинить и городовые магистраты* (ук. 1727 февраля 24.)

4-е. По видамъ обезпеченія народа отъ хищничества сборщиковъ податей: *повелѣно всему генералитету, офицерамъ и рядовымъ, бывшимъ до того у переписи и ревизіи и разныхъ сборовъ, ѣхать немедленно къ своимъ командамъ и впредь ни въ какіе сборы не вступать.* Вся податная часть поручена съ тѣхъ поръ завѣдыванію воеводъ, съ помощію одного штабъ-офицера въ каждой провинціи.... Избраніе воеводъ, *которые бъ всѣ были добрые и безпорочные люди,* производить по *должной присягѣ, безъ всякаго пристрастія* (ук. 1727 февраля 9 и 21, марта 15). Назначеніе на мѣста провинціальныхъ воеводъ предоставлено Верховному Совѣту, а выборъ городовыхъ воеводъ зависѣлъ непосредственно отъ мѣстнаго губернатора.

Digitized by Google

5-е. Соглашаясь съ мнѣніемъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, что расположеніе войскъ по дистриктамъ неудобно и разорительно, Екатерина повелѣла селить полки слободами при городахъ, по примѣру какъ прежде при Москвѣ были поселены лейбъ-гвардіи Бутырскій и Лефортовскій, а нынѣ въ С.-Петербургѣ поселяются гвардія, Ингерманландскій и Астраханскій полки.

6-е. По крайнему безденежью, крестьяне, *для* уплаты подушныхъ денегъ, принуждены бываютъ нерѣдко продавать хлѣбъ за половину цѣны. Дабы отвратить это зло на будущее время, Екатерина постановила взимать съ крестьянъ *подушный окладъ деньгами половину, или двѣ трети, а другую половину или треть провіантомъ или фуражемъ*, или позволить крестьянамъ *давать столицамъ на квартирахъ полкамъ порціоны и раціоны въ натурѣ*.

7-е. Къ отвращенію злоупотребленій по юстицъ-коллегіи Екатерина не сдѣлала ничего; въ манифестѣ своемъ, ограничилась она изъявленіемъ *наилучшимъ образомъ ее учредить* и имѣть всегда людей *искусныхъ въ правахъ, какъ Россійскихъ такъ и Лифляндскихъ*. Не сдѣлано было также ничего рѣшительнаго къ преобразованію вотчинной коллегіи; по крайней мѣрѣ, здѣсь поставлено на видъ Верховному Совѣту, что такъ какъ волокиты и раззоренія происходятъ преимущественно отъ того, что многіе по вотчиннымъ тяжбамъ пріѣзжаютъ въ Петербургъ изъ весьма отдаленныхъ провинцій и отъ того терпятъ большіе убытки; то разсмотрѣть, *не лучше ли сію коллегію раздѣлить на двое, чтобъ одна была въ Петербургѣ, а другая въ Москвѣ?* Верховный Совѣтъ, прежде разрѣшенія сего вопроса, желалъ знать, какимъ порядкомъ *и на какомъ основаніи производились вотчинныя дѣла въ прежніе годы, и какіе города подвѣдомы были помѣстному приказу, какіе приказамъ Казанскаго дворца и княжества Смоленскаго, и какіе разрядамъ Бѣлгородскому и Сѣвскому*, и проч.

8-е. Въ финансовомъ отношеніи, манифестомъ 9 января, повелѣно обратить особенное вниманіе на два главные предмета: на умноженіе доходовъ государственныхъ и на соблюденіе строгой отчетности въ употребленіи суммъ.

1.) Къ *умноженію государственныхъ доходовъ*, указаны слѣдующія мѣры: сборъ недоимокъ, уменьшеніе штата чиновниковъ, убавка жалованья у чиновъ воинскихъ и статскихъ, годовые отпуски военныхъ чиновъ, и наложеніе новыхъ пошлинъ по дѣламъ судебнымъ, вотчиннымъ и за повышеніе чинами и достоинствами. А.) *Для* сбора недоимокъ повелѣно учредить при Верховномъ Совѣтѣ

Digitized by Google

домочную канцелярію, по примѣру прежняго домочнаго приказа (ук. 1727 марта 13.) Б.). Закрытіе многихъ правительственныхъ мѣстъ и уменьшеніе числа чиновниковъ предпринято было съ цѣлію облегченія народнаго и водворенія лучшаго порядка въ дѣлопроизводствѣ, но еще болѣе съ цѣлію уменьшенія расходовъ. *Деньги, исходящія на содержаніе разныхъ правителей, канцелярій и конторъ сбережены будутъ, и на другія государственныя нужнѣйшія расходы употреблены быть могутъ.*

2.) По видамъ экономическимъ, или съ цѣлію сбереженія государственной казны, постановлено: *двѣ части офицеровъ, урядниковъ и рядовыхъ изъ шляхетства, отпускать въ домы, а оставлять при полкахъ только иноземцовъ и безпомѣстныхъ, которые безъ жалованья прожить не могутъ.* — Правительство, кромѣ сбереженія казны, здѣсь ожидало, что офицеры-помѣщики будутъ имѣть возможность наблюдать за порядкомъ въ деревняхъ своихъ и устроивать свое хозяйство.

Въ сборѣ и употребленіи пошлинныхъ денегъ по дѣламъ судныимъ и вотчиннымъ не было ни установленнаго порядка, ни правильной отчетности, и потому повелѣно было истребовать отъ вотчинной и Юстицъ-Коллегіи и отъ всѣхъ крѣпостныхъ конторъ и канцелярій вѣдомости, сколько, въ которомъ году, съ вершенныхъ дѣлъ взято пошлинъ и куда они употреблены въ расходъ. Приведеніе въ порядокъ и извѣстность пошлинныхъ суммъ, отстранивъ мздоимство и разные незаконные поборы въ судахъ, открыло правительству значительные доходы, которыми оно дотолѣ не пользовалось и даже о нихъ не вѣдало.»

Много еще любопытныхъ документовъ приложено къ прекрасной статьѣ К. И. Арсеньева, таковы напримѣръ: точная копія съ завѣщанія Императрицы Екатерины 1-й; слѣдствіе по дѣлу графа Девіера, и нѣсколько писемъ разныхъ лицъ, участвовавшихъ въ государственныхъ дѣлахъ того времени. Но разборъ нашъ перваго выпуска второй книги ученыхъ записокъ Академіи и такъ уже преступилъ предѣлы журнальной рецензіи, а по сему совѣтуемъ, желающимъ, обратиться къ самой книгѣ, которая безъ сомнѣнія будетъ прочтена съ пользою и не безъ удовольствія.

Digitized by Google

Собраніе писемъ Царя Алексѣя Михайловича съ приложеніемъ уложенія о Сокольничьемъ пути, съ пояснительною къ нему замѣткою *С. Т. Аксакова*, съ портретомъ Царя и снимками его почерка, изданіемъ *К. Т. Солдатенкова, издалъ П. Бартеневъ.* Москва, въ тип. Готье, 1856.

Въ наше время, значительно обогащается литература изслѣдованіями частной жизни нашихъ предковъ. Богатая количествомъ памятниковъ, литература XVI и XVII в., сохранила до насъ много сокровищъ, мало по малу открываемыхъ, издаваемыхъ и поясняемыхъ нашими учеными. За сдѣланное, искреннее имъ спасибо. Частная жизнь каждаго человѣка служитъ необходимымъ дополненіемъ иногда и поясненіемъ его внѣшней, гражданской дѣятельности. Эти условія еще сильнѣе въ жизни людей, занимающихъ высшую гражданскую и нравственную точку въ Государствѣ. Матеріалы къ поясненію жизни такихъ людей, смѣло могутъ стать въ ряду историческихъ пособій.

«Письма Царя Алексѣя Михайловича, говоритъ авторъ въ предисловіи, принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древней русской письменности. Они исполнены живой занимательности, непосредственно вводятъ читателя въ кругъ понятій и дѣятельности стараго времени и лучше всѣхъ другихъ историческихъ свидѣтельствъ изображаютъ лицо и характеръ писавшаго.»

«Эта особенность писемъ Царя Алексѣя Михайловича и была главнымъ побужденіемъ къ собранію и перепечатанію ихъ въ одну книгу изъ разныхъ книгъ и изданій, которыя, по высокой цѣнѣ, либо по рѣдкости, не вполнѣ доступны большинству читателей.»

Собраніе писемъ, авторъ раздѣлилъ на четыре отдѣла: 1) 25 писемъ къ Матюшкину и уложеніе сокольничья пути; 2) 4 письма къ Никону; 3) 2 письма къ кн. Одоевскому; 4) письмо къ семейству. Приложеніе составляютъ 2 грамоты въ Кирилло-Бѣлозерской монастырь; списокъ ловчихъ птицъ; fac-simile почерка и портретъ Царя Алексѣя Михайловича.

Первому отдѣлу авторъ предпослалъ извѣстія объ отношеніяхъ Матюшкина къ Алексѣю Михайловичу. Это введеніе, по возможности полное, особенно интересно исторіею писемъ къ Матюшкину, которыя переходили чрезъ многія руки, прежде чѣмъ попали къ С. А. Маслову.

Digitized by Google

«Судьба этихъ писемъ достойна замѣчанія. Они перешли по наслѣдству къ сыну Аѳанасія Ивановича (Матюшкина), Михаилу Аѳанасьевичу, любимцу Петра Великаго, принимавшему дѣятельное участіе въ Персидскомъ походѣ. Онъ вывезъ съ собою изъ Персіи маленькаго плѣнника Персіянина, по имени Шатра. Этотъ Шатръ принялъ св. крещеніе, выросъ и воспитался вмѣстѣ съ сыновьями Михаила Аѳанасьевича (изъ коихъ одинъ, Дмитрій, въ 1762 г., получилъ титулъ графа римской имперіи) и потомъ управлялъ имѣніями послѣдняго изъ Матюшкиныхъ, Михаила Михайловича, которому достались семейныя бумаги. Михаилъ Михайловичъ видно зналъ имъ цѣну: онъ сообщилъ копіи съ *собственноручныхъ* писемъ Царя Алексѣя Михайловича къ дѣду его, Императрицѣ Екатеринѣ, которая приказала хранить ихъ въ эрмитажѣ. Умирая, Матюшкинъ указывалъ домоуправителю своему Шатру и секретарю Лассенгефнеру на небольшой мѣшечекъ изъ толстой китайской ткани, какъ на семейную драгоцѣнность. По смерти его, мѣшечекъ перешелъ во владѣніе Шатра и достался въ наслѣдство сыну его, извѣстному въ нашей словесности, перелагателю псалмовъ Н. М. Шатрову. Долгое время, драгоцѣнныя бумаги оставались въ совершенной неизвѣстности. Самъ Шатровъ не придавалъ имъ большаго значенія; но онѣ не укрылись отъ просвѣщеннаго вниманія его пріятеля и товарища по службѣ, почтеннаго Степана Алексѣевича Маслова, нынѣ Секретаря Москов. Общ. Сельскаго Хозяйства. Около 1818 года, онъ пріобрѣлъ ихъ у Шатрова покупкою. Въ шелковомъ мѣшечкѣ нашлось 43 бумаги; въ числѣ ихъ, около 20 писемъ Петра Великаго и Екатерины I й къ Михаилу Аѳанасьевичу и 26 писемъ Царя Алексѣя Михайловича къ Аѳанасію Ивановичу. Первыя письма, С. А. Масловъ, которому мы обязаны сообщеніемъ этихъ подробностей, въ 1826 году, поднесъ Императору Николаю Павловичу, приказавшему хранить ихъ въ библіотекѣ главнаго штаба, такъ-какъ они, большею частію, содержатъ въ себѣ военныя распоряженія Петра Великаго. Письма же Царя Алексѣя Михайловича, за исключеніемъ трехъ собственноручныхъ (N XII XXI и XXII-го нашего изданія) и одного тарабарскаго, были сообщены г. Муханову, который, въ 1836 году, напечаталъ въ своемъ Сборникѣ. Въ томъ же году, г. Бередниковъ нашелъ вышеупомянутыя копіи въ эрмитажной библіотекѣ и обнародовалъ въ IV томѣ актовъ археографической экспедиціи (N 100) въ числѣ 7-ми: тутъ появились и три письма, которыхъ недоставало въ Мухановскомъ Сборникѣ.

Digitized by Google

Сдѣлаемъ теперь выписки изъ нѣсколькихъ, самыхъ замѣчательныхъ писемъ, имѣющихъ отношеніе къ частной жизни Царя Алексѣя Михайловича.

Первые восемь писемъ, хотя большія по объему, не представляютъ особаго интереса. Въ девятомъ, Царь пишетъ: «жалуючи тебя, объявляемъ: нашие Государские охоты сибирской кречатъ молодикъ свертяй, статьи Івана Ярышкина, добывалъ коршака дикова в Тверскихъ поляхъ великое время и розбивъ, добылъ славною кречатьею добычею в великомъ верху; да вѣдомо намъ Великому Государю учинилось, *что пропалъ у тебя чилигъ кречатей, а которой чилигъ пропалъ, и что у тебя кречаты и чилиги добываютъ и по скольку птицъ и какихъ добыли, и тебѣ бъ о томъ намъ к Великому Государю отписать имянно; да князь Юрьй Ромодановскаго кречетъ сибирской молодикъ добыхъ в Тверскихъ поляхъ коршома дикова, истинно вѣрно такъ.*»

О близкихъ, короткихъ, дружескихъ сношеніяхъ Матюшкина съ Царемъ, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее мѣсто изъ девятаго письма послѣдняго:

«А съ кѣмъ бой былъ и тѣхъ Нѣмцевъ всего было двѣ тысячи, нашихъ и больше было, да такъ грѣхъ пришелъ. А о Матвеѣ не тужи: будетъ здоровъ, впередъ ему къ чести; радуйся, что люди цѣлы, а Матвей будетъ по прежнему. *А потомъ здравствуй, и не унывай, и насъ не забывай!*» (с. 54.)

Также мѣсто, изъ XVII-го письма (с. 64): «Милостію Божіею родился тебѣ сынъ Ѳеодоръ и мы Великій Государь жалуючи тебя поздравлемъ, и указали тебѣ быть к Москвѣ на время, *і видѣть наши Государские пресвѣтлые очи.*»

Въ письмѣ XXI-мъ (с. 76):

«Да отпиши ко мнѣ, Ульяна и Кнеиня Настасья у сестръ ли, или нѣтъ, и были ль онѣ безъ тебя и сколь долго были, да *и сестра твоя тутъ ли, или нѣтъ?* да спрошай отъ меня о здоровьи Ульяны Собакиной, *да сестры своей Анисьи.*»

Въ письмѣ XXII-мъ (с. 77):

«Нарядись въ ѣздовое платье, да съѣзди къ сестрамъ, будто ты отъ меня пріѣхалъ, да спрошай о здоровьѣ, да скажи, что я буду въ воскресенье, что будемъ, а то какъ, что въ понедѣльникъ часу въ четвертомъ дни.»

XXIV-е письмо наполнено подробностями о Царской, любимой соколиной охотѣ Царя Алексѣя Михаиловича.

Digitized by Google

Въ «Уложеніи Сокольничья пути», весьма интересно, въ литературномъ отношеніи, вступленіе:

«Что̀ всякой вещи потреба? Мѣраніе, счисленіе, составленіе, укрѣпленіе; по томъ *въ ней*, или *около нея*: благочиніе, устроеніе, уряженіе. Всякая же вещь безъ добрыя мѣрѣ и иныхъ вышеписанныхъ вещей бездѣльна есть, и не можетъ составиться и укрѣпиться.»

«Паче же почитайте сію книгу *красныя и славныя охоты*, прилежные и премудрые охотники, да многія вещи добрыя и разумныя узрите и розумѣете. Аще съ разумомъ прочтете, найдете всякаго утѣшнаго добра; аще же ни *наслѣдите всякаго неутѣшнаго зла*.» (с. 90).

«О славные мои совѣтники и *достовѣрные* и премудрые охотники! радуйтеся и веселитеся, утѣшайтеся и наслаждайтеся сердцами своими, добрымъ и *веселымъ* симъ *утѣшеніемъ* въ предъидущія лѣта» (с. 92).

За тѣмъ слѣдуетъ самое уложеніе, первая часть котораго раздѣлена на 12 статей; 2 часть: «о яствѣ и о рѣчахъ» не дошла въ подлинникѣ; 3-ю составляетъ: «Роспись государственнымъ охотникамъ, кому которыхъ птицъ указано держать.»

Подлинная замѣтка къ «Уряднику» С. Т. Аксакова, составлена съ спеціальнымъ знаніемъ дѣла. Въ ней объясняютъ слова *кречетъ* и *ващага*.

Извѣстія объ отношеніяхъ п. Никона къ Алексѣю Михайловичу, по отношенію приводимыхъ 4-хъ писемъ послѣдняго, слишкомъ кратки. Многое въ самыхъ этихъ письмахъ можно еще толковать, пояснять и проч.

Замѣчательно начало I-го письма: (с. 151.)

«Избранному и крѣпкостоятельному пастырю и наставнику душъ и телесъ нашихъ, милостивому, кроткому, благосердому, беззлобивому, но и паче же любовнику и наперстнику Христову и рачителю словесныхъ овецъ (*). О крѣпкій воине и страдальче Царя Небеснаго, о возлюбленный мой любиче и *содружебниче* Святый Владыко! моли за меня грѣшнаго, да не покроетъ мя тимѣнія глубины грѣховъ моихъ, твоихъ ради молитвъ святыхъ.»

Выписываемъ болѣе замѣчательныя мѣста изъ статейнаго списка о принесеніи мощей въ царствующій градъ Москву, Іова патріарха Московскаго и всеа Русіи Чутворца и проч.

(*) Это выраженіе напоминаетъ мѣсто въ Патерикѣ, житіе Ѳеодосія: «придѣт-*богословесная* овчата» и проч.

Digitized by Google

«А встрѣчали тѣ его честные мощи въ селѣ Гущинѣ, за 12 верстъ до Москвы, по Іосифовской дорогѣ, а изъ Гущина несли на главахъ стрѣльцы до самой Москвы, и азъ многогрѣшный Царь встрѣчалъ съ Патріархомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣмъ государьствомъ отъ мала и до велика, и многолюдно таково было, что не вместилися отъ Тверскихъ воротъ по Неглиненскія ворота, и по кровлямъ и по переулкамъ *яблоку негдѣ было упасть*, а пожаръ весь занятъ людьми пѣшими, нельзя ни пройти, ни проѣхать; а кремль велѣлъ запереть, инъ и такъ на злую силу пронесли въ соборъ: такая тѣсность было, старые люди говорятъ, лѣтъ за семьдесятъ не помнятъ такой многолюдной встрѣчи; и патріархъ нашъ отецъ со мною жаловалъ, плачучи говорилъ: «вотъ де смотри государь, какова хорошо за правду стоять; и по смерти слава.» (с. 157, 158.)

Любопытно описаніе послѣднихъ дней Іосифа Патріарха:

«И посидя не много, я всталъ и его поднялъ, и такъ его начало знобить, не смогъ и Достойно проговорить, Славу проговорилъ съ отпускомъ на силу; да почелъ ко мнѣ прощенія говорить, что, говорятъ въ среду на страстной, а я ему отвѣщалъ по уставу, да самъ почелъ прощеніе къ нему творить, да поклонился въ землю ему, а онъ малой поклонъ сотворилъ, да благословилъ меня, да велѣлъ себя весть провожать меня, а ноги те волочитъ на злую силу и я сталъ и учалъ его ворочать: «воротися, государь, ей пуще тебѣ будетъ»; и онъ мнѣ жалуетъ говоритъ: «ино су я тебя и въ другорядь благословлю»; и я молвилъ: «пожалуй же, государь великій святитель, благослови и трежицею»; и онъ пожаловалъ и въ третій благословилъ, да какъ благословитъ и руку дастъ цѣловать и въ херувимъ; и я благословясь, да поклонился въ землю ему и поцѣловалъ въ могу, и онъ смотря на меня, благословляетъ и прощаетъ, да и оборотился, да и повели его въ задніе кельи, а я пошелъ въ себя.» (с. 161, 162).

«А отецъ духовный тое жъ разрѣшительную молитву говорилъ тайно подшедчи къ нему (Іосифу), трежъ спусканія въ землю, какъ начали канонъ на погребеніе пѣть. Да такой грѣхъ, владыко святый, погребли безъ звону: всѣ поззбыли въ страсѣ; я вспамятовалъ какъ почали поклоны класть за него, такъ я велѣлъ звонить послѣ погребенія доколе мы всѣ поклоны клали, а въ ту пору звонили, а прежнихъ патріарховъ съ звономъ погребали.» (с. 173, 174.)

Статейный этотъ списокъ, замѣчательный историческій памятникъ; въ немъ есть много мѣстъ, прекрасныхъ въ литературномъ отношеніи. Въ III письмѣ, Царь пишетъ:

Digitized by Google

«Да пожаловати бы тебѣ великому святителю помолитися, чтобы Господь Богъ умножилъ лѣтъ живота дочери моей, а къ тебѣ она святителя крѣпко ласкова; да за жену мою помолитеся, чтобы ради твоихъ молитвъ разнесъ Богъ съ рабеночкомъ; а уже время спѣетъ, а какой грѣхъ станетца, *и мнѣ, ей, пропасти съ кручины*; Бога ради, моли за нее..... Да буди тебѣ, великому святителю вѣдомо: яко многолѣтны у насъ поютъ вмѣсто патріархи: спаси, Господи вселенскихъ патріарховъ, и митрополитовъ и архіепископовъ нашихъ и вся христіяне, Господи, спаси.» (с. 211.)

Въ видѣ 4-го письма, помѣщена Государева грамота о наименованіи Воскресенскаго монастыря Новымъ Іерусалимомъ.

Изъ писемъ къ кн. Одоевскому, 3 перепечатаны изъ нашего журнала 1851 года; — это самое любопытное; — слѣдовательно мы на нихъ не остановимся, но выпишемъ слѣдующее мѣсто о возвращеніи мощей Филиппа митрополита:

«А какъ принесли на пожаръ къ Лобному мѣсту, тутъ опять дѣвицу исцѣлилъ; при посланникѣхъ литовскихъ.. .. а какъ его свѣтовы мощи поставили на Лобномъ мѣстѣ, всѣ прослезилися: пастырь гонимый *по напрасньству*, возвращается вспять и грядетъ на свой престолъ.» (с. 223).

Письмо къ своему семейству, не представляетъ никакого интереса. Приложенныя двѣ грамоты въ К.-Бѣлозерск. монастырь заимствованы изъ 4 т. Акт. Арх. и изъ 3 т. Дополн. къ Акт. Историч. Первая оканчивается такъ:

«І вамъ бы сей грамоте вѣрить, и здѣлать бы і уберечь ото всякого дурна, съ нимъ поговоря противъ сей грамоты, да отнутбы нихто не вѣдалъ хоти і выедетъ куды; а естли свѣдаютъ, *и я свѣдаю, і вамъ быть кожненымъ*.....» (с. 244.)

2-я грамота есть родъ открытаго листа, подорожней Б. И. Морозову.

Изданіе заключается спискомъ ловчимъ птицамъ, которыхъ нѣтъ въ «Росписи государевы охотникамъ» (въ урядникѣ) и составленъ по списку въ статьѣ А. Попова: *сокола и кречета Ц. А. Мих.* (Русск. Бесѣда, кн. 2.); слѣдуетъ fac-simile почерка Царя Алексѣя Михайловича.

Приложенный въ началѣ портретъ Царя Алексѣя Михайловича снятъ съ оригинала Погодинскаго собранія: снятъ вѣрно и хорошо гравированъ.

Примѣчанія должны бы стоять въ концѣ книги; поставленныя въ концѣ всякаго письма, они мѣшаютъ наглядности. Гг. Бартеневъ, Безсоновъ и Аксаковъ сообщили въ нихъ очень много дѣльнаго и любопытнаго, чтобъ ни говорили противники. *Г.*

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ НЕВѢСТЫ И ЖЕНИХИ.

Статья I.

(Невѣсты).

Принимаясь за перо, чтобъ писать эту статью, я вѣроятно возбужу много возраженій и споровъ, а можетъ быть и неудовольствія со стороны московскихъ невѣстъ и женіховъ. Ежели бы я была сама невѣста, то, признаюсь, и по чувству дѣвической скромности и по неопредѣленности положенія не осмѣлилась бы высказать то, что будетъ мною высказано теперь; я бы не рѣшилась изобразить всѣ тѣ маленькіе маневры, которые употребляютъ невѣсты для уловленія женіховъ; я бы побоялась возстановить противу себя большинство холостыхъ мужчинъ, выставляя ихъ ничтожество, и тѣмъ подвергнуть себя опасности вѣкъ остаться въ дѣвицахъ; положеніе не предосудительное, даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, заслуживающее полное сочувствіе и уваженіе, но, надобно сознаться, очень неловкое.—Теперь я этого ни мало не боюсь: я замужемъ, я имѣю всѣ привилегіи чепца, могу выѣзжать одна, куда мнѣ угодно; отдавать отчетъ своему мужу въ моихъ дѣйствіяхъ по мѣрѣ моего благоусмотрѣнія; принимать въ свою гостиную, кого мнѣ заблагоразсудится; дозволять себѣ громко высказывать свое мнѣніе о предметахъ, не подлежащихъ суду благовоспитанной дѣвицы, напримѣръ объ новомъ романѣ Жоржъ-Занда и объ нелѣпости нашихъ фатовъ, вставляющихъ для тона простое стеклышко въ свой глазъ; объ вѣтренности г-жи N. N. и объ заимствованной красотѣ г-жи A. A.; объ возможности супружескаго счастія, основаннаго на благоразумной предусмотрительности, и объ непрочности ро-

Digitized by Google

манческихъ идей; объ благоразумія нашихъ прапрабабушекъ и объ ветрености пудренныхъ русскихъ барынь, которыя хотѣли подражать французскимъ маркизамъ вѣка Людовика XV; не имѣя ихъ любезности, онѣ переняли у нихъ только безстыдство интриги; я могу явно разсуждать о греческихъ гетерахъ и римскихъ куртизанкахъ и находить ихъ совсѣмъ не такъ любезными, какъ хотятъ ихъ выставить нѣкоторые ослѣпленные поклонники древности; наконецъ я даже могу дозволить себѣ громко высказать мое сочувствіе къ такъ называемымъ, право не знаю почему, Славянофиламъ, и не согласиться, что Русь только начала свое политическое поприще со временъ Петра. — Правда, обо всемъ этомъ могла бы говорить и дѣвушка; но русская, а въ особенности московская барышня, обычаями и приличіями поставлена въ такое стѣснительное положеніе, что до выхода замужъ не можетъ имѣть своего мнѣнія, постоянно должна притворяться ничего непонимающею, и до тридцати-пяти-лѣтняго возраста, т.-е. покуда еще не утратила надежду выдти замужъ, смотрѣть такою глупенькою невинностью, что она по истинѣ и жалка и смѣшна, въ одно и тоже время. А въ слѣдствіе всего этого какъ не хотѣть русской барышнѣ выдти замужъ, какъ не желать избавиться отъ этого невыносимаго положенія. Пусть она соединитъ свою судьбу съ человѣкомъ въ десять разъ менѣе ее получившаго образованіе; пускай супругъ ея, занятый службой, хозяйствомъ или клубомъ, даже погруженный въ апатичное состояніе тунеядца, совершенно не сочувствуетъ ей, она все-таки при этомъ господинѣ, понятія и чувства котораго нисколько не гармонируютъ съ понятіями и чувствами ея, будетъ гораздо довольнѣе, чѣмъ въ прежнемъ своемъ положеніи. И такъ, не осуждайте строго нашихъ невѣстъ, что онѣ пламенно желаютъ выдти замужъ; осуждайте лучше холостыхъ мужчинъ, которые не хотятъ свою «пустылую свободу» перемѣнить на семейныя узы; которые, боясь вліянія супруги, терпѣливо сносятъ иго любовницы, во сто разъ капризнѣйшей чѣмъ жена; избалованные разгульною холостою жизнію, наши мужчины съ трепетомъ мѣняютъ ее на святыя обязанности супруга, и прежде времени промотавшіе свое здоровье, часто ищутъ въ своей законной подругѣ не друга, а сердобольную сидѣлку у постели больнаго, или что еще того хуже, привыкнувши къ продажнымъ ласкамъ какой-нибудь временной сопутницы своей жизни и деспотическому съ нею обращенію, какъ съ собакой, они на вѣкъ соединяютъ свою участь съ этимъ грязнымъ существомъ.

Но обвиненія и оправданія въ сторону; винюсь въ своемъ от-

Digitized by Google

ступленіи и обращаюсь къ своему предмету. Мнѣ хочется изобразить въ легкомъ очеркѣ московскихъ невѣстъ и жениховъ во всѣхъ состояніяхъ и слояхъ московскаго общества.

Начинаю съ высшаго круга: московская аристократическая барышня (впрочемъ признаться сказать я сомнѣваюсь въ существованіи истинныхъ аристократовъ въ Москвѣ) или почитающая себя таковою, отличается тѣмъ, что она получила очень ограниченное классное образованіе, хотя лучшіе, т.-е. знаменитѣйшіе, учителя давали имъ по билетамъ уроки; одно, чѣмъ отличаются эти дѣвицы, это тѣмъ, что онѣ почти всѣ безъ исключенія говорятъ по-англійски, хотя совершенно не имѣютъ понятія о британской литературѣ, но объ англійскомъ языкѣ ихъ родители позаботились еще съ малолѣтства: при нихъ находились англійскія гувернантки, большинство которыхъ въ Москвѣ отличается крайнимъ невѣжествомъ, ибо онѣ по большей части явились сюда, въ Россію, съ своими родственниками, выписанными изъ Нью-Маркета нашими спортсменами; сверхъ этого, для московской такъ называемой аристократки необходимо знаніе музыки, т.-е. умѣнье брянчать на фортепіанахъ или пожалуй и на арфѣ; ежели же есть хотя какой-нибудь голосокъ, то онѣ непремѣнно учатся пѣть, въ добавокъ, всѣ безъ исключенія, прекрасно говорятъ по-французски и понимаютъ языкъ Гёте и Шиллера; что же касается до другихъ наукъ, то они преподаются только для счета, и никогда ни передъ кѣмъ не выказываются и не высказываются ни по какому случаю. Дѣвица высшаго тона побоится хотя въ шутку показаться женщиной ученой. Самое ученіе музыки и языкамъ, въ этомъ высшемъ кругу, происходитъ иначе, чѣмъ въ другихъ слояхъ общества. Учителемъ музыки долженъ быть непремѣнно піанистъ, стяжавшій фокусъ-покусной игрой великую славу въ нашихъ аристократическихъ салонахъ, и ученицы этихъ господъ, приходящія въ восторгъ отъ музыкальныхъ погремушекъ своихъ преподавателей, съ экстазомъ и самоувѣренно барабанятъ этюды своихъ учителей, а о Бетговенѣ, Моцартѣ, Мендельсонѣ-Бартольди и тому подобныхъ композиторахъ имѣютъ темное понятіе, но говорятъ объ нихъ смѣло; прочтя книгу Улыбышева, увѣряютъ, что Моцартъ est sublime, про Бетговена слышали что онъ majestueux. Между собою эти милыя проказницы иначе не переписываются, какъ на французскомъ языкѣ, и очень часто съ примѣсью русскихъ словъ. Такъ одна сентиментальная дѣвица, влюбившаяся, на послѣднемъ балѣ передъ Великимъ постомъ, въ гусарскаго поручика, уѣхавшаго на первой недѣлѣ на Кавказъ, писала

Digitized by Google

къ своей подругѣ, между прочимъ, слѣдующую фразу: oui, chère Aline, je sens que mon existence est brisé que j'aurais bientôt la чахотка, que bientôt mon corps sera emporté à кладбище, viendras tu chère amie sur le tombeau de Marie L..... Признаться сказать, въ ихъ письмахъ и запискахъ нѣтъ ни складу, ни ладу, но все-таки опять, говорю, осуждать ихъ нельзя—виноваты ихъ воспитатели, которые со дня ихъ рожденія внушаютъ имъ, что надобно *не быть, а казаться*, и казаться онѣ умѣютъ; онѣ будутъ казаться чѣмъ вамъ, или лучше сказать чѣмъ имъ, угодно, но болѣе всего ихъ прельщаетъ плохо ими понятая эмансипація женщины. Имъ смертельно хочется казаться львицами, въ слѣдствіе этого онѣ отважно курятъ папиросы, отчаянно скачутъ на лошадяхъ Фрейтага, съ разрѣшенія маменекъ отправляясь на пикники, садятся самъ другъ съ молодыми мужчинами, и безъ ихъ разрѣшенія откровенно говорятъ поручику Д** что имъ нравятся его усы, а князю Х**, что влюблены въ его бакенбарды; при удобномъ случаѣ, не отказываются выпить лишній бокалъ шампанскаго, и однимъ словомъ—своими манерами стараются перещеголять парижскихъ лоретокъ. Въ недавнее, хотя уже прошлое время, въ этомъ избранномъ кружкѣ, вошелъ періодъ времени восхищаться музыкой и судить объ ней, и дочери московскихъ тузовъ громче всѣхъ кричали «браво Маріо» горячо обнимали Віардо и Лагранжъ, безъ всякихъ способностей учились пѣть у Ниссенъ-Саломанъ и дружески пожимали руку Аполлинарію Контскому; Вьетана онѣ не любили, онѣ находили его скучнымъ — онъ не игралъ Carnaval de Venise. Потомъ я помню эпоху Рашели. Боже мой! объ этой артисткѣ, объ чувствахъ и страстяхъ громче всѣхъ кричали молодыя особы высшаго круга; онѣ восхищались чуть не до обморока, и, разумѣется, не могли отдать отчета въ своемъ восхищеніи, и вѣроятно, .ежели Рашель слышала ихъ сужденія, то внутренно улыбалась и находила ихъ очень милыми невѣждами въ дѣлѣ сценическаго искусства. Какъ въ дѣлѣ искусства, такъ и въ дѣлѣ филантропіи, онѣ принимаютъ горячее; но безтолковое участіе. Настанетъ ли пора благотворительности и откроются филантропическіе базары въ пользу бѣдныхъ, Боже васъ оборони подходить къ ихъ избраннымъ столамъ—оберутъ до копейки, навяжутъ вамъ самымъ неделикатнымъ образомъ совершенно ненужныя вамъ вещи, насильно вотрутъ въ руки никогда не выигрывающіе лотерейные билеты, и ежели вы, читатель, вѣжливый, благовоспитанный человѣкъ, то не откажетесь эти билеты раздать вашимъ знакомымъ, или купить какой-нибудь воротничекъ или манжеты, вышитые ру-

Digitized by Google

ками какой-нибудь княжны. И для чего эти продѣлки? для чего это выказываньe своей личности? для чего этотъ парадъ чувствъ и знаній? — Все для одной цѣли, — все для того, чтобъ обратить на себя вниманіе и выдти замужъ! — Правда, не всѣ дѣвицы высшаго круга похожи на изображенныхъ мною только сейчасъ; я знала многихъ дѣйствительно получившихъ высокое классическое образованіе, скромныхъ безъ жеманства, простыхъ и милыхъ въ обращеніи, религіозныхъ безъ ханжества, готовыхъ помогать ближнимъ, вполнѣ чувствующихъ свое собственное достоинство, и безъ всякихъ уловокъ выходящихъ замужъ за богатыхъ и знатныхъ людей и разумѣется составляющихъ себѣ, какъ говорится, партіи скорѣе тѣхъ, объ которыхъ я говорила выше. Но, можетъ быть, вы скажете, эти молодыя актрисы большаго свѣта слишкомъ требовательны? О, нѣтъ, какой-нибудь гвардейскій офицеръ, молодой человѣкъ изъ правовѣдовъ и лицеистовъ, богатый и нигдѣ неслужащій баринъ, но непремѣнно породистый, составляютъ цѣль ихъ желаній — но увы! въ Москву пріѣзжаетъ мало дѣльныхъ гвардейскихъ офицеровъ, немного молодыхъ, благовоспитанныхъ чиновниковъ, очень рѣдко встрѣчаются матушкины сынки съ громкими титулами, а невѣстъ много, конкуренція тяжела, и ежели бы не Петербургъ, то половина ихъ, этихъ невѣстъ, остались бы вѣкъ свой невѣстами. Но Петербургъ, о! Петербургъ это Эльдорадо нашихъ дѣвицъ. Не повезло здѣсь, стукнуло двадцать два года, пора, пора замужъ, садитесь съ папенькой и маменькой въ особенный вагонъ—и маршъ по желѣзной дорогѣ въ сѣверную нашу столицу слушать Италіянскую оперу; тамъ все наоборотъ, чѣмъ у насъ въ Москвѣ: тамъ и большинство жениховъ преобладаетъ предъ большинствомъ невѣстъ; какъ знаютъ у насъ наперечетъ всѣхъ пріѣзжихъ молодыхъ мужчинъ, такъ тамъ извѣстны всѣ пріѣзжія невѣсты. Недавно въ Петербургѣ кредитъ московскихъ невѣстъ былъ очень великъ, теперь, по случаю многихъ недочетовъ въ приданомъ, этотъ кредитъ много поубавился, но и по сію пору рѣдко, очень рѣдко эти поѣздки не удаются.

Московскія невѣсты средняго класса дворянскаго сословія подраздѣляются на нѣсколько отдѣленій. Во главѣ ихъ стоятъ дѣвицы, принадлежащія къ семействамъ людей служащихъ и уже довольно чиновныхъ, или занимающихъ видное мѣсто. Это московскія невѣсты средней руки; большинство ихъ воспитывалось въ частныхъ пансіонахъ, многія изъ нихъ получили начатки прекраснаго образованія, но рѣдкія получили образованіе окончательное, потому-что

Digitized by Google

имъ мало даютъ читать: то нѣтъ времени среди визитовъ, выѣздовъ баловъ, гуляній и всей этой ничтожной свѣтской московской пустоты; то папеньки и маменьки боятся дать имъ въ руки книгу, опасаясь тлетворнаго дѣйствія нѣкоторыхъ произведеній западныхъ литературъ на мягкіе умы своихъ дочерей; то сами барышни читаютъ тупо, не понимая того смысла, что таится между строками нѣкоторыхъ книгъ, а потому любимое ихъ чтеніе: историческіе романы Дюма, въ которыхъ исторія лживѣе нянюшкиной сказки, нравоописательные разсказы Сувестра, Мери, Фудраса, Монтепеня, Маке и проч. подобныхъ современныхъ французскихъ беллетристовъ; Бальзака имъ даютъ въ руки съ осмотрительностью, Жоржа-Занда рѣшительно не позволяютъ читать, и съ Notre-Dame de Paris онѣ знакомятся только по выходѣ замужъ; но, впрочемъ, ужь ежели которыя читаютъ изъ нихъ, то читаютъ преимущественно по-французски, изрѣдка онѣ прибѣгаютъ къ сочиненію русскихъ писателей—имъ очень нравится г-жа Туръ, которая съ такою подробностью описываетъ блѣдную жизнь Москвичей такъ называемаго высшаго круга. Выѣзжаютъ эти дѣвицы много, одѣваются, какъ бы вамъ сказать, съ особеннымъ *шикомъ* (извините за это неприличное слово, но по несчастью оно сильно укоренилось, и избѣгнуть его при какомъ-нибудь разговорѣ или разсказѣ трудно). Многія изъ этого сорта невѣстъ поютъ нѣкоторыя италіянскія аріи — и очень фальшиво, большинство—русскіе романсы, и мнѣ случалось двухъ или трехъ изъ нихъ слушать съ удовольствіемъ, но, впрочемъ, все-таки бы я желала, чтобы онѣ вовсе не пѣли, потому-что съ ними не пѣли бы и другія, которыхъ маменьки, папеньки, тетеньки и дядюшки заставляютъ прельщать молодежъ своимъ ни чуть непрелестнымъ голосомъ...

У каждой изъ московскихъ барышенъ этой категоріи есть альбомъ, исписанный стихами нашихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ туземныхъ поэтовъ; съ картинками, рисованными ихъ подругами, рисовальными учителями, художниками нашей школы художественной и Строгановской, инженерными офицерами; я видала даже въ этихъ альбомахъ снятыя или выдуманныя ситуаціи и чертежи фасадовъ разныхъ зданій, въ нѣкоторыхъ мнѣ попадались ноты, но ни въ одномъ не видала каррикатуръ, — ихъ замѣняютъ портреты, срисованные съ Смирдинскаго изданія Ста литераторовъ. Цѣль невѣсты чиновнаго круга выдти замужъ за чиновника или помѣщика, только вѣтреныя изъ нихъ мечтаютъ о кавалеристахъ, гвардейцахъ и прочихъ залетныхъ гостяхъ въ нашу бѣлокаменную Москву; дру-

Digitized by Google

тія, прельщенныя мундиромъ, мечтаютъ, съ упоеніемъ, объ инженерахъ, находя въ союзѣ съ ними всѣ удобства чиновническаго міра, соединенныя съ элегантною наружностью супруга, облеченнаго въ военную форму; впрочемъ, этихъ дѣвицъ съ перваго взгляда очень трудно различить отъ дѣвицъ высшаго круга; между ними есть только одно рѣзкое отличіе — полузнаніе англійскаго языка и постройка французской фразы, или лучше сказать, искаженіе ея на русскій ладъ. Что же касается до дочерей помѣщиковъ, являющихся въ огромномъ количествѣ каждую зиму, то большинство ихъ очень миленькія созданія — онѣ говорятъ окончательно скверно по-французски, учились у выписныхъ учителей, гувернеровъ ихъ братьевъ и гувернантокъ; занимались уроками между утреннимъ чаемъ, завтракомъ, обѣдомъ, полдникомъ и вечернимъ чаемъ. Какъ видите, онѣ ежели не воспитывались, то хорошо питались тучною деревенскою пищею; правда, нѣкоторыя изъ нихъ тоже учились въ пансіонахъ, но таковыхъ немного. Деревенскія барышни также читаютъ и читаютъ лѣтомъ среди сельской природы, едва ли не больше коренныхъ Москвичекъ, но читаютъ преимущественно только по-русски — именно журналы, выписываемые ихъ папашами, да книги, издаваемыя московскими книгопродавцами и привозимыя разнощиками. Этотъ печатанный товаръ покупается вмѣстѣ съ Мусатовской помадой, духами Ралле, ситцами Прохоровыхъ, одесскимъ сыромъ, залежалымъ французскимъ черносливомъ и прочими предметами потребленія сельскихъ помѣщиковъ. Когда-то любимый журналъ этихъ барышенъ былъ Библіотека для Чтенія; ихъ поражала критика Брамбеуса,— чудная критика! онѣ, бывало, по цѣлымъ часамъ смѣялись съ остроумнымъ рецензентомъ, и напролетъ всѣ ночи читали его повѣсти; теперь, теперь онѣ болѣе всего любятъ Современникъ, съ его длинными романами въ родѣ Три страны Свѣта, Мертвое озеро и проч. Тургеневъ имъ не очень нравится, онъ описываетъ Богъ знаетъ что такое, вотъ и недавно былъ разсказъ о господинѣ точь въ точь какъ ихъ сосѣдъ Иванъ Ивановичъ, а что хорошаго въ Иванѣ Ивановичѣ — ровно ничего; Григоровичу онѣ сочувствуютъ еще менѣе — тутъ все мужики да мужики, а о порядочныхъ людяхъ почти нѣтъ и помину. Стихи Некрасова очень хороши, очень жалостны, но послѣ нихъ бываетъ очень грустно. — Новый поэтъ, этотъ таинственный Новый поэтъ, для этихъ любительницъ русской литературы также очень интересенъ — онъ въ нѣкоторомъ родѣ замѣняетъ для нихъ барона Брамбеуса.

Digitized by Google

Московскія невѣсты изъ провинцій великія хозяйки; такія же хозяйки, какъ хлѣбосолы ихъ отцы и матери; много онѣ знаютъ хозяйственныхъ тайнъ, онѣ умѣютъ предохранить отъ порчи ветчину, не допустить скоро кислуть сливкамъ, сберегать отъ моли шубы, сушить горошекъ, мариновать стерляди и телятину, солить артишоки и зеленые бобы, отваривать въ уксусѣ грибы, но эти знанія остаются до поры до времени подъ спудомъ, выказывается для свѣта только одно умѣнье варить варенья и дѣлать водицы. Обыкновенно это случается такимъ образомъ: къ папенькѣ и маменькѣ пріѣдутъ гости, между ними нѣсколько интересныхъ молодыхъ людей, т.-е. нѣсколько кандидатовъ въ мужья, — помѣщики и въ Москвѣ соблюдаютъ деревенскіе обычаи, и здѣсь идетъ

Обрядъ извѣстный угощенья
Несутъ на блюдечкахъ варенья,

и маменька, накладывая на тарелочку этого деревенскаго продукта какому нибудь Эрасту Ивановичу Чертополохину, говоритъ: Покушайте, покушайте, Эрастъ Ивановичъ, это необыкновенное въ Москвѣ варенье, это, (морошка, ежевика или кизиль, глядя откуда прибыли помѣщики), это варила у меня Ашинька.

И Ашинька краснѣетъ, вертитъ немилосердо въ рукахъ своихъ платокъ, или какъ-то особенно граціозно хохочетъ и говоритъ:

— Какія вы, maman, право, ну какое дѣло Эрасту Ивановичу, кто бы ни варилъ варенье, было бы оно только хорошо сварено.

— Ну ужь, Ашинька, извини; мы любимъ про тебя сказать что хорошо, что дурно, произноситъ ея достопочтенный родитель: это наша слабость, потому что ты у насъ одна, мы только и помышляемъ объ тебѣ; о комъ же намъ и говорить, какъ не о тебѣ... Вотъ я скажу, что ты лѣнива, любишь долго спать, лакомка, того и гляди, что испортишь всѣ зубы отъ варенья; но хозяйка, нечего сказать, хозяйка отличная, вотъ и водицы дѣлаешь отмѣнно, что твое шампанское. — Эй, человѣкъ, принеси-ка бутылочку водицы.

И водицу приносятъ. Родитель Ашиньки съумѣетъ сказать, что эта водица дѣлана изъ ягодъ собственнаго сада, а у него садъ большой, на пяти десятинахъ, однѣхъ яблонь восемьсотъ штукъ, да и все имѣніе отлично устроено, что въ его сельцѣ Лысый Хуторъ, Ижма тожъ, двѣсти сорокъ душъ и тысячу девятьсотъ шесть десятинъ земли — имѣніе хорошее, приноситъ ежегодно доходу пять

Digitized by Google

тысячъ рублей серебромъ въ годъ, и давно уже заложено въ Совѣтѣ — остается только платить лѣтъ двенадцать этотъ неминуемый помѣщичій оброкъ, а тамъ благосостояніе его Ашиньки будетъ чисто, какъ облупленное яичко. — И Эрастъ Ивановичъ притно улыбается, побливже садится къ молодой дамушкѣ, которая, слава Богу, еще не заражена недостатками нашихъ столичныхъ невѣстъ, не угоститъ его ноктюрномъ Делера, или не наведетъ тоски Гуралевской «Матушкой голубушкой».

Эти Ашиньки скорѣе всего выходятъ замужъ — отъ нихъ ожидаютъ болѣе, чѣмъ отъ другихъ, порядочнаго приданаго, да и о состояніи ихъ родителей легко навести справки, только стоитъ узнать — въ какомъ положеніи ихъ Совѣтскіе платежи, и сообразить это съ образомъ ихъ жизни. Къ тому же эти пріѣзжія невѣсты, или лучше сказать, ихъ родители не очень разборчивы на жениховъ — они съ удовольствіемъ отдаютъ свою дочь за пѣхотнаго офицера, обрекая ее бродячей жизни военной дамы; за палатскаго чиновника, который со временемъ будетъ ходатаемъ по дѣламъ и приберетъ въ руки ихъ сосѣдній округъ; за матушкина сынка, который съ папенькой будетъ гонять зайцевъ, а тамъ, наживъ дѣтокъ, самъ будетъ съ Ашиньками и Сашиньками являться въ Москву, чтобы пристроить ихъ замужъ. — Они, эти нѣжные родители, отдадутъ свою Анну Петровну замужъ за кого вы хотите — не отдадутъ только не за дворянина, потому что скажетъ объ этомъ предводительша, и потому, что дѣти Ашиньки не будутъ вправѣ владѣть ихъ Лысымъ Хуторомъ, Ижма тожъ.

Слѣдомъ за этими московскими невѣстами, я хочу сказать нѣсколько словъ о дѣвицахъ совершенно другаго круга, получившихъ совершенно особенное и отличное направленіе, именно, я хочу говорить о дочеряхъ людей ученыхъ, посвятившихъ себя наукѣ, и также о дочеряхъ литераторовъ, художниковъ, архитекторовъ; сюда же принадлежатъ дѣвицы, родители которыхъ посвятили себя военно-ученымъ и военно-учебнымъ предметамъ, а также и медицинѣ. Кромѣ послѣднихъ, и то не всѣ, московскіе жители, принадлежащіе къ этому классу, не могутъ похвалиться богатствомъ; многіе изъ нихъ только усиленными трудами завоевываютъ себѣ безнуждное существованіе настоящей минуты, а потому не ищите здѣсь у большинства невѣстъ блестящихъ и богатыхъ приданыхъ, но за то, по большой части, эти дѣвицы, ежели не могутъ принести за собой капитальнаго состоянія, то онѣ получаютъ превосходное образованіе; многія изъ нихъ не только знаютъ фундаментально ино-

Digitized by Google

странные языки, но хорошо знакомы и съ роднымъ своимъ языкомъ, что по сію пору, къ несчастію, еще большая рѣдкость между нашими женщинами; бѣднѣйшія изъ нихъ держатъ экзамены въ Университетѣ на степени преподавательницъ, другія, которыя побогаче и не предвидятъ надобности вступить въ чужой домъ учительницами, хотя и не подвергаютъ себя оффиціальному испытанію въ наукахъ, но тѣмъ не менѣе серьезно занимаются ими, нѣкоторыя работаютъ въ журналахъ, или какъ переводчицы, или какъ оригинальныя писательницы. — Можетъ быть, по предубѣжденію къ синимъ чулкамъ, вы скажете, любезный читатель, что жена-писательница сущее наказаніе, позвольте сказать не потому, что я сама писательница, но по чувству справедливости, что это ничто иное, какъ предразсудокъ. — Неужели синіе чулки, хуже чулковъ неопрятныхъ? неужели женщина, занимающаяся науками и литературой, будетъ худшею семьянинкою чѣмъ барыня, которая думаетъ только о своихъ нарядахъ и блестящихъ успѣхахъ въ модномъ свѣтѣ? Неужели женщина, преданная тихимъ кабинетнымъ занятіямъ, противнѣе той, которая по пословицѣ: «какъ чортъ на мельницѣ» деретъ горло, браняся съ утра до вечера съ своими домашними и прислугой? И наконецъ неужели нельзя съ литературой соединить исполненіе семейныхъ обязанностей? или вы боитесь по врожденной мужской гордости быть глупѣе своей жены? Успокойтесь. Ежели вы окончательно необразованы, ежели въ васъ мало достоинствъ истиннаго человѣка, подобная дѣвица и не пойдетъ за васъ замужъ. Будьте увѣрены, онѣ очень разборчивы въ своемъ выборѣ; ихъ не прельстишь богатствомъ, потому что онѣ привыкли болѣе или менѣе къ лишеніямъ; а иныя хотя по наслышкѣ, по умозрѣнію, знаютъ нужду, и не очень-то боятся ея; онѣ не пойдутъ замужъ потому только, что предлагаемый женихъ имѣетъ связи въ обществѣ; большинство ихъ отцовъ и братьевъ вышли же въ люди безъ всякихъ протекцій и связей, а только личными достоинствами; ихъ не очаруешь и одною свѣтскою любезностью — онѣ скоро разберутъ пустаго фата, и какъ разъ съ сожалѣніемъ, а часто и съ насмѣшкой, отвернутся отъ блестящей наружности съ пустымъ содержаніемъ, а потому, ежели такая дѣвица удостоитъ кого нибудь своей рукой, то избранный ею имѣетъ право гордиться, потому что жена его нашла въ немъ *человѣка*.

Совершенную противоположность между этими скромными, но умными и учеными представительницами московскаго женскаго пола, представляютъ нѣкоторыя дочери небольшихъ чиновниковъ. Эти

Digitized by Google

милыя особы учились дома или въ пансіонахъ чему нибудь и какъ нибудь; видимаго состоянія у ихъ родителей нѣтъ, а одѣваютъ ихъ по большой части прекрасно и роскошно; онѣ не принадлежатъ ни къ аристократическому обществу, ни къ многочисленному кругу помѣщиковъ, но величая себя и своихъ благородными, онѣ хотятъ усвоить и развязность аристократовъ и важность дочерей помѣщиковъ, разумѣется это имъ удается не совсѣмъ, и по милости этихъ полубарскихъ затѣй, онѣ, эти дочери чиновниковъ, изъ подражанія аристократамъ, очень смѣлы; изъ желанія дать себѣ вѣсъ, очень надмѣнны; разумѣется онѣ никогда ничего не читаютъ, никогда ни о чемъ не думаютъ, только и заботятся какъ бы подешевле «да по эффектнѣе» сдѣлать свой туалетъ и не уронить своего достоинства, а потому безпрестанно шмыгаютъ по Кузнецкому Мосту, высматривая моды, чтобы потомъ передать ихъ Авдотьѣ Егоровой, Надеждѣ Петровой, Маріѣ Соколовой, или тому подобнымъ рукодѣльницамъ, строющимъ на нихъ наряды; да хлопочутъ, чтобъ ихъ нѣжные папаши, желая имъ доставить удовольствіе быть въ театрѣ, не вздумали взять вмѣсто бель-этажа или бенуара ложу перваго ряда, или, чего Боже оборони, даже втораго. Это, по ихъ мнѣнію, срамъ, просто надобно умереть со стыда, когда ихъ увидятъ на такой вышинѣ, подумаютъ, что онѣ и въ самомъ дѣлѣ хуже чѣмъ другія; вотъ если кто нибудь сложится изъ сослуживцевъ папаши, — можно — это въ ихъ обычаяхъ, и тѣснота происходящая отъ осьми, десяти человѣкъ, помѣщающихся въ ложѣ, ихъ не пугаетъ — оно хотя и неудобно — но по крайней мѣрѣ все таки онѣ сидѣли рядомъ съ княгиней Д***, генераломъ И*** или помѣщикомъ К***, у котораго въ Саратовской губерніи четыре тысячи душъ; онъ вѣроятно, изъ особеннаго расположенія къ ихъ родителю, съ которымъ познакомился съ тѣхъ поръ, какъ его дѣло находится у него въ производствѣ, подарилъ ему вчера довольно толстую пачку ассигнацій, а для маменьки купилъ корову съ молокомъ. Какъ я любила на вечерахъ и въ Благородномъ Собраніи наблюдать за этими дѣвицами, сколько въ нихъ проявляется веселья, какъ неутомимо онѣ пляшутъ! и я подозрѣваю, что ихъ башмачникъ дѣлаетъ имъ обувь непремѣнно по особенному заказу и необыкновенной прочности, а то при ихъ пляскѣ въ сіи какъ разъ можно остаться безъ подошвъ. Въ маскерадахъ ихъ также легко отличить: ежели маска въ домино съ явными признаками сдѣланномъ изъ стараго платья, мистифицируя молодыхъ людей, громко визжитъ или ходитъ съ какимъ нибудь кандидатомъ въ женихи, какъ-то сентиментально склонивши голову къ плечу,

Digitized by Google

будьте увѣрены, что это невѣста изъ чиновническаго круга; правда, можно бы было предполагать, что это какая нибудь легкая женщина, разсчитывающая на цѣнность своей красоты, но тѣ ластятся по большой части къ господамъ совершенно безнадежнымъ для супружества.

Перехожу теперь къ невѣстамъ купеческаго сословія.... охъ нѣтъ, извините, мнѣ еще надобно сказать нѣсколько словъ о дѣвицахъ *военнаго происхожденія*, т. е. о дочерахъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, которыхъ служба или обстоятельства привлекли въ Москву. Большинство дочерей этихъ воиновъ получаютъ образованіе въ институтахъ, или на казенный счетъ за заслуги ихъ отцевъ, или на счетъ родителей, которые кочуя, съ своими полками изъ угла въ уголъ Россіи, не могутъ держать при себѣ или только съ большимъ затрудненіемъ таскаютъ съ собою гувернантокъ и поневолѣ должны довольствоваться учителями или учебными способами, которые у нихъ находятся подъ руками, а часто въ глуши уѣзднаго города они и совершенно лишены всего этого; потому благоразумнѣйшіе отдаютъ своихъ дочерей, какъ я говорила выше, въ институты, гдѣ подъ высокимъ покровительствомъ, онѣ получаютъ образованіе, свойственное ихъ благородному званію. Нѣкоторыя, не имѣя счастія быть помѣщенными въ институты, воспитываются въ частныхъ пансіонахъ въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Казани, Одессѣ или другихъ мѣстахъ, находящихся не далеко отъ расположенія полковъ, гдѣ служатъ ихъ родители; другія имѣютъ благополучіе получать наставленія въ наукахъ отъ образованныхъ родительницъ, и всѣ онѣ по окончаніи своего ученія вступаютъ въ свѣтъ болѣе или менѣе особами просвѣщенными — и уже отъ вліянія того слоя общества, въ который попадаютъ онѣ, слѣдуетъ дальнѣйшее ихъ образованіе. Но нѣкоторыя изъ дочерей этихъ генераловъ и офицеровъ, по слѣпой привязанности ихъ родителей, выростали дома подъ наблюденіемъ отцевъ, занятыхъ вѣчно службой, и матерей, озабоченныхъ переходами съ квартиры на квартиру; этихъ молодыхъ особъ вы отличите, въ какомъ бы онѣ не были обществѣ, съ перваго раза. Вотъ ежели вы увидите какую нибудь стройную высокую дѣвицу, которая имѣетъ походку Бобелины или выправку гренадера, которая съ важностью идетъ, оглядывая дамъ и кавалеровъ, или которая, какъ-то дерзко вертитъ плечами, точно какъ будто дѣлая налѣво кругомъ — будьте увѣрены, что эта дѣвушка выросла въ лагерѣ, окурена порохомъ и сроднилась съ гармоніей барабана. Попробуйте заговорить съ этими барышнями, и вы удивитесь самому даже ихъ

Digitized by Google

нарочно часто вы услышите изъ устъ ихъ *купечной* вместо купеческій, *масличо* вместо масло, *молочко* вместо молоко, *хрестъ* вместо крестъ и проч. и однако при всемъ громадномъ невѣжествѣ нѣкоторыя изъ нихъ говорятъ по-французски (въ строгомъ смыслѣ разумѣется онѣ не знаютъ этого языка). Сіи барышни вожделѣннаго сословія въ важныхъ случаяхъ своей жизни сохраняютъ всегда маріальный видъ, съ людьми обращаются какъ фельдъ-вебели съ рекрутами, не краснѣютъ когда слышутъ крупно-бранное слово, съ удовольствіемъ остаются одинъ на одинъ съ какимъ-нибудь прапорщикомъ поздно вечеромъ въ тишинѣ густолиственнаго сада, и не оскорбляются, ежели полькируя съ ними, начнутъ плясать нѣчто въ родѣ канкана; людямъ привыкшимъ къ лагерной жизни и шуму, супружество съ ними будетъ не въ тягость, но человѣку съ тихимъ характеромъ, подобная жена будетъ также ощутительна какъ Сократу его Ксантиппа.

Ну теперь съ такъ называемыми благородными невѣстами я могу разстаться: обращаюсь къ сословію купеческому.

На сколько слоевъ, постепенно сливающихся другъ съ другомъ, дѣлится наше дворянское сословіе, почти на столько же раздѣляется и сословіе торгующее, и также неуловимъ переходъ отъ купца-милліонера, аристократа биржи, къ мелкому кустарнику промышленности, какъ и переходъ отъ вельможи къ дворянину, обладающему пятью душами крѣпостныхъ людей. Вы видите двѣ крайности, но гдѣ яркая черта, раздѣляющая ихъ — вы не найдете, а противоположности ощутительны. А потому я не берусь изображать характеристику невѣстъ всѣхъ отдѣленій купеческаго класса, я берусь говорить объ нихъ изъ трехъ самыхъ примѣчательныхъ разрядовъ. Именно объ дочеряхъ нашихъ знатныхъ комерсантовъ, объ дѣвицахъ купечества средней руки, жены котораго ходятъ въ шляпкахъ, а дочери играютъ на фортепіано, и наконецъ о тѣхъ Пашенькахъ, Дашенькахъ и Дунюшкахъ, которыя хотятъ походить на барышенъ и очень огорчаются, что ихъ родители, недавно вышедшіе изъ низкаго состоянія, не могутъ разстаться съ русскимъ нарядомъ, или его признаками.

Дочери московскаго именитаго купечества получаютъ, такъ сказать, дворянское воспитаніе, т. е. или ихъ отдаютъ въ лучшіе пансіоны, или для нихъ нанимаютъ гувернантокъ и берутъ учителей по билетамъ; многія изъ этихъ дѣвицъ совершенно усвоиваютъ тонъ порядочнаго общества, нѣкоторыхъ даже съ перваго взгляда не раз-

Digitized by Google

личить отъ нашихъ молодыхъ аристократокъ, но это только съ перваго взгляда, посмотрите же на нихъ попристальнѣе и вы увидите, что это купчихи; — напримѣръ, ѣдетъ она съ визитомъ, и маменька ея не можетъ утерпѣть, чтобъ не надѣть на свою дочку богатое платье съ волнами изъ тяжелаго пу-де-суа; нарядъ, который въ порядочномъ кругу позволяютъ себѣ только замужнія особы; на балѣ, ежели вы встрѣтите дѣвицу съ какой нибудь странной прической, на которую употреблены и брильянты и жемчугъ, или коса à la S-te Cécile причесана широкой корзинкой, образующей будто бы корону, или напуски à la Darmstadt упадаютъ на плечи, или безчисленные локоны, какъ змѣи на головѣ Медузы шевелятся, прыгаютъ и разсыпаются по всему бюсту, и наконецъ ежели вы услышите запахъ пачули или ессъ-буке, (духи, которые были въ модѣ при дворѣ тому десять лѣтъ) будьте увѣрены, что дѣвица съ этими признаками принадлежитъ къ купеческому сословію, хотя бы она манерилась, какъ наши quasi-аристократы, или важничала какъ дочь богатаго помѣщика, а ежели къ тому вы увидите, что около нея увиваются отпускные гвардейскіе офицеры, наши архивные юноши, матушкины сынки, которымъ надоѣла опека ихъ родительницъ, ежели къ ней, къ этой дѣвицѣ, благосклонно обращаются важные господа со звѣздами, — еще не вступившіе въ бракъ, ежели съ нею полькируетъ холостой полковникъ или букетъ ея держитъ Антонъ Корнѣичъ Врацъ, занимающій нынѣ важное мѣсто, и ступающій каждый шагъ по разсчету, будьте увѣрены, что эта дѣвица богатая невѣста изъ купеческаго сословія. Разумѣется, въ купеческомъ домѣ на все смотрятъ какъ на товаръ; вездѣ разсчетъ, какъ въ дѣлѣ барышей, такъ и въ дѣлѣ браковъ, и сколько невѣстъ дворянскаго сословія губятъ мотовство и тщеславіе ихъ родителей, принуждавшія ихъ выходить замужъ противъ всѣхъ возможностей быть счастливой, такъ въ купеческомъ сословіи губитъ жадность къ капиталамъ и тоже самое тщеславіе — общее людямъ порядочнаго круга. И въ самомъ дѣлѣ, за кого выходитъ богатая невѣста, родители которой торгуютъ на милліоны? Или за такого же капиталиста, какъ и отецъ, или за древнее превосходительство, или за промотавшіеся и прежде времени состарѣвшіяся сіятельства, или за идіотски глупаго сына знатнаго барина, которые, встрѣтивъ образованную и очень богатую дѣвицу, не погнушатся, ради ея красоты, любезности, а главное капитала, взять ее въ супруги, хотя маменька ея называется Ѳеклой Прохоровной, и батюшка по старой привычкѣ надѣетъ горловые звуки за обѣдомъ Англійскаго клуба или Купече-

Digitized by Google

скаго Собранія — онъ, этотъ важный женихъ, возьметъ ее за себя, да ужь непремѣнно оторветъ ее отъ родимой почвы—не запретитъ онъ ѣздить ей къ родителямъ, но такъ устроитъ, что она никогда ихъ не увидитъ; не дурно ей будетъ съ мужемъ, но иногда въ минуты отдыха отъ пустаго треволненія свѣтской жизни, она вспомнитъ и старый отцовскій домъ, который, выстроенный, древними боярами, перешелъ въ руки ея родителя; и теплую дѣтскую; и няню Агаѳовну, которая ей была немного съ родни; и мамочку свою, которая бывало кормила ее съ утра до вечера; и своего отца, и весь этотъ особенный, какъ-то заключенный въ самомъ себѣ, міръ, среди котораго она провела лучшіе, первые годы своей жизни; и какъ ее тамъ любили, какъ ей тамъ завидовали, тамъ она всегда и во всемъ была первая — а здѣсь?... и молодой женщинѣ станетъ грустно, очень грустно—до первой оперы, до перваго бала, а тамъ и пошла опять свѣтская, безтолковая жизнь, среди которой нѣкогда и оглянуться, гдѣ идетъ вѣчный размѣнъ, по мелочи, дружбы, пріязни, долгу общежитія, зависти, ненависти, вражды, гдѣ такъ все ровно, чинно, съ виду весело, внутри пусто.... Но описывать свѣтскую жизнь я не хочу... мнѣ некогда. — Я обращаюсь къ моимъ московскимъ невѣстамъ.

Со мною воспитывались въ одномъ пансіонѣ двѣ дѣвицы изъ богатыхъ купеческихъ домовъ; я была всегда обходительна съ моими подругами, всегда готова была сдѣлать имъ переводъ, подсказать, когда онѣ не знали урока, защитить ихъ отъ насмѣшекъ моихъ товарокъ, которыя забавлялись ихъ первоначальною неуклюжестью и всегдашнимъ расположеніемъ покушать пироговъ, постилы, телятины и прочихъ гостинцевъ, ежедневно присылаемыхъ имъ изъ дома; онѣ объ меня очень любили; къ тому же я не завидовала имъ, что содержательница пансіона баловала ихъ за подарки отцовъ и матерей, а онѣ, учась тупо, не завидовали мнѣ за то, что я была первою ученицей. Когда я вышла изъ пансіона, онѣ горько плакали, разставаясь со мною; признаться сказать, и я, разставаясь съ ними, рыдала, какъ ребенокъ—мы были такъ молоды!!.. Потомъ настала пора моихъ серьезныхъ занятій, тамъ выѣздовъ въ свѣтъ, хлопотъ объ нарядахъ, необходимыхъ въ жизни каждой женщины; тамъ замужство и новые хлопоты какъ самостоятельной хозяйки, и я Глашу и Любочку совершенно потеряла изъ виду, ибо онѣ также вышли изъ пансіона и вращались совершенно въ другой сферѣ, чѣмъ я.

Прошло два года: меня помолвили, и начали мнѣ готовить

Digitized by Google

приданое. И по сію пору какъ я вспомню объ этомъ хлопотливомъ времени, такъ на меня находитъ дрожь; многіе говорятъ, что самое счастливое время въ жизни женщины, это то, когда она бываетъ невѣстой; не знаю какъ другія, но мнѣ нѣсколько мѣсяцовъ передъ моимъ бракомъ показались очень песносны: съ утра до вечера толки съ модистками, портнихами, бѣлошвейками, мебельщикомъ, ювелиромъ, серебряныхъ дѣлъ мастерами; ежедневные выѣзды на Кузнецкій Мостъ, въ городъ, а тамъ посѣщенія подругъ, которыя подъ видомъ участія, раздѣляя ваши радости, пріѣзжаютъ узнавать какъ, что и у кого для васъ шьется и дѣлается; визиты къ роднымъ и близкимъ знакомымъ съ объявленіемъ, что я помолвлена; какое-то неловкое положеніе, какъ дѣйствительной невѣсты, быть у всѣхъ на виду; — а книги, кабинетныя занятія, вся эта тихая жизнь моя, съ которой я сроднилась подъ руководствомъ моего воспитателя, которая такъ необходима для моего спокойствія, безъ котораго я не понимаю счастія, все это надобно было отложить въ сторону!... нѣтъ, по моему мнѣнію положеніе невѣсты самое глупое и хлопотливое положеніе, но дѣло не обо мнѣ, я только мимоходомъ хотѣла сказать, что я была помолвлена и не ради удовольствія, а по обязанности должна была безпрестанно посѣщать магазины.

Въ одинъ изъ этихъ магазиновъ, кажется у Левенштейна, à la ville de Moscou, я занятая выборомъ матерій на платья, погруженная въ созерцаніи богатыхъ лионскихъ тканей, думала о вѣчно грызущихъ насъ тщеславіи и роскоши, мало по малу пожирающихъ наше состояніе и самое семейное счастіе, не обращала на другихъ покупателей никакого вниманія, а около меня давно уже увивалась какая-то дѣвица въ розовой бархатной шляпкѣ, явно вышедшей изъ мастерской г-жи Лебуръ, и въ богатомъ песцовомъ салопѣ. Наконецъ она не выдержала, называя меня по имени, протянула ко мнѣ руку.—Предо мною стояла Глашинька Чернобабкина.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? спросила я ее послѣ первыхъ дружескихъ привѣтствій.

— Покупаю приданое! А ты?

— Я — тоже.

— Поздравляю тебя, за кого ты выходишь?

— За маіора ***скаго полка.

— Твой женихъ хорошъ собою?

— Для меня хорошъ, когда я иду за него.

— Счастливица! ты его любишь!

— А развѣ ты не любишь своего жениха?

Digitized by Google

— Я всего только два раза его видѣла, — И у бѣдной дѣвушки голосъ дрожалъ отъ волненія, а на голубыхъ ея глазахъ сверкнули слезы. Мы обѣ замолчали. Я смутно понимала горе Глашиньки, которая должна была выходить замужъ за человѣка, котораго видѣла только два раза. Я первая прервала молчаніе.

— Кто-же твой женихъ? спросила я ее.

— Купецъ Блинкинъ!

— Богатъ?

— Говорятъ, деньгами и въ домахъ у него есть милліона три серебромъ, онъ Кяхтинскій торговецъ.

— Я думаю и за тобой дадутъ хорошее приданое?

— Батюшка положилъ на тряпки, брилліанты и серебро 15 т. руб. сер. капиталомъ жалуетъ 300 т. руб. сер. да въ вотчинахъ на 200 т. руб. сер.

— Какъ у твоего отца есть деревни?

— Ахъ, нѣтъ, ma chère, у насъ вотчинами называются дома, земли, лѣса, мельницы, однимъ словомъ всякое недвижимое имущество.

Я въ первый разъ слышала что значитъ купеческія вотчины.

— Съ кѣмъ ты здѣсь? спросила меня Глаша.

— Съ отцемъ и съ матерью.

— Отецъ твой служитъ?

— Нѣтъ.

— Ахъ какъ жаль!

— Почему же?

— Да вотъ видишь, у насъ нынче подписывается рядная, батюшка хотѣлъ бы посовѣтаться съ кѣмъ нибудь, такъ да она составлена.

— Это можетъ мой отецъ сдѣлать для твоего, хотя и нигдѣ не служитъ; онъ иногда занимается частными дѣлами.

Глаша подошла къ своему родителю. Евдокимъ Панфиловичъ Чернобабкинъ, былъ мужчина лѣтъ 50; черная густая борода его стала уже серебриться сѣдиной; нѣкогда высокій ростомъ Евдокимъ Панфиловичъ видимо сталъ съ годами горбиться, онъ былъ худощавъ и блѣденъ, движенія его были медленны, вообще съ перваго взгляда въ немъ не замѣтно было энергіи, но ежели кто пристально вглядывался въ эту личность, то вполнѣ увѣрился, что старикъ Чернобабкинъ привыкъ повелѣвать въ домѣ и кланяться въ людяхъ, ежели въ томъ предстояла польза; — его черные глаза какъ-то грозно блестѣли изъ-подъ нависшихъ бровей, когда по-

Digitized by Google

дымались на домашних, а передъ чужими обыкновенно были опущены внизъ; поглаживая бороду, онъ кланялся очень низко, искоса поглядывая на того, кому онъ отдавалъ почтеніе. Евдокимъ Панфиловичъ безпрестанно поправлялъ золотую медаль на Аннинской лентѣ, которая у него висѣла на шеѣ и имѣлъ привычку говорить: «сказалъ такъ вѣрно». Онъ подошелъ къ моему отцу, мы съ Пашей подвинулись изъ между себою, и, предоставивъ имъ разсуждать о дѣлахъ, занялись своимъ разговоромъ. Бѣдная Глаша, она, между разсматриваніемъ подвѣнечнаго платья и блондовой косынки, урывками, въ недосказанныхъ фразахъ, успѣла мнѣ пересказать, что она терпѣть не можетъ Блинкина; онъ такой гадкой, и какъ-то странно моргаетъ... что ей нравится Василій Ивановичъ, главный прикащикъ ея отца... Василій Ивановичъ молодъ, такой хорошенькій и не дурно поетъ, говоритъ по-французски... Она съ нимъ полькировала на послѣднемъ балѣ у крестнаго отца Ефрема Миныча Слазова, вотъ тотъ, что торгуетъ бриллiантами и серебряными вещами... Василій Ивановичъ танцуетъ даже лучше гусарскихъ офицеровъ... очень ученъ — былъ въ Коммерческой Академіи, но очень бѣденъ, не хочетъ даже оставаться въ прикащикахъ, думаетъ опредѣлиться на службу... ее за него не отдадутъ — у него нѣтъ денегъ, нѣтъ купеческихъ вотчинъ. Бѣдная Глаша! ея бракъ есть ничто иное, какъ соединеніе двухъ капиталовъ.

Но мы покупки наши кончили, мать моя, которая также обласкала Глашу, торопилась ѣхать домой, отцы наши переговорили объ дѣлахъ, — совершеніе рядной было отложено, но торжественная помолька неминуемо назначена завтра. Евдокимъ Панфиловичъ приглашалъ и насъ, въ особенности изъ-подъ коска поглядывалъ на меня и на маменьку, которая не большая охотница заводить новыя знакомства, отказывалась отъ этого посѣщенія, но когда увидѣла, что мнѣ очень хочется ѣхать на помольку къ Чернобабкинымъ, согласилась съ удовольствіемъ.

Утромъ въ день самой помолки, Евдокимъ Панфиловичъ и мать Глаши, Дарья Спиридоновна, пріѣхали къ намъ, первая, чтобы познакомиться съ моими родными, второй напомнить намъ объ обѣщаніи быть у него. Такое вниманіе со стороны богатаго куща, матери моей было очень пріятно.

Не знаю почему, но всегда случалось, что кто нибудь изъ насъ, или я, или маменька, или папенька опаздывали одѣваться — ну добро мы съ маменькой женщины, туалетъ нашъ многосложенъ, а папочка — онъ мужчина и никогда не можетъ окончить свой нарядъ въ пять

Digitized by Google

минутъ, а иногда его не дождешься изъ кабинета, — или зачитается, или предъ самымъ отъѣздомъ вздумаетъ курить, и покуда не кончитъ трубки, ни за что не двинется съ мѣста. Такъ случилось и въ тотъ вечеръ, когда мы поѣхали къ Чернобабкинымъ, мы его ждали долго, я просто потеряла терпѣніе, и хотѣла идти въ кабинетъ, да онъ былъ запертъ — маменька же была очень сердита на отца.

— Что это батюшка опять зачитался? спросила она его. Маменька когда не въ духѣ всегда называетъ папеньку батюшкой.

— Зачитался — а что за бѣда?

— Какъ не бѣда, мы съ тобою вѣкъ свой запаздываемъ.

— Вотъ о чемъ заботится, что опаздываемъ, отъ этого насъ не убудетъ, а еще прибудетъ; подумаютъ, что мы съ тобою и Богъ знаетъ какія важныя особы; помнишь генеральша фонъ-Горнъ говорила: кто тѣмъ позднѣе пріѣзжалъ, тотъ тѣмъ важнѣе.

— Да, и ея превосходительство явилась на балъ какъ разъ передъ ужиномъ, сказала съ улыбкой маменька.

— Жаль, что не послѣ ужина, замѣтилъ отецъ, она пріятна какъ горчица.

Маменька улыбнулась въ другой разъ, мы сѣли, карета покатилась, и во всю дорогу папенька не переставалъ каламбурить и острить. Къ дому Чернобабкиныхъ мы всѣ подъѣхали въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Домъ этотъ стоялъ не помню на какой улицѣ, только знаю, что мы всегда проѣзжали мимо его отправляясь съ Арбата, къ брату въ кадетскій корпусъ; онъ былъ каменный, большой трехъ-этажный и по видимому когда-то принадлежалъ какому нибудь знатному барину, неся на себѣ явные признаки вкуса величественной архитектуры графа Рострелли; въ немъ, т.-е. въ домѣ, не было тѣхъ милыхъ, но по правдѣ сказать лишнихъ украшеній, которыя явились къ намъ въ Москву послѣ 1812 года съ тоненькими колонками и трехъ-угольнымъ фронтономъ, какъ форменная шляпа, въ немъ не было ни новѣйшихъ полу-колонокъ и лопаточекъ, до которыхъ охотники наши современные архитекторы, и готовы ихъ лѣпить вездѣ включительно отъ дома вельможи до курятника — нѣтъ, домъ Чернобабкина красовался простыми рустиками, не вычурнымъ карнизомъ, широкими окнами, какою-то массивною стройностью, напоминающей собою архитектурный стиль С.-Петербургскаго зимняго дворца, и великолѣпнымъ порталомъ, надъ которымъ выходилъ балконъ съ чугунною рѣшеткою; на срединѣ парапета, который украшалъ передній фасадъ, было мѣсто для герба, даже этого герба

Digitized by Google

уцѣлѣла часть, именно щитодержатели — левъ и пятерогой олень, но на щитѣ уже не было геральдическихъ изображеній, на немъ блестѣлъ только вензель изъ хитро-переплетенныхъ буквъ Е и Ч, т.-е. Евдокимъ Чернобабкинъ.

Мы вошли въ теплыя широкія сѣни (vestibule) изъ которыхъ мраморная лѣстница, украшенная богатою, чугунною, кистями позолоченною рѣшеткою, вела во второй этажъ; снявши салопы, мы стали подыматься по этой парадной лѣстницѣ, и на первой площадкѣ я невольно остановилась; — я увидѣла, что наверху, изъ лѣвой боковой двери, въ главную-среднюю проходила разодѣтая Глаша въ сопровожденіи своей матери и еще нѣсколькихъ дамъ и дѣвицъ, вѣроятно ея близкихъ родственницъ. У бѣдной невѣсты глаза были заплаканы, она была блѣднѣе полотна, головка моей подруги какъ-то невольно склонилась, и поровнявшись съ перилами верхней площадки, она невольно схватилась за нихъ рукою, казалось она готова была упасть въ обморокъ, а въ другой боковой двери стоялъ молодой человѣкъ, очень приличной наружности въ палевыхъ перчаткахъ, въ черномъ фракѣ — онъ былъ также блѣденъ какъ Глаша; это, какъ послѣ я узнала, былъ Василій Ивановичъ. Когда жертва соединенія двухъ капиталовъ прошла въ парадныя комнаты, мы взошли на верхнюю площадку; я оглядывалась, чтобъ посмотрѣть еще на интереснаго молодаго человѣка, но я уже болѣе не видала его, ни здѣсь, ни въ гостиныхъ Чернобабкина. А между тѣмъ когда мы вошли въ первую, огромную залу, на разостланномъ коврѣ уже стояли женихъ и невѣста, и священникъ читалъ молитвы. Хозяинъ и хозяйка поспѣшили къ намъ навстрѣчу; но я не обращала на нихъ вниманія, мнѣ хотѣлось поскорѣе взглянуть на физіономію жениха; онъ стоялъ къ намъ задомъ и былъ неподвиженъ какъ статуя; она — молилась усердно. — Но вотъ обрядъ кончился, они поклонились трижды въ ноги благословляющимъ ихъ родителямъ. «Теперь можете поцѣловаться» сказалъ священникъ, и женихъ нагнулся, чтобъ облобызать Глашу,— теперь я могла разсмотрѣть его хорошо. Онъ былъ молодъ, но морщины избороздили все его лицо, покрытое пятнами, сѣрые глаза его были, что называется, подслѣповаты — они не имѣли рѣсницъ и страшно какъ-то жмурились, казалось онъ былъ близорукъ; все платье, вѣроятно шитое Рено или Винтерфельдомъ, сидѣло на немъ хорошо, перчатки были настоящія французскія, сапоги изъ лакированной кожи, однимъ словомъ весь костюмъ былъ безукоризненъ и сдѣланъ по немъ, но странное дѣло, онъ какъ-то къ нему не шелъ; эта ничтожная фигура, облеченная въ модное платье, была еще ни-

Digitized by Google

чтоніе; къ тому же Банкинъ какъ-то странно улыбался, изъ-за толстыхъ губъ ослаблѣвшаго рта виднѣлись рѣдкіе желтые зубы; глаза его не выражали радости, лобъ его оставался сморщеннымъ, и вся физіономія представляла нѣчто среднее между улыбкой и гримасой. Только лишь его губы прикоснулись къ губамъ Глаши, она не могла преодолѣть себя, не глядя на грозные взоры, которые кидалъ на нее отецъ, она упала въ обморокъ и только не болѣе какъ черезъ часъ снова явилась въ обществѣ; она была молчалива какъ рѣдко, и въ продолженіе всего вечера ни разу не взглянула на своего жениха, который въ тотъ вечеръ, Богъ знаетъ, почему, сталъ не то чтобы развязенъ, а какъ-то особенно разговорчивъ; онъ необыкновенно махалъ руками, что то безъ умолку разсказывалъ молодымъ людямъ, такимъ же какъ онъ купеческимъ сынкамъ, и тѣ громко хохотали, подлетали къ дѣвицамъ, потомъ, сказавши нѣсколько словъ, снова отходилъ отъ нихъ; онъ долго посматривалъ на меня, повидимому его смущала новая физіономія, и онъ вопреки своему желанію не могъ собраться духомъ, чтобъ заговорить со мною; но наконецъ онъ придрался къ конфетамъ, которыя поднесъ ко мнѣ лакей, и отъ которыхъ я отказалась.

— Мамзель вуле-ву де конфетъ? спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я была очень удивлена подобной фразой, нѣсколько секундъ ничего не могла сказать, но потомъ отвѣчала:

— Покорно васъ благодарю, я не люблю конфетъ.

— Ву парле-ву франсе? снова онъ спросилъ меня.

— Да, я говорю по-французски, но съ русскими я предпочитаю говорить по-русски.

— Вы должно быть умнѣйшаяся барышнясъ, не то что наши-съ, иная и вся та два алтына съ полтиной, а говори съ ними по-французски, а ужь танцовать и не приглашай иначе какъ силь-ву-плэ-дансе, а по нашему просто — угодно на одно колѣнцо и пошелъ ногами выкидывать разныя штуки, эхъ ма!... Несчастный! онъ былъ уже пьянъ, отъ него пахло водкой, шампанскимъ; мнѣ чуть было не сдѣлалось дурно какъ Глашѣ. Потомъ на меня напала страшная тоска, и я упросила своихъ, чтобы они уѣхали до ужина...

Я не писательница романовъ, повѣстей и быдей, а потому и не буду имъ разсказывать исторію Глаши, скажу только, что соединеніе двухъ капиталовъ имѣло сильное вліяніе на мою бѣдную

Digitized by Google

подругу; не смотря на ея покорность судьбѣ, на ея совершенную нетребовательность, на ея способность восхищаться жирными рысаками, чернобурымъ салопомъ, лебуровскими шляпками и аршинными кулебяками; она не перенесла своей участи и недѣли четыре тому назадъ я получила слѣдующій билетъ съ траурными каймами.

«Московскій первой гильдіи купецъ и именитый гражданинъ, «Николай Родіоновичъ Блинкинъ, извѣщая съ душевнымъ прискорбіемъ о кончинѣ супруги своей, Глафиры Евдокимовны, послѣдовавшей 24 мая, всепокорнѣйше проситъ пожаловать на выносъ тѣла «покойницы въ собственный его домъ, состоящій Яузской части, 3 «квартала на Земляномъ валу; отпѣваніе имѣетъ быть въ церкви Св. «Николая, именуемой въ Кобыльскомъ, погребеніе же, въ Алексѣев- «скомъ монастырѣ.»

Бѣдная Глаша! я горько плакала объ моей подругѣ, съ которою, впрочемъ, никогда не была въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Теперь позвольте разсказать вамъ мою встрѣчу съ другой моей товаркой по пансіону. Ее, какъ я говорила выше, звали Любочкой. Чудное, граціозное созданіе была Любочка Долгополова, высокая, стройная, черноволосая съ длинною косою почти до пола, съ блестящими черными глазами, а талія у ней, талія была просто невообразимая: въ перехватѣ, какъ бывало затянется въ корсетъ, выходило двѣ четверти. Никто лучше ее изъ нашего пансіона не танцовалъ качучу и не полькировалъ; училась она плохонько; а потому, что родители мешали. Любочка была худощава; старики Долгополовы думали, что она изнуряется науками, и находя ихъ для своей дочери безполезными, просили не обремепять ее уроками; а Любочкѣ это было на руку, она и такъ была не изъ прилежныхъ, а послѣ этого рѣшительно не развертывала книги, и вмѣсто приготовленія уроковъ, только и дѣла дѣлала, что лакомилась конфектами и разными сластями, да кушала пироги, куличи, сдобныя булки и тому подобное. Однако Августина Карловна (такъ звали нашу воспитательницу) все таки, отъ времени до времени, не могла не возмущаться, что Долгополова ничѣмъ не занимается; ей казалось, что она напрасно за нее беретъ деньги, и въ припадкѣ педагогическаго усердія она ни съ того ни съ сего вдругъ бывало начнетъ у ней спрашивать уроки, и къ завтрашнему дню задастъ какой нибудь мудреный переводъ изъ Поля и Виржиніи: расплачется Любочка, горько расплачется, грозитъ непремѣнно захворать, тихонько няньку пошлетъ за отцомъ и матерью, пріѣдутъ Долгополовы, зовутъ говорятъ Августинѣ Кар-

Digitized by Google

ловнѣ, что Любочку они отдали въ пансіонъ не для того, чтобъ она училась мудренымъ наукамъ, которыя ей никогда въ жизнь и не понадобятся, а для того, чтобъ она въ пансіонѣ повыправилась, да переняла, какъ танцуютъ всѣ танцы.

Развѣ я вахмейстеръ, бывало говоритъ Долгополовымъ разсерженная наша воспитательница, что должна выправить вашу дочь; мой пансіонъ не танцъ-классъ, здѣсь всѣ графини, княгини учатся, твердятъ уроки, а ваша дочь что? всегда будетъ мужикъ; я ее выключу вонъ. И Долгополовы слыша, что княгини и графини твердятъ уроки, просятъ Августину Карловну не выключать ихъ Любочки; ужъ такъ и быть, велѣть ей твердить уроки, только не задавать ей больно тяжелые, а то дитя молодое, пожалуй захвораетъ, тогда и вовсе перестанетъ учиться, навѣкъ испортится, будетъ пропадшій человѣкъ.

— Я знаю что дѣлаю, отвѣтитъ имъ Августина Карловна, посмотрите у меня маленькая Мерсанъ ужъ по исторіи Кайдановой прошла до семилѣтней войны, а ваша Любочка все сидитъ на Ассиріянахъ.

— Матушка Августина Карловна, бывало говоритъ Долгополовъ, вѣдь Мерсанъ то дочь француза, такъ ей всѣ иностранныя науки не почемъ, а мы то русскіе, такъ всякія заморскія трудности намъ и мудрены.

Бывало спорятъ, спорятъ, а кончится тѣмъ, что Любочка должна приготовлять уроки и дѣлать переводы; мать объявляетъ это ей со слезами на глазахъ, дочь горько расплачется, подруги ея надъ ней смѣются, одна только я за нее заступаюсь, понимая, что въ баловствѣ надобно винить родителей, а не дѣтей. Какъ нибудь утѣшу Любочку, помогу въ переводѣ, упрошу учителя Русской словесности, который очень любилъ меня за то, что неукоснительно подбирала примѣры всѣхъ возможныхъ тропъ и фигуръ, чтобъ онъ не очень строго спрашивалъ Долгополову, и попросилъ бы другихъ учителей пожалѣть нашу красивую невѣжу. Петръ Максимовичъ бывало улыбается, скажетъ: «эхъ вы барышня!», но сдѣлаетъ, непремѣнно сдѣлаетъ, о чемъ я его прошу.

Долгополову взяли ея родители изъ пансіона, оскорбившись на Августину Карловну за то, что она не дала ей ни книжки, ни похвальнаго листа за успѣхи въ наукахъ, а они содержательницѣ пансіона подарили на платье. Никогда мы не видали Августину Карловну такою-грозною, какъ въ то время, когда она вошла къ намъ въ классъ, и обратясь къ Любочкѣ грозно произнесла:

Digitized by Google

— Фрейлейнъ Долгополовъ, ваши родители думаютъ, ежели они богаты, то я могла быть несправедлива; за ихъ подарки, я должна находить васъ усердной, быть несправедливой, давать похвальные листы такой лѣнивицѣ какъ вы — я отказалась васъ у себя держать — ступайте собираться домой. Любочка вышла изъ пансіона, но черезъ два мѣсяца мать ея умерла и отецъ снова упросилъ Августину Карловну взять ее къ себѣ.

Въ этотъ короткій промежутокъ времени, съ Любочкой случилась страшная перемѣна—она болѣе не лѣнилась, совершенно перестала лакомиться, держала себя очень серьезно, и отлично занималась науками, въ особенности русскою словесностью и исторіей, часто что-то писала украдкой по ночамъ, и мы думали, что она сочиняетъ стихи; по праздникамъ ее не брали домой, и отца мы даже не видали; въ танц-классъ, какъ бывало прежде, только каждую пятницу, когда у насъ былъ танцовальный урокъ, пріѣзжалъ ея братъ и его пріятель студентъ Перепенкинъ. Этотъ Перепенкинъ привозилъ ей книги, говорилъ ей объ наукахъ, часто бесѣдовалъ съ Августиной Карловной и съ учителями, которые иногда случались въ танцовальной залѣ. Скоро между воспитанницами пронеслась молва, что Любочка и Перепенкинъ влюблены другъ въ друга, что ихъ свадьба непремѣнно будетъ, какъ только онъ кончитъ курсъ въ университетѣ, и прямо отъ вѣнца съ Любочкой уѣдетъ за границу къ своему дядѣ, послѣ котораго онъ единственный наслѣдникъ, а дядя этотъ гдѣ-то въ Италіи торгуетъ на довольно значительный капиталъ, имѣя контору. Другія говорили, что Перепенкинъ непремѣнно вступитъ въ гусары, вмѣстѣ съ Любочкинымъ братомъ, который и днемъ и ночью бредитъ объ эполетахъ и верховыхъ лошадяхъ. Но Любочка улыбалась и увѣряла всѣхъ, что Перепенкинъ очень умѣетъ, чтобъ выдти изъ купеческаго сословія, къ которому принадлежали его дядя и отецъ, что онъ гордится званіемъ просвѣщеннаго комерсанта, что онъ сдѣлаетъ болѣе пользы отечеству оставшись торговцемъ, чѣмъ надѣвая мундиръ военный.

Я вышла изъ пансіона и послѣ уже слышала, что молодой Долгополовъ, прямо со скамьи студента вступилъ въ какой-то пѣхотный полкъ офицеромъ, а Любочка вышла за бригаднаго генерала. Перепенкина я долго не видала, наконецъ спустя года полтора я встрѣтила его въ обществѣ, онъ только лишь вернулся изъ-за границы и получивши въ свое распоряженіе значительные капиталы, основывалъ какое-то огромное торговое предпріятіе на акціяхъ; говорили, что наше правительство ободряетъ планы молодаго чело-

Digitized by Google

вѣка, и находятъ что, осуществленіе ихъ принесетъ большую пользу Россіи, а опытные люди утверждали, что онъ обогатитъ себя и другихъ.

Въ генварѣ мѣсяцѣ, я вышла замужъ; масоѣдъ невидимо промелькнулъ для меня; визиты, балы, вечера, катанья, пикъ-ники не дали мнѣ опомниться. Приближалась масляница и денной балъ въ Благородномъ Собраніи въ субботу. На этомъ балѣ, а прежде и въ Николинъ день, всегда дебютировали своимъ первымъ выѣздомъ въ свѣтъ молодыя дѣвушки, которыя въ тишинѣ классныхъ комнатъ и родительскаго крова доросли до 19 лѣтняго возраста, и поспѣли уже къ выѣздамъ въ большой свѣтъ; здѣсь всегда являлись молодыя дамы, недавно надѣвшія вмѣсто cache-peigne, уборчикъ, а вмѣсто легкаго шарфа, богатую шаль. Какъ истинная москвитянка, я не могла проминовать, чтобъ не быть на этомъ балѣ, въ первый годъ моего замужства; еще заранѣе я стала обдумывать мой туалетъ; всѣ богатыя платья: velours d'impératrice, velours broché, пу-де-суа съ затканными воланами à la reine Victoria, и проч. разорительныя тряпки, мнѣ ужасно надоѣли, я хотѣла быть одѣтой и просто и со вкусомъ. На конференціи съ моей модисткой, мы рѣшили устроить слѣдующій туалетъ: Бѣлое платье изъ moire antique, на головѣ живыя бѣлыя камеліи, въ рукахъ букетъ изъ тѣхъ же цвѣтовъ; вмѣсто брилліантовъ, игра которыхъ всегда теряется днемъ, надѣть опаловый приборъ, руки не оковывать въ браслеты, а надѣть только одну опаловую, да другую эмалевую, первый подарокъ моего жениха съ его портретомъ. Какъ вы видите, мой туалетъ былъ не изъ тѣхъ, которые съ перваго раза бросаются въ глаза, въ немъ было, какъ говорила моя безподобная Сегино: quelque chose de virginal, и въ самомъ дѣлѣ, я такъ была еще недавно замужемъ, что во мнѣ много еще было этихъ дѣвическихъ манеръ, съ которыми трудно разставаться дамѣ, и вмѣстѣ съ этимъ было очень мало самоувѣренности; бѣлый цвѣтъ невинности еще шелъ ко мнѣ какъ нельзя лучше.

Тихо я проходила объ руку съ моимъ мужемъ большую залу Благороднаго Собранія, раскланиваясь съ дамами и принимая поклоны знакомыхъ кавалеровъ; какъ вдругъ подошелъ ко мнѣ молодой пѣхотный офицеръ, съ этою фамильярною развязностью, свойственною пѣхотинцамъ, которые, имѣя состояніе, играютъ значительную роль между своихъ бѣдныхъ товарищей, и избалованные ими, почитаютъ себя великими людьми въ чинѣ прапорщика и женскими сердцеѣдами, потому что дочь помѣщика съ 25-ю душами, Марья

Digitized by Google

Карповна Прогалина, пѣвала для нихъ «Не шей ты мнѣ, матушка», «красный сарафанъ», и мечтала уловить его сердце, выдти за него за мужъ во время квартированія полка въ ихъ отдаленной губерніи.

— Je vous salue, mademoiselle Alexandrine, сказалъ онъ, разшаркиваясь и прихлопывая каблуками.

— А, monsieur Долгополовъ, отвѣчала я, какъ рада васъ встрѣтить! Давно ли вы въ Москвѣ? Рекомендую моего мужа.

— Вы замужемъ! очень радъ познакомиться съ вашимъ супругомъ.

И они раскланялись. Потомъ разговорились каждый о своемъ полку, о своихъ начальникахъ, а между тѣмъ заиграли апель кадрили.

— Смѣю ли я ангажировать васъ на эту кадриль? спросилъ меня Долгополовъ. Я взглянула на моего мужа, мнѣ хотѣлось съ нимъ танцовать эту первую кадриль, но въ глазахъ ѣвнивца я увидѣла такую радость, что онъ можетъ избавиться отъ этого наказанія, что я не колеблясь протянула руку Долгополову, и мы стали съ нимъ въ кругъ танцующихъ. Ви-за-ви съ нами танцовалъ каммеръ-юнкеръ баронъ Б***, самый фашіонебельный кавалеръ аристократическаго круга, и молодая дама, одѣтая въ бархатное платье ярко-фіолетоваго цвѣта; дорогая блондовая берта гарнировала открытый воротъ, на головѣ бриллiантовая діадема, на шеѣ такое же колье, руки унизаны браслетами, изъ которыхъ одна отличалась своей необыкновенной вычурностію — она была сдѣлана въ видѣ лавроваго вѣнка изъ зеленой эмали, лавровыя ягодки изображали крупные солитеры, и эти богатые лавры переплетали обнаженный мечъ, рукоятка котораго была сдѣлана изъ бриллiантовъ же — на молодой барынѣ. конечно было болѣе чѣмъ на 30 т. р. с. драгоцѣнныхъ камней. Это была бывшая моя подруга Любочка. Она пополнѣла, держала себя съ какою-то важностью, поднимила къ верху свои плечи и медленно двигалась. Но увидѣвши меня, она обрадовалась, совершенно измѣнила тонъ своего обращенія: она сдѣлалась непринужденно весела, и зарѣзвилась какъ ребенокъ. Во время еще кадрили. мы успѣли перекинуться съ нею нѣсколькими привѣтствіями и спросить кой о чемъ другъ у друга; еще во время кадрили братъ ея мнѣ передалъ, что она замужемъ за его начальникомъ генералъ-маіоромъ Б***, что за ней дали въ приданое два каменные дома, 150 т. р. с. капиталомъ, и однихъ бриллiантовъ, кромѣ другаго приданаго, на 40 т. р. с., что Любовь Павловна вращается въ высшемъ аристократическомъ кругу, и недавно была въ нашей Свер-

Digitized by Google

ной столицѣ и проч. и проч. Какъ только кончили кадриль, мы схватили другъ друга за руки, ушли въ боковые залы. Любочка безъ дальнѣйшихъ привѣтствій раскланивалась съ знакомыми ей дамами, изъ которыхъ иныя по своимъ лѣтамъ, богатству и чиновности супруговъ пользовались большимъ значеніемъ въ свѣтѣ; но ей было не до нихъ; размѣниваясь съ ними поклонами, она спѣшила далѣе, чтобъ найти уединенный уголокъ, въ которомъ мы могли бы наговориться до сыта.

— Chère amie, говорила она, пожимая мою руку, какъ я рада, что тебя вижу, съ какимъ удовольствіемъ я встрѣчаю все, что было нѣкогда дорогаго моему сердцу, а вѣдь я въ пансіонѣ обожала тебя не на шутку.

— Какъ ты похорошѣла, Любочка, говорила я, смотря на ея вполнѣ развившуюся красоту.

— Mercі за комплиментъ. — Ты замужемъ?

— Да.

— За кѣмъ?

Я назвала ей своего мужа.

— Твой мужъ молодъ? хорошъ собою? Ты вышла за него по любви?

— Да, онъ не старъ; хорошъ ли собой, ты, увидя его, будешь судить сама; вышла я дѣйствительно по любви, но не по влюбленности.

— То-есть ты осталась прежнею Сашенькою ***вой, дѣвушкою благоразумной, маленькимъ профессоромъ, но такою же безстрастною рыбою, какъ была.

Я не могла не расхохотаться надъ этою ея выходкою.

— Ты ошибаешься, Любочка, отвѣчала я, ежели бы я была безстрастная, то ни за что не пошла бы замужъ: повѣрь мнѣ, что жизнь дѣвушки всегда во сто разъ спокойнѣе жизни замужней женщины.

— А! такъ ты была влюблена — ну такъ разскажи же мнѣ романъ твоей любви.

— Я уже прежде говорила, что не была влюблена; у меня не было бреду, мечтаній; ни одурѣвающей горячки страстей; мнѣ понравился человѣкъ; я видѣла, что онъ ко мнѣ не равнодушенъ; я сама полюбила его, и потому вышла за него замужъ; все это совершилось очень тихо, просто, какъ слѣдуетъ быть между благоразумными людьми. Потомъ я разсказала ей откровенно о томъ, что она называла моимъ романомъ. — За откровенность она отвѣчала

Digitized by Google

мнѣ взаимною откровенностью; мы совершенно забыли, что около насъ кипѣлъ великолѣпный балъ, гремѣла музыка, танцовали парадныя пары, завязывались страстныя обожанья, устроивались будущія супружества, разстроивались супружества настоящія, удовлетворялись тщеславія оскорбленныхъ самолюбій, блаженствовали нѣкоторые, скучали многіе. Мы говорили съ упоеніемъ, съ ненасытнымъ аппетитомъ, потому что говорили о себѣ; а къ намъ приближался высокій ростомъ, довольно толстый генералъ. Брови его превосходительства морщились какъ у Юпитера Олимпійскаго, когда вѣтренная Геба, позабывши поднести нектаръ его юпитерству, нечаянно пролила его на землю.

— Любовь Павловна! это ни на что не похоже, сказалъ онъ своей женѣ: васъ тамъ спрашиваетъ и княгиня Марья Александровна, и старая и молодая графини, и Варвара Дмитріевна, а вы забились сюда.

Любочка переконфузилась какъ ребенокъ, пойманный въ шалости.

— Это моя подруга, отвѣчала она; рекомендую тебѣ — она недавно вышла за военнаго.

— Очень радъ познакомиться? Гдѣ вашъ супругъ служитъ?

— Въ одномъ корпусѣ съ вашимъ превосходительствомъ, въ ***скомъ полку.

— А! это во второй дивизіи; въ какомъ онъ чинѣ?

— Маіоръ.

— О! и его превосходительство посмотрѣлъ уже на меня немного внимательнѣе.

Въ это время подошелъ къ намъ и мужъ мой. Я его представила Любочкѣ и ея супругу.

— Вы командуете баталіономъ? спросилъ его генералъ.

— Теперь, ваше превосходительство, нѣтъ: я состою при штабѣ.

Состоять при штабѣ! знаете ли вы всю важность этого слова для фронтоваго начальника какой-нибудь части? Состоять при штабѣ — это значитъ пользоваться особеннымъ довѣріемъ корпуснаго командира, имѣть вліяніе на управленіе войскъ, быть въ состояніи сдѣлать много тѣхъ маленькихъ услугъ, которыя вездѣ такъ дорого цѣнятся. — И генералъ Б*** пріятельски пожалъ руку офицеру, состоящему при штабѣ.

Когда же ко мнѣ подошелъ главный нашъ начальникъ, когда его высокопревосходительство, оказывая мнѣ вниманіе, вѣроятно за

Digitized by Google

службу моего мужа, осыпалъ меня комплиментами, супругъ Любочки сдѣлался до чрезвычайности ко мнѣ ласковъ. Я внутренно смѣялась надъ перемѣною его обращенія и радовалась, что онъ ни для какихъ на свѣтѣ графинь, ни для княжны Маріи Алексѣевны, ни для Варвары Дмитріевны, не оторветъ отъ меня бывшую мою подругу. И дѣйствительно она осталась со мною. Она была все та же простодушная откровенная Любочка, какою была и прежде. Она мнѣ призналась, что исполнила волю честолюбиваго отца,—она вышла за мужъ за генерала, къ которому не имѣетъ никакого сочувствія, потому что его превосходительство или не хотѣлъ, или не умѣлъ привязать къ себѣ своей жены; что она тяготится повелительнымъ характеромъ своего супруга, который и дома съ такою же деликатностью и также громосласно командуетъ, какъ на разводѣ, и не рѣдко упрекаетъ ее купеческимъ происхожденіемъ, и самъ не имѣя ни малѣйшаго понятія о свѣтскихъ приличіяхъ, въ обществѣ сбиваетъ ее только съ толку; къ тому же непомѣрно важничаетъ своимъ генеральскимъ чиномъ и не даетъ ей возможности сблизиться съ людьми для нея пріятными или полезными; однимъ словомъ, жизнь моей генеральши была жизнь не розовая. Къ тому же, его превосходительство начинаетъ часто прихварывать, и въ будущности, при ея цвѣтущей молодости, ей грозило вдовство, обремененное заботами о малолѣтныхъ дѣтяхъ, а ко всему этому ей было душно въ непривычной для нея военно-аристократической сферѣ. Я легонько коснулась о бывшихъ ея отношеніяхъ съ Перепенкинымъ. Слава Богу, они не имѣли никакого вліянія на сердечную жизнь Любови Павловны, но мнѣ показалось непріятнымъ, что послѣ, разставшись со мною, она безпрестанно полькировала, вальсировала, танцовала кадрили, а потомъ и мазурку съ молодымъ адъютантомъ своего мужа, ловкимъ, но пустымъ военнымъ фатомъ, и вмѣстѣ съ нимъ, да со своей пріятельницей, молодой графиней, о чемъ-то шушукали втроемъ. Слыхала я про эту графиню! и мнѣ стало жаль Любочки, какъ бабочки, которая неосторожно летаетъ около зажженной свѣчи.

Но послѣ этихъ двухъ эпизодовъ, которые я позволила себѣ разсказать вамъ, любезный читатель, обращаюсь снова къ моимъ московскимъ невѣстамъ. На чемъ мы остановились? Да, теперь слѣдуетъ изобразить характеристику невѣсты изъ купеческаго сословія втораго разряда. Эти дѣвицы, какъ и аристократки втораго сорта, болѣе или менѣе получаютъ образованіе, общее всѣмъ зажиточнымъ дѣвицамъ, т.-е. говорятъ по-французски, танцуютъ польку, читаютъ

Digitized by Google

романы, но уже преимущественно русскіе, въ особенности любятъ Ивана Выжигина, сочиненія г. Булгарина, перепутанные разсказы Зотова, не чуждаются повѣстей Воскресенскаго. Онѣ очень рѣдко выходятъ замужъ за купцовъ; богатые капиталисты ихъ не берутъ, а торговцевъ средней руки онѣ избѣгаютъ сами, да и умно дѣлаютъ; онѣ были бы плохія для нихъ помощницы, а потому болѣе выходятъ замужъ за полу-извѣстныхъ докторовъ, военныхъ, чиновниковъ, инженерныхъ офицеровъ и промотавшихся молодыхъ помѣщиковъ; не рѣдко эти браки устрояетъ какая-нибудь сваха, которая всѣмъ и каждому кажетъ свою невѣсту или въ церкви или на гуляньѣ. По прошествіи 22 лѣтъ, ежели онѣ еще не вышли замужъ, онѣ жестоко влюбляются по большой части въ студентовъ, не рѣдко въ отцовскихъ прикащиковъ, а иногда и въ какого-нибудь сосѣда, который ихъ прельщаетъ игрою на гитарѣ и пѣніемъ нѣжныхъ пѣсенъ въ родѣ: «Чѣмъ тебя я огорчила». Часто любовь эта оканчивается весьма трагическимъ образомъ; но какимъ — я не буду разсказывать, чтобъ меня не назвали сплетницей.

Лавочники, торговцы изъ шкапчиковъ «ножевой линіи» и гостинаго двора, содержатели мелкихъ трактировъ и харчевней, разбогатѣвшіе съемщики постоялыхъ дворовъ. однимъ словомъ все, что только еще не кинуло православную бородку, торгуетъ на какіенибудь 10,000 руб. сер., ступаетъ съ копейки на копейку, наживая рубль, вчера только вылѣзло изъ грязи поденьщиковъ, а сегодня уже мечтаетъ стать плечо въ плечо съ богатымъ купцомъ, и разсчитываетъ впередъ, покрайней мѣрѣ, на три сдѣлки съ своими кредиторами, все это сословіе продавцевъ я отношу къ 3-му разряду московскаго купечества, дочери котораго рѣшительно не получаютъ никакого образованія, съ трудомъ читаютъ, и едва едва подписываютъ свое имя, но также хотятъ казаться барышнями, носятъ городскія шляпки, щеголяютъ въ мантильяхъ, которыя называютъ «прикидками», учатся танцовать французскую кадриль, въ Сокольникахъ или въ паркѣ, ходятъ съ распущенными зонтиками, даже когда нѣтъ солнца, громко говорятъ другъ другу «алонъ ма шеръ» и «екъ-у-те», и очень радуются, когда извощики называютъ ихъ барышнями, а кухарка Маланья — разкрасавицами; по примѣру матушекъ, онѣ сильно употребляютъ бѣлилы и румяны, и тихонько отъ родителей курятъ безпощадно Бостанжогловскія папиросы. Главное ихъ достоинство—умѣть торговаться съ разнощиками, вязать бисерные шнурки, вышивать въ пяльцахъ. Онѣ обыкновенно вы-

Digitized by Google

ходятъ замужъ или за такихъ же лавочниковъ, какъ ихъ отцы, или за богатыхъ прикащиковъ, за квартальныхъ поручиковъ, за дворецкихъ барскихъ домовъ и тому подобныхъ людей, и глядя какъ ходитъ ихъ мужъ съ бородой или безъ бороды, онѣ остаются въ шляпкахъ съ прибавкою неимовѣрно огромныхъ чепцовъ или повязываютъ голову шелковымъ платочкомъ. Лучшія и скромнѣйшія изъ нихъ выходятъ за торговцевъ второй руки.

Кромѣ русскаго купечества, въ Москвѣ есть особая колонія иностранныхъ торговцевъ. Эта колонія также дѣлится на нѣсколько кружковъ или слоевъ общества. Разумѣется, первое мѣсто занимаютъ банкиры и оптовые торговцы. Всѣ эти люди, съ болѣе или менѣе значительнымъ состояніемъ, дѣтямъ даютъ прекрасное воспитаніе; дочери ихъ, по справедливости, почитаются богатыми невѣстами, но вмѣстѣ съ тѣмъ невѣстами, для русскихъ, трудно доступными. Иностранцы не заражены чинолюбіемъ, и вмѣстѣ съ этимъ не отдадутъ свою дочь за человѣка незначительнаго: имъ надо или громадное богатство или европейскую славу, или необыкновенную предпріимчивость, а все это рѣдко встрѣтишь во всѣхъ классахъ нашего общества; большинство дворянъ нашихъ обременены долгами, наши ученые и художники не умѣютъ заставить говорить о себѣ жадную до слуховъ Европу, наши торговцы лишены всякой предпріимчивости и крѣпко держатся дѣдовской пословицы «домашняя копейка лучше дальняго рубля». Правда, случаются и здѣсь браки съ русскими, но тутъ можно навѣрно сказать, дѣйствовала всемогущая любовь, которая шла на перекоръ всѣмъ препятствіямъ и предразсудкамъ, и послѣ многихъ затрудненій достигла своей цѣли, и счастливы тѣ изъ моихъ соотечественниковъ, которые могли себѣ вырвать жену изъ этого недоступнаго, какъ будто бы зачарованнаго для нихъ круга, ибо сколько я ни встрѣчала дѣвицъ иностранцевъ, почти всѣ онѣ получали прекрасныя манеры, основательное воспитаніе, и многія изъ нихъ были превосходныя пѣвицы, піанистки и рисовальщицы, однимъ словомъ, онѣ обладали всѣмъ, что можетъ украсить жизнь богатой женщины и вмѣстѣ съ этимъ онѣ имѣли понятіе о хозяйствѣ, не гнушались заглянуть на кухню, не пренебрегали людьми гораздо ихъ ниже по состоянію и образованію; онѣ съ одинаковымъ удобствомъ могли быть женами вельможныхъ баръ и скромныхъ торговцевъ, но, по преимуществу, вездѣ онѣ были бы женщины и женщины обворожительныя, скромныя, образованныя, которыя никогда бы не допустили корыстныхъ наемниковъ заниматься воспитаніемъ своихъ дѣтей, и поняли бы будучи во всякомъ состояніи, къ чему онѣ должны готовить своихъ наслѣдниковъ.

За семействами этихъ оптовыхъ капитальныхъ торговцевъ, слѣдуютъ иностранцы или сдѣлавшіеся только временными купцами, или окончательно принявшіе русское подданство, но сохранившими

Digitized by Google

еще типъ своего чужеземнаго происхожденія. Дѣвицы этого круга не получаютъ того изящнаго образованія, объ которомъ я говорила сейчасъ, подобно дочерямъ богатыхъ негоціантовъ; — онѣ, эти иностранки второй руки, носятъ уже на себѣ отпечатокъ своего купеческаго происхожденія; онѣ имѣютъ бо̀льшее понятіе о Gross Buch, чѣмъ о наукахъ; основательнѣе знаютъ конторскія дѣла, чѣмъ искусства; у нихъ уже менѣе лоску, очаровательности, той изящной женственности, которая преимущественно принадлежитъ богатству и серьезнымъ занятіямъ науками и художествами; но не смотря на это, въ этихъ второстепенныхъ молодыхъ иностранкахъ есть еще много прекраснаго; онѣ не уступятъ любой нашей барышнѣ въ образованіи и многихъ превзойдутъ своей граціозностью; въ пониманіи же жизни, какъ она есть, въ возможности обойтиться безъ роскоши, въ знаніи той мелкой экономіи, которая доставляетъ многія удобства семейству, и въ умѣньѣ, эти хозяйственныя дрязги прикрыть изящными манерами, онѣ окончательно превосходятъ бо̀льшую половину моихъ милыхъ соотечественницъ. Невѣсты изъ этого круга гораздо доступнѣе первоклассныхъ. Онѣ могутъ быть и бываютъ прекрасными подругами своихъ земляковъ, нашихъ ученыхъ, художниковъ, купцовъ, офицеровъ, въ особенности корпусныхъ, но почти ни одна изъ нихъ не могла быть хорошею женою помѣщика — онѣ не умѣютъ быть барынями, не постигли положенія нашихъ крѣпостныхъ людей; не понимая значенія слова *домочадцы*, онѣ смотрятъ на своихъ слугъ, какъ на невольниковъ; онѣ очень взыскательны, строптивы и не умѣютъ привязать къ себѣ русскаго человѣка, который иногда, и душой и тѣломъ предается своимъ господамъ, гордится ихъ благостояніемъ, важничаетъ ихъ значеніемъ, огорчается ихъ неудачами, и не рѣдко съ горя спивается съ кругу, перейдя отъ одного господина къ другому, хотя у прежняго барина отличался примѣрною трезвостью. Не столько еще наша прислуга любитъ своихъ баръ, какъ барынь; добрая барыня, т.-е. которая по человѣчески обращается съ своимъ лакеемъ и горничной, которая не кричитъ дома, какъ чортъ въ болотѣ, которая, взыскавши за вину, не попрекаетъ ею цѣлый мѣсяцъ, которая любитъ порядокъ, и вмѣстѣ съ этимъ понимаетъ, что прислужникъ или прислужница не есть машина, лишенная желанія, однимъ словомъ женщина, не утратившая своей женственности, не сосредоточившая въ одномъ эгоизмѣ всѣ человѣческія чувства,—называется доброю госпожею и любима своими домочадцами, — но иностранка до этого достигнуть не можетъ; для ея заморской гордости, русскій человѣкъ—полуобразованная скотина; она пренебрегаетъ имъ, не удостоиваетъ входить въ его надобности; ихъ не связываютъ невидимыя нити взаимнаго расположенія другъ къ другу, и за пренебреженіе русскій человѣкъ платитъ нелюбовью, часто доходящею до ненависти. А потому я не совѣтую нашимъ помѣщикамъ жениться на чужеземкахъ онѣ не нашей крови, не нашей повадки — онѣ не

Digitized by Google

поймутъ того славяно-русскаго соединенія, которое связываетъ неразрывными узами помѣщиковъ съ ихъ крѣпостными людьми.

Иностранныя дѣвицы третьяго класса, т.-е. дочери магазинщиковъ, мелочныхъ торговцевъ, прикащиковъ и тому подобные люди, получаютъ только первоначальное образованіе, а потому принимаются снискивать хлѣбъ свой своими трудами; онѣ или садятся за контору, или дѣлаются demoiselle de magasin, или принимаются за иголку и дѣлаются отличными искусницами нарядовъ и модъ; счастливы онѣ, ежели, не увлеченныя соблазномъ, тщеславіемъ, нарядами, остаются въ своемъ состояніи, безчестіемъ не покупаютъ роскоши, безславіемъ не добиваются удовлетворенію своихъ прихотей, а просто выходятъ за мужъ за такихъ же ремесленниковъ, прикащиковъ, какъ ихъ отцы, и, копя по немногу капиталы, заводятъ гдѣ нибудь магазинъ, который при ихъ аккуратности мало по малу увеличивается, переходитъ на другое мѣсто, и послѣ многихъ лѣтъ честнаго труда, онѣ мелочную торговлю мѣняютъ на торговлю болѣе значительную, оставляютъ дѣтямъ порядочные капиталы, съ которыми тѣ могутъ пускаться въ обороты, когда ихъ родители удаляются на покой или на родину, внутренно сознаваясь, *что Россія славная земля, гдѣ можно хорошо жить и нажиться.* Но повторяю, горе той красивой иностранкѣ, которая безъ труда вздумаетъ замѣнить свое марселиновое платье бархатной робой, соломенную шляпу, издѣліемъ г-жи Дюбуа, скромнаго извощика-калибера рысаками Хованскаго, которая поддается искушенію соблазна и кинется въ объятія порока: — этимъ путемъ она вѣрнѣе всего достигнетъ, на старости лѣтъ, до богадѣльни или печальной смерти на больничной кровати.

Наше мѣщанство бритое или мѣщанство съ православной бородкой не воспитываетъ, а выростаетъ своихъ дочерей для работы, прислугъ и послугъ. Блаженство дѣвушки мѣщанскаго сословія составляетъ пирогъ въ воскресенье, новое платье къ Святой и Рождеству и салопъ на заячьемъ, крашеномъ, мѣху. Удовольствіе: прогулки въ Марьиной рощѣ, чай въ Сокольникахъ съ какимъ-нибудь Иваномъ Трифоновичемъ или Петромъ Ермиловичемъ и щелканье орѣховъ подъ Новинскимъ. Цѣль жизни не быть голодной, имѣть хотя полтину въ карманѣ, и ежели возможно съ меньшимъ трудомъ зарабатывать большую плату. Верхъ благополучія выдти замужъ за мастероваго, который самъ обзавелся хозяйствомъ, пить въ сутки десять разъ чай и сплетничать съ своими подругами.

Въ болѣе низшіе слои общества я не спускаюсь, потому что не имѣю возможности за ними наблюдать даже и мелькомъ, и окончивъ мой разсказъ о московскихъ невѣстахъ, въ слѣдующей статьѣ буду говорить о женихахъ.

Александра С. Ш.

Digitized by Google

ЧЕРДАКЪ.

(Изъ Беранжé)

Я посѣтить пришелъ пріютъ, гдѣ жилъ бывало;
Въ немъ бѣдность и нужда мнѣ выпали на часть;
Мнѣ было двадцать лѣтъ, и жилъ я какъ попало,
Имѣлъ любовницу, друзей, и къ пѣснямъ страсть.
Не дороже ни чѣмъ, ни свѣтомъ, ни глупцами,
Безъ видовъ въ будущемъ, лишь юностью согрѣтъ,
Въ шестой этажъ, я взбѣгивалъ прыжками, —
На чердакѣ живется, въ двадцать лѣтъ!

Да, это тотъ чердакъ, что у сердца въ поминѣ;
Стояла тутъ кровать, тверда и страсть плоха,
Тутъ столикъ мой торчалъ, и на стѣнѣ, понынѣ,
Есть, углемъ писанныхъ, монахъ два полстиха.
Предстаньте радости, и годы молодые!
Крылами времени, васъ сѣяло, васъ нѣтъ!
Для васъ закладывалъ часы я въ дни былые,—
На чердакѣ, живется въ двадцать лѣтъ!

Я помню какъ порой Лизета здѣсь чудесить,
И въ шляпкѣ свѣженькой, вертлява и свѣжа;
Какъ будто вижу я, какъ шалью занавѣсить
Она мое окно;—и голову
Склоняетъ мнѣ на грудь, и шепчетъ свой привѣтъ,
Потомъ ужъ я узналъ, кто наряжалъ плутовку....
На чердакѣ живется въ двадцать лѣтъ!

Digitized by Google

На этомъ чердакѣ, я разжился когда-то:
Съ друзьями бражничать, мы собрались сюда;
Вдругъ вѣсть до насъ дошла, что всѣмъ намъ было свято:
Горитъ подъ Маренго побѣдная звѣзда!
Сливалась наша пѣснь съ побѣднымъ пушекъ громомъ.
Ктобъ думать могъ тогда, что послѣ всѣхъ побѣдъ,
Союзныя войска нагрянутъ къ намъ съ погромомъ,—
На чердакѣ живется въ двадцать лѣтъ.

Прощай былой пріютъ! Здѣсь умъ зашелъ за разумъ.
Далеки эти дни, о нихъ взгрустнулось мнѣ.
Остатокъ дней моихъ готовъ отдать я разомъ
За мѣсяцъ прожитой на этой вышинѣ.
Чтобъ могъ я воскресить, все то, что прежде было,
И славу и любовь, все чѣмъ насъ тѣшилъ свѣтъ,
Что чаровало жизнь, что сердце веселило,—
На чердакѣ живется въ двадцать лѣтъ.

А. Башиловъ.

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND TILDEN FOUNDATIONS

Digitized by Google

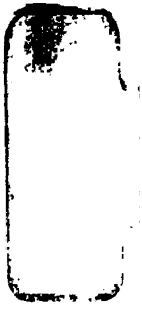
Digitized by Google

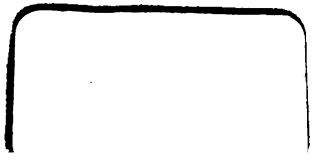
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

FEB 21 1903





Digitized by Google

Digitized by Google